

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ
НАУЧНОМ ЗНАНИИ

МАТЕРИАЛЫ
XXXIII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Москва, 2020

XXXIII

2020

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Высшая школа источниковедения,
вспомогательных и специальных
исторических дисциплин

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Отдел специальных исторических
дисциплин

*К 100-летию со дня рождения
Елены Ивановны Каменцевой*

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ**

Материалы
XXXIII Международной научной конференции

Москва
2020

УДК 930(08)
ББК 63.2
В 85

Редакционная коллегия:

*С.В. Зверев, Е.В. Казбекова (отв. секретарь), Н.А. Комочев,
И.Г. Коновалова (отв. ред.), Е.В. Пчелов (отв. ред.),
Д.Н. Рамазанова, Б.Л. Фонкич, А.А. Фролов,
К.С. Худин, А.П. Черных, Ю.Э. Шустова*

Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXIII Международной научной конференции. Москва, 2020 г. / Отв. ред. И.Г. Коновалова, Е.В. Пчелов; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Высшая школа источниковедения, спец. и вспомогат. ист. дисциплин; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории. – М.: ИВИ РАН, 2020. – 494 с.

В докладах и тезисах на основании новых исторических источников рассматриваются актуальные проблемы таких вспомогательных исторических дисциплин, как палеография, историческая хронология, историческая метрология, историческая география, генеалогия, ономастика, сфрагистика, геральдика, нумизматика и др., освещаются проблемы истории естественно-научного знания, история и историография вспомогательных исторических дисциплин. Большое место уделяется исследованиям по истории книжной культуры, приказного делопроизводства.

Для специалистов в области гуманитарного знания, истории, источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин, историографии.

Научное издание

ISBN 978-5-94067-510-5

- © Институт всеобщей истории РАН, 2020
- © Российский государственный гуманитарный университет, 2020
- © Редколлегия, составление, 2020
- © Коновалова И.Г., Пчелов Е.В., общая редакция, 2020
- © Казбекова Е.В., оригинал-макет, 2020

Памяти Е.И. Каменцевой

S. K. Ammerly

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Очередная Международная научная конференция «Вспомогательные исторические дисциплины в современном гуманитарном знании», которая проводится совместно Высшей школой источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ и Отделом специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН, двумя ведущими научными центрами в области изучения вспомогательных (специальных) наук истории, посвящена памяти выдающегося учёного, профессора ИАИ РГГУ Елены Ивановны Каменцевой (1920–2004), столетие со дня рождения которой приходится на 2 октября 2020 г.

На протяжении многих десятилетий имя Елены Ивановны прочно ассоциировалось с самим понятием «вспомогательные исторические дисциплины». Она была крупнейшим специалистом в этой области, которая, кстати сказать, отнюдь не пользовалась благосклонностью со стороны официальной советской историографии. И то, что это направление сохранялось и развивалось в отечественной исторической науке – во многом заслуга именно Елены Ивановны.

Е.И. Каменцева – автор классических учебных пособий по целому ряду вспомогательных исторических дисциплин: хронологии, исторической метрологии, сфрагистике и геральдике (два учебника написаны ею совместно с Н.В. Устюговым), которые не утратили своего значения даже сегодня. Она профессионально занималась исследованиями практически по всему спектру вспомогательных исторических дисциплин – от палеографии до нумизматики, от метрологии до эмблематики, а уже в новых исторических условиях много сделала для возрождения прежде «гонимых» из них (как, например, геральдики), а также и памяти об учёных, ими занимавшихся. Она сама была наследницей лучших традиций русской исторической школы, привитых её учителями, старшим поколением преподавателей Историко-архивного института. И она смогла сохранить эти традиции, пронести их через десятилетия и передать их нам.

Настоящая конференция является одновременно и данью её памяти, и заделом на будущее, поскольку открывает новые перспективы для вспомогательных (специальных) исторических дисциплин на новом этапе отечественной и мировой исторической науки.

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

*В.Ю. Афиани, к.и.н., доц., руководитель
Научно-информационного центра АРАН*

Цифровая археография – новые возможности и новые проблемы

Исторические документы во все возрастающих масштабах размещаются в Интернете и публикуются на отдельных носителях информации (CD-ROM, DVD-ROM). В этом процессе участвуют как профессиональные историки, археографы, архивисты, так и многочисленные любители истории. Мотивы, методы и цели интернет-публикаций документов, их формы чрезвычайно разнообразны. Возникают масштабные проекты, которые ставят себе задачу размещения электронных ресурсов с крупными комплексами исторических документов, в том числе «самых значимых» для отечественной истории – «Электронная библиотека исторических документов Русского исторического общества», «100 главных документов российской истории», «100 раритетов российской истории». Ведущую роль продолжают играть Росархив и федеральные архивы с такими проектами как «Победа», «Документы советской эпохи» и др. Накопленный практический опыт анализируется исследователями (Е.А. Белоконь, А.Г. Варфоломеев, Ю.В. Грум-Гржимайло, А.В. Захаров, А.С. Иванов, И.В. Кравцов, Е.В. Олимпиева, И.В. Сабенникова, Ю.Ю. Юмашева и др.).

Информационные технологии оказывают влияние на все этапы археографической работы, на состав и содержание публикаций, начиная с выявления литературы и предшествующих документальных публикаций по теме в Интернете, ознакомления с описями на сайтах архивов и др. Формы интернет-публикаций документов разнообразны: репринты (переиздания) сборников документов, виртуальные выставки, web-версии полнотекстовых баз данных (*Боброва Е.В.* Анализ археографического уровня подготовки документальных публикаций в российском сегменте Интернет // Информационной бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2002. № 30. С. 80–84). Практика дает и другие примеры форм публикации документов.

В первую очередь, информационные технологии дают возможность подготовки мультимедийных публикаций, включающих тек-

стовые, изобразительные, фото-, видео- и аудиодокументы. Еще одна важная возможность для публикатора – подготовка факсимильных публикаций документов, размещение оцифрованных документов (их электронных или сканированных копий) в Интернете. Этой возможностью широко пользуются публикаторы.

Примеры научного типа интернет-публикаций связаны в большей степени с репринтными публикациями, переизданиями в электронном формате ранее изданных сборников документов. В ряде случаев материалы сборников перерабатывались, дополнялись оцифрованными документами, системой навигации (*Раскин Д.И.* Электронная гипертекстовая публикация документов: из опыта РГИА // Отечественные архивы. 2015. № 2. С. 31–34; *Федотова И.Ю.* Создание электронных документальных публикаций (из опыта работы ПермГАНИ) [Электр. ресурс]. URL: <https://www.permgaspi.ru/publikatsii/vystupleniya-sotrudnikov/sozдание-elektronnyh-dokumentalnyh-publikatsij.html>). Есть примеры научных публикаций и древнерусских документальных памятников (Древнерусские берестяные грамоты [Электр. ресурс]. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/about-site/>; Манускрипт. Славянское письменное наследие [Электр. ресурс]. URL: <http://mns.udsu.ru/>).

Расширяются возможности публикации больших комплексов документов разных типов и видов. Публикатор в отборе документов электронного издания становится значительно свободнее. Он не связан с формальными и финансовыми ограничениями, влияющими на конечный объем сборника. Это может, в частности, «реанимировать» такой тип публикации как пофондовую. Облегчается публикация, например, всех редакций одного и того же документального памятника. А оцифровка документа расширяет возможности палеографа, лингвиста, позволяя многократно увеличивать любые фрагменты текста для более точного прочтения сложных текстов, различного рода исправлений и т. п. Это помогает в работе по передаче текста документов и в подготовке текстуальных примечаний.

При подготовке гипертекстовых публикаций, полнотекстовых баз данных появляются новые возможности в подготовке научно-справочного (информационно-поискового) аппарата. Навигация позволяет быстро осуществлять поиск документов, отдельных фрагментов и слов по нескольким параметрам и/или ключевым словам. Благодаря использованию гиперссылок, документальная публикация приобретает связи с другими интернет-публикациями, электронными ресурсами и т. п. Гиперссылки позволяют сразу же ознакомиться с текстами исследований специалистов по данной теме, с публикациями документальных памятников. Они могут также внести суще-

ственные изменения и в комментариев, отсылая пользователя к размещенным в Интернете ресурсам оцифрованных энциклопедий, биографических словарей и разнообразных справочников.

Документальные публикации в Интернете приобретают интерактивный характер. К ним можно неоднократно возвращаться, внося необходимые исправления и добавления. Сама подготовка публикации может вестись в удаленном доступе творческим коллективом специалистов, в том числе из разных стран. Это важно при публикации документов из фондов архивов разных стран, иноязычных документов, особенно древних.

Нужно отметить, однако, что публикаторы пока мало пользуются открывшимися возможностями. Отчасти это связано со спецификой самого Интернета, ориентированного на широчайший круг пользователей, и значительно менее трудоемкой работой по сканированию документов, вместо кропотливой работы по передаче текста документов и их комментированию. В процессе подготовки интернет-публикаций исторических документов возникает и немало научных, методических и технологических проблем. Одна из главных – динамичность Интернета, прекращение поддержки многих интернет-публикаций и ресурсов. Уровень значительной части интернет-публикаций документов остается низким. Археографическое оформление нередко отсутствует или сводится к минимуму, как и исторические и археографические предисловия.

В литературе нет единообразия в терминологии, относящейся к разделу общей археографии, посвященному публикациям исторических документов в электронном формате публикации. В настоящее время в различных областях утверждается термин «цифровой», который, по мнению автора, может быть применим и к археографии. Актуализация проблематики исторической памяти в современном обществе выдвигает интернет-публикации исторических документов на передний план в силу их более осязаемого воздействия на общественное сознание, поэтому проблемы цифровой археографии нуждаются в более широком научном изучении и обсуждении, в методическом обеспечении.

А.Ф. Литвина, к.ф.н., доц., *Ф.Б. Успенский, д.ф.н., чл.-корр. РАН*
в.н.с. НИУ ВШЭ (Москва) *в.н.с. РАНХиГС*

Как звали царя Василия Шуйского?

Во множестве исторических источников, как и в подавляющем большинстве исследований, избранный на царство представитель младшей ветви Рюриковичей – князей Шуйских, именуется исклю-

чительно *Василием*. Существует, однако, и весьма ограниченный круг текстов, благодаря которым мы узнаем, что у царя было и другое имя – *Потапий*. Так, в частности, на 8 декабря (память единственного в месяцеслове св. Потапия) Василия Шуйского предписывалось поминать (Московский кафедральный Архангельский собор / Сост. протоиерей Алексей Лебедев. М., 1880. С. 380), кроме того, *Потапий* может характеризоваться как «молитвенное имя» царя.

Нельзя сказать, что наличие этого второго имени в биографии Шуйского полностью ускользнуло от внимания историков, однако оно всегда оставалось на дальней периферии исследовательского внимания. Характерным образом, в современных генеалогических перечнях *Потапий* изредка появляется, но не никак не комментируется, да и столетие назад его обсуждение не выходило за рамки частной корреспонденции, где статус его определялся неверно. Так, в переписке графа С.Д. Шереметева и С.Ф. Платонова последний, отвечая на вопрос своего корреспондента, пишет следующее: «Итак, царь Василий «во иноцех Потапий»! Это очень интересно. В Москве официально не признавалось пострижение Василия Шуйского в 1610 году и его монашеское имя никогда не приводилось. Отчего оно попало в (позднейший?) синодик?» (Письмо от 22 января 1901 г.).

В этом утверждении С.Ф. Платонова ошибочной информации содержится куда больше, нежели достоверной. История насильственного пострига царя Василия Шуйского и его супруги, как известно, была весьма драматична – его противники стремились таким образом закрепить факт низложения царя. Он же во время этой процедуры отказывался принести монашеские обеты, и за него их произносило другое лицо. Согласно «Новому летописцу», это был один из заговорщиков, князь Василий Тюфякин, тезка царя по его династическому имени. Патриарх Гермоген не признавал легитимности такой подмены и продолжал называть Шуйского его мирским именем и царским титулом, а князя Тюфякина считал отныне монахом. В «Сказании» же Авраамия Палицына в качестве лица, приносящего монашеские обеты вместо царя, назван другой человек – князь Туренин, также, впрочем, носивший имя *Василий*. В памяти современников и потомков, однако, в этой роли безусловно доминировала скорее фигура князя Тюфякина.

Весьма любопытно, что с точки зрения всех участников, обряд пострижения, хотя бы и насильственный, не мог проистекать вне положенного диалога – молчание одной из сторон казалось недопустимым, кто-то непременно должен был произносить установленные реплики. Замечательно, что кто бы ни назывался в качестве

заместителя царя в этой процедуре, молва была склонна закреплять эту роль за тем, кто носил то самое имя, под которым царь был известен своим недавним подданным – тождество имен, видимо, представлялось современникам чем-то неслучайным и весьма существенным в этом темном деле.

Как бы то ни было, дальнейшая политическая реальность складывалась так, что современники вынуждены были принять факт пострига Василия Шуйского, а его монашеское имя *Варлаам*, вопреки утверждению С.Ф. Платонова, отнюдь не было для них тайной и сохранилось в целом ряде источников.

Таким образом, *Потаний* никак не могло быть иноческим именованием низложенного царя. Появляющееся в Кормовой книге Троице-Сергиева монастыря определение «молитвенное имя» при всей своей многозначности к иноческим именам никогда не прилагается – мы уверенно можем констатировать, что оно характеризует лишь те христианские имена, которые человек носит в миру. Иными словами, Василий / Потаний – это типичный случай светской христианской двуименности, столь широко распространенной на всем протяжении русского Средневековья вообще, а в XVI–XVII вв. в особенности. Достаточно отметить, что два христианских имени в миру носил родной брат царя, Дмитрий Иванович, который был еще и *Фомой*, их отец Иван / Максим Андреевич, и дед – Андрей / Матфей Михайлович.

В самом деле, каким же из двух имен, *Потаний* или *Василий*, будущего царя крестили? Если в XV–XVII столетии носитель христианской двуименности принимал постриг, то определить это бывает достаточно легко. В эту эпоху безусловно преобладала тенденция подбирать монашеское имя так, чтобы оно тем или иным образом соответствовало имени крестильному. Иначе говоря, если мы знаем, что человек в миру носил имена *Федор* и *Авксентий*, а в монашестве сделался *Арсением*, то мы можем утверждать, что *Авксентий* – это его крестильное имя.

Исходя из этой, в целом вполне надежной, модели следует полагать, что в крещении царь был *Василием*, поскольку в иночестве, как мы знаем, он стал *Варлаамом*. Более того, такой антропонимический ход, когда обладатель крестильного имени *Василий* нарекается при пострижении именно *Варлаамом*, был весьма популярен – данные имена в этом отношении составляют своего рода устойчивую пару. Тогда оказывается, что имя *Василий* у Шуйского совмещало в себе функции публичного, династического и крестильного, а молитвенное *Потаний* являлось своеобразным «благочестивым придатком».

Надо сказать, что до XVI в. такая ситуация, когда некрестильное имя того или иного лица оставалось его непубличным именем, была, по-видимому, довольно атипичной, и даже в XVI столетии сколько-нибудь надежно она зафиксирована лишь для представитель московского правящего дома – и только для них. В других же семьях подобное перенесение большей части функциональной нагрузки на родовые имена толком не просматривается. Василий Шуйский, хотя и был Рюриковичем, но к царскому дому по рождению не принадлежал. Могли ли наречь его по той же модели, что использовалась при наречении московских династов? Быть может, перед нами ранний образчик того, как элита в очередной раз начинает в своем имянаречении копировать практику государей?

Практика эта, очевидным образом, свидетельствовала о постепенном угасании христианской двуименности как таковой, а потому ранние ее проявления за пределами правящей семьи представляют особую ценность и интерес. Для самих Шуйских такое расширение функций родового имени оказалось бы смелым новшеством. Во всяком случае царского деда, Андрея / Матфея, судя по всему, крестили отнюдь не родовым *Андрей*, но непривычным для семейного ономастикона и, вероятно, выпавшим по календарю *Матфей*; отец будущего царя хоть и звался в миру родовым именем *Иван*, но крещен был, по-видимому, как *Максим*; скорее всего, по тому же сценарию был назван и брат Василия Ивановича — в крещении он был *Фомой* и лишь в публичной жизни *Дмитрием*. Таким образом, будущий царь был бы едва ли ни первым в своей семье носителем христианской двуименности нового типа.

Однако казус Шуйского допускает и иную трактовку событий.

Напомним, что пострижение царя было актом недобровольным и, если так можно выразиться, внезапным. Мера знакомства его восторжествовавших противников с антропонимическим досье низвергаемого и степень желания строго придерживаться всех тонкостей обычая в такой ситуации вызывают серьезные сомнения. «Новый летописец» специально подчеркивает, что в низложении царя участвовали его родичи, прямо указывая на царского свояка Ивана Михайловича Воротынского как на главу тех, кто непосредственно сводил царя и царицу с престола и перевозил их на старый двор. Этот Воротынский, будучи женат на родной сестре царицы, должен был знать все христианские имена своих свойственников, однако нам ничего не известно о том, принимал ли он личное участие в процедуре принудительного пострижения, отделенной от низложения Шуйского некоторым временным промежутком, и счит ли нужным проявлять заботу о корректности имянаречения при по-

стриге. Вполне возможно, что в столь экстремальной ситуации заговорщики действовали, попросту опираясь на то из имен царя, под которым он правил, которое было известно всему народу, и не вдавались в предписанные традицией ономастические тонкости.

Ситуация спешки, принуждения и беззакония сама по себе могла спровоцировать небрежение устоявшейся практикой, когда монашеское имя выбирается с оглядкой на имя крестильное. Иными словами, вполне можно представить, что имя *Потануй* царь получил в крещении, однако это обстоятельство – сыгравшее бы определяющую роль для выбора нового имени при добровольном постриге – было полностью проигнорировано при постриге принудительном. Подобное допущение подкрепляется и теми характеристиками, которыми источники изредка наделяют различные имена Шуйского. Как мы помним, в Кормовой книге 1674 г. имя *Потануй* называется «молитвенным», а к имени *Василий* во «Временнике» Ивана Тимофеева прилагается указание «пореклу». Если конструкция «молитвенное имя» достаточно устойчиво ассоциируется с именем крестильным, то пометами «пореклу», «прозвание», «рекомый», «прозвище» и т. п., как правило, снабжаются имена публичные, но не крестильные. Вместе же два этих маркера, «молитвенное» и «пореклу», будучи почерпнуты из не связанных между собою источников, соответствуют картине, согласно которой имя *Потануй* было у царя крестильным, а имя *Василий* – всего лишь публичным, некрестильным. В таком случае отсутствие ориентации на крестильное имя при постриге Шуйского следует понимать как еще одно отступление от устоявшейся на Руси практики принятия монашеских обетов в ряду других, более очевидных и вопиющих.

Таким образом, при анализе этой семиотически сложной ситуации мы вправе говорить лишь о двух возможностях функционирования имен Шуйского: подражательной инновации при наречении знатного младенца или об отступлении от общепринятой нормы при насильственном постриге. Вторая версия развития событий представляется нам более реалистичной, однако то обилие провалов в прижизненной и посмертной истории Шуйского, которым мы обязаны Смутному времени, не позволяет нам безапелляционно принять ее в качестве единственной. Закат династии сопровождался закатом многовековой практики светской христианской двуименности, но процессы эти проистекали не вполне синхронно и зависели друг от друга лишь до некоторой степени.

**Елена Ивановна Каменцева и её роль в развитии
вспомогательных исторических дисциплин
(к 100-летию со дня рождения)**

Елена Ивановна Каменцева принадлежит к числу выдающихся учёных – специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин, которые на многие десятилетия вперёд определили пути развития этих наук в отечественной гуманитаристике. Она была наследницей лучших традиций дореволюционной научной школы, продолжила и во многом сохранила живую нить исследования и преподавания вспомогательных исторических дисциплин в советский период и способствовала возрождению многих из них в российской историографии последних десятилетий. Её жизненный путь, с одной стороны, казался вполне удачным, с другой – воплотил в себе всю сложность судьбы русской интеллигенции XX века.

Елена Ивановна родилась 2 октября 1920 г. в Симбирске, что было в общем случайностью, поскольку по своему происхождению она принадлежала к известной московской семье. Её дедом по матери был популярный в своё время юмористический писатель Иван Ильич Барышев (1852–1911), издававший свои литературные произведения под псевдонимом «Мясницкий» (ибо на Мясницкой улице в Москве находилась усадьба знаменитого книгоиздателя и купца К.Т. Солдатёнова, управляющим которой он служил). Надо сказать, что, несмотря на то, что сам Барышев считался потомком крепостных крестьян помещиков Огарёвых (что признавала и сама Елена Ивановна), в научной литературе нередко можно встретить утверждение, что на самом деле он был внебрачным сыном самого Солдатёнова. Иван Ильич, действительно, пользовался безграничным доверием Кузьмы Терентьевича и даже являлся его душеприказчиком. Барышев имел очень достойную репутацию и в литературных кругах, недаром последние десять лет своей жизни он был казначеем Общества русских драматически писателей. Из семьи Ивана Ильича Елена Ивановна унаследовала целый ряд раритетов, включая, например, книги с дарственными надписями деду от Бальмонта и фотографию Шаляпина. Мы столь подробно останавливаемся на генеалогии Елены Ивановны лишь для того, чтобы показать, что и по своему происхождению, и по уровню «наследственной» культуры она принадлежала к образованной среде дореволюционной творческой интеллигенции, и эти качества пронесла через всю жизнь.

Одна из дочерей И.И. Барышева, Александра Ивановна, вышла замуж за инженера-путейца Ивана Ефимовича Каменцева (1880–1922), который в 1920 г. был отправлен в Поволжье на «борьбу с разрухой» на транспорте, заболел там тифом и умер, после чего вдова с дочерью вернулись в Москву.

Окончив в 1938 г. школу, Елена Ивановна поступила в незадолго до того образованный Историко-архивный институт. Первой лекцией, которую она услышала в институте была лекция выдающегося историка Николая Владимировича Устюгова (1896–1963) по курсу вспомогательных исторических дисциплин. Тогда ещё не существовало учебных пособий по этим наукам, да и сам курс создавался Устюговым буквально на ходу. Со вспомогательными историческими дисциплинами Елена Ивановна и связала всю свою дальнейшую профессиональную жизнь. В 1939 г., накануне нового учебного года, по инициативе профессора Александра Николаевича Сперанского (1891–1943) в институте была образована новая кафедра – вспомогательных исторических дисциплин. Сперанский смог собрать замечательный коллектив, куда в том числе вошел и Устюгов. После окончания учёбы (по ускоренному графику военного времени) в феврале 1942 г. Елена Ивановна поступила в аспирантуру по кафедре, и Сперанский стал её первым научным руководителем (впоследствии кандидатскую диссертацию она защитила под руководством Устюгова).

В годы войны и в первое послевоенное время на кафедре «наши приют» многие замечательные учёные, в том числе и с дореволюционным «бэкграундом». Преемником Сперанского на посту заведующего кафедрой стал Александр Игнатьевич Андреев. В 1942 г. из осаждённого Ленинграда был эвакуирован в Москву выдающийся геральдист, бывший управляющий Гербовым отделением Департамента Герольдии Правительствующего Сената Владимир Крескентьевич Лукомский, ставший профессором кафедры. Начал свою исследовательскую и педагогическую деятельность на кафедре и будущий академик, а тогда гонимый по «академическому делу» Лев Владимирович Черепнин. Вся история кафедры за 60 лет прошла на глазах Елены Ивановны. Своих старших коллег она справедливо считала своими учителями и благодарную память о них сохраняла до конца своих дней. Она очень много сделала для популяризации научного наследия кафедры, и, в частности, уже с 1980-х гг. стремилась восстановить память о В.К. Лукомском, ориентировала своих аспирантов на поиски документов о нём в архивах и подготовку посвящённых ему публикаций, и сама написала несколько работ о нём. Так, уже в начале 1980-х годов Елена Ивановна располагала копией автобиографической «Хроники моей

жизни» В.К. Лукомского, с которой она тогда же ознакомила И.В. Борисова и А.М. Пашкова. Итогом всех усилий стал написанный Еленой Ивановной биографический очерк о жизни и деятельности В.К. Лукомского в советские годы, вошедший в посвящённый ему биобиблиографический указатель. Последняя же опубликованная при жизни работа Елены Ивановны была посвящена её учителям первых лет работы кафедры и основывалась полностью на её личных впечатлениях и воспоминаниях.

С марта 1943 г. Елена Ивановна, не прерывая учёбы в аспирантуре, стала лаборантом кафедры, а затем начала вести занятия. Именно в 1940-е гг. под влиянием выдающихся ученых, в основном, дореволюционной школы, она сама сформировалась как педагог и исследователь. За годы работы на кафедре ею были защищены обе диссертации (докторская – по исторической метрологии России конца XVII – первой половины XIX вв.), опубликовано множество научных работ, лекций и программ курсов, а, главное, изданы ставшие классическими учебники по отдельным вспомогательным историческим дисциплинам – два в соавторстве с Н.В. Устюговым: «Русская сфрагистика и геральдика» (два издания – в 1963 и 1974 гг.) и «Русская метрология» (также два издания – в 1965 и 1975 гг.), и несколько авторских, в том числе «Хронология» (два издания – в 1967 и 2003 гг.), «Историческая метрология» (1978 г.), «История вспомогательных исторических дисциплин» (1979 г.). Учебники по сфрагистике и геральдике (он был вообще единственным за всё советское время), метрологии и хронологии увидели свет в издательстве «Высшая школа».

Выход этих учебных пособий сразу сделал Елену Ивановну признанным и авторитетным исследователем, известным как у нас в стране, так и за рубежом. Без преувеличения можно сказать, что в 1960-е – 1980-е гг. тысячи студентов, аспирантов, сотни преподавателей высшей школы и учёных-историков и не поддающееся исчислению количество любителей изучали геральдику, сфрагистику, метрологию и хронологию по этим учебникам. Все эти издания неизменно хорошо были встречены читателями и быстро расходились. Елена Ивановна особенно гордилась тем, что в конце 1970-х или начале 1980-х гг. в Ленинградском НИИ метрологии, чтобы снабдить все отделы её учебным пособием по исторической метрологии, его копировали на ксероксе.

В 1966 г. Елена Ивановна успешно защитила докторскую диссертацию, формально закрепившую за ней уже фактически достигнутый ею статус одного из крупнейших в стране специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин. В 1971 г. она

получила должность профессора, а в 1976–1984 гг. была заведующей кафедрой вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ.

Конец 1960-х – начало 1980-х гг. было временем расцвета научной и педагогической деятельности Елены Ивановны. У неё появилось много учеников, студентов-дипломников и аспирантов. Одним из первых её учеников был Б.П. Зайцев, работавший потом в Харьковском университете. С неизменной теплотой она всегда высказывалась о заведующем отделом археологии и нумизматики Музея-заповедника «Московский Кремль» С.В. Звереве («мой ученик Серёжа Зверев»). Очень жалела, что её студент С.Г. Андриеш-Табак из Молдавии, написавший отличную дипломную работу по молдавской геральдике, не смог продолжить учебу в аспирантуре МГИАИ, поскольку независимая Молдова предпочитала готовить свои кадры геральдистов в Румынии, а не в Москве. Известным геральдистом стал И.В. Борисов, один из инициаторов возрождения научного интереса к геральдике в 1980-х гг. Из всех учеников Елены Ивановны нужно выделить её последнюю аспирантку – в то время сотрудницу Центрального музея древнерусской культуры и искусств им. Андрея Рублёва Елену Яковлевну Зотову, успешно защитившую весной 2003 г. кандидатскую диссертацию на тему «Медное художественное литьё XVIII – начала XX веков старообрядческих мастерских Москвы: источниковедческое исследование». В последние годы жизни Елены Ивановны Е.Я. Зотова, вместе с родственниками, взяла на себя заботу о ней, часто приезжала к Елене Ивановне и помогала ей решать разные бытовые проблемы. Надо отметить, что до последних дней жизни Елена Ивановна была окружена вниманием кафедры и числилась профессором-консультантом.

В конце 1980-х – 1990-х гг. в нашей стране происходило быстрое возрождение вспомогательных исторических дисциплин. В новых условиях Елена Ивановна как признанный авторитет в этой области была символом преемственности разных поколений учёных, человеком, чей авторитет помогал проведению конференций, изданию сборников, принятию новых гербов и т. д. Она входила в состав Геральдического совета при Президенте РФ, Герольдии при мэре Москвы (где принимала участие в воссоздании традиционной московской символики), была почётным членом Всероссийского геральдического общества и действительным членом Историко-родословного общества в Москве.

В 1988 г. по инициативе Елены Ивановны и под её руководством возник семинар по вспомогательным историческим дисциплинам, который с 1992 г. продолжился в виде семинара по геральдике. Позднее его работой руководили и руководят ныне ученики Елены

Ивановны С.В. Зверев и Е.В. Пчелов. К настоящему времени этот семинар стал центром объединения геральдистов не только Москвы, но и многих городов России.

Елена Ивановна Каменцева скончалась 6 декабря 2004 г. До последних дней жизни она продолжала трудиться как историк. За полторы недели до кончины вышла последняя работы Елены Ивановны – воспоминания об историко-архивном институте на рубеже 1930-х - 1940-х гг. Коллеги так оценили ее деятельность в области вспомогательных исторических дисциплин: «Елена Ивановна внесла большой вклад в исследование различных проблем вспомогательных исторических дисциплин: от теоретических разработок по всему комплексу вспомогательных исторических дисциплин до дискуссионных проблем русской хронологии и метрологии, геральдики и эмблематики. Она способствовала воссозданию в современной российской науке фалеристики, генеалогии, вексиллологии, читала курсы нумизматики и берестологии, сохранила и приумножила ту научную геральдическую традицию, которую в свое время олицетворял выдающийся геральдист В.К. Лукомский, в последние годы жизни работавший профессором кафедры» (*Румянцева М.Ф., Медушевская О.М., Муравьев В.А., Чекунова А.Е., Казаков Р.Б., Пчелов Е.В.* Памяти Елены Ивановны Каменцевой // Новый исторический вестник. 2005. № 1(12). С. 279–281).

Сейчас, когда прошло уже полтора десятилетия после кончины Елены Ивановны, можно сказать, что её имя чтят и помнят множество людей в России и за рубежом – её коллеги, ученики, бывшие студенты, читатели её работ. А это значит, что для нас Елена Ивановна по-прежнему жива...

*И.В. Сахаров, засл. работ. культ. РФ
руководитель Центра генеалогии РНБ*

Типольт или Лукомский?

Во время одной из поездок во Францию нам с женой было оказано гостеприимство отцами-иезуитами, содержавшими тогда под Парижем, в Медоне, так называемый Центр Св. Георгия – первоначально интернат и школу для детей русских беженцев, а в то время – курсы по изучению русского языка. В этом Центре находились богатые библиотека и архив, включавшие, между прочим, так называемую Славянскую библиотеку, в основе которой лежала личная библиотека князя И.С. Гагарина (1814–1882), российского дипломата, который, пребывая за границей, перешел в католичество, вступил в Орден иезуитов и на родину не вернулся. После кончины кня-

зя его библиотека и архив перешли в собственность Ордена и продолжали пополняться материалами, связанными с Россией.

Внимательно изучая состав этого фонда *de visu*, среди различного рода уникамов я обнаружил не только мне, но и в то время вообще никому из моих соотечественников – генеалогов и геральдистов – не известные или, во всяком случае, никем из них не виданные два рукописных гербовника.

Один из них представлял собой переплетенный (обшитый черной материей), большого формата (стандартный А3) альбом, на листах которого (коих, не считая чистых, насчитывалось 186) были наклеены прямоугольные листки кальки (на каждом листе обычно по несколько, максимум 12, листочков). На каждой листке кальки (их стандартный размер 8x7 см) было помещено изображение того или иного герба, а под ним указаны соответствующая родовая фамилия или конкретное лицо и источник хранения рукописного оригинала или гербовника, в котором тот ранее был опубликован. Порядок расположения рисунков гербов – по алфавиту фамилий армигеров. Общее число гербов – 1806 (для некоторых гербовладельцев приведено два, а иногда даже более рисунков гербов, отличающихся друг от друга). В альбоме не было заглавного листа. На лицевой крышке переплета (на нем не были указаны ни составитель гербовника, ни название) был приклеен экслибрис, который, как вскоре удалось установить, относился к библиотеке барона Н.А. Типольта. Полная ксерокопия этого гербовника ныне хранится в моем рукописном собрании. При внимательном просмотре этого гербовника стало очевидным, что в него были включены только гербы, официально не утвержденные.

Второй обнаруженный мною там же гербовник представлял собрание карточек крупного формата, на первой из которых было написано: Гербы польских дворянских фамилий, собранные бароном Н.А. Типольдт [sic]. В этой картотеке, помещенной в шести картонных коробках, насчитывалось 7290 карточек, расположенных по алфавиту армигеров (для некоторых из них опять-таки указано два и более вариантов рисунков гербов). Интерес барона именно к польской геральдике можно объяснить тем, что в его жилах, помимо русской и немецкой крови, текла и кровь польская (не случайно в качестве щитодержателей герба, изображенного на упомянутом экслибрисе, выступают польские воины). Из этого гербовника за нехваткой времени я скопировал выборочно лишь несколько рисунков.

Будучи в Бельгии, в личной библиотеке известного бельгийского генеалoga и геральдиста, основателя журнала «Le Parchemin» покойного Кардона де Лихтбюра (она хранилась у одного из его сыно-

вей) я обнаружил еще один рукописный гербовник (стандартный размер бумаги А4). Он содержит 357 рисунков гербов с указанием, кому каждый из них принадлежит. В гербовнике нет заглавного листа, не указаны составитель и название. Особенность этого третьего гербовника состоит в том, что рисунки гербов расположены не в порядке алфавита фамилий их владельцев, а в зависимости от того, каким образом расчленен щит (например, расчленен он или пересечен, сколько в нем полей и т. д.), или от того, какие «ключевые» фигуры помещены в щите (например, наличие сердца, пронзенного стрелой, или крепостных башен), т. е. он представляет собой гербовник эмблематический, причем рисунки гербов помещены не на кальке, а непосредственно на бумаге.

Ниже для удобства изложения названные три гербовника упоминаются соответственно как «Гербовник-1», «Гербовник-2» и «Гербовник-3».

В настоящей статье я хотел бы поднять вопрос о том, кто является составителем трех упомянутых выше гербовников.

Прежде всего, авторство Гербовника-2 не приходится подвергать сомнению – его составителем, как указано в нем самом, является барон Н.А. Типольт (впрочем, надпись о том, что именно барон является его составителем, сделана не им самим, а рукой неизвестного лица). С моей точки зрения, его же следует считать составителем (или главным, во всяком случае, одним из главных авторов) и двух остальных. Основания для этого утверждения следующие.

Прежде всего, согласно сообщению библиотекаря Центра Св. Георгия княжны А.А. Куракиной, все три гербовника были переданы в Славянскую библиотеку лично бароном, когда он собрался эмигрировать из Франции в Парагвай. Во-вторых, что более важно, подписи под каждым гербом во всех трех гербовниках сделаны его рукой. В-третьих, нет никакого сомнения, что изображения всех гербов, помещенные во всех трех гербовниках, исполнены одним и тем же художником, замечательным и опытным мастером, которому, в частности, удался лаконичный стиль изображения. Краски и металлы, использованные для отдельных полей щита, обозначены соответствующими буквами (например, «з» для золота – определенно рукой барона Типольта). При этом характер надписей таков, что они, скорее всего, сделаны тем же лицом, что и сами рисунки гербов. Все мои попытки найти указание на имя искомого художника оказались напрасными (в частности, отыскать эти сведения в архиве Департамента герольдии Правительствующего Сената и в личных архивах В.К. Лукомского и барона Н.А. Типольта). Беру на себя смелость утверждать, что этим мастером является сам барон

Н.А. Типольт (об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что в некоторых случаях рисунки одного и того же герба, помещенные и в Гербовнике-1, и в Гербовнике-3, несколько отличаются между собой).

Между тем, в случае Гербовника-1 авторство барона Н.А. Типольта подвергается сомнению. Его персона как гербоведа в глазах ряда современных геральдистов как бы меркнет «в тени» таких столпов отечественной геральдики, каковыми, по всеобщему мнению (и к этому мнению я не могу не присоединиться), являются В.К. Лукомский и С.Н. Тройницкий.

Так, Е.И. Каменцева в работе, посвящённой В.К. Лукомскому, писала: «В 1922 г. весь собранный к тому времени материал – около 2000 гербов – был перерисован на особые кальки в двух экземплярах: один был передан Н.А. Типольту..., с которым он (*Лукомский*) заключил товарищеский договор о составлении Сборника неутвержденных гербов. Судьба этих двух экземпляров калек достаточно трагична: кальки В.К. Лукомского погибли в годы блокады в Ленинграде... Второй экземпляр калек Н.А. Типольт увез в 1923 г. в Париж». Судя по всему, речь идет именно о Гербовнике-1. Однако тщательное сличение почерков В.К. Лукомского и Н.А. Типольта приводит нас к выводу о том, что хотя написание букв в рукописях обоих геральдистов нестабильно, некоторые буквы (в частности, литера «з» и твердый знак в конце слов) в Гербовнике-1 определенно писаны именно рукой последнего.

Вместе с тем, с другой стороны, внимательное прочтение рукописи В.К. Лукомского, озаглавленной «Хроника моей жизни» (РГИА. Ф. 986 (В.К. Лукомский). Оп. 1. Д. 77), позволило найти в ней следующие записи. В разделе за 1919 г.: «Начато [!] собирание материалов о неутвержденных гербах для “Сборника” таковых» (Там же. Л. 58). Записи, относящиеся к 10 мая 1922 г.: «Заключен с Н.А. Типольтом товарищеский договор о составлении “Сборника неутвержденных русских гербов”» (Там же. Л. 63) и «Разные задания. Заключение договора с бар. Н.А. Типольтом о совместной работе по составлению эмблематического указателя неутв. гербов – 10.V.1922» (Там же. Л. 64). Эти слова, написанные незадолго до отъезда барона за границу, лишний раз показывают, что В.К. Лукомский относился к Типольту не как к второстепенному, а как по меньшей мере к *равному* партнеру.

Наконец, опубликованный Curriculum vitae барона Н.А. Типольта, составленный последним и датированный февралем 1922 г., позволяет понять, сколь выдающимся специалистом в области вспомогательных исторических дисциплин тот был, и как основательно он занимался геральдикой и сфрагистикой. Известно, что Типольта,

в частности, весьма занимал вопрос о хранении сфрагистического материала, и что он успешно применил изобретенный им метод изготовления слепков печатей из особого сорта белого цемента. Судя по всему, идея изображать рисунки гербов на кальке тоже принадлежала именно ему, и это позволило обеспечить изготовление второго экземпляра Гербовника-1 для В.К. Лукомского (насколько мне известно, последний до знакомства с бароном кальку не применял), а затем облегчило вывоз собранного геральдического материала за границу. Добавим к этому отзывы акад. С.Ф. Платонова («...В области вспомогательных исторических знаний Н.А. Типольт имеет вполне установленную и весьма почетную репутацию») и директора Русского музея и профессора Санкт-Петербургского Археологического института А.А. Миллера (6 февраля 1922 г.) о Н.А. Типольте как ученом: «...Типольт собрал значительный материал по неутвержденным русским гербам, представляющий весьма ценное дополнение к работам, производящимся в том же направлении при Гербовном музее Петроглавархива, а также составил обширный систематический гербовый указатель по эмблемам» (указанные документы, очевидно, составлялись ввиду готовившейся эмиграции барона).

Гербовник-3 представляет собой эмблематический справочник, задача которого – группировка гербов, обладающих общими изобразительными элементами, с целью облегчить идентификацию герба по соответствующим признакам. Создание такой поисковой системы В.К. Лукомский считал чрезвычайно важной задачей, для этого им бы собран необходимый фактический материал и еще в 1918 г. подготовлено краткое руководство по его презентации (*Борисов И.В.* Об «Эмблематическом гербовнике» В.К. Лукомского // *Геральдика: материалы и исследования.* Л., 1987). Однако, сопоставляя его деятельность в этом направлении с материалами Гербовника-3, убеждаешься, что указанный труд ни по своему составу в целом, ни по конкретному подбору гербов в группы не похож на задуманное и осуществленное В.К. Лукомским. Кроме того, все гербы, помещенные в Гербовнике-3, значатся и в Гербовнике-1, они тщательно скопированы с калек, расхождения минимальные и едва заметные. Однако подписи к рисункам (в том числе ссылки на источники) в Гербовнике-3 гораздо более подробны и информативны, чем в Гербовнике-1. При этом ссылки на источники распределяются так: «Собрание В.К. Лукомского» упоминается 16 раз; «Гербовый музей», которым тот руководил, – 35; тогда как печати из «Кол. Бар. Н. Т.» – 107 раз, что составляет почти треть общего числа ссылок! (с дополнительными указаниями на первоисточники – в основном на Морской архив, Морской корпус и Архив военно-учебных заве-

дений); среди прочих преобладают «Малороссийский гербовник» и «Гербовник Князева».

Все сказанное выше заставляет прийти к следующим выводам. Научные интересы обоих геральдистов – барона Н.А. Типольта и В.К. Лукомского – во многом совпадали, их личные взаимоотношения были, очевидно, самыми добрыми, если не дружескими, и это привело их к пониманию желательности установления сотрудничества друг с другом как ученых. Это сотрудничество между ними и установилось, однако драматические события 1917 г. и последовавших лет не дали ему развернуться в полной мере. Вскоре барон Н.А. Типольт счел разумным опиривать латвийское гражданство и вполне легально эмигрировать. Почти все собранные им научные материалы (например, огромное количество изготовленных им слепков геральдических печатей) он продал или пожертвовал различным научным учреждениям Петрограда, но часть своих геральдических трудов он забрал с собой и в эмиграции, видимо, продолжал работать как геральдист.

«В Париже он основал Историко-Генеалогическое общество, – писал о нём видный деятель русской культуры в Зарубежье П.Е. Ковалевский, – и много работал в нашей исторической области» (*Ковалевский П.Е.* Дневниковая запись от 1/14 августа 1988 г. // Архив Шеветоньского бенедиктинского Крестовоздвиженского монастыря в Бельгии). «В эмиграции ... Н.А. многие годы работал над составлением общего гербовника для фамилий, не утвердивших свои гербы в департаменте герольдии» (*Русская мысль.* 13 августа 1948 г. № 70). «Что касается барона Николая Аполлоновича Типольта (Paris, Avenue Kleber, 74), – писал в середине 1930-х гг. в одном из своих писем (по-видимому, в США к Н.Д. Плешко) выдающийся генеалог В.С. Арсеньев, – то он мне в прошлом году показал [?, неразб.] свою коллекцию, каковую он приготовил в виде альбома; у него более 2000 снимков неизвестных гербов, коих большинство он собрал [набрал?], служа в советское время в архиве морского министерства, где они были при прошениях. – Не издает их он, в виду дороговизны печатания» (Фрагмент письма, хранящегося в не разобранном архиве Союза российских дворян в Нью-Йорке).

Все же нельзя не признать, что в свое время какое-то участие в подготовке рассматриваемых гербовников принимал В.К. Лукомский. Но определить сколько-нибудь точно и достоверно, сколь велико было это участие, не представляется возможным (тем более, что большая часть личного архива В.К. Лукомского погибла во время блокады Ленинграда). Однако, на мой взгляд, в той части, кото-

рая касается создания рассматриваемых трех гербовников, роль барона Н.А. Типольта является ведущей, если не решающей.

В целом же впечатляющее здание дореволюционной российской геральдики, можно сказать, держалось не на двух, а на трех столпах, коими являлись (перечислены в порядке алфавита) Владислав Крескентьевич Лукомский, барон Николай Аполлонович Типольт и Сергей Николаевич Тройницкий.

В заключение замечу, что в Гербовнике-1, в разделе, отведенном для гербовладельцев, чьи фамилии начинались на «И», под № 17 оказалась добавлена калька с рисунком герба князя Петра Петровича Ишеева, с указанием на то, что рисунок получен от владельца в Париже в 1932 г. Эта калька неожиданно оказалась необычайно содержательной. Подпись под рисунком, совершенно очевидно, не могла быть сделана никем, кроме самого Н.А. Типольта, что, во-первых, лишний раз подтверждает то, что и все прочие подписи под рисунками сделаны им же (та же рука!), и что, во-вторых, в эмиграции он продолжал пополнять рассматриваемые гербовники. Более того, этот рисунок нанесен на кальку особого вида – ее листы разграфлены малозаметными крупными прямоугольниками. Судя по всему, эта разграфленная калька произведена во Франции (во всяком случае – за границей, не в России). В Гербовнике-1 листов такой кальки немного, но они есть, и, следовательно, можно установить, какие именно дополнения сделаны им в своих геральдических трудах в эмиграции. Наконец, особенности рисунка герба князя Ишеева подтверждают мою догадку о том, что и все прочие рисунки, помещенные в рассматриваемых трех гербовниках, рисованы одной и той же рукой, и это – рука выдающегося мастера-графика, коим, несомненно, был барон Н.А. Типольт.

*Д.О. Цыпкин, к.и.н.
зав. кафедрой ИИ СПбГУ, н.с. ЛКИиНТЭД ОР РНБ*

К вопросу о начале Нового Времени в истории русского письма

*Работа подготовлена по гранту РФФИ №18-00-00311 КОМФИ
«Текст и краситель: историко-материаловедческое исследование красителей текста древнерусских рукописных книг XIV–XVII вв.»*

Доклад является результатом первичного осмысления материала, собранного в ходе исследований древнерусских рукописных памятников, осуществляемых на базе Лаборатории кодикологических исследований и научно-технической экспертизы (ЛКИиНТЭД) Рос-

сийской национальной библиотеки (РНБ), прежде всего, при финансовой поддержке РФФИ (грант №18-00-00311 КОМФИ «Текст и краситель: историко-материаловедческое исследование красителей текста древнерусских рукописных книг XIV–XVII вв.»). В нашей работе рассматриваются тенденции и процессы в развитии культуры письма Московской Руси, характерные для периода, который «широко» можно определить как вторая половина XV – первая половина XVII вв., а «узко» – середина XVI – начало XVII вв. Объектом анализа стали не привычные для палеографии графические и графико-орфографические явления, а «самосознание» письма и письменной культуры, техника письма, и его система.

Если говорить о «самосознании» письма (под которым мы понимаем представления самих пишущих о письме), то в истории древнерусской культуры это явление в полной мере начинает фиксироваться только со второй половины – конца XVI в., когда обнаруживается наличие у пишущих представлений о типологии письма. Буквенное письмо рассматривается как состоящее из двух *типов*: «книжное письмо» (оно же «устав») и «скоропись». При этом осознается и характер нормативности письма: оно может быть либо *нормативным*, либо *обычным*. Для последнего в языке древнерусских книжников обнаруживается и специальное определение – «метное письмо» (Цыпкин Д.О. Древнерусское метное письмо // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 1. СПб., 2019. С. 124–135).

Важным проявлением «самосознания» письма является и то, что в конце XVI – начале XVII в. в письменной культуре Московского государства появляется специализированная «литература»: профессиональные тексты, относящиеся к технике письма, и каллиграфические пособия, самые ранние из которых известны нам с 1600-х гг. (Цыпкин Д.О. «Азбука фряская» 1604 года как источник по истории искусства письма Древней Руси // *Актуальные проблемы теории и истории искусства: сборник научных статей*. Вып. 6. СПб., 2016. С. 800–814).

Что касается *техники письма*, то во второй половине XVI в. складывается техника *скорописи*, как отличная от *книжного письма*. В результате русское письмо в техническом плане становится двухтипным. В этом отношении необходимо особо отметить то, что развитая древнерусская *скоропись* (рассматриваемая в формах, характерных для XVII в.) имеет различия с *книжным письмом* на уровне психофизиологии процесса письма. Это показывают экспериментальные исследования работы профессиональных каллиграфов, специализирующихся на исторических формах русского письма. Такие эксперименты, проводимые с помощью современных мето-

дик регистрации движений глаз (айтрекинг), осуществляются нами совместно с сотрудниками Института физиологии РАН им. И.П. Павлова. Их первые результаты были представлены в 2019 г. в докладе Якимовой Е.Г, Цыпкина Д.О., Васильева П.П., Шелепина Е.Ю. «К вопросу о физиологическом исследовании исторических навыков (на материале исторических типов русского письма)» (прочитан на микросимпозиуме «Естественнонаучные методы в изучении культурного наследия» в рамках VII Европейской конференции по рассеянию нейтронов ECNS 02.07.2019 г. в Санкт-Петербурге). Формирование техники *скорописи* должно рассматриваться в качестве маркера изменения древнерусской навыковой культуры в целом (культуры навыков и привычек, анализ динамики которой играет исключительно важную роль в выявлении и понимании изменения человека в историческом времени).

Показательно то, что *скоропись* как феномен техники письма оказалась столь глобальным явлением, что определила разделение буквально всей основной материальной составляющей русской письменной культуры XVII в. на «книжную» и «скорописную» (так, например, на «книжную» и «скорописную» начинает подразделяться писчая бумага – см.: Ляховицкий Е.А., Скопина М.А. К вопросу о древнерусских представлениях о сортности бумаги в связи с различными типами и техниками древнерусского письма // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Мат-лы XXXI Междунар. науч. конф. М., 2018. С. 241–242).

Около первой четверти XVII в. в русском письме обнаруживается ещё одно важное нововведение – переход от «коленного письма» к письму за столом. В процессе книгописания писчий материал начинает располагаться не только на коленях пишущего, как было до этого, но и на столе. Рассмотрению данного вопроса посвящена статья А.Б. Беловой «Канцелярское письмо XVI–XVII вв. на материале свидетельств иностранцев. К вопросу о коленном письме» (подготовлена для публикации в ближайшем выпуске сборника «Книжные центры Древней Руси»). Здесь лишь необходимо подчеркнуть то, что привычная посадка и расположение писчего материала являются одним из важных элементов техники письма. Появление тенденций к изменению этого навыка, безусловно, сигнализирует о процессах модификации письменной культуры.

Как показали проводимые в ЛКИиНТЭД спектроскопические (мультиспектральная визуализация) и спектрометрические (рентгенофлуоресцентный анализ) исследования рукописей из собрания Отдела рукописей РНБ, во второй половине XVI в. в системе древнерусских красителей, употреблявшихся для письма, также возни-

кают изменения. Начинает наблюдаться применение наравне с железистыми ещё и углеродсодержащих (сажевых) чернил. Начало активного использования этих чернил мы склонны связывать с возникновением и развитием русского книгопечатания (для которого применялась краска на сажевой основе). Не исключено, что именно появление красителей данного типа первоначально повлияло на возникновение разделения чернил на «книжные» («уставные») и «скоростные», которое наблюдается в русской письменной культуре в XVII в. (см., например: Свод письменных источников по технике древнерусской живописи, книжного дела и художественного ремесла XV–XIX вв. Т. 1, Кн. 1. СПб., 1995. С. 88, 91, 179, 205, 296, 323). Впрочем, эта догадка не означает того, что само понятие «чернила книжные» нужно связывать с углеродсодержащими красителями, а понятие «чернила скоростные» с железистыми. Такое утверждение было бы неверным – противоречащим сохранившимся историческим рецептам древнерусских чернил.

Приблизительно с конца 60-х – начала 70-х гг. XV в. в развитии регистровой организации *системы древнерусского письма* (Цыпкина Д.О. К вопросу о *регистрах* древнерусского письма // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Мат-лы XXXII Междунар. науч. конф. М., 2019. С. 423–425) начинает ярко проявляться тенденция стилового выделения различных *регистров* (*графико-функциональных регистров*) *письма*, что приводит к развитию полистилевого индивидуального письма у профессиональных пишущих. Пик этого процесса приходится на вторую половину XVI – первую половину XVII вв., когда установка на разнотильность индивидуального письма закрепляется и каллиграфическими пособиями, и соответствующими учебными текстами. Показательным примером здесь является уже не раз рассматривавшаяся нами «Азбука фряская» 1604 г. (СПБИН РАН. Ф. 115. № 160).

Комплексный анализ указанных тенденций и явлений позволяет предположить, что со второй половины XVI – начала XVII вв. в истории письма Московского царства начинается переход к эпохе Нового Времени. Если определять культурный вектор рассматриваемого процесса, то надо отметить, что в нем явно прослеживаются черты вестернизации. Ярким примером может служить изменение в *подписном регистре*, где происходит переход от удостоверительного текста (*рукоприкладства*) к современной модели подписи. Так, в самом конце Смутного времени, очевидно, под влиянием польско-литовской канцелярской традиции, в московских документах появляются типичные западноевропейские росчерки-парафы, в результате чего русская подпись далее развивается уже в характерной за-

падной форме (*Цыпкин Д.О.* Становление современной русской подписи в Раннее Новое время. Предварительные наблюдения // Мавродинские чтения 2018: мат-лы Всеросс. науч. конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина. СПб., 2018. С. 135–139).

Отмеченные в докладе тенденции соотносятся с целым рядом глобальных или менее крупных явлений, которые можно интерпретировать как прямые или косвенные проявления западноевропейского влияния в русской книжной культуре конца XV – начала XVII вв. Этот период стал своего рода «длинным XVI веком» отечественной письменной культуры, который в том числе включил в себя появление и развитие старопечатного стиля в орнаментике рукописной книги; появление и развитие книгопечатания; а также наблюдаемые с 60-х гг. XVI в. изменения в конструкции и характере декора книжного переплета (*Клепиков С.А.* Орнаментальные украшения переплетов конца XV – первой половины XVII веков в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря // Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. Вып. 22. М., 1960. С. 59–60, 65–72), и первый отлив собственной московской писчей бумаги в середине 1560-х гг. (*Савельева Н.В.* «Бумага для царя Ивана Грозного» в Древлехранилище Пушкинского Дома // Труды Отдела древнерусской литературы Т. LV. СПб., 2004. С. 430–440). Наконец, сюда можно отнести и становление в XVI в. отдельного написания слов, которое, по мнению Б.И. Осипова, первоначально возникает в русской письменности в польско-литовских землях как следствие западноевропейского влияния, позже переходя в Московскую Русь (*Осипов Б.И.* Судьбы русского письма: История русской графики, орфографии и пунктуации. М.; Омск, 2010. С. 259–260).

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

*О.А. Абеленцева, к.и.н., с.н.с.
СПБНИИ РАН*

Приходные и расходные денежные книги Успенского Тихвинского монастыря 1623–1633 гг.: основные принципы оформления

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-01-0000106 / 19*

В процессе бытования некоторые приходные и расходные денежные книги Успенского Тихвинского монастыря были разделены на части или неправильно переплетены, в отдельных случаях в XIX – начале XX вв. из книг разных казначеев формировались и переплетались подборки. В связи с этим при подготовке книг к публикации возникла необходимость установить критерии, по которым можно было бы определить целостность отдельной книги. Персональная ответственность казначеев определяет крайние даты ведения ими учетной документации. В изучаемый период в монастыре послушание несли два казначея – Иринарх (июль 1623 г. – июнь 1631 г.) и Авраамий (июль 1631 г. – 18 октября 1633 г.). Старец Иринарх стал казначеем ранее июля 1623 г., но его ранние книги погибли в монастырском пожаре 29 июня 1623 г.

Протоколом книг являлась преамбула о назначении нового казначея или годовая дата с именем или без имени прежнего казначея. Преамбула включала в себя дату, имя игумена, благословившего нового казначея, имя самого казначея и наименование документа: «Лета 7139-го году месяца июля с 1-го числа Успения Пречистые Богородицы Тифина монастыря по благословению игумена Васьяна з братьею послан в казначеи старец Аврамей. И при его казначействе книги казенные росходные» (Архив СПбНИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 29. Л. 2).

Формуляр годовой даты для вновь начинаемых прежним казначеем книг был неустойчив и мог иметь краткую или распространенную форму. Краткая форма использовалась для черновиков или продолжающихся книг и состояла только из даты и указания на вид книги – приход или расход: «Лета 7134-го сентября с 1-го дни расход» (Там же. № 13. Л. 2). В беловиках краткой формы добавлялись: 1) имя казначея: «Лета 7132-го году апреля с 1-го дни при казначеи

старце Илинархе росход» (Там же. № 9. Л. 2); или 2) имя казначея, название монастыря и указание вида документа – книги казенные приходные или расходные: «Лета 7138-го году месяца сентября с 1-го числа книги Пречистые Богородицы Тифина монастыря казенные при казначеи старцы Илинархе расходные» (Там же. № 21. Л. 64). После преамбулы или годовой даты мог быть повторно указан месяц и день начала ведения записей: «Месяца сентября с 1-го числа росход» (Там же). Такими же подзаголовками выделялось начало каждого месяца.

Кроме даты или преамбулы в начале книги на чистом листе изредка дополнительно писался краткий заголовок-помета. Таких заголовков за 1623–1633 гг. учтено всего два. Время их появления установить точно не представляется возможным. Надпись могли сделать и позднее, но при условии, что первый лист рукописи был оставлен чистым. Например, в черновой расходной книге казначея Иринарха за апрель – август 1624 г. дан заголовок без даты «Книги расходные при казначее старце Илинархе» (Там же. № 9. Л. 1), а на первом листе белой расходной денежной книги 1631/32 г. казначея Авраамия заголовок с датой, но без имени казначея: «139-го году книги расходные» (Там же. № 29. Л. 1). В конце завершенных книг также оставляли чистые листы.

Если книга велась казначеем более года, то в следующих годовых датах его имя, как правило, не писалось – ставились только следующий год и месяц. Например, в начале расходной книги казначея Авраамия 1 июля 1631 г. помещена преамбула, а в начале 1631/32 и 1632/33 г. только даты: «Лета 7140-го году месяца сентября в 1 день росход», «Лета 7141-го году сентября с 1-го дни росход» (Там же. № 32. Л. 1, 55). Важным критерием определения целостности книги является совпадение начала нового календарного учетного периода (сентябрьского года) с началом тетради. В случаях, когда книги велись более одного года, записи следующего года продолжались в той же тетради без перерыва.

В начале новой книги, как правило, оставляли чистый лист. Из 25 книг, выделенных нами на основании ранее названных критериев, он имеется в 18 (в восьми черновых и десяти белых). В шести из 18 на первый лист вынесены элементы начального протокола: в двух – преамбулы о назначении нового казначея, в двух – годовые даты, еще в двух краткие пометы-заголовки; в пяти из шести на первом листе дополнительно поставлены пометы «Росход» или «Приход». В этих же шести случаях оборот листа оставался чистым, в оставшихся 12-ти начальный протокол помещался на втором листе непосредственно перед записями.

Анализ книг показывает, что основной структурной единицей при учете денежного прихода и расхода был год. Из учтенных 25 книг записи за один год содержат 12 книг, еще шесть велись меньше года или больше (от 1 месяца 18 дней до 1 года и 2 месяцев) по независящим от казначея причинам. Например, беловые приходная и расходная денежные книги казначея Иринарха за 1630/31 г. содержат записи за 10 месяцев в связи с кончиной казначея в июне 1631 г. (Там же. № 6. Л. 192–219; № 21. Л. 119–174). Беловая расходная книга казначея Авраамия за июль 1631 – август 1632 г. включает записи за июль – август 1630/31 г. и за весь 1631/32 г. (Там же. № 29. Л. 1–82), то есть через два месяца после вступления в должность казначея не стал заводить новую книгу. Беловик приходной книги Авраамия за сентябрь 1632 г. – 18 октября 1633 г. (Там же. № 33. Л. 41–77) оформлен как единая книга, то есть к годовой книге за 1632/33 г. присоединены записи за сентябрь и 1–18 октября 1633/34 г., а беловик расходной книги за тот же месяц и 18 дней оформлен отдельно (Там же. № 29. Л. 171–186). Из шести книг, которые велись сроком от 1 года 10 месяцев до 2 лет 3 месяцев и 18 дней, две являются беловыми и четыре черновыми (Там же. № 6. Л. 1–48, 49–96; № 28, 34, 38 (одна книга); № 22. Л. 49–56 и № 32. Л. 1–136 (одна книга).

Приведенные данные показывают, что несмотря на существование в монастыре в 1623–1633 гг. тенденции к оформлению годовых книг, в начале которых указывалась сентябрьская годовая дата и имя казначея, фактически срок ведения конкретной книги определялся ситуативно.

*А.Г. Авдеев, к.и.н., доц.
ПСТГУ*

Древнейшее ядро некрополя Троицкого Макарьева Калязина монастыря: структура и судьба

Доклад подготовлен при поддержке Фонда Развития ПСТГУ, Университета Дмитрия Пожарского, Лаборатории RISSDA в рамках исследовательского проекта «CIR: Корпус русских надписей / Corpus inscriptionum Rossicarum» [электронный ресурс] URL: <https://www.cir.rssda.su>. Научный руководитель проекта – А.Г. Авдеев, технический руководитель – Ю.М. Свойский

Мужской Троицкий Макарьев Калязин (Колязин) монастырь Тверской епархии располагался на северо-востоке Тверского великого княжества в устье реки Жабни (Жабны), правого притока Волги, на её левом берегу. После образования Кашинского уезда (1534) обитель вошла в его Нерехотский стан.

Основателем монастыря был Матфей Васильевич Кожин, принявший при постриге имя Макарий († 17 марта 1483 г.). Время основания обители большинство исследователей относит к 1444 г.

Почитание прп. Макария началось после обретения его мощей 26 мая 1521 г. в ходе строительства каменного собора во имя Святой Троицы вместо воздвигнутой при жизни подвижника деревянной церкви. На Освященном Соборе 1522/23 г. было установлено местное почитание прп. Макария Калязинского. На Соборе 1547 г. он первым из тверских святых был причислен к общерусским.

О некрополе обители сохранились отрывочные сведения. Первое известное из источников погребение на нём принадлежит прп. Макарию Калязинскому. «Сказание об обретении мощей» подвижника называет место захоронения – в 9,5 сажнях напротив «десной стороны» деревянной Троицкой церкви и описывает внешний вид могилы – «гробница <...> с иконами честными», ставшая объектом почитания. По-видимому, полную аналогию этому сооружению даёт могила прп. Зосимы Соловецкого. Внешний вид «гробницы» прп. Макария, находившейся на грунтовом некрополе, заманчиво было бы связать с надгробницей – надмогильным сооружением, делавшимся из кирпича, однако едва ли не первое упоминание последнего в Житии Прокопия Устюжского относится к более позднему времени – первой половине XVI в. – и связано с внутрхрамовым пространством.

Очевидно, что прп. Макарий был похоронен на древнейшем участке некрополя, активно функционировавшем с момента основания монастыря. Согласно «Сказанию...», во время раскопок его могилы «многа телеса и кости умръших обрѣтоша», которые были перезахоронены в отдельной костнице. Источник определённо свидетельствует, что за исключением могилы прп. Макария, погребения на территории монастыря принадлежали рядовым монахам и мирянам. Древнейший некрополь занимал наиболее знаковый участок – близ южной стены Троицкого храма, традиционно ассоциировавшийся с предстоянием праведников в день Страшного Суда.

Из «Сказания...» следуют три вывода, позволяющих понять структуру древнейшего некрополя. Во-первых, в монастыре изначально действовал Иерусалимский устав, поскольку Студийский устав категорически запрещал любые погребения внутри обители, «аще и что того ради подаст». Во-вторых, в монастыре уже соблюдался канонический запрет на погребения внутри храма. В-третьих, до прославления могила подвижника ещё не была центром «зоны святости» (термин Л.А. Беляева), вокруг которой стремились быть погребёнными знатные и/или благочестивые семьи. Неизвестно, дей-

ствовала ли при этом в обители практика регулярного синодичного поминовения. В Калязин монастырь она, вероятно, пришла не позднее второй трети XVI в.: одно из первых упоминаний вклада с условием погребения и поминовения в обители содержится в духовной грамоте Тимофея Окулова сына Бесерменова (между 1533–1555 гг.).

Формирование «зоны святости», очевидно, началось после строительства первого каменного храма в 1521 г. Уже в XVII в. некрополь приобрёл чёткую структуру. Его сакральным центром была рака с мощами прп. Макария Калязинского, установленная в южном приделе Троицкого собора с правой стороны от алтаря. Соответственно на некрополе за южной стеной храма находился особый участок с захоронениями Кожиных, к роду которых принадлежал подвижник. Следует отметить, что некрополь этого рода был разделён между селом Гретьково и Калязиным монастырём. Начиная с Анании Кожки, деда прп. Макария, в селе находили упокоение только владельцы родовой вотчины, их жёны и – в ряде случаев, вне зависимости от семейного статуса, – дети (CIR4032–CIR4038). На грунтовом некрополе у южного придела Троицкого собора, скорее всего, хоронили представителей младших ответвлений рода, имевших поместья в Калязинском уезде. Этот участок наглядно демонстрировал слияние зоны «родовой памяти» с «зоной святости», тогда как сельская усыпальница воспринималась как семейный некрополь и приобрела статус святости только в XIX в. Оба «ядра» некрополей Кожиных, не имеющие аналогов среди родовых захоронений в иных монастырях, объединяли почитание прп. Макария и установленный им порядок поминовения родственников, когда «изъ Колязина монастыря игумены ѳздили <...> ежелѣтно» в с. Кожино.

У южной и северной стен Троицкого храма располагались участки с погребениями «прочих лиц». Во второй половине 20-х гг. XVII в. на некрополе обители существовал отдельный участок «гдѣ кладутца Колязинские власти» – игумены, архимандриты и, вероятно, соборные старцы. 20 августа 1626 г. на нём был похоронен киевский игумен Петроней, но местоположение его могилы неизвестно, – возможно, он располагался, как показывает захоронение митрополита Сарского и Подонского Серапиона (CIR4049), на участке грунтового некрополя напротив западной паперти каменного Троицкого собора.

Некрополь, сложившийся в XV–XVII вв., постоянно разрушался во время строительных и ремонтных работ, проводимых в обители. Так, о надгробных плитах с «иссеченными письменами», найденных при перекладке полов в Троицком соборе, сообщил в 1867 г. А.Н. Лебедев. Возможно, они были связаны либо с более ранними

напластованиями, перекрытыми во время возведения нового каменного храма в 1654 г., либо с использованием надгробий на нужды строительства. Можно предполагать, что участок с захоронениями монастырских властей оказался внутри западной паперти новопостроенного собора, где вплоть до его разрушения сохранялась могила митрополита Серапиона. Полная гибель плит древнего некрополя относится к 30-м – 40-м гг. XIX в., когда обитель была очищена от древних надгробных плит XVI–XVII вв., пущенных на строительство новых и ремонт существующих зданий, а освободившаяся территория была занята иконными лавками и часовнями. В 1940 г. монастырь был уничтожен и частично затоплен водами Угличского водохранилища, не будучи исследован археологически.

Имена захороненных на древнейшем ядре некрополя позволяют восстановить акты XVI – начала XVII в. из архива обители. Синодик и Кормовая книга обители содержат имена поминаемых лиц, умерших в XVII в., но достоверно выделить из них тех, кто был похоронен на монастырском некрополе, не всегда возможно.

Независимым от других категорий источником, подтверждающим наличие захоронений на монастырском некрополе начиная с конца XV в., являются белокаменные надгробные плиты с эпитафиями, хранящиеся в Калязинском краеведческом музее им. Н.Ф. Никольского. От «каменного архива» обители сохранилось три надгробия, выявленных в 1939–1940 гг. в процессе разборки монастырских строений: CIR0686 (1497 г.), CIR0689 (начало второй четверти XVI в.) и CIR0685 (1610 г.). Все плиты несут следы вторичного использования, что подтверждает сведения историков XIX в. об утилизации белокаменных надгробий. При этом надгробная плита с эпитафией 1497 г. (CIR0686) свидетельствует о том, что в конце XV в. обитель вошла в число регионов распространения старейших подписных надгробий.

*К.А. Аверьянов, д.и.н., в.н.с.
ИРИ РАН*

О датировке первой духовной грамоты Ивана Калиты

От московского князя Ивана Калиты сохранились в подлиннике два завещания. По большей части своего содержания они совпадают друг с другом, однако во втором завещании добавлены распоряжения князя о селах на территории Владимирского великого княжества. Это свидетельствует о том, что они являются разновременными документами, а не вариантами одного и того же завещания.

Обе грамоты не датированы. Тем не менее, в них содержатся указания, которые позволяют определить время их написания. Обе написаны перед поездкой Калиты в Орду, в первой из них уточняется, что грамоту писал дьяк великого князя Кострома. Как известно, Калита получил титул великого князя в 1328 г., а после этого ездил в Орду в 1331, 1333, 1336 и 1339 гг. Историками было выяснено, что упоминаемое в грамоте «золото княгини моее Оленино» относится к первой жене Калиты Елене, которая, по свидетельству Рогожского летописца, скончалась 1 марта 6839 (1331) г. (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 46), а не названной по имени княгиней «с меншими детьми» является вторая супруга Калиты Ульяна с ее дочерьми Марией и Феодосией. Рогожский летописец под 6840 (1332) г. поместил (без указания точной даты) известие: «Того же лета въ другое оженися князь великий Иванъ Даниловичъ» (Там же. Стб. 46–47). Все это позволило В.А. Кучкину отнести составление первой грамоты к 1336 г., а второй – к 1339 г. (*Кучкин В.А.* Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты? // *Источникведение отечественной истории.* 1989. М., 1989. С. 206–225).

Вместе с тем исследователь, пытаясь объяснить, почему в первой грамоте не упомянуты принадлежавшие Калите села на территории Владимирского великого княжения, предположил, что они достались московскому князю уже после составления первого завещания. Однако этому противоречит свидетельство второго завещания, где упоминается «село Павловское, бабы нашее купля», т. е. принадлежавшее еще жене Александра Невского и полученное Калитой явно задолго до 1336 г.

Указанное противоречие объясняется гораздо проще. После разгрома Твери в 1327 г. хан Узбек утвердил великим князем, помимо Ивана Калиты, Александра Васильевича Суздальского. Только после смерти последнего, которую Рогожский летописец датирует 6839 (1331) г. (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 46), Владимирское великое княжение полностью перешло к Ивану Калите, и он смог упомянуть принадлежавшие ему здесь села в своем втором завещании. Отсюда следует главный вывод – первое завещание Калиты было составлено до смерти его соправителя Александра Васильевича, перед поездкой московского князя в Орду, о которой московский летописец упоминает под 6839 (1331) г. (ПСРЛ. Т. XXV. С. 170).

Московский летописец, в отличие от тверского, правильно датирует смерти Елены и Александра Суздальского 6840 (1332) г. (Там же. С. 170). Дело в том, что после разгрома Твери в 1327 г. тверское летописание на долгие годы прекратилось и возобновилось только в конце XV в. При этом тверскому летописцу пришлось восстанавли-

вать пропущенные события «задним числом», о чем свидетельствуют неточности в хронологии Рогожского летописца за середину XIV в., отмечаемые исследователями. Ряд событий он восстанавливал гипотетически. Зная о втором браке Калиты (Ульяна была еще жива в начале 1370-х гг.), он предположил, что он был заключен после обычного в то время годового траура.

Между тем, в московском летописании (включая пергаменную Троицкую летопись) отсутствуют известия о втором браке Калиты, хотя, по идее, местный летописец не мог не отметить такого важного события в жизни своего князя. Это наводит на мысль, что с ним было «не все в порядке», и автор свода 1340 г. предпочел промолчать о нем. Имеется упоминание, что первая жена Калиты Елена скончалась «в черницахъ и въ схиме». Осторожно можно предположить, что она постриглась в монахини, а Калита женился второй раз еще при жизни первой супруги. Понятно, что данный факт был неприятен сыну Елены великому князю Семену Гордому, и поэтому летописец опустил известие о нем.

Время пострижения Елены определяется хронологическими рамками 4 июля 1327 г. (рождение младшего сына Калиты Андрея) и 1 марта 1332 г. (смерть Елены). Уточнить его позволяет свидетельство летописи о захоронении Елены в кремлевском соборе Спаса «на Бору», который впоследствии в XIV в. стал местом погребения московских княгинь. Московский летописец датирует основание Спасского монастыря 10 мая 1330 г. (Там же. С. 169). Очевидно, именно в нем Елена приняла постриг.

Определенные указания на обстоятельства, связанные с ним, дает позднейшая Никоновская летопись. Под 1329 г. она рассказывает о пребывании митрополита Феогноста в Новгороде, где в это же время находился и Иван Калита, который оттуда возвратился «къ Москве» (ПСРЛ. Т. X. С. 201–202). Далее под этим же 1329 г. следует статья с заголовком «О Даниловскомъ», где говорится о поездке митрополита Феогноста на Волынь, затем в Галич и Киев. Именно туда явились к нему послы от Ивана Калиты с просьбой разрешить поставить в Москве будущий Спасский собор. При этом непонятно, что мешало московскому князю договориться об этом непосредственно с самим митрополитом во время их недавнего совместного пребывания в Новгороде.

Уникальность этой статьи, более не повторяющейся в других летописях, свидетельствует, что автор Никоновской летописи явно использовал материалы митрополичьего архива. Внимание обращают заключительные слова статьи, что Калита «*ни въ день, ни въ ночь ни въ единъ часъ отлученъ быти хотяше*; и тако благослове-

ние приемлеть отъ пресвященнаго Феогнаста, митрополита Киевскаго и всея Руси, и *делу касающаюся*» (Там же. С. 203). Выделенные нами слова представляют явную цитату из недошедшего до нас источника, а истинной целью пришедших к митрополиту послов было дело о разводе Калиты с первой супругой, чтобы избежать церковного покаяния.

Если это так, то развод и пострижение Елены следует датировать первой половиной 1330 г. Видимо, сразу после этого Калита женился второй раз. Нам не известно, была ли на тот момент Ульяна беременна, но уже к концу 1331 г., накануне поездки Калиты в Орду, у нее уже были две дочери. Становится понятной и фраза завещания князя о передаче всех золотых украшений его первой супруги ее дочери: уходя в монастырь, она отказывалась от всего мирского.

С учетом изложенного первую духовную грамоту Ивана Калиты следует датировать временем накануне его поездки 1331 г. в Орду. Напомним, что именно к этой дате склонялся Н.М. Карамзин, говоря о времени написания завещания Калиты.

*С.Ю. Агишев, к.и.н., доц.
МГУ им. М.В. Ломоносова*

Текст литеральный и текст фигуративный на предполагаемой печати норвежского короля Сверрира

Около 1857 г. в норвежском городе Тёнсберг при выкапывании погребца был обнаружен оттиск печати, выполненный на круглой, диаметром 60 мм, латунной заготовке (*Nicolaysen N. Norske fornlevninger: en oplysende fortegnelse over Norges fortidslevninger, ældre en reformationen og henførte til hver sit sted. Kr., 1862–1866. S. 769*). В ее поле – восстающий лев среди цветущих деревьев; передние лапы животного подняты и вооружены когтями; пасть зверя сомкнута. Поза льва шагающая: он опирается на левую заднюю лапу, правая задняя лапа поднята, под ней – в отдельном картуше – зеркально отраженная и лежащая горизонтально литера «S»; хвост зверя пропущен между лап. Легенда – «✠ VERUS: TESTIS: EGO: NUNTIA: VERA: TEGO» (*Norske Konge-sigiller og andre fyrste-sigiller fra middelalderen / Utg. C. Brinchmann. Kr., 1924. Pl. XXI*). Долгое время считалось, что эта печать принадлежала ярлу Скули (*Ibid. S. 2; Kolsrud O. Bergen Bys segl, vaaben, farver og flag (Bergens Historiske Forenings Skrifter, № 27). Bergen, 1921. S. 33–34*). В начале 1980-х гг. О. Фьордхольм предположил, что действительным ее обладателем был Сверрир (1177–1202), приведя тому ряд доказательств (*Fjordholm O. Om opphavet til det norske løvevåpen //*

Heraldik i Norden / Red. A. Tønnesen (Heraldisk tidsskrift. Bd. 5–2). Kbh., 1984. S. 37–39).

Вероятно, «тёнсбергский оттиск» связан с печатью, легенда которой – «Suerus rex Magnus ferus ut leo mitis ut agnus» – приведена английским историком Вильямом Ньюбургским (1136–1198) в его «Истории деяний англичан» (*Historia rerum Anglicarum Willelmi Parvi, ordinis sancti Augusti canonici regularis in scenobio beatæ Mariæ de Newburgh in agro Eboracensi* / Ed. H.C. Hamilton. L., 1856. Vol. I. P. 231). Целый ряд весомых аргументов позволяют утверждать, что печать, описанная Вильямом, действительно существовала, а не является его выдумкой (*Успенский Ф.Б. «Яростный как лев, кроткий как агнец»: легенда печати и легенда власти в Норвегии XII–XIII вв. // Historia animata. Памяти Ольги Игоревны Варьяш. М., 2004. Ч. 3. С. 42–48).*

Решающий аргумент О. Фьордохльма также связан с трактовкой легенды печати. Текст, который передает Вильям Ньюбургский, и тот, что имеется на «тёнсбергском оттиске», вместе составляют строфу, записанную шестистопным лебнинским стихом. Легенда на «тёнсбергском оттиске» представляет собой пентаметрическое двустишие, которое отдельно в четырехчастной строфе не употребляется, а всегда связано с предшествующим ему двустишием гекзаметрическим. Не только конечные, но также начальные и внутренние рифмы, обеспечивают связь внутри каждого двустишия и обеих двустиший между собой, которые, таким образом, не существуют друг без друга.

Литера «S», подставленная в начало второго дистиха перед начальной «V», вместо слова «Verus» в начале первого двустишия даст «Sverus», и в этом случае легенда на реверсе печати является ребусом (*Fjordholm O. Op. cit. S. 39*). Вторичное появление имени «Sverus» обеспечивает дополнительную скрепу обеих частей строфы и, как следствие, обеих сторон печати, а сама строфа обретает новый смысл.

Так, легенда передает прямую речь: [S]VERUS: TESTIS: EGO («Сверрир/Верное, свидетель/доказательство я»), а выражение NUNTIA: VERA: TEGO («Послание верное я скрепляю») можно рассматривать как ее продолжение. При этом автор текста, имеющегося на «тёнсбергском оттиске», как видно, поиграл со словом «верный», «истинный», рассматривая при этом печать как отдельный документ, говорящий от собственного лица.

Иконография «тёнсбергского оттиска» может быть истолкована в контексте политической биографии Сверрира. Изображение льва позволяет трактовать его как смиренного (*morne*). Но является ли это

животное на предполагаемой печати Сверрира таковым в действительности? Будучи не раз униженным в своем царственном достоинстве (отказом в королевском происхождении, папской анафемой, интердиктом его владений), Сверрир не отказался от королевского сана и продолжал борьбу. Посредством такого изображения льва на своей печати Сверрир, возможно, и выказал смирение, но не отрекся от сана конунга, что явлено в легенде, цитируемой Вильямом Ньюбургским (Suerus rex Magnus), и не отказался от атрибутов королевской власти, одним из которых наряду с короной, скипетром и коронационным облачением, захваченных Сверриром у Магнуса Эрлингссона (Сага о Сверрире. М., 1980. С. 80), являлась та же печать. Смирение выразилось только в том, что лев на «тёнсбергском оттиске» поджал хвост и сомкнул пасть, формально признавая свое унижение. То был сигнал готовности к примирению, но не к прекращению борьбы: лапы льва вооружены когтями и находятся в атакующей позе, которую вполне можно было принять и за нейтральную. Противоположное толкование позы этого животного как ярящегося, позволяет предложить положение хвоста между задними лапами, что может рассматриваться не в качестве знака смирения, а, напротив – агрессии, когда лев, готовясь к нападению, прыжку, бьет себя хвостом по бокам. Обе позы сложно разделить и противопоставить. Они как бы «перетекают» друг в друга и должны прочитываться одновременно и амбивалентно.

При этом зверь вопреки законам зоологии символически совмещает в себе черты и льва, и агнца. И то, и другое животное, как известно, были аллегорическими изображениями Христа. Вероятно, Сверрир хотел не унизиться, а сказать, что нарочитым самоуничтожением он, подобно Спасителю, являет собой непорочную жертву. Его лев – это Христос-царь и Христос-агнец, а сам Сверрир вынужден быть и тем и другим, о чем и говорит легенда, где король прямо называется и львом, и агнцем одновременно (*ferus ut leo mitis ut agnus*). А предложение с ребусом во втором двестишии на «тёнсбергском оттиске» удостоверяет это. Однако мир внутри страны и примирение со Святым престолом и Церковью внутри самой Норвегии еще не были достигнуты, а, значит, кротость могла быть только обозначена.

Символика цветка в искусстве Южной Италии IV в. до н.э.

Классическое искусство Южной Италии представляет собой феномен исключительной сложности. Это заключительный этап развития греческого искусства на одной из его самых продуктивных периферий (в Западной Греции), впитавший богатство традиций соседних культурных народов – этрусков, италиков и частично финикийцев, обитавших в ряде мест Южной Италии и Сицилии. Представлено это искусство главным образом погребальными расписными вазами, завершающими огромный исторический путь балканской керамики, начатый еще в неолите, в VI тыс. до н.э. Нигде, ни в одном районе Древнего мира, не наблюдалось столь последовательного, непрерывного и постоянно совершенствующегося процесса развития гончарного мастерства как явления высокого искусства.

Среди более чем двадцати тысяч vaz, созданных для погребальных целей в Апулии, самом богатом керамическом регионе Италии, наиболее сложные, с грандиозными композициями, относятся ко второй половине IV в. до н.э. Большую роль в них играют растительные символы (особенно пальметты), в том числе получающий особую популярность с середины IV в. до н.э. цветок.

Цветок широко представлен в росписи монументальных vaz, где он сочетается с женской головой (реже с фигурой) и иногда помещается в основании или в разделительном срединном фризе, но, как правило, – на лицевой стороне шейки сосуда. Обычно голова богини вырастает из чашечки цветка или венчает такую чашечку, причем, по сторонам вьются побеги фантастических растений, намекающих на некий небесный сад.

Цветы в связи с погребальным ритуалом известны очень давно, с тех пор как Р. Солецки открыл в иракской пещере Шанидар (1960) захоронение неандертальца с восемью видами цветов (*Solecki R.S. Shanidar IV, a Neanderthal Flower Burial in Northern Iraq // Science. Vol. 190. Issue 4217. P. 880–881*); событие имело место ок. 70 тыс. лет до н.э. Что касается искусства, здесь впервые образ цветка появляется в эпоху неолита – в керамике Телль-Халафа, где в местечке Арпачия было найдено известное блюдо, заполненное изображением многолепесткового цветка, вероятно, соотносившегося с солнцем. Трехмерные цветочные изображения стали появляться в основном в Шумере, в эпоху могил Царского некрополя Ура (ок. середины III тыс. до н.э.). Наиболее известный пример – погребальный убор царицы Шубад/Пуаби, где над четырьмя сложными венками –

из колец, буковых и ивовых листьев – возвышается слитный золотой гребень в виде стебля-пластины с семью цветками на нем.

В знаменитых троянских диадемах тоже отразился растительный образ, хотя и без цветов, а вот в искусстве минойско-микенского мира идея «космического» цветка достигла своего высшего расцвета (золотые цветы из погребений Мохлоса, кратер с лилиями стиля Камарес; цветы на многочисленных вазах стиля Камарес, Дворцового стиля и прочих; цветы в росписях святилищ Акротири на о. Фера; цветы в изображении микенских процессий, и другие (см.: *Акимова Л.И.* Искусство Эгейского мира. М., 2020). Параллельный процесс отмечен и на Востоке. Так, цветы широко известны в погребальных росписях египтян Среднего царства; обряд срывания цветов, еще мало изученный в погребальном контексте, зафиксирован в древнеегипетской иконографии и письменных источниках. В «исторической» Греции изображения цветочных ритуалов, как и самих цветов (кроме условных «розетт»), весьма ограничены, за исключением примеров ваз Ориентализирующего стиля и ряда позднеархаических, где встречаются заимствованные с Востока сцены вдыхания аромата цветов (ср.: *Böhm S.* A Flower-Smelling Man. About a Pictorial Motif of Cypro-Archaic Vase-Painting, its Iconography and Significance // *V. Karageorghis, H. Matthäus, S. Rogge* (Hrsg.). Cyprus: Religion and Society from the Late Bronze Age to the End of the Archaic Period. Proceedings of an International Symposium on Cypriote Archaeology. Erlangen, 2004. P. 91–98).

Но в Южной Италии образ цветка приобрел свой особый символический смысл. Это цветы пышные, огромные, почти сказочной красоты (ср.: *Trendall A.D., Cambitoglou A.* The Red-Figured Vases of Apulia. Vol. I. Oxford, 1978. Pl. 159, 1). Они растут из земли, отделяя живых от умерших; их дарят покойным, но, что очень важно, иногда они заменяют умерших в погребальном наиске (ср.: *Ibid.* Pl. 124, 1–2; 3–4; *Trendall A.D.* Red Figure Vases of South Italy and Sicily. London, 1989. Pl. 178). Это обстоятельство наводит на мысль, что цветок занимает особое место в представлениях итальянцев о посмертной судьбе человека.

В чашечке цветка, растущем в волшебном саду, может появляться голова Эрота-андрогина, молодого Пана или других божественных персон (*Ibid.* Pl. 188, 189). Но образ Афродиты, несомненно, доминирует: она – центр волшебного сада и его воплощение (*Magna Grecia. Vita religiosa e cultura letteraria, filosofica e scientifica. A cura di G. Pugliese Carratelli.* Milano, 1988. Pl. 210). Причем, в этом саду вершатся посмертные суды (Сфинга судит матереубийцу Ореста), похищаются жизни (нападение грифона на фригийца), имеют место

события, ведущие к апофеозу (похищение Зевсом-орлом Ганимеда или Талии – ср.: *Trendall A.D. Red Figure Vases of South Italy and Sicily*. London, 1989. Pl. 240). Становится ясно, что этот странный сад (ср. М. Цветаева: «Тот сад – а может быть тот свет?») – не райская сфера, а среда трансформаций, наследник древних минойских коралловых садов, где морская Владычица Афродита в образе осьминога некогда «судила» (т. е. убивала/возрождала) своих паредров-мужчин. В этой системе цветов, из которого вырастает голова богини, или который, напротив, вырастает из головы Афродиты (ср. терракоты в Москве, ГМИИ. Инв. № АТ 2794; АТ 2988; в музее Пестума – см. *Magna Grecia...* P. 133, Fig. 199; P. 134, Fig. 201), представляет великую богиню руководительницей ритуала перехода от смерти к жизни в образе цветка.

*А.Н. Акинъшин, к.и.н., доц.
Воронежский ГУ*

*М.Ю. Катин-Ярцев, к.и.н.
председатель ГА РОИА,
науч. рук. «Проекта
Жизнь»*

Князь Иван Алексеевич Гагарин и его ближайшее потомство от первого брака

*Работа выполнена по гранту РФФИ 18-011-00953а
«Н.Ф. Федоров. Энциклопедия с онлайн-версией»*

Биография действительного тайного советника князя И.А. Гагарина (16.09.1771, Москва – 12.10.1832, Москва) хорошо известна. Но поколенной росписи рода нет ни у кн. А.Б. Лобанова-Ростовского, ни у В.В. Руммеля и В.В. Голубцова. Все сыновья и потомство младшего сына представлены только у кн. П.Д. Долгорукова. Эту ветвь рода Гагариных с полным правом можно называть тамбовской, так как основной массив имений был сосредоточен в Елатомском и Шацком уездах этой губернии.

Первым браком И.А. Гагарин был женат на Елизавете Ивановне Балабиной (28.3.1773–15.12.1803, СПб.), от которой имел шестерых сыновей: Дмитрия (25.2.1797–14.3.1875, с. Былка Кролевецкого уезда Черниговской губ.), Павла (1.1.1798, СПб. – 23.5.1872 (?), Москва), близнецов Григория (2.2.1800, СПб. – 26.6.1848) и Константина (2.2.1800, СПб. – 1851, Тамбов), Александра (1801–27.10.1857, Кутаис), Владимира (13.12.1803–9.3.1860, Москва).

Дмитрий Иванович, генерал-майор, Керчь-Еникальский градоначальник, был женат на Софье Петровне, урожденной Ивашкиной. Дети: Петр (3.3.1827–20.1.1888, СПб.), был женат на графине Анастасии Александровне Стенбок-Фермор (8.9.1837–1.12.1891, СПб.),

Екатерина (1828–11.4.1904), в замужестве Горлова, Лидия (р. 1829), Елизавета (р. 1830), в замужестве Морткина, Иван (1830–1889), Александр (28.3.1834–6.8.1866), Александра (р. 1834), Константин (10.11.1841 – август 1920, Крым), рязанский губернатор в 1883–1886 гг., был женат на Евдокии Аргиропуло, Аглаида (?–1865), в замужестве маркиза Паулуччи.

Константин, предводитель дворянства Шацкого уезда с 1834 г., Тамбовской губернии – с 1846 г., был женат на дочери курского вице-губернатора Николая Семеновича Паскевича, Варваре (? – после 1861). Сведения О.Б. Муратовой о наличии у него сына Николая ошибочны.

Александр Иванович, генерал-лейтенант, Кутаисский генерал-губернатор, был женат дважды. Первая жена, с 1834 г. – Мария Андреевна Бороздина (1.9.1804–1849), в первом браке за декабристом И.В. Поджио, вторая жена, с 1851 г. – княжна Анастасия Давидовна Орбелиани (13.07.1825–1907, имение Кучук-Ламбат, г. Алушта, Крым). Детей не имел.

Владимир был женат на дочери бригадира Екатерине Васильевне Сабуровой (10.4.1810–26.12.1868, Москва), у них были дети: Иван (р. 7.11.1829, Калуга – после 1863), Николай (19.12.1830, с. Ратьково Мещевского уезда Калужской губ. – 1.10.1886, СПб.), генерал-лейтенант, и его близнец Василий (9.12.1830, с. Ратьково – 1911, СПб.), Анна (22.5.1832, с. Ратьково – 14.9.1887), в замужестве Миклашевская, Дмитрий (28.9.1833, с. Ратьково), Елизавета, Лидия (8.8.1840, Москва – 1.3.1915), в замужестве Шидловская [Сведения о рождении всех детей В.И. Гагарина сообщил А.А. Шумков].

Григорий Иванович, камер-юнкер, был женат на Екатерине Семеновне, урожденной Ляпуновой, детей, по всей видимости, не имел.

Павел Иванович от сожительства с «дворянской девицей Елизаветой Ивановой» имел детей Елизавету (4.5.1826–6.2.1898, г. Изюм Харьковской губ.), в замужестве Полтавцеву, Юлию (1827–1.1.1908, СПб.), в замужестве Евстафьеву, Александра (2.7.1828–23.2.1897, СПб.) и Николая (26.5.1829–15.12.1903, Москва). Оба сына были известны под фамилией Федоров, при этом младший из них, философ, пользовался отчеством «Федорович» по крестному отцу. Копии метрик с подтверждением дат рождения в с. Ключи Елатомского уезда Тамбовской губернии есть только на сыновей. В законном браке с Людмилой Ивановной Вырубовой (ок. 1809–1839/41, Одесса) родились дети Елизавета (р. 9.4.1832), Иван (7.5.1833 – после 1861), поручик, Константин (р. 17.5.1834), Николай (р. 9.5.1835), Зинаида (29.3.1838 – после 1872), в замужестве Тришатная. При этом место рождения известно только у Ивана – Москва, крещен в

Знаменской церкви близ Девичьего поля в Зубове. Предположительно в Москве родилась и старшая дочь Елизавета, остальные – в Тамбовской губернии, где Павлу Ивановичу принадлежали деревня Ключи и село Вялсы. К сожалению, метрическая книга с. Вялсы сохранилась лишь за 1825 и 1839 гг. От сожительства с актрисой итальянского происхождения Ольгой Вервиццотти (? – ок. 1858, с. Сасово Елатомского уезда Тамбовской губ.) родились дети Александр (1.10.1847, Кишинев – 13.10.1908, Москва), Анатолий (1854, с. Сасово – 1904) и неназванная по имени дочь. Сыновья, ставшие актерами, известны под сценическими псевдонимами Ленский и Ленский 2-й. Поиск сведений о «дворянской девице Елизавете Ивановой» пока не дал результатов.

Дети и внуки кн. И.А. Гагарина упоминаются в переписке, связанной с биографией философа Николая Федорова. Он общался с братьями отца Александром и Дмитрием, а Константин Иванович по сути был его опекуном: оплачивал учебу в гимназии и лицее, оставил небольшие средства по завещанию. Родственные отношения с Федоровым поддерживала его сестра З.П. Тришатная и двоюродный брат Иван Дмитриевич Гагарин.

*А.И. Алексеев, д.и.н., заведующий
ОР РНБ*

Представители элиты Петровского времени в синодике Московского Богоявленского монастыря

*Исследование выполнено по гранту РФФИ в рамках научного проекта
№ 20-09-42025/20*

Московский Богоявленский монастырь был крупным центром поминальной практики. В XIV–XVI столетиях монастырь был связан с родами старомосковской знати Вельяминовыми, Плещеевыми, Аксаковыми, князьями Ромодановскими-Стародубскими и Буйновскими-Ростовскими, а также с представителями приказной бюрократии (Алексеев А.И. Роспись главам древнейшего синодика Московского Богоявленского монастыря // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: археография, палеография, кодикология.* Вып. 4. СПб., 2001. С. 7–33). Позиции Богоявленского монастыря в иерархической «Лестнице духовных властей» на протяжении XVI–XVII вв. менялись, но оставались стабильно высокими (Алексеев А.И. «Лестница духовных властей» митрополита Макария // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Т. XXXVIII. СПб., 2019. С. 255–264). Монастырь сильно пострадал во время событий Смуты в 1612–1613 гг., но был возрожден при царе Михаиле Федо-

ровиче. В XVII в. среду вкладчиков монастыря дополнили представители аристократических родов Долгоруковых, Голицыных, Шереметевых.

Некрополь монастыря не сохранился, следы единичных погребений были обнаружены в ходе археологических раскопок. Эпитафии некрополя были изданы в 1791 г. (Надписи, находящиеся в Богоявленском Московском монастыре // Древняя российская вифлиофика. М., 1791. Ч. 19. С. 304–348). Ценным источником для изучения правящего сословия Российского государства в период царствования Петра Великого является монастырский помянник (РНБ. F.IV.196). Он был заведен в монастыре с 1660-х годов и регулярно пополнялся записями вплоть до 1710-х гг. Ряд записей был внесен в синодик позднее в 1720-х – 1730-х гг. В поминании царей последним основным почерком записано имя царя Алексея Михайловича (Л. 44 об.). Имена царя Федора Алексеевича († 1682), царевичей Ильи Федоровича († 1681), Александра Петровича († 1692), Алексея Петровича († 1718) написаны разными почерками и чернилами. Последним записана память «благочестивейшаго государя Петра Великаго императора и самодержца Всероссийскаго» († 1725) (Л. 45). Поминальную рубрику с именами цариц и царевен завершают имена: Натальи Алексеевны († 1716), Марфы Апраксиной († 1716), Екатерины Алексеевны († 1718), Прасковьи Федоровны Салтыковой († 1723) (Л. 47).

В XVII–XVIII вв. в монастырском некрополе обрели покой несколько десятков видных представителей фамилии князей Долгоруких. Кровавые события мая 1682 г. в Москве, спровоцированные борьбой за власть между придворными группировками Милославских и Нарышкиных, оставили свой след на страницах монастырского помянника. Жертвами мятежных стрельцов стали виднейшие бояре: Юрий (Софроний) Алексеевич Долгорукий, боярин в 1642–1682 гг., его сын Михаил Юрьевич Долгоруков, боярин в 1671–1682 гг., оба были убиты 15 мая 1682 г. и погребены в Московском Богоявленском монастыре (РНБ. F.IV.196. Л. 88–88 об.). В синодике записан и убитый тогда же князь, боярин (с 1665 г.) Григорий Григорьевич Ромодановский. (Л. 82).

В помяннике отразились превратности судеб князей Долгоруких в период наполненного военными конфликтами правления Петра Великого: стольник Иван Дмитриевич Долгоруков был убит 14 октября 1691 г. в потешном бою у с. Преображенского и погребен в монастыре (Л. 91 об.); в 1696 г. умер стольник Прохор Григорьевич (Л. 91); в 1703 г. умер стольник Борис Федорович (Л. 92); в 1701 г. умер боярин Владимир Дмитриевич Долгоруков (молит-

венное имя Афанасий) (Л. 95 об.); Юрий Владимирович Долгоруков в чине полковника был убит 9 октября 1707 г. во время восстания Булавина (Л. 95 об.); князь Петр Михайлович Долгоруков пал 14 мая 1708 г. в бою под с. Головчиным и был погребен в Богоявленском монастыре (Л. 91); Лука Федорович Долгоруков (ум. 13 февраля 1710 г.) в 1703–1708 гг. занимал должность судьи Казенного приказа (Л. 92); его брат стольник Василий Федорович Долгоруков (ум. 5 марта 1713 г.) также был погребен в Богоявленском монастыре (Л. 88 об.). В помяннике записана и мамка будущего царя-реформатора Мавра (в схиме Мариамия) Григорьевна Колычева (урожденная Долгорукова), постриглась в монахини в 1713 г. (Л. 91). Там же помещено поминание рода Якова Федоровича Долгорукова (князь, боярин с 1696 г., с 1711 г. генерал-пленипотенциар-кригс-комиссар, ум. 1720 г.) (Л. 92).

Представители другой аристократической фамилии Голицыных представлены в Богоявленском синодике значительно более скромно. Из числа князей Голицыных в помяннике обнаруживаем имена: Алексея Андреевича (ум. 1694 г.), боярина с 1658 г. (Л. 72 об.), Андрея Ивановича, боярина в 1682–1686 гг. (Л. 72 об.), Бориса (в монашестве Боголеп) Алексеевича (ум. 1714 г.), боярина с 1689 г., воспитателя царя Петра I (Л. 73); Михаила Михайловича (ум. 1730 г.), генерал-фельдмаршал с 1725 г., в 1728–1730 гг. президент Военной коллегии (Л. 73).

В поминальной рубрике рода Шереметевых наиболее выдающиеся представители фамилии периода царствования Петра представлены именами бояр Шереметевых Петром Васильевичем (ум. 1690 г.), боярин в 1656–1690 гг. (Л. 81 об.) и его полным тезкой боярином Петром Васильевичем (ум. 1725 г.), а также полковником Алексеем Михайловичем (ум. 1734 г.).

Из числа других представителей знати Петровского времени заслуживают упоминания Горчаков Борис Васильевич (ум. 1695 г.), князь, окольный с 1681 г. (Л. 72 об.); Лыков Михаил Иванович (ум. 1701 г.), боярин в 1682–1701 гг. (Л. 77); Шеин Алексей Семенович (1662–1700), ближний боярин с 1695 г., генералиссимус с 1696 г. (Л. 72 об.).

*А.Н. Алексеева, вед.
библиотекарь
ОР РНБ*

*Е.А. Ляховицкий,
к.и.н., заведующий
ЛКИиНТЭД
ОР РНБ*

*Е.С. Симонова,
библиотекарь I
категории
ОР РНБ*

*С.В. Супро,
заведующий ОТИ
Русский Музей*

*Д.О. Цыпкин, к.и.н.,
доц., зав. кафедрой
ИИ СПбГУ*

*М.А. Шибаяев, д.и.н.,
заведующий СИБО
ОР РНБ*

Проект комплексного исследования древнерусских чернил: первые результаты

*Исследование выполнено по гранту РФФИ
в рамках научного проекта № 18-00-00311 КОМФИ*

Древнерусские чернила, очевидно, являются одним из основных технологических компонентов памятников письменности. Тем не менее, они остаются недостаточно исследованными. Данная проблематика рассматривается прежде всего на материалах письменных источников – древнерусских рецептов. Изучение состава древнерусских чернил почти исключительно связано с реставрационными исследованиями. При высоком научном и техническом уровне этих исследований, в рамках которых активно применяются физические методы анализа, они, как правило, решают конкретные практические задачи и связаны с конкретными памятниками.

В мировой науке исследование исторических чернил является на сегодня достаточно развитым направлением. Можно говорить о сложившемся стандарте их естественно-научного исследования. Первым, предварительным этапом в нем является скрининг документов путем спектральной визуализации текста. На базе оценки спектрального поведения выделяются группы, из которых избираются объекты для углубленного исследования химического состава. На этом этапе главную роль играет РФЛА спектрометрия. Несмотря на существенные успехи, следует отметить, что зарубежные проекты исследования исторических красителей текста характеризуются относительно небольшим массивом исследованных памятников, существенно меньшим, чем требуется для полноценного рассмотрения функционирования чернил в рамках той или иной развитой локальной письменной культуры за длительное время её существования. Это обстоятельство обусловлено тем, что ни в одном из проектов естественно-научные исследования не интегрированы непосредственно в систему хранения памятников письменности.

В настоящий момент на базе Лаборатории кодикологических исследований и научно-технической экспертизы документов Отдела рукописей РНБ осуществляется проект комплексного исследования древнерусских чернил. На первом этапе было осуществлено комплексное технологическое исследование 30 древнерусских кодексов XI–XVII вв.

В соответствии с мировым опытом в качестве основного метода группировки была использована спектрозональная визуализация. В отличие от зарубежных опытов применения этого метода, основной акцент исследования был сделан не на сравнении исследуемых объектов на “опорных” длинах волн, а на анализе их спектрального поведения: динамики изменений пропускания на различных длинах волн. Такой подход позволил добиться более тонкого разделения исследуемых памятников на группы. Массив спектральных снимков был проанализирован посредством формализованной шкалы визуальной оценки (с использованием стандартных средств программной обработки гистограммы оптических плотностей для компенсации разницы в контрастах изображения на различных длинах волн). Результаты спектрозональной визуализации дополнялись посредством аппаратного контроля цвета (с анализом спектральных характеристик чернил в видимой области спектра). В выделенных группах выбирались «реперные объекты» для интерпретации и уточнения мультиспектральной картины (характерной для данной группы) методом РФЛА.

Результаты исследования позволяют предположить наличие хронологических корреляций в спектральном поведении и составе исследованных образцов: подавляющее большинство рассмотренных кодексов XI – начала XV вв. демонстрирует равномерно возрастающее при увеличении длины волны пропускание в ближней ИК области спектра. За пределами XIV в. не было зафиксировано чернил с растительной основой. Почти все исследованные памятники конца XV – первой половины XVII вв. имеют железистую основу чернил и демонстрируют умеренное или слабое пропускание без существенного нарастания после 940 нм. Сажевые чернила фиксируются уже в памятнике, относящемся к третьей четверти XVI в. Ими переписаны также исследованные памятники второй половины XVII в. Можно предполагать, что появление этого типа чернил в писцовой практике Древней Руси является следствием влияния книгопечатания, типографская краска для которого производилась на основе сажи.

*А.Н. Алексеева, вед.
библиотекарь
ОР РНБ*

*Е.А. Ляховицкий,
к.и.н., заведующий
ЛКИиНТЭД
ОР РНБ*

*Е.С. Симонова,
библиотекарь I
категории
ОР РНБ*

*М.А. Шибаев, д.и.н.,
заведующий СИБО
ОР РНБ*

*Д.О. Цыпкин, к.и.н.,
доц., зав. кафедрой
ИИ СПбГУ*

К исторической типологии древнерусского пергамена XI – XV веков

Исследование подготовлено по гранту РФФИ № 17-29-04157 офу_м

Уже в классических учебниках по славяно-русской палеографии обращалось внимание на неодинаковый характер выделки древнерусского пергамена для различных хронологических периодов. Наиболее ценные наблюдения в этом отношении принадлежат Г.З. Быковой, которая отметила близость пергамена группы роскошных Евангелий начала XV в. (Морозовского, Хитрово, Андроникова монастыря) к пергамену западноевропейской выделки. Она, в частности, обратила внимание на наличие следов зубчатых орудий. Более ранний древнерусский пергамен она считала принципиально близким по технологии выделки к византийскому.

При всей ценности наблюдений и выводов, сделанных специалистами в области исследования и реставрации древнерусских памятников, нужно заметить, что проблема истории древнерусского пергамена, его технологической типологии до сих пор не получила систематического освещения на значительном массиве рукописных памятников. В настоящем сообщении представлены основные промежуточные результаты проекта исследования технологии выделки древнерусского пергамена, направленного на восполнение этой лакуны. В рамках проекта изучено 68 древнерусских кодексов XI–XV вв. В центре внимания исследования – артефакты производства, прежде всего – следы поверхностной обработки и линования. Кроме того, оценивались (визуально и аппаратно) цветовые характеристики пергамена, измерялась толщина пергаменных листов. Проведенное исследование дает основания говорить о двух основных типах древнерусского пергамена XI–XV вв.

Первый тип представлен подавляющим большинством исследованных кодексов XI – начала XIII вв. Наиболее характерная его черта – следы в виде борозд или царапин, непрерывные на своем протяжении, идущие, как правило, от угла листа по его диагонали на

всю ширину, реже – прямо, иногда – по обеим диагоналям, образуя сетчатую структуру. Как рельефные следы-борозды их можно наблюдать только на мясных сторонах листов. Такой характер расположения следов дает основание связывать их с использованием стругов – специальных ножей для удаления мездры со шкуры. В подавляющем большинстве случаев такие следы в кодексах очень частотны (наблюдаются на каждом или почти на каждом листе) и хорошо читаются. На волосяной стороне листов пергамента первого типа, как правило, можно наблюдать следы шлифования пемзой.

Неравномерность механической обработки волосяной и мясной стороны определяет остальные характерные черты пергамента первого типа. Стороны пергаменного листа существенно отличаются по цветовым характеристикам (волосяная – более темная и желтоватая). Разлиновка в подавляющем большинстве случаев проводилась по волосяной стороне. Соблюдалось так называемое «правило Грегори»: мясная сторона – к мясной, волосяная – к волосяной.

Второй тип пергамента характеризуется наличием следов зубчатого скребка-цикли, имеющих вид регулярно (через равный промежуток) чередующихся выпуклых и вогнутых объемных следов. Подобные следы полностью отсутствуют на пергаменте первого типа. Следы скребка-цикли, как и следы шлифования пемзой, можно наблюдать и на волосяной, и на мясной стороне листа. Следы струга наблюдаются очень редко и слабо выражены (для их полноценного наблюдения требуется съемка в ИК области спектра с последующим контрастированием). Соответственно, для пергамента второго типа разница в цвете между сторонами листа не выражена или отсутствует. Важной технологической характеристикой данного типа выделки является возможность наносить разлиновку с любой стороны.

Подавляющее большинство исследованных рукописей XI – начала XIII вв. переписано на пергаменте первого типа. После этого периода пергамен первого типа не фиксируется. По-видимому, его полностью вытесняет пергамен второго типа, использующийся до второй половины XV в. Таким образом, можно предположить наличие важной технологической границы в развитии древнерусской письменности, пролегающей в начале XIII века.

Иностранные деньги в средневековой Таврике: два новых интересных артефакта

Специфика географического расположения Крымского полуострова на перекрестке этнокультурных, политических и экономических интересов, стран и народов Причерноморья с самых древних времен обусловили небывалую пестроту местного денежного рынка.

Среди иностранных монет нередко можно встретить и латинские имитации крестоносцев, и дирхемы Иконийского султаната; монеты Палеологов, Трапезундской и Османской империй; Арагонского, Неаполитанского и Сицилийского королевств, Речи Посполитой и других правителей Европы, а также выпуски венецианской и генуэзских республик, не говоря уже о многочисленных монетах Востока (библиографию см.: *Алексеенко Н.А.* Иноземная монета (XIV–XVII вв.) в денежном обращении юго-западной Таврики. Эмитенты Речи Посполитой // *Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Сб. материалов II Междунар. науч. конф. СПб., 2019. С. 44–50).*

Особое место в денежном обращении полуострова занимают монеты правителей близлежащих к Крыму территорий Северо-Западного Причерноморья и Балкан. В последнее время среди находок стали доминировать монеты молдавских господарей, в то время как эмиссии болгарских царей, деспотов Добруджи и господарей Валахии занимают совсем незначительное место.

Сегодня эту группу мы можем дополнить двумя интересными находками.

Первая монета была недавно обнаружена в окрестностях античного города-крепости Илурат в Восточном Крыму, которую по аналогии с болгарскими и латинскими выпукло-вогнутыми выпусками, видимо, следует назвать имитационной стаменой Белы III.

1. Королевство Венгрия. Бела III (1172–1196).

АЕ. «Стамена» (D – 25 mm; вес – 2,5 g).

Аверс. Фигуры двух правителей в коронах (слева Белы; справа Стефана), сидящих на престолах без спинки и держащих в правых руках скипетры, а в левых – сферы, увенчанные крестами, анфас. По кругу латинская надпись: слева – REX BELA+ справа – REX STS.

Реверс. Фигура Девы Марии без нимба, сидящей на престоле без спинки и держащей в правой руке скипетр, анфас. По кругу латинская надпись: справа – +SANCTA; слева – MARIA+.

По внешнему виду эта серия монет Белы III, вне всякого сомнения, является византийским подражанием. Она широко известна в венгерской нумизматике (*Unger E. Magyar éremhatározó I. Budapest, 1997. Nr. 114*), но для Крыма она пока уникальна.

Известно, что еще в начале 1160-х гг. Мануил I Комнин (1118–1180) в междоусобной борьбе поддержал на престоле угров малолетнего сына умершего короля Гезы II Иштвана и в качестве заложника в Константинополь был отправлен его брат Бела, которого не имевший сына василевс планировал обручить с его единственной дочерью Марией и назвать наследником византийского престола. По прибытии в византийскую столицу Бела получил православное имя Алексей, ему были дарованы исключительные привилегии члена царской семьи и титул деспота. Однако после рождения у второй жены Мануила Марии Антиохийской наследника, Бела потерял право наследования и его помолвка с дочерью василевса была расстроена. Тем не менее это совсем не обозначало немилости – за него была сосватана сестра супруги василевса Агнес Антиохийская, и он получил титул кесаря. Смерть его брата Иштвана (Стефана) III в начале 1173 г. открыла ему прямой путь к угорскому престолу, что было весьма желаемым для Мануила. Император поставил жесткие условия новому королю угров, по которым серьезно ограничивалась его внешняя политика и всецело обеспечивались интересы империи. Лишь после смерти Мануила в 1180 г. он получил возможность расширения венгерской внешней политики на Балканах (см.: *Успенский Ф.И. История Византийской империи. М., 2005. Т. IV. С. 319–322*).

Венгерские монеты ранее не встречались среди крымских находок и, очевидно, их обращение на местном денежном рынке маловероятно. Об этом, надо полагать, свидетельствует и просверленное в поле отверстие для привешивания. Скорее всего, похожая на византийские эмиссии венгерская монета была принята именно за таковую, но затем стала объектом украшения костюма кого-то из местных жителей.

Вторая монета была обнаружена достаточно давно, но так и не была введена в научный оборот. По имеющейся у нас информации, она найдена в Восточном Крыму в одном из погребений, отрытых в свое время А.А. Маслениковым (около 1993 г.).

2. Далмация. Дубровник (итал. *Repubblica di Ragusa*) 1696 г.
AR. Grosetto (D – ок. 17 mm).

Аверс. Фигура Иисуса Христа в рост, анфас, в эллипсе из 14 шестилучевых звезд (по 7 слева и справа); правая рука поднята в

жесте благословения, в левой – увенчанная крестом сфера. По кругу латинская легенда: справа – TVTA; слева – SALVS.

Реверс. Святой Власий, с нимбом, в митре и латинском одеянии и ризе, украшенной длинным крестом, в рост, анфас; правая рука поднята в жесте благословения, в левой – макет города; по сторонам фигуры в поле цифры: слева – 16 (практически не сохранились); справа – 96 (1696 г.). По кругу частично сохранившаяся латинская надпись: справа – S BL[ASIV]S; слева – RAG[V]SII.

Данный тип монет хорошо известен в нумизматическом мире (Corpus Nummorum Italicorum VI. Roma, 1922. P. 499. Nr. 147), однако в Крыму он встречен впервые.

Как известно, город-порт Дубровник достиг пика своего могущества в XVI в., когда он стал одним из главных посредников в экономических отношениях Османской империи и государств Европы. Очевидно, именно этой его функции мы и обязаны появлению далматинской монеты в Крыму, где и в конце XVII столетия еще переплетались интересы крымских ханов, султанов Порты и правителей Европы.

Таким образом, представленные выше два, безусловно, интересных нумизматических артефакта являются еще одним дополнительным свидетельством разнообразия и пестроты местного денежного рынка и дают новую важную информацию о проникновении в Крым иноземной монеты не только из ставших уже традиционными итальянских владений, но и с Адриатики и Паннонии.

*О.В. Ауров, к.и.н., доц., в.н.с.,
ШАГИ РАНХиГС (Москва), РГГУ*

Рукописные источники по истории библиотеки капитула Толедского собора середины XV века

Настоящий доклад посвящен исследованию рукописей MSS/13596 и MSS/13471, датируемых 1455 г. и хранящихся ныне в Отделе рукописей Национальной библиотеки. Обе рукописи практически идентичны по содержанию: вторая из них является нотариально заверенной копией первой. Однако, их параллельное изучение представляется целесообразным, с учетом степени сохранности и некоторых особенностей письма, поскольку сопоставление текстов в ряде случаев позволяет более уверенно интерпретировать сложные места. Мадридские рукописи MSS/13596 и MSS/13471 являются важным источником по истории книжной культуры Кастилии и Леона, поскольку содержат наиболее ранний из сохранившихся катало-

гов (*inventarium*) библиотеки капитула Толедского собора, одной из крупнейших средневековых соборных библиотек Испании.

Обе рассматриваемые рукописи попали в Национальную библиотеку из библиотеки Толедского собора, где хранились ранее (о чем свидетельствуют, в частности, шифры этой библиотеки, сохранившиеся на форзацах). Рукопись MSS/13596 (32 листа с позднейшей нумерацией арабскими цифрами, в переплете, обтянутом черной тисненой кожей, с металлическим застежками) четко датируется по преамбуле нотариального акта (fol. 24rv), включающего точную дату завершения составления каталога – 29 января 1455 г. Известны и имена составителей инвентаря – каноник Педро Родригес де Дурасно, бакалавр канонического права Родриго Фернандес и нотариус Альфонсо Лопес де Куэнка (fol. 1r). Основной текст каталога (fol. 1r–24r), написанный на латинском языке (с включениями на старокастильском) готическим курсивом, представляет собой перечень книг, структурированных по их положению на книжных полках (*banchas*). Эта часть завершается уже упоминавшимся нотариальным актом, вслед за которым расположены перечень рукописей, полученных библиотекой позднее, (fol. 25r), а также дополнительный краткий список книг, организованный по тематическому принципу и выполненный рукой другого писца (fol. 26r–32v). На форзаце – другие дополнения, написанные почерком XVIII(?) века, отражающие состав книг в сундуках 21–22 (в настоящем исследовании эта часть рукописи не рассматривалась). Содержание рукописи MSS/13471 (38 листов, переплет аналогичного типа) не имеет существенных отличий от предыдущей, за исключением отсутствия нумерации страниц, а также позднейших дополнений, которые в данном случае отсутствуют.

Каталог был составлен при архиепископе Альфонсо Каррильо де Акунья (1446–1482), видном церковном и государственном деятеле, учившемся в Италии и хорошо знакомом с культурой Возрождения. Однако, вопреки априорным представлениям, текст не отражает значимых изменений, происшедших в европейской культуре к середине XV столетия: возникает впечатление, что состав собрания воспроизводит культурные реалии скорее «долгого XII века», чем эпохи Лоренцо Валлы. Так, как и в предшествующий период, мы встречаем в толедском собрании книги Ветхого и Нового Заветов, произведения Отцов и Учителей Церкви (Иеронима, Августина, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и др.), включая авторов средневекового времени (Исидора Севильского и др.) и выдающихся схоластов (Ансельма Кентерберийского, Фомы Аквинского, Николая де Лира и др.), церковные истории, труды по гражданскому и

каноническому праву, античные и средневековые сочинения по философии (включая Аристотеля и Платона) и космологии, математике и медицине. Вместе с тем, число сочинений античных писателей и поэтов остается крайне ограниченным (Катон, Плиний Старший, Цицерон), а комментарии к ним итальянских гуманистов отсутствуют вовсе, что обращает на себя особое внимание в сравнении с некоторыми другими епархиальными собраниями того же времени, в частности – библиотеки собора в Бурго-де-Осма, уже располагавшей трудами Леонардо Бруни (1370–1444), Джованни Тинто Вичини (жил на рубеже XIV–XV вв.), Джованни Боккаччо (1313–1375), Марсилио Фичино (1433–1499) и некоторых других.

Отмеченный парадокс, несомненно, нуждается в объяснении, поиск которого, впрочем, составляет уже объект отдельного исследования.

Избранная библиография

Источники

A. Неопубликованные. Национальная библиотека (Мадрид)

Inventarium librorum libraria alme ecclesie Toletane repertorium. Signatura: BNE MSS/13471 (olim BCT, Cajón 41, núm. 44) [a. 1455].

Inventarium librorum libraria alme ecclesie Toletane repertorium. Signatura: BNE MSS/13596 (olim BCT, Cajón 41, núm. 43) [a. 1455].

Б. Опубликованные

Pulgar H. Claros varones de Castilla. Madrid: Por don Gerónimo Ortega e hijos de Ibarra, 1789.

Литература

Faulhaber Ch.B. Libros y bibliotecas en la España medieval: una bibliografía de fuentes impresas. London, 1987.

Franco Silva A. El arzobispo de Toledo, Alonso Carrillo: un prelado belicoso del siglo XV apasionado por la riqueza y el poder. Cádiz, 2014.

González Ruiz R. Hombres y libros de Toledo (1086–1300). Madrid, 1997.

Maillo-Pozo R. El humanismo cívico en castilla a mediados del siglo xv: la “Batalla campal de los perros contra los lobos” de Alfonso de Palencia / A PhD dissertation. New York: The City University of New York, 2014. 207 p. [Электронный ресурс] URL: [https:// academic-works.cuny.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1449&context=gc_etds](https://academic-works.cuny.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1449&context=gc_etds).

Millás Vallicrosa J.M. Las traducciones orientales en los manuscritos de la Biblioteca Catedral de Toledo. Madrid, 1942.

Roco Orcajo T. Catálogo descriptivo de los códices que se conservan en la Santa Iglesia Catedral de Burgo de Osma // Boletín de la Real Academia de la Historia. 1929. T. 94–95. P. 655–792, 152–314.

И.М. Афонасенко
учитель истории Православной гимназии, г. Брянск

Родовой герб Крузенштернов в гербовнике датского королевского ордена Даннеброг

Шестой том рыцарского гербовника датского королевского ордена Даннеброг (*Dannebrogordenens Våbenbog*. Т. I–X. København: Ordenskapitlets, 1671–1999. Т. VI. S. 247) содержит изображение древнего герба рода фон Крузенштерн (*von Krusenstjern*). Единственным из прославленного рода кавалером Большого креста Даннеброга в 1888 г. стал Юлиус Эдвард фон Крузенштерн (*Julius Edvard von Krusenstjerna*, 1841–1907 гг.) – шведский политик и государственный деятель.

Родившись в шведском Эдхульте (*Askeryds kyrkoarkiv. Födelse- och dopböcker. SE/VALA/00022/C/6. 1832–1859. S. 69*), Ю.Э. фон Крузенштерн в 23 года получил ученую степень кандидата юриспруденции («*Juris utriusque kandidat*»), два десятилетия посвятил юридической практике в шведских судах, в 1883–1907 гг. занимал министерские посты, а также был Генеральным директором Королевской почтовой службы и депутатом парламента. За свою государственную службу был удостоен шведских, норвежских, прусских, австрийских, португальских, бельгийских и испанских орденов. Кроме того, был награжден российскими орденами Белого Орла и Св. Анны 1 степени (*Sveriges statskalender. 1905. № 62. S. 98–99*). Высокая датская королевская награда была вручена ему 25 июля 1888 г. В это время Юлиус фон Крузенштерн возглавлял шведское Министерство внутренних дел (*civilminister*), которое, в том числе, занималось вопросами экономики и торговли, промышленности и связи (он занимал эту должность дольше всех – 11 лет и 259 дней). Именно за большой вклад в развитие межгосударственных политических и торгово-экономических связей двух стран Юлиус Эдвард фон Крузенштерн был удостоен Большого креста ордена Даннеброг (*Svenkt biografiskt lexikon. Bd 21. S. 632*).

Герб Крузенштернов был утвержден шведской королевой Кристиной при возведении Филиппа Крузиуса в дворянское достоинство 9 марта 1649 г. На страницах орденового гербовника изображение герба в целом соответствует его рисунку в королевской грамоте: «В лазоревом поле согнутая рука вправо в червленом рукаве с серебряным обшлагом держит золотой лук без стрелы. Над ней золотая звезда. В нашлемнике серебряная персидская шапка (тюрбан) на котором стоит лазоревая стрела острием вверх. Намет: справа – лазоревый, подбитый червленым, слева – червленый, подбитый лазо-

ревым» (Släkten von Krusenstjerna. Bilagor. Stockholm, 1893. S. 73; автор выражает глубокую признательность геральдисту Марку Пашкову). Интересно, что согласно тексту грамоты, стрела в нащлемнике должна быть червленой (можно сделать осторожный вывод, что представители шведской ветви рода считали верным и использовали на практике именно «нарисованный» вариант герба из королевской грамоты). Графические варианты родовой эмблемы Крузенштернов встречаются почти во всех остзейских и балтийских гербовниках. При этом из всех известных нам геральдических изданий, лазоревый цвет стрелы встречается только в «Sveriges ridderskaps och adels vapenbok» (*Klingspor C.A. Sveriges ridderskaps och adels vapenbok. Uppsala, 1890. S. 45. Nr. 460*), что подтверждает использование шведскими Крузенштернами такого варианта герба. Значительной вариативностью отличался и нащлемник в виде тюрбана, который блазонировали и изображали в виде шапки с высокими тульями, восточной чалмы, а также колпака (*Rietstap J.-B. Armorial général. 2 éd. T. 1. Gouda, 1884. P. 1140*). Геральдический художник датского орденового Капитула при перерисовке герба в «Dannebrogordenens Våbenbog» допустил только одну вольность – в подложку намета с обеих сторон оказался добавлен золотой металл (трехцветными оказались и завитки намета на шлеме, приобретая черты бурлета).

Согласно авторской подписи, размещенной под гербом, данный рисунок был выполнен геральдическим художником Капитула датских королевских орденов Германом Фредериком Фунчем (Herman Friederich Funch) в 1919 г. Фунч занимал свой пост в 1887–1919 гг. вплоть до своей смерти 20 ноября 1919 г. Возникает вопрос – почему герб был нарисован только спустя 20 лет после награждения Ю.Э. фон Крузенштерна орденом Даннеброг? Этот случай является исключительным, так как большинство гербов кавалеров ордена 1888 г. были изображены в гербовнике в 1889–1891 гг. Согласно правилам, рисунок герба передавался геральдическому художнику секретарем Капитула сразу после поступления его от рыцаря-армигера. Статут ордена, «Dannebrog Ridder Ordens Statuter», обязывал кавалеров предоставлять свой герб в Капитул. Сам Юлиус Крузенштерн умер в 1907 г., а значит, он пренебрег правилами Статута, и рисунок герба был передан в орденовый Капитул кем-то из родственников многим позже, скорее всего, или его сыном майором Леннартом фон Крузенштерном (1881–1937) или его братом Эрнстом фон Крузенштерном (1846–1931). Тем, что страница гербовника с именем Крузенштерна не осталась пустой мы, вероятно, обязаны ответственной работе Германа Фунча, который на закате жизни

приводил все дела в порядок и через королевского секретаря добился от семьи Крузенштерна получения рисунка герба.

Более никто из представителей рода Крузенштернов не становился обладателем высших степеней ордена Даннеброг (*Пчелов Е.В., Афонасенко И.М.* Гербы российских кавалеров в гербовниках датских королевских орденов. М., в печати). Современным носителем этого герба и прямым потомком рыцаря Даннеброга является правнук Юлиуса Эдварда – знаменитый шведский продюсер и режиссер Фредерик Леннарт Филипп фон Крузенштерн (родился 13 ноября 1958 г.).

*Т.А. Базарова, к.и.н., заведующая
НИИиГи СПБНИИ РАН*

Петровская эпоха в рукописном собрании Воронцовых: По материалам Научно-исторического архива СПБНИИ РАН

*Исследование выполнено при поддержке РФФИ,
проект № 20-09-42051 Петровская эпоха*

Обширное книжное собрание Воронцовых сложилось в результате деятельности нескольких поколений семьи, игравшей важную роль в истории Российской империи середины XVIII – первой половины XIX в. В настоящее время печатные издания и рукописные материалы отдельных представителей семьи Воронцовых хранятся в крупнейших музеях, библиотеках и архивах России и Украины. В 1920 г. часть собрания Воронцовых поступила в Библиотеку АН СССР. Но уже в начале 1930-х гг. рукописные книги и документы передали в ЛОИИ (ныне — СПБНИИ РАН). Переплеты рукописей до сих пор хранят старые шифры, указывающие на прежнюю принадлежность собранию Библиотеки Академии наук.

Историей интересовались многие представители семьи Воронцовых. Однако больше всего подлинников и копий документов, а также сборников по Петровской эпохе связано с именами Михаила Илларионовича (1714–1767 гг.; канцлер в 1758–1763 гг.) и Александра Романовича (1741–1805 гг.; канцлер в 1802–1804 гг.) Воронцовых. Исследователь истории и состава собрания Воронцовых В.А. Петров отметил, что документы по истории внешней политике собирал и копировал главным образом Александр Романович. Именно для него готовили копии и обзоры документов Петровской эпохи сотрудники архива Коллегии иностранных дел (*Петров В.А.* Обзор собрания Воронцовых, хранящегося в архиве Ленинградского отдела Института истории Академии наук СССР // Проблемы источниковедения. М., 1956. Т. V. С. 102–145).

В Архиве СПбИИ также хранятся подлинники писем царевен дома Романовых, царевича Алексея Петровича, семьи Монсов. По просьбам М.И. и А.Р. Воронцовых делали выписки из бумаг Петра Великого и его сподвижников или копировали архивные дела целиком. Например, полностью был скопирован «Реестр писем, касающихся до следственных дел...» (РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Оп. 2. Кн. 58). Материалы Кабинета Петра Великого также послужили основой для сборника «Письма Петра Великого и А.В. Макарова А.М. Дивиеру» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. № 686). В отдельные тома переплетены копии писем членов царской семьи (Там же. № 1308), писем Ф.М. Склеяева (Там же. № 688) и др.

В фонде 36 «Воронцовы» также отложились четыре сборника «Копий с писем и реляций», адресованных ближайшему сподвижнику Петра Великого светлейшему князю Александру Даниловичу Меншикову: 1703–1705 гг., 1704 г., 1705 г., 1706 г. (Там же. № 692–695). Картонные переплеты томов оклеены «крапчатой» светлорычей бумагой; корешки с бинтами и уголки – коричневой кожей. Во всех сборниках почерки имеют явное сходство, а бумага – одинаковые водяные знаки (*Pro patria // C & I Honig*), позволяющие их датировать серединой – второй половиной XVIII в.

Основой для сборников послужили материалы походной канцелярии А.Д. Меншикова, которые в настоящее время хранятся в Архиве СПбИИ РАН. Они поступили из БАН СССР одновременно с собранием Воронцовых. В настоящее время фонд Походной канцелярии А.Д. Меншикова (Ф. 83) имеет три описи. Первую составляют преимущественно подлинники писем, донесений и реестров, вторую – книги копий, третью – черновые журналы. Предположительно, книги копий появились в середине – второй половине XVIII в. в результате работы с материалами походной канцелярии светлейшего князя служителей биографа первого российского императора – Петра Никифоровича Крекшина (1684–1763 или 1764 гг.) (Подробнее см.: *Базарова Т.А., Дадькина М.М.* «Дворянин Великого Новгорода» П.Н. Крекшин и походная канцелярия А.Д. Меншикова // Новгородский исторический сборник. Вып. 15(25). Великий Новгород, 2015. С. 217–229).

Сопоставление содержания трех сборников из фонда 36 (Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. № 692–694) с материалами фонда 83 позволило сделать вывод, что копировались не подлинные документы, а книги копий (Там же. Ф. 83. Оп. 2. № 1, 2, 5). Можно предположить, что четвертый сборник (Там же. Ф. 36. Оп. 1. № 695) тоже представляет собой копию с книги копий, содержавшей письма 1706 г. Однако такая книга в собрании СПбИИ РАН отсутствует

(нет и книги копий 1707 г.). В фонде 83 подлинников писем, полученных А.Д. Меншиковым в 1706 г., по сравнению с предыдущими годами, сохранилось очень мало. Например, там нет ни одного оригинала письма петербургского обер-коменданта Романа Вилимовича Брюса за 1706 г. В 1703–1706 гг. Р.В. Брюс занимался строительством Петербургской крепости и организацией обороны Санкт-Петербурга. Он часто докладывал петербургскому губернатору А.Д. Меншикову о ходе работ. Нередко интервал между отправкой его писем составлял меньше недели. Последнее письмо Р.В. Брюса, подлинник которого отложился в фонде 83, датировано 30 июля 1704 г. (Там же. Ф. 83. Оп. 1. № 360). Письма обер-коменданта из Санкт-Петербурга и Нарвы в 1705 г. сохранились только в виде копий (Там же. Оп. 2. № 2; Ф. 36. Оп. 1. № 694) или выписок (Там же. Ф. 83. Оп. 1. № 7806).

Таким образом, рукописные сборники из собрания Воронцова являются важными источниками для изучения истории России Петровской эпохи. Эти материалы привлекут внимание исследователей, занимающихся реконструкцией архива А.Д. Меншикова и анализом переписки светлейшего князя.

*Д.В. Байдуж, к.и.н., доц.
Тюменский ГУ*

Гласные эмблемы в саморепрезентации Тевтонского ордена в Пруссии

Таксономия, упорядочивание, чувство места, осознание принадлежности к группе и внутренние процессы иерархизации приобретают в средневековом социуме с XII в. особую важность. Сфрагистика отражает эти тенденции во всей полноте.

Покорение Тевтонским орденом языческих земель Пруссии было, в том числе, частью процесса христианизации пространства, его морально-религиозной трансформации, а строительство замков и городов, символизировавших новый порядок, противоположный прежнему хаосу, воспринималось в качестве религиозного акта (*Dygo M. Studia nad początkami władztwa zakonu niemieckiego w Prusach (1226–1259). Warszawa, 1992. S. 332*). Иконография печатей создаваемых должностей выражала сакрализацию ландшафта на эмблематическом уровне, не регламентировавшемся корпоративными Статутами.

Для выделенных в соответствии со «смысловым» подходом Т. Дидериха (*Diederich T. Prolegomena zu einer neuen Siegel-Typologie // Archiv für Diplomatik. 1983. Bd. 29. S. 242–284*) типов

орденских печатей наиболее характерны агиологические (*historia, imago*), эмблематические (в том числе гербы), гласные образы. Схожую картину демонстрирует городская сфрагистика Пруссии (*Hlebonek M. Miasto na pieczęci. Wokół wizualności pieczęci miejskich z terenu Prus // Zapiski Historyczne. 2019. T. 84. Z. 1. S. 85–121*). Анализ сфрагистической репрезентации иных социальных акторов региона (знати, горожан и др.) пока не проводился.

«Гласные» эмблемы, характерные среди всех регионов орденской активности именно для Пруссии, образуют, наряду с образами святых, старейший тип памятников сфрагистики. Это печати комтуров и хаускомтуров Христбурга (1250 г.), Кёнигсберга (1262 г.), Зантира (? , 1273 г.), Торна (? , 1296 г.), Бальги (?), Энгельсбурга (1330 г.), Мёве (1330 г.), Биргелая (? , 1339 г.), Голлуба (1397 г.), Редина (XIV в.), фогтов Диршау (1323 г.) и др. Речь идет о миметических образах, представляющих иконографическую обработку названия административной единицы с использованием омофонии, фонетического отождествления названий изобразительных элементов и топонимов, их визуальную кодификацию (фонетика и семантика, слово или чаще слог), игру.

Эта стратегия означивания относится к числу наиболее древних и распространенных механизмов эмблематизации в европейской культуре Высокого и особенно позднего Средневековья, «магии имени», говорящей в литературной и теологической традициях о сущности обозначаемого, и широко встречается, например, в Мекленбурге и Бранденбурге с 1230-х гг. Будучи равно характерной для знати и городов (*Bedos-Rezak B.M. Nom et non-sens. Le discours de l'image parlante sur les sceaux du Moyen Âge occidental (XIIe – XIIIe siècles) // Desir n'a repos. Hommage à Danielle Bohler / Éd. F. Bouchet, D. James-Raoul. Bordeaux, 2015. P. 189–204: P. 192*), гласная эмблематика, видимо, наиболее ярко отражает культурную роль регионов происхождения братии и влияния локальных традиций контактных зон славянских и немецкой культур. Эти образы практически полностью отсутствуют в иных владениях корпорации, прежде всего, в Священной Римской империи, где чаще приобретались территории с уже сформировавшимися кукльтами (*Kahsnitz R. Siegel als Zeugnisse der Frömmigkeitsgeschichte // 800 Jahre Deutscher Orden / Hrsg. G. Bott, U. Arnold. Gütersloh; München, 1990. S. 368–405*); в Пруссии Орден выступал творцом властных структур. Среди иных возможных объяснений диспропорции отмечается отсутствие у Ордена собственных святых (*Rozynkowski W. Omnes Sancti et Sanctae Dei. Studium nad kultem świętych w diecezjach pruskich państwa zakonu krzyżackiego. Malbork, 2006. S. 201*).

Отнесение ряда эмблем к категории гласных имеет гипотетический характер. Основные проблемы в интерпретации, распознавании этого типа изображения вызваны региональной дифференциацией и эволюцией языка, диалектных и исчезнувших слов (*Pastoureau M. Du nom à l'armoirie. Héraldique et anthroponymie médiévales // Genèse médiévale de l'anthroponymie modern. Т. 4. Tours, 1997. P. 83–105; Schich W. Redende Siegel brandenburgischer und anderer deutscher Städte im 13. und 14. Jahrhundert // Die Bildlichkeit korporativer Siegel im Mittelalter: Kunstgeschichte und Geschichte im Gespräch / Hrsg. M. Späth. Köln; Weimar; Wien, 2009. S. 113–130: S. 128*). Поиск возможных объяснений во внешних относительно памятников источниках, прежде всего, текстах, даёт скромные результаты. Хронист Пётр из Дусбурга пишет: *Ad Castrum Engelsbergk venerunt quidam religiosi viri, qui dum viderent statum et conversacionem fratrum ibidem, quesiverunt, quod esset nomen castrum. Quibus cum diceretur, quod Engelsbergk i. e.g mons angelorum vocaretur, responderunt: vere nomen habet a re, quia habitantes in eo angelicam ducunt vitam (Petri de Dusburg Chronicon Terrae Prussiae / Hrsg. M. Toeppen // Scriptorum rerum Prussicarum. Leipzig, 1861. Bd. I. S. 3–219: S. 63)*.

В целом, гласные изображения составляют около 1/3 печатей Ордена в Пруссии времени ок. 1300 г., что примерно соответствует общим подсчетам, составляющим, например, для городов от 20 до 27% (*Savorelli A. Stemmi 'parlanti' nell'araldica civica medievale: una sintesi statistica internazionale // Archives héraldiques suisses. 2018. Vol. 132. P. 97–112*). В течение XIV в. их число неуклонно снижается, что идет вразрез с тенденциями иных регионов бытования гласных эмблем, где оно с этого времени повышается. Если в период создания орденских административных структур они репрезентировали важнейшие единицы наравне с другими образами, то к XV в. статус понижается.

Должностная саморепрезентация официалов Тевтонского ордена в прусских землях основывалась на разных началах, демонстрируя различные механизмы эмблематизации, в целом отличаясь от других баллеев. Главной особенностью системы, отличавшей ее от иных регионов, было наличие как сакральных образов, так и территориальной эмблематики, в частности, гербов.

Систематизация изображений печатей Ордена позволяет говорить об их не совсем обычном в ряду церковных институтов характере, почерпнутом из культурного фонда эпохи и предполагающем иерархическое соответствие социального положения стратегии визуализации, социальную типизацию. Универсализм орденской эмблематики был эффективным инструментом интегрирования корпорации в христианский мир, где схожесть была важнее отличий.

Следует отметить своеобразное «резервирование» образов Христа и Девы Марии высшими официалами, и преобладание «гласных» эмблем для иных уровней иерархии, не столь характерное для других орденских владений.

*С.И. Баранова, д.и.н.
проф. РГГУ, г.н.с. МГОМЗ*

Описи Коломенского дворца

Попытка систематического обзора описей, в которых отражено состояние знаменитого памятника второй половины XVII в. – деревянного дворца в летней резиденции московских великих князей и царей, селе Коломенское, построенного в 1667 г. и разобранного спустя 100 лет – предпринималась не так часто, как это можно было ожидать.

Единственным опытом остается посвященная истории дворца диссертация Д.И. Ачаркана 1918 г., машинописная копия которой хранится в собрании МГОМЗ («*Ачаркан Д.И.* Дворцовое село Коломенское: история его памятников зодчества по архивным данным [Рукопись]. М., 1918»: Московский государственный объединенный музей-заповедник (МГОМЗ). Редкие рукописные и старопечатные книги. А-1596, К-13404). В ней приводятся тексты известных описей дворца и дается их анализ.

Эта группа источников использовалась весьма избирательно, главным образом, в известной публикации И.Е. Забелина (*Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2005. С. 342–359), с представленной частично описью «Росписного списка дворца села Коломенского» 1742 г. (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 486. Л. 8–42 об.). Он считал ее поздней копией несохранившейся «Описи в Коломенском дворце государевым хоромам и прочему строению на 46 листах 7185 (1677) года» (*Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 342, 343).

Совершенно невостребованными оказались описи Ивана Федоровича Мичурина (1703/1704 – после 1763), выдающегося зодчего первой половины – середины XVIII столетия (*Баранова С.И., Клименко С.В., Сабенина А.В.* Архитектор Иван Федорович Мичурин: портрет на фоне...: буклет выставки. М., 2017. 63 с.)

В первую очередь, это «Доношение архитектора Ивана Мичурина в Главную дворцовую канцелярию об осмотре дворца в Коломенском с описанием «ветхостей», сметами расходов строительных материалов и ценами на них» от 25 мая 1740 г. (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31818. Л. 58–69 об., копия на Л. 71–89 об.). Опись 1740 г.

подписана Мичуриным и содержит приписи (комментарии и дополнения), написанные его рукой.

Опись 1740 г. вшита в дело, включающее 454 листа. Помимо описей И.Ф. Мичурина в нем содержатся документы о Коломенском с апреля 1738 по январь 1744 г. включительно. Это доношение управителя села Коломенского комиссара Ивана Данилова 1738 г. и указы из Главной дворцовой канцелярии архитектору Мичурину об осмотре во дворце в Коломенском, предварявшие составление описи: 22 мая 1739 г. об осмотре во дворце в Коломенском ««ветхостей», описания их и составления сметы “на припасы и материалы” для ремонта» (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31818. Л. 46–48 об.) и 15 июня того же года об осмотре ветхостей в хоромаш «и протчае», составлении описи и сметы и подаче при доношении «немедленно» (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31818. Л. 51–52 об.).

Опись, выполненная профессиональным зодчим, одним из первых русских архитекторов-реставраторов, содержит множество бесценных сведений о многочисленных помещениях дворца, его окнах, печах, и т. п. На страницах описи дворец показан, хотя и малопригодным для жилья, но сохраняющим следы былого величия. А главное, требующим скорейшего ремонта.

Объявленные торги на ремонт оказались провалены. В 1741 г. Главная дворцовая канцелярия вновь поручила Мичурину осмотреть «все ветхости» в Коломенском и «учинить без излишеств смету». Новое «Доношение Ивана Мичурина в Главную дворцовую канцелярию об осмотре в Коломенском дворца, иконостасов соборной церкви Воскресения, церкви Георгия, церкви Казанской Богородицы, хозяйственных построек 9 погребам, пивоварням и др.) с описанием «ветхостей сверх» описи 1740 г. и сметами расходов на строительные материалы и ценами на них» (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31818. Л. 96–110), подписанное Мичуриным 31 декабря 1741 г., представило плачевную картину, о чем свидетельствует текст: «вновь сделать», «надлежит сделать», «надлежит починить».

Каких-либо документов по дворцу после 1742 г. не выявлено, вплоть до вступления в 1762 г. Екатерины II на престол (1762), ее первого посещения Коломенского и приказа произвести «архитекторский осмотр» дворца.

Эта работа была вновь поручена И.Ф. Мичурину. Появляется новая роспись ветхостей дворца: летом 1763 г. Мичурин и плотничный мастер Эрих докладывают о столь плачевном состоянии дворца, что они предлагают «... по мнению нашему... починкою исправить того дворца невозможно; а надлежит оной, по мнению нашему, разобрав весь, перестроить вновь и годные от той разборки мате-

риалы для употребления в перестройку выбрать и включить к числу новых материалов» (Цит. по: *Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 340).

В 1767 г. дворец после тщательных обмеров, создания чертежей и планов, был разобран, а в Коломенском начато строительство дворца для Екатерины Великой (*Баранова С.И.* К истории строительства Екатерининского дворца в Коломенском // Архитектурное наследство. СПб., 2015. Вып. 63. С. 78–95).

Вывод очевиден: до настоящего времени описи Коломенского дворца не используются во всем объеме и нуждаются в полной комментированной публикации. Их изучение не только позволит уточнить данные об истории дворца и деталях его убранства и интерьера, но и, возможно, решит вопрос о копийном характере описи дворца 1742 г. В этом случае обращение к описям и комплексный подход, совмещающий работу с письменными, изобразительными и вещевыми материалами, позволит на примере уникального памятника раскрыть своеобразие культуры XVII–XVIII веков.

М.В. Батиев, н.с.

РНИИ Культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва

Опубликованные эго-документы русских офицеров эпохи заграничных походов 1813–1815 гг. как источники по истории Германии

Представления о «другом», о жизни других стран формируется в процессе заграничных поездок. Русские офицеры-дворяне в начале позапрошлого века получили возможность познакомиться с жизнью других стран во время заграничных походов 1813–1815 гг. Некоторые из них свои впечатления от увиденного зафиксировали в различных автодокументальных произведениях. В данной статье мне хотелось бы проанализировать имеющиеся в нашем распоряжении тексты, где зафиксированы их впечатления от увиденного в Германии. Меня будет интересовать, как они увидели ту часть жизни Германии, которая не была связана с военными кампаниями союзников против Наполеона.

Прежде чем приступить к обзору источников остановлюсь на самом термине *военные путешественники*.

Ф.Н. Глинка в своих «Письмах русского офицера» объединяет традиционные занятия путешественников и своеобразные интересы военных: «Путешественники отыскивают следы древних зданий и городов. Умный и чувствительный Мориц искал в Италии места жилищ Горация, Цицерона и Вергилия, а мы отыскиваем места, где

лилась кровь» (Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1990. С. 191).

Похожее стремление воспользоваться удобной жизненной ситуацией и посмотреть страну находим в одном из писем генерала Николая Николаевича Раевского к супруге Софье Алексеевне: «Главная квартира завтра перемещается в Дрезден. Прибыв туда, я попрошусь съездить посмотреть Берлин; моё желание, добрый друг – путешествовать. Сейчас не сражаются, продвигаются без боя, я хочу использовать это, так сказать, мирное время, чтобы взглянуть на страну» (Личные письма генерала Н.Н. Раевского // 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. Записки генерала М.С. Воронцова. Дневники офицеров Русской армии. Из собрания ГИМ. М., 1992. С. 237).

Поход в Германию воспринимает как путешествие и А.В. Чичерин: «Вчера утром проехал я Штейнау, Любек и Гейнау и к шести часам вечера уже был в Бунцлау. Невозможно путешествовать удобнее. Где бы я ни остановился, местные чиновники бегут мне навстречу и готовы служить, как самые покорные лакеи» (Дневник Александра Чичерина 1812–1813. М., 1966. С. 176).

Некоторые из военных путешественников, кто осознавал и дорожил собственным жизненным опытом, впоследствии на основе сохранившихся у них дневников писали сами или диктовали, как М.С. Воронцов, «Воспоминания» (Записки генерала М.С. Воронцова // 1812–1814... С. 270).

Публикаторы документального наследия М.С. Воронцова упоминают не только про его «Дневник» и «Воспоминания», но и про ещё один любопытный документ: «Первую половину тетради занимает «Журнал писем 1813 г.», в нём в хронологической последовательности, по порядку номеров, отмечены все полученные и отправленные Воронцовым письма, с указанием количества, дат, мест получения и отправления, адресатов. Иногда отмечено, через кого отправлено письмо, а также о чём оно. Имеется отдельный подсчёт писем, полученных от отца за октябрь 1812 – январь 1814 гг., с указанием количества и дат» (Там же. С. 272).

Тексты можно разделить на два вида: текущие (дневники) и ретроспективные (воспоминания и записки). К последним стоит отнести и те, в названии которых присутствует слово «Письма». Я имею в виду в первую очередь «Письма русского офицера» Ф.Н. Глинка.

Дневников о заграничных походах нам известно меньше, чем записок. В первую очередь это связано со спецификой их видения: у офицера в действующей армии далеко не каждый день есть время и силы, чтобы записывать свои впечатления. Потому часть извест-

ных нам дневников содержит краткие записи исключительно о ходе военной компании, о боях и переходах, в которых принимал участие автор.

Самым высокопоставленным офицером, чьи дневники опубликованы к настоящему времени, является М.С. Воронцов. Опубликованный дневник Воронцова написан в той же тетради, в которой регистрировалась вся корреспонденция, о которой мы уже упоминали выше. Тетрадь переплетена в чёрную кожу с золотым тиснением «J.E. 1813». «В тетради насчитывается 105 листов бумаги, изготовленной, судя по филиграну, в 1811 г. Все записи сделаны Воронцовым собственноручно» (Там же). Текст дневниковых записей выполнен на французском языке. В данных записях больше всего внимания автором уделяется фиксации боевых действий. Впечатлений от увиденного мирного устройства в Германии довольно мало. И они, как правило, не содержат развёрнутых эмоциональных оценок, а просто фиксируют определённый факт: «Приехал в Берлин», «Во Франкфурте. Ярмарки начались и, хотя по теперешним обстоятельствам неловко купцам ездить, но довольно собралось товаров». (Там же. С. 294–295).

Исключением являются дневники Михайловского-Данилевского, Пущина, Черткова, Чичерина. В них можно прочитать не только о сражениях, в которых участвовали их авторы, но и почерпнуть много информации о том, какой они увидели Германию.

*Н.В. Башнин, к.и.н., с.н.с. СПбИИ РАН,
доц. СПбГАИЖСА им. И.Е. Ретина*

Опись строений и имущества Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1701 г. как исторический источник

Тезисы подготовлены по гранту РФФИ, проект № 20-09-42013

24 января 1701 г. именным указом Петра I вместо Патриаршего разряда появился Монастырский приказ во главе с боярином И.А. Мусиным-Пушкиным. 31 января 1701 г. полномочия воссозданного приказа были конкретизированы – перепись патриарших, архиерейских и монастырских вотчин (*Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977. С. 74–76*). 3 июня 1701 г. в соответствии с наказом из Монастырского приказа в Вологде была составлена стольником В.И. Кошелевым опись строений и имущества Вологодского архиерейского дома Св. Софии. Этот источник известен в одном экземпляре (ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Ед. хр. 238. Л. 1–206 об.).

Охарактеризуем состав этой рукописи. На л. 1–1 об. находится преамбула, традиционный элемент описей строений и имущества в XVII в., в которой очерчена программа работ. Далее следует описание каменных церквей (Рождества Христова и Воздвижения) в архиерейском доме (Л. 1 об.–4 об.). Церковь Воздвижения была построена при архиепископе Гаврииле незадолго до проведения описания. В храмах зафиксированы убранство, богослужебная утварь, книги, отмечены размеры зданий.

Следующий раздел описи – «полатаризничья» (Л. 4 об.–31 об.). В ризнице описаны сначала архиерейские, а затем священнические и дьяконские предметы и одежды, необходимые для богослужения.

Затем следует описание того, что было «у казначея монаха Никанды в домово́й казенной полате» (Л. 33–121 об.). Последовательность описания казны была следующая: иконы, богослужебная утварь, золотые монеты, слитки, сундук, в котором было 732 руб. 3 алт. 2 ден. (В.И. Кошелев запечатал его «своею печатью»), книги (отметим 30 книг Служебников, которые отдавали в монастыри и церкви после пожаров и в новопостроенные), заемные памяти и кабалы (108 документов на 273 руб. 24 алт. 4 ден.), ткани, посуда, олово, свинец, архиерейские шляпы, наковальня, кожи, обувь, конская сбруя и другой скарб. «Коропка большая, окована железом з замком» – место хранения жалованных грамот, крепостей и «зде-лошных писем» (316 документам даны заголовки, раскрывающие содержание, 34 отпусковых грамот без уточнения содержания, опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1668 г.).

В отдельный раздел выделены хлебные кабалы, которые по «скаске» казначея Никандра и дьяка Ивана Шестакова написаны «для веры в денгах» (Л. 122–140 об.). Всего таких документов перечислено 195. Следующий раздел – «книга переписная же выдаче казенным денгам в кабалы и безкабально розных чинов людем» (Л. 141–143). Здесь названо 12 кабал и перечислены средства, выданный в займы – 48 руб. 25 алт. 2 ден.

Следующая часть документа – перечень людей архиерейского двора с указанием лет, жалованья, земельных угодий (Л. 144–176 об.). Всего в этом разделе перечислено 202 человека (в Вологде, селах и на службе в других местах), начиная с приказного В.И. Борисова, казначея монаха Никандра и заканчивая конюхами в вотчинных селах и «робятами сиротками». Отдельно перечислены дети боярские и «иных чинов люди», которых взяли в даточные, всего 52 человека (Л. 177–179 об.).

Далее приведен перечень посуды и другой утвари, олова, меди и железа в «клюшне», кладовой палате, погребу, квасоварне (Л. 180–

182 об.). Затем следует описание конюшни (Л. 182 об.–186). Писец перечислил меринов, описал сани, возки, кареты, хомуты, узды и др. вещи, среди которых названы четыре «полатки» и один «шатрик». Следом за конюшной описана оружейная палата (Л. 186–188), в которой перечислены сабли, карабины, пистолы, пищали, мушкетеры, бердыши, рогатины.

На л. 189–190 зафиксирован указ Петра I, который подводит итог переписи – Вологодский архиерейский дом переводился в ведение Монастырского приказа, а также накладывался запрет на действия с недвижимостью и имуществом: «домовыми Софейскими вотчины с помещики и вотчинники жилыми и пустыми землями до указа великого государя не менялись и никаких зделок не чинили, что взято будет с вотчин по окладу денег оброчных на нынешней 1701 год и на прошлые годы и з доимки, и они б тех денег ни на какие расходы без указу великого государя и Монастырского приказу не держали и займы никому не давали и сами ни у кого ни на какие расходы денег и иного ничего не займывали, а на какие расходы денги понадобятся, и они б о том били челом в Монастырском приказе» (Л. 189).

Следующий раздел «переписных» книг посвящен описанию дома преосвященного архиепископа (Л. 191–196 об.). Переписчик обмерил каменные строения, зафиксировал расстояния между жилыми и хозяйственными постройками, описал внутреннее убранство. Также был зафиксирован огород и дворы в городе и за городом, амбары и мельница. Далее приведен список со сказки о долгах (Л. 197). Завершает книгу описание соборной церкви во имя Софии Премудрости Слова Божия (Л. 198–206 об.), в конце которого перечислены протопоп, протодьякон, ключари, священники, дьяконы, пономари и сторожи (всего 20 человек).

Итак, опись строений и имущества Вологодского архиерейского дома состоит из 15 разделов и содержит различные сведения о людях и предметах материальной культуры. Этот источник показывает, с какой тщательностью было проведено описание церковной собственности в первый этап монастырской реформы Петра I.

Коммеморативные практики московской княжеской аристократии XVI в. (на примере князей Щенятевых)

Становление системы кормового поминания в первой половине XVI в. способствовало тому, что русская знать этого периода стремилась установить задравные или поминальные кормы по себе и по своим близким в максимально большом числе авторитетных монастырей и храмов, находящихся на территории не только Московского государства, но и Великого княжества Литовского. Ярким примером данного феномена является семейство кн. Щенятевых, на протяжении двух поколений занимавших ведущие позиции в Боярской думе и русском воеводском корпусе. На данный момент нам удалось проследить связи семьи Щенятевых с 18 монастырями и тремя соборными храмами Московской и Литовской Руси. Большие вклады Щенятевых обнаруживаются практически всех крупнейших, нескольких региональных монастырях страны и даже в «заграничной» Киево-Печерской лавре. Совершение вкладов было продиктовано различными обстоятельствами, как правило, находящими объяснение при анализе записей монастырских синодиков, вкладных и кормовых книг.

Прежде всего, подобное решение могло быть обусловлено высоким статусом монастыря и/или его близкими связями с царской семьей. В случае с кн. Щенятевыми к таковым относятся Московский Богоявленский, Волоколамский, Ферапонтов, Александров-Свирский, Новодевичий, Киево-Печерский и др. монастыри.

Привлечению высокопоставленных вкладчиков зачастую способствовала канонизация местных монастырских святых, влекущая за собой «повышение святости» обителей. Вклады кн. Щенятевых в Соловецкий и Ферапонтов монастыри были совершены в первой половине 1550-х гг. – вскоре после и, вероятно, в связи с установлением общероссийского почитания Зосимы и Савватия Соловецких, Ферапонта и Мартиниана Белозерских.

На совершение вклада оказывали влияние причины, связанные с политической и служебной биографией вельможи. Так, 17 апреля 1544 г. датируется вклад П.М. Щенятева и его матери Анны в Троице-Сергиев монастырь, что по времени совпадает с возвращением П.М. Щенятева из ссылки в Ярославль (вероятно, именно с периодом ярославской ссылки следует связать вклад кн. Петра в Ярославский Спасский монастырь). Два вклада П.М. Щенятева в провинциальные монастыри – Свяжский Успенский и Коломенский Голут-

вин – также хронологически совпадают с его воеводством в Свяжске и «береговой» службой в Коломне.

Одной из наиболее частых причин установления поминания в среде первостатейной знати являлись смерть близких родственников или приближение собственной скорой кончины. В 1547–1551 гг. в связи со смертью старшего брата Василия П.М. Щенятев дал большой вклад в Кирилло-Белозерский монастырь. В 1560/61 г. после кончины сестры Ксении-Ефросиньи им же были сделаны два вклада в Волоколамский и Симонов монастыри. Кремлевскому Чудову монастырю Анна Щенятева в 1554/55 г. пожаловала свой двор в Москве. Скорее всего, это был ее предсмертный вклад – в позднейших источниках Анна не упоминается.

Наконец, внесение большого вклада по собственной душе могло быть связано с добровольным принятием пострига. Вещевой постригальный вклад П.М. Щенятева фиксируется во вкладных книгах Ростовского Борисоглебского монастыря – обители, в стены которой князь Петр удалился зимой 1565/66 г., тем самым открыто выступив против опричных порядков царя Ивана IV.

Выяснение причин, обстоятельств и датировок совершения *отдельных вкладов* в определенной степени способствует прояснению вопроса об особенностях *коммеморативных стратегий* тех или иных княжеских семейств. Обилие выявленных вкладов кн. Щенятевых позволяет составить достаточно полное представление о целях, характере и динамике их общесемейных поминальных практик.

Род Щенятевых просуществовал на исторической арене в течение жизни двух поколений, представленный единственным сыном кн. Д.В. Щени Михаилом и его детьми Василием, Петром, Ксенией и Агриппиной. Все известные на сегодняшний день вклады Щенятевых были совершены П.М. Щенятевым, его матерью Анной и – в единственном случае – сестрой Ксенией-Ефросиньей. Таким образом, весь период коммеморативной активности Щенятевых приходится на время жизни второго поколения княжеского семейства.

Первые зафиксированные вклады Петра и Анны Щенятевых относятся к первой половине 1540-х гг. (примерно 10 лет спустя после смерти основателя рода М.Д. Щенятева). Со смертью каждого последующего члена семьи П.М. Щенятев давал в монастыри новые вклады на помин душ усопших родственников. Основная часть вкладов князя Петра пришлась на 1550-е гг. (более семи вкладов в центральные и периферийные монастыри). Именно в это десятилетие процесс естественного вымирания княжеской семьи Щенятевых вступил в необратимую фазу. Старший брат П.М. Щенятева

Василий умер бездетным в 1547 г. В первой половине – середине 1550-х гг. друг за другом отправились в мир иной его мать Анна и сестра-инокиня Агриппина-Анастасия. Другая сестра Ксения около 1541 г. вышла замуж за кн. И.Ф. Бельского, однако брак был недолгим: вскоре после убийства своего супруга в мае 1542 г. она приняла иноческий постриг, так и не успев обзавестись потомством. Сам Петр Щенятев по неизвестным причинам никогда не был женат и, соответственно, не мог продолжить свой род. С его кончиной семейство Щенятевых должно было пресечься. Отсутствие сколь-нибудь близких родственников, способных при необходимости обеспечить посмертное поминание членов рода Щенятевых, возлагало на П.М. Щенятева задачу организации эффективной церковной коммеморации стремительно вымиравшего рода. Пиком коммеморативной активности П.М. Щенятева стало установление памяти всех членов рода кн. Щенятевых в столичном Симоновом монастыре вскоре после смерти в октябре 1560 г. его сестры Ксении-Ефросиньи. По душам родственников князь Петр пожертвовал монастырю более 250 руб. вещами и деньгами. Пять лет спустя, оставшись в одиночестве и обеспечив поминание по своей родне, П.М. Щенятев принял постриг, а в августе 1568 г. был до смерти замучен в опричных застенках.

*А.Б. Белова, студентка
ИИ СПбГУ*

К вопросу о бытовании очков в Московской Руси

Очки – одна из привычных принадлежностей читающего и пишущего человека в Западной Европе раннего Нового времени. Вопрос о распространении этого предмета на территории Московской Руси ставился в историографии и прежде, однако исследователи в основном ограничивались сбором отдельных случаев бытования очков по материалам описей имущества представителей московской знати, членов царской семьи. Специальных работ этой теме посвящено не было. В результате в исследовательской литературе закрепилось представление о том, что очки распространились в России в первой трети XVII в. и долгое время были скорее предметом роскоши.

Письменные упоминания очков в XVII в. можно назвать достаточно многочисленными и разнообразными. Больше всего свидетельств содержится в описях и приходно-расходных книгах монастырей, государственных учреждений и отдельных лиц. Кроме того, в нашем распоряжении имеются источники иного рода – документы

личного происхождения, а также статьи технологических сборников: например, письмо с просьбой о починке очков и советами по выбору стекол при их покупке (Архив стольника Андрея Ильича Безобразова / Под ред. О.В. Новохатко. М., 2012. С. 405), рекомендация по уходу за помутневшими стеклами «очей наемных» (*Гренберг Ю.И.* Свод письменных источников по технике древнерусской живописи, книжного дела и художественного ремесла в списках XV–XIX вв. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1998. С. 366), свидетельства посещавших Россию иностранцев (*Куриц Б.Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 125). Сохранились очки XVII в. и в музейных фондах (Государственный историко-культурный заповедник «Московский Кремль», инв.: Ф-2135). Также можно указать на изображения очков, созданные до начала XVIII в. На парсуне «Патриарх Никон с братией Воскресенского монастыря» 1660-х гг. подьяк Серафим держит в руках патриаршие очки (они, по мнению Г.М. Зеленской, отмечены в описи имущества Воскресенского монастыря 1679 г.; в описях самого патриарха зафиксировано 9 пар очков) (*Зеленская Г.М.* Предметный мир парсуны «Патриарх Никон с братией Воскресенского монастыря» // Русский исторический портрет. Эпоха парсуны. М., 2006; Переписная книга домовой казны патриарха Никона // ВОИДР. Кн. 15. М., 1852. С. 107, 110, 117). Еще одни «околяры» изображены в печатном букваре Кариона Истомина 1694 г. (Букварь. М., 1694. Л. 20). Перечисленные группы источников так или иначе ранее оказывались в поле зрения исследователей вопроса. Наше обращение к данной теме связано с выявлением нового исторического материала – следов очков в рукописных книгах XVI–XVII вв.

Мнению о том, что в Московской Руси пользование очками было уделом знати, противоречит закупка в первой четверти XVII в. в Кирилло-Белозерский монастырь: «коробка очков, 24-ры очки, дано 9 алтын» (Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря. 1601–1637 гг. / Сост. З.В. Дмитриева. М.; СПб., 2010. С. 246). В двух рукописях XVI в. из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря нами были обнаружены следы очков (несколько десятков в обеих кодексах), которые могут быть датированы XVI–XVII вв. К сожалению, сложно судить о форме предмета (очевидно лишь отсутствие дужек), неизвестным остается и вещество следа (вероятно, он был оставлен кожаной или костяной оправой). В первой рукописи (ОР РНБ. Кир-Бел. № 58/63, Евангелие, сер. XVI в.) видны парные круги и дуги несколько более четкие, чем во второй (ОР РНБ. Кир-Бел. № 46/1123, Сборник патристический и агиографический, нач. XVI в.). Очки находились между лис-

тами на протяжении времени, достаточного для появления отпечатка, и, по всей видимости, использовались читающим в качестве закладки. Возможно, это указывает на привлечение данных рукописей в качестве протографа.

Значительно более четкие следы были обнаружены нами в рукописном Апостоле XVI в. из собрания Троице-Сергиева монастыря (ОР РГБ. Ф. 304.1. № 73). В отличие от следов в рукописях из Российской национальной библиотеки, они располагаются на незаполненных текстом листах – на пяти начальных и шести заключительных. Отпечатки очков такой формы, обычной для XVI в., ранее наблюдались зарубежными исследователями в ряде западноевропейских кодексов XV–XVI вв. и были признаны редким явлением (*Erwin M. Early printed book contains rare evidence of medieval spectacles // Ransom center magazine. 2012, April 17. URL:*

https://sites.utexas.edu/ransomcentermagazine/2012/04/17/medieval-spectacles__trashed/).

Таким образом, следовой материал в сочетании с письменными источниками способен расширить наши представления о бытовании очков в обиходе пишущего и читающего человека Московской Руси.

*М.Р. Белоусов, к.и.н., доц.
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

«Сказки» иноземцев, служащих с дворянами московскими, 1712 г. и боярские списки 1712–1716 гг.

В боярских списках периода царствования Алексея Михайловича существовал особый чиновный перечень под заголовком «Иноземцы служат с московскими дворяны», следующий непосредственно за перечнем дворян московских. При этом необходимо отметить, что дворовый чин иноземца «по московскому списку» и значение слова «иноземец» в Московском государстве не совпадают. В настоящем сообщении речь идёт исключительно о дворовых людях, включённых в указанный перечень боярских списков 1712 (1663/1664) г. («подлинных») списков сентября и ноября и «наличного» списка марта 1712 г.).

Иноземцы, служащие с дворянами московскими (далее – иноземцы), как и другие служилые люди думных, дворцовых и московских чинов, в 1712 г. подали «сказки» о готовности к полковой службе, а именно: о собственной боеготовности, о количестве «людей з боем», о количестве принадлежащих им крестьянских и боярских дворов либо отсутствии у них поместий и вотчин, а также о «кормовом» обеспечении. «Сказки» были поданы в декабре – ян-

варе и в июне 7172 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 360. Стб. 2; Там же. Ед. хр. 354. Стб. 3).

В «подлинном» списке сентября 7172 г. перечислены имена 30 иноземцев (Там же. Ед. хр. 355. Стб. 3. Л. 108–109), в «подлинном» списке ноября 7172 г. – также 30 (Там же. Ед. хр. 356. Стб. 2. Л. 114–116), в «наличном» «московском» списке марта 7172 г. – 11 иноземцев (Там же. Ед. хр. 360. Стб. 1. Л. 33); всего же в списках насчитывается 32 человека в чине иноземца.

В то же время в комплексе зимних «сказок» 7172 г. лишь 11 принадлежит иноземцам (Там же. Ед. хр. 360. Стб. 2. Л. 11, 32–38, 40, 688, 698), а в комплексе «сказок» июня 7172 г. – одна (Там же. Ед. хр. 354. Стб. 3. Л. 361). Таким образом, «сказки» подали 12 иноземцев из 32, значащихся в указанных боярских списках.

Боярские списки позволяют установить причины, вследствие которых частью иноземцев не были поданы «сказки». Так, К.М. Крюковский числился в перечне иноземцев явно ошибочно, поскольку в «подлинных» боярских списках 7169–7172 гг. был записан и в перечень отставных дворян московских (они не подавали «сказок» о готовности к полковой службе). В.И. Резицкий и И.И. Детковский не подали «сказки», видимо, потому, что были отставлены от службы в 7172 г., о чем свидетельствуют пометы при их именах в «подлинном» списке ноября 7172 г. С.Х. Тихоновецкий, согласно помете, был «отослан». Кн. С. Милорадов находился «в Молдавской земле», а И.Д. Греченин и Н.Д. Селунский – «в Персиде с послы». А.И. Зеленский служил «у рейтар в начальных людей [sic]». А.А. Секелинский, по помете, «172-го декабря 25 день у смотру сказ умре», а Н.И. Гелда «172-го умре». Х.И. Оганин и И.Ф. Грузинец уже находились «на службе», Н.М. Краевский служил «в Смоленску». Имена Г.А. Сорочинского и П. Ковалевского в «наличном» списке июля 7172 г. записаны в особый перечень под заголовком «По смотру марта в 31 день в нетех», причём здесь проставлены и пометы «н» (Там же. Ед. хр. 357. Стб. 2. Л. 50). Очевидно, это означает, что и в марте, и в июле 7172 г. они на смотр не прибыли (их имён нет и в «наличном» мартовском списке). В июльском же «наличном» списке при именах А.В. и С.В. Рачковских, Д.И. Шульца и К.И. Подляшского также сделана помета «н», что свидетельствует об их отсутствии на смотре (в «наличный» список марта 7172 г. их имена занесены). Таким образом, на основании сведений боярских списков выявляются причины отсутствия «сказок» у 19 из 20 иноземцев, не подавших их. О причине отсутствия «сказки» П.О. Николетова определённо сказать ничего нельзя.

Данные зимних «сказок» 7172 г. о количестве крестьянских и бобыльских дворов в поместьях и вотчинах иноземцев и их «кормовом» обеспечении были использованы в «подлинном» списке 7174 г. (Там же. Ед. хр. 678. Стб. 2) и «наличном» списке июля 7174 г. (Там же. Ед. хр. 379. Стб. 2). Кроме того, сведения зимних «сказок» девяти (Д.Ю. Селунского, Р.И. Клячковского, М.Ю. Палта, Ф.М. Стрижевского, К.Х. Макидонского, Л.И. Гановского, В.М. Сербинина, Ф. Костянтинова, Е.Н. Греченина) из одиннадцати иноземцев находят полное соответствие в «наличном» «именном» списке сентября 7176/1667 г. (Там же. Ед. хр. 253; имена двух других иноземцев в нём отсутствуют: А.Д. Селунский, по помете в «подлинном» списке ноября 7172 г., «172-го отставлен»; Т.В. Обдачушев последний раз значится в «наличном» списке июня 7175/1667 г.). Так, например, в «сказке» Е.Н. Греченина сообщается: «На твоей ... службе буду я, ... Амелка Микулаев, сам на коне, да со мною жь ... будет человек с ружьем. А поместейца и вотчинки за мною ... нет ни единой чети. Твое ... жалованье идет мне ... поденной корм по четыре алтына на день». Напротив его имени в «подлинном» списке 7174 г. сделана помета «по 4 ал[тына] на день», в «наличном» списке июля 7174 г. – помета «по 4 алтына». В «наличном» «именном» списке сентября 7176 г. при его имени приписано: «на коне, з боем ч[еловек], поместей и вотчин нет, а государева жалованья корму по 4 алт[ы]на на день».

Указанные «подлинный» и «наличный» списки 7174 г. и «наличный» «именной» список 7176 г. позволяют также сделать заключение о том, что большинство из 20 иноземцев, «сказки» которых отсутствуют среди поданных в декабре – январе и июне 7172 г., действительно их не подавали. За исключением восьми человек (трёх отставленных от службы, двух умерших, служившего в начальных людях у рейтар и двух иноземцев, находившихся на службе), двенадцать остальных записаны в «наличный» «именной» список. Однако лишь при имени кн. С. Милорадова приписаны сведения о его готовности к полковой службе, источником которых по всей видимости является «сказка». При именах всех других иноземцев никаких приписок не сделано, равно как не сделано при их именах в «подлинном» и «наличном» списках 7174 г. помет об их «кормовом» обеспечении и количестве дворов в поместьях и вотчинах.

Кто такие «францымерны» из статейного списка В.М. Тяпкина

К вспомогательным историческим дисциплинам, изучающим «системы ориентации в обществе», наряду с генеалогией, относится и архонтология (Пчелов Е.В. Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном контексте // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки». 2008. № 4. С. 50) – наука о должностях, чинах и званиях. Самым естественным образом двор монарха включал множество челяди, разного рода придворных и пр. Их функции не всегда прозрачны, иногда какие-то детали остаются неясны исследователям. Особенно это актуально для подобных установлений славянских государств, отдельно еще не рассматривавшихся (Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011). Так, читая статейный список русского резидента в Речи Посполитой В.М. Тяпкина, мы столкнулись с понятием «францымерны».

Следя за коронацией Яна III Собеского и его жены Марии Казимиры в 1676 г., дипломат, в частности, доложил: «Пред супругою королевскаго величества... шли сенаторские жены и девицы францымерны...» (Иванов П. Описание Государственного архива старых дел. М., 1850. С. 319). Угадывается здесь слово *frauscymerny* от *frauscymer*, *frauscymer*, *francsymer*, *fronscymer* (из нем. *Frauenzimmer*), которое фиксируется уже с XVI в. (*Kucala M. Słownictwo rzadkie w polszczyźnie Jana Kochanowskiego // Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Językoznawcza. 2010. T. XVI. S. 129*). Трактуют это понятие как «придворный штат женского пола» (*Schmidt J. Słownik polsko-gosyjsko-niemiecki. Wrocław, 1834. S. 106*), как сопровождение госпожи (*Słownik języka polskiego. Wilno, 1861. Cz. 1. S. 323*). Таким образом, вряд ли можно считать *frauscymer*, давно прижившееся в Польше, «европейским словечком» (*Медведева-Нату О. О чем молчала Ивонна? (Драма Витольда Гомбровича «Ивонна, принцесса Бургунда») // Amicus Poloniae. Памяти Виктора Хорева. М., 2013. С. 241*).

Термин появился и в русском языке. Для А. Ефименко это был «женский штат ясновельможной пани» (Очерки истории Правобережной Украины // Киевская старина. 1895. № 4. С. 91), И. Миллер припомнил вхождение в «фрауцимер» детей (Крестьянское восстание в Подгалье в 1651 г. // Ученые записки Института славяноведения. 1950. Т. 2. С. 185). Замечено слово и в исторической беллетристике, где «фрау-циммер» поясняется – «женский двор супруги или

близкой родственницы монарха» (Раскина Е., Кожемякин М. Жена Петра Великого. Наша первая императрица. URL: <https://www.you-books.com/book/E-Yu-Raskina/Zhena-Petra-Velikogo-Nasha-pervaya-Imperatricza>). Но эти толкования не во всем корректны, весьма общи, некоторые моменты затуманивают понимание явления.

Более подробно раскрыл лексему Самуэль Линде (*Linde S. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1807. Т. 1. Cz. 1. S. 660*), который указал на ее немецкое происхождение и сообщил – «фрауцимер» польской королевы должен состоять из родовитых полек. Он также оговаривает, что это были молодые незамужние девушки, эту особенность понимал и В.М. Тяпкин, прибавлявший к ним уточнение «девицы», называвший их «паннами» (РГАДА. Ф. 79. Д. 178. Л. 94). В этом отношении резидент точнее, нежели переводчик XVIII в., ограничившийся: «Фрауцимер еже есть женщин» (*Адрианова-Перетц В. Западноевропейская городская новелла в русской рукописной литературе XVIII в. // Русско-европейские литературные связи. М.; Л., 1966. С. 15*).

Все это сближает фрауцимер с фрейлинами и, соответственно, позволяет считать придворным званием. С. Линде и другие мало общаются об обязанностях «фрауцимер», за исключением того, что они находятся при монархине (и, видимо, выполняют ее поручения), приглашаются на королевские застолья (*Falniowska-Gradowska A. Wjazd, koronacja i wesele Najjaśniejszej Królowej Jej Mości Cecylii Renaty w Warszawie roku 1637. Warszawa, 1991. S. 66, 68*). Из записей резидента видно, что они сопровождали госпожу на церемониях, им выделено свое место – рядом с маршалом двора королевы. Они шествовали как перед ее величеством, так и за ней: «...Пред королевою шол с ляскою маршалок ее...; за королевою шли сенаторские жены и девицы францымерны, немногое число...» (*Иванов П. Описание. С. 323*). Вновь наблюдаем их в заключительной части церемонии, «предуготовляючи путь их, государской, ... шли... францымерны...» (Там же. С. 324).

Что касается их участия в коронациях и торжествах, то оно уже отмечалось в научной литературе. Особенно обстоятельно на этом остановился В. Качоровский, посвятивший специальное исследование коронованию Владислава IV (*Kaczorowski W. Koronacja Władysława IV w roku 1633. Opole, 1992. S. 21, 29, 31*). Однако и у него роль «францымерн» не очень понятна, ясно только, что они присутствовали на мероприятиях. В. Качоровский обращает внимание, что они были облачены в белые одежды – символ невинности, неслучайно девушек еще называли «białogłowy».

В.М. Тяпкину не интересны наряды «францымерн», он сосредоточился на их действиях, отметив обряд расчесывания волос коронующейся особы: «А девицы францымерны власы у королевы розчесали...» (*Иванов П.* Описание. С. 323), до этого прическу они «розобрали» (РГАДА. Ф. 79. Д. 178. Л. 94). Замечаем нечто похожее в ритуале помазания Карла I, где использовался костяной гребень (*Strong R.* Coronation. London, 2006. P. 268). У славян расчесывание и плетение волос было частью венчания (*Бернштам Т.* Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян. СПб., 2000. С. 54). Кстати, у Шимона Шимоновича «фрауцимер» адресует свою речь именно невесте (*Szymonowicz Sz.* Castus Ioseph. Kraków, 1889. S. 28).

Показание о «власах» монархини уникально, информации о подобном в польско-литовском коронационном обычае 1676 г. нам не попадалось. «Францымерны» там вообще не упоминаются, указано лишь, что Мария Казимира когда-то входила в «фрауцимер» супруги Владислава IV (*Rola i miejsce kobiet w edukacji i kulturze polskiej.* Poznań, 1998. Т. 1. S. 65). Надо думать, «зарисовки» В.М. Тяпкина способны заполнить некоторые пробелы в истории данного придворного звания.

*А. А. Богданов, к.и.н., руководитель сектора
Выставочный комплекс АО «Гознак»*

Проектирование советских банкнот образца 1947 г. Основные этапы

В декабре 1947 г. в результате денежной реформы в СССР были выпущены новые банкноты – казначейские билеты достоинством 1, 3 и 5 руб. и билеты Госбанка достоинством 10, 25, 50 и 100 руб. Этому предшествовала длительная подготовка, которая включала в себя работу по проектированию новых банкнот. В процессе этой работы создавались эскизы, пробные оттиски, печатные проекты новых купюр. Ныне эти материалы хранятся в собрании Гознака. На основе анализа этих материалов можно обозначить основные этапы работы над новыми купюрами.

В конце 1942 – начале 1943 г. были составлены эскизные проекты нескольких серий будущих пореформенных купюр. На них изображены революционеры, ученые, полководцы, представители народов СССР. Частично были использованы эскизы неосуществленной серии 1940 г.

Серия с полководцами привлекает внимание своей логичностью: на казначейских билетах показаны условные образы танкиста,

краснофлотца и десантника и то, что они защищают; на банковских билетах – полководцы (Александр Невский, Дмитрий Донской, А.В. Суворов, М.И. Кутузов) и их главные сражения. «Последовательность» полководцев на эскизах соответствует их упоминанию в речи И.В. Сталина 7 ноября 1941 г. и хронологии. На эскизе самой крупной купюры этой серии (25 червонцев) – портрет В.И. Ленина и штурм Зимнего дворца.

Эскизы серии банкнот с представителями народов СССР («этнографической»), сделанные позже других, в конечном итоге легли в основу выпущенных купюр достоинством от 10 до 100 рублей. При этом на них появился портрет В.И. Ленина.

В июле 1943 г. были созданы эскизы билетов номиналов 1 и 3 руб., в октябре – 5 руб. На эскизах 3 и 5 руб. уже помещено новое название – «Государственный кредитный билет СССР», поскольку на одном из этапов обсуждения реформы предполагалось уничтожить дуализм в денежной системе, назвав все банкноты одинаково (Денежная реформа в СССР 1947 года: Документы и материалы. М., 2010. С. 56, 77).

Однако постепенно стало понятно, что проводить реформу нужно после окончания войны. С мая 1945 г. готовились печатные проекты банкнот достоинством 10, 25, 50 и 100 руб. Они названы «государственными кредитными билетами СССР» и содержат указание на то, что они «обеспечиваются всем достоянием Союза ССР»; изображен герб СССР с 11 лентами, но тексты даны на 16 языках союзных республик. При этом на новой сторублевке нашлось место виду Московского Кремля, награвированному в 1924 г. Вид был «современен» с учетом изменений, произошедших к концу 1940-х гг.

НКФ внес в СНК СССР проект постановления об изготовлении денежных знаков нового образца, после чего 10 декабря 1945 г. Госплан предложил изменить на них запись о том, что они обеспечиваются всем достоянием СССР (характерную для казначейских, а не для банковских билетов), на запись о том, что они обеспечиваются золотом, драгоценными металлами и другими активами Госбанка, а также добавить банкноты номиналом 250 и 500 руб. (Там же. С. 165–166).

Однако в феврале 1946 г. было дано указание вернуть обозначения номинала в червонцах и изменить названия на государственные казначейские билеты и билеты Госбанка. К тому времени возобладала точка зрения, что в качестве основной денежной единицы следовало утвердить червонец, сохранив разделение на казначейские билеты и билеты Госбанка (Денежная реформа 1947 года в документах: подготовка, проведение и оценка результатов [По страницам

архивных фондов Центрального Банка Российской Федерации. Вып. 3]. М., 2007. С. 26). В конце февраля – начале марта И.И. Дубасов подготовил эскизы новых билетов Госбанка достоинством от 1 до 10 червонцев. Несколько позже И.И. Дубасов и С.А. Поманский подготовили новые эскизы билетов достоинством 3 и 5 руб. Их переработали с учетом изменения названия. Кроме того, новая пятирублевка логично стала вертикально ориентированной, как 1 и 3 руб. Эскиз 1 руб. остался старым, поскольку переделки не требовал. Эскизы 1, 3 и 5 руб. 16 марта 1946 г. утвердил И.В. Сталин. После утверждения эскизов были сделаны новые печатные проекты 10 червонцев.

Однако новым червонцам так и не суждено было появиться. На печатных проектах билета достоинством 10 червонцев И.В. Сталин заменил обозначение номинала на «100 рублей». В итоге новые билеты вышли в обращение с разделением на казначейские билеты и билеты Государственного банка, но все они были номинированы в рублях. Последнее изменение перед окончательным утверждением и началом изготовления тиража было сделано летом 1946 г., когда на них поместили новый герб СССР – с 16 лентами. В августе – сентябре 1946 г. образцы банкнот были утверждены, и началось изготовление их тиража.

Новые банкноты образца 1947 г. стали знаковым явлением в российской бонистике. Это – яркий образец сочетания сталинского «большого стиля» и преемственности по отношению к дореволюционному опыту. По воспоминаниям художника И.С. Крылкова, Сталин во время обсуждения проектов новых банкнот спросил: «А чем были плохи царские деньги?». Это было принято как указание, и новые банкноты стали до известной степени схожи с дореволюционными (*Крылков И.С.* Образцы послевоенных денег предложил сам Сталин // *Техника – молодежи*. 1994. № 11). Однако они вполне отвечали художественным вкусам своего времени. Купюры образца 1947 г. были крупнее своих предшественников. На первом этапе подготовки реформы предлагалось обменять денежные знаки в соотношении 10:1, т. е. новые 100 руб. были бы равны 1000 руб. старыми. Такое увеличение покупательной способности оправдывало усложнение оформления, и в соответствии с этой установкой сделаны эскизы 1943 г. (схожей точки зрения придерживается В.М. Засько: *Засько В.М.* Бумажный рубль 1947. К истории денежной реформы 1947 года. Каталог бумажных денежных знаков. М., 2019. С. 136). Новые банкноты были защищены от подделки значительно лучше предшественников.

Разработка банкнот номиналом 250 и 500 руб. продолжилась и после реформы. В конце 1946 г. И.И. Дубасов выполнил эскизы

500-рублевки. На основе одного из них с гербом СССР в центре стал готовиться инструмент, и в мае 1947 г. печатные проекты были сделаны. Однако затем новые 500 руб. были «переделаны» в 250 (оформление осталось тем же, изменился только номинал). Параллельно И.И. Дубасов выполнил новый эскиз 250-рублевки, и 22 октября на его основе были сделаны печатные проекты. Таким образом, во второй половине 1947 г. параллельно разрабатывалось два варианта 250-рублевой и один вариант 500-рублевой банкноты, причем последний был идентичен по оформлению одной из 250-рублевок. Можно предположить, что две 250-рублевки готовили на разные случаи: если бы было решено выпустить в обращение только 250 руб., их выпустили бы в «нарядном» варианте с гербом СССР, а если банкноты обоих номиналов, то 250-рублевою выпустили бы более скромной, а герб СССР украшал бы банкноту 500-рублевого номинала. Так или иначе, это только предположения. Однако выпуск банкнот номиналом выше 100 руб. так и не состоялся. Банкноты образца 1947 г. продержались в обращении чуть более 13 лет, ненадолго пережив ту эпоху, в которую они создавались.

*О.Б. Бокарева, с.н.с.
АРАН*

«Персидская» посольская книга № 23 (1691–1692 гг.) как исторический источник

Изучаемая книга является двадцать третьей в хронологическом порядке «персидских» посольских книг. Под номером «23» рукопись помещена в архивной описи РГАДА (Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 1. Д. 23. 1691–1692 гг. 134 л.). Всего в фонде хранится 24 «персидских» посольских книг конца XVI в. – начала XVIII в. При этом данная книга является последней: двадцать четвертой считается рукописный кодекс, являющийся добавлением к пятнадцатой «персидской» посольской книге (Ф. 77. Оп. 1. Д. 15 а. 1973 г. 9 л.).

Книга № 23 состоит из 14 тетрадей. Формат рукописи – 2°, размер – 32,8–32,9×20,7–20,8 см (высота/основание), корешок переплета – 4,2 см.

Книга написана на 134 листах шестью почерками второй половины XVII – начала XVIII в., из которых две пары близки друг другу по написанию: № 3 и № 4, № 2 и № 5.

Толщина переплета книги – 0,4 см. На переплете – порядковый номер дела и дата, тисненые золотом по коже.

В начале рукописи порядковый номер неоднократно исправлен, в конце он оставлен прежним: зачеркнут № 24, написан № 23 (Ф. 77. Оп. 1. Д. 23. Л. I–II, 111).

Согласно листу использования, исследователи и сотрудники архива обращались к тексту книги с 13 октября 1960 г. по 2 июля 1986 г., начиная с выписок П.П. Бушева для серийного издания «Русско-Иранские отношения в XVI–XIX вв.» и заканчивая описанием кодекса Н.М. Рогожиным для монографии.

Пагинация листов оглавления расположена в верхнем правом углу, проставлена карандашом с толстым мягким грифелем.

На первом листе размещен водяной знак с сюжетом «Pro Patria» русского происхождения (*Клепиков С.А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М., 1959. С. 25). На листах с оглавлением филигрань не видна из-за плотности бумаги.

Рукописные тетради прошиты, скреплены в середине бечевкой. Первоначальная буквенная пагинация исправлена на позднюю, арабскую, в верхнем правом углу. Чернила преимущественно темно-коричневые. Поля рукописи: 2,1–3,5 см (верхнее), 1,2–2 см (внутреннее), 2,9–5,5 см (внешнее), 2,45–6,7 см (нижнее). Интервал отступов между абзацами – 1,5–1,85 см. Примерное расстояние между строками – 0,6–0,8 см. Величина букв варьируется от 0,2 см до 0,5–0,7 см.

Рукопись написана делопроизводственной скорописью XVII в. В тексте много выносных букв: б, д, ж, з, л, м, н, р, с, т, у, х. Наиболее употребляемые лигатуры: бе, де, же, от, ти. Исправления в тексте, в основном, делались в строке на месте старых букв, также имеются пометы с пояснениями к тексту на внешних полях (Л. 21). В рукописи присутствуют дефектные листы, а также затеки от воды и плесени (Л. 118–123 об.).

В книге содержатся чистые, не пронумерованные ранее, листы 110а–110в, благодаря наличию которых ее объем может быть увеличен до 137 л.

Под текстом 10 тетрадей, на нижнем поле, располагается запись «смотри Иван Фомин». Данные тетради написаны почерком № 1.

Основной текст рукописи написан на бумаге бежевого оттенка. Преимущественный сюжет филиграней рукописи – «герб города Амстердама» A/AJ DI (*Дианова Т.В.* Филиграни XVII–XVIII вв. Герб города Амстердама. М., 1998. С. 111, 155. № 359. 1695–1699, 1701, 1707 гг.). Другие филиграни в рукописи: «голова шута» с семью зубцами воротника и цветок неопределенного вида.

Датировка и название книги предшествуют оглавлению и основному тексту книги. Основное содержание книги относится к сентябрю 1691 г. – маю 1692 г. и представляет собой разные выписки о приездах в Москву персидских послов и об отправлениях русских дипломатических миссий в Персию во второй половине XVII в.

Состав книги следующий:

Л. 1–19: б/д – выписки о приезде посла Усейн хан-бека в сопровождении купчин и указ о выдаче им поденного корму с вкрапленным текстом примерной выписки о выдаче провизии послу Дакул-салтану в 1658 г.;

Л. 19 об.–22: 1650 г. – выписка о приезде посла Магмет Кулыбека;

Л. 22–25: 1653 г. – выписка о посольстве кн. И.И. Лобанова-Ростовского и стольника И. Комынина;

Л. 25–30: 1658 г. – выписка о приезде посла Дакул-салтана;

Л. 31–35: 1662 г. – выписки о посольстве окольного Ф.Я. Милославского;

Л. 35–44: 1668 г., 1672 г. – записи о поездке в Персию толмача Т. Брейна и посланника А. Приклонского;

Л. 44–46: 1675 г. – запись о приезде посла Магмет Усейн-бека;

Л. 46–52: б/д – запись о посольстве кн. Б.Е. Мышецкого;

Л. 52–57: 1679 г. – запись о посольстве стольника С. Чирикова;

Л. 57–58: 1684 г. – запись о посольстве переводчика К. Христофорова;

Л. 58–63: 1692 г. – выписка о приеме посла Усейн хан-бека и купцов Аги Керима и Аги Шамсы;

Л. 63–72: б/д – запись о вторичной аудиенции этого посла;

Л. 72–95: б/д – докладная выписка об обеспечении денежным жалованьем и лошадьми Усейн хан-бека;

Л. 96–105: б/д – запись о выдаче Усейн хан-беку кареты и верховых лошадей для приезда в село Коломенское;

Л. 106–110: б/д – запись об армянском торге в Москве;

Л. 111–131 об.: б/д – дополнительные записи об Усейн хан-беке.

Книга была микрофильмирована в РГАДА в 1970-х гг., упомянута в историографии (*Рогожин Н.М.* Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003. С. 194).

Она представляет большой интерес для исследователей международных отношений, отечественной культуры, источниковедов и архивистов. Источники, входящие в состав кодекса, ранее не публиковались и детально не изучались. В опубликованных описях архива Посольского приказа книга не указана, что дает основание пред-

полагать ее продолжительное бытование в виде отдельных тетрадей до систематизации архивных дел в более поздний период.

*Т.С. Бондарева-Кутаренкова, к.ф.н., доц.
РГГУ*

Парижская типография «Наварр» и ее вклад в развитие русского издательского дела в эмиграции

Для русских эмигрантов первой волны, расселившихся в более чем 20 странах мира, печатное слово на родном языке имело особенное значение: оно позволяло ощущать связь человека с родной культурой и многочисленными соотечественниками, рассеянными по планете.

Париж стал одним из главных центров русского издательского дела в эмиграции. Одной из крупнейших и наиболее известных типографий, выпускавших книги и периодику на русском языке, была типография «Наварр» (L'Imprimerie de Navarre).

Типография, располагавшаяся в Париже по адресу Rue des Cordeliers, 11, была основана русским нефтепромышленником армянского происхождения А.О. Гукасовым. Предприниматель-нефтяник, активный общественный деятель, в эмиграции он был членом «Торгпрома» (Российского торгово-промышленного и финансового союза) и активно вкладывал средства в антибольшевистскую борьбу, в частности, посредством печатного дела (*Жигальцова Л.В.* «Принадлежность к России должна быть источником гордости...»). Абрам Осипович Гукасов // Родина. 2010. № 10. С. 108–111).

В Париже он основал типографию «Наварр» и издательство «Возрождение». Директором типографии в 1925 г. был назначен С.С. Палашковский (химик по образованию, петербургский предприниматель, в годы Гражданской войны служил в Вооружённых силах Юга России и Русской армии Врангеля).

Для русской эмиграции очень важным являлось сохранение исторической памяти, национальной культуры и самобытности в условиях жизни на чужбине и воспитание подрастающего поколения в национальных традициях. Издательство «Возрождение» вместе с типографией «Наварр» выпускало большими тиражами издания русской классики (в первую очередь – сказки, стихи и прозу А.С. Пушкина). Не меньшее внимание уделялось и современной литературе – как эмигрантской (произведениям И.А. Бунина, И.С. Шмелёва, Б.К. Зайцева, И.Д. Сургучёва, А. Ренникова), так и той, что развивалась в Советской России (но, безусловно, избирательно: к примеру, были выпущены сборники стихов С.А. Есенина).

Особое внимание уделялось мемуарам участников Гражданской, Первой мировой и Русско-японской войн, государственных деятелей дореволюционной России и многочисленных свидетелей Октябрьской революции 1917 года и Гражданской войны («Воспоминания» И.А. Бунина, «То, чего больше не будет» А.В. Тырковой-Вильямс, книга бывшего российского посла во Франции В.А. Маклакова «Вторая Государственная дума: воспоминания современника»). В типографии были напечатаны очерки «Офицеры», автор и составитель – Г.К. Граф (*Волков С.В.* Русская военная эмиграция. М., 2008. С. 269), мемуары князя В.Н. Шаховского «Sic transit gloria mundi (Так проходит мирская слава). 1893–1917 гг.», а также воспоминания о великом князе Николае Николаевиче-младшем Ю.Н. Данилова, участника Гражданской войны, члена правительства Врангеля (*Данилов Ю.Н.* Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 4). Типография выпустила немало исторических исследований: работу С.С. Ольденбурга о царствовании Николая II, книгу С.П. Мельгунова «Как большевики захватили власть (Октябрьский переворот 1917 г.)», «Судьба Императора Николая II после отречения» и многое другое.

Вторым важным направлением была публикация научных трудов. В типографии «Наварр» были напечатаны литературоведческое исследование И.И. Тхоржевского «Русская литература», книга журналиста и юриста А.А. Шика «Денис Давыдов. «Любовник брани» и поэт» и многие другие работы.

Также типография печатала альбомы. В 1957 г. вышел альбом репродукций фотографий семьи последнего российского императора и представителей старшей линии Императорского Дома (Божиею Милостию. Париж, 1957. 136 с.).

Помимо выпуска книг типография совместно с издательством «Возрождение» занималась выпуском периодической печати.

С 1925 по 1940 гг. печаталась газета «Возрождение». Её первым редактором был известный политик, экономист и учёный П.Б. Струве. Газета «Возрождение» стала рупором для наиболее активных борцов с большевизмом в эмиграции. Идеологией газеты П.Б. Струве называл «либеральный консерватизм». «... нам нужны: прочно огражденная свобода лица и сильная правительствующая власть», – писал он, формулируя суть этой идеологии (*Струве П.Б.* Наши идеи // *Возрождение.* Париж, 1926, 3 июня. С. 1). В 1927 г. из-за конфликта с издателем П.Б. Струве покинул пост редактора. Редакцию «Возрождения» возглавил Ю.Ф. Семёнов. В 1940 г. выпуск газеты был прекращен. Также была остановлена работа одноимённого издательства и типографии «Наварр».

В 1946 г. работа была возобновлена. В типографии снова начинают выпускаться книги, а с 1949 г. – еженедельный литературно-политический журнал «Возрождение». Первым главным редактором этого издания был литературный критик и переводчик И.И. Тхоржевский. После него этот пост занимали С.П. Мельгунов, С.С. Оболенский. (*Базанов П.Н.* Парижское книгоиздательство «Возрождение // Библиотековедение. 2016. Т. 65. № 4. С. 467–472).

В 1957 г. скончался директор типографии «Наварр» С.С. Палашковский, и А.О. Гукасов прекратил финансирование издательства и типографии.

Благодаря работе типографии «Наварр» и издательства «Возрождение» были выпущены книги многих писателей и поэтов из числа русских эмигрантов – сегодня большая часть этих книг считается классикой отечественной литературы. Также были опубликованы многочисленные научные труды и мемуары. Они являются важными источниками при изучении эпохи царствования Николая II, русских революций, Первой мировой и Гражданской войн. Выпуск художественной литературы XIX в. стал важным вкладом в сохранение национального культурного наследия за рубежом и воспитание эмигрантской молодёжи. И особо важную роль играла периодика, выходящая в данной типографии: газета «Возрождение» и одноимённый журнал стали печатными органами наиболее политически активной и принципиальной части русской эмиграции, стоявшей на позициях антибольшевизма.

*Е.А. Брюханова,
к.и.н., доц.*

*Н.П. Иванова,
к.и.н., доц.*

*Н.В. Неженцева,
к.и.н., доц.*

Алтайский ГУ (Барнаул)

Первичные материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. как источник по генеалогии населения Сибири: обзор архивных фондов

Публикация подготовлена по гранту Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых (№ МК-776.2020.6)

Оживление интереса к генеалогическим исследованиям, связанным не только с привилегированными слоями, но и с другими социальными группами российского общества (крестьяне, ремесленники, рабочие и проч.) сформировало устойчивый интерес к номинативным источникам. Под этой разновидностью понимается комплекс источников (nominative data) официального характера, т.е. возникших по инициативе государства, связанных с учетом населения и содержащих персональные данные. К ним, как правило, отно-

сят ревизские сказки, метрические книги, первичные материалы переписей, посемейные списки и т. д. (*Торвальдсен Г.Т.* Номинативные источники в контексте всемирной истории переписей: Россия и Запад // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3 (154). С. 9-28).

Первая всеобщая перепись населения 1897 г. была наиболее масштабным статистическим мероприятием Российской империи конца XIX в., поэтому ее первичные материалы привлекают особое внимание историков различных направлений, в том числе связанных с генеалогией.

Некоторые первичные материалы переписи 1897 г. уже давно введены в научный оборот и активно используются как зарубежными, так и российскими генеалогами (*Edlund T.K.* The Russian National Census of 1897 // *Avotaynu*. 2000. Vol. XVI. No. 3; *Смрига-нова Ю.В.* Всеобщая перепись населения 1897 г. как историко-статистический и генеалогический источник по материалам переписных листов Тюменского округа // Пятые Тюменские родословные чтения. Тюмень, 2005. С. 96–100; *Панова Т.А.* Основные виды документов, содержащие генеалогическую информацию в ГУТО ГА в г. Тобольске, и практика исполнения генеалогических запросов // Пятые Тюменские родословные чтения. С. 193–195).

Среди первичных материалов переписи сохранились переписные листы разных форм, содержащие персональные данные: фамилия (прозвище), имя, отчество, физические (глухота, слепота) или психические недостатки переписываемого человека; пол; родственные, свойственные или иные отношения с главой домохозяйства; возраст; семейное положение; состояние, сословие или звание; место рождения; место приписки (для иностранцев – подданство); место постоянного пребывания; вероисповедание; родной язык (по нему можно восстановить национальность); грамотность; род занятий. По этим данным можно почти полностью составить генеалогическую карточку на каждого члена семьи. Учитывая широкий охват данных, переписные листы являются одним из ценнейших источников по генеалогии.

Наиболее актуальной является проблема сохранности и выявления первичных материалов переписи 1897 г. Представляет интерес обзор архивных фондов, содержащих первичные материалы, касающиеся населения Западной и Восточной Сибири.

Первичные материалы переписи 1897 г. были обнаружены:

– в фондах статистических комитетов в Государственном архиве в г. Тобольске, Российском государственном историческом архиве

Дальнего Востока, Национальном архиве Республики Саха (Якутия), Государственном архиве Хабаровского края;

– в фондах губернских и уездных переписных комиссий в Государственном архиве Красноярского края, Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока, Национальном архиве Республики Саха (Якутия).

Небольшое количество дел, содержащих первичные материалы переписи, были обнаружены в фондах губернских управлений и канцелярий губернаторов Государственного архива Амурской области, Государственного архива Хабаровского края. Частично переписные листы сохранились в фондах: земских заседателей в Государственном архиве Красноярского края; полицейских управлений и городских управ в Национальном архиве Республики Саха (Якутия). Наиболее крупные коллекции переписных листов, выявленные к настоящему времени, сохранились в Государственном архиве в г. Тобольске (около 5000 дел) и в Национальном архиве Республики Саха (Якутия) (около 500 дел).

Некоторые материалы переписи удается обнаружить случайным образом. Так, долгое время материалы по Березовскому и Сургутскому округам Тобольской губернии считались утерянными, но в ходе недавнего исследования удалось установить, что часть переписного материала была передана финно-угорскому этнографическому обществу. Таким образом, материалы по этим округам в настоящее время хранятся в Национальном архиве Финляндии (Archives // Société Finno-Ougrienne (Финно-угорское общество) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sgr.fi/en/society/archives>).

К сожалению, степень сохранности первичных материалов переписи по Сибири различна. Так, пока не выявлены материалы по Томской губернии. По некоторым регионам сохранилось только по одному делу, например, по Забайкальской области, Иркутской губернии и острову Сахалин. Однако, мы продолжаем поиски и надеемся найти новые материалы.

Для выявления генеалогической информации требуется изучение научно-справочного аппарата (НСА) архивов. В интернете представлен НСА (до уровня описи) по следующим архивам: Российский государственный исторический архив, Национальный архив Республики Саха (Якутия), Государственный архив Амурской области, Государственный архив в г. Тобольске, Государственный архив Красноярского края. Последние два архива предоставляют удаленный доступ к делам, в том числе к переписным листам.

Итак, представленный обзор фондов архивохранилищ позволяет сориентировать исследователей, как профессионалов, так и любителей, в поисках ценной генеалогической информации о жителях Российской империи конца XIX века.

*Е.В. Буденная, к.ф.н. н.с.,
НИУ ВШЭ (Москва), ИЯ РАН*

Гипокористики как средство адаптации греческих имен в истории русского языка

Гипокористики представляют собой уменьшительный вариант личного имени, образуемый с помощью тех или иных словообразовательных средств. Примерами гипокористик в современном русском языке являются имена типа *Петя*, *Петька*, *Петюня* и т. д. Древнерусский язык, как и современный русский, отличался богатым инвентарем гипокористик, однако их языковые функции и семантика существенно отличались от современных. В частности, выявить какую-либо ласкательность, уничижительность, стилистическую модификацию для древнерусских гипокористик удастся крайне редко. В частности, гипокористические варианты имени были характерны для многих древнерусских князей XI–XIII вв., в отношении которых трудно заподозрить какое-либо авторское отношение, сопряженное с семантикой уменьшительности (ср.: **Престависа блговѣрнии и хрстолюбивии князь Михалко снѣ Гюргевь внукъ Мономаха Володимера** (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 128–128об.)). При этом древнерусские гипокористики не являлись отличительной характеристикой бытового стиля и широко употреблялись как в летописях, так и в берестяных грамотах. В этой связи исследование семантики и функций древнерусских гипокористик представляет большой интерес. В данной статье будет рассмотрен один из видов древнерусских гипокористик, а именно – гипокористики, образованные от христианских имен, имеющих четкую дихотомию «каноническое (по месяцеслову Мстислава Евангелия) vs. гипокористическое имя»: Василий vs. Василько/Василь; Михаил vs. Михалко/Михаль; Д(и)митрий vs. Дмитр; Георгий vs. Гюрги/Юрьи/ Дюрди.

Христианские имена вошли в древнерусский язык после X в. В своем каноническом виде на *-ии* они использовались только как имена святых, церковных деятелей (прежде всего, митрополитов и епископов), греков по происхождению, а также в качестве крестильных имен в устойчивых формулах, например: Родиса Ёрославу снѣ . и наречѣн[ъ] бысѣ **въ стѣмъ крѣцїии Василии** (ПСРЛ.

Т. 1. Стб. 164 об.). Однако наряду с каноническим вариантом эти имена имели гипокористические варианты, причем для образования последних использовались те же словообразовательные модели, что и для исконно славянских имен (Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 146): **Василько**, Ляшко, **Дмитр**, Села, **Гюрята**, Стырята (христианские гипокористики выделены полужирным). А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенским было высказано предположение о том, что гипокористические варианты имен греческого происхождения могли иметь особую функцию, не свойственную исконно славянским гипокористикам, а именно – функцию нейтрализации «чуждого» иноязычного именователя (*Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 134). Путем анализа трех ранних древнерусских летописей (Лаврентьевской, Ипатьевской, Новгородской Первой летописи старшего и младшего изводов) в сопоставлении с берестяными грамотами XI–XV вв. эта гипотеза была проверена на более широком материале. Мы предполагали, что косвенным доказательством этой гипотезы, в случае ее верности, будет четкое выявление следующих этапов в истории русского языка:

- (i) до XI в. – только исконно-славянские имена;
- (ii) ориентировочно XI–XII вв. (гипокористические имена);
- (iii) приблизительно после XIII в. (канонические варианты христианских имен).

Предполагалось, что по мере адаптации в языке греческие имена постепенно теряли церковную семантику и уже воспринимались носителями как немаркированные модели, тогда как гипокористики, наоборот, постепенно развивали некоторую дополнительную семантику уменьшительности и вытеснялись на языковую периферию.

Анализ христианских княжеских имен в русских летописях подтвердил данную гипотезу на основании многочисленных формальных признаков. Была выявлена общая эволюция христианских имен: сначала они употреблялись только в канонических вариантах и только в первичных контекстах (имена святых, греков по происхождению, церковных деятелей с высоким социальным статусом, крестильные формулы), затем развили вторичные употребления в отношении светских лиц (первоначально в гипокористическом варианте). Впоследствии иноязычные и/или церковные коннотации были утрачены и канонические варианты христианских имен для лиц с высоким социальным статусом постепенно вытеснили гипо-

користические варианты. Формальными признаками этой эволюции, стали следующие особенности:

1) Первые князья XI–XII вв., носящие христианские имена, фигурируют исключительно под гипокористическими вариантами. Приблизительно начиная с XIII в. их потомки начинают фигурировать в каноническом варианте по месяццелову, и обратного хода данная эволюция не имеет. Ниже эту эволюцию можно увидеть на примере князей, крещенных под именем *Михаил* (**Михалко** → **Михаил**): Михалко Вячеславич (? – 1129) → Михалко Юрьевич, сын Юрия Долгорукого (ок. 1145/1153 – 1176) → ... → **Михаил** Всеволодович Черниговский (1176–1246; впервые появляется в 1224, Ипат.) → Михаил Хоробрит (1229–1248) → Михаил Тверской (1272–1318).

2) В более поздних списках в одних и тех же контекстах на месте ранних гипокористик употребляются канонические имена. Это четко прослеживается при сравнении Лаврентьевской летописи с Ипатьевской, а также при сравнении старшего и младшего изводов НПЛ. Эволюция видна только в одну сторону – от гипокористик к полному каноническому варианту:

— в се же лѣто воеваша Половци Лахы с **Василькомъ** Ростиславичемъ (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 72);

— в се же лѣтѣ воеваша Половць Лахи с **Васильемъ** Ростиславличемъ (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 79 об.).

3) В ряде случаев полный вариант имени может фигурировать в более поздних упоминаниях одного и того же человека в одном и том же памятнике.

Некоторые отличия обнаруживает дихотомия Георгий vs. Юрий, однако при более последовательном диахроническом анализе в этом княжеском имени прослеживаются черты аналогичной эволюции, в более стяженной форме.

А.М. Булатов
независимый исследователь, Москва

Картографическая ROSSICA: Каталог планов Москвы Клепикова

Первый на русском языке каталог старинных планов Москвы составил в 1956 г. Сократ Александрович Клепиков (1895–1978), по образованию экономист-статистик. В 1920-е гг. он, вместе с А.В. Чайновым, заинтересовался гравюрами, и этот интерес стал делом его жизни. Клепиков широко известен своими работами о

русском лубке, о филигранях. В 1950–60-е гг. он, работая в ГБЛ, обратился к старинным гравированным картам, планам и видам Москвы, русским географическим атласам. Результатом стали его работы:

1) Библиография печатных планов города Москвы XVI–XIX веков. М., 1956;

2) Москва в гравюрах и фотографиях (Опыт библиографии печатных альбомов и серий) // Труды Гос. б-ки СССР им. В.И. Ленина. М., 1958. Т. II. С. 111–194);

3) Рецензия на Сводный каталог русских географических атласов XVIII в. / Сост. Н.В. Лемус // Советская библиография. Сборник статей и материалов. М., 1963. № 1 (77). С. 60–67.

Также он подготовил к печати каталог «Русские печатные географические атласы XVIII века», о машинописном экземпляре которого сообщил О.Р. Хромов (см.: Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Мат-лы XXII междунар. науч. конф. М., 2010. С. 52–59).

Это сообщение связано с исключительностью каталога планов Москвы Клепикова 1956 г. (в дальнейшем – Каталог). М.Н. Тихомиров в своём предисловии назвал его «первой предпосылкой изучения...», но и ныне он остаётся единственным. Первая исключительность Каталога – он является сводным, описывающим планы из разных собраний, вторая – редкость, его экземпляры не появляются у московских букинистов уже несколько десятилетий, и третья, главная, – подход автора к описываемым планам как к произведениям гравюрного и издательского процессов. Клепиков понял, что у современных ему картобиблиографов отсутствуют знания об особенностях процессов производства бумаги и гравированных карт до начала XIX в. В своей рецензии на Сводный каталог русских атласов, адресованной картобиблиографам, он попытался поделиться своими знаниями и опытом изучения старинных гравюр.

Я занимаюсь картами России «фольклорной» или, как назвал её Лев Багров, «гомеровской» эпохи, т. е. гравюрами, изданными до Второй Камчатской экспедиции. Для планов Москвы этот период завершился выходом в свет плана 1739 г. Ивана Мичурина (Клеп 55А). Клепиков описывает планы, изданные в XVI–XIX вв. на русском и иностранных языках. Всего в его Каталоге учтены 228+14 планов, они сопровождаются библиографическими справками, комментариями и четырьмя иллюстрациями. Это сообщение относится только к первой части Каталога – позициям 1–55А.

Первое, что обращает на себя внимание в описаниях карт и планов в Каталоге, это указание масштаба. Клепиков называет мас-

штаб, в описаниях позиций 1–*11, «произвольным», для остальных он приводит цифру, но с оговоркой – (усл.), т. е. условный, не поясняя смысла. Возможно, от Клепикова требовали соблюдения какой-то инструкции, обязывающей всегда указывать масштаб. Такая разногласия в одном справочнике не может не вызвать чувства диссонанса.

Указание масштаба какого-либо плана «фольклорной» эпохи с помощью одной цифры некорректно, поскольку разные части изображения одного плана имеют разные масштабы. Если бы можно было использовать запись в виде, например, «Масштаб 1:15 000–35 000», то такая запись была бы верной, но бесполезной. Для описания гравированных карт России и планов Москвы, созданных до начала работ «петровских геодезистов», существуют другие однозначно определяемые характеристики.

Стоит сравнить, как профессор В.С. Кусов описывает в своей книге «Чертежи Земли Русской: Каталог-справочник». (М., 1993. С. 74–75), план Москвы (Клеп 43), изображенный на киелографированном фронтисписе Московской Библии 1663 г. работы Зосимы. О масштабе он пишет: «М-б по полю изображения существенно меняется: Кремль – ок. 1:27 тыс., Китай-город – ок. 1:31 тыс., Белый город – ок. 1:40 тыс., Земляной город – ок. 1:43 тыс. (м-бы определены по центральному отрезку восток-запад)». Клепиков об этом же плане сообщает: «(усл.) 1:72 000». Я не знаю, какая из этих записей предпочтительнее для целей каталога, поскольку ни один из «фольклорных» планов никогда не предназначался для целей хозяйственной деятельности. А для целей описания конкретной старинной гравюры (плана города) необходима безусловная однозначность.

Как каждое издание, Каталог содержит ошибки разного свойства. Одни относятся к расположению планов, другие к содержанию описаний (технике, размерам, датировке) и комментариям (наименованию герба). Все ошибки поправимы и будут исправлены при переиздании.

Среди ошибок есть одна особая. В 1842 г. И.М. Снегирёв (Памятники московской древности. М., 1842–1845. С. 98) ввёл в научное обращение план Москвы Гесселя Герритса 1613 г. (Клеп 12). Расшифровывая русскую вязь заголовка этой гравюры, он воспроизвёл последнее слово как «государствахъ», вместо написанного «господарствахъ», поскольку не разглядел букву П. Эта ошибка прожила 176 лет, от многих повторений всеми, кто писал об этом знаменитом плане, она превратилась в слово «государств» (*Хотимский Д.А.* О титуле плана Москвы гравированного Гесселем Герритцем // Вспомогательные исторические дисциплины в современ-

ном научном знании: Мат-лы XXXI Междунар. науч. конф. М., 2018. С. 362–365).

В целом каталог имеет стройную и понятную хронологическо-деривативную структуру расположения описаний. Планы почти всегда расположены в соответствии с этапами «истории жизни» гравюрной доски: 1) появление прототипа – 2) переиздание – 3) появление нового «состояния» – 4) переход доски к новому владельцу – 5) перегравировка.

У автора этого сообщения собралось несколько планов, не попавших в Каталог, а также сведения о гравированных планах Москвы, изданных в «фольклорную» эпоху, которые следует включить в дополненное и исправленное второе издание Каталога. На конференции будут продемонстрированы изображения планов Москвы, дополняющие Каталог, а также показаны примеры оформления страниц современных сводных каталогов старинных географических карт (на английском языке).

*Е.В. Булычева, к.и.н., доц. (звание), доц.
РГГУ*

Сведения эпиграфики об экономической деятельности оргеонов в Афинах IV в. до н.э.

В афинском полисе IV в. до н.э. существовало большое количество различных религиозных союзов, которые принимали активное участие в жизни всего гражданского коллектива (*Фролов Э.Д. Альтернативные социальные сообщества в античном мире. СПб., 2002*). Среди таких объединений особое место занимает религиозное общество оргеонов.

Оргеоны представляли собой религиозный союз, участники которого поклонялись различным богам и героям. Характерно то, что в их состав входили, как афинские граждане, так и иностранцы (*Меланченко И.В. Афинская демократия. М., 2007. С. 133*). Основной сферой деятельности оргеонов, как и других подобных союзов в Афинах, была духовная сфера. При этом оргеоны принимали активное участие в устройстве жертвоприношений и праздничных церемоний в честь богов и героев, которым они поклонялись. Безусловно, что для организации этих мероприятий требовалось немалое финансирование, которое осуществляли сами союзы. В связи с этим особый интерес представляет вопрос об их экономической деятельности.

В сочинениях античных авторов сведения об оргеонах практически отсутствуют. Основным источником, благодаря которому можно

составить определённое представление об экономической деятельности этого союза в Афинах IV в. до н.э. – данные эпитафии. До нашего времени сохранились надписи, посвящённые деятельности оргеонов в Афинах в IV в. до н.э. К сожалению, таких каменных стел, содержащих информацию об экономической сфере деятельности оргеонов, совсем немного, но эти сообщения имеют огромную ценность, поскольку это наш единственный источник по данной проблеме.

В первую очередь, это подробная надпись, посвящённая участию оргеонов в аренде священного земельного участка героя Эгрета в Афинах, которая была обнаружена французскими археологами в Афинах ещё в конце XIX в. недалеко от подножия холма Нимф. По мнению специалистов, её можно датировать серединой IV в. до н.э. Текст надписи сохранился весьма подробно и содержится в эпитафическом сборнике, изданном В. Диттенбергером в Берлине в начале XX в. (IG. II². 2499). В этом договоре об аренде оргеоны выступают в качестве арендодателей, передавая в аренду гражданину Диогнету, сыну Аркесила, из дема Мелита священный участок (теменос) на десять лет (IG. II². 2499, lines. 1–3). В тексте договора подробно излагаются условия арендной сделки, а также говорится о том, что оргеоны должны получать от арендатора плату в размере 200 драхм ежегодно. Кроме того, союз оргеонов требует от арендатора выполнения различных хозяйственных и ремонтных работ, а также обустройства им на храмовом участке специальных мест для проведения торжественных жертвоприношений (IG. II², 2499, lines. 30–35).

Другая надпись посвящена сдаче в аренду оргеонами священного участка героя Иатра. Каменная стела с текстом этого договора об аренде была обнаружена немецкими археологами во время раскопок в Афинах в середине XX в. Она датируется примерно 333 г. до н.э., поскольку в начале этого договора есть указание на архонта Никократа, который исполнял свои должностные функции в это время. Надпись опубликована в сборнике *Epigraphica*, который был издан Х. Плекетом в 1964 г. В тексте договора говорится о том, что оргеоны героя Иатра передают священный участок в аренду гражданину Трасибулу из дема Алопеки на тридцать лет (*Epigraphica*. 43. Lines 1–5). Оргеоны Иатра, как и оргеоны Эгрета, в качестве основного условия арендной сделки устанавливают проведение сельскохозяйственных и ремонтных работ на сданном в аренду священном участке (*Epigraphica*. Lines. 11–14). При этом арендная плата устанавливается в размере 20 драхм ежегодно. Такая сумма гораздо меньше, чем в случае со сдачей в аренду земли оргеонов Эгрета, что, по-видимому,

свидетельствует о том, что земельный участок был меньше размером, и количество работ на нём не было столь обширным.

Судя по эпиграфическому материалу, оргеоны принимали участие не только в арендных операциях, но также и в торговых сделках. Интересная надпись была обнаружена археологами в начале XX в. на месте, где, предположительно, находилась афинская агора. К сожалению, каменная стела с текстом надписи сохранилась очень фрагментарно, что не даёт возможности полного прочтения текста. На каменной стеле сохранился договор, в котором речь идёт об участии оргеонов в продаже какого-то имущества в районе Керамика. Текст надписи был опубликован в сборнике В. Диттенбергера (IG. II². 1599). Из-за плохой сохранности текста сложно судить, о каком виде имущества идёт речь. Известно лишь, что в качестве продавцов выступают оргеоны (при этом неизвестно, какому божеству или герою они поклонялись), и сделка проходит под надзором должностных лиц эпимелетов (IG. II². 1599, lines. 1–3). Кроме того, установлен однопроцентный налог с продажи, как было принято в ряде подобных сделок в Афинах в IV в. до н.э. (*Булычева Е.В. Древняя Атика в конце V – IV вв. до н.э. Распоряжение общественной землёй в полисе. М., 2018. С. 169*).

Ещё одна интересная надпись, составленная примерно в 350 г. до н.э., была обнаружена греческими археологами в середине XX в. на склоне Акрополя и посвящена награждению оргеонами попечителей их союза (Syll³. 1096, lines. 7–8). Оргеоны награждают почитателей их союза золотым венком стоимостью в 500 драхм, что свидетельствуют о немалых средствах, имеющихся в их распоряжении.

Таким образом, на основе имеющегося в нашем распоряжении эпиграфического материала можно сделать некоторые выводы.

Оргеоны представляли собой религиозный союз, который активно занимался не только духовной, но и экономической деятельностью. Средства, полученные в ходе сделок, они старались вкладывать в организацию торжественных мероприятий, которые устраивались на территории почитаемого ими святилища (*Булычева Е.В. Указ.соч. С. 78, 79*).

*И.А. Вознесенская, к.и.н., н.с.
НИОР БАН*

«Книга об учреждении флота» в рукописи БАН

Семен Иванович Мордвинов (1701–1777), адмирал-лейтенант и писатель, в 1716 г. был отправлен во Францию гардемаринном. По возвращении в 1724 г. назначен адыютантом к вице-адмиралу Гор-

дону. В 1726–1729 гг. служил в эскадре Синявина. В 1731 г. назначен командиром Астраханского порта. В 1735 г. он был определен в кронштадтскую команду. В 1744 г. С.И. Мордвинов принял командование новым кораблём «Полтава». В 1745 г. он служил в Комиссариатской Экспедиции и по поручению Коллегии занимался приведением в порядок бумаг адмирала Ф.М. Апраксина. До самого начала Семилетней войны Мордвинов в основном служил на берегу в Интендантской экспедиции и в Комиссии по собранию морских узаконений. Вернувшись в действующий военный флот, уже в 1757 г. он стал контр-адмиралом. Императрица Екатерина II в 1762 г. назначила его руководителем новой комиссии по улучшению флота. В 1765 г. комиссия подготовила первую часть регламента об управлении адмиралтейств и флотов, содержащую должности Адмиралтейств-коллегии, её экспедиций и всех чинов, находящихся при адмиралтействе. В 1770 г. из-за болезни адмирал Мордвинов практически прекратил работу в Адмиралтейств-коллегии. В феврале 1777 г. он подал прошение об отставке и спустя месяц скончался и был похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге.

Известно, что Мордвинов написал несколько книг, некоторые из которых были напечатаны в типографии Морской академии. Прежде всего это – «Каталог краткой для познания в молодых летах матросам» и «Книги полного собрания о навигации» (Книги полного собрания о навигации, по указу ея императорского величества из государственных адмиралтейских коллегий напечатаны в царствующем Санктпетербурге при Морской Академической Типографии. Лета 1748. Морского корабельного флота Капитаном Семеном Мордвиновым сочиненныя). Однако еще в феврале 1735 г. он представил в Адмиралтейств-коллегию составленную им книгу «О учреждении флота на море», собранную из различных примеров. Рукопись, посланная на отзыв обер-экипажмейстеру К.Н. Зотову, считается утраченной. Спустя год, в январе 1736 г. он представил коллегии сочинение «Книга полного собрания о эволюции, или об экзерциции флота на море». По-видимому, именно эту рукопись на 87 страницах под названием «Книга полного собрания об эволюции или экзерциции флота на море. Переводы с Французского языка на Российский от флота лейтенанта Семена Мордвинова 1733 года» в архиве обнаружил В. Берх, публикатор жизнеописания адмирала (*Берх В. Жизнеописание адмирала Семена Ивановича Мордвинова. М., 1831*).

В Отделе рукописей БАН хранится рукописная книга «Книга о учреждении флота или об экзерциции флота на море какими регулами все флоты военные как на море так и на рейдах всякие случаи

учреждаются» (16.12.16). Рукопись формата фолио на 167 листах. Переплет картонный в коже, после реставрации. По филиграммам бумаги рукопись можно датировать серединой XVIII в. (ЯФЗ // Герб Ярославля 3 типа (1748), ВФ в прямоугольном картуше // СТ в прямоугольном картуше (1765–1776)). Рукопись написана тремя разными почерками и украшена инициалами и рисунками. Некоторые из рисунков раскрашены. Все декоративные элементы и иллюстрации находятся в первой части книги, с листа 67 декор прекращается, хотя место для него оставлено. На л. 51–58 инициалы и рисунки представляют собой прориси. Обращает на себя внимание то, что декор выполнен в двух манерах штриховки и растушовки, возможно, двумя художниками. На л. 53 находится детский рисунок, повторяющий прорись на предыдущем листе. Из этого можно предположить, что рукопись хранилась в семейной библиотеке.

Автор текста рукописи не называет своего имени, но в предисловии к читателю он сообщает, что многое уже «изъяснено в книге изданной Обер Экипажмейстером господином Зотовым». Вероятно, он имеет ввиду изданную в 1724 г. книгу К.Н. Зотова «Разговор у адмирала с капитаном о команде или полное учение како управлять кораблем в всякие разные случаи». Именно этот пассаж, с упоминанием имени Зотова в чине обер-экипажмейстера (чин генерал-экипажмейстера Зотов получил в 1740 г.), и само название рукописи позволяет предположить, что перед нами утраченная в Адмиралтейств-коллегии рукопись «О учреждении флота на море», автором которой является С.И. Мордвинов. В своих записках Мордвинов писал, что «в 1736 году в январе месяце подана от меня в адмиралтейскую коллегию книга о эволюции флота, сочиненная мною на российском языке» (Записки адмирала Семена Ивановича Мордвинова, писанные собственною его рукою. СПб., 1868. С. 20.), а в 1740 г. «подана от меня вторично в коллегию, с пополнением прежнего, книга о эволюции, а другая Полное собрание о навигации в 3-х частях, третья – каталог» (Там же. С. 21–22). То есть, он говорил о двух изданных книгах и одной, оставшейся в рукописи, известной по «жизнеописанию» Берха. Сведений о книге об учреждении флота в записках адмирала нет. В любом случае, можно предположить, что в названии рукописи могут быть разные варианты.

Рукопись представляет собой список середины XVIII в. и имеет следующую структуру:

Предисловие к читателю. Объявление. Часть 1-я из четырех глав (о компасе, о линиях, об ордерах, о квадрате). Часть 2-я из шести глав (о действии флота на море, о догнании корабля, о постановлении флота в линию, о лавировании флота, о штормах, как флоту

лежать на якоре). Часть 3-я из шести глав (Когда флот лежит в линии деботали, когда флот на перпендикуляре ветра, когда флот лавирует в третьем ордере, когда флот марширует, когда флот в трех колонгах, когда флот учрежден обдр деретретом). Четвертая и пятая части, обе из шести глав, повторяют структуру третьей. Часть 6-я имеет заголовок отличный от общего названия книги, здесь впервые появляется название «Книга полного собрания об эволюции или обсервации флота на море часть шестая», состоит она также из шести глав (о приготовлении к баталии, какую иметь осторожность от неприятеля, как поступать с неприятелем, о погоне за неприятелем, о побеге от неприятеля, о бордировании).

*Д.М. Володихин, д.и.н., доц., проф.
МГУ им. М.В. Ломоносова*

**Вкладные и владельческие записи
на невежинских печатных Октоихах 1594 года из собрания
Издательского Совета Русской Православной Церкви**

Книги московской печати, изданные в период, предшествующий восстановлению Московского печатного двора при Михаиле Федоровиче, дошли до наших дней, большей частью, в крайне незначительном количестве экземпляров. Конечно, известны старопечатные книги МПД названного времени, от тиражей которых остались десятки экземпляров. Но это, скорее, исключения из общего правила. Большой частью – всего несколько экземпляров, порой – всего один, а иногда и этот единственный экземпляр – неполный, дефектный или реставрированный. Поэтому важна каждая деталь, связанная с производством и бытованием старомосковских кириллических изданий второй половины XVI–первой четверти XVII столетия. В частности, особой информативностью обладают вкладные, владельческие и покупные записи на полях указанных изданий.

В силу этого представляется полезным ознакомить научное общество с владельческими и вкладными записями на двух книгах работы известного мастера Московского печатного двора Андроника Тимофеевича Невежи, а именно Октоихах 1–4 (часть 1) и 5–8 гласов (часть 2), вышедших в 1594 г. (фактически единое издание в двух книгах). Обе книги на данный момент (осень 2019 г.) хранятся в библиотеке Издательского Совета Русской Православной Церкви, обе не имеют каталожного номера. Информация о том, когда и при каких обстоятельствах они дополнили собрание Издательского Совета, утрачена.

В наиболее полном каталоге изданий кириллической печати данного периода, составленном А.А. Гусевой, собрание Издательского Совета упомянуто, однако в виде ссылки лишь на одну книгу – федоровскую Острожскую Библию 1581 г.; два Октоиха 1594 г. работы Андроника Невежи А.А. Гусевой неизвестны (*Гусева А.А.* Издания Кирилловского шрифта второй половина XVI века. Сводный каталог: В 2 кн. М., 2003. Кн. 1; 593; То же. М., 2003. Кн. 2; 905–906). А.С. Зернова, чьим каталогом пользовалось не одно поколение исследователей, также не знала об их существовании (*Зернова А.С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. Сводный каталог. М., 1958; 17–18). Тем важнее ввести в научный оборот записи из них.

Курсивом в публикации даны выносные буквы.

Октоих 1–4 гласов на л. 4–28 имеет обширную вкладную запись со значительными утратами, проставленную скорописью по нижним полям листов в правой части разворота: «Приложил[и] сию книгу глаголемую Актаи... д... (оторвано)... (заклеено)... [чудотворц?]а Николы Лаврентей Борисав с[ы]нь [Со? (заклеено)]зонав да [Ле? (нрзб.)]воитьев кресянин Созонова Дмитрий Трофимав. А которой свяще[нник? (заклеено)]...(заклеено) [чудот? (заклеено)]ворца Николы ни будет, и ко сеи книги... (заклеено)... а престо[ла вели? (нрзб.)]... [кого чудотвоц? (заклеено)]а Николы и не бут[ь] на том... (заклеено) с *отн[ы]*не и до века [милость Божия? (заклеено, оторвано)]. Далее, на л. 79 об.–80 скорописью XVII века другим почерком: «Сия книга Охтаи села Мосолова, церкви Николы Чюдотворца». Далее, на л. 118–121 вторым почерком, скорописью XVII в.: «Сия книга гл[агол]емя Охтаи села Мосолова церкви Николая Чюдотворца на речки».

Октоих 5–8 гласов на л. 9–39 имеет обширную вкладную запись со значительными утратами, проставленную скорописью по нижним полям листов в правой части разворота: «[Я? (нрзб.)]з Степан... (затерто, заклеено) 144 (1635) году [месяца? (заклеено)] октября (Ошибка, должно быть «декабря». – Д.В.) в 13 д[е]нь на память с[вя]тых м[у]ч[е]ник Еустратия, Евксентия, Мардария, Ареста и преподобнаго *отца* [нашего? (нрзб.)] Арсения приложили сию книгу глаголемую Октаи в дом вели[кого? (нрзб.)] чюдотворца Николы Бехтеев[а?] Никольские жа... (заклеяно) и я старцы раб Божий Федар Иванав сын... (нрзб.) да роба Божия... (нрзб.)... Мала... (заклеено) а прот... (нрзб.) и котораи с[вященник? (заклеено)] у Ни[колы чюд? (заклеено)]отворца ни будет и он сеи книги... (утрата лл. 29 и 30) и хто сию книгу г[лагол]емя Охтаи *отнесет* из дому великог[о] чюдотворца Николы, и не бут[ь] на том

м[и]л[о]сть Б[о]жия и велико[о] чудотворца Николы и буди *тот* проклет *отн[ы]не* и до века. А мил[ь]». На л. 7 видно начало другой записи, полууставом: «РАФАИЛ И РУ» (продолжение на л. 8 затерто). Вероятно, эта запись начиналась на л. 6, но он утрачен.

Две больших вкладных записи в двух Октоихах схожи по почерку, а также по ряду характерных орфографических ошибок. Можно предположить, что обе записи сделало одно лицо по заказу разных групп вкладчиков.

Что же касается Никольского храма, упомянутого во вкладных и владельческих записях, то это, вероятно, одна церковь, близкая как к селу Мосолову, так и к населенному пункту «Бехтеево, Никольское же» на Рязанщине. Нельзя исключить того, что это один населенный пункт, поскольку писцовые землеописания то сводят воедино, то разводят Мосолово и Бехтеево. Можно предположить, что речь идет о сельце Мосолове («Бехтеево тож») в Каменском стану Рязанской земли. Сельцо получило название от семьи землевладельцев Мосоловых; близ сельца Мосолова, как сообщает приправочная книга письма Т.Г. Вельяминова 1596/1598 г., располагалась «... за полем на вотчинникове земле Павла Мосолова церковь Никола Чюдотворец, древена клетчки, на речки на Рознетиме; а в церкви оброзы и свечи, и книги, и на колокольнице двои колокола и все церковное строенье – вотчинниково и мирское» (Писцовые книги Рязанского края. XVI век / Под ред. В.Н. Сторожева. Рязань, 1898. Т. I. Вып. 1 С. 273). Видимо, Октоихи были поданы вкладом именно в этот храм.

*В.И. Гальцов, к.и.н., доц. (звание), проф.
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта*

К вопросу о владельцах Радзивилловской летописи

О странствии Радзивилловской или Кенигсбергской летописи до середины XVII в. известно лишь отчасти, главным образом, на основании приписок, которые появлялись в разное время на обороте верхней крышки переплета рукописи. Они свидетельствуют о том, что в 1590–1606 гг. эта книга находилась в Белоруссии, вероятно на Гродненщине в сельской местности. Где она была до этого, не известно. В XVII в. ее владельцем становится Станислав Юрьевич Зенович (ок. 1610–1672), лесничий вилькийский и подкормий вилькомирский (с 1653 г.), а с 1671 г. кастелян новогрудский. Как книга с русской летописью оказалась у Зеновича, точно не известно, но можно сделать некоторые предположения.

Станислав был сыном Юрия Яновича Зеновича, виленского земского судьи, и происходил из боковой ветви знатного белорусско-

литовского рода Деспотов-Зеновичей. Среди наиболее известных представителей этого рода был Христофор Юрьевич Зенович (ок. 1540–1614), староста чечерский и пропойский, воевода и кастелян брестский. Он был кальвинистом и весьма образованным человеком (окончил университет в Цюрихе). Получил известность как писатель и просветитель, построивший на свои средства бумажную мельницу, кальвинистский собор и школу в Сморгони – родовом владении Зеновичей. Им был написан любопытный трактат под названием «Трагедия, или Начало значительного упадка в доме Княжества Литовского». В нем Христофор Зенович описал длительную судебную тяжбу между Христофором Радзивиллом Перуном и Иеронимом Ходкевичем, чуть не закончившуюся в 1600 г. большой войной. Предметом спора было самое крупное наследство в Литве того времени – владения рода князей Слуцких и Копыльских, потомков великого князя Ольгерда. Последняя представительница этого рода София Юрьевна Олелькович-Слуцкая по договору была выдана замуж за сына Х. Радзивилла Януша, который и стал наследником этого огромного состояния, сделавшего его самым богатым магнатом среди всех Радзивиллов. В 1612 г. София умерла при родах, не оставив князю наследников. От второго брака Януша Радзивилла с Елизаветой Софией Бранденбургской родился сын Богуслав, будущий владелец Радзивиловской летописи.

Автор единственного прижизненного сочинения о Софии Слуцкой Христофор Зенович был ценителем книги, собравшим за свою жизнь большую библиотеку. Нельзя исключить того, что именно в ней могла оказаться и рукописная книга с Радзивиловской летописью. После смерти Зеновича эта библиотека, находившаяся в Сморгони, досталась его сыну Николаю Богуславу по завещанию, в котором говорилось: «...библиотеку, которую мне при жизни удалось собрать, оставляю тебе, сын мой любезный и твоим потомкам, как величайшую драгоценность. Прошу тебя не разбрасывать её, а даст Бог и увеличивать. Всегда держать в одном месте, в Сморгонях» (Цит. по: *Насевіч В.Л. Зяновічы // Велікае княства Літоускае. Энцыклапедыя у двух тамах. Т. 1 Абаленскі – Кадэнцья. 2-е выданне. Мінск, 2007. С. 661*). Николай Богуслав Зенович был старостой чечерским и пропойским, а также кастеляном полоцким. Ему не пришлось быть долго хранителем отцовского наследства, потому что во время польско-турецкой войны он погиб в 1621 г. в битве под Хотинном, не оставив потомства.

С большой долей осторожности можно предположить, что какие-то книги из собрания Христофора Зеновича попали к его

дальнему родственнику Станиславу Зеновичу. Как бы то ни было, именно Станислав Зенович подарил летопись князю Янушу Радзивиллу младшему. Об этом свидетельствует латинская недатированная дарственная запись, сделанная Зеновичем на обороте последнего, 251-го листа рукописи. Это могло произойти в промежутке между 1653 г., когда Станислав стал подкормием вилокмирским и вилькийским лесничим, и 1655 г., когда умер Януш Радзивилл.

Уникальная книга становится семейной реликвией Радзивиллов, но вскоре последний потомок биржанской (кальвинистской) ветви этого рода Богуслав (двоюродный брат Януша Радзивилла и муж его дочери) дарит летопись Замковой (дворцовой) библиотеке в Кенигсберге. Подробности этого события таковы.

Незадолго перед смертью, 27 декабря 1668 г., Богуслав Радзивилл, будучи наместником в Пруссии, составил завещание, по которому, в частности, передавал свое собрание книг – 428 томов – в Замковую библиотеку (Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 8. Вильна, 1870. С. 410, док. 113). На самом деле еще до этого князь передал на хранение в библиотеку 355 томов (290 in folio и 65 in quarto), а после завещания – оставшиеся книги из своей библиотеки и еще несколько купленных новых книг. Итого получилось 500 томов, в основном теологического содержания второй половины XV – первой половины XVII вв.

Среди отмеченных выше 500 томов еще не было русской летописи. Ее передала в Замковую библиотеку дочь князя Богуслава Людовика Каролина вместе с другими редкими манускриптами и печатными книгами (всего 60 томов in folio и 10 in quarto), а также с некоторыми произведениями искусства и музейными ценностями (*Diesch C. Fürst Boguslav Radziwill und seine Bücherschenkung an die Königsberger Schloßbibliothek // Festschrift Georg Leyh 1877–1937. Leipzig, 1937. S. 117–128; Pisanski G.C. Entwurf einer preußischen Literärgeschichte in vier Büchern. Königsberg, 1886. S. 380–381*). Произошло это в 1671 г., уже после смерти Радзивилла – дата поступления рукописи в библиотеку замка отмечена на экслибрисе князя Богуслава, который приклеен к внутренней стороне верхней крышки переплета книги.

Между прочим, в завещании Б. Радзивилла была специальная оговорка о том, что книги его библиотеки должны быть только в Кенигсберге и не должны передаваться в Берлин, как это случилось ранее с некоторыми книгами из библиотеки прусского герцога

Альбрехта, отправленными в столицу в XVII в. вопреки его воли. К счастью, желание князя Богуслава было выполнено, в противном случае Радзивилловская летопись вряд ли оказалась бы в XVIII в. в Санкт-Петербурге.

*А.А. Герцен, к.г.н., н.с.
Институт географии РАН*

Васильков на Днестре. Историко-географическая загадка старинной карты

Работа подготовлена по гранту РФФИ № 19-05-00533а

Комплексные исследования историко-географических ландшафтов Северо-Западного Причерноморья, в рамках которых был проведён историко-картографический анализ бассейна Среднего Днестра, способствовали обнаружению уникальных древних культово-оборонительных сооружений, составляющих Рашковский природный и историко-культурный комплекс (Герцен А.А., Несцерова Т.П., Паскарь Е.Г., Тельнов Н.П. На перекрёстке цивилизаций: пространство, время, наследие. Новейшие историко-географические исследования некоторых памятников Северо-Западного Причерноморья. М.; СПб., 2019), а также выявлению неизвестных страниц истории старинного храма в селе Василькове (молд./рум. *Vasilcău, Василкэу*) Сорокского района Молдавии.

Составленные во второй половине 30-х – середине 40-х гг. XVII в. одним из крупнейших картографов и архитекторов фортификаций своего времени Г.Л. Бопланом, выгравированные В. Гондиусом и опубликованные в Гданьске в 1648 г. «Общий Чертеж Пустынных Полей называемых Украина. С прилежащими Провинциями...» (*Delineatio Generalis Camporum Desertorum vulgo Ukraina <...> Beauplan <...> Hondius <...>*) и в 1650 г. «Специальный и точный Чертеж Украины с её Графствами и Округами, Прилежащими Провинциями...» (*Delineatio specialis et accurata Ukrainae <...> Beauplan <...> Hondy <...>*), ориентированные на юг, а также изданную в 1700 г. в Амстердаме ориентированную на север карту «Украины части что Барцлавия графство называется...» (*Ukrainae pars quae Barclavia palatinatus <...> Beauplan <...> Amstelodami <...>*) – старейшие топографические карты региона, бесценные источники историко-географической информации. Благодаря внимательному анализу этих карт можно узнать о существовании в то время недалеко от Сорок церкви, обозначенной на карте с топографической точностью – в нескольких километрах ниже по течению, напротив впадения сливающихся воедино рек Кученеча (*Kouczeniecza R.*

(1650); совр. Марковка) и Ольшанка (*Ossanka R., Olssanka R.* (1650, 1652)) в Днестр (*Niestre.R. abo Turla* (1648); *Niester flu.:Ptolomeo Tyras* (1650); *Niester seu Tyra flu.* (1652)). Слева и справа от устья показаны укрепления крупного города Кученеца/Кученеча (*Kouczeniez* (1648); *Kouczeniecz* (1650, 1652)), непосредственно прилегающие к Днестру – небольшой замок и крепость. Благодаря высочайшей точности топографа, создавшего это произведение науки и искусства более 370 лет назад, определить вероятную локализацию старинной церкви для опытного географа не составляло тяжёлого труда. Анализ современных космических снимков местности позволил выявить месторасположение храма и то, с какой филигранной аккуратностью оно было подмечено составлявшим карту специалистом своего времени. Полевые исследования подтвердили, что церковь, занимающая стратегическое положение на высоком холме, сохранилась в прежних формах, а в самом важном с наблюдательной позиции месте – на краю холма, обращённого в сторону границы, возвышается сторожевая башня-колокольня, схожая со Смотровой башней Вадорашковского замка (Герцен и др. 2019).

Затерянный в глухой провинции и известный преимущественно местным жителям красивый старинный храм охраняется как памятник архитектуры и внесён в Реестр охраняемых памятников Республики Молдова под № 2805. Однако, как и в подавляющем большинстве случаев, он датируется последним периодом (в данном случае – серединой XIX в.), согласно известным на момент составления реестра источникам. Вместе с тем сведения по первой церкви содержатся и в более ранних источниках.

Современная церковь Успения Богородицы в Василькове, повторяющая план старой церкви на карте XVII в., принадлежит к распространённому в романо-славянском пограничье типу церквей с переложенными в камне особенностями деревянного зодчества. Церковь трёхчастная, с прямоугольными в плане ритуальными помещениями, из которых выдается её средняя часть – храм. Расположение здания на вершине холма, с широким обзором над долиной и руслом реки, приближает его к оборонным сооружениям. Рядом с церковью находится колокольня, форма которой также заимствована из оборонного зодчества: простое призматическое, перекрытое шагровой крышей (Герцен и др. 2019).

Большую историческую загадку представляет собой история села и время его возникновения. По вопросу даты наиболее раннего упоминания исследователи разошлись во мнениях: 1620, 1517, либо ещё раньше – 1448 г. (*Miron V. Raionul Soroca. Ghid turistic.* 2017). Анализ географических названий, встречающихся в средневековых

грамматах и на старинных географических картах, показал, что в топонимической системе среднего течения Днестра выявляются несколько топонимов *Василько'в/Василёв* с сопутствующими группами одноимённых топонимов (*Вербовцы, Юрковцы, Ленковцы* и др.). Существование ряда других Васильковых/Василёвов, крупнейший из которых – *Васильков* на р. Стугне в Киевской области Украины (упоминается в X в. под названием *Василев*; 1988 *Василько'в*), свидетельствует о процессах масштабного топонимического переноса в прошлые эпохи и формировании ядер топонимических ландшафтов, сохранившихся до наших дней (*Герцен А.А. Историко-географический контекст перенесённых топонимов // Вопросы географии. 2018. № 146. С. 27–73; Паскарь Е.Г., Герцен А.А. Топоним Молдавия: древнейшие упоминания и новые этимологии // Русин. 2016. № 1 (43). С. 9–35*).

Выявленные и предварительно изученные в рамках комплексных исследований историко-географического ландшафта Среднего Днестра оборонно-крепостные и культовые памятники истории и архитектуры в Рашкове, Вад-Рашкове, Василькове представляют большой научный и общественный интерес, нуждаются в повышении охранного статуса объектов наследия, проведении дальнейших исследовательских и охранно-восстановительных работ.

*В.Н. Глазьев, д.и.н., проф., декан
Воронежский ГУ*

Чертеж города Воронежа 1690 г.: история создания и значение как исторического источника

Представить вид Воронежа накануне начала петровского кораблестроения помогает первый известный чертеж города 1690 г. Чертеж хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА. Ф. 210 Стб. Приказн. Ст., Д. 1243. Л. 69–71). Рассмотрим обстоятельства его появления и попытаемся определить его информативные возможности.

В 1682 г. внутри воронежской крепости было отведено место для строительства каменного соборного храма. Постройки снесли, их владельцы получили новую землю и соорудили дворы и лавки за крепостной стеной. Не сделал этого посадский человек Федот Аникеев, который в 1688 г. получил у воеводы документ на строительство лавки на выезде из крепости поблизости от Пятницких ворот. Возражения высказал епископ Митрофан, так как на этом месте во время крестного хода совершаются молебны. Тогда Ф. Аникеев подал челобитную в Москву вместе с документом об отводе земли

воеводой и 17 января 1689 г. в Разрядном приказе получил грамоту на строительство торгового заведения на отведенном месте.

Узнав о содержании грамоты, Митрофан, в свою очередь, подал челобитную в Разрядный приказ, к которой прилагался чертеж, наглядно показывающий правоту епископа. Интересы воронежского святителя отстаивал в Москве его представитель Николай Поплевин. Епископ предлагал опросить пребывающих в столице воронежцев и узнать их мнение по этому делу. Они категорически возражали против попытки Ф. Аникеева построить лавку около Пятницких ворот. В деле не сообщается о вынесенном решении, но, очевидно, оно было в пользу святителя Митрофана, поддержанного влиятельными горожанами.

Составитель чертежа обозначил торговые точки и свободные места, где можно было построить лавку. Воронежские крепостные сооружения автор чертежа обозначил в общих чертах, не стремясь к точности в деталях. Четырьмя прямоугольниками в надолбах обозначены проезжие ворота. На чертеже показаны четыре дороги, их продолжение легко представить, за надолбами они расходились. Возможные направления дорог: в сторону переправы через Дон и далее на Коротомяк, Старый Оскол и Курск, в сторону Ельца и далее на Москву, в сторону Ряжска и Рязани.

Воронежская крепость была ограждена рвом (на чертеже – темная полоса), стенами и башнями. На чертеже изображено пять проезжих башен, автор чертежа не стремился к точности в изображении укреплений и не стал рисовать все глухие башни. На чертеже указаны основные воронежские церкви. Внутри крепости изображена новая соборная каменная церковь с нарисованными пятью главами, завершенная в 1690-м году. Деревянная старая соборная церковь с одним куполом показана в центре крепости.

На чертеже 1690 г. обозначены учреждения и здания общественного назначения. Автор изобразил архиерейский двор – резиденцию первого воронежского епископа Митрофана. Справа от рынка располагались казначей двор, кабак (кружечный двор), губная изба (учреждение, ведавшее борьбой с уголовными преступниками). Там, где заканчивался торг, находилась тюрьма – деревянное сооружение, окруженное дубовым тыном.

«Двор воеводской» чертежа 1690 г. это, очевидно, не только место жительства воеводы, но и учреждение местного управления – приказная изба. «Житенной двор» – это государственное хранилище зерна. На чертеже 1690 г. показаны слободы и жилые постройки, в том числе «дворы загородные боярские». Речь идет об осадных дворах воронежских детей боярских, живших в селах и деревнях

Воронежского уезда. Дети боярские владели дворами в городе на случай вражеской осады.

Владельцами осадных дворов являлись известные в местном обществе люди, в том числе осадный голова Федор Сергеевич Петров, подьячий Максим Васильевич Шарапов, подьячий воронежской съезжей избы Кузьма Корнильевич Толмачев, местные дети боярские Никита Иванович Пещуров, Степан Арефьевич Титов, Иван Петрович Митрофанов и другие. В период отсутствия владельцев в осадных дворах детей боярских проживали их дворники.

В правом верхнем углу чертежа показана Ямская слобода. Она была устроена в Воронеже в конце XVI в. при царе Федоре. В Ямской слободе по соседству с ямщиками проживали другие категории воронежцев. Рядом с Ямской находилась Кузнечная слобода. Около нее составитель чертежа нарисовал кузни.

Кто составил Чертеж? На его обороте сохранилась надпись: «Преосвященного Митрофана епископа воронежского стряпчий Никита Коноплев руку приложил». Очевидно, именно он составил чертеж. Автор чертежа обладал наблюдательностью и способностями к рисованию.

Чертеж изготовлен после 17 января 1689 г. (дата получения грамоты Ф. Анিকেевым) и до 15 марта 1690 г. (рассмотрение дела в Разрядном приказе). Составление чертежа связано с судебным разбирательством в Разрядном приказе в 1690 г.

Сохранившийся в материалах этого дела чертеж является первым по времени известным нам планом Воронежа. Конечно, это не карта в современном смысле слова, чертеж составлен без измерений, ориентировка по сторонам света, масштаб отсутствуют. Скорее его можно назвать рисунком. Автор не стремился к полноте и исчерпывающим подробностям в изображении всех построек города. Вместе с тем, чертеж 1690 г., в целом, достоверный исторический источник, дающий представление о воронежской крепости, ее основных сооружениях и дорогах, проходящих через крепость.

*Е.Н. Горбатов, специалист I категории
РГАДА*

Титулованное дворянство в жилецких списках 1616–1636 годов

В структуре государева двора жильцы занимали самую нижнюю позицию. В чине жильцов служили молодые люди, только начинающие свою служебную карьеру. Чаще всего это были дети московских или провинциальных дворян. Для учета личного состава жильцов в Разрядном приказе велись жилецкие списки. Они со-

ставлялись несколько раз в год и представляли собой полный перечень жильцов на текущий момент с указанием поместных и иногда денежных окладов.

В источниках фигурируют только «подлинные» и «земляные» виды жилецких списков. Самым первым исследователем жилецких списков М.П. Лукичевым было высказано ошибочное мнение относительно определения «подлинных» жилецких списков. Он считал, что «подлинные» жилецкие списки содержат только поместные оклады (*Лукичев М.П.* Боярские книги XVII века. М., 2004. С. 175). Такой вывод был сделан им на основании употребления термина «подлинный» в заголовке списка 1617/18 г., содержащего перечень жильцов с указанием только поместных окладов. Между тем, приведенный им заголовок списка 1616/17 г., содержащего перечень жильцов с указанием поместного и денежного окладов, говорит о том, что и такой вид списков был «подлинным». Таким образом, определить вид жилецкого списка на основании наличия в нем размеров поместного и денежного оклада жильцов, становится невозможным. М.П. Лукичев высказал догадку относительно названия «подлинных» жилецких списков. По его мнению, «подлинными» они называются, потому что содержат полный состав жильцов. К этому следует добавить, что одним из признаков «подлинного» жилецкого списка может быть наличие в нем перечня пожалованных в чин в текущем году, который помещался в конце документа.

В отличие от боярских списков источники совершенно не знают термина «наличный» в отношении жилецких списков. Между тем, среди сохранившихся списков не все имеют перечень полного состава и добавления с новопожалованными в чин. Из этого следует, что эти списки были составлены для текущего делопроизводства, а не для составления полного перечня жильцов. Определить цель их составления пока трудно. Также среди жилецких списков имеются документы, содержащие перечень жильцов с указанием местонахождения и размеров земельных владений. Такие виды списков М.П. Лукичев предложил считать «земляными».

За период с 1616 по 1636 гг. сохранилось почти 30 списков, в том числе 5 земляных. Из них по большей части списки содержат полный состав жильцов с указанием пожалованных в чин в текущем году. В период с 1637 по 1642 гг. жилецкие списки сохранились фрагментарно. По этой причине исследование было бы целесообразно ограничить периодом между 1616 и 1636 гг. Кроме того, 1636 г. является значимой датой для Московского государства, подводящей итоги Смоленской войны. Многие жильцы именно в этом году, либо на следующий год перешли на службу с городом.

Расширение государева двора при новой династии требовало новых рекрутов. Между тем, важно было определить, кто должен войти в состав двора, и на каком основании делать отбор нужных людей. Одним из востребованных ресурсов для комплектования московской элиты оказалось титулованное дворянство.

Представители княжеских фамилий к началу царствования новой династии находились в составе двора, но значительная их часть все-таки служила с городом. Одним из этапов вхождения в состав элитной части двора была служба в жильцах. Правительство Михаила Федоровича добивалось, чтобы в этот чин записывались нигде не верстанные дети дворян. В 1635/36 г. была проведена ревизия жилецкого состава, в ходе которой были выявлены лица записанные в городовые десятины 1621/22 г. По государеву указу таковых, даже если они числятся в десятне в недорослях, лишили права служить в жильцах.

По данным жилецких списков за период с 1616 по 1636 гг. было выявлено всего 207 персон, носящих фамилии 44 титулованных родов. Это князья Бабиचेvy (3), Барятинские (15), Белосельские (2), Бельские (3), Болховские (5), Вадбольские (6), Волконские (12), Вяземские (17), Гагарины (4), Горчаковы (4), Гундоровы (3), Деевы (3), Долгоруков, Друцкий, Дябринский, Елецкие (2), Жеряпины (2), Засекины (6), Збарецкий, Козловские (12), Коркодиновы (2), Кропоткин, Лыков-Белоглазов, Львовы (9), Мещерские (14), Морткины (6), Несвижские (2), Оболенские (4), Пожарский, Пронский, Пуятины (2), Ростовские (8), Сеитовы (3), Селеховские (3), Ухтомские (12), Хотетовские (3), Шаховские (11), Шейсупов, Шелешпанские (4), Шехонские (5), Ширинский, Шихматов, Щербатовы (8), Щетинин.

В жилецких списках за период с 1616 по 1624 гг. выявлено всего 158 из них. 28 новых персон появляются в период с 1625 по 1632 гг. и 21 – в 1633–1636 гг. Соответственно, большая часть (3/4) из титулованного дворянства служила в жильцах до составления боярского списка 1624 г., самого раннего дошедшего до нас документа, содержащего почти полный перечень чинов двора после окончания Смуты. Впервые в годы до и после Смоленской войны в жилецких списках упоминается менее четверти лиц с княжеским титулом.

К 1625 г. из жилецких списков по разным причинам исчезает 48 персон с княжеским титулом. 16 из них исчезает бесследно, 2 – написаны в стольники, 1 – в стряпчие, 2 – в патриаршие стольники, 20 – в московские дворяне, 7 – в уездные дворяне. Случаев смерти жильцов за данный период не зафиксировано. В период с 1625 по 1632 гг. 97 персон с княжеским титулом выходят из состава жильцов. Из них исчезает бесследно всего 1 человек. В стольники пожа-

ловано 6 человек, в страпчие – 12, в патриаршие стольники – 31, в московские дворяне – 35, в уездные – 4, умерло – 8. В период с 1633 по 1636 г. 25 персон с княжеским титулом перестают числиться в жильцах. Из них исчезло из списков – 4, пожаловано в стольники – 2, в страпчие – 1, в московские дворяне – 12, в уездные – 3, умерло – 3. Следовательно, более половины из выявленных лиц получили повышение и продолжили службу в элитных чинах двора. Из них почти половина – в московских дворянах.

Таким образом, основная часть титулованного дворянства, служившая в жильцах, была переведена в более высокие чины двора именно накануне Смоленской войны. Это объясняется, с одной стороны, тем, что возраст жильцов, в основном начавших служить до 1624 г., к тому времени обязывал их к повышению, а с другой – попыткой правительства Михаила Федоровича, и в первую очередь патриарха Филарета, заручиться поддержкой представителей служилой аристократии в проведении мероприятий, связанных с возвращением потерянных позиций России в Восточно-Европейском регионе.

*Е. С. Гришин, руководитель сектора
ИОН РАНХиГС (Москва)*

Историческая топография каролингских королевских резиденций как фактор роста

Политическое объединение франкских земель под властью первых Каролингов и их активная завоевательная политика создали условия для формирования новой пространственной конъюнктуры на территории их владений, которая имела существенные отличия от меровингских историко-географических реалий.

В исследовательских работах по выявлению факторов развития западноевропейских городских поселений выделяют рост города из городских (римского периода) и протогородских поселений, монастырей и сельских населенных пунктов (*Henning J. Early European towns: The Way of the Economy in the Frankish Area between Dynamism and Deceleration 500–1000 AD // Henning J. Post-Roman Towns. Trade and Settlement in Europe and Byzantium. 2 Vols. Berlin; New York, 2007. Vol. 1. P. 3–40: P. 11*). Эта сравнительно генерализованная типология может быть уточнена дополнительными группами, в том числе – королевскими резиденциями. Одной из проблем исторической географии населенных пунктов каролингской Европы является отсутствие роста, стагнация или даже упадок тех поселений,

которые относились к королевским резиденциям или местам пребывания других светских правителей.

Безусловно, резиденция правителя – далеко не однородное явление в плане атрибуции поселения.

Ко времени последних Меровингов упадок инфраструктуры римских дорог привел к большей зависимости населенный пунктов от топографических условий. Передвижение вдоль речных долин способствовало развитию тех поселений, которые располагались на внешней стороне меандров рек. Кроме того, чаще всего эти поселения находились на высоком берегу, что определяло стабильность топографических условий. С другой стороны, по тем же причинам эта группа населенных пунктов была уязвима в случае военных действий. Области низкого берега были благоприятны для сельских поселений. Внутренние части меандров, возвышения хорошо подходили для монастырей и строительства фортификаций. Тяготение тех или иных типов поселений к определенному топографическому базису задавало в значительной мере и экономическую специализацию населенного пункта, а также возможности развития его инфраструктуры.

Если с этой точки зрения посмотреть на королевские резиденции, то наиболее репрезентативную картину демонстрируют те из них, которые располагались в долине Уазы: Жентилиак, Вермериа, Компьень, Кьерси. Перечисленные поселения фактически составляли общую пространственную структуру, так как располагались на пути из парижского пага к Рейну: любое движение из внутренних регионов Франкского королевства в сторону Саксонии подразумевало перемещение вдоль Уазы. Довольно часто Кьерси и Вермериа становились местами совещаний и торжеств. Кроме того, путь вдоль Уазы давал возможность повернуть на восток к Суассону или перейти во Фландрию через Понтос.

При всех указанных преимуществах местность, где располагались перечисленные резиденции, не способствовала их скорейшему росту до городского статуса. Низкий пологий профиль Уазы не обеспечивал ни естественной защищенности поселений, ни стабильности природных условий. Это был благоприятный регион для хозяйственного функционирования отдельных крупных поместий – наличие лесов, плодородных земель, заливных лугов, но обратной стороной были широкая пойма Уазы и, как следствие, частые наводнения, существенно осложняющие строительство монументальной архитектуры, культовых сооружений, постоянных укреплений и появление других городских атрибутов.

Нельзя совершенно исключать и гравитационный фактор: ближайшие крупные города – Париж, Суассон, Лаон – уже в силу своей развитости оказались более подходящими точками роста, заняв соответствующую нишу.

Совсем другую динамику развития демонстрируют резиденции в районе среднего течения Рейна – Франкфурт, Ингельхайм, которые сохранили свое значение и в составе Германского королевства. На их стороне были выгодное расположение относительно других регионов государства, близость к значимым культовым центрам (Майнц), преимущества топографии.

Помимо общих тенденций, характерных для большей части резиденций светских правителей, были и региональные особенности. Так, Лонглиер и Новокастелло не обладали достаточным потенциалом роста в силу слабой освоенности и заселенности окрестной территории.

Здесь важен не столько поиск единственной первопричины, сколько выявление механизмов взаимного влияния нескольких процессов. Так, было бы ошибочно расценивать статус королевской резиденции как исключительно благоприятный фактор развития населенного пункта. Напротив, в историографии (Э. Реклю, А. Пиррен) вполне справедливо сложилось противопоставление епископских городов и светских резиденций с подчеркиванием преимущества первых: «Тогда как резиденция князей мирян нередко менялась, в зависимости от их фантазий и от превратностей войны, епископ оставался всегда при одном и том же соборе, в котором он совершал богослужение, постоянно в одном и том же месте он принимал приношения, притекавшие изо всех окрестностей, – благодаря этому постоянству установление оказывалось более могущественным, чем человек» (Реклю Э. Человек и Земля. Т. 4. СПб., 1907. С. 24). Знаменитый капитулярый «О виллах» дает понять о характере управления королевскими поместьями. Стоит отметить, что если этот капитулярый был составлен на основе опыта управления Аквитанией, что было достаточно убедительно доказано Т. Майером, то тем более показательным свидетельством Астронома о том, что Людовик был вынужден определить для себя четыре временных резиденции, с тем, чтобы ни одна из них не подвергалась слишком большой экономической эксплуатации. Другими словами, нерегулярные пребывания светских правителей в своих резиденциях были скорее неблагоприятным фактором для развития поселений, что будет характерно и для более поздних периодов.

**Политические и административные границы XIV–XVI вв.
в Белозерско-Вологодском регионе по данным
церковных источников XVII в.**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства
Вологодской области в рамках научного проекта № 19-49-350001*

В источниках XIV–XV вв. редко содержится информация о границах политических и административных образований – княжеств, уделов, волостей, сел. Тем важнее становится ретроспективная информация, которую можно извлечь из более поздних источников. К их числу относятся документы, связанные с учетом храмов, относящихся к Вологодской и Ростовской епархиям и Патриаршему дому. В них можно вычленировать информацию, раскрывающую этапы формирования и трансформации в Белозерско-Вологодском регионе административных границ (как светских, так и церковных) на протяжении XV–XVII вв.

Храмы в районе Вологды первоначально относились к разным церковным юрисдикциям (Митрополичьему дому, Новгородской архиепископии и Ростовской епископии). Под 1492 годом в летописях содержится запись о том, что митрополит и новгородский архиепископ отступились своими храмами в Вологде в пользу Пермской епископии (ПСРЛ. Т. 26. С. 288). Судя по всему, речь в данном случае шла не только о собственно городских храмах, но и церквях, располагавшихся в волостях, вошедших в формируемый в то же время Вологодский уезд. Во всяком случае, в этом регионе позднее не обнаруживаются храмов, относящихся к этим церковным институтам (за исключением митрополичьей вотчины в микрорегионе Верхвологда).

В окладных книгах XVII в. храмы разбиты по территориальным объединениям, многие из которых фигурируют в источниках XV–XVI вв. как волости или микрорегионы. Это Тошня, Маслена, Янгосарь, Сяма, Лоскома, Ракула. В данном случае можно предположить, что административное деление в окладных книгах следует за сложившимся к этому времени административным делением внутри уезда, т. е. границами волостей. Следовательно, новых данных о расположении храмов в этом районе и их былой принадлежности митрополиту или Новгородской архиепископии извлечь пока не удастся. Тем не менее, в южных районах Вологодского уезда церковные административные границы дают интересную ретроспективную информацию. На землях Авнеги, первоначально входившей

в состав Костромской земли, выделена группа храмов под заголовком «Малютинское поместье Скуратова». Картографирование расположения этих храмов показывает, что это поместье шло непрерывной полосой и занимало довольно значительное пространство, причем в XVII в. эта территория уже была разделена между несколькими новыми волостями. Было ли скуратовское поместье изначально экстерриториальным, захватывающим земли в нескольких волостях, или же волости сформировались уже после возвращения земель волости в поместный фонд, не ясно, но в любом случае благодаря окладным книгам появляется возможность реконструировать территорию и границы крупного владения второй половины XVI в.

Если о времени включения митрополичьих и новгородских храмов есть прямое указание источников, то для храмов, входивших в Ростовскую епархию, время их передачи в состав Великопермской и Вологодской епархии неизвестно. Тем не менее, значительная часть храмов Вологодского уезда (примерно половина), располагалась на территории, которая первоначально входила в каноническую территорию Ростовской епископии. Один из разделов окладных книг обозначался как «Сухонское Поречье». В нем были записаны храмы на территории 8 волостей. Объединение храмов в этих волостях под одной рубрикой намекает на их первоначальное единство в административном плане. Поскольку по актам XV в. и житию Дионисия Глушицкого видно, что Бохтюга входила в состав владений Ростовских князей Сретенской линии, а храмы на ее территории относились в XV в. к Ростовской епархии, то, вероятно, и остальные храмы Сухонского Поречья первоначально относились к Ростовской епархии. В свою очередь границы Сухонского Поречья дают общую информацию о территории, находившейся изначально под контролем Ростовских князей.

Еще один раздел окладных книг назывался «Князь Ивановская вотчина Пенкова». Картографирование расположения храмов этой рубрики позволяет значительно уточнить границы крупной княжеской вотчины середины XVI в. Важность этой ретроспективной информации увеличивается из-за того, что акты XVI в. не позволяют представить целостной картины по владениям князей Пенковых. Сам топоним «Князь Ивановская вотчина Пенкова» связан с последним представителем рода князем Иваном Васильевичем Пенковым. Эти же земли упомянуты в духовной Ивана IV (ДДГ. № 104. С. 443).

В трех вариантах духовной Василия I фигурирует его купля – вологодская волость Ухтюшка (ДДГ. С. 56, 68, 60). Ее можно отождествить с позднейшей волостью Уфтюгой, располагавшейся по берегам одноименной реки, впадающей в Кубенское озеро. Наличие

в окладных книгах отдельной рубрики «Ухтюжская волость» свидетельствует об особом административном положении Уфтыги в XV–XVI вв. и ее невхождении в состав заозерских владений Ярославских князей.

Храмы еще одной крупной вотчины XV–XVII вв. выделены в окладных в отдельную рубрику. Это вотчина ростовских архиепископов и митрополитов на правом берегу Сухоны. В окладных книгах они помещены под заголовком «Шуйское». Чаще всего этот микрорегион фигурировал под названием Шейбухта и в XVII в. был разделен на три волости.

Комплекс документов, связанных с изменением епархиальных границ во второй половине XVII в., позволяет выявить проникновение ростовской церковной юрисдикции в район Каргополя (что связано, скорее всего, с включенностью каргопольской округи в состав Ростовской земли в раннее время) и проникновением новгородской церковной юрисдикции в белозерские земли на северной оконечности оз. Воже. В совокупности с материалами писцовых описаний XVII в. эти данные позволяют уловить подвижку новгородско-белозерской границы в XV в. и картографировать район проникновения в Белозерье землевладения новгородских бояр.

Сведения источников церковного происхождения (в первую очередь, касающиеся церковного учета) позволяют восполнить часть лагун в сведениях актовых источников XV–XVI вв. о территории и границах административных и политических образований, епархий, вотчин и поместий.

*А.Л. Грязнов, с.н.с.
НП «НИЦ «Древности» (Вологда)*

Расшифровка монограмм дьяков великой княгини Марии Ярославны

Исследование выполнено по гранту РФФИ № 20-09-00360

Наличие дьяческих монограмм на русских актах XV в. давно известно в научной литературе. Ю.Г. Алексеев систематизировал опубликованные изображения монограмм на княжеских актах (*Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв.* СПб., 1998. С. 300–315), Д.А. Морозов предположил, что часть монограмм выполнена уйгурской письменностью и предложил их расшифровки (*Морозов Д.А. Уйгурские автографы московских дьяков (дополнение к древнерусской дипломатике) // Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению.* М., 2006. С. 173–199), дальнейшие исследова-

ния позволили выявить новые монограммы, расшифровать и соотнести с персоналиями дьяков значительную часть кириллических монограмм второй половины XV – начала XVI в. (*Грязнов А.Л. Дьяческие монограммы на актах из фондов ГКЭ // Вестник «Альянс–Архео»*. М.; СПб., 2017. № 18. С. 31–69; *Грязнов А.Л., Мошкова Л.В. Принципы чтения дьяческих монограмм на актах XV – начала XVI в. // Вестник «Альянс–Архео»*. М.; СПб., 2017. № 19. С. 3–24). Однако некоторые монограммы, в том числе и дьяков великой княгини Марии Ярославны, пока остаются не атрибутированными и не расшифрованными.

К числу монограмм дьяков великой княгини Марии Ярославны относится знак (№ 95 по систематизации Ю.Г. Алексеева) на обороте ее жалованной грамоты Троице–Сергиеву монастырю на села и варницы в Нерехте от 1 августа 1483 г. (АСЭИ. Т. 1. № 502. С. 381). Прорисовка монограммы в АСЭИ искажена, но сама монограмма хорошо видна в подлиннике (СПБИИ. Кол. 41. № 32. Л. 1 об.). А.Л. Корзинин предложил частичную расшифровку этой монограммы и отнес ее дьяку Ивану Сухому Круглому (*Корзинин А.Л. Двор великой княгини Марии Ярославны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2020. Т. 66. Вып. 1 (в печати)*). В предложенной расшифровке («ИВАН СУХОИ») оказались задействованы не все графемы монограммы и поэтому возможны сомнения в правильности предложенной расшифровки.

Если обычно в монограмме первая буква зашифрованного слова является самой крупной, а остальные присоединяются к ней, занимая как бы подчиненное положение, то в этой монограмме при желании можно выделить три буквы, имеющих примерно равный размер и выделяющихся на фоне остальных знаков. Это «I», присоединенная к ней «C» и образуемая из этого соединения «K». Кроме того, четко видны буквы «a», «v», «n», «y», «w», «i». Из выделенного набора букв можно сложить имя Иван. Среди многочисленных дьяков Марии Ярославны обнаруживается и имя Иван – это Иван Сухой Круглов, подписавший между 1478 и 1484 гг. судебное решение великой княгини Марфы на разъезжей грамоте (*Маштафаров А.В. Вновь открытые монастырские акты XV – начала XVI века // Русский дипломатарий. Вып. 4. М., 1998. С. 48*). Собственно, оставшиеся буквы монограммы вполне уверенно складываются во второе имя дьяка и его отчество / фамилию. Именно поэтому буквы «C» и «K» равны по размеру первой букве имени дьяка. Из «недостающих» букв «x» можно обнаружить в правой части монограммы. Она складывается из петли «C» и спинки «a». Из нижних частей «I» и «v» складывается «p», а «л» образуется узлом в нижней части «I»

и средней части «С». Буква «о» в словах Сухои и Круглов может образовываться как из части «а» (если не использовать ее спинку) или ω, присоединенной снизу к спинке «а». По предположению Л.В. Мошковой буквы «л», «г» и «ъ» как выносные помещены над основной частью монограммы. Таким образом, в этой монограмме оказываются зашифрованы целых три слова (Иванъ Сухои Крутловъ), что является своеобразным рекордом среди всех расшифрованных к настоящему времени дьяческих монограмм.

Еще одна монограмма (№ 83) поставлена на жалованной грамоте великой княгини Спасо-Ярославскому монастырю на земли в Романовом городке 1466 г. (АСЭИ. Т. 3. № 203. С. 214; РГАДА. Ф. 281. № 10106. Л. 1 об.). Здесь буквы, образующие монограмму, вычленяются не так уверенно. Тем не менее, выделяется сравнительно крупная «І», четко видны «о», «р», «в». Немного менее уверенно читаются «к», «е». В данном случае наиболее вероятным автором этой монограммы мог быть дьяк Яков Кочергин, дважды упоминаемый в связи с земельными делами в Пошехонье (АСЭИ. Т. 3. № 222. С. 241; АФЗХ. Ч. 1. № 306. С. 256). Первой буквой его имени, скорее всего, была «І», правда, следующую в таком случае за ней «а» выделить в монограмме пока не удастся, зато остальные «к», «о», «в», читаются уверенно. Из фамилии Кочергин обнаруживаются «К», «о», «ч», «е», «р», «г», «и».

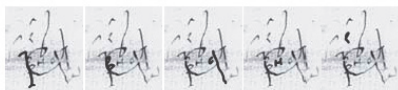
Монограмма (№ 94) другого дьяка сохранилась на грамоте Марии Ярославны на Усть-Углу 1478–1482 гг. (АСЭИ. Т. 2. № 252. С. 166; РГАДА. Ф. 281. № 745. Л. 1 об.). Этот знак частично закрыт подклейкой и поэтому его расшифровка затруднена. С определенной долей условности здесь тоже можно увидеть имя Иаков (если под заклеюшкой скрываются нижние части «к», «в» и «ъ»). Но не задействованной остается графема, похожая на «п», стоящая в верхней части монограммы. В таком случае, это могла быть монограмма дьяка Якова Дмитриевича, упоминаемого в грамоте 1470–78 гг. (АСЭИ. Т. 1. № 397. С. 290). Еще более вероятно на данный момент прочтение в этой монограмме имени Никифор, причем дьяк с таким именем неоднократно упоминается среди дьяков великой княгини Марии Ярославны. В этом случае можно выделить заглавную «Н», затем «и», составленную из этих же вертикальных линий и перекладины между ними. Буква «к», судя по всему, находится в верхней части монограммы (если букву, похожую на «п», принять за «к»). Находящаяся в нижней части монограммы «и» большей частью закрыта подклеюшкой. Буквы «ф», «о» и «р» привязаны к правой штамбе «Н». Таким образом, полностью читается имя Никифор. Раскрытие подклеюшки современными техническими средства-

ми может подтвердить как одну из предложенных расшифровок, так и дать возможность для осуществления новой.

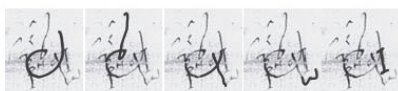
Таким образом, пускай и с разной степенью уверенности, удастся расшифровать еще три дьяческих монограммы XV в.

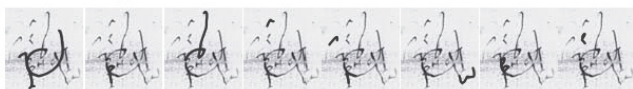
№ 95

І в а н Ъ

С у х ѿ і

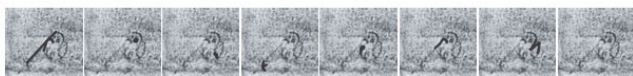
К р у г л ѿ в Ъ

№ 83

І а к о в

К о ч е р г и н

№ 94

И а к о в Ъ

Н и к и ф о р

Сравнительный анализ формуляров устройных книг 1573 и 1586 годов

Первые массовые источники, способные дать ценные сведения об устройстве ямской гоньбы, вероятнее всего, появляются во второй половине XVI в. Одним из таких памятников является дошедший до нас корпус документов за 1573–1650 гг., который был обнаружен и введен в научный оборот И.Я. Гурляндом (*Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900*), однако в своем труде автор не привел полноценного источниковедческого исследования рукописей. Частично эту проблему призвано решить настоящее исследование.

В докладе представлены результаты проведенного формулярного анализа новгородских устройных книг ямов за первые два хронологических среза 1573 г. и 1586 г., содержащиеся в рукописях РНБ. Q.IV.260 и Q.IV.261 соответственно. Книги отражают результаты деятельности ямской администрации по набору на службу ямских охотников на Большой Московской дороге. Тем не менее, как при сравнительном анализе двух рукописей, так и внутри каждой отдельно взятой имеются расхождения в формулярах, на которых стоит остановиться подробнее.

Структура книг различается наличием тех или иных информационных блоков. Например, в некоторых книгах отсутствуют сведения о выдаче земельных наделов на ям, поручительные на ямских охотников, в то время как где-то, наоборот, имеется больше подробностей, как в случае с ямом в Вышнем Волочке, для которого указано, где живут новонабранные служащие (это обусловлено пожаром, произошедшим в ямской слободе незадолго до устройных работ). Записи, в некоторых случаях предваряющие текст устройных книг, позволяют выдвинуть предположение о том, что на каждый ям был послан специальный указ, требующий проведения работ: сыскать беглых охотников, добрать новых, записать список охотников, поручные, выдать земельное жалование и переписать лошадей.

Не меньший интерес представляют собой различия в содержании одних и тех же информационных блоков, а также их расположение в книгах. Более всего это касается поручных записей. Они могли быть помещены после перечисления нескольких охотников, по отношению ко всем ним, либо же для каждого охотника отдельно. В некоторых случаях записаны имена поручиков и места, где

они живут, в других же – только их имена. Имеются также вариации в переписи охотников и лошадей. Мерины могли быть описаны как сразу после указания имени охотника, так и после перечисления определенного количества служащих. Подобных различий можно указать еще много, однако есть и те элементы, которые встречаются во всех книгах без исключения: список набранных ямских охотников и подробная перепись их лошадей с указанием возраста и внешних характеристик.

Иная ситуация наблюдается в отношении книг 1586 г. В рукописи помещен всего один указ, по которому требовалось провести работы на тех же ямах. Четко прописано, сколько охотников набрать и сколько лошадей каждый должен иметь. Также виден акцент на вопросе о земельном жаловании: отмечено точное количество земли, которое нужно было выдать всем служащим, включая приказчика и дворников. Есть также указание на то, чтобы на охотников были записаны поручные. Тем не менее, ни в одной из книг 1586 г. нет ни поручных, ни описания лошадей.

В остальном общий формуляр книг довольно схож между собой: 1) описание ямской слободы; 2) роспись земельных наделов; 3) роспись земель, приписанных к яму ямским строением, и устроенных охотников; 4) межевание слободы (не везде); 5) список оставленных охотников; 6) список беглых охотников; 7) список пустых мест (не везде); 8) список бобылей (не везде).

При ближайшем рассмотрении текстов одних и тех же пунктов также устанавливаются определенные различия, однако они не столь явны, как в предыдущей рукописи. Описание ямской слободы разделено на несколько подпунктов. Вначале описано состояние ямского пригонного двора, после чего списком указаны владельцы охотничьих дворов (в некоторых книгах вместе с именами родственников по мужской линии). Примечательно, что иногда в этот же список попадали и другие служащие, например, приказчик.

В следующем блоке подробно расписаны земельные наделы. Вначале обозначен размер территории, выделенной под ямскую слободу, после чего идет роспись земель на пашню и сенокос для приказчика, охотников и дворников. Указана местность и сколько земли с нее было приписано служащим. В нескольких случаях отмечено качество (плодородие) земли. В конце подсчитана сумма пашни, сенокоса и других встречающихся в книге земель, после чего в случае неудовлетворения требований указа производился перерасчет.

Определенная структура имеется также в третьем пункте. Сначала подзаголовком указывается пятина. Затем подробно выписы-

ваются земли, с которых выставлены охотники, а в конце подводится итог, то есть количество набранных охотников и совокупный размер территорий, с которых они были набраны.

Межевание в книгах встречается всего несколько раз и по существу является описанием границ территорий ямской слободы. Различные же списки, указанные под номерами 5–9, представляют собой весьма схожие и при этом хаотичные по структуре записи людей с кратким указанием положения, которое они занимают.

Таким образом, выявлена структура устроительных книг 1573 и 1586 гг., проведен компаративный анализ их формуляров и содержания. Отмечены важные сходства и различия как между книгами разных хронологических срезов, так и между книгами одного года. Все это неизбежно наталкивает на мысль о том, что ямские дьяки, которыми, по всей видимости, составлялись книги, не имели определенных инструкций, которые регулировали бы подобные процессы, а, соответственно, бюрократический аппарат власти в отношении ямской гоньбы еще не закрепился, хотя уже наличие данных книг и их эволюция свидетельствуют о том, что данный процесс шел.

*А.Н. Гуслистова, н.с.
НП «НИЦ «Древности» (Вологда)*

Просопография посадских людей Вологды XVII в.: демографические последствия Смуты

Статья подготовлена по гранту РФФИ № 19-09-00147 «Просопографическая база данных посадских людей г. Вологды первой половины XVII в.»

Опыт реконструкции посадского населения Вологды важен для исследования проблемы исторической демографии городского населения. Составление просопографической базы по основным городским кадастрам Вологды первой половины XVII в. – дозорной книге 1616/1617 г., писцовой книге 1627 г. и переписной книге 1646 г. может не только зафиксировать формализованные данные о городском населении (пол, возраст, родственники, наличие собственности, профессиональные и социальные характеристики, но и выявить людей, не зафиксированных по каким либо причинам в одном из кадастров, узнать плотность населения в отдельных городских районах (слободах, сороках), проанализировать действительную убыль населения в результате Смуты.

Изучением населения Вологды первой половины XVII в. занимались А.Е. Мерцалов и Н.В. Фалин. Однако детальный анализ самого раннего сохранившегося описания города был невозможен вплоть до

новейшего времени, так как полностью дозорная книга была опубликована сравнительно недавно (Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. В 3-х томах. Т. 3. М., 2018).

Дозорная книга Вологды 1616/1617 г. была частью дозорной книги Вологодского уезда (предыдущая 1613 г. не сохранилась). Дозор проводился, чтобы зафиксировать опустошительные последствия Смутного времени – вологодского «разорения» 1612 г. – с целью выявления дворов уцелевших жителей, а также нежилых дворов и причин их запустения (гибель или бегство людей). Посад описывался по сорокам – административно-территориальным единицам, происхождение которых пока до конца не ясно. Скорее всего, исходя из этимологии слова, принцип деления по сорокам сложился не позднее XVI в. и изначально включал в себя деление посада на определенное количество дворов, примерно равным сорока. О проблеме происхождения и бытования сороков, их идентификации с определенными улицами писала М.С. Черкасова, а принципы выборности посадского самоуправления на основе сорокового деления посада изучал А.Л. Грязнов.

Всего было описано 12 сороков: Федоровский, Кирилловский, Козлёнский, Бывшей владычной слободы, Власьевский, Широкие улицы, Богословский, Никольский, Васильевский, Леонтьевский, Мироносицкий, Дмитриевский. В описание не попала территория крепости («города» по терминологии дозорной книги), хотя тяглые дворы там тоже были. Принцип описания, скорее всего, отталкивался от социально-имущественного статуса собственников – в каждом сороке сначала упоминались лучшие и средние люди.

Масштаб запустения посада после Смуты был колоссальным – из 712 жителей Вологды, живущих своим двором, осталось 257 человек (36%). Больше всего населения до разорения проживало в Кирилловском (90), Леонтьевском (80) и Никольском (82) сороках, а самая большая убыль произошла на нижнем посаде – в Козленском, Власьевском (75% от проживающих до 1612 г.), и бывшей Владычной слободе (76%). Было бы логичным предположить, что три сорока, располагавшиеся рядом, приняли на себя основной удар отряда «воровских» казаков, однако далеко не все убывшие люди были записаны как убитые в 1612 г. При более внимательном подсчете насильственной смертью во время нападения (и в том же году, вероятно, от ран) погибло всего 74 человека (10%). Все остальные либо пропали без вести, либо записались в другое сословие, либо умерли в период с 1613 по 1617 г.

Чуть меньше половины населения – 298 человек (42%) «сошли

безвечно» или выбыли из посада другими различными путями. Причем если количество выбывших разложить по сорокам, то можно увидеть, что эти цифры не коррелируют с количеством убитых. Из Федоровского сорока, где убитых не обозначено вовсе, в дальнейшем убыло 57% населения, а из сорока Широкие улицы, где было убито 20%, впоследствии убыло 41%, т. е. на 15% меньше. Из заречных сороков, где погибших было минимальное количество (3–5%), все равно убыло от 28 до 43% населения. Можно предположить, что для посадских людей в первую очередь была катастрофична не столько гибель соседей, сколько исчезновение материальных ценностей – сгоревшие дворы и лавки. Однако, с учетом критики источника, можно принять во внимание и задачи его составления – посчитать дворы, способные тянуть тягло. Вполне возможно, что в условиях разрушенной экономики и социальной инфраструктуры земские целовальники сознательно занизили число платежеспособных людей.

Частично ответ на вопрос, можно ли считать сведения дозорной книги 1617 г. об убыли населения в 1610-х гг. полностью достоверными, дает сравнительный анализ данных дозорной книги 1617 г. и писцовой книги 1627 г. Писцовая книга Вологды 1627 г. была составлена в ходе валового письма 20-х гг. XVII в. В ней, помимо всего прочего, были также описаны жилые и пустые дворы посадских людей с указанием размеров, причин запустения, в некоторых случаях – с упоминанием бывших собственников. По всей видимости, писцовая книга создавалась независимо от дозора 1617 г., так как в ней выявлен ряд противоречий с данными десятилетней давности. Поэтому реконструкция действительной убыли населения после Смуты возможна только с учетом обоих источников. Например, по данным дозора в Федоровском сороке (отделенного от крепости р. Золотухой) погибших не было, а по сведениям писцовой книги их было как минимум пять человек и еще столько же было записано с формулировкой «не стало давно».

Однако даже если в дозорной книге были учтены не все убитые, то общей картины это не меняет – большая часть населения предпочла искать лучшей доли за пределами посада, что и повлекло за собой еще больший кризис. При составлении полной базы посадского населения Вологды первой половины XVII в. станет понятно, сколько семейств вернулось в город в последующие десятилетия. Таким образом появится возможность для более полного анализа реальных последствий Смуты и действительной убыли населения, определения соответствующих характеристик тяглового населения, таких как

увеличение количества дворов в каждом районе, число жильцов в каждом дворе, мобильность переселения людей внутри посада.

К.И. Гусынкин, независимый исследователь, Москва

К вопросу о возможности восстановления текста подлинников писцовых книг

Главным источниковедческим вопросом при работе с любыми источниками XVI–XVII вв. и более раннего времени, в том числе и кадастровыми материалами, не сохранившимися до настоящего времени в виде оригиналов, является выяснение возможности адекватного восстановления содержания утраченных подлинников на основе имеющихся списков или копий. Особую актуальность эта проблема приобретает при издании списков и копий писцовых книг, требуя от публикаторов четкого определения допущенных в процессе переписывания ошибок.

В современной археографии вышло немало изданий писцовых книг XVI–XVII вв., когда при отсутствии сохранившегося подлинника археографам приходится работать со списками и копиями источника. В таких случаях, как правило, текст публикуется по наиболее раннему списку. При необходимости восстановления имеющихся в нем лакун и дефектов истории нередко прибегают к более поздним копиям (Писцовые материалы Ростовского уезда XVII века. 1629–1631 годы. М., 2012), приводя иногда в подстрочных примечаниях встречающиеся в текстах разночтения (Писцовые и переписные книги Торжка XVII – начала XVIII в. Ч. 1 / Сост. И.Ю. Анкудинов, П.Д. Малыгин. М., 2014).

В настоящее время нами готовится к изданию писцовая книга Юрьев-Польского уезда письма и меры кн. Г.А. Шехонского, подьячий П. Васильева и Р. Бекетова 1644/45–1646/47 гг., дошедшая до наших дней в виде списка 1670-х гг. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1246б; далее – Кн. 1246б) и копии начала 1730-х гг. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 915; далее – Кн. 915). В ходе работы был проведен полный сравнительный анализ текстов этих двух документов, в результате чего был сделан вывод, что обе переписанные с подлинника рукописи имеют, тем не менее, 107 разночтений, делящихся на четыре основные группы.

Первая группа представлена разночтениями орфографического характера, не влияющими на смысловую передачу текста. В частности, при описании пустоши, что было село Великое Петровское, в списке XVII в. написано «на пустоши на опчей земле место цер-

ковное, что *бывала* церковь святых апостол Петра и Павла» (Кн. 12466. Л. 532), а в копии XVIII в. «на пустоши на опчей земле место церковное, что *была* церковь святых апостол Петра и Павла» (Кн. 915. Л. 384 об.).

Вторую группу составляют смысловые ошибки, опiski или пропуски текста, допущенные подьячими, изготовителями списка 1670-х гг., поддающиеся восстановлению при обращении к тексту XVIII в. Так, в копии XVIII в. в описании владений Покровского монастыря указано: «Платить з живущаго с трех четвертей с осминою и полполполтретника пашни» (Кн. 915. Л. 117), а в более раннем списке вся эта запись отсутствует, и описание монастырской земли заканчивается словами: «А сошного писма в живущем соха и треть и полполтрети сохи. И перешло сверх сошного писма адиннацать чети пашни» (Кн. 12466. Л. 121). Очевидно, что копиист не мог выдумать фразу о размерах поземельного обложения, а только переписать ее с подлинника, тем более, что в 1732 г. форма налогообложения середины XVII в. была уже не актуальна. Можно привести еще пример: в списке написано, что патриаршие вотчины писались по «государеве царе и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси грамоте» (Кн. 12466. Л. 467 об.), но дата документа не отмечена. В более поздней копии год указан: «по государеве царе и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси грамоте 153-го году» (Кн. 915. Л. 326).

В третью группу входят недочеты такого же рода, встречающиеся, наоборот, в созданной архивистами XVIII в. копии, восстанавливаемые по списку 1670-х гг. Так, при характеристике сельца Ельцы, владения В. Новосильцева, в копии XVIII в. не было указано количество перелога: «Пашни паханые добрые земли восемьдесят восемь чети с осминою» (Кн. 915. Л. 359), отмеченное в списке XVII в.: «Пашни паханые добрые земли восемьдесят восемь чети с осминою да перелогом десять чети с полуосминою» (Кн. 12466. Л. 500 об.). Понятно, что эти сведения пропустил копиист XVIII в., а подьячий XVII в. верно воспроизвел текст оригинала.

И, наконец, четвертая группа включает в себя совершенные и подьячими XVII в., и архивистами XVIII в. ошибки прочтения или воспроизведения текста, а также допущенные по невнимательности пропуски отдельных слов или выражений, которые не поддаются взаимной корректировке, так как при утрате подлинника отдать обоснованное предпочтение тому или иному вторичному тексту без проведения дополнительных арифметических подсчетов или источниковедческих изысканий не представляется возможным. В частно-

сти, невозможно установить подлинное имя крестьянина села Кучки: в списке отмечено «во дворе Кондрашко Онкудинов» (Кн. 12466. Л. 469 об.), в копии – «во дворе Ондрюшка Онкудинов» (Кн. 915. Л. 327 об.). Другой пример: количество сена на пустоши Моклоково в списке указано как «десять копен» (Кн. 12466. Л. 526 об.), а в копии – «пятнатцать копен» (Кн. 915. Л. 380).

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

Точное и полное восстановление оригинала писцовой книги Юрьев-Польского уезда на основании сохранившихся списков и копий невозможно в связи с тем, что они содержат как правильный текст, так и допущенные переписчиками и архивистами ошибки и разночтения, часть из которых не подлежат восстановлению.

Наличие таких расхождений и ошибок еще раз подтверждает необходимость проведения полного сравнительно-текстологического анализа двух и более списков и копий при публикации несохранившихся в оригиналах кадастровых материалов. Необходимо подробное и тщательное выявление и определение сути имеющихся расхождений, разночтений и указания их в примечаниях, чтобы наглядно выявить все, не очевидные при простом прочтении, неточности, что максимально поможет приблизить публикуемый текст к утраченным подлинникам.

*А.Г. Гуськов, к.и.н., в.н.с.
ИРИ РАН*

Переводчики Посольского приказа в 1718 г.

Продолжая тему просопографических исследований служащих Посольского приказа, представляется необходимым обратиться к последним годам его существования, наименее изученным в научной литературе. В центре внимания настоящего исследования окладной список дипломатического ведомства Российского государства кануна ликвидации приказной системы и ее замены коллегиями (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1718 г. Д. 45.). Он включает в себя перечень всех работников приказа с их окладами и краткой информацией о служебных поручениях (используется только информация о переводчиках). Материалы из него были задействованы при составлении списка переводчиков приказа, опубликованного в материалах конференции, прошедшей в сентябре 2019 г. в Институте российской истории РАН (*Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: персональный состав (предварительные данные) // Переводчики и переводы в России кон-

ца XVI – начала XVIII столетий: материалы Межд. научн. конф. (Москва, 12–13 сентября 2019 г.). М., 2019. С. 187–209).

В архивном деле находятся два окладных списка за 1718 г., самый ранний из которых (второй) появился не позднее 28 февраля 1718 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1718 г. Д. 45. Л. 1–40 об. и 41–52 об.). Они фактически идентичны по своему составу. Имеющиеся в них пометы и дополнения, составленные почерком, отличающимся от почерка основного текста, свидетельствует о протяженности во времени процесса их формирования и существования в делопроизводстве ведомства. Всего же в деле мы обнаруживаем шесть документов, включающие реестры служащих дипломатического ведомства, в том числе и «стать [штат] канцелярии государственных чужестранных дел» (Там же. Л. 53–57 об.), подробное изучение которых еще предстоит осуществить.

Общая численность переводчиков на февраль 1718 г. составляет тридцать человек, двое из которых вскоре скончались (напротив их имен на полях списка проставлены пометы «умре»). Кроме имен и фамилий, из документа мы можем узнать о величине годового оклада, профессиональной специализации переводчика (список языков, по которым осуществлялись переводы) и его местонахождении (указание на государство, в которое он был командирован). К этому времени произошла полная нивелировка различных категорий выплат, существовавших ранее (годовой оклад, поденный корм, праздничные и т. п.), поэтому в списке указано единое жалование на текущий год. Его размер находился в диапазоне от 60 до 350 рублей.

Ниже приводится список переводчиков Посольского приказа 1718 г., сгруппированный согласно размеру их жалования (фамилия переводчика приводится в написании источника). В скобках указана языковая специализация служащего.

1) 350 руб.: Петр Голембовской (польский, латинский), Исак Веселовский (латинский, немецкий, французский).

2) 300 руб.: Веденихт (Венедихт) Шилинг (латинский, цесарский <немецкий>, шведский), Петр Ларионов (латинский, цесарский <немецкий>), французский, голландский), Флория Беневени (итальянский, турецкий), Яков Синявич (английский), аббат Яган Круселин (итальянский).

3) 250 руб.: Иван Суда (греческий, итальянский и турецкий).

4) 230 руб.: Борис Волков (немецкий, французский).

5) 213 руб. 8 алт. 2 денг.: Андрей Крефт (английский).

6) 200 руб.: Иван Келлерман (немецкий, французский, английский), Игнатий Рудаковский (латинский, французский, итальян-

ский), Алексей Почайнов (латинский, греческий).

7) 180 руб.: Степан Волков (немецкий), Александр Белошицкой (латинский, польский).

8) 160 руб.: Андрей Васильев [Михайлов] (латинский, греческий).

9) 150 руб.: Матвей Белецкой (латинский, польский, «белорусский» <<рутенский>>), Моисей Арсеньев (латинский, греческий, итальянский), Петр Софонов (латинский, греческий).

10) 120 руб.: Григорий Шидловской (французский), Федор Богданов (цесарский <немецкий>, датский), Антоний Марини (итальянский, турецкий), Иван Грамотин (немецкий, датский), Муртаза Тевкелев (турецкий и татарский), Шарль Дандри (д'Андри) Бланжи (обладал уникальной специализацией, приводимой далее дословно – «принятой в канцелярию для французской корреспонденции»).

11) 103 руб.: Рамазан Тевкелев (татарский).

12) 100 руб.: Петр Волков (немецкий, французский), Василий Курдевской (греческий, итальянский).

13) 61 руб.: Тахгаралей Богинин (татарский).

14) 60 руб.: Мамет Тонкачев (татарский).

Как уже упоминалось, двое из перечисленных переводчиков скончались в 1718 г. – Степан Волков и Иван Грамотин. В зарубежных «командировках» находилось пять человек: в Польше – Петр Голембовской и Игнаций Рудаковский, в Дании – Федор Богданов, в Персии («Персиде») – Василий Курдевской и Мамет Тонкачев. Кроме того, в своеобразной «ссылке» находился Иван Суда, который был послан в Казань в конце 1715 г., где получал в год (в помете указаны выплаты за 1716 и 1717 гг.) лишь по 100 руб. (*Базарова Т.А.* За что судили Суду? Превратности судьбы переводчика Посольской канцелярии // Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская Империя и их соседи: материалы Межд. научн. конф. (Москва, 13–14 октября 2016 г.). М., 2016. С. 27).

Фактически все упомянутые переводчики (кроме, конечно же, умерших, к которым в 1719 г. присоединился Андрей Крефт) в последующие годы вошли в состав служащих Коллегии иностранных дел (см., например: *Майер И., Шамин С.М.* Отбор информации для «курантов» и техника перевода в Коллегии иностранных дел в 1720-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 2. С. 75).

**Приходо-расходные книги старца Арсения:
кодициологический детектив в декорациях Смутного времени**

Исследование выполнено по гранту РФФИ № 18-09-00633

На ряде монастырских архивов Смутное время, когда казна могла быть захвачена, имущество и документы утрачены или серьезно пострадали, оставило тяжелый отпечаток. Но помимо образовавшихся лакун в документации разных обитателей в своеобразное «наследство» современные исследователи получили набор «загадок» и «странностей» той части материалов, которой удалось сохраниться до наших дней. Ниже будет рассмотрен «казус», относящийся к приходо-расходным книгам Спасо-Прилуцкого монастыря этого периода.

Первая группа – книги Вычегодского соляного монастырского промысла старца Арсения за 1613–1615 гг. (НИА СПбИИ РАН. Ф. 271. Оп. 2. Д. 60, 61). Д. 60 представляет собой черновую книгу только за 1613/1614 г., причем в нее включены не все разделы. Д. 61 состоит из двух книг – одна также только за 1613/14 г., на ней помета «черные», по листам в нижнем правом углу сделаны подсчеты сумм абаком, причем, возможно, все эти пометы выполнены почерком, отличающимся от основного. Беловой экземпляр содержит довольно редко встречающуюся в промысловой отчетности Спасо-Прилуцкого монастыря запись о счете, заверку собором монастыря и скрепу нескольких старцев по листам. После первой записи о счете следует книга 1614/1615 г., также завершающаяся итоговым счетом с заверкой. Эта книга писана на бумаге с филигранями двух видов: 1) кувшинчик двуручный с крышкой пирамидкой из шаров с четырехлистником сверху, на тулове литеры МР и 2) кувшинчик двуручный с декоративной крышкой, на тулове в верхней части лилия, под ней литеры ИВ. Почерк беловой книги отличается от почерков и бумаги обоих черновых вариантов.

Вторую, странную с точки зрения кодициологических особенностей, группу составляют книги того же Вычегодского промысла старца Арсения вновь за 1614/15 г. (Там же. Д. 64, 65). Рукопись Д. 65 также состоит из двух книг, писанных одним почерком, на втором экземпляре помета «черные». Бумага двух этих книг совпадает: в основном использовали бумагу с филигранью – кувшинчик одноручный без крышки, на тулове литера «М», часть листов имеют два других вида филиграния. Содержание двух частей идентично,

но во вторую внесена правка почерком писца, писавшим беловую книгу 1613–1615 г. В переплет «черной» книги вложен отдельный Л. 5а с итоговыми подсчетами. Рукопись Д. 64 является уже третьим по счету «беловым» вариантом книги 1614/15 г. Она включает все исправления, внесенные в черновой вариант Д. 65, писана почерком второго писца, внесшего правку и составившего всю беловую книгу Д. 61. Для изготовления Д. 64 также использовали бумагу с филигранью кувшинчик двуручный с литерами МР. Анализ текста показал, что вариант Д. 64 (вторая редакция) совпадает с записями за 1614/15 г. в Д. 61.

Итак, за 1614/15 г. было изготовлено три (!) беловых экземпляра двух редакций, при этом работали два разных человека, которые использовали два разных набора бумаги и именно итоговый вариант подвергся проверке монастырским собором. Сохранившиеся экземпляры книг того же старца, последовательно возглавлявшего соляные службы в 1612–1620 г. ничего похожего не имеют. Сама сверка была проведена в апреле 1619 г., запись сделал казенный дячок Семейка Обросимов.

Исследование текстов рукописей Д. 60, 61, 64 и Д. 65, а также привлечение других рукописей, анализ почерков и бумаги позволяют выдвинуть следующую гипотезу их происхождения. Оба типа бумаги Д. 61 (беловая) и Д. 64 не встречаются далее, вплоть до книг того же старца Арсения, но уже в период его службы в Тотемском промысле в 1616/17 г. (Д. 79). Более того, книги этого года писаны тем же почерком, второй экземпляр также имеет пометы «черные» и подсчеты по листам и страницам, что и книги 1613–1615 г., а также вторая редакция книги 1614/15 г. и правка в черновике этой же книги.

Можно с уверенностью сказать, что первоначально на основе текущих черновых записей (Д. 60) была составлена беловая приходо-расходная книга за 1613/14 г. (Д. 61, вторая книга). Затем по итогам 1614/15 г. были подготовлены два одинаковых экземпляра беловой приходо-расходной книги. Причем сделал это один и тот же писец, служивший в промысле в 1613–1615 г.

Подготовка заключалась в том, что один из экземпляров книги 1614/15 г. был использован в качестве черновика. В результате была проведена сверка сумм, отразившаяся в соответствующих пометах, а также подведены итоги расходов по листам, после чего изготовлена новая беловая книга (Д. 64). После этого беловые книги двух лет решено было (возможно, по указанию властей монастыря) объединить в одну. Как показал текстологический анализ, протографами послужили бывшая беловая книга 1613/14 г. (ставшая «черной») и

исправленная вторая редакция книги 1614/15 г. Так появился экземпляр составной книги за 1613–1615 г. (Д. 65, первая часть), который и проверили соборные старцы в апреле 1619 г. Всю редакционную работу проделал писец, работавший со старцем Арсением уже на Тотемском промысле (почерк П), он же использовал запасы бумаги, купленной в это время (филиграни – кувшинчик с литерами МР и кувшинчик с литерами ІВ).

Сформированные согласно хронологическому принципу архивные единицы хранения состоят ныне из книг, изготовленных в разные хронологические отрезки: Д. 61 – первая часть составлена в начале 1619 г., вторая – соответствует обозначенному в заголовке 1613/1614 г.; Д. 64 – составлена в начале 1619 г., наконец, Д. 65 – вторая часть имеет правку, выполненную в то же время.

Наиболее правдоподобной причиной проведенной ревизии представляется следующая: в декабре 1618 г. Спасо-Прилуцкий монастырь подвергся очередному нападению, в трапезной сгорело более 50 старцев, погибла часть казны. Вероятно, вскоре после этих событий решено было провести ревизию уцелевших, а может быть, и восстановление (дублирование?) ряда документов, в том числе приходо-расходных книг соляных промыслов. В случае с рассматриваемыми материалами кодикологический анализ позволяет восстановить этапы этого процесса.

*Т.Н. Джаксон, д.и.н., г.н.с.
ИВИ РАН*

Где произошла «битва при Свёлде»?

Около 1000 года состоялась одна из самых знаменитых в скандинавской истории битв – так называемая «битва при Свёлде», – в которой пал норвежский король Олав Трюгтвасон (995–1000), сражавшийся против объединенного войска датского короля Свена Виллобородого (986–1014), шведского короля Олава Шётконунга (ок. 995 – ок. 1022) и хладирского ярла Эйрика Хаконарсона, ставшего после этой битвы правителем Норвегии (1000–1014). Точное место битвы не известно, и определяется оно в источниках по-разному.

Адам Бременский в «Деяниях архиепископов гамбургской церкви» (1070-е гг.) рассказывает (II.40), как, разгневавшись на Свена за его дружбу с шведским королем, Олав «собрал бесчисленное войско [и] пошел войной на короля данов. Это произошло между Сконе и Зеландией, [там,] где короли обыкновенно устраивают морские сражения» (В.В. Рыбаков (пер.) 2012: 350). Знакомый с трудом

Адама автор анонимной «Истории Норвегии» (ок. 1160–1175 гг.) предлагает в XVII.39 иную трактовку событий (ту, что отразится позднее в исландских сагах), а именно: Олав пошел войной на Свена, потому что тот не хотел передавать ему Зеландию, обещанную в качестве приданого за его сестрой Тюри, ставшей женой Олава. Он говорит о малочисленности войска Олава (потому что норвежские силы за ним не последовали, и он в тот момент всего с одиннадцатью кораблями направлялся за подмогой к вендам) и представляет это сражение как нападение на Олава объединенных сил Свена, Олава и Эйрика (Свен, узнав о планах Олава, призвал себе в помощь своего пасынка Олава Шётконунга и своего зятя ярла Эйрика). Однако место сражения он определяет практически так же, как и Адам: «возле Зеландии» (HN 2003: 96). В очень близкой к «Истории Норвегии» версии «Обзора саг о норвежских конунгах» (ок. 1190 г.) не уточняется, какое приданое не хотел отдавать Олаву Свен, а так история рассказывается та же самая (гл. 20): Олав идет войной на Свена, уплывает, не дождавшись подходящих войск, а те, воспользовавшись его отсутствием, разбегаются по домам; имея с собой только одиннадцать кораблей, он плывет за военной поддержкой в Вендланд (*Vindland*), но против него выступает на восьмидесяти двух кораблях объединенное войско Свена и его свойственников. А место битвы вновь определяется как «возле Зеландии» (Ágrip 1984: 23). Итак, эти три взаимосвязанных источника дают понять, что интересующая нас битва произошла в проливе Эресунн. Топонима *Свёлд* в этих источниках нет.

Значительно большее число источников помещает битву совсем в другом месте, а именно у южного берега Балтийского моря, у Свёльда. При этом они расходятся в определении того, что такое Свёлд – остров или река. Первым из историков Свёлд упоминает Теодорик Монах. В гл. 14 «Истории о древних норвежских королях» (1177–1180 гг.) он рассказывает о том, как противники подстерегли Олава с одиннадцатью кораблями против семидесяти и вступили с ним в битву. Это происходило «возле острова, что зовется Свольд и лежит близко к Славии, которую мы на нашем родном языке называем Виндланд» (Theodric 1880: 24). Как утверждает Теодорик в Прологе, он основывался на том, что слышал и что узнал от исландских скальдов. Надо подчеркнуть, что известен исландский скальд, которого мог знать Теодорик, упоминающий *Свёлд*. Это – скальд начала XI в. Скули Торстейнссон, который говорит о сражении «на юге у устья Свёльда» (Skj A I 305–306). У Теодорика эту локализацию заимствует Одд Снорра-

сон, автор латиноязычной «Саги о Олаве Трюгвасоне» (между 1180 и 1200 гг.) (ÓTódd A, 65; S, 55), а у Одда – авторы двух сводов королевских саг 1220–1230 гг. – анонимный автор «Красивой кожи» (Fask 24) и Снорри Стурлусон, автор «Круга земного» (ÓTNkr 99). Все они цитируют строфу скальда Скули, содержащую интересующий нас топоним. Однако С. Эллекхёй (Ellehøj 1958: 67–68) обратил внимание на то, что Скули описывает в этой единственной полностью дошедшей до нас строфе, как он сражался у Свэльда на стороне ярла Эйрика (противника Олава) и ярла Сигвальди, хотя в последней битве Олава Сигвальди (в составе войска вендов) выступал на стороне Олава. Коль скоро Скули, согласно «Саге об Эгиле», был участником семи битв, то эта строфа вполне могла относиться к какому-то другому сражению у Свэльда, а не к последней битве Олава, чего не понял Теодорик Монах.

Безусловную правоту первой локализации в свое время продемонстрировал Л. Вейбюль (Weibull 1911: 62–76), которого поддержали У. Муберг (Moberg 1940) и С. Эллекхёй (Ellehøj 1958). Ее и сегодня принимает часть исследователей (см.: Morawiec, Urbańczyk 2012), хотя большинство (если не ограничивается утверждением, что этот дискуссионный вопрос так и не нашел разрешения) по-прежнему локализует битву на южном берегу Балтийского моря.

Два самых ранних источника – поэмы двух скальдов-современников Олава, сочиненные сразу после его гибели, – обходятся без указания места битвы. Халльфред Беспokoйный Скальд, находившийся во время битвы в Исландии, а информацию собиравший затем в Норвегии, несколько раз говорит в поминальной «Драпе об Олаве Трюгвасоне» (ст. 4, 6, 19, 22), что битва была «на юге за морем», а один раз – «на востоке». Моя реконструкция пространственных представлений древних скандинавов (Джаксон 1994) позволяет мне утверждать, что речь идет о Дании, которая воспринималась как южная страна за морем, и о ее восточной части, так что здесь вполне может иметься в виду пролив Эресунн. Халльдор Некрещеный во «Флокке об Эйрике» (ст. 1) утверждает, что Олав «пришел с юга с семьюдесятью одним кораблем», что логично, если он плавал за подкреплением в вендские земли. А прийти он мог опять же в Эресунн. Таким образом, я склонна считать, что местом так называемой «битвы при Свэльде», действительно, был пролив Эресунн, о чем Адаму Бременскому мог сообщить его главный информатор, датский король Свен Эстридсен (1047–1076), внук инициатора этой битвы, одержавшего в ней победу, Свена Вилборородо, и чему не противоречат известия исландских скальдов.

Идентификация Шварца (по материалам 1730–1740-х гг. рукописного отдела БАН)

В коллекции рукописных карт БАН есть несколько планов и карт с подписью Кристофа Якоба Шварца. Попытка навести о нем справки привела к необходимости установить хотя бы некоторые достоверные факты его жизни.

Известно, что в историографии XVIII–XX вв. негативная оценка деятельности приближенных к власти немцев в аннинскую и елизаветинскую эпохи обычно поверхностна, и только недавно наметилась тенденция скрупулезной реабилитации отдельных лиц этого времени и периода в целом.

Поэтому характерно, что биография одного персонажа 1730–1740-х гг., похоже, стала собирательным образом типичного героя плутовского романа – человека ничтожного и с амбициями, пройдохы и авантюриста некоего Шварца. Был ли это действительно существовавший Шварц, или прототипом для него послужили двое или трое Шварцев, не ясно, так как упоминающие его в своих письмах и мемуарах современники, а за ними и биографы-энциклопедисты, не уточняют, как правило, его имени, и почти везде он фигурирует как просто Шварц или «доверенное лицо», под которым Шварц многозначительно подразумевается. Иногда, правда, можно встретить восхитительное пояснение к тому, что имена у нашего Шварца в источниках бывают разные – Христофор Яков и, например, Карл Иванович: якобы второе имя является искаженным вариантом первого.

Из литературы следует, что некий Шварц, учитель музыки цесаревны Елизаветы Петровны, был тайным агентом французской дипломатии, действовавшим через известного лейб-медика И.Г. Лестока. Он же каким-то образом по причине вечного безденежья получил незначительную должность при Академии наук и занимался там картами и планами, поскольку еще в 1728 г. по пути следования посольства Саввы Владиславича-Рагузинского, будучи взятым в миссию трубачем, а по совместительству и геодезистом, занимался картографированием границы с Китаем. После кончины Анны Иоанновны наш пронырливый Шварц стал участником заговора, готовящего переворот в пользу цесаревны Елизаветы, в покои которой он был вхож как неприметный придворный музыкант. В связи с этим он же частенько довольно шумно сиживал в кабаках с гвардейцами и

переманивал их на сторону ее высочества. В решающую ночь переворота Шварц сидел в санях с Елизаветой, Лестоком и графом Воронцовым. За все это впоследствии он был вознагражден чином полковника и имением в Лифляндии, что, к слову, не пошло ему на пользу, и даже, напротив, привело к преждевременной и бесславной его кончине (см., например: *Гельбиг Г.* Русские избранники и случайные люди. // *Русская Старина.* 1886. № 4. С. 150; *Пекарский П.П.* Маркиз де ла Шетарди в России. СПб., 1862. С. 271, 398, 412).

Трудно представить такого человека автором чертежей, подписанных Кристофом (Христофором) Якобом (Яковом) Шварцем. В коллекции БАН их сохранилось не менее семи (названия приведены сокращенно):

карта Днепра от Украинской линии до Мальшевских островов с показанием форпостов и порогов, 1738 г. (Осн. оп. 161);

карта следования ее ИВ главной армии от Днепра до Буга под командой фельдмаршала Миниха, 1737 г. (Осн. оп. 165 и 617);

план Селенгинского уезда, 1728 г. (Осн. оп. 519);

план города Кронштадта, 1731 г. (Осн. оп. 755);

копия плана Ништадта с окрестностями, составленного в 1698 г. Абрамом Хроньбергом, 1737 г. (Осн. оп. 761);

план Санкт-Петербурга (Осн. оп. 775);

план Адмиралтейского острова (Доп. оп. 85).

Из опубликованных материалов архива Императорской Академии наук, известно, что с 21 января 1740 г. Х.Я. Шварц был принят на службу в Академию при Географическом департаменте инженером с жалованьем 300 р. в год. Прежде ему платили по 15 р. в месяц за «труд академический», т. е., надо полагать, за составление планов, карт и копий (Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 4. С. 371, 740 (далее: МИИАН)).

В 1735 г. Х.Я. Шварц, обратившийся в Академию наук для работ в качестве инженера и архитектора и представивший свои чертежи для подтверждения квалификации, был направлен по его же прошению на сибирские казенные заводы «к обучению тамошних обывательских детей» (МИИАН. Т. 2. СПб., 1886. С. 801–802, 809, 813, 820, 821, 835).

В феврале 1737 г. он был определен к профессору И.Н. Делилю вместе с архитектором К.Ф. Шеслером «делать операции от Петергофа до самого дворца Дубков для земные меры и свидетельствования ландкарт» (МИИАН. Т. 3. СПб., 1886. С. 345). Чертежи с замерами от Петергофа до Дубков в описи карт РО БАН приписываются Делилю, так как он руководил работой, но все пометы сделаны на

немецком языке и, похоже, почерком Шварца, так что под этими чертежами мог бы подписаться и он (Осн. оп. 778).

В том же году в мае архитектор Шеслер просил себе в помощь инженера Шварца для составления плана Санкт-Петербурга, причем в кратчайшие сроки (МИИАН. Т. 3. СПб., 1886. С. 386). Следовательно, можно предположить, что план Петербурга из коллекции РО БАН, подписанный Шварцем, следует датировать 1737 г., и план этот можно считать предшественником известной гравированной карты Санкт-Петербурга 1737 г.

В год, когда Шварц был принят в штат Академии, ему также были выплачены сверх жалованья 50 р. за «сочиненное им Описание о Китае с разными ландкартами», которое было признано необходимым для библиотеки Академии (МИИАН. Т. 4. СПб., 1887. С. 343–344).

Возможно, точкой, в которой два разных Шварца сошлись для биографов в одно лицо, был день 1737 г., когда в Академию Наук кустосом при гимназии поступил на службу Кристиан Шварц с жалованьем 4 р. 50 коп. (МИИАН. Т. 3. СПб., 1886. С. 339, 343). Мы пока не знаем, кем ему приходился ученик гимназии при Академии Генрих Шварц, 8 лет в 1742 г., сын придворного музыканта, как указано в ведомости (МИИАН. Т. 5. СПб., 1889. С. 475), но вряд ли этот мальчик имел отношение к инженеру Шварцу, все еще служившему в 1742 г. в Академии на должности инженера (МИИАН. Т. 5. СПб., 1889. С. 5).

Таким образом, как мы полагаем, инженер Кристоф Якоб Шварц и другие Шварцы – сторож и придворный музыкант – не являются одним лицом, и при исследовании архивных источников, можно будет узнать более подробную историю каждого из них.

*Л.И. Добровольская, к.и.н., зав. сектором
ОНГЭ*

Пробные медали «За храбрость» из собрания Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа

В богатой фалеристической коллекции ОНГЭ хранятся три пробные медали «За храбрость» времени Николая II (Инв. № РМ-6735–6737; «За службу и храбрость». К 250-летию Ордена Святого Георгия. Каталог выставки. СПб, 2019. Кат. № 153–155). Две из них упомянуты в статье ВА. Дурова (*Дуров В.А.* Георгиевская медаль в годы Первой Мировой войны // Первая Мировая война и участие в ней России (1914–1918). М., 1997. С. 31–39). Все медали изготовле-

ны из высокопробного серебра, одна позолочена. На аверсах медалей помещен профильный портрет императора (тип Васютинского); сверху по окружности надпись: Б.М.НИКОЛАЙ ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОСС.

Две медали имеют короны и мечи: у одной они проходят через центр, у другой – расположены под короной. На реверсах медалей гравированные надписи: 1) в три строки «ЗА ХРАБРОСТЬ /2 ст./ №51034» 2) в 2 строки «3 степень / № 17859». На о.с. корон, рисунки которых отличаются друг от друга, сохранились фрагменты креплений в виде проволоки, припаянной вертикально от нижнего края короны до креста. Диаметры обеих медалей 31 мм.

Медаль аналогичного дизайна «За труды по устройству крестьян в Царстве Польском», с короной сверху, впервые появилась в российской наградной системе во времена Александра II. К центру оборотной стороны ее короны перпендикулярно припаяно ушко, в которое вставлялось кольцо, крепившееся к ленте. Кроме того, корона входила в дизайн Знака отличия ордена св. Анны. Однако в этом случае она располагалась на фигурной подложке с круглым ушком вверх. Корона без подложки являлась составной частью знака для иностранцев (см., например: *Петерс Д.И.* Наградные медали России царствования императора Николая II (1894–1917) и периода Временного Правительства. М., 2005. № 1-в; *Селиванов М.* Знаки ордена Святой Анны // *Антиквариат.* 2006. № 10. С. 71; *Биткин В.В.* Сводный каталог медалей России. Наградные медали для ношения (1801–1917). Киев, 2008. Ч. 2. С. 721, 722).

У третьей медали большего диаметра (35 мм) голова императора имеет те же размеры, что у первых двух, однако все надписи на ней выполнены гравировкой. На ее о.с. стороне в центре помещено рельефное изображение георгиевского креста и надписи в 3 строки: «ЗА ХРАБРОСТЬ/5675/4 ст.».

Подобное изображение середины 50-х гг. XIX в. известно благодаря проектному рисунку одной из степеней Знака отличия Военного ордена для мусульман (*Петерс Д.И.* Наградные медали России царствования императора Александра II (1855–1881). М., 2008. С. 98). Схожий дизайн, но с изображением знака ордена св. Анны использован в упоминавшемся выше Знаке отличия для иностранцев (образца после 1911 г.).

Не вызывает сомнений, что эрмитажные медали имеют отношение к процессу разработки положения о Георгиевских медалях.

Один из проектных рисунков такой медали (со св. Георгием на лицевой стороне) помещен в тексте проекта Статута ордена

св. Георгия, составленном в 1910 г. Военно-сухопутной комиссией под председательством генерала Х.Х. Роопа. (РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 1090. С. 13–72). В упомянутой выше статье В.А. Дуров отмечал, что аналогичный проектный рисунок был еще в 1904 г. представлен камергером Балашовым, предлагавшим учредить медаль с надписью «За храбрость» для гражданских лиц, отличившихся в военных действиях (Дуров В.А. Указ. соч. С. 31) Согласно проекту, разработанному Военно-морской комиссией под председательством вице-адмирал Э.Н. Щенсновича, медаль сохраняла внешний вид медали «За храбрость» для лиц пограничной стражи: на аверсе портрет императора, на реверсе надпись «ЗА ХРАБРОСТЬ», наименование степени и номер.

В Капитуле орденов, куда первоначально были направлены проекты, были против помещения на аверсе медали изображения св. Георгия, поскольку, как отмечалось, это закрепило бы ее «как продолжение Георгиевского креста, т. е. она будет 5, 6, 7 и 8 ст.».(РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 1090. Л. 107).

После Капитула проекты были переданы для рассмотрения в созданное в 1910 г. Особое совещание под председательством в.кн. Константина Константиновича. В ходе первого же его заседания, состоявшегося 1 февраля 1911 г., вопросы по статутному значению и по внешнему виду Георгиевской медали вызвали оживленный обмен мнениями. Следующие заседания Совещания были посвящены ордену св. Георгия и Георгиевскому кресту, и к вопросам, связанным с медалью, вернулись только в ноябре 1911 г. На заседании 1 ноября после тщательного обсуждения всех деталей было единогласно принято решение об учреждении только одной медали (до этого обсуждалась возможность утверждения 2-х видов медали: для награждения в боевых условиях и во вне военное время). На ее аверсе предполагалось поместить портрет императора, а на реверсе – изображение Георгиевского креста с надписью по окружности «За храбрость» и номером (РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 1092. Л. 67). Это описание полностью совпадает с внешним видом третьей медали из собрания Эрмитажа. В связи с этим можно говорить о том, что медаль с инв. № РМ-6737 (кат. № 155), является пробным вариантом Георгиевской медали, изготовленной по проекту, утвержденному особым Совещанием в ноябре 1911 г. Информация о двух других упомянутых выше медалях на настоящее время в архивных документах не обнаружена. Однако они несомненно являются одним из этапов выработки окончательного варианта внешнего вида Георгиевских медалей.

Статут Императорского Военного Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, принадлежащего к сему Ордену Георгиевского Креста и причисляемых к тому же Ордену Георгиевского Оружия и Георгиевской Медали, был утвержден императором в Севастополе 10 августа 1913 г. Согласно описанию, медаль, официально получившая название «Георгиевской», сохранила внешний вид 4-х степенной медали «За храбрость» для лиц пограничной стражи (ПСЗРИ. 1913. Т. 33. № 40135. Ч. IV. Ст. 143).

*О.В. Дудина, к.и.н., преподаватель
Воронежский ГУ*

Воеводы Белгородского разряда во второй половине XVII в.: коллективный портрет

Одной из мер российского правительства, направленной на решение внешнеполитических задач стало создание Белгородского полка и соответственно новой административно-территориальной единицы – Белгородского разряда. Старшим руководителем в Белгородском разряде стал первый воевода Белгородского полка. Ему помогали «товарищи»: вторые воеводы, осадные воеводы.

Назовем первых воевод Белгородского полка в период с 1658 г. по 1700 г. 1 мая 1658 г. в Белгород полковым воеводой назначен окольный кн. Г.Г. Ромодановский. Одновременно его «товарищем» – вторым полковым воеводой стал стольник П.Д. Скуратов, а белгородским осадным воеводой Л.П. Ляпунов. В связи с осложнением военной обстановки Белгородский полк, которым командовал кн. Г.Г. Ромодановский, с осени 1658 г. воевал на Украине. В Белгороде на время похода оставался Л.П. Ляпунов. В мае 1659 г. «для бережения от приходу воинских людей» в Белгород был послан стольник кн. А.Ю. Звенигородский, т. е. для охраны южной границы на время военного похода воеводы кн. Г.Г. Ромодановского, а «товарищем» кн. А.Ю. Звенигородского белгородским осадным воеводой был назначен стольник М.Б. Приклонский.

Князь Г.Г. Ромодановский возглавлял Белгородский полк и Белгородский разряд до мая 1664 г. Со второй половины 1664 г. и до августа 1666 г. воеводой Белгородского полка числился знатный и заслуженный боярин кн. Б.А. Репнин. Его «товарищем» считался стольник и воевода кн. С. Львов. С августа 1666 г. до февраля 1668 г. первым белгородским воеводой значился окольный кн. Ю.Н. Борятинский. «Товарищем» кн. Ю.Н. Борятинского назначался его родственник кн. В.Д. Борятинский.

После получения известия об измене гетмана И. Брюховецкого 17 февраля 1668 г. воеводами Белгородского полка были назначены боярин кн. Г.Г. Ромодановский и стольник П.Д. Скуратов. Боярин кн. Г.Г. Ромодановский руководил Белгородским полком до 1678 г. В 1677 и 1678 гг. состоялись Чигиринские походы, в которых участвовал Белгородский полк под командованием кн. Г.Г. Ромодановского. В 1679 г. Белгородский полк возглавлял боярин И.Б. Милославский. В августе 1682 г. первый воевода Белгородского полка кн. П.И. Хованский находился в Курске, а его товарищ окольный П.Д. Скуратов – в Белгороде.

В 1683–1684 гг. резиденцией разрядного воеводы боярина А.С. Шеина был Курск. В 1685–1687 гг. воеводой Белгородского полка числился боярин кн. М.А. Голицын. В 1688–1696 гг. Белгородским воеводой служил боярин Б.П. Шереметев. 6 и 12 февраля 1696 г. объявлялся сбор в Белгород к воеводе боярину Б.П. Шереметеву ратных людей, сходным «товарищем» назван окольный И.Ю. Леонтьев.

В 1697–1699 гг. воеводой Белгородского полка служил боярин кн. Я.Ф. Долгорукий. 4 мая 1699 г. в Курске нес службу думный дворянин воевода С.П. Неплюев, который считался «товарищем» белгородского воеводы. 18 февраля 1700 г. кн. Я.Ф. Долгорукий получил назначение в новый приказ и чин генерал-комиссара. После отъезда из Белгорода город и полк он должен был передать «товарищу» думному дворянину С.П. Неплюеву.

Первые полковые (разрядные) воеводы объединяли в своих руках военную и гражданскую власть, возглавляли полк во время военных походов, руководили обороной городов Белгородского разряда. Первые полковые (разрядные) воеводы относились к рядам первоупомянутой аристократии.

Из 11 первых воевод Белгородского полка 8 имели чин боярина, включая кн. Г.Г. Ромодановского. Один первый полковой (разрядный) воевода – окольный. Князь Г.Г. Ромодановский в начале своего руководства Белгородским разрядом носил чин окольного, затем стал боярином. Князь П.И. Хованский в момент первого назначения был стольником, второго – боярином. Князь А.Ю. Звенигородский имел чин стольника, но первым полковым воеводой для него был окольный кн. Г.Г. Ромодановский. Среди первых воевод Белгородского полка – 8 представителей княжеских родов, родственники жены царя Алексея Михайловича И.Б. Милославский, старомосковские бояре Б.П. Шереметев, А.С. Шеин.

Вторые полковые воеводы возглавляли воинские части во время

походов как «товарищи» первого воеводы. В походах действовали или совместно с первым воеводой, или отдельно. Осадные воеводы руководили обороной городов Белгородского полка в отсутствие первого воеводы.

Воеводы Белгородского полка руководили учреждением – разрядной избой. Аппарат разрядной избы составляли дьяки и подьячие. Дьяки и подьячие осуществляли текущее делопроизводство. Назначение дьяков к разрядному воеводе обозначало высокий статус разрядного центра. В XVI–XVII вв. дьяки служили в таких важных городах как Новгород, Казань, Астрахань, Тобольск. Ни в один другой город Белгородского разряда, кроме Белгорода и Курска, дьяки не назначались. Дьяки непосредственно организовывали работу главного учреждения – Белгородской (Курской) разрядной избы. Ряд дьяков сопровождали полкового воеводу в походах. По словам С.К. Богоявленского и С.Б. Веселовского, воеводская, или разрядная, изба пограничных городов «представляла собой местное подобие московских приказов».

Для населения южнорусских городов и уездов появление в Белгороде руководителя высокого ранга означало возможность подавать судебные иски на месте, без выезда в столицу и без издержек московской волокиты.

*А.В. Дюкарев, к.и.н., преподаватель
Кубанский ГУ, Краснодар*

Особенности историографического отображения генеалогии кубанского казачества

Появление исследований по генеалогии кубанского казачества во многом связано с процессом возрождения казачества на Кубани и актуализацией новых научных тем в историческом регионоведении. Первые публикации были посвящены видным прославленным казачьим родам дореволюционного периода Гулыги, Свиных, Калабуховых, Абашкиных, Бабиевых, Науменко, Обако (*Гулыга А. Хроника казачьего рода // Кубань. 1991. № 6. С. 43–52; Лихонос В. Из блестящего казачьего рода // Кубань. 1992. № 10. С. 43–48; Назаренко Н. О роде Науменок // Родная Кубань. 2000 № 4. С. 49–57; Обако А.П. Родословная запись о жизни рода Обако на Кубани // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 2001. № 2. С. 41–50*).

Особенностью развития генеалогии кубанского казачества является сосредоточения внимания на социальной верхушке: атаманах, представителях кубанского регионального дворянства, писате-

лях, просветителях.

Материалы к родословным атаманов Черноморского казачьего войска XIX в. Я.Г. Кухаренко и А.Д. Бескровного были представлены в работах А.И. Фединой, Б.Е. Фролова, В.И. Шкуро (*Федина А.И.* Новые материалы к биографии писателя Я.Г. Кухаренко // Третьи Кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2001. С. 42–49; *Фролов Б.Е.* Герасим Кухаренко: Страницы биографии // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1997. № 1. С. 16–18; *Он же.* Командир «без ошибок» (к биографии генерал-майора А.Д. Бескровного) // Третьи Кубанские литературно-исторические чтения... С. 187–191; *Шкуро В.И.* Звездный час рода Кухаренко // Третьи кухаренковские чтения. Краснодар, 1999).

Не остались без внимания и видные представители кубанской казачьей интеллигенции. В исследованиях М.Ю. Горожаниной, Г.Н. Шевченко, В.К. Чумаченко, Б.А. Трехбратова, О.П. Бридни вводятся в научный оборот новые биографические сведения о первом кубанском просветителе К.В. Россинском, писателях И.Д. Попко, М.И. Поночевном, Ф.А. Щербине (*Горожанина М.Ю.* Последние годы жизни К.В. Россинского // Голос минувшего. 1998. № 1–2. С. 17–21; *Шевченко Г.* Попко Иван Диомидович (1819–1893). Армавир-Краснодар, 1996. Вып. 2; *Чумаченко В.К.* Генерал с душой поэта // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2004. № 1. С. 3–8; *Трехбратов Б.А.* Жизнь и судьба Федора Андреевича Щербины // Научно-творческое наследие Федора Андреевича Щербины и современность. Краснодар, 2004. С. 12–65; *Он же.* Жизненный путь и творческое наследие Ивана Диомидовича Попко // *Трехбратов Б.А.* Кубанские краеведы. Краснодар, 2005. С. 95–135; *Бридня О.П.* М.И. Поночевный. (1895–1931 гг.): Историко-биографический очерк. Краснодар, 2001).

Параллельно с возрождением казачества наблюдается и нарастающие интереса к истории кубанского дворянства, в том числе и казачьего. И опять объектом рассмотрения исследователей стали наиболее видные роды дворянского сословия, которые сыграли значительную роль в жизни Кубанского казачьего войска – Бурсаки, Наумеко (*Шевченко Г.Н.* Войсковые дворяне Бурсаки в Черномории // Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Краснодар, 1993; *Дюкарев А.В.* Дворянский род Науменко в истории Кубани и Кубанского казачьего войска // Из истории дворянских родов Кубани... С. 208–216).

Исследователи казачьих родословных обозначили контуры источниковой базы для проведения историко-генеалогических иссле-

дований по кубанскому казачеству (Дюкарев А.В. К вопросу о генеалогических источниках кубанского казачества // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе. Славянск-на-Кубани, 1999. Ч. 2. С. 80–83; *Он же*. Документы войсковой администрации Кубанского казачьего войска как источник генеалогии кубанского казачества // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе. Славянск-на-Кубани, 2003. Ч. 2. С. 40–41; *Шкуро В.И.* Памятка по составлению родословных кубанцев // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края. Краснодар, 2006. Т. 1 (22). С. 455–461; *Он же*. Кто мы? Откуда родом? Первые жители населенных мест кубанского края // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края. Краснодар, 2007. Т. 2 (23). С. 471–482).

Следует особо выделить работы В.А. Колесникова, который также коснулся вопросов источниковой базы казачьих родословных. Автор дал характеристику фондам Государственного архива Ставропольского края, содержащих материалы по дворянским казачьим родословным, и заострил внимание на исповедальных росписях казачьих станиц как одном из существенных источников родословного построения (*Колесников В.А.* Исповедальные росписи кавказских станиц как источник для изучения генеалогии и семейной истории линейного казачества // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Армавир, 2002. С. 10–12). Кроме того, в его исследованиях затрагиваются и аспекты семейной истории линейного казачества на Кубани (*Колесников В.А.* Исторические и этнические корни Кавказского полка кубанского войска // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1998 год. Дикаревские чтения (5). Краснодар, 1999. С. 190–195; *Он же*. О донском начале в среде линейного казачества Кубани // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1999 год. Дикаревские чтения (6). Краснодар, 2000. С. 18–23; *Он же*. Олгодворцы-казаки. СПб., 2000. 319 с.).

Обобщающей работой по проблеме генеалогии кубанского казачества является диссертационное исследование автора, где рассматриваются как теоретические вопросы, так и практические аспекты реконструкции семейной истории кубанских казаков (*Дюкарев А.В.* Казачьи генеалогии в историко-культурном контексте Кубани (на материалах родословной атамана В.Г. Науменко): автореф. дис... к.и.н. Армавир, 2017).

Семейная история и генеалогия кубанского казачества – перспективная область отечественной исторической науки. На местном

историческом материале мы можем рассмотреть, каким образом общетеоретические установки и методологические подходы генеалогии применяются в изучении «местных» исторических источников, как проявляет себя генеалогия на локальном уровне.

*А.А. Евдокимова, к.ф.н., с.н.с.
Институт языкознания РАН*

Основные формулы византийских погребальных надписей Египта

Большая часть погребальных надписей Египта (по базе РН17) имеют в качестве формул ядра глагольные формулы. Одна из самых распространенных формул с “ἐκοιμήθη” (почил) в разных вариантах его написания встречается в 72 надписях. Из них из Египта: без места, конец III в.; 597 г.; Александрия, начало IV в. – 2 раза; 524 г.; Акорис, 522 г.; V–VI вв. – 13 раз; без датг: из области Рода – 15 раз, Александрии – 6, без места – 6, Канописа – 5, Дамиегты – 4, Луксора, Фив – 4 раза, Эдфу – 3, Мемфиса – 2, Латополиса – 2, Сиены – 2, Панополиса, Фаюма, Хавары. К этой же группе формул относятся: “ἐκοιμήθη ἐν ονοματὶ κ(υριου) καὶ το θελ<η>μα αὐτοῦ” (все примеры приводятся в оригинальной орфографии источника – Сиена, без даты), “ἐν ἠρήνῃ ἐκοιμήθη[η]” (без даты: Хавара, Фаюм) и вариант “τῆ κεκοιμημένην ἐν ἠρήνῃ” (Арсиноит, без даты). Существует и вариант с опущением глагола “ἐν ἠρήνῃ” (Арсиноит, без даты – 4 раза) и с существительным “ἐν εἰρήνῃ ἢ κοιμήσις” (область Рода, без даты).

Характеристики умерших: “μακαριος” (без места, конец III в.; без даты: Александрия – 2 раза, область Рода – 5, Канопис – 3, Дамиегта, Эдфу), “τρὶς μακαρι(ος)” (Мемфис, без даты) или его вариация “ὁ τ(ης) μακαριας μνημης” (Александрия, начало IV в.; без даты из Дамиегты и Канописа), “μακαρια” (без даты: без места – 4 раза, область Рода – 4, Латополис, Луксор-Фивы) или “ἡ τῆς μακαρια μνημης” (без места и без даты), “ὁ ἀδελφός” (без даты: Канопис, Дамиегта, Александрия; 524 г.), “αββα” (Египет, без места; 597 г.; без даты: Александрия, Мемфис, область Рода), “απα” (без даты: Панополис, область Рода, без места), “ὁ πατηρ” (Мемфис, без даты), “ὁ ἐν ἀγίοις π(ατ)ῆρ ἡμῶ(ν)” (без места, 597 г.), “μητρος” (Акорис, 522 г.) и “μικρος” (без даты, область Рода), “παρθενος” (Сиена, без даты; без места, конец III в.). По профессиям: “χαλκ(ευς)” (Акорис, V–VI вв. – 2 раза; без места, 597 г.; без даты: “αναγνωστης” Луксор-Фивы), “στρατηγου” (Эдфу), “ιατρος” (Луксор-Фивы, область Рода), “οικονομος” (без места), “ὁ βουρδω(νάριος)” (Канопис),

“ἀρχιπρεσβ(υτερος)” (Панополис), “ἀναχωρητῆς” (область Рода).

У формулы с “ἐκοιμήθη” есть несколько расширенных вариантов, один из них “ἐκοιμήθη ἐν Χ(ριστῶ)” (Александрия, 530 г., 533 г., 536 г., 537 г. – 2 раза, 570 г., 578 г.) и две без даты с дополнением “Ἰ(ησοῦ)” из Панополиса и из Луксора-Фив. Характеристики умерших: “μακαριος” (Панополис, без даты), из Александрии: “ἀδελφος” 536 г., 537 г. – 2 раза, 570 г., “ὁ ἐν ἁγίοις ἀδελφος” 578 г., “ἄββα” 533 г.

Другим вариантом является “ἐκοιμήθη ἐν Κ(υριῶ)” (17 надписей: Александрия, 530 г., 537 г., 542 г., 580 г., 590 г., без даты; Акорис V–VI вв. – 8 раза; Мемфис, без даты – 2 раза; Арсиноит, без даты), с вариациями: “ἐκμηθη ἐν Κ(υριῶ) Ἰ(ησοῦ) Χ(ριστοῦ)” (Акорис, V–VI вв.), “ἐκμηθη ἐν Κ(υριῶ) θ(ε)ῶ” + дата (Акорис, V–VI вв. – 3 раза), “ψηχην” + Р.п. “ἐκμηθη ἐν Κ(υριῶ)” (Арсиноит, без даты), “ἐκοιμήθη ἐν Κ(υριῶ)” (Фаюм, без даты), “ἐν εἰρηνῇ ἐκοιμήθη ἐν κυριῶ” (Арсиноит, без даты; Акорис, V–VI вв. – 2 раза), “ἐν Κυριῶ θεῶ ἐκμηθη ἐν υριῶ” (Акорис, V–VI вв.), “ἐν εἰρηνῇ ἐν Κ(υριῶ) θ(ε)ῶ κμηθεντες” (Арсиноит, без даты). Характеристики: “μακαριος” (Александрия, 530 г., 537 г., без даты; Фаюм, без даты; Акорис, V–VI вв. – 3 раза), “μακαρια” (Акорис, V–VI вв.), “ἄββα” (Александрия, 530 г., 537 г., 542 г.), “μαθητης του ἄββα” (Александрия, 580 г., 590 г.), “ἀδελφος” (Александрия, 542 г., без даты). Профессии: “ψαλτης” (Александрия, 530 г.), “ἀρχιατρος” (Акорис, V–VI вв.), “χαλκε[υς] τεχνιτης” (Акорис, V–VI вв.), “οικ(ονομος)” (Акорис, V–VI вв.), “διακονος” (Мемфис, без даты).

Следующей является группа формул с глаголом “ἀναπαυσον” (упокоился) – 12 надписей. С В.п. (Нубия, 1173 г., 1181 г.; без даты: Александрия, область Рода – 4 раза, Луксор-Фивы, без места, Нубия), “ἀναπαυσον” (без даты: Александрия, область Рода), “ἀναπαυσον την ψυχην” + Р.п. – 24 надписи (без места, 574/5 г. – 2 раза; Нубия, IV–V вв., после 644 г.; Коласукия, 692 г.; Сиена, 1157 г.; без даты: Уади-Газал – 2 раза, область Рода – 5, Фаюм – 3, Арсиноит – 2, без места – 2, Луксор-Фивы, Халфа, Нубия, Талмис), “ἀναπαυσον την ψυχην” + В.п. (область Рода, без даты – 3 раза), с Д.п. (Арсиноит, без даты – 2 раза). С уточнением “ἐν Κ(υριῶ) θ(ε)ῶ” (область Рода, без даты – 4 раза), с “ἐν ἰρηνῇ” (без даты: Арсиноит и без места) и с “ἐν ἠρηνῇ τη ἀναπαυσαμενη” (без даты: Арсиноит – 2 раза и Фаюм). А также по одному без даты варианты из Арсиноита с добавлением “[ἐ]ν Κ(υριῶ)” + Р.п. и с Д.п. И в соединении “ἀνεπαυσομεν ἐν Κυριου ἐν ἰρηνῇ” (область Рода, без даты).

С глаголом “ἐτελευτησεν” (скончался) + дата – 30 недатированных надписей: 26 раз – Луксор-Фивы, 2 раза – Сиена, Панополис и

без места. С выражением “*ἐνθα κατακεῖται*” (здесь лежит) – 3 раза (Мемфис, VI в.; без даты: область Рода, без места). А также в сочетаниях формул еще 15 надписей. Среди эпитетов умерших чаще всего встречаются “*μακαρια*” или “*μακαριος*”. С глаголом “*εὐψυχει*” (покойся) (Акорис, V–VI вв. – 2 раза; Александрия, без даты – 5 раз, 148 г.; Антонин – 2 раза; область Рода, без даты) и ее вариации “*εὐψυ[χει ἐν] Κ(υρι)ῶ Ι(ησο)ῦ*” (Акорис, V–VI вв.), “*εὐψυχη ἐν ἠρηνε[ι]*” (Арсиноит, без даты).

Существительное в качестве формулы ядра “*στήλη*” – 24 раза, из них “*στήλη + Р.п.*” в недатированных: Панополис – 15 раз, без места – раз. В сочетаниях формул “*στ[η]λῆ + Р.п. + ἐβίωσεν ἐτών*” (без даты: Панополис – 2 раза, Дейрут). Вариант с анафорой предыдущей формулы: “*ἐβίωσεν ἐτών*” (15 раз – без даты; Акорис, V–VI вв.), “*στήλη + Р.п. + κλαίε + Д.п.*” (Панополис, без даты), “*στήλη + Р.п. + ἐβίωσεν ἐτών + ἐτελευτήσ<ε>ν*” (Панополис, без даты – 4 раза). Следующее по частотности: “*μνημειον*” – 10 надписей, из них “*μνημειον + Р.п.*” (Луксор-Фивы, без даты – 2 раза), “*μνημειον + Им.п.*” (Луксор-Фивы, без даты – 6 раз). В сочетаниях “*μνημειον + Р.п. + ἐτελευτήσεν + дата*” и “*μνῆμιον + Им.п. + ἐνθάδε κίτε μετὰ + Р.п. + ἐτελεύτησαν*”; “*ταφος*” встречается дважды: “*ταφος + Р.п.*” (область Дейрута, без даты) и “*ἐνθάδε σ[η]μειον ταφος + ἐβίωσεν ἐτών*” (область Рода, без даты), “*θανατος*” – также дважды в недатированных надписях из Александрии и области Рода.

Наиболее частотные сочетания формул: “*ἐνθα κατακεῖται + ἐτελεώθη + ἀναπαύσον*” или “*ἀναπαύσον τὴν ψυχὴν + Р.п.*” и “*ἐκοιμήθη ἐν Χ(ριστ)ῶ Ι(ησο)ῦ + ἀνάπαυσον τὴν ψυχ(ή)ν + Р.п.*”. А также встречаются “*πρὶν σε λέγειν, ὃ τὸμβε, τίς ἦ τίνοσ ἐνθάδε κείται + ἡ στήλη + Д.п. + σῶμα ἐνθάδε κείται + Р.п.*” (Александрия, 364–375 г.; Луксор-Фивы, без даты).

Большая часть дополнительных формул являются цитатами из разных заупокойных молитв. Например, “*εἰς κολλοῖς Ἀβρααμ καὶ Ἰσαακ καὶ Ἰακώβ*” – 33 случая в вариациях.

*К.А. Елохин, к.и.н., н.с.
ИВИ РАН*

Изобразительные девизы торжественного въезда Филиппа V в Мадрид

Обретя корону Испании, Филипп V прибыл в Мадрид 19 февраля 1701 г. Однако его официальный въезд в Мадрид произошёл лишь 14 апреля – всё это время он занимался насущными делами, ему пред-

ставлялась испанская знать и готовилась торжественная церемония въезда. 24 апреля 1701 г. Филипп V взошёл на испанский трон. Одной из основных особенностей его торжественного въезда в город были триумфальные арки, во множестве расставленные по тем улицам, где был намечен путь церемониального шествия. Эти арки были установлены ремесленными гильдиями и должностными лицами из Совета Индий и других ведомств (Филипп II перенёс в Мадрид органы королевского управления в 1561 г.).

Государственный секретарь А. де Убилья-и-Медина маркиз де Рибас (1643–1726) в своём ежедневнике сообщает, что «каждая арка была разрисована, снабжена иероглифами и словесным девизом» (*Vbilla y Medina A. de. Svccession de El Rey Don Phelipe V. ... Madrid, 1704. P. 139*).

Анонимный трактат «Описание украшения, сделанного в этом дворе к королевскому въезду его величества нашего католического короля дона Филиппа Пятого в четырнадцатый день апреля от [парка] Буэн Ретиро ко дворцу с помпезными Арками, Горой Парнас, и далее от Прадо и Карреры до дворца: о его иероглифах, словесных девизах и других надписях, в соответствии с буквальным, историческим или естественным смыслом и задачами. От Ретиро к Прадо» (*Descripcion del adorno, que se hizo en esta Corte à la Real Entrada de su Magestad nuestro Catolico Rey Don Felipe Quinto, el dia catorze de Abril, desde el Buen Retiro à Palacio, con el aparato del Arco, Monte Parnaso, y distancia del al Prado, y Carrera hasta el Palacio: De sus Geroglificos, Motes, y demàs Incripciones, segun sentido literal, Historico, ò natural al assumpto. Del Retiro al Prado. S.L., 1701*) даёт пояснения к каждому изображению с подписью, упомянутому в труде маркиза де Рибас, и не комментирует иные. Поэтому полагаю, что он вторичен по отношению к ежедневнику, а не был создан одновременно с ним.

Торжественная церемония въезда в Мадрид должна была повысить престиж короны Испании, утраченный во второй половине XVII в. Наиболее доступным способом выражения своих эмоций и чаяний для жителей Мадрида были аллегорические статуи и разного рода эмблемы, изобразительные и словесные девизы (обозначаемые в обоих источниках как *empresa* – далее И.Д.), размещённые на специально созданных для торжества арках, относящихся к так называемой эфемерной архитектуре, исполнявшей эстетические, политические, религиозные и социальные функции. Они были нацелены в первую очередь на главных лиц в кортежах (испанскую и французскую высшую знать, различных послов), их свиту и уже

потом на всех остальных.

В XVI–XVII вв. И.Д. делились испанскими интеллектуалами на политические, духовные и моральные, а также героические, любовные и военные. И.Д., размещённые гильдиями и ведомствами на арках, вполне соответствовали этим определениям. К сожалению, не всегда возможно определить, какой гильдии или ведомству принадлежала та или иная арка.

Представители гильдий обращались к профессиональным архитекторам, художникам и нанимали рабочих. Также нельзя сказать, из каких предпочтений исходили авторы И.Д., художники и архитекторы; известно, что они работали вместе и влияли друг на друга. Очевидно, что они обращались к книгам эмблем, популярным в разных социальных слоях в XVI–XVII вв. Поскольку И.Д. изображались на арках, возводимых гильдиями и государственными учреждениями (например, Советами Индий, Казначейства, Крестового Похода), то будет справедливо назвать их корпоративными.

Филиппа V в Мадриде также встречали гербовые композиции, присутствовавшие в значительно меньшей степени, чем изобразительные девизы и персонифицированные аллегории. Судя по всему, аллегории как одна из эмблематических категорий были важнее для короля и его придворных, тогда как изобразительные девизы, более простые по сути, были понятны и простому народу. До конца XVIII в. обе эти категории были востребованы в одних и тех же сферах, где использовалась эмблематика. Можно отметить то, что ещё в XVII в. сложные аллегории стали занимать места более простых изобразительных девизов как в Европе, так и в Новом Свете.

Изображённые на арках девизы, несомненно, повлияли на визуализацию образа Филиппа V: некоторые из них позднее были изображены на серебряных монетах, чеканившихся на монетных дворах вице-королевств как в Старом, так и в Новом Свете, и в виде аллегорий Славы и Победы – на медалях.

Можно отметить, что все эти арки и барочные украшения, широко использовавшиеся при торжествах предыдущей династией и будучи также использованными при торжественном въезде Филиппа V в Мадрид, могли способствовать его легитимизации в глазах общества как нового короля.

Генезис герба Апраксиных

Основными фигурами графского герба Апраксиных являются: два меча, продетые сквозь корону, корабль, якорь, шпора и двуглавый орёл (Общий гербовник дворянских родов Российской империи. Ч. 3 № 3). В дипломе на графское достоинство братьев Апраксиных указано: «гербы их родовые последующим образом умножа, вечно впредь употреблять жалуем и позволяем, то есть щит четверочастный, в котором в первой части корона с двумя обнаженными мечами, сквозь оную накрест произшедши, в четвертой шпор золотой, оба в красных полях; во второй части корабль, на парусах идущий, предъявляя морские его генерал-адмирала действия в чине адмиральском в службе нашей, с добрым успехом показанныя; в третьей же якорь, канатом обвитой, в знак служб его в чине президента Адмиралтейства нашего нам, учиненныя в лазоревых полях, в середине щита орел двоголавый белый в зеленом поле значит высокую нашу к нему милость, по которой он за службы свои с братом и прочими своими наследниками на степень графского достоинства произведены; над щитом украшения обыкновенные, а именно: корона золотая графская, из которой выставлены два флага Российские белые с синими крестами» (*Лакиер А.Б.* Русская геральдика. СПб., 1855. С. 578). Таким образом, не раскрыта символика шпоры, и, что важно, двух мечей и короны.

Поводом к написанию этого доклада стал чертёж «Река Двина или Архангельска», гравированный Шхонебеком в 1701 г. (<http://vivaldi.nlr.ru/ctm000000208/view>). Чертёж на первый взгляд содержит в себе фактическую ошибку: на чертеже Архангельска изображён астраханский герб. Но ошибки нет. Астраханский герб здесь изображён в качестве дворянского герба «Федора Матвееча Апраксина», которому и посвящён чертёж. Доказательством служит дворянская корона, принятая во французской геральдике, и то, что в других чертежах Шхонебека также есть гербы тех, кому он посвятил чертёж. Скорее всего, использование астраханского герба продиктовано той же логикой, по которой потомки удельных князей использовали гербы соответствующих княжеств. Это указание на предка Солохмира, происходящего из Большой орды.

Неизвестно, когда именно Фёдор Матвеевич усложнил свой герб, но, вероятнее всего, в 1707 г. Пётр Великий решил это узаконить и 16 ноября послал Я.В. Брюсу, знатоку геральдики, печать

адмирала, чтобы он посмотрел, что не так, и поправил (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 6. СПб., 1912. С. 157). Печать, скорее всего, представляла собой чёрно-белый рисунок со штриховкой. Щит разделён серебряным крестом на четыре поля: в первом – герб астраханский, но в червлёном поле; во втором – серебряный корабль под парусами в золотом поле; в третьем – якорь в пурпурном поле; в четвёртом – семилучевая звезда в лазоревом поле. Есть небольшая вероятность, что поле в третьей четверти не пурпурное, а зелёное.

В декабре 1707 г. в ответном письме Брюс сообщает о поправках. Золотое поле, в котором корабль, он поменял на лазоревое. Третье, вишнёвое, поле (вероятно, пурпурное) он тоже заменил на лазоревое, поскольку вишнёвое редко употребляется, потому что этот цвет не естествен сам по себе, а сочинён из красного и синего. Якорь принадлежит к кораблю, поэтому изображён с ним на поле одного цвета, к тому же эти два поля наискось друг от друга лежат. Крест сделал золотым, а не серебряным. Вместо семилучевой звезды поместил пятилучевую, которую называют колесцом от сапожной остроги, в червлёном поле, потому что наискось тоже червлёное (Там же. С. 456–457).

Есть два портрета Ф.М. Апраксина с аналогичным гербом (*Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 1. СПб., 1889. Стлб. 312), на которых, однако, нет креста в центре и звезда шестиконечная. На одном из портретов Апраксин назван «Moscowitischer General Admiral», а это звание он получил в 1708 г., т. е. после ответного письма Брюса, вероятно, герб не успели исправить. На втором он поименован как «com(m)andirender Admiral über die gantze Rußische See=Macht». На гербах ещё дворянские, не графские, атрибуты. Есть украшения, но не понятно, имели они какое-то значение, или это декоративные арматуры. Стоит отметить флаги в нашлемнике, но, скорее всего, не андреевские.

В мае 1708 г. Пётр Великий, вероятно, указал Брюсу на астраханский элемент в гербе Апраксина. Известен ответ Брюса: «На Москве будучи, изволили ваше Величество мне приказывать, дабы в гербе адмирала Опраксина, с ним поговоря, переправить астраханский герб. И из его разговору мог дознаться, что ему токмо хоцется одну корону по старинному обычаю написать, а чтобы сабля под оной лежала по прежнему, и в том почитай не будет перемены. И я ныне не только корону переменяю, но и к сабле другую на крест, в корону вложенну, прибавил, дабы те вещи в нем (гербе) были, токмо иным подобием и иное значили. И тот герб я послал я к вашему величест-

ву при сем письме» (*Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862. С. 294). Таким образом, астраханская эмблема исчезла с герба Апраксина стараниями Брюса. 24 февраля 1709 г. Апраксин за храбрость в Ингрии и Естляндии был пожалован графом и действительным тайным советником (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. М., 1956. С. 55). После этого в гербе могли появиться графские атрибуты. Выше мы цитировали диплом 1715 г. Отметим, что якорь в гербе указывает на чин президента Адмиралтейств, а получил Апраксин этот чин 22 февраля 1707 г. Между этой датой и ноябрём 1707 г. был создан многопольный герб, а затем и печать Апраксина. Флаги на графском гербе стали андреевскими. В гербе отражены заслуги одного брата.

Доказательством происхождения герба Апраксиных от астраханского является и герб дворянской ветви рода. Пушки в гербе пожалованы Степану Фёдоровичу Апраксину Елизаветой Петровной (Общий гербовник дворянских родов Российской империи. Ч. 2. № 45), а, значит, изначальным гербом была золотая корона и сабля. В Дмитровском кремле есть тарелка Павловских времён, там герб дворян Апраксиных без четверчастного деления, которого изначально могло и не быть (*Наумов О.Н.* Очерки по русской геральдике. М., 2014. С. 382).

*И.Е. Ермолова, к.и.н., доц. (звание), доц.
РГГУ*

Острова и города Тамани по Аммиану Марцеллину

Племена и народы, жившие в древности в Северном Причерноморье, не имели письменности, поэтому важными источниками по истории данного региона являются древнегреческие и латинские сочинения. Традиция описания этих отдаленных от Балканского полуострова мест берет свое начало со времен Великой греческой колонизации, но сочинений такого рода сохранилось очень немного. Одной из задач является попробовать проследить, какие сведения использовались различными поколениями античных авторов в каждом конкретном случае. В поздней античности берега Понта Эвксинского наиболее полно освещены в одном из экскурсов «Деяний» Аммиана Марцеллина, писавшего в IV в. н.э.

Информация о черноморском регионе сосредоточена в восьмой главе XXII книги его сочинения. Географическая часть экскурса, в основном, вероятно, зиждется на периплахе, т. е. описаниях морского пути (*Ермолова 1999. С. 339*). Характер источников сказывается и

в языковом отношении: на протяжении экскурса слова «справа, правая сторона» означают «южнее, с юга», «слева, левая сторона» – «севернее, с севера» (*Amm. Marc.* XXII. 8. 2; 8; 14; 30; 37 – далее будет указываться только §). Многочисленные признаки указывают, что периплы или перипл был написан на греческом языке: расстояния даны в стадиях; этимология названий Понта (33 – ut <...>Graecidicimus) и Ахерузской пещеры (17) – греческая; очертания Мраморного моря обнаруживают сходство с буквой греческого алфавита (4; *Gimazane* 1889. P. 219); по каждому удобному поводу привлекается греческая мифология. С определенной долей уверенности можно предполагать, что произведение греческого перизгета, которое использовал в данном случае Аммиан Марцеллин, было поэтическим, так как последний дважды ссылается на поэтов (13 – ut poetae locuntur; 15 – priscorum carminum cantus; *Gardthausen* 1873. S. 539).

Из сохранившихся сочинений такого рода наибольшее сходство с текстом «Деяний» обнаруживает «Описание ойкумены» Дионисия Александрийского (Перизгета) II в. н.э., так как оба произведения имеют длинный ряд соответствий. Вместе с тем § 30 экскурса Аммиана, весьма близкий Дионисию, содержит существенное отличие от него. У Аммиана говорится: «Много воды из ее [Меотиды – *И.Е.*] обильных источников прорывается через Пантикапейский пролив в Понт, на правом берегу которого лежат острова Фанагур и Гермонасса, застроенные стараниями греков (ex cuius uberrimis venis per Panticapes angustias undarum magnitudo prorumpit in Pontum, cuius in dextro latere insulae sunt Phanagorus et Hermonassa studio constructae Graecorum)» (пер. Ю.А. Кулаковского). Дионисий Перизгет сообщает: «Если же пройти прямо через Боспор Киммерийский, встретится другой обширнейший остров, который лежит по правую сторону Меотийского озера, на нем [расположены] Фанагора и прекрасно построенная Гермонасса, где обитают выходцы их ионийской земли» (*Dion. Per.* 549 – 553 // SC I С. 183; пер. Е.В. Илюшечкиной).

Согласно ранней греческой традиции, как свидетельствует Стефан Византийский, Гермонассой и Фанагорией назывались города в Причерноморье. Сам автор «Описания племен» считает, что эти названия относятся и к городам, и к островам, на которых они расположены; при этом он ссылается на авторитет Дионисия Перизгета (*Steph. Byz. Ethnic.* Ἐρμόνασσα Φαναγόρεια SC I. С. 259; 268), хотя у последнего речь идет об одном огромном острове (без названия) с находящимися на нем несколькими городами. Сообщения Аммиана Марцеллина и Стефана Византийского, независимых друг от друга авторов, о Гермонассе и Фанагории как об островах, позволило вы-

двинуть гипотезу об их общем источнике, уже искажившем Дионисия Перизэгета (*Gualandri* 1968. P. 203). Вероятно, этот промежуточный источник был близок к произведению Дионисия, на что указывают некоторые выражения Аммиана, особенно *studio constructae* – точный перевод εὐκτιτος греческого текста.

Античные источники свидетельствуют о том, что Таманский полуостров претерпел значительные изменения за прошедшие века. В эпоху классической древности иным было соотношение между водой и сушей на Тамани. В древности полуострова не существовало, он образовался постепенно из архипелага островов. Исследователи называют различное количество островов: от двух до десяти (*Герц К.К.* 1898. С. 42; *Войцеховский* 1929. С. 57; *Варенцов* 1933. С. 99; *Гайдукевич* 1949. С. 195; *Сокольский* 1976. С. 115; *Болгов* 1996. С. 19–20; *Зубарев* 2005. С. 334; *Паромов* 2006. С. 365). Дискуссии по поводу пространственно-временных реконструкций береговой линии Черноморского побережья в этом районе продолжают и сейчас (*Браташова* 2017. С. 249 – 253).

Полуостров появился в результате наносной деятельности реки Кубани, относящейся к разряду блуждающих, и многократных перемещений ее русел (*Войцеховский* 1929. С. 57; *Шилов* 1950. С. 104; *Зенкович* 1958. С. 180). Определенную роль в том, что Тамань превратилась в единый участок суши, сыграли извержения грязевых вулканов, засыпавшие один из древних рукавов Кубани (*Жиль* 1861. С. 54; *Герц* 1898. С. 38).

Данные археологии подтверждают сведения ранних античных авторов и Аммиана Марцеллина о местонахождении Фанагории на острове, ограниченном Азовским морем, Таманским заливом и несуществующим теперь рукавом Кубани (*Сокольский* 1963. С. 12; *Беренбейм* 1959. С. 47).

В надписи в честь боспорского царя Котиса II 130 г. н.э., которая была найдена в азиатской части Боспора, встречается такая должность как «начальник острова» (ὁ ἐπὶ τῆς νήσου) (КБН. № 982. С. 561). В.Ф. Гайдукевич полагает, что это был наместник азиатской части Боспора (*Гайдукевич* 1949. С. 343). Возможно, местом его пребывания была Фанагория (*Гайдукевич* 1955. С. 143). Гермонасса, как полагают, была расположена южнее (*Зеест* 1974. С. 82). Ее территория была отделена от фанагорийской водной преградой. Отдельные острова в дельте Кубани, вероятно, носили имена городов, построенных на них (*Гайдукевич* 1949. С. 195).

Переписка Ивана Грозного и Стефана Батория (1576–1584 гг.): проблемы сохранности посланий и текстологии списков

Переписка между Иваном IV и Стефаном Баторием открывается посланием объединенного Сената Короны Польской и Великого княжества Литовского Ивану Грозному от 6 июня 1576 г. и заканчивается посланием Стефана Батория от 27 января 1584 г., вскоре после которого московский правитель скончался. Она насчитывает 108 посольских грамот в обоих направлениях (не считая версий одного текста, переводов и сопроводительных посольских документов) и известна, прежде всего, по немногочисленным архивным оригиналам, московским посольским книгам, томам Литовской Метрики, а также по разрозненным спискам из европейских древлехранилищ. Полуофициальные и неофициальные грамоты содержатся также в особых сборниках, восходящих к кругам Посольского приказа, а также в *silva rerum*, по большей части, конца XVI–XVII в., восходящих к документальным подборкам польской шляхты времен Московских походов.

Часть посольских материалов проходила по другим ведомствам. Послание Ивана Грозного «Павлу Бобринскому» от 16 июля 1577 г. известно только по разрядным книгам Пространной редакции 1605 г. и польскому переводу из Архива Радзивиллов (*Grała H. Źródła do dziejów stosunków polsko-moskiewskich w XVI w. (Nowe znaleziska w Archiwum Warszawskim Radziwiłłów)* // *Miscellanea Historico-Archivistica*. 1997. Т. 7. S. 149–150; *Архивюк Ю.В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII в. М., 2005. С. 415–419). «Глейт» Стефану Баторию находится в составе Второй посольской книги по сношениям России с Грецией. В эту переписку следует также включить обмен посланиями между Иваном IV и монахами Киево-Печерского монастыря в 1583 г. (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. № 2. Л. 21–23, 30 об.–31 об., 42–43 об.).

В ряду неофициальных или полуофициальных можно назвать послания царя, отправленные им ливонским наместникам короля и сенаторам Великого княжества Литовского во время Ливонского похода лета – осени 1577 г., а также Стефану Баторию (и Андрею Курбскому) от 1 октября 1579 г. Аналог книги, которая могла быть близка к Посольскому приказу, но сохранилась совсем в ином контексте, можно обнаружить в Троицкой рукописи конца XVII в. (ОР

РГБ. П. Трицк. собр. № 17). Ранний пример бытования посольских материалов отражает Музейский сборник (ОР ГИМ. Музейск. собр. № 1551. Л. 35 об.–41. См.: Неизвестный памятник древнерусской литературы: «Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии к Степану, королю польскому» / подг. Д.К. Уо // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 357–361; Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11: XVI век. СПб., 2001. С. 164–169).

Подспорье для изучения московского посольского наследия представляет архивный комплекс Великого княжества Литовского, и прежде всего так называемая Литовская Метрика, в составе которой до нас дошли многие послания посольского обмена между Россией и правителями Короны и Литвы. Наиболее пространные подборки кириллических посланий за период правления царя Ивана IV – книги Литовской Метрики № 591 (1545–1582 гг.) и 592 (1576–1583 гг.), изданные еще в XIX в. кн. М.А. Оболенским, М.П. Погодиным и Д.Н. Дубенским. Соотношение между текстами этих двух книг в их совпадающих фрагментах сформулировано публикаторами следующим образом: «Вторая, немного позднейшая рукопись, есть копия с вышеозначенной первой и сохранилась в другом (рукописном же) собрании...» (Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. М., 1844. Т. 2. С. II). Это вывод не подкреплен ни одним примером и голословно предписан. Для нас открывается возможность проверить его, сопоставив оба списка с версиями московских посольских книг, в которых независимо от Литовской Метрики воспроизведены современные ей списки тех же посланий. Проверочными для сравнения могут служить также другие списки тех же посланий.

В качестве примера остановимся на послании Ивана IV Стефану Баторию от 21 ноября 1579 г. Помимо названных чистовых копий из канцелярий России и Великого княжества Литовского сохранились также его списки и переводы: список Трицкого сборника конца XVII в., немецкая версия Берлинского архива и польская из собрания Игнатия Онацевича (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. № 11. Л. 201 об.–209 об.; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 591. Л. 430 об.–433; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 592. Л. 40–42; ОР РГБ. Трицкое II собр. № 17. Л. 326–331 об.; ИРЛИ РАН. Дрвелехранилище. Оп. 50. Папка 8. № 13. Л. 1–2; GStA-РК. НВА 719, E5. fol. 1–4v. Ср.: Книга посольская... Т. 2. С. 48–51). Последние три версии восходят к протографу тех же посланий независимо от подборок Литовской Метрики – и тем ценнее для установления первичности чтений в списках из ЛМ № 591 и 592.

Списки Литовской Метрики восходят к общему протографу, в котором московские послания уже были частично переведены на местный кириллический (*рутенский*) язык. В ряде случаев в копиях из Великого княжества Литовского содержатся исправления московских версий, особенно когда в России неточно передавались титулы польско-литовской элиты. Признаком первичности для данных литовских кириллических списков являются лучше сохранившиеся московские формы. ЛМ № 591 и 592 в текстах московских посланий передают сходные модификации московского русского языка, который сохранен в посольских книгах (*дѣлали* заменено на *здела-ли*, ср. в списке Онацевича: *dzielali*; нѣсть – на *неест*, ср. О: *nie masz*; *зацѣпки* – на *заченки*, ср. О: *net*; *покамѣста* – на *поки*, ср. О: *doład*, и т.д.). Близость к московским формам в обоих списках проявляется в несходных случаях, что может объясняться различными гипотезами, но только при помощи концепции общего протографа, который не тождественен ни ЛМ № 591, ни ЛМ № 592. Это означает, что вывод публикаторов «Книги посольской» о первичности списка ЛМ № 591 является ошибочным, что подрывает и сами принятые ими принципы публикации дипломатической подборки с перепиской Ивана Грозного со Стефаном Баторием из канцелярии Великого княжества Литовского.

А.Е. Жуков, к.и.н., н.с.
НИОР БАН

Рукописи исторического содержания БАН: перспективы описания

Традиции описания исторических сочинений в Библиотеке Академии наук были заложены еще В.И. Срезневским и Ф.И. Покровским (Описание рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР. 1. Рукописи. Т. 3. Вып. 1 (VI. История) / Сост. В.И. Срезневский, Ф.И. Покровский. Л., 1930). Впоследствии свет увидели три выпуска третьего тома Описания рукописей БАН, посвященного историческим памятникам. В первом выпуске были описаны летописи, хронографы, степенные, разрядные и родословные книги (Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3. Вып. 1. Хронографы, летописи, степенные, родословные, разрядные книги / Сост. В.Ф. Покровская, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, М.Н. Мурзанова. М.; Л., 1959). Второй и третий выпуски посвящены историческим сборникам XV–XVIII вв. (Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3. Вып. 2. Историче-

ские сборники XV–XVII вв. / Сост. А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, В.Ф. Покровская. М.; Л., 1965; Т. 3. Вып. 3. Исторические сборники XVIII–XIX вв. / Сост. Н.Ю. Бубнов, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, О.П. Лихачева. Л., 1971). Таким образом, археографическая характеристика была дана значительной части памятников исторического содержания. В настоящем докладе речь пойдет о перспективах дальнейших работ по описанию исторических рукописей БАН.

Многие манускрипты исторического содержания, хранящиеся в НИОР БАН, по-прежнему нуждаются в описании. Ниже мы рассмотрим лишь некоторые памятники, археографическая характеристика которых отсутствуют в 3-м томе Описания рукописей БАН, упомянув при этом наиболее значимые их списки.

В частности, до сих пор не описаны рукописи, содержащие текст «Сказания» Авраамия Палицына – одного из важнейших источников по истории Смутного времени. В НИОР БАН хранится девять списков данного сочинения. Древнейший из них БАН. Арханг. Д. 413 датируется первой четвертью XVII в. Интерес для истории текста «Сказания» представляет также список БАН. 32.4.4 (третья четверть XVII в.). Окончание рукописи было восполнено в XVIII в. и отличается от окончания других списков рассматриваемого памятника. Оно представляет собой особую уникальную компиляцию, совпадающую со «Сказанием» лишь частично.

В собрании Отдела рукописей хранится также четыре списка Скифской истории Андрея Лызлова. В БАН под шифром 32.4.27 хранится один из древнейших списков данного произведения. Помета на л. 1 указывает на связь данного манускрипта с В.Н. Татищевым. Рукопись датируется концом XVII в. Характеризуя данный список, Е.В. Чистякова отмечает: «Текст трех частей татищевского списка (с л. 8 до л. 114) сильно правлен красными чернилами. Создается впечатление, что рукопись готовили к изданию или переписке» (*Чистякова Е.В.* Археографическая справка // Андрей Лызлов. Скифская история. М., 1990. С. 349). Исследовательница также полагает, что рукопись могла быть сверена с оригиналом памятника и предназначалась для поднесения царю (Там же).

Среди памятников исторического содержания особое место занимают так называемые «казацкие» истории – сочинения, посвященные истории Украины и Гетманщины в XVII–XVIII вв. В связи с этим хотелось бы отметить, что в рукописном собрании БАН хранится три списка Краткого описания Малороссии – одного из наиболее распространенных памятников данного рода. До настоящего времени ни один из них не описан. Древнейшим является список

БАН. 16.8.12, датируемый второй четвертью XVIII в. Манускрипт состоит из двух частей. Первая часть содержит собственно текст Краткого описания. Во второй части представлен комплекс документов, посвященных истории Малороссии. На л. 78 расположен рисунок с изображением Даниила Апостола. Под изображением дана краткая биография гетмана на немецком языке. В самой рукописи отсутствуют пометы или записи, на основании которых можно было бы сделать вывод об источнике её поступления в БАН. Некоторые предположения относительно истории передачи данной рукописи в библиотеку позволяет сформулировать список БАН. 16.12.10. Обе рукописи совпадают по составу. При этом, в БАН. 16.12.10 на л. 158 об. отмечается: «Списана при Академии наук 1753 году с книги, полученной от его ясневельможности гетмана Кирилы Григорьевича Разумовскаго». Можно предположить, что рукопись БАН. 16.12.10 является копией рукописи БАН. 16.8.12. Последняя, вероятно, была передана в БАН К.И. Разумовским.

Рассматривая рукописи исторического содержания БАН, нельзя обойти вниманием Летописец Келейный Дмитрия Ростовского. В рукописном собрании библиотеки хранится примерно 50 списков данного сочинения. Авторизованных, т. е. содержащих автографы самого Дмитрия Ростовского, среди них нет. Древнейшими являются списки БАН. Белокрыницкое собр. 134 (отрывок) и БАН. Арханг. 1203. Обе рукописи датируются первой четвертью XVIII в. Среди списков Летописца Келейного, хранящихся в БАН, встречаются лицевые: БАН. 16.2.10 (на л. 3 изображение Иисуса Христа; л. 16 – изображение двух серафимов; л. 24 об. – изображение императрицы Екатерины II; л. 39 – изображение Богородицы; л. 51 об. – изображение Иоанна Предтечи), 25.2.41 (л. 1 – изображение Дмитрия Ростовского) и др. Особое внимание хотелось бы обратить на рукопись БАН. Устюжское собр. 14. Данная рукопись переписывалась потетрадно. В работе над ней принимали участие 35 писцов, указавших свои имена на последних листах тетрадей.

Перечень рукописей исторического содержания, не ограничивается списками вышеперечисленных произведений. В частности, в настоящее время подготовлен к публикации каталог «петровских» историй. Кроме того, в рукописном собрании БАН хранится целый ряд авторских исторических сочинений, написанных в XVIII–XIX вв. Таким образом, работа по описанию сборников исторического содержания БАН нуждается в продолжении.

Южные пределы Ойкумены в представлениях эллинистических и римских географов

Эллинистическая и римская эпохи были беспрецедентным временем расширения географических представлений жителей Европы. Походы Александра Македонского, установление дипломатических отношений с государствами Индии и начало функционирования Великого шелкового пути стали важнейшими факторами развития географических знаний. Прогресс в мореплавании позволил расширить сферу морской торговли эллинистических государств и Рима, наладить систематический обмен с полуостровом Индостан и отправиться на поиски новых рынков.

Динамика трансформации географического сознания греков и римлян видна при сопоставлении основных источников знаний об Ойкумене. Если Страбон опирается почти исключительно на собственный опыт – например, пишет, как ехал из Сиены в Филы в повозке (Strabo, XVII, 1, 50), – то его последователи Марин Тирский (конец I в. н.э.) и Клавдий Птолемей (II в. н.э.) привлекают обширную информацию, полученную как у других писателей, так и у реальных путешественников. Особняком стоит «Перипл Эритрейского моря» (далее – ПЭМ), детально описывающий побережье Красного моря и Индийского океана. Объем знаний анонимного автора ПЭМ позволяет предположить, что он не только собрал доступную ему информацию о портах Южной Азии и Восточной Африки, но и сам побывал как минимум в Индии. Также дискуссионным остается вопрос о времени создания данного текста, поскольку объем информации многократно превосходит данные Страбона и Птолемея.

Налицо различие в целях создания этих трудов. Если Страбон описывал мир с римской, государственной точки зрения, что хорошо видно в завершающей части его труда, то автор ПЭМ отражал практические знания, необходимые мореплавателям. В его труде нередки упоминания о конкретных благах, которые можно приобрести в том или ином месте; например, он указывает, что самых сильных рабов приобретают на рынке Опона к югу от современного мыса Гвардафуй (ПЭМ, 13). Марин, очевидно (поскольку его труд дошел в изложении Птолемея и иных авторов), не только описывал территории, но и создавал своеобразную модель мира: он впервые поместил на карты западного мира Китай и ввел понятие «Антарктика» для земель, противлежащих Арктике. Марин Тирский и

ПЭМ упоминают порт в устье Ганга – возможно, порт Тамлук, который служил важной базой для китайских торговцев («рынок Ганг» – ПЭМ, 63); кроме того, там обнаружены предметы из Египта римской эпохи.

Существенно отличается в данных произведениях и картина мира. Страбон уверен, что Африка («Ливия») очень невелика и, возможно, даже меньше Европы (Strabo, XVII, 3, 1). Описывая размеры континента, он называет цифру в 10 000 стадий от Александрии до Мероэ и еще 3000 стадий до «границы с обитаемым миром» (около 2700 км, что примерно соответствует Южному Судану или центральной части Сомали). Понятие «обитаемый мир» у Страбона связано с, очевидно, распространенным стереотипом о необитаемости земель «неумеренного пояса» из-за жары или холода.

Совсем другие цифры называет Птолемей в своей «Географии». Ссылаясь на Марину Тирского, он оценивает протяженность Африки с севера на юг примерно в 5500 км (Cl. Ptol. Geogr., VIII), делая поправку на невозможность следования прямым путем и называя южные пределы континента – это мыс Прас и земля Агисимба (отождествляемая современными географами с районом озера Чад). По его словам, эти территории «достигают холодного пояса южного полушария». Налицо значительный прогресс в уровне географических знаний греко-римского мира, поскольку примерно веком ранее Страбон констатировал почти полное отсутствие знаний об Африке южнее Египта: «Мы не знакомы и с областями над Аммоном и оазисами до Эфиопии; мы не можем назвать ни границ Эфиопии, ни Ливии, ни даже точных границ области, примыкающей к Египту, а еще меньше той, что лежит на берегу океана» (Strabo, XVII, 3, 23).

Вместе с тем концепция Птолемея отличается от модели Страбона и, очевидно, жившего позднее автора ПЭМ, поскольку Птолемей отказывается от идеи «омывающего океана» и представляет Индийский океан как замкнутое море. Страбон описывает обитаемый мир как остров (Strabo, I, 1, 8), а Африку представляет как прямоугольный треугольник (Strabo, XVII, 3, 1), тогда как автор ПЭМ вообще не описывает формы континента, констатируя лишь, что на дальнем юге Индийский океан соединяется с «западным океаном».

«Перипл Эритрейского моря», в определенной части дублируемый Клавдием Птолемеем, дает детальную информацию о морских стоянках и торговых пунктах вдоль всего африканского побережья Индийского океана до территории современной Танзании включительно. Если исключить возможные лакуны, получается, что путь от крайней восточной точки Африки до края известных грекам и

римлянам земель занимает 20 дневных переходов. Источник достаточно точно передает топографию местности, вместе с тем многие описываемые в нем местности пока точно не идентифицированы. Основной проблемой является локализация острова Менутесий, описание которого в целом подходит к современному Занзибару (автор ПЭМ (15) пишет о водящихся там безопасных для человека крокодилах, которых комментаторы сопоставляют с водящимися на Занзибаре ящерицами). Однако расстояние от «Пиралайских островов», под которыми принято понимать архипелаг Ламу, никак не может составлять «два дневных перехода» (ПЭМ, 15) – в реальности расстояние до Занзибара составляет более 400 км, и даже до острова Пемба – свыше 300 км. На таком же расстоянии от Менутесия («два дневных перехода») лежит последний известный средиземноморским торговцам рынок Рапта (ПЭМ, 16), ассоциирующийся с устьем реки Руфиджи к югу от Дар-эс-Салама (доказательством являются находки в регионе птолемеевских монет и римских товаров).

Автор «Перипла Эритрейского моря» указывает на существование неких протогосударственных образований (вожеств) на краю обследованной земли. Речь здесь наверняка идет о посреднической торговле, так как упоминаются связи этого региона с Аравией, откуда в Рапту шли оружие и драгоценные камни, а также хлеб и вино, при помощи которых пытались купить расположение вождей местных племен.

*Ю.Н. Звездина, к. искусств., с.н.с.
Музеи Московского Кремля*

Слон на стене Георгиевского собора Юрьева-Польского и в романской скульптуре Апулии

Незадолго до татаро-монгольского нашествия было завершено строительство храма в Юрьеве-Польском (1230–1234). Его украшают рельефы, претерпевшие немало изменений и сохранившиеся только частично. Но те, что дошли до наших дней, позволяют назвать Георгиевский собор сокровищницей древнерусской скульптуры. Убранству храма, как и его архитектуре, посвящен ряд исследований известных ученых. Мы предлагаем рассмотреть только одно изображение – фигуру слона на северном фасаде. Он отличается от реального животного: покрыт шерстью, трактованной как стилизованные орнаментальные завитки и пряди. Однако хобот и бивень (слон изображен в профиль) близки натуре.

Известно, что первоначально слонов было два. Один не сохра-

нился, а второй поменял свое место, поскольку в 1471 г. мастер Василий Ермолин по приказу великого князя Ивана III восстановил рухнувший храм, а соблюсти оригинальное расположение рельефов при этом было невозможно.

Слоны в разнообразной трактовке присутствуют в миниатюрах bestiариев. Наиболее ранние русские списки с такими изображениями относятся к XV в. В символике этого животного присутствуют темы грехопадения, искупления, бескорыстия, чистоты. В западноевропейской традиции слоны часто изображались также и как боевые, с воинами в башенке на спине грозного животного.

Обратившись к романской скульптуре, можно найти образы слонов, которые свидетельствуют об их особой популярности в определенных регионах, а также об определенной традиции символического истолкования, перекликающегося с древним мифом о мироздании (слоны, держащие на спинах землю). Именно к этим изображениям мы и предлагаем обратиться, тем более что по времени они намного ближе рельефу на стене Георгиевского собора.

Фигуры слонов часто украшают храмы Апулии. Назовем романские храмы, стены и порталы которых несут на себе изображения этих животных, чаще – объемные, реже – рельефные. В Бриндизи храм Сан Джованни аль Сеполькро (XI в.) имеет два портала, главный декорирован рельефами, среди которых внизу представлен слон, как основание «канделябра» из растительных завитков и включенных в него фигурок людей и животных.

В Трани нужно обратить внимание на два сооружения: собор Сан Никола Пеллегрино (начало строительства 1099 г., закончен после 1200 г.), окно главного фасада которого декорировано круглой скульптурой – фигурами зверей, среди которых хорошо узнаваема пара слонов. Церковь Сан Джакомо (начало строительства 1143 г.) в связи с нашей темой представляет еще больший интерес, поскольку здесь их три: пара слонов-стилофоров встречает входящего в храм – они несут колонны портика, а сверху, среди многочисленных протом животных, помещен еще один слон.

Слоны-стилофоры, показанные в седлах, на которые поставлены колонки, прежде обрамлявшие окно главного фасада, помещены на соборе Санта Мария Ассунта в Альтамуре (1232–1254). Эти фигуры животных особенно эффектны, они показаны с огромными складчатыми хоботами, касающимися земли.

Наконец, в Бари мы найдем слонов как в скульптурном декоре окон собора Сан Сабино (1171–1229) и базилики Сан Никола (1087–1197), так и в рельефах главного портала, внизу (базилика Сан Ни-

кола). В последнем случае представлен оседланный слон со всадником; он так же, как в храме Сан Джованни аль Сеполькро в Бринди-зи, несет на себе декоративный «канделябр».

Следует вспомнить о напольной мозаике XII в. в соборе Санта Мария Аннунциата в Отранто. Композиция представляет Мировое древо, протянувшееся от входа в храм к его алтарной части. Это известнейший памятник, мы не будем касаться вплетенных в общую композицию персонажей, животных, космических аллегорий. Отметим только, что Древо покоится на спинах двух огромных слонов, изображенных у самого края западной части мозаики. Пара этих животных, с одной стороны, переключается со слонами-стилофорами, несущими колонны порталов или помещенными по сторонам окон, о которых мы говорили выше. Но у них здесь четко обозначена определенная функция: они выступают носителями Мирового древа, то есть Вселенной, отражая в себе древний восточный миф о мироустройстве (правда, там слонов три).

Здесь у нас возникает два вопроса. Первый – сохраняют ли слоны-стилофоры отголоски этого мифа, служа основанием для колонн? Если учесть, что они были созданы примерно в одно время с мозаикой, это вполне возможно, притом именно в Апулии, расположенной на юго-востоке полуострова и проводившей восточные традиции. Второй вопрос касается уже убранства Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Если известно, что рельефов было два, выполняла пара слонов близкую функцию или служила оберегом, например, по сторонам роста Древа жизни, нередко изображавшегося на владимирских храмах домонгольской эпохи?

Романская скульптура Западной Европы демонстрирует нам «перемещение» слонов на север: в Базеле слоны-стилофоры на мощных ногах, со складчатыми ушами и гордо поднятыми головами, несут полуколонки окон на южном фасаде городского собора (1019–1500). Рельефы со слонами украшают капители церкви Сен Пьер де ла Тур в Ольне (строительство начато в 1130 г.; регион Пуату-Шаранта). Предполагается, что именно из Пуату приехали мастера строить и украшать храмы во Владимире.

Шерстистый слон со стены Георгиевского собора не похож ни на одного из них. В более поздних готических миниатюрах можно обнаружить покрытых шерстью слонов, однако они появились значительно позже. Исследователи едины во мнении, что мастер, украсивший рельефами храм в Юрьеве-Польском, был русским. «Чистые» черты романики присутствуют в рельефах на возведенных в предшествующем столетии владимирских храмах. Здесь же изо-

бражение стилизовано, оно напоминает традиции древнерусского орнамента, как и общие линии рисунка. Вероятно, мастер создал собственную фантазию на темы образа, пришедшего на Русь от западных скульпторов.

С.В. Зверев, к.и.н., зав. отделом

А.М. Колызин, к.и.н., с.н.с.

Музеи Московского Кремля

Имя Токтамыша в русской монетной чеканке конца XIV – начала XV в., после свержения хана в Золотой Орде

Арабская надпись с именем и титулом хана Токтамыша (1380–1395), помещаемая с 1380-х гг. на одной из сторон монет Московских великих князей и некоторых московских уделов, традиционно трактуется как выражение вассалитета (*Френ Х.М.* О татарских монетах у русских. Седьмое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград 17 апреля 1838 г. СПб., 1838. С. 50). Г.А. Федоров-Давыдов рассматривал хорошо читаемые и различные более искаженные «ордынские» элементы на русских монетах как выражение большей или меньшей зависимости на разных этапах и полагал помещение имени Токтамыша на русских денгах в начале XV в. возвращением к необходимости таким образом снова выразить вассалитет по отношению к Орде (*Федоров-Давыдов Г.А.* Монеты Московской Руси: (Москва в борьбе за независимое и централизованное государство). М., 1981. С. 59–66).

Однако такое предположение не учитывает политическую историю Золотой Орды, когда в конце XIV – начале XV в. у власти были ханы из враждебной Токтамышу ветви Джучидов. По отношению к ним имя этого хана явно не могло служить выражением вассалитета.

Более того, эта надпись, хотя и несет традиционные элементы татарских монет, не имеет аналогов в чеканке Золотой Орды и представляет собой оригинальный монетный тип, выполненный мастером понимавшим арабскую письменность, что позволяет по-иному реконструировать вассально-сюзеренные отношения русских князей и ордынского хана (*Гончаров Е.Ю.* Восточные легенды некоторых русских восточных монет // Нумизматические чтения 2011 года. Памяти Алексея Владимировича Фомина. Москва, 21–22 ноября 2011 г. М., 2011. С. 54).

Такая «ордынская» лицевая сторона появляется на монетах великого князя Московского Дмитрия Ивановича Донского (1359–1389) и денгах Серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго (1358–1410), чеканенных после 1382 г., когда Токтамыш разо-

рил Москву и восстановил власть Золотой Орды над русскими княжествами, которая поколебалась после поражения Мамаю на Куликовом поле в 1380 г. Это было явным выражением вассалитета от двух старших представителей московской великокняжеской семьи. Такое же значение имени хана Токтамышша сохраняется на московских монетах после вступления на престол в 1389 г. нового великого князя Василия Дмитриевича (1389–1425) и на монетах его брата Юрия Дмитриевича князя Галичско-Звенигородского (1389–1434). Также продолжали помещать имя хана на монетах Серпуховского князя (*Гулецкий Д.В., Петрунин К.М.* Русские монеты 1353–1533. Минск (2013). С. 36–51, 125–130, 144).

Такое указание на прямое подчинение власти хана понятно для первой половины 1390-х гг. Но затяжная война Токтамышша с правившим в Мавераннахре эмиром Тамерланом окончилась полным поражением хана и захватом зятем Токтамышша эмиром Едигеем фактической власти в Золотой Орде при формальном правлении марионеточных ханов-чингизидов. Последние золотоордынские монеты с именем хана Токтамышша чеканены в 1394–1395 гг. Позднее хан бежал в Литву к великому князю Витовту, который вскоре начал войну с татарами, но потерпел сокрушительное поражение на р. Ворскле в 1399 г. Токтамыш сумел перебраться в Сибирь и к началу XV в. захватить власть над Тюменским улусом. Он продолжил войну с Едигеем и погиб в бою недалеко от Тюмени в 1406 г.

Поэтому помещение на московских и серпуховских монетах конца 1390-х – начала 1400-х гг. имени Токтамышша (*Гулецкий Д.В., Петрунин К.М.* Указ. соч. С. 51–56, 126–129) не может быть неким общим выражением зависимости от Золотой Орды, где тогда довольно быстро сменялись ханы – ставленники Едигея, которые были враждебны Токтамышшу и оспаривали его власть.

В этих условиях помещение на монетах имени хана Токтамышша как законного правителя демонстрировало непризнание власти новых ханов. Московский великий князь занял четкую позицию верности уже почти потерявшему политическое влияние прежнему хану и фактически проводил самостоятельную политику. При этом он оказал покровительство сыновьям Токтамышша и отказался выдать их в Орду.

Едигей с возмущением писал великому князю Василию Дмитриевичу, что в годы «сидений на царстве» Тимур-Кутлуга (1395–1399), Шадибека (1399–1407), Пулада (1407–1410) он в Орде «не бывал и никого еси ни с которым словом не присылывал» (СГГД. М., 1819. Т. 2. С. 16). Поход Едигея на Москву в 1408 г. сильно разо-

рил Русь, но окончился для него безрезультатно, поскольку эмиру пришлось срочно вернуться в Орду из-за сведений о попытке свержения хана Пулада. Новый ставленник Едигея хан Тимур (1410–1412) вскоре выступил против власти эмира, а в 1411 г. из Литвы вторглось войско сына Токтамышша Джелал-эд-Дина, который вскоре захватил власть в Золотой Орде. В 1412 г. по его вызову Московский великий князь и другие русские князья побывали в Орде и подтвердили свой вассалитет.

Поэтому, более легкие московские монеты с именем Токтамышша, появившиеся после проведенной около 1410 г. денежной реформы, и серпуховские денги князя Ивана Владимировича (1410–1417) с арабской надписью с именем хана следует рассматривать как декларацию верности потомкам Токтамышша. Сыновья хана начали жестокую борьбу за власть и монеты Золотой Орды 1410-х гг. показывают череду недолгих царствований. В этих условиях имя Токтамышша на монетах русских князей оставалось законным выражением вассалитета для любого из его потомков.

*С.В. Зверев, к.и.н., зав. отделом
Музеи Московского Кремля*

Серебряные копейки 1713, 1714 и 1718 гг. машинной чеканки

Отрицательное отношение Петра I к традиционным серебряным копейкам, чеканенным на кусочках расплюсченной проволоки, которые царь называл «старыми вшами», и желание продолжать выпуск монет европейского образца стало причиной неоднократных запретов царя на изготовление прежних «мелких денег».

Хотя с 1704 г. уже была налажена массовая чеканка медных копеек, в 1713, 1714 и 1718 гг. был осуществлен выпуск низкопробных серебряных копеек машинной чеканки, который, видимо, был связан с желанием несколько смягчить отказ от производства привычных «проволочных» монет, сохранив выпуск такого номинала в серебре с изменением принципов оформления.

Со времени реформы Елены Глинской 1535–1538 гг. лицевая сторона копейки несла изображение всадника с копьем, под которым с середины 1590-х гг. помещалось обозначение денежного двора, а с 1696 г. – обозначение даты кириллицей «от Сотворения Мира», которое с 1700 г. было заменено обозначением года «от Рождества Христова». Обратная сторона содержала надпись в несколько строк с именем и титулом государя.

На копейках машинной чеканки 1713–1714 г. на лицевой стороне было изображение двуглавого орла, а на оборотной – обозначение номинала крупной точкой и надпись «КО | ПЕЙКА», под которой – обозначение года арабскими цифрами. По оформлению это ставило новые копейки в общий ряд с другими мелкими серебряными монетами того времени – пятаками и алтынами. Проба разменных монет была снижена с 72-й до 38-й золотниковой, что соответствует 395,8 метрической пробе. Причем, содержание серебра осталось прежним и размер монет был увеличен. Поэтому дополнительное обозначение достоинства точками служило для отличия их от схожих по размеру других номиналов более ранних выпусков. Чеканил эти монеты Красный монетный двор в Китай-городе.

При передаче монетного производства 20 мая 1714 г. из ведения Сената в приказ Большой Казны было специально оговорено, «чтоб делать деньги серебряныя по новому указу, а не старья мелкия» (Сборник указов по монетному и медальному делу в России, помещенных в Полном Собрании Законов с 1649 по 1881 г. СПб., 1887. С. 60).

Лишь срочная нужда в наличных деньгах из-за продолжающейся войны со Швецией заставили продолжить массовый выпуск простых в производстве «проволочных» копеек. Для «проволочных» копеек прежнего образца еще с 1711 г. была установлена 70-я проба (729-я метрическая) при монетной стопе 15 коп. из золотника, что определяло нормативный вес 0,284 г и содержание чистого серебра 0,207 г. Серебряные монеты машинной чеканки, датированные 1715–1717 гг., вообще неизвестны. Возможно, это связано с подготовкой новых преобразований в монетном деле.

В 1718 г. царем Петром I была проведена денежная реформа. По именным царским указам от 24 января и 14 февраля 1718 г. надлежало прекратить выпуск традиционных «проволочных» серебряных копеек и продолжать выпуск монеты европейского образца на круглых заготовках по новым нормам. Из золота стали чеканить монеты достоинством 2 руб. 75-й пробы. Рублевики, полтинники и гривенники стали чеканить из серебра 70-й пробы. Для алтынников и копеек была подтверждена 38-я проба. Также в 1718 г. стопа медных монет была резко повышена до 40 руб. из пуда, и начата массовая чеканка легковесных полушек. Все было направлено на извлечение максимальной прибыли от эксплуатации монетной регалии (*Узденников В.В.* Монеты России XVIII – начала XX века. Очерки по нумизматике. Факты, предположения, рекомендации. Изд. 3-е испр. и доп. М., 2004. С. 147–152).

В документах Сената сохранилось доношение Монетной конторы от 2 сентября 1722 г., упоминающее еще один указ, несколько иначе определявший пробы мелких серебряных монет: «В прошлом 1718-м году февраля 10 дня по имянному Его Императорского величества указу на Манетном дворе велено делать ис семидесятой пробы алтынники, копейшники против трицати осмой пробы, на которых знаки изображены на алтынниках и копейках на одной стороне ездук, на другой стороне на алтынниках литеры и три точки, на копейке литеры и одна точка. И ходить им на Москве и во всех губерниях, и городех, и в селех, и в деревнях с прежними монеты и с мелкими серебряными, и с медными копейками заедино без всякого прекословия. И на Москве и в Санкт-Петербурхе, и в губерниях, и в городех, и в селех, и в деревнях принимать в казну во всякие зборы без прекословия. А кто в хождении тех денег против сего указу учнет чинить какое прекословие, и тем чинить наказание по рассмотрению судейскому, а где в приказы и зборы принимать не учнут, и на тех взяты будут штрафы. А о хождении тех копеек и алтынников подлинной указ состоялся на Москве на Генеральном дворе за подписанием Его Императорского величества собственной руки.» (РГАДА. Ф. 248. Ед. хр. 683. Л. 1).

Возможно, что составитель доношения ошибся в обозначении пробы алтынников. Но не исключено, что он в качестве окончательного регламента чеканки случайно привел текст указа, который почти сразу был отменен новым указом 14 февраля 1718 г., где точно обозначено: «алтынники и копейки делать с медью, против трицати-осмой пробы» (Сборник указов... С. 62).

Важно отметить, что название «Монетный двор» в документах начала XVIII в. относилось к Кадашевскому монетному двору в Замосворечье. Следовательно, именно там чеканили монеты 1718 г., а не на Красном дворе, как полагали исследователи.

Монетная контора также сообщила сведения о тиражах новых низкопробных монет: «А на манетных дворах оных алтынников и копейшников было зделано: в 713-м году 542 рубли 51 копейка; в 714-м году 2926 рублей 54 копейки; в 718-м году 28 770 рублей 6 копеек. Всего 32 199 рублей 11 копеек. Которые по силе приказного Его Императорского величества указу в том 718-м году з денежных дворов в народ пущены и о хождении оных алтынников и копейшников в москве публиковано печатного указу.» «РГАДА. Ф. 248. Ед. хр. 683. Л. 1об.).

Эта помета позволяет предположить, что все низкопробные копейки машинной чеканки были выпущены в обращение единовре-

менно в 1718 г. после окончательного отказа от чеканки прежних «проволочных» копеек.

Новые круглые алтыны и копейки 1718 г. были оформлены иначе, чем выпуски 1713–1714 гг. Они несли на лицевой стороне изображение скачущего влево всадника, поражающего копьём дракона, а на оборотной стороне обозначение года было дано кириллическими буквами, а под ним помещалась перевернутая латинская буква L, являющаяся знаком минцмейстера И. Ланга. Именно он должен был обеспечивать точность 38-й золотниковой пробы сплава. При норме чеканки из золотника сплава $7^{51/96}$ коп. (т. е. 723 коп. из фунта) нормативный вес копейки составлял 0,566 г, а содержание чистого серебра 0,224 г.

В оформлении серебряных круглых копеек 1713–1714 и 1718 гг. отказались от имени царя, хотя медные копейки 1704–1718 гг. содержали в круговых надписях титул, имя и отчество самодержца. Даже легковесные медные полушки 1718–1722 гг. несли аббревиатуру «ВРП» – Всея России Повелитель. Но копейки машинной чеканки получили не личностное, а общегосударственное значение, наряду с более ранними мелкими серебряными монетами. Впервые на копейках 1718 г. традиционный образ царя в виде всадника с копьём был заменен изображением конного драконоборца, что приближало его к образу св. Георгия. Очевидно, это изображение уже не служило персонификацией монарха, поскольку поражающий дракона всадник сохранялся на медных монетах в течение всех женских царствований XVIII в.

*Е.Я. Зотова, к.и.н., н.с.
Музей-квартира Н.С. Голованова, Москва*

К вопросу атрибуции старообрядческой меднолитой пластики конца XVIII – начала XIX века

При изучении старообрядческой меднолитой пластики особое внимание уделяется редким датированным памятникам конца XVIII – начала XIX в., известным в музейных и частных коллекциях. Предметы этой выявленной группы имеют даты, отличающиеся способом постановки на готовых изделиях: 1) в виде прямоугольных клейм, как на предметах из олова и серебра; 2) в виде мелких точек, выбитых чеканом.

Несмотря на различие в характере нанесения маркировки, эти предметы имеют общие технико-технологические и стилистические особенности. По мнению реставратора В.В. Игошева, «даты сдела-

ны чеканом, который называется «канфарник» с «боем» (рабочей поверхностью) в виде шила или мелкой полусферы. Мастер пользуется очень умело этим инструментом, подобно тому, как пользуется человек, который пишет пером – с нажимом и с акцентами, выделяя толщину линии буквы в нужных местах».

Среди этих предметов к числу ранних принадлежат «одновременные» иконы 1793/1794 г. «Преображение Господне» (коллекция С.А. Альперовича) и «Воскресение Христово (Сошествие во ад)» из собрания Музея им. Андрея Рублева. Эти небольшие образки, отлитые без ушка для подвешивания, повторяют композицию клейм поморского четырехстворчатого складня «Двунадесятые праздники и поклонение иконам Богоматери Тихвинской, Владимирской, Одигитрии и Знамение». Дата «ЗТВ» (7302–1793/1794) и монограмма мастера «МГ» выбиты в виде двух клейм на оборотной стороне в нижнем углу. Редкие предметы, отмеченные подобными клеймами, известны начиная с 1793/1794 по 1796/1797 г. как в российских, так и зарубежных собраниях, включая коллекцию известного немецкого собирателя Стефана Йекеля (*Gegoten reisgenoten. Russische metaalikonen uit de collectie Jeckel. Kampen, 2011. S. 37. № 24*).

К предметам переходного периода можно отнести трехстворчатый складень «Деисус, с избранными святыми» 1794/1795 г., отмеченный клеймом с датой «7303» и отдельно изображенной буквой «М», выполненной в контррельефе (коллекция О.Н. Кузовкова).

Другим способом маркировки в виде выбитых чеканом дат от сотворения мира и отдельной буквы «М» выделяется целый пласт меднолитых предметов. Об иконографическом разнообразии может свидетельствовать ряд предметов из собрания Музея им. Андрея Рублева. Это небольшой крест «Распятие Христово» с датой «ЗТИ» (7308–1799/1800 г.), декорированный светло-голубой эмалью, «одновременные» иконы «Успение Богоматери» и «Избранные святые в молении Тихвинскому образу Богоматери» с датой «ЗТД» (7314–1805/1806 г.), четырехстворчатый складень «Двунадесятые праздники и поклонение иконам Богоматери Тихвинской, Владимирской, Одигитрии и Знамение» с датой «ЗТЕI» (7315–1806/1807 г.) и икона «Святитель Никола Чудотворец, с предстоящими святыми Василием Великим и Сергием Радонежским» с датой «ЗТФI» (7319–1810/1811 г.). Этот ряд может быть значительно дополнен предметами из частных коллекций.

Все произведения представленной группы отличаются общими технико-технологическими признаками (хорошим качеством отливки; характером опилки оборота, торцевых и боковых сторон),

стилистическими и иконографическими особенностями, характерными для предметов поморской категории (форма, профилированная рамка, цветовая гамма стекловидных эмалей).

В настоящее время собраны сведения о более чем 50-ти датированных предметах конца XVIII – начала XIX в., как долгое время полагали, выполненных в одной литейной мастерской. (*Кузовков О.Н.* Датированная пластика литейного заведения МГ // Интернет-ресурс: [http://mednolit.ru / forum / 13-18492-1](http://mednolit.ru/forum/13-18492-1); *Afonin, Sergei.* “Valettu Kalugassa...” 1700-luvun päivättyt ja signeeratut neliosaiset taiteikonit // *Metalli-Ikonit. Vuosituhantista perinnettä. Valamon luostrati*, 2018. P. 85–105; *Афонин С.А.* О калужском литье конца 18 – начала 19 вв. // Вторые Ковылинские Преображенские чтения. М., 2019. С. 138–142).

С 1993 г., времени публикации подобной отливки (*Зотова Е.Я.* Источники формирования коллекции медного литья Музея им. Андрея Рублева. Краткий каталог предметов медного литья с клеймами мастеров из собрания Музея имени Андрея Рублева // Русское медное литье / Сост. и науч. ред. С.В. Гнутова. М., 1993. Вып. 1), до середины 2010-х гг. не удавалось расшифровать буквы «МГ» и определить место производства этих отливок, имеющих такие отличительные способы датировки.

Установить место производство предметов с буквами «МГ», «М» и датами, известными начиная с 1793/1794 по 1813/1814 гг., удалось только при обнаружении четырехстворчатого складня 1800/1801 г. в фондах Вологодского музея-заповедника. Надпись, выбитая на обороте третьей створы этого складня, содержит указание на место производства: «КАЛУГА ЗТФ ЛЕТО М». На второй створе надпись была продолжена: «ВРАКУЛЕСКО ЕЛИСАФЕТЕ Т». Этот складень стал основанием для определения еще одной старообрядческой литейной мастерской, существовавшей в Калуге.

Далее, в московской коллекции А.М. Иванова был выявлен четырехстворчатый складень 1798/1799 г. с надписью, которая не только подтвердила калужское происхождение предметов, но и сохранила указание на имя мастера. На обороте третьей створы складня был выбит целый текст: «ЗТЗ ЛЕТО ВЫЛИТЫ В КАЛУГЕ М МИХАЙЛО».

В дальнейшем эта история получила свое завершение при получении информации об еще одном четырехстворчатом складне 1792/1793 г. с выбитой надписью на нижних торцах второй и третьей створ: «МИХАЙЛО ГУПКИНЬ // МОСКВА ЗТА ЛЕТА ИЮНЯ М(ЕСЯ)ЦА».

Таким образом, развернутые надписи на этих трех четырехстворчатых складнях стали основанием для следующих выводов: мастер-старообрядец беспоповского согласия Михайло Гупкин начал работать в конце XVIII в. в Москве и затем продолжил свою деятельность уже в Калуге. Возможно, дальнейший поиск архивных документов позволит определить, заказы какой старообрядческой общины (поморской, федосеевской или филипповской) выполнял этот талантливый мастер медного дела.

В. И. Иванов, д.и.н., проф.

Краснодарский социально-экономический институт

Иноческие имена и прозвания XVI – XVII веков (по материалам Соловецкого монастыря)

Общеизвестно, что при пострижении человеку давалось новое имя. В Древней Руси традиционным считалось наречение в монашестве по дню пострижения, однако к XVI в. утверждается правило именовать иноков по первой букве их мирского имени (ПСРЛ. Т. 10. С. 129).

В документах Соловецкого монастыря последней трети XVI в. нами выявлено 640 соловецких монахов, которые носили 232 различных имени (Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря. 1571–1600 гг. М.; СПб., 2013). Среди 10 наиболее распространенных имен значатся: Иона (20 чел.), Иосиф (15 чел.), Вассиан (9 чел.), Трифон (9 чел.), Геласий (8 чел.), Исаак (8 чел.), Исайя (8 чел.), Савватий (8 чел.), Сергей (8 чел.), Феодосий (8 чел.). Ещё 25 имен носили от 5 до 7 соловецких иноков.

В изученных источниках обнаружено 131 сообщение с указанием мирских имен соловецких иноков этого периода. В большинстве случаев (более 80%) приводимые мирские имена начинаются с той же буквы, что и иноческие. Это безусловно доказывает, что в Соловецком монастыре существовала традиция давать иноческие имена по первой букве крестильного имени. Наряду с этим выявлено 23 случая, в которых первая буква иноческого имени не совпадает с начальной буквой мирского имени. Более двух третей из них содержат имена не крестильные, а домашние, отражающие обычно обстоятельства рождения, внешний вид и свойства. Резонно предположить, что их иноческие имена давались по их крестильным, не указанным в источнике: Богданы названы – Глеб, Иона, Симон, Феофан; Ждан – Сильвестр, Смирной – Геннадий, Меньшик – Игнатей, Нечай – Кириак, Посник – Константин, Поспел – Дионисий,

Рахман – Вастьян (=Себастиан или, скорее, Вассиан), Рубль – Галахтион, Русин – Тимофей, Третьяки – Геласий и Еразм, Шумило – Досифей, Казарин – Дионисий.

В шести случаях приводятся мирские, явно христианские имена, которые начинаются с буквы отличной от иноческого имени: Ерема (Еремей, Иеремей, Иеремия) – Арсений, Софон (Софоний, Софония) – Гавриил, Юрьи (Георгий, Егор, Егорий) – Иоиль, Семен (Симеон) – Никодим, Иван (Иоанн) – Селиван. Здесь, возможно, мы имеем дело с христианской двуименностью, с существованием тайных крестильных имен (*Тушков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903 (репринт: М., 2005). С. 76; *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая истории сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 175 – 214).

Имеется только один пример, когда мирское и иноческое имена совпадают: Исая Юрьев сын Мелчяков стал именоваться Исая Устюжанин (*Крушельницкая Е.В., Тутова Т.А.* Старцы Соловецкого монастыря XVI в. по упоминаниям в грамотах ризничной коллекции и другим документам (указатель имен) // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 82). В литературе есть пример подобного рода (*Голубинский Е.Е.* История Русской церкви. Изд. 2-е. М., 1911 (репринт: М., 1997). Т. 1.2. С. 574, прим.). Представляется, что такие случаи могли быть не исключением из правил, а являлись наречением монаха в честь другого святого с таким же именем. Для Исая существовал выбор как миниум из пяти почитаемых святых (см.: Православный церковный календарь).

По данным 30–70-х гг. XVII в., которые имеются в Келейной книге Соловецкого монастыря (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 455.), установлены имена 220 монахов. Из имеющихся имен наиболее популярными были: Иона (7 чел.), Иаков (5 чел.), Сергей (5 чел.), Иоасаф (4 чел.), Иосиф (4 чел.), Исая (4 чел.), Геннадий (3 чел.), Гурий (3 чел.), Ефрем (3 чел.), Иов (3 чел.), Матфей (3 чел.), Митрофан (3 чел.), Никита (3 чел.), Никифор (3 чел.), Пимин (3 чел.), Тихон (3 чел.), Феодор (3 чел.). Несмотря на то, что выявленных монахов XVII в. почти в три раза меньше, чем за вторую половину XVI в., и они носили почти в два раза меньше имен (135), тем не менее среди иноческих имен XVII в. присутствуют 26 имен (это почти 20% их общего числа), которые в XVI в. не встречаются: Алфим, Ананий, Антоний, Анфилофий, Вавила, Василий, Диоскорид, Евдоким, Евлампий, Евлогий, Епифаний, Ермолай, Захарий, Зосима, Исакий,

Исихий, Исмаил, Лазарь, Лукиан, Мамант, Михаил, Никанор, Никифор, Панфил, Парамон, Прокопий.

Пребывание в монастыре одновременно нескольких старцев с одинаковыми именами, а также необходимость поддержания монастырской иерархии, приводили к тому, что в документах имена насельников сопровождалось, как правило, сведениями об их сане, чинах, церковных и хозяйственных послушаниях, о специальности или происхождении. Обязательно обозначались настоятели (игумены и архимандриты), келари, казначеи, священники и диаконы. Среди церковно-богослужебных послушаний в тексте встречаются: конархист (=канонарх), уставщик, крилошанин-головщик, головщики, будильщики-будильники, книгохранители, иконники, ризничие, просфиренные. Среди хозяйственных послушаний, зафиксированных вместе с именами, имеются: соловар, сетной, кузнец, котельник, котеленной, плотник, огородник, кирпичник, кормщик, тонщик, пушкарь, чеботной казначей, дворцовый нарядник, свиточник, квасопаренный, шаечник, войлочник, бочарник.

Прозвания монахов, которые содержит книга, позволяют установить происхождение некоторых из них. Например, Варсонофий Москвитин – из Москвы, Алфим Переславец – из Переславль-Залесского, Афанасий Палестровский – из Палеостровского монастыря, Никита Тверитин – из Твери. Всего имеют географические прозвания: из Москвы – 4 чел., Троице-Сергиева монастыря – 3 чел., Карелии («корель») – 3 чел.; по два человека – из Пскова, Твери, Нижнего Новгорода, Путивля («путимцы»), Ярославля, Палеостровского монастыря; по одному человеку – из Владимира, Старицы, Переславль-Залесского, Суздаля, Вологды, Казани, Данилова, Можайска, Смоленска, с Онеги, Выгозера, Чюпы, Николо-Корельского и Корнильева Комельского монастырей.

Довольно часто (таких примеров в нашем источнике 38) насельники назывались помимо имени и фамилией или прозвищем, игравшим роль фамилии: Ефрем Квашнин; Ефрем Киприянов; Зосима Белянин; Емилиан Вологда, Иларион Маслов; Иоанн Балакшин; Иоасаф Малой; Иов Девочкин; Иов (в мире Иван) Мартынов, прозвищем Салтыков; Иона Пуля; Михаил Кума; Питирим Куличихин; Прокопий Бахтеяров, Серапион Хандрыга; Савватий Обрютин; Тихон Лошаков; Феоктист Кувтырев; Яков Философ и другие.

В Соловецком монастыре иноческие имена часто дополнялись сохранявшимися фамилиями, а также прозваниями, отражавшими их место в монастырской иерархии, послушания, профессии, происхождение или личные особенности.

Библиотека Донского монастыря. История и реконструкция состава. Предварительные результаты

В 1920 г. в Исторический музей в составе Синодальной Патриаршей библиотеки поступило собрание рукописей Донского монастыря в количестве 22 предметов. В музее оно было выделено в отдельный фонд. Состав данного фонда разнообразен и включает в себя по большей части рукописи для совместного и келейного чтения, всего пять рукописей могли быть использованы при богослужении. Представленный в Донском собрании набор рукописей не может в полной мере обеспечивать потребности крупного столичного монастыря (*Никольский Н.К.* Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. СПб., 1902. С. 6–7). В этой связи возникает вопрос, сколько книг находилось в библиотеке обители, какими были её состав, источники пополнения.

Наиболее ранние, известные авторам, сведения о составе библиотеки обители находятся в хранящейся в ОР ГИМ отписной и отказной книге (ОР ГИМ. Дон. 20). В ней содержатся описи имущества монастыря за 1679 и 1683 гг. В первой описи зафиксировано наличие 38 книг, а в описи 1683 г. – 53. В это время в библиотеке монастыря преобладают книги необходимые для богослужения: Евангелия, Апостол, Псалтыри, Минеи, Служебники, Ирмологии и т. д.

В Центральном государственном архиве г. Москвы хранятся описи имущества монастыря разных лет XVIII и XIX вв. (ЦГАМ. Ф. 421. Оп. 1). Все они дают разные сведения по количеству и составу книгохранильницы. Так, сверка библиотеки и ризницы монастыря в 1725 г. показала наличие 147 книг (ЦГАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 1101), а сверка 1729 г. – 215 книг (ЦГАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 1100). Последняя опись датирована второй половиной XIX в. Согласно её данным, в то время библиотека насчитывала 256 единиц хранения (ЦГАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7336).

Представленные в описях данные сверок показывают естественный рост количественного состава монастырской библиотеки. Там же имеются сведения и об источниках поступления книг. Так, например, в 1623 г. две печатные Минеи были пожалованы в монастырь царем Михаилом Федоровичем (ЦГАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7336. Л. 412), а 29 июля 1683 г. от царевны и великой княжны Екатерины Алексеевны при архимандрите Никоне было привезено в

монастырь семь книг (ОР ГИМ. Дон. 20. Л. 59).

Происхождение некоторых других книг устанавливается по записям во вкладной книге Донского монастыря (ОР ГИМ. Дон. 18). Это вклады в монастырь на помин души, сделанные представителями разных родов и сословий (ОР ГИМ. Дон. 18. Л. 327, 388, 411). В числе прочих отмечен значительный по количеству книг вклад ключаря Благовещенского собора Кремля иеромонаха Иосифа (ОР ГИМ. Дон. 18. Л. 127).

Помимо вкладов были и другие источники пополнения библиотеки. Некоторые книги попали в монастырь вместе со своими владельцами (ОР ГИМ. Дон. 4. Л. 1 об.) и остались там после их смерти (ЦГАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 1100. Л. 247; Ф. 421. Оп. 1. Д. 1819. Л. 11 об.).

Несколько книг по просьбе архимандрита Антония в конце XVIII в. было выдано в Донской монастырь из Приказа Большого дворца (*Забелин И.Е.* Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря. М., 1893. С. 129–130). В переписке архимандрита Донского монастыря Кирилла 40-х гг. XVIII в. находятся сведения о приобретении книг в типографии Киево-Печерской лавры (ЦГАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 3157. Л. 1–2, 4).

Кроме того, в описях имеются записи о возврате книг из приписных к Донской обители монастырей. Так, в 1723 г. из упраздненного приписного Жиздринского монастыря было взято 16 книг (ЦГАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 1100. Л. 244 об.–245), а из Видогощского монастыря – 12 (ЦГАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 1100. Л. 245–245 об.).

Описи монастырской книгохранильницы отмечают отсутствие некоторых экземпляров при сверке. Такие случаи фиксировались и требовали объяснений. Отсутствие книг могло обосновываться: кражей (ЦГАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 1100. Л. 35), выдачей для чтения монахам в кельи (ЦГАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 1819. Л. 1, 1 об., 2, 9; Ф. 421. Оп. 1. Д. 1100. Л. 4 об., 32), передачей в приписные монастыри (ОР ГИМ. Дон. 20. Л. 69 об.; ЦГАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 1101. Л. 21 об.), передачей книг духовным лицам в другие епархии (ЦГАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 1100. Л. 4 об., 14), порчей книг (ЦГАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 2879. Л. 5), продажей (ЦГАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 1819. Л. 11 об.), выдачей «для научения хлопцам» (ЦГАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 1819. Л. 2, 11 об.), раздачей книг неимущим монахам (ЦГАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 1819. Л. 1 об., 9), утратой при прежних ризничих (ЦГАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 1100. Л. 32; Ф. 421. Оп. 1. Д. 1101. Л. 4 об.) и др.

В описи второй половины XIX в. имеются отметки о передаче части рукописей в Синодальную Патриаршую библиотеку в 1908 г.

(Отметка рукой наместника монастыря иеромонаха Александра о передаче рукописей в Синодальную Патриаршую библиотеку на основании указа Синодальной конторы от 24 июля 1908 г. (см., например: ЦГАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7336. Л. 406 об.–407). Вероятно, в это же время туда были переданы и некоторые печатные книги. В описи отметок о передаче нет, но в хранящемся в ОР ГИМ Синодальном собрании книг старой печати нам удалось обнаружить 12 со штампом Донского монастыря.

Согласно данной описи, больше всего книг было изъято Главмузеем и комиссией Замрайона в 1927 г. (см., например: ЦГАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7336. Л. 186–189), их насчитывается приблизительно 180. Некоторые оставшиеся после работы данных комиссий книги имеют отметку «находится при монастыре».

Установление местонахождения изъятых из монастыря книг, реконструкция состава библиотеки в разные годы ее существования – история книгохранилища Донской обители является предметом наших настоящих изысканий и будет представлена в будущем по возможности в полной мере.

*С.С. Илизаров, д.и.н., проф.
РГГУ, зав. отделом ИИЕТ РАН*

К вопросу о неографии: бумажное вторсырье в работе историков науки первой половины XX века

Работа подготовлена по гранту РФФИ № 19-011-00366

В рамках исследовательского проекта РФФИ № 19-011-00366 «Профессия “историк науки” в российском социокультурном и научном контексте первой половины XX в. были полностью просмотрены несколько архивных фондов, как личных, так и ряда научных учреждений. Естественно, что главное внимание концентрировалось на содержании, но при этом «боковым» зрением поневоле фиксировались некоторые внешние особенности и прежде всего материал, использовавшийся для документирования процесса и результата историко-научной деятельности. Архивные собрания документов данного периода демонстрируют чрезвычайно высокую разноформатность и в абсолютном большинстве низкое качество бумаги. Как известно, после краха Российской империи значительная часть бумагоделательных предприятий осталась на территориях вновь образованных государств (Польша, Финляндия, страны Балтии), и в советской России / СССР на протяжении длительного периода был острый дефицит бумаги, особенно на сорта, пригодные

для документирования (в широком смысле) деятельности организаций и людей.

В работе историков науки (разумеется, и в других исследовательских сферах) характерно применение для письма «вторсырья», т. е. вторичного использования документов, а также практически любых видов и сортов бумаги, в нормальных условиях не предназначенных для этого: обратная («чистая») сторона обоев, плакатов, географических карт, газетная, оберточная (упаковочная, в том числе, так называемая «масленка») бумага и т. п.

Пожалуй, наиболее экзотическое вторичное использование бумаги для научной работы характерно для пишущих людей, оказавшихся вдали от центральных городов. В этой ситуации они, оторванные от столичных центров и тем более не включенные в штат организаций и учреждений, были вынуждены использовать любую доступную бумагу. Это явление может быть прослежено на материале представительного личного фонда выдающегося историка науки и оригинального мыслителя Т.И. Райнова (1890–1958), документы которого хронологически охватывают период от второго десятилетия XX в. до конца 1950-х гг. После октябрьских событий, в конце 1917 г. он покинул Петроград и 1918–1922 гг. провел на юге, большую часть времени в селе Шестерня Херсонской губернии, где его жена служила земским врачом. Т.И. Райнов был человеком, для которого способ жизни состоял в каждодневном писании, и те экстремальные условия, в которых он пребывал, малоприводные не то что для творчества, но и для элементарного выживания, нашли отражение в материале его многочисленных рукописей. Вот некоторые примеры на чем тогда писал Т.И. Райнов.

Статьи «Совесть и закон», «Очерки характерологии (Этологии)», «К психологии текущей религиозной эпидемии» и др. были им написаны на обороте бланков: «Вѣдомость об инфекціонныхъ больныхъ участка уѣзда Херсонской губерніи. За__ период с__ по__ 191__ г., «Оспопрививательный список херсонского земства». На чистых оборотах амбулаторной ведомости по учету оспопрививания с инструкцией для «гг. оспопрививателей» Т.И. Райнов написал конспект лекций «Введение в психологию», которые он читал на Криворожских педагогических курсах.

В селе Шестерня вокруг Т.И. Райнова образовался небольшой научно-литературный кружок, среди членов которого были и местные учителя. Вероятно, этим обстоятельством или же тем, что с 1919 г., после установления советской власти, продолжая жить в Шестерне, он поступил на службу преподавателем обществоведения

и социальной психологии на Высшие педагогические курсы в Кривом Роге, появился новый вид материала для написания трудов. Так, его работы «Основные задачи научного познания», «Практика в теории», «Субстанция и процесс в физическом естествознании. Очерки современного мировоззрения», «О личном достоинстве человека как общественном явлении» и др. написаны на оборотах листов из канцелярской книги учета входящих и исходящих бумаг, на разлинованном бланке школьной отчетности, на бланках «Производство экзаменов», ведомостях движения исполнительных листов, находящихся в производстве волостного старшины, на листах из библиотечной книги учета. Все бланки были отпечатаны до революции в Херсонской губернской типографии. За неимением лучшего, они, конечно, выручали Т.И. Райнова, хотя этот материал для письма был очень неудобен из-за сплошной разлинованности и разграфленности.

Требуют специального текстологического анализа многие рукописи Т.И. Райнова, написанные на оборотах собственных работ, либо работ иных авторов. Так выявляется ряд его сочинений, несохранившихся в качестве отдельных произведений.

В исполнительном делопроизводстве историко-научных учреждений вторичное использование, в том числе оборотов, употребление «случайной» бумаги, не имевшей отношения к документообороту, не столь заметно, как в личных фондах, но и там явление прослеживается. Яркий материал дает фонд № 154 (Комиссия по истории знаний / Институт истории науки и техники ИНТ АН СССР, 1921–1938) Архива РАН, разделенный на две неравные части между хранилищами Москвы и Санкт-Петербурга. Приведу только один пример.

В начале 1934 г. в Институт истории науки и техники поступила заверенная выписка из протокола заседания Редакционно-издательского совета от 20 января о разрешении включить книгу «История АН» (40 п. л.) в план. Этот небольшой машинописный документ (полоска примерно в 1/6 часть писчего листа формата А4) был напечатан на подозрительно хорошего качества плотной белой бумаге. На обороте сохранился конец документа середины XVIII в. с подлинной подписью-автографом следующего содержания:

«Дружесбно охотный приятель

*ПЕТРЪ
Великий Князь*

*В Санктпетербурге
Июня “4” дня 1758²⁰ года
Его светлости Герцогу саксенготскому».*

Как видно, бумажные тексты, хранящие информацию об истории становления и развития в нашей стране истории науки как профессии, и сами по себе являются яркими вещественными источниками / памятниками, зримо свидетельствующими о своем времени.

*Л.И. Илларионова, гл. библиограф
РГБ*

Фотофиксация духовных текстов
(по материалам экспедиции на Святую Землю
Н.П. Кондакова)

По поручению Императорского Православного Палестинского Общества в 1891 г. была проведена экспедиция в Сирию и Палестину под руководством Н.П. Кондакова. Перед ней была поставлена задача – исследование христианских древностей, «вещественных» памятников и сохранившихся письменных источников. В состав экспедиции входили профессор А.А. Олесницкий и Я.И. Смирнов, художники А.Д. Кившенко и Н.А. Околович, фотограф Иван Федорович Барщевский, который зафиксировал ее результаты на фотографиях (более 1 тыс. ед. хр.), на основе которых в Москве и С.-Петербурге были организованы выставки. Заслуги И.Ф. Барщевского как фотографа этой экспедиции были отмечены орденом Св. Станислава 3-й степени.

После экспедиции весь массив фотографий хранился в фонде архива Императорского Православного Палестинского общества, в 1893 г. вышел в свет альбом «Храм Воскресения Господня в Иерусалиме», полный же отчет («Археологическое путешествие по Сирии и Палестине...») Н.П. Кондаков опубликовал в 1904 г.

В конце XIX в. историческая наука активно изучала памятники материальной культуры Сирии и Палестины. Обращение Н.П. Кондакова к ним не было случайным: начиная с 1873 г. он осуществляет ряд поездок на Восток и изучает историю византийского искусства. В первых своих работах Н.П. Кондаков касается христианской археологии вообще и памятников византийского искусства в частности. В докторской диссертации «История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей» (1876) он затрагивает вопрос об истоках византийского искусства и влиянии на него восточных традиций. В последующих работах историк приходит к выводу, что древности Палестины и Сирии имеют большое значение для истории всего христианского искусства, а изучение памятников Палестины позволяет выяснить многие детали древне-

христианского искусства и, как следствие, происхождение византийского искусства. По этой теме Н.П. Кондаков выпустил в свет «Византийские церкви и памятники Константинополя» (1886), «История и памятники византийской эмали» (1892), «Русские древности в памятниках искусства» (1889) совместно с И. Толстым и др.

Члены экспедиции Палестинского общества познакомились с фондами Иерусалимской Патриаршей библиотеки и ризницы и библиотеки Армянской Патриархии. И.Ф. Барщевский сфотографировал наиболее интересные страницы рукописных книг:

– рукопись на пергамене «Литургия Святого Иоанна Златоуста» (1 л. фотографий) XI в. (№ 109) в собрании Иерусалимской Патриаршей библиотеки. Примечательна первая выходная миниатюра с образом Спаса на престоле над выходной молитвой, к молитве «Трисвятое» – иконы Вседержителя и Богоматери, к молитве «паки и паки припадем» – икона Сретение, к проскомидии – Христос за престолом и многие другие (Крещение, Троица, Успение, Преображение и т. д.). Особенность представленных миниатюр для византийского искусства состоит во взаимосвязи их с текстами молитв.

– рукопись XI в. на пергамене «Слова Святого Григория Богослова» (4 л. фотографии) (№ 14) с 96 миниатюрами на 313 листах интересна для исследователей по оригинальности иллюстраций, которые в виде виньеток по сторонам текста поясняют его содержание. Иллюстрации на мифологические темы «по своему стилю, – по выводам Н.П. Кондакова, – не могут быть ранее IX в., – настолько ясно в них запечатлен поздний византийский тип, но оригиналом их мог быть гораздо древнейший образец. Миниатюрист еще щеголяет нежно-розовым тоном и светло-голубой или бирюзовой краской, но уже тон золота красноватый, пропорции донельзя удлинены, движение чрезмерны, экспрессия уродлива и моделировка мутная или даже грязная».

– 13 листов фотографий сделаны с «Творений Святого Иоанна Дамаскина» (№ 14) XI в., которые иллюстрируют текст к сюжетам Бегство в Египет, Рождество Христово, Богородица с Младенцем, Поклонение волхвов и др.

– В ризнице Армянской Патриархии (9 фотографий) оказалось в роскошном золоченом окладе Евангелие на пергамене на армянском языке, украшенное миниатюрами во весь лист с изображениями Рождества, Крещения, Преображения, Спаса на престоле.

– Армянская Библия (№ 1269) богато иллюстрирована миниатюрами с изображениями листьев разных растений, фигур, пестрыми портиками и заставками (изображения Моисея, Христа Все-

держителя).

– Евангелие (№ 1260) (из фондов библиотеки Патриархии) украшено скопированными иллюстрациями с византийских образцов. «В заставках пестрая орнаментика птиц, животных среди листвы, двух сирен в венцах, кентавров, грифов».

– 13 фотографий «Книги Иова с толкованиями» (№ 5), 24 фотографии «Физиолога» XI в., 18 фотографий «Восьмикнижия» XII в.

Фотографии И.Ф. Барщевского являются ценным документальным материалом для археологов, теологов, библеистов, текстологов и палеографов.

*Т.Н. Ильина, к.и.н, с.н.с.
ВИМАИВ и ВС*

«Исторический альбом Русской Армии»

Столь пафосное название альбому дали его создатели, и они не погрешили против истины. Альбом фотографий полков русской гвардии и армии действительно уникален. Он поступил в Артиллерийский исторический музей (АИМ) в 1937 г. из Военно-Историко-Бытового музея (ВИБМа), до 1918 г. находился в собрании Михайловского музея. «Михайловским» наследники великого князя Михаила Николаевича (1832–1909) назвали музей, созданный на базе коллекций великого князя, которые он собирал многие годы. После его смерти представители дома Романовых продолжали пополнять музей. Можно предположить, что уникальный альбом был поднесен высочайшей особе, предавшей его в Михайловский музей.

Альбом составляют фотографии размером 780х340 мм. Переплет зеленой кожи выполнен широко известным в то время «Переплетным футлярным и Линевальным заведением И.М. Харин и К^о» в Варшаве. Фотографии 1909 г. поражают современного исследователя высоким качеством исполнения: на фото, где запечатлены почти полторы тысячи человек, читаются награды и знаки на груди солдат и офицеров. По заключению специалистов, высокое качество обусловлено применением мокрого коллоидного процесса (коллоидий – раствор нитроклетчатки в смеси спирта и эфира; см.: Сибирский успех. Новосибирск, 2002. № 1. С. 9).

Тематически фотографии можно разделить на три части. Открывают альбом снимки празднования 200-летия Полтавской победы в Полтаве в июне 1909 г.: император Николай II среди кадет Петровского-Полтавского кадетского корпуса 27 июня 1909 г., Лейб-гвардии Семеновский полк в полном составе. На торжества в Пол-

таву было перевезено почти 14 тысяч войск. Это были делегации от воинских частей, но четыре части – потомки участников битвы, прибыли в Полтаву целиком: полки Лейб-гвардии Преображенский, Семеновский; 9-й пехотный Ингерманландский и 1-я батарея Лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады.

Лейб-гвардии Семеновский полк прибыл в Полтаву двумя эшелонами 18 июня 1909 г.: 2 генерала, 75 офицеров, 5 врачей, 5 чиновников, 5 священников, 1600 нижних чинов, 19 лошадей (Полтавский вестник. 9 июня 1909 г.). В дни торжеств в Полтаве работали многие фотографы как местные, так и столичные: М.Б. Фриденталь, Харлаб, Х. Гомельский, Н.Ф. Козловский, К.Е. фон Ганн, А.К. Ягельский, Бегма, В.П. Добржанский, Ж. Мейер, В.К. Булла. Газеты сообщали, что в Полтаву прибыли представители русских и зарубежных кинематографических обществ для показа торжеств «на экранах наших электротеатров» (Празднование 200-летия Полтавской победы. Полтавские газеты за июнь 1909 г.). От «Генерального общества кинематографов «Эклинсь» и фирмы «Р. Штремерь» приехали В. Вурм и Кореньков. Можно предположить, что снимки для альбома выполнил фотограф, прибывший на торжества из Варшавского военного округа. Основанием для такого предположения служит не только то, что переплет выполнен фирмой братьев Хариных в Варшаве. Главное – на всех остальных фотографиях альбома запечатлены с тем же отменным качеством в полном составе полки только Варшавского и Виленского военных округов, которые на торжествах в Полтаве были представлены лишь делегациями. Кроме того, документы свидетельствуют, что в марте 1909 г. состоялось заседание исполнительной комиссии Варшавского отдела Императорского русского военно-исторического общества (ИРВИО). Одним из вопросов обсуждения была подготовка к празднованию 200-летия Полтавской победы. Отдел ИРВИО отметил, что в округе имеется 20 Петровских полков, из которых 14 участвовало в Полтавском сражении. Делегации от них будут направлены в Полтаву, но и в округе необходимо торжественно отметить юбилей. Действительно, в округе 26–29 июня 1909 г. прошли масштабные мероприятия во всех частях. Кроме того, члены Варшавского отдела предположили: «Желательно снабдить военно-исторический труд (о Полтавской битве) альбомом фотографических снимков, подобно тому, как это было сделано в 1899 году относительно Суворовских полей сражений» (Русский инвалид. 8 апреля 1909 г.). Вполне вероятно, фотограф, вернувшись из Полтавы после окончания торжеств, продолжил работу, создав уникальные фотографии девяти воинских

частей Варшавского военного округа и трех – соседнего Виленского округа (*Platonow G.L. Ordery, odznaczenia i odznaki zolnierzy garnizonu Suwalki. Suwalki, 2018. P. 6–7; Расписание сухопутных войск. СПб., 1909*).

Таким образом, «Исторический альбом Русской Армии» является важным историческим источником для изучения истории фотографии. Исследователи спорят о технологии изготовления, о размерах и весе аппаратуры, истории празднования Полтавских торжеств, истории русской гвардии и армии, ее организации, дислокации, вооружения и снаряжения, истории Польши и Украины.

*Д.П. Исаев, к.и.н., доц.
Южный федеральный университет*

Из истории кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин РГУ

Жизнь данного научного и учебного центра начиналась в далеком уже 1972 г., когда во многом личными усилиями А.П. Пронштейна, тогдашнего заведующего кафедрой истории СССР дооктябрьского периода, на историческом факультете Ростовского государственного университета организуется кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в составе шести сотрудников (Архив ЮФУ. Ф. Р-46. д. 552. Л. 147).

Это была третья кафедра источниковедения в системе высшего образования СССР после Московского и Киевского университетов. К организационным факторам следует отнести то, что с начала 1970-х гг. в педагогических институтах вводится курс вспомогательных исторических дисциплин, а в университетах увеличивается количество часов на их преподавание. Так, в связи с новым учебным планом, увеличившим количество часов на ВИД до 100 (учебный совет факультета добавил еще 50), потребовалась уже системная организация преподавания вспомогательных наук (*Пронштейн А.П., Беспалова А.Г., Кияшко В.Я., Овчинникова В.С., Чеботарев Б.В. Опыт преподавания вспомогательных исторических дисциплин в Ростовском университете // Известия СКНЦ ВШ. Сер. Общественные науки. 1974. № 4. С. 86–92*).

Учебно-методическая база будущего направления на факультете создается еще в 1960-е гг. Так, А.П. Пронштейн в соавторстве с А.Г. Задерой готовит методическое пособие «Методика работы над историческими источниками», вышедшее тремя изданиями (1964, 1969, 1977). Также в двух изданиях А.П. Пронштейн публикует по-

собрание для заочников «Использование вспомогательных дисциплин при работе над историческими источниками» (1967, 1972). В нем автор показывает значение для исторических исследований хронологии, метрологии, лингвистики и описывает методику дипломатического анализа актового материала. В 1970 г. выходит пособие «История и лингвистика», где А.П. Пронштейн также выступает одним из авторов. В том же 1970 г. совместно с молодым сотрудником кафедры археологом В.Я. Кияшко ученый издает программу курса «Вспомогательные исторические дисциплины (для исторических факультетов пединститутов), переросшую затем в учебное пособие «Вспомогательные исторические дисциплины» (1973), между прочим, первое пособие по общему курсу вспомогательных исторических дисциплин в СССР. Эта небольшая работа содержит материал по палеографии, хронологии, метрологии, нумизматике, а также методике археологического исследования. В наличии последнего раздела угадывается направленность научных исследований В.Я. Кияшко. Тогда же выходит учебно-методическое пособие А.П. Пронштейна «Хронология» (1973). Отметим тот факт, что перечисленные издания в подавляющем количестве случаев были опубликованы в московских издательствах, что свидетельствует об уровне признания ростовской научной школы. Вместе с фундированной монографией заведующего «Методика исторического исследования», изданной под грифом учебного пособия (1971, 2-е изд. – 1976), данные работы явились фундаментом, обеспечившем продуктивную учебную работу сотрудников кафедры.

Первый своеобразный отчет данной работы коллектив дал в совместной статье 1974 г., поделившись опытом преподавания вспомогательных дисциплин в университете (*Пронштейн А.П., Беспалова А.Г., Кияшко В.Я., Овчинникова В.С., Чеботарев Б.В.* Указ. соч.). Авторы рассказали об успехах, трудностях, путях совершенствования курсов хронологии, метрологии, палеографии, исторической библиографии, методики исторического исследования, а также о подготовке новых курсов по методике археологических исследований и краеведению.

На 1980-е гг. пришелся второй этап публикационной активности кафедры во главе с Александром Павловичем по изданию пособий. В 1981 г. он издает в соавторстве с В.Я. Кияшко учебное пособие по хронологии, занимающее достойное место в списке рекомендуемой литературы для студентов и сегодня. Тогда же в соавторстве с В.С. Овчинниковой составляется пособие по палеографии «Развитие графики кирилловского письма» (1981, 1987). Наконец, совме-

стно со своим учеником И.Н. Данилевским А.П. Пронштейн издает пособие «Вопросы теории и методики исторического исследования» (1986), в котором рассмотрены, наряду с теоретическими вопросами источниковедения, методики датировки и локализации исторических фактов, идентификации личности на примере русского средневековья.

К данной картине следует добавить большое количество статей А.П. Пронштейна 1960–1980-х гг., в которых рассмотрены вопросы источниковедения, методики исследования, конкретных вспомогательных дисциплин не только как научных областей знания, но и как учебных предметов (Александр Павлович Пронштейн: К 70-летию со дня рождения: Библиографический указатель / Ростовский государственный университет, Зональная научная библиотека; сост. Т.Н. Попова. Ростов-на-Дону, 1988).

Указанные издания имели/имеют не только учебно-методическую ценность. В работах ставились важные теоретические вопросы и предпринимались попытки ответа на них с учетом актуальной историографической ситуации. Так, к примеру, в учебном пособии по ВИД 1973 г. авторами под вспомогательными дисциплинами понимались те, которые «разрабатывают общие и частные вопросы методики и техники исторического исследования». Под специальными же, при отмечаемой условности термина, – те, которые «рассматривают историю отдельных сторон общественной жизни – экономическую, политическую, военную...» (*Пронштейн А.П., Кляшко В.Я.* Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1973. С. 3–5). Это, в свою очередь, позволяет ставить вопрос о значении кафедры как научного центра теоретических источниковедческих исследований в стране, начиная с 1970-х гг.

*Э.Г. Истомина, д.и.н., проф., г.н.с.
ИРИ РАН*

Арктика в транспортной системе России в XIX – начале XX в.

Арктика (от греч. *artikos* северный) – северная полярная область Земного шара, расположенная вокруг Северного полюса. Она включает морские акватории, покрытые в летний период дрейфующим льдом, создающим неблагоприятные условия для судоходства, и сухопутные территории, где на сплошной вечной мерзлоте существует ледниковый покров или безлесная тундра.

Основы Арктического сектора России были заложены в XIX в.

заключением ряда международных соглашений и договоров (российско-американская конвенция 1824 г., русско-английская конвенция 1825 г., российско-американский договор 1867 г.).

Определяя сектор, участвующая в договоре страна имела право на все острова и земли, которые были уже известны, и на те, которые могут быть открыты в пределах сектора в будущем.

В пределы Арктики входит Северный Ледовитый океан, его окраинные моря с островами Канадского Арктического архипелага, островом Гренландия, с островами архипелагов Шпицберген, Земли Франца Иосифа, Новая Земля, Северная Земля, Новосибирскими островами, островом Врангеля и др., часть северного побережья Европы, северное побережье Азии и Америки, со значительным районом материка на Таймыре. В настоящее время в арктическую зону России полностью или частично входят территории Мурманской и Архангельской областей, Таймырского района Красноярского края, Ямало-Ненецкого и Чукотского автономных округов, Республика Саха (Якутия), земли и острова, указанные в постановлении ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией СССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане», а также внутренние воды и территориальное море, прилегающие к северному побережью Российской Федерации (*Зонн И.С., Костяной А.Г.* Баренцево море. Энциклопедия. М., 2011. С. 22–23).

В Арктике главная магистраль России – Северный морской путь (до начала XX в. – Северо-Восточный проход) – проходит по морям Северного Ледовитого океана, соединяя европейские и азиатские порты. Его протяженность от Мурманска до бухты Провидения (на Чукотке) – около 8 тыс. км. Главное направление его деятельности – обслуживание портов Арктики и крупных сибирских рек (ввоз топлива, продовольствия, оборудования, вывоз лес, в том числе и за границу и проч.). Продолжительность навигации на западном участке (Мурманск – Дудинка) – круглогодичная, на восточном – 2–4 месяца, на ряде участков (с помощью ледоколов) и дольше. Северный морской путь является наиболее сложной трассой в мире.

В конце XIX в. русский золотопромышленник А.М. Сибиряков выступил с инициативой об организации коммерческих рейсов по Северному Ледовитому океану, но не получил одобрения в Петербурге. Путь впервые был пройден с запада на восток в 1878–1879 гг. шведской экспедицией во главе с Н.А.Э. Норденшельдом, значительную часть средств на которую выделил А.М. Сибиряков: судно «Вега» осуществило сквозное плавание с запада на восток (с одной зимовкой в Ключевской губе – на Чукотском полуострове). Таким

образом был задействован северный морской путь из Атлантического океана в Тихий (*Пасецкий В.М.* Нильс Адольф Эрик Норденшельд. М., 1979. С. 15).

Однако освоение арктической трассы проходило прерывисто, с паузами на многие годы. Первый в мире арктический ледоход «Ермак» (водоизмещением 8730 т) был построен в 1899 г. под руководством полярного исследователя, вице-адмирала С.О. Макарова. Помимо строительства ледоколов, осуществлялся сбор научной информации (особенно о льдах), организация полярных станций (первые из них появились лишь в 1913–1914 гг.). С получением необходимой информации заметно сокращалась продолжительность арктических рейсов.

Постепенно открывался и ресурсный потенциал Арктики. Среди ее природных богатств были обнаружены запасы золота, хрома и марганца, алмазов, никеля, кобальта, олова, ртути, апатита. В Арктике постепенно открывалось множество видов рыб и животных. Однако становилось очевидным, что для развития российской экономики наиболее важным будет углеводородный потенциал арктических морей. С этим в значительной степени было связано усовершенствование арктической транспортной системы («Новая» Арктика и интересы России / Под общ. ред. В.А. Гусейнова. М., 2012. С. 45, 88–100).

Е.В. Казбекова
к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН

Сигнатуры и фолиация в изучении переплета экземпляра Библии Гутенберга в РГБ

Экземпляр знаменитой 42-строчной Библии Гутенберга в РГБ (1886–1945 гг. – Музей книжного дела и письма, Лейпциг) сейчас имеет переплет конца XIX в., сделанный по заказу последнего владельца – дрезденского миллионера и мецената Генриха Клемма (1819–1886). Его эстетика и конструктивные особенности отражают вкусы и ситуацию в переплетном деле той эпохи. Переплет в хорошем состоянии, реставрации не проводилось, книжный блок не расшивался, поэтому исследовать следы предыдущих переплетов (прежде всего отверстия от сшивки) можно лишь фрагментарно. Нынешняя сшивка довольно тугая, и затрудняет даже внешний осмотр листов у корня. Однако сохранились другие кодикологические данные, позволяющие судить о количестве переплетов и их характере. Это – особенности иллюминации, сигнатур, фолиации (подроб-

нее см.: *Казбекова Е.В.* Переплет экземпляра Библии Гутенберга в Российской национальной библиотеке // ТГЭ. СПб., 2021. в печати).

В экземпляре прослеживается шесть этапов иллюминации (*Казбекова Е.В.* Новое об иллюминации экземпляра Библии Гутенберга в РГБ // История книжной культуры XV–XX веков / Отв. ред. и сост. Д.Н. Рамазанова. М., 2018. Ч. 2. С. 39–49), минимум пять из них делались в расшитых тетрадах. Для четырех этапов иллюминации можно предполагать наличие переплета, поскольку они различаются по стилю и уровню исполнения и разнесены во времени. Богатую рамку-бордюр получили в XV в. только первые листы обоих томов, что косвенно указывает: в XV в. экземпляр был переплетен в 2 тома, а не в 3 или 4.

В Т. 1 экземпляра сохранилось пять серий поздней фолиации XVIII–XIX вв. графитным карандашом (в Т. 2 только одна, сквозная, серия фолиации). Средневековая/-ые серия/-и фолиации обрезаны, лишь на л. 231 Т. 1 (тетрадь 24) в правом нижнем углу сохранились полуобрезанные цифры коричневыми чернилами «23...». Они подтверждают косвенные данные иллюминации о том, что средневековый переплет состоял из двух томов. Серии фолиации графитным карандашом указывают на наличие в Новое время минимум трех переплетов: I) в 3–4 тома; II) в 2 тома, когда в Т. 1 было на 7 листов меньше, чем сейчас. Как раз семь листов тетради 1 (л. 1, 2, 4, 6, 7, 9, 10) на фальцах, вместо отсутствующего л. 5/5 об. – факсимиле). Эти семь листов аутентичные, они не были потеряны, скорее всего, хранились вместе с томом; IIa или III) в 2 тома, когда в Т. 1 было на 3 листа меньше, чем сейчас (предположительно, л. 1, 2(?) и 5); III или IV) современный переплет в 2 тома по заказу Г. Клемма.

В обоих томах прослеживаются пять серий потетрадных и полистных сигнатур XVIII и/или XIX вв. графитным карандашом. Во всех сериях довольно много ошибок в нумерации тетрадей и листов. В Т. 1 счет тетрадей сбивается там, где появляются другие серии фолиации, но при этом тетради принадлежат этому экземпляру, утрат текста нет, иллюминация та же. Сбой счета сигнатур в определенных местах косвенно подтверждает наличие переплета в четыре тома. Судя по одной из серий сигнатур, когда ее проставляли, тетради 17–18 первого тома в книжном блоке были переставлены местами. Это – фрагмент, с которого мог начинаться Т. 2 в переплете из 4 томов (с л. 159 = начало тетради 17). Когда его объединяли с Т. 1 для предпоследнего переплета в два тома с железной цепью, первые две тетради могли переставить местами. Схожая ошибка есть и в Т. 2, но она расположена немного ближе к началу (тетрадь

13b, лист 131 из 319, пролог к книге пророка Даниила). В парижском пергаменном экземпляре BNF. vélins 68, переплетенном в четыре тома, Т. 4 начинается позже, в л. 178, с Маккавейских книг, что, правда, не может исключать того, что в экземпляре РГБ деление на тома было иным.

Кому принадлежат эти сигнатуры, и для каких работ они были проставлены? Сигнатуры на французском языке на корешковом поле, дважды наведенные в некоторых тетрадах, расположены рядом, над и под *вклейками*, т. е. вклейки делались по их указаниям, большинство написано мелко, тонким карандашом, находятся у самого сгиба и хорошо видны (т. е. предназначены для работы) только в расшитых тетрадах.

Полистная и потетрадные серии на корешковом поле хорошо видны в сшитых тетрадах, даже при неполном раскрытии блока, т. е. они могли быть проставлены в переплетенном блоке, например, перед началом работ по ремонту пергамена, по иллюминации, по замене переплета. Потетрадные серии и фолиация были сделаны после вклеек.

По какой из серий сигнатур сделан современный переплет Г. Клемма, определить затруднительно. Миниатюристы и переплетчики Г. Клемма могли использовать сигнатуры мастерской А. Пилински или проставить свои сигнатуры так, что они попали под обрезку.

В 2012 г. Э.М. Уайт, опираясь на данные каталога XVIII вв. библиотеки монастыря Санто-Доминго-де-Силос близ Бургоса, выдвинул гипотезу о принадлежности в XVIII в. экземпляра РГБ его библиотеке, предположив, что в нем должны быть пометы монастырского библиотекаря Грегорио Эрнандеса, им были опубликованы образцы его почерка (*White E.M. A Forgotten Gutenberg Bible from the Monastery of Santo Domingo de Silos // Gutenberg Jahrbuch. Bd. 87. Mainz, 2012. P. 25–30*). Однако помет, сделанных данным почерком, в экземпляре РГБ нет, а серии фолиации и сигнатур показывают, что в этот период экземпляр «побывал» в двух разных переплетах, в три-четыре и в два тома, т. е. в каталогах нужно искать не только двухтомные, но и трех-четырёхтомные Библии.

*Т.В. Кайгородова, к.и.н., доц.
Алтайский филиал РАНХиГС
(Барнаул)*

*С.В. Цыб, д.и.н., проф.
Алтайский ГУ,
Алтайский филиал РАНХиГС
(Барнаул)*

О дате послания Владимира Мономаха

В ходе изучения хронологии событий 1095–1096 гг. (Цыб С.В. Хронология домонгольской Руси. Барнаул, 2003) появилась возможность внести предельную ясность в датировку выдающего памятника древнерусской литературы – послания Владимира Мономаха двоюродному брату Олегу Святославичу, вошедшего в состав «Поучения» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 252–255). Историки и филологи спорили о датировке этого произведения, относя его к различным годам и месяцам накануне княжеского съезда в Любече.

Большинство мнений сводилось к тому, что письмо появилось вскоре после северо-восточной усабицы (Карамзин Н.М. История государства Российского в 12 томах. М., 1991. Т. II–III. С. 72–73, 257–258, Прим. 177; Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. М., 1988. Кн. 1. С. 369–371; и др.), которая датируется весной 1096 г. Поводом к тому были неоднократные ссылки самого автора послания на инициативу Мстислава, победителя битвы под Кулачском: «да се ти написѧ зане принѣди ма снѣ мой иегоже еси хрстианѣ снѣ мой прислалъ ко мнѣ мѣжство и грамотѣ · река ладигѣсѧ и смѣрийсѧ и азъ видѣ смѣреньѧ сѧ своего сжалиси азъ ѹлвѣ грѣ- шенъ ѹдсмь пауче всѣ ѹлвѣ послѣша сѧ своего · написѧ ти грамотѣ». Ясно, однако, что в письме Владимир упоминал также и другие события, состоявшиеся до и после Кулачской битвы (7 марта 1096 г.).

Самым ранним событием из тех, что назвал Мономах, был захват Изяславом Мурوما («да не выискывати было чюжего»), т. е. происшествие августа 1095 г. Знал Владимир и о том, что Олег вернул Муромский удел, убив Изяслава (6 сентября 1095 г.), а затем еще и «незаконно» захватил Ростов и Суздаль (осень 1095 г. – зима 1095–1096 гг.): «снѣ Мстиславч прислалъ ко мнѣ мѣжство и грамотѣ · река... а вратцю моудмѣ сѣдъ пришелъ ѹгда же обвиша дѣтѧ моѧ и вѣше тѣвѣ озрѣвше кровь иего аще вѣи тогда свою волю створилъ и Мѣромлѣ налѣзлъ · а Ростова вѣтъ не занималъ».

Несомненно также и то, что в письме упоминаются события 1096 г.: «или то вѣдѣ грѣ створилъ · вже на тѧ шедъ к Чѣрниговѣ [взятие Чернигова киево-переяславскими дружинами произошло 3 мая 1096 г.]... не хотѣхъ во крови твоѣѧ видѣти оѣ Стародѣва [Стародуб

был взят примерно в начале июня 1096 г.]».

После захвата Стародуба, в начале лета 1096 г., Святополк и Владимир отправили Олега в Смоленск на «перевоспитание» к брату Давыду, взяв с Олега обещание приехать на княжеский съезд вместе с братом, из чего ясно, что старший Святославич, пребывавший в Смоленске, уже находился в это время под воздействием миротворческой агитации, и на это опять же есть намек в послании Мономаха: «али Бъ послѣ томѣ с братѣмъ твоимъ радилися ѡсвѣ».

Наконец, в письме называются события, происходившие после июня 1096 г. Как мы помним из рассказа «Повести временных лет», Олег из Стародуба пришел в Смоленск, но пробыл здесь совсем недолго, так как «не приѣша ѹго Смолнѣне " и иде к Рязаню». По всей видимости, причиной быстрого ухода Гориславича из Смоленска было его принципиальное несогласие с примиренческой позицией старшего брата. К тому моменту фамильный удел Святославичей (Черниговская земля) находился фактически в руках их киево-переяславских противников, т. е. в руках Святополка и Владимира, и Олег не оставил замыслов его возврата военным путем. Как раз об этом, о военных замыслах Олега, вынашиваемых в Рязани, писал Владимир: «а кѹгоже тою хощеши насильѣ · тако вѣ дааа и ѡ Стародѹба вѣишъ твою». В другом месте автор послания говорит о том, что «снѣмъ Мстиславѹ сѣдитъ влизь тобѣ», повторяя затем еще раз, что «сѣдитъ · снѣмъ твои хрѣнѣти с малѣмъ братомъ своимъ хлѣбъ ѹдѹи дѣдѣнь · а тѣбѣ сѣдиши в своѣмъ».

Этими фразами фиксируется стабильная политическая ситуация, сложившаяся после июня 1096 г.: Олег пребывал в оставшейся у него части своего фамильного удела – в Рязанской земле, а рядом с ним, в Ростове, находился Вячеслав Владимирович, младший брат крестного сына Олега, новгородского князя Мстислава. Черниговский удел был окончательно признан «вотчиной» Святославичей на Любечском съезде (осень 1097 г.), значит, самым вероятным временем написания письма был период с осени 1096 г. до осени 1097 г., когда Олег, наконец-то, согласился уладить все спорные проблемы путем переговоров.

Кажется, что с помощью перекрестного сравнения мы можем конкретизировать эту дату. На стенах Киево-Софийского собора сохранилась следующая надпись: «мѣцѣмъ декабрь вѣ · д · е сѣтворѣша мнѣ на желни светопѣлкъ володѣннѣмъ н ольгѣ». С.А. Высоцкий считал, что эта запись отметила заключение Городецкого мира в конце 1097 г. (*Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Вып. I. Киев, 1966. С. 25, 324*), но это предположение

вряд ли можно признать верным. Во-первых, Желань и Городец находятся на разных берегах Днепра, а в 1097 г. какой-либо переправы княжеских дружин через реку летописи не описывают. Кроме того, если бы речь в киево-софийской надписи шла о Городецком мире, тогда бы в ней следовало отметить еще и Давыда Святославича, который наравне с Владимиром, Святополком и Олегом принимал участие в мирных переговорах. По всей видимости, софийская надпись зафиксировала тот момент, когда Олег Святославич вслед за своим старшим братом решил присоединиться к формирующемуся союзу юго-восточных князей. Если догадка верна, тогда послание Мономаха к Олегу следует датировать осенью 1097 г.

*А.А. Калашикова, аспирант, м.н.с.
СПБНИИ РАН*

Подписи как инструменты заверения русских судебных документов XV – первой половины XVI веков

Существует три типа судебных документов, бытовавших на территории Московского княжества и его уделов, а также Великого княжества Рязанского в XV – первой половине XVI вв.: правая грамота, докладная правая грамота и судный список. Правая грамота – это протокол судебного разбирательства, включающий в себя информацию о судьях, сторонах конфликта и объекте спора, а также показания истца, ответчика и свидетелей, копии документов, представленных в качестве доказательств, и решение по делу. Судный список – это протокол судебного разбирательства, решение по которому судья не смог вынести из-за сложности дела или нехватки полномочий и отправил судье более высокого статуса на доклад. Таким образом, судный список включает в себя протокол первоначального разбирательства, которое производилось чаще всего на месте преступления, и протокол процедуры доклада, когда обстоятельства дела излагались судье с большими полномочиями. Судья на докладе принимал решение по делу, но не выносил его сам, а приказывал это сделать судье, начавшему рассмотрение спора, и выдать победившей стороне соответствующий документ – докладную правую грамоту. Последняя включала в себя полную копию судного списка, а также приговор, вынесенный судье, начавшим рассмотрение дела (*Калашикова А.А. К вопросу о классификации русских судебных документов XV – первой половины XVI веков: правые грамоты и судные списки // Петербургский исторический журнал. 2018. № 4. С. 264–272*). Рассмотрим, где располагались

подписи на этих документах, кому они принадлежали и для чего были необходимы.

Подпись на судебном документе представляла собой формулу: «а подписал грамоту Х», которая, как правило, располагалась в последней строке и никак не выделялась из общей массы текста, хотя подписывал грамоту не тот человек, который писал основной текст. Из сохранившихся подписей мы узнаем, что чаще всего судебные документы заверялись дьяками. Например, переславская правая грамота 1485–1490 гг. была подписана следующим образом: «а подписал великого князя дияк Василии Долматов» (ОР РГБ. Ф. 303. № 1007; АСЭИ. Т. 1. № 522).

Всего, по нашим подсчетам, за XV – первую половину XVI вв. сохранилось около 300 судебных документов. Большинство из них дошло до наших дней в составе монастырских копийных книг. При переписывании судебного документа в копиянную книгу переписывалась также и подпись, однако такая копия не позволяет говорить о расположении и внешнем виде заверения. 87 судебных документов сохранилось в подлиннике. Проанализировав их, можно выявить определенные закономерности в способах заверения грамот.

Судные списки в большинстве случаев (15 из 19) заверялись подписью. Нам известно всего четыре грамоты без подписи (РГАДА. Ф. 281. № 3335, 3336, АСЭИ. Т. 1. № 586, 589; НИА СПбИИ РАН. Ф. 41. № 39, АСЭИ. Т. 1. № 592; ОР РГБ. АТСЛ. № 1012, АСЭИ. Т. 1. № 583). Судный список полностью копировали в докладную правую грамоту, включая подпись и запись о наложении печати. Причем сами докладные правые грамоты не заверялись подписью, к ним прикладывалась печать судьи, выносившего приговор. Таким образом, в докладной правой грамоте не было оригинальных подписей, а только копия подписи судного списка. Здесь видно, насколько сильно отличается современное понимание подписи от средневекового. Сегодня это собственноручное символическое начертание имени, копирование которого третьими лицами будет восприниматься как подлог. Тогда как можно предположить, что в московском делопроизводстве важны были не столько подпись и ее графическое исполнение, сколько имя человека, в ней указанного. Не сама подпись удостоверяла грамоту, а человек, чье имя в ней упоминалось.

К современной подписи близки дьяческие монограммы. В судебных документах они появляются редко и не заменяют подпись, а дополняют ее (НИА СПбИИ РАН. Кол. 12. Оп. 1. № 552, АСЭИ. Т. 1. № 467; РГАДА. Ф. 281. № 717, АСЭИ. Т. 2. № 188). Детально тема дьяческих монограмм рассмотрена в работах А.Л. Грязнова и

Л.В. Мошковой (*Грязнов А.Л.* Дьяческие монограммы на актах из фонда ГКЭ // Вестник Альянс-Архео. 2017. № 18. С. 31–84; *Мошкова Л.В., Грязнов А.Л.* Принципы чтения дьяческих монограмм на актах XV – начала XVI в. // Вестник Альянс-Архео. 2017. № 19. С. 3–24).

В длинниках сохранилось 30 правых грамот. Эти дела не передавались на доклад и рассматривались одним судьей, который и выносил приговор. В большинстве случаев (19) подписи на таких документах отсутствуют, их заверяют печатью судьи. Однако нередки случаи, когда правые грамоты все же содержат подпись. Всего сохранилось 11 таких документов (РГАДА. Ф. 281. № 721, АСЭИ. Т. 2 № 90; РГАДА. Ф. 281. № 796, АГР. Ч. 1. № 63; НИА СПбИИ РАН. Кол. 12. № 63, АСЭИ. Т. 2. № 495; ОР РГБ. Ф. 303. № 1007, АСЭИ. Т. 1. № 522; ОР РГБ. Ф. 28. № 13, 15, Ф. 191. № 67, ОПИ ГИМ. Ф. 17, № 3, АСЭИ. Т. 2. № 387, 402, 416, 496; ОПИ ГИМ. Собр. Уварова. Карт. 66/20, АСЭИ. Т. 3. № 32; РГАДА. Ф. 281. № 15170, 15171, АЮБ. Т. 1. № 52/4, 52/5).

Тщательнее всего заверялись судные списки: на них ставили подпись и печать. Это было необходимо для того, чтобы защитить документ от подделки. Судный список содержал предварительное решение по делу, которое нужно было донести до составителя докладной правой грамоты. Поэтому было важно сделать так, чтобы к тексту приговора невозможно было что-то дописать или иным способом фальсифицировать документ. Правые грамоты могли заверяться и печатью и подписью, но чаще всего печати судьи было достаточно. Докладные правые грамоты, как правило, не подписывались, но копировали подпись судного списка. Строгих правил делопроизводства, однако, не существовало, и встречается много исключений.

*Т.М. Калинина, к.и.н., с.н.с.
ИВИ РАН*

Роль ветхозаветных персонажей в «Истории» ал-Йа'куби (IX в.)

Древние арабы пользовались устными легендами об арабских племенах, собранными позднее в «Айам ал-'араб» («Дни арабов»). Устное творчество арабов находило свое выражение в эпической и лирической поэзии. Важнейшим шагом в развитии литературы явился постепенный переход от поэтической формы к прозаической, в которой, кроме прочих, важное место занимали «кисас ал-

анбийя» (рассказы о пророках). Уже здесь встречались ветхозаветные образы и персонажи.

Вершиной прозаической формы литературы явился Коран, где фигурировали предшественники Мухаммада – Адам, Ной, Авраам, Моисей и др. Эти персонажи являлись в Коране как уже знакомые с древности. Христианские и иудейские представления о сотворении мира легли в основу коранических воззрений в разных сурах Корана, в различных контекстах (*Пиотровский М.Б.* Коранические сказания. М., 1991. С. 34–35; *Он же.* Исторические предания Корана. Слово и образ. СПб., 2005. С. 40, 44, 50 etc.).

Различные варианты библейских сюжетов издавна использовались арабскими литераторами: ‘Амром ибн ал ‘Асом, Вахбом ибн Мунаббихом (654/5–728 или 732 г., труды не сохранились), ‘Абд ар-Рахманом ибн ‘Абд ал-Хакамом (802/803–871), Мухаммадом Ибн Исхаком (ум. 834), Ибн Кутайбой (ум. 833).

Одним из первых в арабской литературе, кто систематизировал библейские легенды, был Ахмад ибн Абу Йа‘куб ибн Вадих ал-Катиб ал-Йа‘куби. Он жил в Армении, затем служил в Хорасане при дворе Тахиридов, а после 873 г. побывал в Индии, Магрибе, затем переселился в Египет, где умер в 897 или 905 г. (*Крачковский И.Ю.* Избр. соч. М.; Л., 1957. Т. IV. С. 151; *Muhammad Qasim Zaman.* Al-Ya‘kubi // *Et.* New ed. Leiden, 2002. Vol. XI. P. 257; *ал-Йа‘куби.* Книга стран (Китаб ал-Булдан) / Л.А. Семенова. М., 2011. С. 4; 120, примеч. 7).

Введение к «Та’рих» ал-Йа‘куби и часть об истории сотворения мира, к сожалению, оказались утраченными. Первая часть работы посвящена доисламской истории, начиная с библейской. Произведение начинается с преданий Ветхого завета. Эти истории излагались нашим автором согласно неканоническим Евангелиям, которые были переведены на арабский язык с сирийской версии (*ал-Йа‘куби.* Указ. соч. С. 5). К этому же кругу представлений относятся повествования о первородном грехе в соответствии с ветхозаветной традицией. Адам представлен как первый человек, который засеял землю и из собранного и смолотого зерна испек хлеб; также упомянут Ахнух ибн Йарид (Идрис), который первый использовал калам и уделил внимание науке о звездах (*Ibn Wādih qui dicitur al-Ja’qûbî Historiae.* Vol. I–II / Ed. Th. Houstma. Lugduni Batavorum, 1883. P. 8–9). Были перечислены потомки Адама от Шиса (библ. Сифа) до Нуха (Ноя) и его сыновей Сама (Сима), Хама и Иафиса (Яфета), которые стали предками различных народов (*Ibn Wādih.* Op. cit. P. 5–12, 13, 18). Далее следует повествование об Исхаке (Исааке), Йа‘кубе (Иакове) и сыновьях Йа‘куба, о Мусе (Моисее), о пророках и царях

израильтян, в том числе о Дауде (Давиде) и Сулаймане (Соломоне) и царях до вавилонского плена (Ibid. P. 18–19, 21, 31–46, 71–75), о жизни 'Исы (Иисуса Христа) по каноническим Евангелиям (Ibid. P. 79–88), но без упоминания о распятии, поскольку Коран не признавал христианского учения о воскресении из мертвых.

«Та'рих» ал-Йа'куби стала одной из первых в арабской литературе, где был приведен обширный систематический рассказ не только о ветхозаветной истории, но и о прошлом многих народов известного мира, включая доисламскую историю арабов, ассирийцев, вавилонян, индийцев, греков, римлян, византийцев, персов, египтян, африканских народов и др.

В перечень правителей были включены цари сирийцев, которые, по мнению нашего автора, были первыми после Потопа. Цари Вавилона считались потомками Нимруда, при этом в этом разделе фигурировали как легендарные имена, так и ветхозаветные (такие, как Сенехириб, Бухт-Нассар и др.) (*Ibn Wāḍih*. Op. cit. P. 91–92). Среди перечня египетских фараонов встречаются неизвестные имена, но и фараон «Йусуф» (Иосиф) и фараон «Муса» («Моисей») (Ibid. P. 211). В рассказе о царях Индии упомянуты ветхозаветные персонажи: Зарах, якобы совершивший неудачный поход на израильтян в царствование сына Сулаймана, а также Фур (Пор) – противник Александра Македонского.

Исследователями давно отмечен тот факт, что для ал-Йа'куби наиболее интересны были не столько синхронизация персонажей Ветхого завета с перечнем царствующих особ того или иного народа или воинские подвиги царей и героев, сколько цивилизационные достижения: постройка, добыча ценных металлов, установление мер и весов, счисление времени, «Книга Синдхинда» индийцев и их учение о разделении Земли и о звездах, внимание к ученым и философам древней Греции и Рима. В этих разделах, как и в главах о прочих народах, встречаются персонажи или события ветхозаветной истории.

Именно эти сюжеты связывают повествование «Та'рих» ал-Йа'куби с картиной истории всего человечества; они показывают, что изначальному происхождению народы обязаны общим ветхозаветным предкам (*Гибб Х.А.Р.* Арабская литература. Классический период. М., 1960. С. 129; *Бейлис В.М.* Представление о цивилизациях древности и раннего средневековья в системе исторических знаний ал-Йа'куби и ал-Мас'уди // Ислам и проблемы межкультурных взаимоотношений. М., 1994. С. 56).

О возможности точного соотнесения планов Генерального межевания с современными топографическими картами

Теперь я поведу тебя посмотреть...
границу, где оканчивается моя земля...
Прошедши порядочное расстояние,
увидели, точно, границу, состоявшую
из деревянного столбика и узенького рва.
Н.В. Гоголь. Мертвые души. 1842 г.

В последнее время материалы Генерального межевания все больше привлекают внимание исследователей. В работах Д.А. Хитрова, А.А. Голубинского, Д.А. Черненко и других авторов рассматриваются такие темы как почвенные ресурсы, земельные угодья, землепользование, флора и фауна, административно-территориальное деление (URL: <https://istina.msu.ru/profile/dkh/>). Менее изученным остается Генеральное межевание на уровне планов отдельных дач, хотя в последнее время эти планы все чаще используются в археологических и историко-топографических исследованиях. Обозначенная в заголовке проблема уже рассматривалась. В статье 2008 г. к ней обратился А.А. Фролов. Он проанализировал предшествующую историографию, отметив недостатки некоторых подходов. Для соотнесения планов дач с современными топографическими картами А.А. Фролов предложил обращаться в первую очередь к математической основе межи. Использование компьютерных технологий позволило ему выработать алгоритм построения контура межи, в том числе с установлением погрешности межевания, выражающегося в несовпадении («невязке») начального и конечного пункта хода межевщика. Свои построения автор проиллюстрировал на примере ряда дач Валдайского уезда (*Фролов А.А. Дополнительные возможности использования материалов Генерального межевания для изучения ландшафтов Русского Средневековья // Сельская Русь в IX–XVI веках. М., 2008. С. 363–372*). Отметим, что к математической основе планов дач обращались еще в начале XX в. землемеры, когда проводили поверку планов Генерального межевания.

Сведения о параметрах межи (из межевых книг 1765 г.) использовал С.З. Чернов при соотнесении границ пустошей Елина Городищи и Староволочья с памятником археологии «селище Лама-1», используя карту масштаба 1:25000 (*Чернов С.З. Волок Ламский старый и новый: историческая топография и археологические дан-*

ные // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.; СПб., 2019. С. 491–494, Рис. 5–6).

Однако не всегда соотнесение выверенного контура межи с современной топографической картой может дать хороший результат. Причинами могут быть как большая погрешность межевания (например из-за больших размеров дачи или из-за сложного рельефа местности), так и отсутствие надежных опорных точек для сопоставления. Для максимально точного соотнесения планов Генерального межевания с современными картами мы предлагаем на местности искать остатки «межевых признаков», в частности, межевые ямы. «Инструкция землемерам к генеральному всей Империи земель размежеванию» 1766 г. имела приложения, которые регламентировали действия межевщиков. Один из разделов, состоявший из двадцати пунктов, был посвящен «межевым признакам». Однако не во всех межевых книгах упоминаются межевые ямы. Например, в книгах, которые опубликовал Е.Н. Мачульский и использовал впоследствии С.З. Чернов (*Мачульский Е.Н. О локализации Старого Волока: новые материалы // Древняя Русь. 2011. № 4. С. 102–108*), не упоминаются межевые признаки вообще. Возможно, землемер опускал эти подробности.

Опыт поиска межевых объектов был получен нами в ходе сплошных археологических разведок в урочище «Гора святой Марии», проводящихся с 2013 г. (*Каретников А.Л. Гора святой Марии в окрестностях Ростова Великого // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2016. Вып. 21. С. 205–246*). Для исследования привлекались планы дач Генерального межевания и современные межевые книги. В лесу на территории размерами около 2,5x2,5 км выявлено около двадцати пяти межевых ям и три межевых рва. Тринадцать ям надежно соотносятся с поворотными точками межи планов Генерального межевания. Остальные ямы пока не охвачены современной топосъемкой. Выявление межевых ям началось с относительно небольшой (1,6 га) пустоши Колоколенка, относившейся к Кистемскому стану Переславского уезда. План пустоши был составлен в 1774 г. Контур пустоши имеет вид четырехугольника, на углах которого были выкопаны ямы. Они имеют диаметр около 4 м, глубину от 0,5 до 0,9 м, дно ям котлообразное. Натурное обследование показало, что грунт был складирован по двум противоположным сторонам ямы. Две ямы на меже пустоши Пенье и земель с. Краснораменье оказались соединены более поздним рвом (ширина 1 м, глубина 0,5 м), который очерчивает земельный участок

внутри дачи с. Краснораменье. Ров, скорее всего, относится ко времени между 1861 г. и 1917 г., когда помещики были вынуждены делить землю со своими бывшими крестьянами.

В 2018 г. вдоль лесной дороги были зафиксированы три крупные ямы диаметром около 5 м, глубиной 1,2–1,5 м. Топоъемка ям позволила точно соотнести их с участком межи между пустошами Поповка (Петровский уезд Ярославской губернии) и Мозжевелка (Переславский уезд Владимирской губернии). Благодаря межевой книге пустоши Поповка 1791 г. удалось объяснить более крупные размеры ям: в ней упоминаются уездные межевые ямы, которые по инструкции должны были быть крупнее обычных. Более того, граница между Петровским и Переславским уездами, проведенная при межевании дач в 70-е–90-е гг. XVIII в., сохранила свое значение до сих пор. Сейчас это граница между Ростовским и Переславским районами, а также районными лесничествами.

В заключение отметим, что поиск и натурное обследование межевых ям позволяет не только точно соотнести конкретную территорию с планом Генерального межевания, но и лучше понять сам процесс межевания.

*С.М. Каиштанов, чл.-корр. РАН
г.н.с. ИВИ РАН, проф. РГГУ*

*Л.В. Столярова, д.и.н., г.н.с.
ИВИ РАН, РГГУ*

К вопросу о целостности Угличского следственного дела

Порядок ведения и оформления судебно-следственной документации определялся Судебником 1550 г. (ст. [28]), впоследствии не пересматривался и был подтвержден Судебником царя Федора Ивановича 1589 г. Дьяки обязывались держать при себе все записи распросных речей, полученные в ходе расследования. Поручая подьячим переписать дело начисто, дьяк должен был сверить переписанное и, убедившись в правильности беловой копии, заверить ее своею рукой по местам склеек («сставов»): «и дьяком... по сставом руки свои прикладывати». Дьячья справа (подпись) ставилась таким образом, чтобы разорванное по слогам имя дьяка оказывалось на каждой склейке. Подобная процедура проделывалась во избежание утрат, намеренных изъятий и перестановок отдельных листов внутри столбца и была направлена на недопущение актов подделок. Подписанные и заверенные печатью дела хранились у дьяка. Подьячим запрещалось держать их при себе, а также выдавать без соответствующего оформления. В противном случае действия подьячего расценивались как должностное преступление.

Наказание подьячего, допустившего выдачу не надлежащим образом оформленного документа, зависело от того, где документ был выдан: в приказе, по пути подьячего домой или у себя дома и варьировало от битья кнутом или плетью до увольнения с запрещением занимать эту должность впредь. Дважды повторенный оборот «а вымут у подьячего список или дело» содержит намек на то, что кража отдельных документов или всего столбца была вполне знакома судопроизводству XVI в., и незаконного изъятия материалов дела опасались. Предотвратить последнее старались угрозой наказания и достаточно строгим соблюдением условий хранения документов дьяками и подьячими. Обращает на себя внимание, что ни один (!) документ Углицкого следствия не сохранился со следами дьяческой скрепы. Почему вопреки действующему законодательству дело не было оформлено надлежащим образом?

В.К. Клейн считал первым признаком порчи целостности Следственного дела помету, сделанную на обороте л. [III] почерком первой четверти XVIII в.: «[Д]ѣло розыскное 99-г(о) году | про убивство ц(а)[р]евича Димитр[ия] | Ивановича на Угличе. Конц[а] | і начала нетъ». Эта помета позволила Клейну заключить, что «древнейшие достоверные данные о порче и утрате частей угличского дела относятся к концу XVII в.». Однако С.Б. Веселовский полагал, что если надпись относится к первой четверти XVIII в., то к этому же времени относится и указание о порче. Сама же порча «могла произойти и в конце XVII в., и в московской пожар 1626 г., и во время Смуты». Веселовский поставил под сомнение предположение Клейна о том, что помета была сделана одним из первых «архивариусов» Коллегии иностранных дел: «... это возможно, но не несомненно, т. к. и до учреждения архивариусов приказные подьячие описывали хранившиеся у них на руках дела». Примером такого описания он называет помету XVII в. на обороте последнего листа: «Убив[ств]о царев[ича] Дмитрея Углетцкого», и полагает, что запись на обороте первого листа (л. [III] по Клейну) «могла быть сделана и первым архивариусом Иностранной коллегии, и одним из последних подьячих Посольского приказа». Поскольку лист с записью начала XVIII в. находится не на своем месте, очевидно, что в руки архивариуса Следственное дело попало уже в виде отдельных листов, частично склеенных вместе, частично нет, иногда разорванных и на некоторую глубину подмоченных. Соглашаясь в этом с Клейном, Веселовский отрицает, что архивариус XVIII в. попытался привести дело в порядок.

Полагая, что первым в деле должна была находиться челобитная

посошного сборщика, и обратив внимание, что после нее несколько листов утрачено, «а затем уже следовал лист, который помещен первым и на котором сделана отметка XVIII в.», Веселовский заключал: «То же обстоятельство, что два листа челобитной посошного сборщика сохранились хорошо, а первый лист с отметкой порван и сильно подмочен, дает основание полагать, что листы дела были перепутаны раньше, еще в XVII в., и что архивариус Иностранной коллегии не пытался подобрать листы в надлежащей последовательности и оставил дело... в свитке, с перепутанными листами». Это принципиальное наблюдение Веселовского подкрепляется данными Описи 1626 г. «Дело сыскное про смерть царевича князя Дмитрея Углецкого» зафиксировано в ней как уже распавшееся на отдельные листы: «Столпик, а в нем дело сыскное про смерть царевича князя Дмитрея Углецкого..., распалося все и верху у нево нет». «Столпик» уже к 1626 г. «столпиком» не был. А.П. Богданов установил, что в Описи Посольского приказа 1614 г. упомянуты «из задние палаты... дела в ящиках». В первом из них находились «розни старой блаженной памяти при царе и великом князе Иване Васильевиче... и при царе и великом князе Федоре Ивановиче... доводные и иные приказные дела, и приказы посланником и гонцом по опальных людей и иная мелкая рознь, а посольских дел нет». Не исключено, что именно среди этой «розни» оказалось и угличское Следственное дело. Хранили содержимое ящика, как и подобает неразобранной «розни», не особенно тщательно. Бумага дела оказалась подмоченной и покрылась пятнами сырости. Делопроизводство в Русском государстве XVI–XVII вв., предусматривавшее не только движение, но и хранение бумаг, было только столбцовым. Документация, находящаяся в стадии обработки (в том числе по незавершенным делам), по-видимому, также не знала иного способа хранения и перемещения, как в виде свитка. Вероятно, не сверенные, не склеенные или не доклеенные до конца, не скрепленные подписью дьяка бумаги сворачивались наподобие столбца, будучи сложенными стопкой в том порядке, в каком они должны быть впоследствии перебелены, склеены по ставам, сверены и скреплены подписью дьяка. Не в таком ли виде хранился экземпляр угличского «дела сыскного» в 1626 г.? И не в таком ли виде были подмочены его листы и образовались пятна сырости, служившие Клейну ориентиром для определения порядка документов в нем?

Архивисты XVIII в. получили в свое распоряжение фрагменты какого-то экземпляра Следственного дела, который а) очевидно не имел начала («верху у нево нет»); б) состоял из несклеенных в еди-

ный столбец материалов; в) содержал как черновые, так и беловые копии. Промежуточные склейки, необходимые для переписывания того или иного фрагмента дела целиком, образовывались по ходу создания беловых и черновых копий, т. е. в процессе подготовки некоего цельного документа – Угличского следственного дела. В конечном итоге такой документ (в форме единого свитка) так и не был составлен, поскольку его части (отдельные фрагменты Угличского дела) послужили для формирования какого-то нового документа, в котором стали предварительными или черновыми материалами. Сохранившийся среди «мелкой розни» в одном из ящиков Посольского приказа экземпляр Следственного дела никогда не имел законченный вид столбца, в котором все документы перебелены подьячими, сверены и сопровождаемы рукоприкладствами, а отдельные листы склеены по сствам и заверены дьячьей скрепой. Последовательность листов в этом экземпляре в основном отражала порядок и ход следствия, несмотря на то, что и внешний его вид, и содержание говорят о его неполноте за счет утрат. Этот документ в виде россыпи определенным образом подобранных фрагментов дела не был и не должен был быть представлен Освященному собору 2 июня 1591 г. Он не имел никаких удостоверительных знаков, делающих его официальным документом. В XVII в. он хранился в виде свернутой в свиток и, вероятно, каким-то образом перевязанной пачки листов, находившейся среди прочей «розни» и «подранных» бумаг Посольского приказа, не имевших прямого отношения к деятельности этого учреждения («а посольских дел нет»).

Особое место в событиях весны – лета 1591 г. занимает так называемая «измена Нагих», расследованием которой, наряду с гибелью царевича Дмитрия, занималась комиссия В.И. Шуйского в Угличе. Однако дело об «измене» в мае 1591 г. не было закончено и продолжилось уже в столице, где проводились новые следственные мероприятия (с использованием пытки) в связи с московскими пожарами накануне вторжения крымских татар. Виновными в поджогах власти снова объявили Нагих и их людей. Вопреки официальной версии, поползли слухи о причастности к организации пожаров Б.Ф. Годунова. Три трагических события весны – лета 1591 г. (гибель царевича Дмитрия в Угличе, пожар в Москве и нашествие орды Казы-Гирея) объединились в народном сознании в одно и воспринимались как Божья кара «по грехом»: «...три по числу нам зло... купно тогда стекошася». Правительство обвинило в угличской драме Нагих, назвав их действия «изменой». Ведущую роль в поджогах Москвы приписали главе клана – А.Ф. Нагому – крупно-

му политику и дипломату, на протяжении длительного времени бывшему советником Ивана Грозного по посольским делам и 10 лет возглавлявшему русское посольство в Крыму, знакомцу Дж. Горсея, попавшему после 1584 г. в опалу и сосланному в Ярославль. Ранее мы показали, что, скорее всего, А.Ф. Нагой и его жена Татьяна погибли в 1591–1592 гг. после, а может быть, в результате майских и июньских событий 1591 г. В результате нового расследования должно было появиться особое следственное дело. Его основу составили некоторые документы, изъятые из материалов угличского следствия. Оставшиеся бумаги, в первую очередь связанные с «обыском» по делу о гибели царевича Дмитрия, сохранились среди «мелкой розни» документов Посольского приказа.

Дошедший до нашего времени экземпляр Следственного дела никогда не имел законченного вида столбца, в котором все документы перебелены подъячими, сверены и сопровождаемы рукоприкладствами, а отдельные листы склеены по сстамам и заверены дьячьей скрепой. Последовательность листов в этом экземпляре в основном отражала порядок и ход следствия в Угличе, несмотря на то, что и внешний его вид, и содержание говорят о его неполноте за счет утрат – как намеренных (изъятия бумаг в новое делопроизводство по «измене» и ведовству), так и, вероятно, случайных. Скорее всего, разрозненные документы угличского «дела обыскного» дошли до нас в той их части, которая касалась расследования гибели царевича и черновых материалов об «измене Нагих» 15–18 мая 1591 г. Полное дело об «измене Нагих», в которое вошли материалы расследований о мятеже в Угличе и московских пожарах мая 1591 г., либо не сохранилось, либо пока не найдено.

Д.А. Кириллова, к.и.н., в.н.с.

Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына

Символы русской эмиграции в экспозиции Музея Русского Зарубежья

В науке нет определения «символа Русской эмиграции», и попытки выработать единый символ Зарубежной России так и остались попытками. Но существуют предметы, которые для людей, вынужденных покинуть Родину после революционных событий 1917 г. и Гражданской войны являлись символами, памятью о России. Необходимо учитывать, что для определенных социальных групп эти символы будут различными, поскольку страну покидали люди, принадлежавшие к различным сословиям, религиозным кон-

фессиям, разного уровня образования и культуры, и совершенно различных политических взглядов. Объединяло их по сути одно – активное неприятие новой, большевистской власти, и того, как эта новая власть меняла судьбу страны.

У Музея Русского Зарубежья, открытого в мае 2018 г., есть определенная специфика – это музей дарения, в нем практически нет покупных экспонатов. Как только стало возможно, те эмигранты первой волны, кто прожил очень долгую жизнь, их дети и внуки повезли в Россию память о своих родственниках, о полках и воинских союзах, о литературных кружках и политических объединениях, память о людях, которые, оказавшись на чужбине, остались русскими людьми и патриотами. И в условиях далеко не всегда благоприятных, увозились из России и сохранялись, собирались на чужбине, бережно хранились именно те вещи, которые символизировали память о Родине. И именно они были переданы в Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына.

Что же мы можем считать символами русской эмиграции? Прежде всего, государственные символы Российской империи – трехцветный флаг и гербовый двуглавый орел. В экспозиции Музея Русского Зарубежья находится российский флаг, изготовленный в Лозанне (Швейцария) в 1950-е гг. и являющийся точной копией флага 1914 г., символизирующего единение императора и народа, и изготовленного по приказу Николая II. Этот флаг принадлежал русской общине в Швейцарии и выносился по торжественным случаям. Также символика российского флага встречается в оформлении документов, писем, открыток и даже пасхальных яиц, сделанных уже в эмиграции. На удостоверениях Русского Общевоинского Союза – российский триколор. На знамени содружества русских мальчиков «Восход», созданном в Париже в 1926 г., на фоне российского флага – восходящее солнце. Российский флаг и на форме «Русских Соколов», и на эмблемах Организации Российских юных разведчиков, причем даже на значках, принадлежащих самым маленьким участникам – стаям волчат и белочек (6–8 лет). И на эмблеме Русских Соколов двуглавый орел, раскинув крылья, воспарил из российского флага. На декоративной тарелке с надписью «В память IX съезда кадет в г. Вест-Пойнте, США. Кадетам-друзьям нью-йоркцам от кадет г. Торонто, Канада» – герб Российской империи, двуглавый орел, а сделана эта тарелка в 1984 г.

Если говорить о символах военной эмиграции, то, прежде всего, это погоны – символ воинской доблести и чести, памяти о Родине. Практически все русские воины, и те, кто прошел Первую Мировую

и Гражданскую войны, и те, кто закончил кадетские корпуса и юнкерские училища, уже на чужбине хранили погоны, как боевые, так и изготовленные как знаки памяти уже в эмиграции. Для воинов Добровольческой Армии, первопоходников – знак 1-го Ледяного Похода (мученический венец и меч), для Галлиполийцев – черные галлиполийские кресты с надписью: «Галлиполи. 1920–1921», и для всех, кто сражался за Родину – ордена и награды, особенно орден Святого Георгия Победоносца. В коллекции подполковника Л.В. Сейфуллина хранились погоны и награды его отца, его самого и его друзей. На портрете, написанном по фотографии 60-х годов, Леонид Владимирович в парадной военной форме, которую он надевал на праздники и торжественные мероприятия, с орденами и медалями Первой Мировой и Гражданской войн и с наградами, учрежденными уже на чужбине. В полковых объединениях хранились штандарты и полковые значки (флажки), и пусть с годами ряды полка редели, но на полковые и церковные праздники всегда выносились знамена и штандарты. Передан в Музей Русского Зарубежья и единственный сохранившийся Флаг российской военной авиации образца 1916 г.

Все эти предметы объединяет одно – это память о Родине, память о России. И в изгнании русским людям удалось не только остаться русскими, но и бережно сохранить и передать детям и внукам память о стране, гражданами которой они остались на всю жизнь.

*М.Ю. Киселев, к.и.н., руководитель Центра УОСД
Архив РАН*

**Из научного наследия А.Л. Станиславского:
отчет «Разработка актуальных проблем теории и методики источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин»**

В Архиве Российской академии наук в конце 2018 г. завершено научное описание архивного фонда А.Л. Станиславского (1939–1990), известного историка-архивиста, доктора исторических наук, профессора. Среди документов фонда ученого отложился отчет за 1986 г. «Разработка актуальных проблем теории и методики источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин (Архив РАН. Ф. 2030. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–10).

Задача исследования была определена как создание, с одной стороны, обобщающего исследования, посвященного истории и современному состоянию источниковедения как науки, анализу ее концептуальной основы и практического применения методов источниковедческого анализа в современной социальной практике, с другой

стороны – как изучение отдельных видов и групп исторических источников: делопроизводственные документы XVII в., мемуары XVII–XVIII вв., периодическая печать, нумизматические источники.

Источниковедческую базу исследования составляли материалы научной печати, учебники и учебные пособия, методические пособия, научные труды, созданные в отечественной и зарубежной науке и практике преподавания: ежемесячные библиографические журналы второй половины XIX в., содержащие ценные сведения по истории книжного дела, библиографии и др., архивные документы, связанные с историей ряда библиографических изданий; боярские книги, боярские списки, десятины и другие документы Разрядного приказа, писцовые книги; мемуары XVII–XVIII вв.; материалы о социалистическом строительстве в советской деревне в газетах «Правда», «Известия», «Беднота» и др.

В изучении делопроизводственных документов XVI–XVII вв. планировалось уделить внимание вопросам их классификации, видовых особенностей, происхождения, достоверности и репрезентативности. В первую очередь планировалось исследовать материалы Разрядного и Поместного приказов, в которых сосредоточена основная часть документов, связанных со службой и земельным обеспечением дворянства. Поиск мемуаров облегчен наличием ряда указателей, однако работа по выявлению мемуарных источников должна быть продолжена в связи с тем, что не решен вопрос о их видовых особенностях и времени появления; актуальными оставались вопросы классификации и терминологии мемуаров.

Сводные библиографические указатели давали представление о количестве библиографических изданий второй половины XIX в., частоте их выхода, местах издания, составе издателей, редакторов, издающих организаций и т. д. Сводный репертуар периодических изданий позволял осуществить их классификацию по языку, территории, периодичности, по издателям и издающим организациям, отношению к цензуре, целевому и читательскому назначению. В отношении периодической печати первых лет Советской власти впервые сосредотачивалось внимание на изучении аграрной истории: фактический материал, в том числе статистические данные, относящиеся к аграрной политике партии и Советского государства, во всей совокупности еще не становился предметом специального исследования.

Основным направлением в области нумизматики стало проведенное впервые обобщающее историографическое исследование, которое должно было по-новому, на более широком материале, рас-

смотреть развитие русской денежной системы и вопросы денежного обращения и наметить стоящие перед нумизматикой актуальные вопросы, которые не нашли еще своего разрешения. Изучение литературы и источников по нумизматике было разделено на этапы в соответствии с периодизацией исторического процесса: опубликованных до революции; до начала 1930-х гг.; обобщение достижений нумизматики 1930–1950-х гг.; рассмотрение современных нумизматических исследований.

Как специальный этап работы был выделен анализ идеалистической основы методологии буржуазного источниковедения, позволяющий показать, почему, несмотря на значительные достижения в отдельных областях, оно не сложилось в целостное систематическое научное источниковедение. На заключительном этапе исследования планировалось провести сопоставление отечественного и зарубежного буржуазного источниковедения.

Проведенные исследования, обобщенные в ряде научных работ, статей и докладов, по мнению А.Л. Станиславского, не имели аналогов в отечественном и зарубежном источниковедении по своей проблеме, поставленным задачам и составу источниковой базы, что обеспечивало их новизну. Отмечалось, что результаты проведенного этапа исследования внедрены в практику: в курсы источниковедения истории СССР, исторической библиографии, вспомогательных исторических дисциплин, специальные курсы, использованы в семинарских занятиях. Примечателен тот факт, что среди исполнителей научно-исследовательской работы первой указана фамилия профессора Е.И. Каменцевой.

В последние пять лет своей жизни А.Л. Станиславский занимал должность заведующего кафедрой вспомогательных исторических дисциплин. Он начал перестройку работы кафедры, значительно обновил состав преподавателей. Благодаря разработанным А.Л. Станиславским специальным курсам были возрождены исключенные из учебных планов дипломатика и генеалогия. Представленная информация позволит расширить источниковую базу по истории вспомогательных исторических дисциплин и может быть использована в исследовательских и образовательных целях.

Зимний транспортный хлебный стандарт 1630 г. как метрологическая величина

Книги сборов таможенных пошлин в населенных пунктах Тотемского уезда 1630/31 г. – Усть-Толшме, Ихалицкой и Векшенской волостях (РГАДА. Ф. 137. Боярские и городские книги. Оп. 1. Тотьма. № 7. Л. 649–755; Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 7. СПб., 2018. С. 278–312) – содержат подробные сведения о доставке в декабре 1630 г. – апреле 1631 г. хлеба для последующей транспортировки в Архангельск, откуда он должен был вывозиться за рубеж в соответствии с условиями внешнеторговых договоренностей. Соответствующие статьи составленной таможенными ценовальниками документации, помимо прочего, включают в себя данные об объемах поставок, исчисляемых в четвертях ржи, овса или гороха, количестве транспортных средств (возов) или тяглой силы (лошадей), что позволяет в каждом отдельном случае высчитать товарную массу, приходящуюся на транспортную единицу и заметить некоторую проявляющуюся при этом закономерность.

Среди записей Усть-Толшемского таможенного пункта за означенный период обнаружено 113 отметок о привозе хлеба, которые при значительных отличиях в размерах самих товарных партий демонстрируют преобладание использования отдельного воза для перемещения четырех четвертей зерна. Примеров точного соотношения возов и хлебных объемов как 1х4 насчитывается 90, тогда как случаев погрузки более четырех четвертей на воз – 20, а менее четырех четвертей – только три. Тем самым на долю точного соответствия приходится 79,64%, на случаи более тяжелой нагрузки воза – 17,70%, более легкой – 2,66 %.

Стоит заметить, что превышение объема в четыре четверти на воз колеблется в пределах от 0,01 до одной четверти, но преимущественно – от 0,01 до 0,30 четверти, тогда как в двух случаях на воз прихотилось по 4,57 и 4,66 четверти соответственно, а в двух – ровно по пять четвертей полезного груза.

Принимая во внимание, что при транспортировке одновременно двух видов перевозимого товара (рожь и овес или рожь и горох), различающихся плотностью, а тем самым и удельным весом, они учитываются в совокупности, можно сделать вывод, что определяющим был не вес поклажи, а ее физический объем, исчисляемый в мерах, принятых для сыпучих тел.

Близость приходящегося на воз объема товара к четырем четвертям или полное им соответствие заставляет видеть в них своего рода транспортный стандарт, применявшийся для погрузки зерновых в зимний период, когда в качестве грузовой платформы использовали сани. В теплое время года – период употребления колесных средств – объем товара, приходившийся на один воз, уменьшался, о чем говорят записи, относящиеся к маю 1631 г.: лишь одна хлебная явка дает в пересчете четыре четверти на лошадь, тогда как в остальных случаях нагрузка, главным образом, составляла только три четверти.

Справедливость сделанных на основании записей Усть-Толшмеского таможенного пункта заключений убедительно, на наш взгляд, подтверждается сведениями, предоставленными целовальниками Ихалицкой и Векшенской волостей. На протяжении периода с 1 января 1630 г. по 25 апреля 1631 г. в их материалах имеются 33 записи о явке хлебных товаров, причем в 32-х из них пересчет дает в результате именно четыре четверти на воз, и лишь единственный раз объем увеличивается до 4,03 четверти. Иными словами, на определенный стандарт приходится 96,97% случаев перевозки зерна.

Учитывая, что четверть в каждом данном случае являлась долей меры сыпучих тел, известной под названием «кадь» или, иначе, «оков», именно кадь и следует признать некой стандартной величиной, использовавшейся при погрузке зерновых на возы.

Разумеется, в первой трети XVII в. эта кадь была уже лишь номиналом и при транспортировке не применялась в своем физическом обличье. Зерно в это время перевозилось в мешках, но то обстоятельство, что оно, исчисляемое в четвертях, грузилось за немногими исключениями по норме в четыре четверти на сани, дает основание возводить возникновение самого определенного транспортного стандарта к более раннему хронологическому периоду, а в кади усматривать емкость, применявшуюся некогда именно для перевозки зерновых.

Если для четверти зерна в первой половине XVII столетия признавать верным соответствие шести пудам, то нагрузка на одну одноконную упряжку высчитывается как 24 пуда или 384 кг. При учете веса саней и применявшейся емкости в результате получается значение, сопоставимое с весом самой рабочей лошади, а такое соотношение признается оптимальным для передвижения по рыхлым поверхностям. Безусловно, не все и не всегда стремились следовать принятым нормам, почему и нагружали возы несколько тяжелее. Возможно, в этом случае сказывались индивидуальные особенно-

сти использовавшихся животных, может быть – личные качества их хозяев, стремившихся избежать лишних расходов на уплату пошлин или извлечь дополнительную прибыль за счет снижения накладных расходов. Особо стоит заметить, что один из примеров наибольшей нагрузки на воз – пять четвертей – относится к транспорту, осуществлявшемуся казенным целовальником Федором Кислицыным (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Тотьма. № 7. Л. 654; Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 7. С. 280), т. е. лицом некоторым образом официальным, явно не испытывавшим желания бережно относиться к чужим лошадям.

На основании изложенных результатов наблюдений над данными пошлинных книг двух таможенных пунктов Тотемского уезда можно полагать, что бытование кади как меры объема для сыпучих тел было обусловлено объективными обстоятельствами использования лошадиной тяги.

Отсюда открывается возможность в кади видеть транспортный стандарт для перевозки обмолоченного зерна в зимнее время, в своем физическом обличье выполнявший роль кузова повозки. Его объем и, соответственно, вес перемещаемого груза были обусловлены тягловой силой крестьянской лошади, т. е. вполне объективной причиной.

Однако такую свою роль кадь могла выполнять только в случае неизменности ее объема и, тем самым, весового значения. В связи с этим в будущем необходимо вновь обратиться к выяснению данных характеристик ее фракций – четверти и осьмины.

*Н.А. Кобяк, н.с., глав. специалист
ИСл РАН, НБ МГУ*

**К истории рукописной традиции сборника сказаний
о богородичных иконах постоянного состава
«Солнце пресветлое»: О малоизвестном списке из собрания
Ново-Нямецкого монастыря**

В последние несколько лет темой многих исследований специалистов разных направлений стало изучение многочисленных сказаний о богородичных иконах. Два сборника таких сочинений, известные под самозаглавием «Солнце пресветлое», широко известны исследователям: МГУ. № 293 и ГИМ. Муз. № 42. Оба списка имеют не только одинаковый репертуар и последовательность сказаний внутри сочинения, но идентичные в обеих рукописях бумагу, организацию пространства листа, а также размещение элементов орна-

ментики. Почерк одного из основных писцов рукописи МГУ совпадает с писцом списка ГИМ.

Анализ палеографических особенностей рукописей МГУ и ГИМ показал, что они могут быть отнесены к периоду с 1680-х до конца 1720-х гг. Поправку ко времени создания списков дают вклеенные в текст гравюры Г.П. Тепчегорского, созданные в 1713–1714 гг. Крайнюю дату можно установить по владельческой записи рукописи ГИМ – 1730 г. (ГИМ. Муз. 42. Л. I).

Всё это дает возможность утверждать, что обе рукописи были написаны или одновременно, или с небольшим временным интервалом, а идентичность текстов свидетельствует, что рукописи писались с одного и того же протографа (или одна послужила протографом для другой).

Возможно, ответить на этот вопрос поможет запись писца на еще одном списке «Солнца пресветлого» 70–80-х гг. XVIII в. (ГИМ. Вахрамеева № 742): «Сию книгу написах, собирая из разных книг числом от 72, начах со 187 по 222 год, все изыскивая сведения о чудесах явления Пресвятыя Богородицы, не тщести, но от радения, грешны аз списывал и покупал по многим градом и по святым обителям» (Л. 79 об.). Однако запись могла быть также скопирована писцом рукописи с протографа, как мы знаем, такие случаи нередки в древнерусской письменности.

Отмечу, что указанная в записи цифра «72» практически совпадает с действительным количеством источников, использованным автором – 71 (*Кобяк Н.А.* О некоторых источниках сборника «Солнце пресветлое» Симеона Федорова Моховикова // Стародруки і рідкісні видання в університетській бібліотеці. Одеса, 2010. С. 154–160; *Она же.* К вопросу об источниках сочинения о чудесах богородичных икон «Солнце пресветлое» // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. Материалы XXVII межд. конф. Москва, 9–11 апреля 2015. М., 2015. С. 245–247).

Наибольший интерес для решения вопроса о протографе, как мне представляется, имеет малоизвестный и до сих пор малоизученный список «Солнца пресветлого», хранящийся в Кишинёве в собрании Ново-Нямецкого монастыря (ныне: Национальный архив Республики Молдова. Ф. Р–2119. Оп. 2. № 21).

И хотя эта рукопись указана в нескольких каталогах (*Ганицкий М.* Старопечатные книги и рукописи в Ново-Нямецком монастыре // Кишиневские епархиальные ведомости. 1880. [Вып.] 22. С. 1098–1099. № 24; *Яцимирский А.И.* Рукописи, хранящиеся в Но-

во-Нямецком монастыре в Бессарабии // Славянские рукописи Нямецкого монастыря в Румынии. М., 1898. С. 104–105. № 28–29), в том числе в самом раннем рукописном каталоге, составленном вторым игуменом Ново-Нямецкого монастыря Андроником (1885–1893) в 1884 г., она до сих пор не была предметом специального рассмотрения.

Сборник датирован в Описании В. Овчинниковой-Пелин (Сводный каталог молдавских рукописей, хранящихся в СССР. Коллекция Ново-Нямецкого монастыря (XIV–XIX вв.) / Сост. В. Овчинникова-Пелин. Кишинев, 1989. С. 152) периодом около 1775 г. на основании записи писца первой части рукописи – некоего Амвросия и комментариев на полях к отдельным статьям этой части, содержащей, как и рукопись МГУ № 293, «Книгу, глаголемую Российских святых...». Однако эта датировка не может быть распространена на весь сборник: писец второй части, собственно «Солнца пресветлого», другой, а по филиграммам весь сборник датируется описателем весьма неопределенно: из четырех знаков определены два: «лев под короной» и «арбалет», один знак «лев и арбалет» не определен – все эти знаки находятся в первой части сборника. Четвертый знак, также не отождествленный, приходится на вторую часть, включающую сказания о богородичных иконах – «Солнце пресветлое», сказания о чудотворных иконах Спасителя и других святых (Л. 35–92).

Хотя филигрань «Лошадь» («Конь»), которая «просматривается» на Л. 76–92 рукописи, и не отождествлена, но пользуясь сведениями международных баз данных водяных знаков, можно определить наиболее частые периоды использования бумаги с данным знаком. Это, во-первых, ранняя бумага XIV–XV вв., во вторых, это 20–30-е гг. XVIII столетия, а периодом наибольшего распространения этого знака в Европе являются 60–80-е гг. XVIII столетия (www.memoirpaper.eu, Horse). Тип почерка – скоропись, характерная для первой четверти XVIII в., дает основания датировать вторую часть Нямецкой рукописи 20–30 гг. этого столетия.

Всего во вторую часть сборника включено 150 сказаний о богородичных иконах (в списке МГУ – 137, ГИМ – 132, Вахрамеев – 125). Таким образом, сказания о богородичных иконах имеют здесь более широкий репертуар, чем списки МГУ и оба списка ГИМ, и иную последовательность текстов внутри сборника. Следовательно, хронологически сборник идет сразу за списками МГУ. № 293 и ГИМ. Муз. № 42, если не является единовременным.

Но ряд особенностей состава Нямецкого списка говорит о том, что список МГУ ему предшествовал: в основной текст «Солнца»

включены сказания о «Неопалимой купине» первой и второй (№ 138, 139. Л. 83 об.), которые в списке МГУ находятся в самом начале кодекса (Л. 4), вне рамок «Солнца пресветлого», и представляют полное текстологическое совпадение. Тексты других сказаний также практически идентичны.

Возможно, протограф всех ныне известных списков «Солнца пресветлого» был один, и авторы-составители выбирали нужные им тексты, располагая их в той последовательности и с той полнотой, которая отвечала их целям и задачам.

*А.Ю. Козлова, к.ф.н, доц.
ГСГУ (Коломна)*

Критическое издание Толковой Палеи 1892–1896 гг.: списки, использованные для подведения разночтений

Толковая Палея находится в фокусе научного внимания уже более 200 лет, но её изучение во многом затруднено из-за недостаточной разработанности археографии памятника. В рамках данной статьи затрагивается проблема археографии только Толковой редакции Палеи.

Важнейшим событием для исследования памятника стало критическое издание Коломенского списка 1406 г., которое осуществили ученики академика Н.С. Тихонравова («Палея толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. Труд учеников Н.С. Тихонравова. М., 1892–1896»). Из предисловия к первому выпуску издания можно узнать, что работа по подведению разночтений продолжалась не очень долго: замысел возник весной 1890 г., а уже в 1892 г. вышел первый выпуск.

Разночтения подводились по восьми спискам. Однако в советское время было известно точное местонахождение только трех из них: 1) Александро-Невского списка (А.-Н.) – РНБ. Собр. СПбДА. А.1/119 (втор. пол. XIV в. или нач. XV в.), РГАДА. Ф. 381 (Библиот. Моск. синод. типографии). № 53 (втор. пол. XIV в. или нач. XV в.), 278 л., пергамен; 2) Кирилло-Белозерского XV в. (К.) – РНБ. Кирилло-Белозерское собрание. № 68/1145; 3) Венского № 12, XVI в. (В.) – Австрийская национальная библиотека. Cod. slav. 9.

Остальные списки входили в состав частных коллекций. Например, местоположение Уваровского списка в предисловии к изданию было указано так: «Уваровский, из Собрания Царского № 85/286, находящийся ныне в библиотеке графа Уварова в селе Поречье (У)». Таким образом, для поиска списков, использованных для

подведения разночтений в издании, надо было очень хорошо знать историю каждой коллекции.

Непосредственное знакомство с Александро-Невским и Кирилло-Белозерским списками показало, что, во-первых, разночтения подводились по спискам не только древнейшей, но и средней редакции, т. е., по спискам, включающим апокрифы «Откровение Авраама» и «Суды Соломона», к которым относится Кирилло-Белозерский список. Во-вторых, древнейший пергаменный Александро-Невский список вообще ни к одной из этих редакций отнести нельзя: часть текста, где должна быть помещена история Авраама, в этом списке отсутствует. В-третьих, издатели не указывали крупных вставок, которые присутствовали в списках, использованных для подведения разночтений. В предисловии было упомянуто, что планировалось издание еще одного выпуска, в котором было бы описание списков и исследование памятника, но этот выпуск по каким-то причинам не вышел.

Четвертым в предисловии был назван Уваровский список из Собрании Царского № 85/286 (ГИМ. Увар. № 1304/85 – 1^о, перв. пол. XVI в. или 1520-е гг.). Его выявление было затруднено тем, что в научной литературе он был обозначен по-разному: в описании П.М. Строева коллекции И.Н. Царского этот список был указан как № 286 (*Строев П.М.* Рукописи славянские и российские, принадлежащие гражданину и Археографической комиссии корреспонденту Ивану Никитичу Царскому. Разобраны и описаны Павлом Строевым. М., 1848. С. 270), в описании собрания Уварова арх. Леонида список упомянут уже под другим номером: № 1304 (85) (286) (*Леонид, архим.* Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А.С. Уварова в четырех частях. М., 1894. Ч. 3. С. 9).

Пятый список – Тихонравовский 1576 года, созданный в г. Гороховце Владимирской губернии, принадлежал Н.С. Тихонравову (Т²). Этот список обнаружился в Музейском собрании Государственного Исторического музея (Муз. № 3927). В 2008 г. этот список, правда, без названия и без соотнесения с номинацией, которая ему была присвоена в издании 1892–1896 гг., упомянул в своем диссертационном исследовании Алан Новаля (*Novalija A.* The World Through the Eyes of the Tolkovaya Paley (Original Sin in the Hilandar manuscript). Saarbrücken, 2008). Список представляет древнейшую редакцию памятника.

Шестой список – Якушкинский, из собрания Евгения Ивановича Якушкина (1826–1905), сына декабриста. Выбор этого списка, возможно, был связан с тем, что его сын – Вячеслав Евгеньевич Якуш-

кин был учеником академика Н.С. Тихонравова. Позднее он вместе с М.Н. Сперанским был редактором посмертного собрания сочинений своего учителя (Сочинения Н.С. Тихонравова / Предисл. М. Сперанский и В. Якушкин. М., 1898). Судьба этого списка до сих пор не ясна.

Седьмой – Силинский список XVII в., принадлежал Ивану Лукичу Силину (С.) Он сейчас находится в РГБ, в собрании Е.Е. Егорова № 489, его местонахождение было указано Т.В. Анисимовой. Этот список, как и Кирилло-Белозерский, относится к средней редакции памятника.

И, наконец, Тихонравовский¹ XVII в. принадлежал Н.С. Тихонравову (Т¹).

В «Описи коллекции Н.С. Тихонравова», которая сейчас находится в ОР РГБ, отмечено три Палеи: № 704, 724 и 725. Из этих трех списков только № 724 можно гипотетически отождествить с Тихонравовским¹. Тихонравовский № 704 представляет Полную Хронографическую Палею, Тихонравовский № 725 вряд ли мог быть использован для подведения разночтений: писец этого списка в своем труде соединял два разных произведения, перемежая их текст между собой и отмечая границы текста замечаниями: «писано с верхней доски», т. е. из Палеи, или «писано с нижней доски». Таким образом, можно очень осторожно предположить: Т¹ – это нынешний Тихонравовский № 724, хотя датировки списка не совсем совпадают: в издании 1892–1896 гг. Тихонравовский¹ датирован XVII в., а в описании коллекции ОР РГБ датировка более широкая: XVI–XVII вв.

Таким образом, нам удалось познакомиться со всеми палейными списками, использованными при подведении разночтений в критическом издании Толковой Палеи 1892–1896 гг., кроме Якушкинского. Исследование показало, что, во-первых, списки были разных редакций Толкового типа; во-вторых, в издании не были отмечены крупные вставки, свойственные другим спискам; в-третьих, удалось определить местонахождение и современные сиглы хранения списков, которые раньше были в составе частных коллекций.

*Н.А. Комочев, к.и.н.
н.с. ИСл РАН, доц. РГГУ*

О неотправленной грамоте царей Ивана и Петра Людовика XIV

Вскоре после заключения весной 1686 г. «Вечного мира» с Польшей с целью укрепления европейского антиосманского союза

из России были направлены посольства в Священную Римскую империю и Венецию, Англию, Голландию, Данию, Швецию и Бранденбург, Францию и Испанию. Французское посольство возглавили стольник князь Яков Федорович Долгоруков, стольник князь Яков Ефимович Мышецкий и дьяк Кирилл Алексеев. Это было самое крупное посольство во Францию за всю предшествующую историю.

В связи с миссией посольства от имени царей Ивана и Петра Алексеевичей для передачи королю Людовику XIV была составлена грамота, она датирована 30 января 1687 г. Оригинал грамоты в настоящее время хранится в Москве (РГАДА. Ф. 93. Оп. 2. Д. 14. Л. 1–1 об.), одиноко выделяясь среди подлинных грамот французских королей. Передача ее французам так и не состоялась, что тесным образом связано с историей посольства (см.: *Комочев Н.А.* Из истории «великого и полномочного» посольства во Францию 1687 г. // Труды Историко-архивного института. М., 2015. Т. 41. С. 156–161).

С целью уведомить французов о посольстве вперед с грамотой был послан гонец стряпчий Никита Епифанов сын Бехтеев, выехавший из Москвы 27 февраля 1687 г. Больше двух месяцев понадобилось ему, чтобы добраться до Парижа, где Бехтеев стал добиваться аудиенции у французского короля. Он упорно отказывался отдавать грамоту государственному секретарю Шарлю Кольберу (Charles Colbert, marquis de Croissy) – младшему брату умершего к тому времени Жана-Батиста Кольбера, и требовал аудиенции у самого короля, чтобы лично передать грамоту. В этом ему было отказано, а через несколько дней Бехтеев был принудительно выслан за пределы страны. Когда посольство Долгорукова уже вступило во Францию, Бехтеев сделал еще одну попытку встретиться с королем. Ему предложили доехать в Версаль в наемной карете, вместо специально посланной королевской, и вручить грамоту министру. Гонец воспринял это как бесчестье, в чем получил моральную поддержку со стороны русского посольства, отказался вручать грамоту и уехал из Франции. Таким образом, грамота дважды пересекла почти всю Европу и вновь оказалась в Москве.

Весьма показательны, как по-разному были восприняты действия Бехтеева русской и французской стороной. Французы посчитали, что «служитель был настолько нагл и невежественен, что требовал аудиенции у его величества и объявил, что лишь ему лично передаст письмо, ему порученное... вследствие чего были принуждены отправить его обратно» (Сборник РИО. СПб., 1881. Т. 34. № 4. С. 15). В русском посольстве, напротив, считали, что посол буквально и добросовестно выполнил полученные в Посольском приказе указа-

ния. Карьера Бехтеева развивалась дальше и через пять лет он упоминается уже как стольник, затем служил воеводой в разных городах (Ляпин Д.А. Род дворян Бехтеевых в истории России (XV – начало XX в.) // Известия Саратовского университета. Серия «История. Международные отношения». 2018. Т. 18. Вып. 1. С. 6). Причинами случившегося стали и различия посольского менталитета, и нежелание французов конфликтовать с османами. Результатом посольства явилось недовольство короля и прекращение на какое-то время дипломатической переписки между Россией и Францией.

Грамота от 30 января 1687 г. по своему содержанию касается следующих пунктов: уведомления о заключении «Вечного мира» с Польшей и идее антиосманского союза, а также об отправке во Францию посольства Долгорукова. В тексте содержится упоминание посланного с грамотой Никиты Бехтеева и выражается пожелание «тому нашего царского величества гонцу быть на приезде и свою королевского величества особу видеть и к нам, великим государем, к нашему царскому величеству, ево с своею королевского величества грамотою отпустить».

Оформление грамоты в целом соответствует традициям украшения русских грамот французским королям этого времени: большой лист, выполненные золотом заставка (в короне на заставке использована эмблематическая лилия), инициал и полевые украшения. Золотом также написаны богословская преамбула и основные титулы царей и короля, включая первую букву территориальных атрибутов. Присутствует большая государственная печать под бумажной кустодией луковично-фигурной формы с двуглавым орлом и полным царским титулом. Для сравнения, французские грамоты русским царям этого времени писались на пергамене, по формату вытянутом в ширину (а не в длину, как русские); они аскетичны по оформлению – которое ограничивалось выделением первой строки текста. Еще одной особенностью французских грамот является наличие королевской подписи, игравшей, по-видимому, основную удостоверяющую роль, наряду с королевской печатью под кустодией. Напротив, в русских грамотах, при отсутствии царской подписи, основной удостоверяющий акцент принимала на себя печать и записи царского имени.

Таким образом, рассмотренный оригинал грамоты 1687 г. интересен и в контексте истории внешней политики, и с точки зрения дипломатики. Незапланированные обстоятельства, связанные с миссией Бехтеева, привели к тому, что грамота, проделав большой путь, осталась в Москве и дает возможность отечественным исто-

рикам изучать подлинник, ставший свидетелем вхождения России в большую мировую политику.

*И.Г. Коновалова, д.и.н., г.н.с.
зам. директора ИВИ РАН*

Сведения о Гибралтарском проливе в структуре рассказа Абу-л-Фида о Средиземном море

Работа подготовлена по гранту РФФИ № 20-09-00207

В арабской средневековой географии концептуализация Средиземного моря как единого пространства прошла несколько этапов. Фрагментарные рассказы географов IX – начала X в. об отдельных средиземноморских городах и связывавших их маршрутах в первой половине X в. сменились общими, хотя и краткими описаниями Средиземного моря как целого. В середине – второй половине X в. в сочинениях ученых так называемой «классической школы» арабских географов наряду с описаниями Средиземного моря появились его первые картографические изображения, выполненные в схематичной манере и с небольшим числом обозначенных на них топонимов. От первой половины XI в. до нас дошла еще одна арабская карта Средиземного моря, анонимный автор которой отказался от изображения береговой линии моря, но нанес на карту названия более 120 портовых городов, главным образом, восточного побережья. Большое количество сведений о средиземноморских городах приведено в труде ал-Идриси (середина XII в.), однако его рассказ о море в целом, помещенный во вводной части сочинения, очень краток (обзор источников и библиография: *Цвиянович И.* Средиземное море в трудах раннесредневековых арабских географов и историков // *Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского.* 2018. № 5. С. 56–69).

Наиболее развернутое описание Средиземного моря содержится во всемирной географии арабского ученого первой трети XIV в. Абу-л-Фида «Упорядочение стран» (*Таквим ал-булдан*) (*Géographie d'Aboulféda: Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde / Ed. M. Reinaud et Mac Guckin de Slane.* Paris, 1840; далее — GA). Это описание, отдельные фрагменты которого имеют форму лоции, ранее не исследовалось в историографии. Сочинение Абу-л-Фида не содержит карт, но для многих пунктов он сообщает их координатные данные. Сам Абу-л-Фида не был астрономом, поэтому он заимствовал информацию о географических координатах из произведений других авторов, как правило, из арабских перерабо-

ток Птолемея, а также из сочинений ал-Бируни (XI в.) и Ибн Са‘ида (XIII в.). Абу-л-Фида’ нередко указывает источник своей информации, а иногда для одного объекта дает несколько вариантов координат без каких-либо собственных комментариев.

О Средиземном море (море *Рума*) говорится во введении к *Таквим ал-булдан* наряду с сообщениями о других морях мира – Окружающем, Китайском, Черном и Каспийском. Описание Средиземного моря начинается с рассказа о Гибралтарском проливе, далее рассматривается африканское побережье от Гибралтара на восток, затем восточное, северное и северо-западное с возвращением в исходную точку (GA 27–31). Сведения о портовых городах и об особенностях морского побережья распределены неравномерно: наиболее полные данные приведены для Западного и Восточного Средиземноморья, в то время как южное и в особенности северное побережье охарактеризованы в меньшей мере. Дополнительная информация о Средиземном море – главным, образом, о прибрежных городах – находится в основной части *Таквим ал-булдан*, в рассказе о тех или иных средиземноморских областях.

В сообщениях Абу-л-Фиды о Западном Средиземноморье наиболее заметным географическим объектом является район Гибралтарского пролива, что вполне объяснимо, принимая во внимание стратегическую важность этого участка моря. Абу-л-Фида’ сообщает данные о ширине пролива и называет города, которым принадлежала ключевая роль в судоходстве в этом районе: «Это море выходит из Океана в сторону востока. Оно начинается у Танжера (*Танджа*) и проходит между Танжером, Сеутой (*Сабта*) и другими прибрежными городами Африки, с одной стороны, и [городами] Испании (*ал-Андалус*) – с другой. Там оно называется морем Пролива (*аз-Зукак*), потому что с незапамятных времен в этом месте оно очень узкое – его ширина от африканского побережья до Испании составляет [всего лишь] 10 миль. Аш-Шариф ал-Идриси говорит, что это подтверждают древние книги. Что до нашего времени, то сейчас ширина пролива увеличилась: по свидетельству Ибн Са‘ида, она равна 18 милям» (GA 27). Данные о том, что ширина пролива составляла 18 миль Абу-л-Фида’ повторяет в описании Испании (GA 165), а также Танжера в основной части сочинения, где добавляет, что ширина моря у «входа» в пролив равна одной трети дневного плавания (GA 133). Сеуту он называет «коммуникационным узлом» между Африкой и Испанией и дает характеристику этого порта: «Город расположен на выдающемся в море участке суши с его западной стороны. Место, которое занимает город, очень узкое,

так как море окружает его почти со всех сторон ... Порт находится в восточной части города... В ясную погоду с этого места виден Альхесирас (*ал-Джазира ал-Хадра*) в Испании» (GA 133). О том, что Альхесирас лежит «напротив» Сеуты и Танжера Абу-л-Фида' говорит неоднократно (GA 27, 31, 133, 172).

Что касается координатных данных, то Абу-л-Фида' в разных частях сочинения приводит их для Альхесираса, Танжера, Сеуты, Сале (порт между Танжером и Сеутой), а также для того места, с которого «начинается» море. «Вход» в Средиземное море, согласно Абу-л-Фиде, имел координаты 7° долготы и 35° широты (GA 27), а Альхесирас — 9° долготы и 36° (либо $35^\circ 50'$) широты (GA 31, 172). В отличие от этих пунктов, координаты которых приведены без ссылок на источники, координаты Танжера, Сеуты и Сале даны с указанием на источник сведений. По словам Абу-л-Фиды, из сочинения Ибн Са'ида он заимствовал координаты Танжера ($8^\circ 31'$ долготы и $35^\circ 30'$ широты), Сеуты (9° долготы и $35^\circ 30'$ широты) и Сале ($7^\circ 10'$ долготы и 33° широты) (GA 130, 132). При этом Абу-л-Фида' сообщает и о наличии альтернативных данных, которые, пусть и незначительно, но отличались от сведений Ибн Са'ида. Так, основанное на арабских переработках Птолемея сочинение *Расм ал-Ма'мур* арабского ученого IX в. ал-Кинди определяло долготу Танжера в 8° (GA 132), а в своем рассказе о Средиземном море Абу-л-Фида' без ссылки на источник утверждает, что широта Сеуты равна 35° (GA 27), что на $30'$ меньше данных Ибн Са'ида, приводимых Абу-л-Фидой в описании Сеуты (GA 132).

*А.Л. Корзинин, д.и.н., доц., проф.
ИИ СПбГУ*

Печати московских великих княгинь второй половины XV века

Исследование выполнено по гранту РФФ № 19-18-00247

«Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)»

В средневековой России в XIV–XVI вв. основной формой удостоверения подлинности документов были печати. Великие князья не ставили свои личные подписи на актах, но скрепляли их именными печатями. В великокняжеской администрации имелась особая должность печатника. Печатниками назначались духовные лица, вероятно, с целью придания процедуре выдачи документа рели-

гиозной санкции.

У великих княгинь также имелись собственные печати. Наиболее ранние из сохранившихся печатей принадлежат великой княгине Софьи Витовтовне и относятся к середине XV в. Известны печати великой княгини Марии Ярославны, жены Василия Темного. Сведений о печатях Софьи Палеолог, Соломонии Сабуровой, Елены Глинской не сохранилось. Можно высказать предположение, основываясь на рельефном выпуклом рисунке печатей, их миниатюрных размерах, описаний перстней в царских завещаниях, что печати представляли собой искусно выполненные инталии, вставленные в металлические ободки (с выгравированной надписью об их владельце) и крепившиеся к кольцам, перстням (*Лакиер А.Б.* Русская геральдика. Кн. 1. СПб., 1855. С. 148–150; Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1. М., 1848. С. 4–5). Материалом для инталий служили драгоценные камни рубин, сапфир, изумруд, а также яшма, оникс, сердолик. Печати княгинь были односторонними. Известно, что в XIV–XV вв. главными сюжетами для изображений на печатях были античные геммы, которые попадали на Русь из Византии, с XIV–XV вв. из Западной Европы, балканских стран (*Лакиер А.Б.* Указ. соч. С. 91, 99, 135, 161; *Соболева Н.А.* Русские печати. М., 1991. С. 128–133, 138–142).

Сохранившиеся печати княгинь в большинстве случаев прикладные. Только печать Софьи Витовтовны на ее духовной грамоте 1451 г. вислая, она прикреплена к документу с помощью шелкового малинового шнура. Форма печатей овальная, чаще всего это поперечный овал. На печатях княгинь помещались круговая надпись с титулом («печать княгини великая Софья») / «печать великие княгини Марьи») и оригинальное изображение в центре.

Выбор рисунка зависел от индивидуального вкуса госпожи, примерами для заимствования служили античные образы, запечатленные на различных украшениях (брошах, диадемах, камеях), возможно, древнегреческих вазах. Большинство рисунков на княгининых печатях, к сожалению, сохранилось фрагментарно, что дает поводы к их различной интерпретации.

Следует признать удачной и близкой к действительности атрибуцию изображения на желтовосковой печати, привешенной к духовной Софьи Витовтовны, предложенную Е.В. Пчеловым: похищение дочери афинского царя Эрехта Орифии богом северного ветра Бореем (*Пчелов Е.В.* Печать Софьи Витовтовны и изображение на ней // Международная нумизматическая конференция «Нумизматические коллекции: наследие исторической Литвы и связан-

ных с ней стран – открытия для просвещения и науки». Vilnius, 2012. С. 142–143). На печати изображена крылатая фигура человека, сжимающая в руках другую человеческую фигуру (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 20). Печать довольно крупная по размерам (овал шириной 28 мм, длиной 35 мм, длина неполная, так как верхушка печати отломана) и, возможно, была изготовлена специально для скрепления завешания великой княгини.

Второй тип печати Софьи можно обнаружить на нескольких актах, в частности на грамоте Кирилло-Белозерскому монастырю 1448–1451 гг.; размер данной желтовосковской печати 15x24 мм (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Картон V. 41/36. № 7). Изображение стерлось, удастся разобрать лишь его фрагменты: в нижней части деталь с четырьмя точками-вмятинками, напоминающая лист дерева, и наверху два декоративных завитка. Другая черновосковская печать Софьи по внешнему виду близка к первой (ее размер 18x24 мм, в верхней части заметен завиток) и была приложена к жалованной грамоте Феропонтову монастырю 1448 г. (Архив СПбИИ РАН. Колл. 12. Оп. 1. Ед. хр. 101).

Существуют трудности при атрибуции изображений на печатях Марии Ярославны. Перечень сохранившихся печатей помещен в книге Н.А. Соболевой (*Соболева Н.А. Русские печати. С. 154*). Можно выделить три типа печатей великой княгини. Первый тип представлен фрагментом желтовосковской печати на жалованной грамоте Кирилло-Белозерскому монастырю 1477–1482 гг. В овале (17x25 мм) помещена фигура охотника или охотницы (в профиль), держащая в руке лук. Позади нее слева едва различима другая человеческая фигура, как будто наблюдающая либо идущая за охотником (ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. № 75).

Второй тип, наиболее распространенный (размер 23x26 мм), представлен черновосковской печатью на жалованных грамотах Марии Благовещенскому монастырю 1453 г., Троице-Сергиеву монастырю 1475 г., желтовосковской печатью на грамоте Спасскому Ярославскому монастырю 1466 г. (Архив СПбИИ РАН. Колл. 41. Ед. хр. 21; РГАДА. Ф. 281. № 4971, 10106). Он содержит рисунок охотника (охотницы) с луком либо копьем в руке и бегущей перед ним (справа) собаки с загнутым хвостом.

Изображение на третьем типе черновосковской печати (18x20 мм) в грамотах на земли по р. Шексне 1478–1485 гг. и на владения в Дмитрове в 1468–1478 гг. (ОР РГБ. Ф. 191. № 52; Ф. 303. № 1008) почти стерлось. Архимандрит Амвросий подробно описал оттиск от печати на акте Дионисиево-Глушицкому монастырю 1462–1470 гг.:

«Внизу сокол, сидящий над убитою птицей, под облаками цапля, а к ней подлетающий кречет, а за ним с правой стороны на дыбы ставшая к облакам лающая собака» (Амвросий. История российской иерархии. Ч. V. М., 1813. С. 573). Такая филигранная прорисовка птиц на печати представляется сомнительной. Возможно, архимандрит спутал образ охотника, затертый на печати, с фигурками птиц. Что касается атрибуции изображения на печатях великой княгини, то можно предположить, что Мария Ярославна распорядилась изобразить богиню охоты Артемиду с луком в руке и собакой, бегущей впереди нее. Во второй фигуре, отразившейся только на одной печати, как будто угадывается Актеон, случайно увидевший богиню на охоте. Не исключено, что на печатях Марии показана не Артемиды, а ее брат Аполлон с луком и охотничьей собакой.

*А.В. Краско, глав. библиограф
Центр генеалогии РНБ*

Использование печатных источников в генеалогическом поиске (на примере исследования родословной купцов Растеряевых)

Широко известно, что родословный поиск начинается со сбора сведений, имеющихся в семье, затем исследователь обращается к печатным и архивным материалам. Работа в библиотеках, особенно при помощи опытных библиографов, часто дает важные и разносторонние сведения, что позволяет не только уточнить первоначальные данные, но и максимально подробно составить план архивных исследований. Приведем конкретный пример начала работы над родословной Растеряевых (большой очерк о них см.: *Краско А.В.* Петербургское купечество. Страницы семейных историй. М., 2010).

Среди петербургского купечества XIX – начала XX в. семейство Растеряевых пользовалось значительным влиянием как в коммерческой, так и в общественной жизни. Когда поиск только начинался, было известно, что они переселись в Петербург из Москвы. Это подтвердилось при знакомстве с печатными справочниками «Список московским всех гильдий купцам на 1828 год» и «Список гг. купцов на 1834 год» (по Санкт-Петербургу), где Растеряевы обозначены в составе купечества 3-й гильдии.

Более подробные сведения о составе семьи и времени их переселения в столицу обнаружили в 7-м и 8-м томах уникального издания «Материалы по истории московского купечества», в которых опубликованы ревизские сказки 8-й (1833 г.) и 9-й (1850 г.) ре-

визии. Из них стало известно, что купцы Растеряевы происходят из вольноотпущенных крепостных крестьян, что дата записи их в московское купечество – 1817 год. Это достаточно большое по персональному составу семейство со временем разделилось на несколько ветвей, часть Растеряевых переселилась в 1831 г. в Санкт-Петербург, другие остались в Москве.

Сергей Нефедьевич (Мефодьевич) Растеряев (1806–1860) и его супруга Агриппина Васильевна (1811–1874), вставшая после смерти мужа во главе торгового дела, присутствуют в городских справочниках по Петербургу 1840-х гг., затем в ежегодных справочниках Санкт-Петербургской Купеческой управы «Справочная книга о лицах Санкт-Петербургского купечества...» (издавались с середины 1860-х до 1916 г.). В данном справочнике указывается глава семьи, его вероисповедание, возраст, полученное образование, характер торговых операций, сведения о недвижимом имении, адрес жительства, а также лица мужского и женского пола, состоявшие «при капитале его и семействе», с указанием возраста членов семьи мужского пола. В 1857 г. С.Н. Растеряев стал одним из учредителей «Компании Санкт-Петербургского металлического завода», который со временем превратился в одного из гигантов петербургской промышленности, на фасаде здания завода помещена доска с годом его основания.

Много информации об имущественном положении членов семьи нашлось в газетах «Сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения», «Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам», к которым имеются погодные именные указатели, что значительно облегчает поиск информации по конкретной фамилии.

На укоренение Растеряевых в Петербурге указывают и сведения, напечатанные в справочнике «Петербургский некрополь», изданном в 1912–1913 гг. К концу XIX в. потомственные почетные граждане купцы 1-й гильдии Растеряевы входили в элиту столичного купечества, поэтому извещения о смерти и погребении членов рода встречаются на страницах газеты «Новое время» и «Санкт-петербургские ведомости». Там также указывается общественное положение умершего, адрес проживания, место захоронения, имена и фамилии родственников, поместивших траурное объявление.

Анализируя собранные в печатных справочных изданиях сведения о членах семьи Растеряевых, видим, что три сына Сергея Нефедьевича и Агриппины Васильевны (это второе поколение семьи) оставались в купечестве, войдя по размерам капитала в 1-ю гиль-

дию и получив в 1855 г. звание потомственных почетных граждан. Старшие братья Иван Растеряев (1835–1897) и Григорий Растеряев (1839–1907) вели свои дела в Санкт-Петербурге, а их младший брат Николай Растеряев (1840–?) – в Москве. Однако в третьем поколении, что очевидно из печатных источников, часть мужчин вышла из купеческого сословия, они получили образование и поступили на государственную службу.

В Генеральном алфавитном каталоге РНБ нашлись печатные труды по юриспруденции Николая Григорьевича Растеряева (1869–?), по спискам выпускников Санкт-Петербургского университета обнаружилось, что он закончил юридический факультет этого учебного заведения. Другие его книги, посвященные описанию путешествий по разным странам мира, указывают на широкий круг его интересов. В фондах РНБ нашлась книга стихов рано умершего Григория Григорьевича Растеряева (1861–1892), старшего брата Николая Григорьевича. В предисловии сказано, что издание осуществляется его родственниками, перечисленными поименно, в том числе Елисеевыми и Смуровыми.

Сведения, полученные из печатных источников, позволили обратиться к соответствующим фондам государственных архивов – метрическим книгам, делу о потомственном почетном гражданстве, личным делам учащихся и студентов и др.

*Т.А. Круглова, к.и.н., доц., доц.
МГУ им. М.В. Ломоносова*

Об одном термине, характеризующем рукописную графику XVIII века

Терминологический аппарат отечественной палеографии начал формироваться в период становления дисциплины в конце XVIII в., при этом основополагающие термины для обозначения эволюции древнерусской графики – устав, полуустав, скоропись – были заимствованы тогда же из лексики создателей средневековых письменных материалов. Несовершенные по содержанию, но прочно укоренившиеся в палеографии, эти термины порой создают трудности в описании исторических источников и могут неоднозначно передавать информацию о предмете палеографического анализа.

Впоследствии палеография обогатилась рядом новых терминов. Так, во второй половине XX в. в научный оборот был введен П.Н. Берковым термин парадная скоропись. Данным словосочетанием было предложено называть один из двух видов скорописной

графики XVIII в., а именно: «”парадное” письмо, в разных формах употреблявшееся в прошениях (в особенности “на высочайшее имя”), в подносных экземплярах каких-либо научных и литературных произведений, а также – в более простом виде – в изготавливавшихся для продажи рукописях авантюрно-галантных повестей, сборников песен и т. д.» (*Берков П.Н.* О переходе скорописи XVIII в. в современное письмо // Труды ЛОИИ. Вып. 7. Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященных 75-летию профессора С.Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 39). Исследователь, правда, не указал, когда зародилась парадная скоропись, но, судя по некоторым его ремаркам, можно предположить, что для ученого это был период с конца XVII в. до начала XVIII в.

Второй вид рукописной графики XVIII в. представлял собой, по П.Н. Беркову, «”обычную”, повседневную скоропись, применявшуюся в быту и в канцеляриях при писании черновики документов (например, протоколов, отпусков писем, частных записей и т. п.)» (Там же. С. 39). Под обычной скорописью, которую П.Н. Берков изредка называл также беглой, ученый имел в виду, по-видимому, графику древнерусской скорописи, в XVIII в. развивавшуюся в новых социокультурных условиях.

Специфика парадного письма проявлялась в минимальной вариативности начертаний букв; почти полном отсутствии выносных букв и сокращенно написанных слов; регулярных пробелах между словами; в несвязном написании литер в лексических единицах.

На наш взгляд, несвязное начертание букв в словах следует считать существенным признаком парадной скорописи. Именно он отличал ее от обычной скорописи, но в то же время именно он вызывает сомнение в точности термина, предложенного для обозначения парадного письма XVIII в.

Парадный вариант рукописной графики XVIII в. не вписывался в перспективу, намечившуюся в развитии скорописи еще в конце XV в., когда этот тип письма зарождался в древнерусской письменности. В течение двух следующих столетий шел постоянный поиск технических приемов реального ускорения процесса письма (подробнее см.: *Круглова Т.А.* Русская палеография // *Абрамова Н.Г., Круглова Т.А.* Вспомогательные исторические дисциплины: учебное пособие. М., 2008. С. 125–142). Среди таких приемов вершиной стало, без сомнения, связанное написание нескольких соседних букв. К концу XVII в. связанные начертания были найдены для сочетаний букв строчных; строчных с надстрочными; надстрочных; надстрочных со строчными. В XVIII в. отказаться от связанного письма уже

было невозможно. О сохранении этой генеральной линии эволюции древнерусской графики как в XVIII в., так и в последующих столетиях свидетельствуют стандарты рукописного письма от первых десятилетий XIX в. до наших дней. Во-первых, в прописях Нового и Новейшего времени наличествует связное письмо; во-вторых, графические варианты ряда строчных букв, внесенных в прописи, появились еще в древнерусской скорописи: «в» калачиком, «д» с петлей внизу и т. д. Поэтому представляется, что развитие современной скорописи могло идти прежде всего на основе обычной скорописи, освобождавшейся постепенно от черт древнерусского письма. Упрощение скорописи проходило под воздействием многих факторов, в том числе и так называемой парадной скорописи, но при сохранении главной типологической черты ускоренного письма – связного начертания букв в словах.

В свете этих рассуждений трудно согласится с выводами П.Н. Беркова о судьбах каждого из двух видов рукописной графики XVIII в., т. е. о том, что, во-первых, обычная скоропись, просуществовав всего три четверти XVIII в., умерла «естественной смертью»; во-вторых, «в нашу современную графику преобразовалось тогдашнее ”парадное письмо”» (Там же. С. 39).

Парадная скоропись – это рукописное письмо, ориентированное на подражание в первую очередь шрифтам некоторых гражданских изданий XVIII в., что и было доказано П.Н. Берковым. К этому добавим, что к настоящему времени палеографы выделили в русском полууставе стилистическую группу, названную круглящимся полууставом. Эта разновидность, имевшая некоторые черты парадной скорописи, например, раздельное написание слов в тексте и отсутствие выносных букв, сформировалась в последней четверти XVII в. Позднее на место круглящегося полуустава, по мнению Л.М. Костюхиной, «пришла книжная скоропись XVIII в.» (*Костюхина Л.М. Палеография русских рукописных книг XV–XVII вв. Русский полуустав. М., 1999. С. 40, 41*). Поэтому у парадной скорописи XVIII в. был, скорее всего, и рукописный источник – книжное письмо в варианте круглящегося полуустава.

С учетом приведенных наблюдений можно сделать вывод о том, что парадный вариант письма не должен быть объединен с обычной скорописью в общий тип письма. Парадная скоропись должна быть противопоставлена скорописи XVIII в. как книжное письмо и находиться в оппозиции к ней так же, как в XVII в. полуустав к скорописи.

Термин парадная скоропись, таким образом, неточно характери-

зует рукописную графику. Используя его, следует иметь в виду, что за ним скрывается вариант книжного письма XVIII в., исчезнувший в первые десятилетия следующего столетия.

*А.С. Кручинин, зав. отделом
Дом Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына*

Небывалый флаг выдуманного пирата

Второй том «Всеобщей Истории Пиратов» (Лондон, 1728) открывался очерком о «капитане Миссоне», французском офицере, якобы учредившем на Мадагаскаре утопическую пиратскую республику Либерталию. Рассказ, который однозначно расценивается сейчас как одна из литературных вставок в повествование о существовавших в действительности разбойничьих вожжах, отличается рядом подробностей, причем иные явно ему вредят – как, например, попытка записать в соратники Миссону действительно существовавшего капитана Т. Тью, чья смерть в бою не позднее декабря 1695 г. документально зафиксирована, хотя начало пиратских походов Миссона автор точно датирует 1707 г. Тем не менее обаяние «Либерталии» оказывается настолько сильным, что даже серьезные исследования подчас пытаются отождествить ее с пиратскими базами на Мадагаскаре или близлежащих островах.

Одной из подробностей является и описание выбора пиратского флага (ensign). Вопреки совету боцмана, рекомендовавшего черный, «как наиболее устрашающий», после увещаний помощника Миссона, монаха-расстриги Карачиоли, горячо убеждавшего слушателей не считать себя пиратами (но «если весь свет воюет против нас, то и мы должны атаковать, а не только защищаться»), был принят новоизобретенный вариант флага: «A white Ensign, with Liberty painted in the Fly, and if you like the Motto, A Deo a Libertate, For God and Liberty». Надо заметить, что пересказ этого фрагмента обычно сопровождается значительными упрощениями: «a white flag with the motto “For God and Liberty”», без упоминания «нарисованной Свободы», – и если в советское время вариант «флаг, придуманный Карачиоли, был необычным: белый, с надписью “За Бога и свободу”» (с «идеологически верным» комментарием: «Молодые утописты создавали, что именно в такой форме – в виде исполнения божественного предначертания – их стихийный коммунизм будет понятнее рядовым пиратам») был явным следствием незнания первоисточника, то почему ссылкой на правильную страницу его аутентичного издания сегодня снабжается фраза «белый флаг с надписью “За Бо-

га и свободу” впервые взвился над французским кораблем “Виктуар”...», – объяснить трудно.

Возможно, впрочем, что сложности перевода и даже осмысления текста англоязычными авторами происходят от непонимания выражения «in the Fly» и преодолеваются не менее простым способом – игнорированием его. Само же выражение относится к специальной флажной терминологии и обозначает часть полотнища, удаленную от древка; таким образом, рисунок на «флаге Миссона – Карачиоли» располагался несимметрично. Из буквального прочтения источника не следует также, что пиратами был принят девиз («if you like» как будто придает оттенок предположительности). Другим примером того, как домыслы могут вступать в противоречие с буквой источника, является утверждение одного из историков, что девиз был вышит (embroidered) на полотнище, в то время как «Всеобщая История» говорит о нарисованном красками изображении, и правдоподобнее предположить, что и девиз написали бы кисточкой.

Символика белого цвета достаточно исчерпывающе раскрывается в перечне достоинств, которые связывает с ним автор: смелость, справедливость, благородство, невинность (неиспорченность), решимость и честность, а девиз заставляет провести очевидную параллель с разбойниками Балтийского и Северного морей XIV в., гордо называвшими себя «друзьями Бога и врагами всего света», хотя трудно предположить, чтобы легенды о них были на слуху у французских моряков три столетия спустя.

Но идентифицирующая функция флага тех, кто противопоставил себя всему свету, вряд ли достигалась, поскольку сам флаг было слишком легко перепутать с каким-либо из уже существовавших (различные варианты английского, французского, испанского, португальского... – все с преобладанием белого цвета). А потому дополнительная фигура на «флаге Либерталии» оказывалась вовсе не лишней, и чем более броско она была бы нарисована, тем было бы лучше.

Но тут-то и кроется главная загадка, ибо «нарисовать Свободу» было совсем не трудно в конце XVIII в., но в его начале задача эта представляется далеко не столь очевидной. В Древнем Риме существовала персонификация «Свободы государства» или «Свободы республики» в виде женской фигуры, атрибутами которой могли быть фригийская шапка, лавровая ветвь, скипетр, трон. Но с течением веков она сходит со сцены, и даже в эпоху многочисленных и порой переусложненных аллегорий, эмблем и персонификаций образ Свободы уже не популярен. Возможно, это связано с неопреде-

ленностью самого понятия: свобода – не моральная категория, не стихия, не чувство, не сохранилась она в культурной памяти и в составе пантеона языческих божеств. Характерно, что в таком обширном своде, как знаменитые «Символы и эмблемата» (первое издание – 1705 г.), на 840 эмблем понятие свободы возникает лишь трижды и с довольно неожиданными изобразительными воплощениями: «башня на море» (девиз «Свободна и безопасна» – англ. «Free and frank»), «конь бегущий» («Вольность со страхом» – «Liberty but with fear») и... «попугай в клетке», сопровождаемый девизами «Лучше быть вольным. Свобода лучше золотой клетки» («Nothing better than liberty»). Конечно, пытливый ум и художественное воображение могли изобрести фигуру или композицию, которая в глазах ее автора олицетворяла бы Свободу, но при этом немедленно возникла бы необходимость объяснять зрителям, начиная с команды собственного корабля, что же эта фигура или композиция, собственно, должна означать.

Лет через шестьдесят после выхода в свет «Всеобщей Истории Пиратов», в революционную эпоху, такого объяснения не потребовалось бы, но в первой четверти XVIII в. выбор для «флага Либерталии» «нарисованной Свободы», относясь к области сравнительно ограниченной «книжной культуры», может рассматриваться как один из дополнительных аргументов в пользу «литературного» характера всей истории о пиратской Утопии.

*Ю.П. Крылова, к.и.н., с.н.с.
ИВИ РАН*

Несчастный граф Ангулемский и его книги

Жан Ангулемский был третьим сыном герцога Людовика Орлеанского и его супруги Валентины Висконти. Большинству он известен как младший брат известного поэта Карла Орлеанского, а также как дед французского короля Франциска I, начавшего ангулемскую ветвь династии Валуа. Несмотря на самое высокородное происхождение, семейный круг, сыгравший существенную роль в свое время, и сохранившиеся источники, его персона до сих пор, похоже, не слишком заинтересовала исследователей. Единственная его биография была написана еще в XVI в. и несколько раз переиздавалась. На нее же ссылается в своих работах и исследователь XIX в. Г. Дюпон-Феррье. В XX в. наметился некоторый интерес к отдельным книгам библиотеки графа, в частности, к списку «Кентерберийских рассказов» Чосера. В 2009 г. Ж. Уи переиздал инвентари книжных собра-

ний Жана и его старшего брата с некоторыми дополнительными материалами, заявив, что это должно стать «отправной точкой исследования прекрасно сохранившегося рукописного фонда огромной ценности для европейской культуры, в котором еще предстоят новые открытия» (*Ouy G. La librairie des frères captifs. Les manuscrits de Charles d'Orléans et Jean d'Angoulême. Turnhout, 2007. P. 8*).

Жан родился в 1399 г., и судьба его ждала трагичная. В 1407 г. по инициативе герцога Бургундского был убит его отец – Людовик Орлеанский. Желая отомстить за его смерть, коалиция родственников обратилась за помощью к давним противникам – англичанам. Однако перемирие было достигнуто прежде, чем те успели высадиться на континенте. Опасаясь остаться без оплаты, войско занялось грабежами. Для выдворения их из страны им была обещана солидная сумма в 150 тыс. экю и заложники. Так, в 1412 г., в разгар Столетней войны, в результате дипломатических переговоров Жан Ангулемский был отправлен заложником в Англию. Ему было всего 13 лет, и пробыл он в плену следующие 33 года своей жизни. Обстоятельства не благоволили к нему, переговоры о его возвращении постоянно срывались. В 1415 г. во время битвы при Азенкуре в плен попал и его старший брат, что еще больше осложнило их жизнь. Переходя от одного «хозяина» к другим, его наследникам, и выплачив в несколько раз больше обещанного залога и оставшись еще должным, граф в зрелом возрасте вернулся домой.

Посмертный инвентарь библиотеки (1467) Жана Ангулемского свидетельствует, что он обладал неплохим для аристократа его времени книжным собранием, хотя и не очень большим, учитывая обстоятельства его жизни. Около половины его книг идентифицировано. Сохранности его собрания способствовало то, что потомки графа Ангулемского стали королями, а его книги – частью королевской библиотеки (впоследствии – Национальной библиотеки Франции). Инвентарь несколько раз переиздавался, однако его данные до сих пор не были систематически изучены. Издание Ж. Уи содержит несколько новых идентификаций, но в целом носит лишь справочный характер, и включает некоторые ошибочные наименования 1467 г.

Согласно инвентарю собрание Жана Ангулемского в замке Коньяк после его смерти насчитывало 163 наименования, из них на французском – 71, на латыни – 84, на обоих языках – 7 и на английском – 1. Собрание представляет чрезвычайный интерес также по той причине, что 14 книг были целиком или частично переписаны самим графом, а большинство книг его библиотеки содержат пометы, фолиацию, корректорские исправления и часто оглавления, сде-

ланные его рукой. На нескольких томах его собрания значится подпись старшего брата Карла (на трех – Karolus, на четырех – Charles), однако неизвестно, когда и при каких обстоятельствах они попали к Жану. Также известно, что граф был автором нескольких благочестивых стихотворений.

Несмотря на то, что некоторые книги Жана Ангулемского интесировали исследователей, сам инвентарь остается, по сути, неизученным. Между тем, в нем можно почерпнуть ценные сведения как об обстоятельствах жизни самого графа, так и о судьбе его книг и книжной культуры в целом. В частности, обращает на себя внимание, что существенная часть идентифицированных рукописей содержится в первой половине изданного Г. Дюпон-Феррье инвентаря, что позволяет предположить, что далее работа по какой-то причине замедлилась, а значит есть все шансы новых идентификаций. И действительно, благодаря современным информационным технологиям и поиску в каталоге рукописей BNF удалось обнаружить рукопись, соответствующую описанию тома № 57 (BNF. fr. 1657): XV в., пергамен, текст в стихах, incipit «Tristis est anima mea», обрывается на «*me mondaine*». Это французское переложение Жаном Ле Февром антифеминистского сочинения конца XIII в. «Жалобы Матеолуса», с которого начался знаменитый «спор о женщинах». Печать королевской библиотеки «*Bibliotheca regia*» свидетельствует, что том к XVII в. уже находился во владении королей.

Чрезвычайно интересен каталог собрания и с точки зрения самого набора книг. Он резко отличается от коллекций высокопоставленных светских сеньоров второй половины XV в. Жанр сочинений не всегда определяется однозначно, но с уверенностью можно сказать, что подавляющее большинство книг графа посвящены богословским, религиозно-философским и морально-нравственным вопросам. Среди его книг практически нет сочинений современных ему авторов, включая его брата Карла Орлеанского. Библиотека графа Ангулемского – это собрание глубоко благочестивого человека, мыслителя и философа, вдумчиво анализировавшего трагические перипетии своей жизни и, возможно, с трудом смирявшегося с предначертанной ему судьбой. Об этом, в частности, свидетельствует наличие шести экземпляров «Утешения Философией» Бозция. Один из них полностью переписан самим графом и дополнен его комментариями. О направлении его размышлений можно понять даже из названий собранных им сочинений: всевозможные «*Meditacion*», «*Consolation*», «*Complainte*», «*De complantu*», «*De contemptu mundi*» и особенно не может оставить равнодушным на-

личие среди его книг сочинения Иоанна Златоуста «De eo quod nemo l(a)editur nisi a semetipso», косвенно подтверждающего, к какому выводу мог прийти граф Ангулемский, размышляя об истоках своих бед.

*И.В. Кубышкин, полковник
зам. нач. Военно-геральдической службы ВС РФ,
адъюнкт Военного университета*

Геральдическое обеспечение Вооруженных Сил Российской Федерации как предмет исторического исследования

1. Политико-правовой аспект создания и развития символики Вооруженных Сил. Первыми официально учрежденным воинскими символами ВС РФ стали военно-морские флаги и вымпелы Российской Федерации, утвержденные Указом Президента РФ 1992 г. № 798. В 1993 г. приказом Министра обороны П.С. Грачева № 35 военнослужащим ВДВ было разрешено носить экспериментальные нарукавные знаки. Данный приказ был отменен в 1997 г. после учреждения Указом Президента РФ № 46 эмблемы ВС РФ, которым вместе с утверждением положения, описания и рисунка данной эмблемы, коротко определены цель, направление и задачи формирования системы воинских символов ВС РФ. В частности отмечалось, что целями учреждения эмблемы является приведение системы геральдических знаков ВС РФ в соответствие с государственными символами, сохранение и развитие исторических традиций отечественной военной геральдики, восстановление преемственности в символике боевых знамен, флагов, военных наград и знаков различия в российской армии.

Эмблема ВС РФ явилась основой для построения эмблем видов и родов войск, которые первоначально были установлены только в виде «орлов». Эмблема конкретной воинской части в трех видах: большая (гербового вида), средняя и малая, появилась в 2001 г.

Вместе с тем, важным направлением являлось создание знаменно-флажной системы ВС РФ.

В отношении внешнего вида знамени ВС РФ состоялся, если можно так выразиться, «геральдический казус», когда политически оправданное в целом деяние, повлекло за собой крайне неприятные последствия с точки зрения геральдики: появление официального символа в виде «пустого» красного полотнища, воспринимаемого обычно как знак опасности.

При этом разработка проекта нового боевого знамени осуществлялась по образцу армейских знамен Отечественной войны 1812 года. Для всех имевших отношение к этой работе стало полной неожиданностью, когда 26 ноября 2002 г. в ходе расширенного совещания руководящего состава президент РФ В.В. Путин поддержал озвученные министром обороны С.Б. Ивановым предложения ветеранских организаций разместить на знамени ВС РФ изображение пятиконечной звезды.

В 2003 г. впервые был создан и официально закреплен законом символ, отражающий в своем содержании историю России разных эпох – Знамя ВС РФ в виде красного полотнища с изображениями пятиконечных звезд в углах, каймы, аналогичной кайме знамен образца 1883 г., государственного герба и эмблемы ВС РФ на лицевой и оборотной сторонах, соответственно.

После 2013 г. система воинских символов была дополнена новыми категориями: знамена объединений; нагрудные должностные знаки руководителей от Министра обороны до командира отдельного батальона; квалификационные знаки, отражающие качественные и количественные достижения военнослужащих по воинским специальностям; символика «ударных» соединений воинских частей и подразделений; полковые (корабельная) чаши; вымпелы главкомандующих видами и командующих войсками военных округов и родами войск; знаки различия федеральных государственных гражданских служащих.

2. Сущность и содержание геральдического обеспечения.

Термин «геральдическое обеспечение» в федеральном нормативном правовом акте впервые появился в 1994 г. при формулировании одной из основных задач созданной Государственной герольдии при Президенте РФ. И сегодня «геральдическое обеспечение работ по созданию и использованию официальных геральдических знаков» остается задачей образованного на основе государственной герольдии Геральдического совета при Президенте РФ.

Используемое в настоящее время в Минобороны Руководство по геральдическому обеспечению ВС РФ отличается официальным установлением понятийного аппарата. Так, например, кроме данного документа нигде не представлены определения таких понятий, как «официальный символ», «воинский символ», «исторический символ». Здесь же даны точные критерии отличия «знамени» от «флага» и, естественно, определение «геральдического обеспечения ВС РФ», под которым понимается комплекс взаимосвязанных мероприятий и действий по разработке, учреждению, изготовлению,

регистрации и использованию воинских, исторических и иных официальных символов, проводимых в части имеющихся полномочий воинскими формированиями в целях реализации единой государственной политики в области геральдики в ВС РФ.

На этом основании Руководством, кроме определения системы воинских символов, включающей военные геральдические знаки (различия и отличия), знамена и флаги, также установлен порядок их разработки, учреждения, изготовления и использования.

*А.В. Кузьмин, к.ф.-м.н., к.искусств., н.с.
ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН*

«Антикитерский механизм»: верификация античной механической модели Космоса

Обратившись к коллекции античных артефактов мы видим, что механизм, подобный описанному Архимедом (*Кузьмин А.В. «Механический Космос»* (от Античности до начала XVII века) // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXII Междунар. науч. конф. М., 2019. С. 233–235*), действительно существовал. Согласно современным оценкам, он был создан от 205 до 85 г. до н.э. в регионе близком 35 параллели, вероятно, на острове Родос (*Hadrava P., Hadravová A. Antický předchůdce středověký orlojů? // Pokroky matematiky, fyziky a astronomie. Praha, 2009. Ročník 54. Nr. 4. P. 318–324*). Наиболее ранняя оценка датировки практически совпадает с временем гибели Архимеда (212 г. до н.э.).

Механизм, о котором идёт речь, в настоящее время хранится в Национальном археологическом музее в Афинах. Он был обнаружен 4 апреля 1900 г., на затонувшем в древности корабле вблизи острова Антикитера, по названию которого он получил своё современное наименование (см. также: *Зверкина Г.А. Антикитера – древнегреческий механический календарь // Календарно-хронологическая культура и проблемы её изучения. Материалы науч. конф. М., 2006. С. 111–113*).

Вместе с коллекцией скульптурных произведений, оказавшейся на этом римском корабле, шедшем, предположительно, с острова Родос, с глубины порядка 60 м были подняты фрагменты, вначале считавшиеся обломком пластики, но впоследствии было обнаружено, что это сильно подверженные коррозии и морскими отложениями части механического устройства, включавшего около 30 бронзовых зубчатых колёс, которые размещались в деревянном кор-

пусе, снабжённом двумя циферблатами. Приблизительные размеры устройства 32х17х6 см. Это открытие было совершено сотрудником Национального археологического музея в Афинах археологом Валериосом Стаисом 17 мая 1902 г.

Вскоре после этого события были предприняты первые исследования столь необычной находки, авторами которой были греческие военно-морские офицеры. Около 1930 г. была создана первая бронзовая модель, основанная на внешнем осмотре фрагментов.

Первое рентгеновское исследование было предпринято Д.Д. де Солла Прайсом в 1951 г. Полная схема устройства была реконструирована к 1971 г. В её состав вошли 32 шестерни. В реконструкции Прайса циферблат на передней стороне служил для отображения круга Зодиака (годового календарного цикла). Два циферблата на второй стороне служили для отражения двух циклов.

Первый моделировал соотношение 254:19 и использовался для моделирования движения Солнца и Луны на фоне неподвижных звёзд. Данное соотношение модулирует цикл Метона: 254 периода обращения Луны относительно неподвижных звёзд (сидерических месяца) равны 19 тропическим годам.

Второй цикл составляет 223 лунных (синодических) месяца, по его завершении цикл солнечных и лунных затмений повторяется. Положение Солнца и Луны выводилось на циферблат. Британский часовщик Джон Глив по этой схеме построил демонстрационную копию механизма.

Очередной цикл исследований антикитерского механизма принял Майкл Т. Райт, в 1997 г. впервые использовавший для этого методы рентгеновской томографии, что позволило изучить его двухмерные срезы. Новое исследование сразу выявило ошибки и неточности предшествующего. В 2002 г. Райт предложил новую реконструкцию, согласно которой механизм мог моделировать не только движение Солнца и Луны, но и пяти планет, известных с древнейших времён.

Вскоре после презентации Райта, значительно усилившей интерес к находке, от момента обнаружения которой прошло уже более 100 лет, в 2005 г. под эгидой Министерства культуры Греции был начат Греко-британский проект «Antikythera Mechanism Research Project».

В качестве основного метода исследования была использована компьютерная томография. В результате применения новейших методик, кроме реконструкции технических элементов, удалось прочитать около 2000 греческих символов, которые маркировали дета-

ли механизма. В Афинах был представлен доклад по результатам исследования. В частности, в докладе было показано, что эллиптичность движения Луны моделировалось колесом со смещённым центром (*Moussas X. The Antikythera Mechanism: the signature of Archimedes on the eclipses, operation of the instrument, planetary pointers and Kepler before Kepler? // XXI SEAC conference. Astronomy: Mother of Civilization and Guide to the Future. National and Kapodistrian University of Athens. Athens, 2013. P. 76–77; Henriksson G. Thales of Miletus, Archimedes and the solar eclipses on the Antikythera Mechanism // Там же. P. 47–48).*

В 2016 г. были представлены очередные результаты, связанные с дешифровкой текстовой информации по реконструированным надписям. Из 2000 греческих символов, размещающихся на 82 сохранившихся фрагментах, удалось реконструировать 500 слов. Всё описание состояло приблизительно из 20000 символов. В основном это календарные надписи и надписи прогностического содержания относительно погодных явлений. Прибор состоял из 37 шестерней, из которых можно идентифицировать 30; кроме подробного представления движения Солнца и Луны, мог демонстрировать движение всех известных тогда планет, и, кроме того, показывал время наступления олимпийских игр и других важных периодов общественной жизни.

Антикитерский механизм, как и глобус Архимеда, представлял собой демонстрационную модель, работавшую от ручного привода. Собственного двигателя и регулятора хода он не имел, но позволял в аналоговом режиме синхронно воспроизводить солнечные, лунные, планетные эфемериды, согласно принятому календарному счёту времени.

*О.Ю. Кулаковская, к.пед.н., доц.
Петрозаводский ГУ*

Становление и развитие Генеалогического общества Карелии

В последнее время среди различных слоев населения нашей страны растет интерес к генеалогии и истории семей, постепенно приобретая характер народного движения по изучению родового прошлого.

Данный процесс не мог не затронуть Карелию. Однако по сравнению с другими субъектами РФ рост генеалогической культуры населения республики до недавнего времени был мало заметен, хотя

за последнее десятилетие ситуация изменилась в лучшую сторону.

В 2010 г. в Петрозаводском государственном университете был организован научный студенческий кружок (ныне научная лаборатория) «Семейный летописец». Его успешная деятельность привела в 2012 г. к решению создать Генеалогическое общество Карелии (ГОК). Начались регулярные заседания, на которых заслушиваются доклады и сообщения членов ГОК. Стали проводиться и общереспубликанские научные конференции, такие, как «Генеалогия в духовном измерении» (декабрь 2014 г.), «Генеалогия и религия» (март 2016 г.), «Узы родства» (ноябрь 2018 г.), «Библиотека, архив, музей, церковь, школа и вуз как опорные пункты формирования генеалогической культуры человека» (апрель 2019 г.). Наконец, в декабре 2019 г. была проведена первая всероссийская научная конференция «Карельские генеалогические чтения».

Нужно обратить внимание на одно обстоятельство, присущее именно Карелии: активная работа центральной организации ГОК получила широкую и эффективную общественную поддержку со стороны краеведов и любителей генеалогических изысканий, проживающих по всей республике. В районных центрах стали возникать объединения местных энтузиастов, которые становились филиалами ГОК. Руководство Общества, со своей стороны, делает все возможное, чтобы поддержать эту инициативу. В итоге к настоящему времени в Карелии учреждено уже 14 филиалов Общества: в Кондопоге, Медвежьегорске, Пудожье, Сортавале, Олонце, Пряже, Сегеже, Беломорске, Прионежском районе, Костомукше, Питкяранте, Лахденпохье, Кеми, Лоухи. При некоторых из них созданы свои собственные локальные отделения в малых удаленных деревнях и поселках: в Видлице, Ялгубе, Чалне, Заозерье, Туксе, Ильинском. Создание подобной региональной сети дочерних филиалов в деятельности Общества не является самоцелью, скорее, это результат популяризации генеалогии и истории семей в масштабах всей республики. Для этого проводятся ежегодные генеалогические конкурсы «Узы родства», республиканские выставки «Родословная: твоя и моя».

Руководство Общества с самого начала стремилось осуществлять свою деятельность совместно с Национальным архивом Карелии, Национальной библиотекой Республики, Национальным музеем Карелии, Карельской и Петрозаводской епархией Русской Православной Церкви, с различными учреждениями культуры и образования – от университета как одного из опорных вузов России до средних образовательных школ.

Члены ГОК стали не только устанавливать плодотворные кон-

такты с коллегами по всей стране, но и все более активно участвовать в международной генеалогической жизни.

Достижения Общества привлекли к себе внимание общественности, и его деятельность не раз получала высокую оценку. Так, в 2017 и 2018 гг. по результатам Всероссийского конкурса публичных отчетов некоммерческих организаций «Точка отсчета» отчету Общества два года подряд был присвоен «Бронзовый стандарт». Подобный конкурс годовых отчетов был организован и в Карелии под эгидой Министерства национальной и региональной политики Республики, в нём в 2017 и 2019 гг. ГОК завоевало второе место в разных номинациях.

После официального оформления и юридической регистрации ГОК в Министерстве юстиции Республики в июле 2015 г. стала возможной проектная деятельность Общества. Первым успехом стал в 2018 г. наш проект «Родословные народов Карелии» в рамках подпрограммы «Сохранение единства народов и этнических общностей Карелии» («Карьяла – наш дом») – части обширной государственной программы Республики Карелия «Развитие институтов гражданского общества и развитие местного самоуправления, защита прав и свобод человека и гражданина». В том же году получил поддержку Фонда президентских грантов для социально ориентированных некоммерческих организаций России проект ГОК «Родознание».

Руководство ГОК уделяет большое внимание популяризации знаний про генеалогии и истории семей, и уже состоялись два цикла занятий Школы «Азы генеалогии».

Наконец, начала развиваться и издательская деятельность. Первым шагом в этом направлении стало участие ГОК в подготовке к печати коллективной монографии «В семье Наук, своих сестер державных, генеалогия не знает равных» (авторы А.В. Краско, О.Ю. Кулаковская, И.В. Сахаров), увидевшей свет в 2018 г. в качестве первого опубликованного труда Центра генеалогии и истории семей в Гуманитарном инновационном парке, недавно организованном в Петрозаводском государственном университете. В том же году было издано учебно-методическое пособие «Азы генеалогии» (переизд. в 2019 г.). Наконец, в 2019 г. увидел свет первый печатный сборник ГОК – Вестник «Корни и Крона».

Руководство Общества надеется на то, что деятельность ГОК, в том числе издание первого выпуска упомянутого Вестника, привлечет живое внимание со стороны не только профессиональных генеалогов и генеалогов-любителей, но и самых широких слоев жителей Карелии.

**Палеографические и кодикологические особенности
миней четьи за февраль месяц первой четверти XV в.
(РГБ. ф. 173. I [МДА]. № 92)**

Рукопись № 92 из собрания Московской Духовной академии (РГБ. ф. 173. I [МДА]) хранится в Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки и представляет собой самый ранний сохранившийся список миней-четьих за февраль месяц домакарьевского состава (далее: Мин. чет. февр.). Рукопись датируется первой четвертью XV в. Данные анализа филиграней не противоречат указанной датировке. На бумаге рукописи обнаружены два типа водяных знаков: I тип – «кабанчик» и II тип – «сидящий леопард», имеющий здесь шесть разновидностей.

Впервые к этому памятнику привлек внимание других специалистов И.И. Срезневский. Описание рукописи и небольшая выборка слов были опубликованы им в «Сведениях и заметках о малоизвестных и неизвестных памятниках» (*Срезневский И.И.* Февральская книга Миней четьи древнего состава по списку XV в. // Сб. ОРЯС. Т. 12. СПб., 1875. С. 377–390). Краткая запись о Мин. чет. февр. также дана о Леонидом (Кавелиным): *Леонид (Кавелин), архим.* Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св.Троице-Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. Вып. 1–2. М., 1887; С. 37–42.

Мин. чет. февр. не имеет помет о времени и месте ее написания. Данная рукопись до сих пор основательно не изучена со стороны палеографии и языка.

Мин. чет. февр. содержит 356 страниц = 178 листов (нумерация арабскими цифрами в правом верхнем углу более позднего времени). Полистная нумерация представлена только с 1 по 9 лист. Возможно, что древняя нумерация утрачена в результате обреза верхнего поля при повторном переплетении. Размер листов 27,5 x 19,5 см. Текст рукописи написан младшим полууставом на бумаге в 1° в один столбец на каждой странице. Количество строк немного варьируется – по 31–32 строке. На страницах, где присутствует заголовок – по 29 строк. Конечный текст расположен в виде фигуры «воронки». Мин. чет. февр. написана одним писцом. Почерк довольно ровный, четкий. Рукопись состоит из 23 пронумерованных писцом тетрадей, содержащих, как правило, по восемь листов. Состав

тетради – двойные листы. 1-я тетрадь состоит из шести листов, 2-я и 14-я – из двух листов (один двойной), 11-я и 13-я тетради – из десяти листов, 22 – из двенадцати листов. В настоящее время все листы рукописи сохранились, находятся в удовлетворительном состоянии. Бумага хорошего качества, всюду одинаковая по плотности (довольно плотная), поверхность ее гладкая. По краям листов видны следы реставрационных работ.

При переписке текста или при сшивке 1-ой и 2-ой, 11-ой и 12-ой тетрадями были перепутаны листы. В результате этого минейные чтения на 1 февраля (Житие и Мучение св. Трифона) и 14 февраля (Житие св. Авксентия) идут непоследовательно.

Рукопись не сохранила древний, времени изготовления книги переплет. Мин. чет. февр. имеет цельнокожаный переплет обиходного типа, украшенный тиснением с растительным орнаментом. Есть основание полагать, что существующий переплет изготовлен в книгописной мастерской Троице-Сергиевой Лавры в середине – второй половине XVI в.

Общий характер почерка писца Мин. чет. февр. типичен и актуален для древнерусской письменности конца XIV – начала XV вв. Этот тип почерка появляется в восточнославянской письменности в первой половине XV в. в результате так называемого «второго южнославянского влияния». Этот термин ввел А.И. Соболевский для обозначения явлений в древнерусских памятниках конца XIV – начала XV вв. (Соболевский А.И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV в. СПб., 1894). В конце XIV – начале XV в. изменился облик древнерусских рукописей. На смену старшему русскому полууставу пришел младший полуустав, тератологическому и старовизантийскому орнаменту – нововизантийский геометрический и растительный орнамент. Заглавия к текстам начали писаться вязью. Сам текст в конце книги мог располагаться в виде какой-нибудь фигуры.

Отражение всех этих изменений мы находим в рассматриваемой нами рукописи.

Дошедшая до нас Мин. чет. февр. не принадлежит к числу богато украшенных, роскошных рукописей. Орнаментирована она очень скромно. В ней нет заставок и миниатюр. Скромность оформления характерна для древнерусских книг аналогичного содержания, поскольку назначение их было прежде всего функциональное (*Гальченко М.Г.* Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы. М., 2001.) Заголовки и инициалы в Мин. чет. февр. выполнялись, скорее всего, самим писцом в про-

цессе написания текста. Эти заголовки, находящиеся в самом тексте, и инициалы (на полях), написаны киноварью.

Первые строки заглавий выполнены вязью и сравнительно с текстом крупнее, последующие – мелким полууставом, которым написан основной текст.

Инициалы, начинающие минейные сказания, сравнительно небольшие, написаны на полях киноварью. Самые мелкие из них занимают три строки, самые крупные – пять строк. Почти все инициалы выполнены в одной манере. Это могут быть простые тонкие киноварные инициалы (например: **Т** – С. 272; **Б** – С. 277; **П** – С. 330 и др.), а могут быть инициалы с небольшими отрезками растительного орнамента (например: **В** – С. 79; **Б** – С. 130; **С** – С. 1, 51, 281, **М** – С. 268 и др.), а также имеется буква **Ц** на С. 260 геометрического орнамента.

Рассматриваемая рукопись представляет древнерусскую норму «второго южнославянского влияния», что позволяет подтвердить датировку появления этого списка и говорить о его северо-восточном происхождении, поскольку наиболее раннее проявление этого явления наблюдается в северо-восточных рукописях, в работах московских писцов (*Вздорнов Г.И.* Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII– начала XIV веков. М., 1980; *Гальченко М.Г.* Там же. С. 339).

Скорее всего, Мин. чет. февр. была написана в скриптории Троице-Сергиевой Лавры, в собрании которой она хранится до сегодняшнего дня.

М.А. Курьшева, к.и.н., с.н.с.
ИВИ РАН

**Рукопись «Христианской Топографии» Козмы Индикоплова
Vat. gr. 699 последней четверти VIII – начала IX века:
к обоснованию датировки**

В докладе будут представлены результаты палеографического изучения знаменитой иллюминированной рукописи Христианской Топографии Козмы Индикоплова *Vat. gr. 699* (рукопись оцифрована и доступна для просмотра на сайте Ватиканской библиотеки: http://digi.vatlib.it/view/MSS_Vat.gr.699/0009?sid=eeeb841700693dd0617b635c6f162db5; см. недавнее описание с библиографией: *Kominko M.* The World of Kosmas. Illustrated Byzantine Codices of the Christian Topography. Cambridge, 2013. P. 227–230). Ключевым признаком для датирования этой рукописи является имитационно-

редуцированная диакриктика текста (Фонкич Б.Л. Византийский маюскул VIII–IX вв. К вопросу о датировке рукописей. М., 2020 (в печати)).

В XIX в. этот самый древний кодекс сочинения Козмы Индикоплова датировался VI или VII столетиями. Тем не менее, еще Б. де Монфоко, опубликовавший в 1706 г. *editio princeps* «Христианской Топографии» Козмы Индикоплова, датировал кодекс *Vat. gr. 699* «примерно IX столетием» или, более осторожно, помещал этот манускрипт в «VIII или IX в.».

В последние 100 с лишним лет у историков искусства и палеографов устоялась датировка *Vat. gr. 699* – «в целом IX в.» (К. Сторнайоло, К. Вайцман, Р. Девреес, В.Н. Лазарев, В. Вольска-Коню, Л. Брубейкер, И. Орецкая, А. Захарова), а локализация все еще дискутируется – Константинополь или Южная Италия (Ж. Леруа, Г. Кавалло, М. Коминко, П. Орсини).

В историографии датировка *Vat. gr. 699* IX столетием базировалась на общем архаичном облике этой рукописи и на аналогиях, приводимых историками искусства. Тем не менее, очевидно, что все кодикологические особенности рукописи *Vat. gr. 699* объясняются не провинциальным (якобы южноитальянским) происхождением, а фрагментарностью наших знаний о создании пергаменных книг в VIII–IX вв. в разных центрах Ромейской империи и невозможностью пока выявить весь корпус таких рукописей для построения их адекватной хронологической шкалы и «карты» их локализаций.

Подчеркнем, что письмо, которым была написана *Vat. gr. 699*, никогда не было предметом специального рассмотрения. Исходя из наблюдений над расстановкой надстрочных знаков в тексте *Vat. gr. 699*, можно предложить новую обоснованную датировку этого манускрипта, которая объяснила бы и его специфическую кодикологию.

Рукопись написана наклонным маюскулом «столичного» типа в два столбца на 123 пергаменных листах большого формата (332/337 x 337/342 мм). Следует отметить, что рукопись какое-то продолжительное время существовала без переплета, поэтому первый и последний ее листы потемнели и сильно загрязнены, полностью утеряна 7-я тетрадь (после л. 44), бифолии из центра тетрадей 8 (после л. 47) и 9 (после л. 53), отдельные листы после л. 5, 37, 108. Рукопись не имеет начала: с л. 1 продолжается древний τίναξ, написанный вертикальным маюскулом, отдаленно напоминающим вертикальный маюскул знаменитой рукописи *ГИМ. Хлуд. 129д*.

Изучение имеющейся в рукописи *Vat. gr. 699* диакритики пока-

зывает, что все видимые сейчас надстрочные знаки были расставлены в древнем иллюминированном кодексе библиотекарями Ватиканской библиотеки в период Нового времени. Одним из них был известный преподаватель Греческой коллегии св. Афанасия и ученый-антиквар греческого происхождения Николо Алеманни (1583–1626); вторым – знаменитый итальянский востоковед ливанского происхождения Иосиф Симон Ассемани (1686–1768).

По немногим оставшимся нетронутыми позднейшей диакритикой листам можно говорить о почти полном изначальном отсутствии надстрочных знаков в рукописи. Полностью надстрочные знаки отсутствуют в немногочисленных схолиях писца на полях л. 16 об., 26 об., 80, а также во всех подписях к миниатюрам. В основном тексте рукописи практически полное отсутствие диакритики сейчас можно наблюдать только на л. 29–30 об. (частично), 106–106 об. (частично). Редчайшая постановка знаков ударения самими писцами имеет характер имитации.

Письмо основного текста *Vat. gr. 699* может служить иллюстрацией того, каким был наклонный маюскул «столичного» типа в ранний период его существования: здесь, например, видны несколько вариантов букв *кси* и *дзеты*, написанных одним росчерком или состоящих из двух элементов («с крышечкой» наверху), так же, как в кодексе Птолемея *Paris. gr. 2389* середины – второй половины VIII в. (*Курьишева М.А.* Древнейшая маюскульная рукопись ΜΑΘΗΜΑΤΙΚΗ ΣΥΝΤΑΞΙΣ Клавдия Птолемея *Paris. gr. 2389*: проблемы датировки // Вестник древней истории. 2019. № 79 (2). С. 335–342).

Наблюдение над высокостандартизированным почерком, которым написана *Vat. gr. 699*, на протяжении всей рукописи дает возможность предположить сотрудничество трех писцов, один из которых работал над ней и как художник. Все писцы *Vat. gr. 699* работают в одном скриптории и принадлежат к одной школе письма, их почерки настолько гомогенны, что в рукописи их довольно сложно отличить друг от друга.

Изначальное полное *почти отсутствие системы диакритики* в *Vat. gr. 699* дает возможность датировать ее почерки серединой или второй половиной VIII в. Однако при обсуждении датировок иллюминированных рукописей необходимо принимать во внимание хронологию противостояния иконоборческой и иконопочитательской «партий» в церковной и политической жизни Византии VIII–IX вв. (см. подробнее: *Афиногенов Д.Е.* Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М., 1997). На этот

важнейший фактор при датировке иллюминированных кодексов специально обращает внимание Г. Пирс (*Peers G. Peter, Iconoclasm and the Use of Nature in the Smyrna Physiologus (Evangelical School, B. 8) // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 50. 2000. S. 267–292*). При отсутствии аналогий почеркам *Vat. gr. 699* ее следует датировать перерывом между первым и вторым периодом иконоборчества, т. е. между восстановившим иконопочитание VII Вселенским собором 787 г. и возобновлением иконоборчества в 814/815 гг.

*М.В. Леонов, к.б.н., доц., в.н.с.
МГУ им. М.В. Ломоносова*

Опыт создания информационной системы по участникам Первой мировой войны из Ельца и Елецкого уезда

Наш проект относится к «юбилейным» исследованиям. Имеется в виду столетие Первой мировой войны и 250-летие Старого елецкого кладбища (2020 г.), на котором до сих пор место утраченного памятника солдатам, погибшим во время «империалистической войны», занимает лишь заросшая кустарником пустошь. Благодаря сотрудничеству факультета вычислительной математики и кибернетики МГУ с Музеем истории МГУ в рамках тематики автоматизации научных исследований в гуманитарных областях вот уже более десяти лет разрабатываются различные программные средства и базы данных (БД) для облегчения работы историков и архивистов. При этом программы сами по себе не являются самоцелью – их разработка и отладка сопровождается архивными и другими исследованиями, накоплением малоизвестных данных, созданием биографических БД.

Первоначально основных источников для проекта было два. Это, во-первых, сравнительно недавно частично оцифрованные «Именные списки убитым, раненым и пропавшим без вести нижним чинам», которые выпускались отдельными выпусками с самого начала Первой мировой войны и содержат более 1,8 млн записей. Всего известно более 2800 выпусков, содержание которых упорядочено по губерниям, из которых воины были призваны в действующую армию (Именной список убитым, раненым и без вести пропавшим нижним чинам: 65 тт. Пг.: Воен. тип. имп. Екатерины Великой, [1914–1920]).

Во-вторых, имеется еще более объемный источник по количеству участников войны – портал «Памяти героев Великой войны 1914–1918» с доступом к базе данных (URL: <https://gwar.mil.ru/>)

heroes/), создаваемой на основе картотек Ялуторовского архива (Тюменская область). К началу наших работ там было доступно 2 278 000 записей, на настоящий момент, согласно аннотации к порталу, 6 666 243 записи из Картотеки Бюро по учету потерь на фронтах войны 1914–1918 гг., 5 606 545 записей, полученных из дел с именными списками потерь солдат и офицеров Первой мировой войны, 3 465 033 записи – из документов по военнопленным. Эта база данных интересна еще и тем, что для большинства персон указана принадлежность к воинскому подразделению, а также доступно отсканированное изображение документа, из которого взяты сведения: уведомление о приеме раненого, отчетно-осведомительная карточка, карточка на прибывшего и т. п. Знание воинского подразделения даст возможность при желании и необходимости уточнений обратиться в РГВИА – там описи архивных дел по Первой мировой войне упорядочены именно по этой принадлежности.

Особенностью интерфейса для поиска нужных записей БД является избыточность ответа на запрос к БД. Например, при указании в поле «Губерния» раздела «Место жительства / место призыва на военную службу» Орловской губернии можно получить записи и о солдате, призванном из Мало-Орловской станицы Области Войска Донского. Огромным преимуществом этого интерфейса является возможность увидеть (и скачать) копию оригинального документа, например, карточки из лазарета, страниц из «Именного списка потерь...» и т. п. Неизбежные опечатки как в оригинальных документах, так и при вводе в БД требовали существенной обработки и уточнений при создании собственного цифрового архива. Для автоматизации процесса скачивания был использован метод скрапинга (*Митчелл Р.* Скрапинг веб-сайтов с помощью Python. ДМК Пресс, 2016). В результате количество персоналий на настоящий момент приблизилось к пяти тысячам (точное число назвать нельзя из-за трудностей различения по-разному идентифицированных в карточках солдат, явных и предполагаемых опечаток и т. п.).

При последующем чтении карточек, расшифровке сокращений и выяснении территориального происхождения участника мы столкнулись с множеством неясностей. Для их преодоления было решено создать вспомогательную БД по исторической топонимике Елецкого края. За основу были взяты «Списки населенных мест Российской империи...» (Вып. 29: Орловская губерния: ... по сведениям 1866 года. СПб., 1871).

В текущей версии цифрового архива данные по нижним чинам хранятся в таблицах, структура которых соответствует БД портала

«Памяти героев Великой войны 1914–1918», а также таблиц «Именных списков потерь...». Данные по офицерам накапливаются в виде множества текстовых файлов с алфавитным указателем.

В последние годы все чаще в специальной исторической литературе появляются высказывания о проблемах и недостатках применения технологии БД в просопографических исследованиях. В качестве примера приведем статью М.Е. Проскуряковой, содержащих яркие цитаты из работ Р. Мэтисена («смирительная рубашка» структуризации БД) и К. Китс-Рохан, а также конструктивные рекомендации по «грамотному созданию баз данных» (*Проскурякова М.Е.* Просопографические базы данных как инструмент работы с массовыми источниками в современной историографии // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3. С. 190–198. URL: [https:// rucont.ru/efd/553901](https://rucont.ru/efd/553901)). Именно с учетом этих проблем мы решили не ограничиваться технологией БД (в частности, под управлением СУБД SQLite), а продолжать и развивать концепцию цифрового архива с несложной программной оболочкой, примененной нами при накоплении данных по студентам ИМУ (*Леонов М.В.* Просопографический электронный архив студентов Московского университета из города Ельца // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXIX Междунар. науч. конф. М., 2017. С. 224–226). Что касается актуального состояния нашей информационной системы, под которой мы понимаем совокупность цифрового архива и программных утилит для его сопровождения, то она продолжает постоянно пополняться как оцифрованными журналами и статьями, так и новыми данными и персоналиями участников войны, извлекаемых из картотек портала Министерства обороны РФ и других источников.

*А.Л. Лифшиц, к.филол.н., доц.
ФГН НИУ ВШЭ (Москва)*

Пропавшие грамоты Константина Васильевича Базилевича

В 1952 г. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова приобрел у наследников большую библиотеку, принадлежавшую известному историку К.В. Базилевичу (1892–1950). Известно, что какие-то книги остались в семье, в частности, знаменитая «Нюрнбергская хроника» Гартмана Шеделя (1493).

Особо ценная часть книжного собрания – около 300 томов – попала в Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ, который тогда как раз формировался. Основная часть книг попала на исторический факультет МГУ; я не располагаю данными о сте-

пени сохранности этого фонда.

К.В. Базилевич не был обычным московским профессором. Его биография вместила обучение в кадетском корпусе, ранение в самом начале Первой Мировой войны, ордена Св. Станислава и Св. Анны, участие в Гражданской войне на стороне «красных» и только затем поступление в университет, где его учителем стал С.В. Бахрушин. Известно, что Базилевич был одним из первых русских военных летчиков; его миновали чистки и репрессии 1930-х гг., но «проработка» на партсобрании в 1950 г. привела к инфаркту, от которого он и скончался в начале марта.

Судя по той части библиотеки Базилевича, которая попала в Отдел редких книг и рукописей НБ МГУ, Константин Васильевич не просто разбирался в книгах, но не был чужд библиофильских пристрастий. В послевоенной Москве приобрести редкие европейские книги за относительно небольшие деньги было не так уж сложно, и, похоже, Базилевич пользовался этой возможностью. Многие издания имеют владельческие пометы и штампы европейских собраний и явно не были напрямую связаны с научными интересами историка.

В Научной библиотеке МГУ в 1953 г. была составлена по необходимости краткая опись поступивших изданий, в которой, однако, обнаружилась лакуна в шифрах. Некоторые номера оказались пропущены.

В результате разысканий было установлено, что вместе с книгами в библиотеку МГУ поступило некоторое количество пергаменных актов XV–XVI вв., которые не внесли в опись по той простой причине, что в формирующемся отделе не было никого, кто бы мог верно идентифицировать документы.

Потом, как водится, грамоты, уложенные в картонные футляры, были оставлены до лучших времен, которые наступили совсем недавно.

В коллекцию Базилевича входит 12 грамот, из которых одна написана в 1584 г. западнорусской скорописью в Вильно и подписана королем Стефаном Баторием. Еще четыре грамоты написаны на латинском языке, а семь – на немецком.

Из немецких грамот одна представляет собой завещание Агнессы Лихтенштейн, урожденной фон Кюнринг, данное в 1412 г. в Никольсбурге (современный Микулов в Чехии). Еще одна – распоряжение Августа Саксонского об использовании средств, полученных по завещанию городским советом Вайссенфельта в 1563 году.

Остальные девять грамот связаны с историей Лейпцигского университета. Это булла антипапы Иоанна XXIII, грамоты Георга Сак-

сонского, Фридриха II Кроткого и других курфюрстов, грамота бургомистра Лейпцига о взятии одного из профессоров под стражу, а также подписанное нотариусами разрешение конфликта между университетскими преподавателями. При этом грамота, подписанная Морицом Саксонским 26 мая 1542 г., представляет собой важнейший документ в истории Лейпцигского университета, ознаменовавший реформу этого образовательного учреждения.

Как выяснилось, все девять грамот известны по немецким публикациям XIX столетия. Очевидно, что их прежние владельцы уже более 70 лет числят эти документы среди безвозвратно утраченных.

Каким образом грамоты оказались у К.В. Базилевича, можно только догадываться. Попал ли к ученому оказавшийся на букинстическом развале фрагмент архива? Или вывезенные из Германии документы были отданы ему кем-то из хранителей, опасавшихся утраты ценных артефактов – такие случаи известны. Вероятно, мы не узнаем этого.

В собрании НБ МГУ есть фрагменты греческого Евангелия VIII в., подаренные Лейпцигскому университету Константином Тишendorfом и помеченные как «Cod. Tischendorf. I», известна судьба двух экземпляров – бумажного и пергаменного – Библии Гутенберга, происходящих из Лейпцига и поделенных между МГУ и Библиотекой Ленина.

Очевидно, что не ученое сообщество будет решать судьбу этих и многих других памятников, но в наших силах сделать сведения о них достоянием науки.

*Д.В. Лобанов, методист
ЦМ ВОВ 1941–1945 гг.*

К вопросу родственного окружения В.А. Жуковского в некрополе Донского монастыря

В состав собрания художественных миниатюр Литературного музея Пушкинского Дома входит миниатюрный портрет сводного брата В.А. Жуковского – Ивана Афанасьевича Бунина, работы неизвестного художника второй половины XVIII в., датированный «не позднее 1781 г.». При этом в каталоге портретной миниатюры стоит вопрос, так как на портрете И.А. Бунин изображен в мундире штаб-офицера, а его биография не содержит сведений о военной службе (Портретная миниатюра в России XVIII – начала XX века из собрания Литературного музея Пушкинского Дома. СПб., 2019. С. 237–238).

Ответить на вопрос утвердительно позволяет архивное описание несохранившегося надгробного белокаменного памятника И.А. Бунину в Донском монастыре, относящееся к середине XIX в. Здесь на лицевой стороне была надпись: «Под сим прискорбнейшем памятником схоронено тело Московского 1-го полку премьер-майора Ивана Афанасьевича Банина (здесь именно так), родившегося в 1755 г. апреля 15 числа. Жития его было 29 лет 9 месяцев и 8 дней, скончался 1783 года, генваря 23 дня в 9 часов пополудни» (ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7280. Л. 409 об.—410). В дату рождения закралась ошибка: Иван Афанасьевич Бунин умер не в 1783, а в 1785 г., что следует из его возраста на момент смерти и подтверждается описанием монастырского некрополя конца XVIII в., где датой его смерти указано 21 января 1785 г. (Путеводитель к древностям и достопамяностям московским. М., 2009. С. 310). Тогда же, 22 января 1785 г., «принято вкладу по Иване Бунине тридцать пять рублей, заплачено десять рублей, итого сорок пять рублей» (ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 4951. Л. 33 об.).

И.А. Бунин был сыном Афанасия Ивановича Бунина и Марии Григорьевны Буниной, урожденной Безобразовой. Его имя, опять с ошибкой, как «Иван Бутин», вошло в списки «Пажеского Ея Императорского величества корпуса» с пометкой за 1771 г. «отправлен в Лейпциг для изучения наук и исключен из звания пажей» (*Фрейман О.Р.* Пажи за 183 года (1711–1894). Вып. 1–5. Фридрихсгам, 1894. С. 46). Как установил И.Ю. Винницкий И.А. Бунин был послан не в Лейпцигский университет, а в Педагогийум в Галле (в 40 км от Лейпцига) – образцовую школу для детей из аристократических семей. Проучился он там до 6 января 1773 г. (*Винницкий И.Ю.* Семейные связи. Записки о реальной основе биографического мифа Жуковского // Жуковский: исследования и материалы. Вып. 2. Томск, 2013. С. 12–13).

Правнучка А.И. Бунина Е.И. Елагина в своих воспоминаниях писала, что «Иван Афанасьевич был очень образован, любил живопись и много знал в ней толку», а в конце жизни «влюбился, если не ошибаюсь, в Лутовинову, но отец не позволил жениться на ней, потому что дал слову Орлову, своему другу, что их дети будут женаты. Ивана Афанасьевича против его воли женили на другой; в день обручения, когда стали пить за здоровье жениха и невесты, у него лопнула жила, и он скоростижно умер» (Воспоминания Екатерины Ивановны Елагиной и Марии Васильевны Беэр // Российский архив. Новая серия. Т. 24. М., 2005. С. 290–291). Племянница В.А. Жуковского А.П. Зонтаг, описывая его рождение, указывает, что

И.А. Бунин умер за 2 года до этого, то есть в 1781 г. (*Зонтаг А.П.* Несколько слов о детстве В.А. Жуковского // *В.А. Жуковский в воспоминаниях современников.* М., 1999. С. 94–95). Здесь нужно учитывать, что воспоминания «весьма далеки от реальной действительности и напоминают, скорее, зачин семейного сентиментального романа» (*Винницкий И.Ю.* Семейные связи... С. 9).

Действительно, И.А. Бунин не умирал в 1781 году. В 1779–1780 гг. он был коллежским асессором в Тульской палате уголовного суда (Месяцеслов с росписью чиновных особ. СПб., 1780. С. 266; *Глаголева О.Е.* Дела семейные: помещики Бунины, отец и дед В.А. Жуковского // *Жуковский: исследования и материалы.* Вып. 3. Томск, 2017. С. 41). В 1782 г. он уже премьер-майор, адъютант генерал-поручика М.Н. Кречетникова, генерал-губернатора Тульского и Калужского (Месяцеслов с росписью чиновных особ. СПб., 1782. С. 172). В этой должности он значится и в следующие 1783 и 1784 гг. Портрет из собрания Литературного музея Пушкинского дома, на котором он изображен штаб-офицером 1-го Московского пехотного полка, с 14 января 1785 г. переименованного в Московский гренадерский полк, был, скорее всего, посмертным портретом И.А. Бунина.

На внехрамовой части монастырского некрополя была погребена сестра И.А. Бунина Наталья Афанасьевна Вельяминова, умершая 28 февраля 1789 г. 1 марта 1789 г. было дано вкладу по покойной 100 р. (ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 4951. Л. 49 об).

К концу XVIII в. относится фрагмент верхней части несохранившегося памятника полковника Андрея Ивановича Протасова (теперь среди фрагментов надгробий у восточной монастырской стены), мужа сводной сестры В.А. Жуковского Екатерины Афанасьевны Буниной (1771–1848), умершего, согласно надписи на памятнике, 30 мая 1798 г. и жившего 39 лет. Памятник, скорее всего, был поврежден еще в начале XX в. (в «Московский некрополь» не вошло отчество покойного, только «Протасов А... вич, полковник») (Московский некрополь / Сост. В.И. Сайтов, Б.Л. Модзалевский. Т. 2. СПб., 1908. С. 469)). В единственном архивном описании памятника («из желтого гранита на квадрате дикого камня и пьедестал белого мрамора в виде полуколонны, середина четырехгранная с железным крестом») ошибочно указаны инициалы А.И. Протасова – «полковник Александр Александрович Протасов» (взяты они были по ошибке с другого описания памятника – двоюродного племянника А.И. Протасова Александра Александровича Протасова) (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 800. Л. 244 об). Внучка А.И. Протасова

Е.И. Елагина в своих мемуарах пишет, что он «скончался чахоткой в 1797 году» (Воспоминания Екатерины Ивановны Елагиной... С. 288), что почти совпадает с датой на памятнике.

А.А. Локтева
консультант Управления ПСИ Президента РФ

«Вспоминаю моего милого, верного Камчатку».

**Национальные особенности упоминаний домашних питомцев
в России второй половины XIX – начала XX вв.**

Отношение к животным как к домашним любимцам, а не просто исполнителям каких-либо рабочих функций – исторический феномен, который развивается в России во второй половине XIX в., несколько позднее, чем в странах Западной Европы. Анализ упоминаний этих близких авторам дневников, заметок и писем существ позволяет проследить некоторые особенности формирования нового отношения к ним. В ходе работы с этим типом источников обнаруживается несколько весьма любопытных особенностей.

Во-первых, автор крайне редко (а точнее, практически никогда) не указывает породу животного, если только речь не идет о том моменте, когда оно было приобретено. В случае же, когда животное упоминается не первый раз, наблюдается любопытное явление неопределенности гендера. К примеру, лайка Камчатка то «плавала, наслаждаясь водою, кругом фрегата», то Александр III в письме к Марии Федоровне вспоминает своего «милого, верного Камчатку, который меня никогда не оставлял». В связи с этим стоит обратить внимание на наименование породы животного, которое автор источника использует, и сравнить, к примеру, с каталогами выставок домашних животных и профессиональной охотоведческой и ветеринарной литературой. Кинология, фелинология и, в целом, научно обоснованное разведение и селекция домашних животных возникли лишь в последней четверти XIX в., что привело к огромному разнообразию и весьма неожиданным ономастическим особенностям слов, обозначающих породы, в русском языке.

Во-вторых, кроме названий пород питомцев, интерес представляет и зоонимика, так как набор кличек, используемых субъектами исследования весьма ограничен и даже примитивен. Кличка иногда указывает на породу животного: Фокс, Джек, Буль, иногда на географическое происхождение (Камчатка была аборигенной дальневосточной лайкой), но обычно это просто краткое домашнее прозвище, причем из европейских языков, никак не помогающее нам

определить пол животного: Тип, Буль, Блэк, Бойка, Джой, Ортипо, Муму, Попочка, Шуйка, Котка. Сам институт домашних питомцев был наиболее развит в аристократической среде, в высших слоях общества. Так, на театре военных действий Первой Мировой войны вел. кн. Михаил Александрович так тосковал по своим английским собакам, оставшимся в Царском Селе, что ему привезли на фронт лайку: «зовут ее Мальчик, я буду называть ее Волчек (sic!)» (Дневник вел. кн. Михаила Александровича, 6 июля 1916 г.), которая постоянно убегала и каждый раз, путем приложения усилий огромного количества солдат и офицеров, оторванных тем самым от военных действий, была разыскана и возвращена августейшему владельцу.

В-третьих, вызывают интерес также слова, используемые для обозначения животного: «Пес, песик, собака, кот, кошка», но зачастую и они не используются, и только из контекста мы можем понять, что речь идет не о прозвище человека: «Мира туда ехала на лошади, сидя у меня на коленях» (из письма императрицы Марии Федоровны Александру III от 2 июня 1894 г.).

Такая интимность, указывает, по нашему мнению, на прочную психоэмоциональную связь владельца и питомца и на то важное место в частной жизни, которое занимало это животное. Таким образом, можно выдвинуть гипотезу, что такое небрежение к выбору имени питомцев указывает на их близость к своим владельцам, на наличие между ними устойчивой психоэмоциональной связи.

*В.И. Мажуга, к.и.н., в.н.с.
СПбИИ РАН*

К вопросу о происхождении глоссированного списка конца XII в. *Digestum Novum La Seu d'Urgell 2029*

Настоящее сообщение представляет часть общего исследования дошедших до нас в их подлинном виде памятников так называемой Рецепции римского права в средневековой Европе, где с XII в. именно изучение ученого римского права стало основой полного переустройства судебной, а в значительной мере и всей правовой системы, включая каноническое право. Из петербургских рукописей наибольший интерес представляют рукописи XII–XIII вв. итальянского происхождения, хранящиеся в Научной библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета, которые, к сожалению, описаны лишь в самой общей форме польским исследователем Адамом Ветулани. Именно полная неизвестность научному миру отличала не столь богатое, но по своему интересное собрание,

состоящее из фрагментов XII–XIV вв. и одного кодекса XIV в., которое хранится в Научно-историческом архиве нашего института.

Важнейшей задачей названного общего исследования является датировка рукописей и определение места и условий их создания и дальнейшего бытования. На деле оказалось, что в мировой науке оставался вообще темным период примерно с последних двух столетий XII в. и первой четверти XIII в. в том, что касается выработки особых форм ведущего в Европе центра ученого права и производства юридических рукописей, каким в то время была Болонья, город, через который некогда проходила граница между действующим византийским правом и новым германским правом.

Тремя своими публикациями, одна из которых вышла в издательстве Брепольс, автор этих строк попытался хотя бы отчасти заполнить существовавшую ранее лакуну. Попутно выявились некоторые особенности создания юридических рукописей в других локальных итальянских центрах, где действовали известные юридические школы, а именно, в Падуе, Модене и, предположительно, Пьяченце. Эти центры отличались несколько иным оформлением страницы рукописи. Но об их особом происхождении позволял судить, кроме того, состав или организация рукописей, о которых можно говорить несмотря на то, что наше исследование было почти целиком посвящено лишь спискам третьей по средневековому делению части Дигест, так называемому *Digestum Novum*, и в определенной мере средней части Дигест, так называемому *Infortiatum*. Но особое значение получает состав глосс, отмеченный именем того или иного глоссатора, так как поколениями исследователей собраны по крупницам свидетельства об их деятельности в различных центрах Италии или Южной Франции, об их учителях и учениках.

Так, в кодексе с *Digestum Novum* из библиотеки соборного капитула североиспанского города Ла Сеу д'Уржелль пг. 2029 поражают в глоссах частые переложения мнения Оттона Павийского, ученика Плацентина, основавшего в родном городе Пьяченце юридическую школу в четырехлетний период между своей преподавательской деятельностью в Мантуе, Провансе, Болонье и опять в Провансе. В той же рукописи содержатся и нередкие ссылки на Плацентина. Известно, что известный кодификатор лангобардского права Карло ди Токко занимался поочередно сначала в Мантуе у Бассиана и, возможно, того же Плацентина, предшественника Бассиана по Мантуанской школе, а затем у Оттона Павийского в Пьяченце, как свидетельствует сам Карл ди Токко.

Судя по письму и орнаментике, рукопись была создана около

1180 г., и первоначально в нее были внесены лишь самые краткие анонимные глоссы с указанием отдельных параллельных мест в Дигестах и Кодексе Юстиниана, все прочие глоссы, как правило, довольно пространные, внесены более темными чернилами несколько позднее. У нас нет сколько-нибудь веских оснований предполагать, что переложение мнений Оттона, как и прямые цитаты из его лекций, внес именно Карл ди Токко, так как об одной из его, так сказать, коллекций глосс мы можем определенно судить по Болонскому кодексу первой четверти XIII в., унаследованного Государственной библиотекой Бамберга от соборного капитула этого города – Jur. 18. Вероятно, рассматриваемые глоссы вписал какой-то другой ученик Оттона по Пьяченцской школе, причем он слушал и экстраординарные курсы Оттона, которые читались по вечерам и субботам и были посвящены именно Дигестам и специальным темам. Из записей таких курсов, где содержались опыты согласования многих параллельных мест, часто противоречивших одно другому, и черпал ученик материал для глосс со ссылками на мнение Оттона Пармского.

Подобную же практику мы наблюдаем и в рукописях первой четверти XIII в., где по следам все того же Карла ди Токко и знаменитого Ацо, учившегося, как и Карл, у Иоанна Бассиана, внесены в качестве глосс переложения отрывков экстраординарных курсов Иоанн Бассиана. Это было новым явлением в оснащении списков памятников римского права в качестве учебной книги.

Но в рукописи из Ла Сеу д'Уржелль мы встречаем порою и не менее интересные прямые и достаточно пространные цитаты из лекций Оттона, написанные от первого лица, причем выполнены они несколько иным почерком, характерным для рубежа XII–XIII вв. Сопоставление одной такой глоссы к D.41.2.3.8 с известным, давно опубликованным по рукописям XIII–XIV вв. анонимным отрывком дистинкции о возможной утрате прав владения господином в случае захвата имущества у его колонна (ср. BAV. Chigi E VII 218. f. 124rb) позволяет убедительно установить его автора, а именно, Оттона Павийского. Дальнейшее изучение кодекса из Ла Сеу д'Уржелль представляется сколь многотрудным, столь же и многообещающим.

Т.В. Максимова, MBA, независимый исследователь, Руководитель московского отделения МОО «Архивный Дозор»

Определение границ Звенигородского уезда Московской губернии в 1796–1802 гг.

В своем выступлении я хочу проиллюстрировать возможности проведения прикладных исторических исследований на основании данных, собираемых в рамках краеведческих проектов и баз данных.

В настоящее время десятки тысяч непрофессиональных исследователей, увлеченных генеалогией и краеведением, создают базы данных в области персональной и локальной истории. Мой проект посвящен территории Звенигородского и Подольского уездов Московской губернии (по территориальному делению на 1917 г.).

Проект начался весной 2019 г. и стал продолжением работы по составлению собственной родословной и следствием тех трудностей, с которыми я столкнулась в архивах. Для проведения генеалогических исследований необходимо знать следующие сведения по населенному пункту, в котором жили предки:

1) Территориальная принадлежность к губернии, уезду, волости, сельскому обществу, стану, области, району, сельсовету и др. в течение всего периода, по которому сохранились архивные документы. Эта принадлежность могла кардинально меняться, поэтому сведения нужны в динамике.

2) К каким приходам относился населенный пункт, также в динамике.

3) Кому принадлежали крестьяне населенного пункта, также в динамике.

4) Под какими названиями фигурировал населенный пункт в разные годы.

5) Какие документы генеалогического характера сохранились по этому региону и где они находятся – в первую очередь, метрические книги, исповедные росписи, ревизские сказки и бланки других переписей, похозяйственные книги, списки избирателей, и др. Эти документы могут быть обнаружены в федеральных, региональных, муниципальных архивах, а также в музеях, церквях и частных коллекциях.

Работа над справочниками строилась из принципа потребностей, выявленных на личном опыте. Сначала данные для построения собственной родословной искались методом проб и ошибок, а потом выработывалась структура справочника, которая свела бы эти проблемы к минимуму, если бы такой справочник существовал к нача-

лу моего исследования. Так сложилось три части справочника по каждому уезду:

Часть 1. «Населенные пункты» – информация обо всех населенных пунктах уезда, упоминания о которых найдены в документах XVII–XX вв., включая территориальную принадлежность в динамике, владельцев, GPS-координаты, информацию о сохранившихся ревизских сказках и др. Суммарный объем выпущенных справочников более 2500 страниц А4. Данные постоянно пополняются.

Часть 2. «Приходы» – информация обо всех приходах, существовавших на данной территории в этот же период, о составе прихода и сохранившихся метрических книгах. Выпущено 2 справочника, в сумме более 1100 страниц.

Часть 3. «Архивные источники» – информация о местах хранения иных архивных источников, которые могут быть полезны исследователям этого региона. Выпущено 2 справочника по 140 страниц. Справочники пополняются. В перспективе планируется также внести ссылки на сохранившиеся картографические материалы.

В рамках проекта созданы карты на сервисе Google.Maps, которые позволяют найти ближайшие церкви, и уточнить по GPS координатам вероятную волость и стан в XVII–XIX вв.

Все материалы доступны бесплатно по адресу <http://www.maximovu.ru>. Полученные сведения структурированы для дальнейшей обработки и использования в базах данных и геоинформационных системах.

Данные справочника «Населенные пункты» позволяют проводить разнообразные исследования в области исторической географии, геоинформатики, топонимики, краеведения, биографии, генеалогии, регионалистики, исторической демографии, исторической информатики, экономической истории, просопографии. На данный момент проводятся первые эксперименты, так как данные пока неполные, но даже на таком этапе уже могут быть получены интересные результаты.

Пример такого исследования – это определение границ Звенигородского уезда в 1796–1802 гг. 12 (23) декабря 1796 г. указом Павла I была упразднена часть городов и уездов Московской губернии. 12 (24) февраля 1802 г. указом Александра I некоторые уезды были восстановлены.

В 1796 г. среди ликвидированных уездов были Подольский, Никитский и Воскресенский, и значительная часть селений из них вошла в укрупненный Звенигородский уезд. Подольский уезд был восстановлен в 1802 г., Никитский и Воскресенский не были, и на-

селенные пункты из них вошли в состав других уездов. В связи с этим, границы Звенигородского уезда на рубеже XVIII–XIX вв. претерпели существенные изменения по сравнению с распределением населенных пунктов, отраженном в справочнике «Земли Московской губернии в XVIII веке : карты уездов, описания землевладельцев» (сост. В.С. Кусов. Москва: Московия, 2004), а также не соответствуют границам, указанным на картах XIX в.

Архивные документы по этому периоду структурируют данные в соответствии с новым делением, но справочников, помогающих понять, какие населенные пункты к какому уезду относились, в этот период нет. Так как в моих справочниках отражается административно-территориальное деление в разные периоды, они позволяют с минимальными трудозатратами определить границы любого территориального образования в нужный период.

Для определения границ Звенигородского уезда сделана выборка всех населенных пунктов из моих справочников, упоминавшихся в источнике 1800 г. «Экономическое примечание Звенигородского уезда с краткой табелью и алфавитами» (РГВИА. Ф. 846. Оп.16. Д. 18862ч.4), и метки этих населенных пунктов перенесены на современную карту. Таким образом, получилась область соответствующая Звенигородскому уезду в исследуемый период. Такая же процедура может быть выполнена для любого другого уезда губернии, если составить аналогичный справочник. По населенным пунктам, входящим в мой справочник, можно определять границы станов, волостей, приходов, церковных округ и десятин и др.

А.А. Малыгина, м.н.с.

Отдел «Покровский собор» ГИМ

К вопросу о тайных посланиях в дипломатической переписке Ивана IV Грозного и Елизаветы I Тюдор

Переписка Ивана Грозного с английскими монархами содержит около 50 посланий в начальный период дипломатических отношений с 1553 по 1584 гг. Оригиналы, списки и переводы хранятся в английских и русских собраниях. Переписка содержит широкий спектр обсуждаемых вопросов: военный союз, торговля, династический брак и предоставление политического убежища. Так, последний вопрос широко рассматривается в грамоте королевы Елизаветы от 18 мая 1570 г. Послание сохранилось в нескольких вариантах: оригинал на английском языке, прилагаемый к нему перевод на русском языке, копия на английском языке и еще один список,

который ниже будет рассмотрен более подробно и пока имеет неясное происхождение.

Оригинал послания хранится в РГАДА (Ф. 35. Оп. 2. № 3. Л. 1–1 об.) и представляет собой пергаменный лист размером 455 (по центру, по верхнему краю 450, по нижнему 451) x 308 (по центру, по верхнему и нижнему краям 311) мм, в нескольких папках, вместе с грамотой сохранился перевод на русский язык. В нижней части листа посередине горизонтальные прорезы для крепления печати, которая не сохранилась (2+1+1+2, так что шнуры образовывали треугольник, обращённый острием вниз). Два вертикальных, два горизонтальных сгиба, в некоторых местах сгибы проклеены реставрационным составом. Есть две небольших проклейки реставрационным материалом, одна по первому вертикальному сгибу с оборота, другая также с оборота по нижнему краю грамоты под прорезями для печати.

Прилагаемый перевод на русский язык выполнен на бумаге. Как следует из надписи на обороте, он составлен английским посланником Дэниэлом Сильвестром, который долгие годы работал на русском дипломатическом направлении и незадолго до своей смерти в 1575 г. получил статус полномочного представителя английской королевы Елизаветы Тюдор (*Hamel J. England and Russia; Comprising the voyages of John Tradescant the Elder, Sir Hugh Willoughby, Richard Chancellor, Nelson, and others, to the White sea, etc. London, 1854*). Кроме вышеуказанных документов известна копия с оригинала, ныне хранящаяся в коллекции Британской библиотеки в Лондоне (Cotton MS Nero B XI. f. 341–342. Копия XVI в.).

Также существует еще один документ, который датируется 18 мая 1570 г. Он находится в Национальном архиве Лондона – это 4 листа размером около 315–220 мм. Этот документ оказался совершенно другим источником, хотя имеет ту же дату. В оригинале грамоты и двух списках речь идет о предоставлении политического убежища в случае нестабильности в Московском государстве. Королева дает обещание в присутствии высших английских чиновников, которые перечислены в тексте. Грамота заверена подписью Елизаветы Тюдор. Также в тексте упоминается некое секретное послание, которое было отправлено с тем же посланником Сильвестром. Можно предположить, что четвертый список является копией или даже черновиком секретного послания. Известно, что Иван IV и Елизавета I обменивались секретными письмами и устными посланиями, о чем неоднократно говорилось в текстах самих грамот (упоминается в посланиях от 18 мая 1570 г., 24 октября 1570 г.,

8 июня 1583 г.). В списке тайного послания речь идет о «лиге» или «союзе», на котором уже долгое время настаивает царь и с чем королева любезно соглашается. Также говорится о предоставлении привилегий торговым представителям королевы. Вероятно, этот документ представляет собой промежуточный вариант тайного послания – «draft» либо «minut». Это, очевидно, не копия, которая была создана после написания самого послания.

В списке есть пометы и правки Уильяма Сесила, 1-го барона Берли (почерк очень на похожий на правки рукой Уильяма Сесила в этом документе см.: British Library. Add MS 33594. Another draft of the above instructions, with additions and alterations in the hand of William Cecil, 1st Baron Burghley (b. 1520/21, d. 1598). ff. 21–23: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=add_ms_33594_fs001r). Именно через его руки проходили в то время все дипломатические послания, которые он в той или иной степени корректировал.

Почерк, которым написан документ тоже весьма примечателен. В то время очень часто нанимали переписчиков для создания копий государственных документов. Однако, здесь речь идет скорее о штатном писце, а не о временном работнике. Этот почерк встретился авторы данной работы еще в нескольких документах: более раннем Хатфилдском списке послания Ивана IV (16) сентября 1567 г. (Hatfield House Library and Archives. Hatfield-House. Cecil papers CP 155/59); в письме Роберта Дадли, графа Лестера к Бесс Хардвикской, графине Шрусберри, предположительно 1570 г. (Hatfield House Library and Archives. Hatfield-House. Cecil papers CP 155/59); и в целом ряде документов в рукописи из коллекции Британской библиотеки, в которой также был найден документ с пометами и правками Уильяма Сесила, о чем речь шла выше (British Library. Add MS 33594: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=add_ms_33594_fs001r).

Также, в конволюте есть письмо Ральфу Сэдлеру, дипломату елизаветинского времени, написанное и подписанное рукой Сесила (British Library. Add MS 33594. fol. 159–160, 5th of January 1584(5): http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=add_ms_33594_fs001r). В указанную рукопись входят документы и переписка сэра Ральфа Сэдлера (Ralph Sadler) с 1580 по 1585 гг. Его секретарем был сэр Джон Соммер (John Sommer), который ранее служил клерком в Тайном совете (Privy Council). Во всех вышеуказанных документах угадывается рука Джона Соммера. Им написано и подписано письмо барону Берли (British Library. Add MS 33594. fol. 201–202, 1st of March 1584(5): <http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref>

=add_ms_33594_fs001r).

Таким образом, еще предстоит выяснить соотношение списков с оригиналом грамоты Елизаветы Тюдор от 18 мая 1570 г. и выявить новые свидетельства тайного обмена устными и письменными посланиями между русским и английским монархами.

*А.В. Матисон, д.и.н., зав. сектором
ЦГА г. Москвы*

Наследственная служба дворян при архиерейских домах в XVI–XVIII вв. (тверской род Малечкиных)

В период до начала XVIII в. многие дворяне и дети боярские состояли не только на государевой службе, но занимали места и при архиереях, получая от них земли и денежное жалование. В тверском регионе было несколько дворянских родов, чьи представители служили как светским, так и «духовным» властям: Бибиковы, Давыдовы, Пестовы, Чашниковы и др. Однако совершенно особое место среди них занимают Малечкины: фактически все члены этого рода на протяжении нескольких столетий служили только тверским владыкам.

Согласно данным С.Б. Веселовского, тверские Малечкины ведут начало от дворянина в новгородском походе 1495 г. Мясоеда Константиновича Малечки, владевшего селом Малечкино в Тверском уезде (*Веселовский С.Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 192). В 1557–1558 гг. вдова Петра Матвеева сына Малечкина, согласно духовной своего мужа, передала половину принадлежавшего ему села Малечкина в Троице-Сергиев монастырь, а другую половину – в Иосифо-Волоцкий монастырь (*Шумаков С.* Тверские акты. Тверь, 1897. Вып. 2. С. 68–69).

Вместе с тем, родословная схема Малечкиных, составленная М.П. Чернявским на основе документов Тверского дворянского депутатского собрания (сохранившихся, к сожалению, не в полном объеме), указывает первым известным представителем рода Малечкиных некоего Ивана Петровича Малечкина, имевшего сыновей Якова и Романа (*Чернявский М.П.* Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 г. [Тверь, 1869]. С. 121). Возможно, речь идет о Иване Петровиче Малечкине, владевшем, совместно с братом Замятней Петровичем, землями в Тверском уезде и, согласно данным дозорной книги 1551–1554 гг., служившем тверскому владыке. Впрочем, здесь же указаны и другие Малечкины, состоявшие на архиерейской службе, в том

числе братья Роман и Яков Андреевичи (Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / Сост. А.В. Антонов. М., 2005. С. 215, 217).

Согласно сведениям, полученным от тверского архиерейского дьяка Федора Андреевича Малечкина и вошедшим в переписную книгу 1702 г., его прапрадед (по схеме Чернявского – это упомянутый выше Иван Петрович Малечкин) был дан по государеву указу в Тверской архиерейский дом, «а родом он был новгородец и служил Великому Государю по Новгороду по дворянскому списку» (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 46. Л. 102 об.). В сказке, представленной в 1720-е гг., Федор Малечкин уже не упоминает о службе своего предка в Новгороде, формулируя свое родословие несколько иначе: «Не токмо дед, но и прадед, и прародители мои, и дед, и отец мои изстари служили в доме тверскаго архиерея в разных чинах приказными и дворецкими и стряпчеми и во дворянх». Равным образом и его родственник – тверской архиерейский сын боярский Герасим Дмитриевич Малечкин в сказке показал, что его предки «из древних лет при великих князех в служительстве были в доме тверскаго архиерея, а по каким указом и с которых лет, о том сказать подлинно за многолетством невозможно» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3532. Л. 71 об., 127 об.).

Таким образом, хотя нам и не известны точные данные о ранних поколениях тверского рода Малечкиных, можно с уверенностью утверждать, что уже в середине XVI в. они состояли на службе у тверских архиереев и им принадлежали земли в Тверском уезде. Кроме того, в этот же период они, вероятно, имели и владения в Кашинском уезде. Описания земель этого уезда XVI в. до нас не дошли, но дьяк Федор Малечкин утверждал, что его прапрадеду было дано из архиерейских домовых вотчин сельцо Перелогово Ознобиха тож с пустошами в Кашинском уезде, которое сохранилось за Малечкиными и в начале XVIII в. (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 46. Л. 102 об.–103).

В дальнейшем все Малечкины, владевшие землями в Тверском и Кашинском уездах, состояли на службе только у тверских архиереев (никто из них не упоминается в тверских и кашинских десятиях). В переписной книге 1702 г. указаны несколько Малечкиных, служивших в Тверском архиерейском доме. В их числе были дьяк Федор Андреевич и пятеро детей боярских: Тимофей Андреевич, Дмитрий и Константин Ивановичи, Наум Дмитриевич, а также Иван Евсигнеевич (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 46. Л. 101–103 об., 110, 112 об., 282–283, 572 об.). Согласно схеме М.П. Чернявского, первые пятеро были потомками Якова Ивановича Малечкина, а Иван Естигнеевич

– потомком Романа Ивановича Малечкина (*Чернявский М.П.* Указ. соч. С. 121).

Реформы начала XVIII в. существенно понизили статус и денежное содержание архиерейских детей боярских. В силу этого представители многих дворянских семей, на протяжении поколений, связанных с архиерейскими домами, предпочли перейти на государственную службу.

Однако Малечкины и здесь составили исключение, продолжая нести службу в Тверском архиерейском доме вплоть до секуляризационной реформы. В 1740–1750-е гг. в числе архиерейских дворян упоминаются дети и внуки Малечкиных, указанных здесь в начале XVIII в.: Алексей и Василий Герасимовичи, Иван Дмитриевич (бывший до своей кончины в 1749 г. архиерейским стряпчим в Москве), Петр Тимофеевич (занимавший должность подканцеляриста сначала в архиерейском доме, а потом в консистории), Федор Петрович (служивший сначала в Петербургской конторе Тверского архиерейского дома, а позднее – непосредственно при архиерее и в 1762 г. произведенный в коллежские регистраторы) (ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 15250. Л. 4 об.; Д. 16873. Л. 142, 146; Д. 23146. Л. 6 об.; Д. 23174. Л. 84 об.; Д. 28491. Л. 1, 5; Д. 34169. Л. 80 об.).

Несколько представителей рода Малечкиных, впрочем, выбыли в этот период в военную и статскую службу. Тем не менее, ни один другой служилый род не сохранял так долго свои тесные связи с Тверским архиерейским домом, на протяжении многих столетий остававшимся для Малечкиных основным источником благодеяний.

И.С. Матусевич, н.с.
ОНГИМ

Автомобильный спорт в жетонах и знаках Российской империи (из собрания Исторического музея)

В рамках коллекции спортивных жетонов Российской империи (до 1917 г.), хранящейся в Историческом музее, можно выделить памятники (16 предметов), относящиеся к автомобильному спорту – увлечению, возникшему в России в начале XX в., когда в стране начали появляться первые автомобили.

Интерес к машинам рос стремительно: если в 1902 г. в Россию было ввезено 35 автомобилей, то в 1906 г. – уже 241, а в первой половине 1907 г. – 257 (Автомобиль в России // Автомобилист. М., 1908. № 18. С. 25). Приобрести и содержать автомобиль могли только состоятельные люди. Проявляли интерес к новому виду транс-

порта и члены императорской фамилии, нередко они становились покровителями автомобильных обществ.

Значок Императорского Российского автомобильного общества в Санкт-Петербурге, возникшего в 1903 г., демонстрирует эмблему, которая размещалась на всех официальных документах объединения. Он выполнен в форме щита, с креплением в виде булавки, с использованием эмалей разных цветов. Общество могло позволить себе заказывать дорогостоящие жетоны и значки высокого художественного качества. Покровителем клуба стал Николай II, с 1909 г. общество стало именоваться «Императорским».

Коллекция музея разнообразна и включает жетоны крупнейших автомобильных обществ Российской империи, существовавших в начале XX в.

В 1900 г. был основан Московский клуб автомобилистов, переименованный в 1911 г. в Первый русский автомобильный клуб, жетон которого хранится в собрании. Жетон односторонний, позолоченный, выполнен из серебра 875 пробы и отличается высоким качеством исполнения, со сложным рельефным узором. Он поступил в Исторический музей из коллекции П.В. Зубова в 1925 г. и представляет собой эмблему общества – на лицевой стороне в центре накладной круглый щиток голубой эмали с диагональной полосой белой эмали со стрелой опереньем вниз и с крыльями в центре, вокруг – рельефное изображение автомобильной шины с названием общества *ПЕРВЫЙ РУССКИЙ / АВТОМОБИЛЬНЫЙ КЛУБЪ / ВЪ МОСКВѢ*, сверху – автомобильное колесо в окружении растительного орнамента, по краю – лавровые ветви.

Особый интерес представляют два знака другого спортивного объединения – Московского автомобильного общества (открыто в 1909 г.). Они принадлежали одному из членов общества – А.Я. Пегову – служащему банка или частного предприятия. Один из знаков представляет собой членский значок, который следовало носить на цепочке. Члены общества получали такой жетон после внесения членского взноса вместе со знаком, крепившимся на автомобиль, картой шоссежных дорог и журналом «Автомобилист». Другой – серебряный, прорезной, представляет собой эмблему общества с расправленными крыльями и шестью молниями, расходящимися из центра, между которыми аббревиатура: «МАО».

Клуб занимался организацией автомобильных гонок, например, Москва – Рига, Москва – Орел, Москва – Ярославль, и устраивал автопробеги, в том числе международные. Летом 1913 г. состоялось выдающееся для русского автоспорта событие – автопробег Москва

– Берлин – Париж протяженностью 3500 верст, на старт тогда вышли 18 спортсменов. На жетоне, выпущенном в честь этого события, присутствует эмблема общества, изображение автомобиля на извилистой грунтовой дороге и Московский Кремль, Эйфелева башня, Бранденбургские ворота – важнейшие памятники городов, принимавших автопробег.

На юге Российской империи первое автомобильное общество появилось в 1911 г. в Одессе. Серебряные жетоны Одесского автомобильного общества были изготовлены в мастерской Л. Пахмана в Одессе. Они отличаются детальной проработкой изображения автомобиля с водителем и пассажиром, которые даны на лицевой стороне с учетом перспективного сокращения, и представляют высокий художественный интерес.

В 1912 г. члены объединения провели автосалон, на котором были продемонстрированы новинки автопрома, автомобильные принадлежности (шины, масла и т. д.), костюмы, литература, посвященная автоспорту. В коллекции хранятся три жетона, посвященные этому событию.

Члены автомобильных клубов, которые по разным причинам не могли управлять транспортным средством, пользовались услугами личных водителей, чье жалование составляло сравнительно большую сумму в 50 рублей. Помимо кучеров в шоферы часто шли слесари, механики, различные техники, домашняя прислуга, представители других профессий. В собрании представлена необычная медаль, врученная «смелому шоферу Шурке от Сашки Богатырева». Соответствующая надпись выгравирована на оборотной стороне этой бронзовой медали, а на лицевой – рельефные изображения автомобилиста за рулем экипажа и богини Ники с пальмовой ветвью в правой руке.

Гонки на автомобилях устраивали как специализированные общества, так и велосипедные клубы, и даже журналы, например журнал «Спорт», «Автомобилист» (печатался в Москве с 1908 г.), «Автомобиль» (издавался в Санкт-Петербурге с 1902 г.). В коллекции музея хранится серебряный жетон последнего. На лицевой стороне присутствует надпись «ЖУРНАЛЬ / АВТОМОБИЛЬ», в верхней части жетона – геральдический щит красной эмали с гербом Санкт-Петербурга.

Собрание Исторического музея включает в себя жетоны и знаки крупнейших автомобильных клубов Санкт-Петербурга, Москвы, Одессы, отражает разные стороны автомобильной жизни страны – роль шоферов и спортивных журналов, международные автопробе-

ги, автомобильные выставки. Эти памятники являются информативным вспомогательным историческим источником, многие из них – произведения медальерного искусства, обладающие высокой художественной ценностью, в них чувствуется рука мастера, стиль эпохи, щедрость заказчика.

*Т.В. Медведева, к.и.н., с.н.с.
ИСл РАН*

Обзор путешествий по России – неизвестное начинание А.Н. Пыпина

Предреволюционное десятилетие отечественной историографии хранит в себе множество нереализованных проектов. Одна из таких инициатив – «Библиография путешествий по России», охватывающая XV–XIX вв. и хранящаяся в рукописи в фонде историка и литературоведа Е.А. Ляцкого (1868–1942) в Рукописном отделе Пушкинского дома (РО ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 5. Д. 37). Она явилась частью большой работы по библиографии русской этнографии, начатой историком А.Н. Пыпиным (1833–1904).

В 1902 г. А.Н. Пыпин передал в библиотеку недавно созданного Этнографического отдела Русского музея свой многолетний труд «Библиографию русской этнографии» с предложением издать его. Идея была встречена с энтузиазмом (Отчет о деятельности Русского музея императора Александра III за 1902 год. СПб., 1903. С. 16). Ведение этого дела было поручено хранителю Этнографического отдела Е.А. Ляцкому, который должен был вместе с А.Н. Пыпиным, А.И. Соболевским, К.П. Залеманом и А.А. Шахматовым выработать план издания.

В данном случае, речь шла об этнографии в широком ее понимании, включавшей вопросы археологии, истории, лингвистики, социологии и антропологии. Такое представление об этнографии отражено в «Истории русской этнографии» А.Н. Пыпина.

Осведомлённость А.Н. Пыпина в вопросах исторической литературы, историографии и библиографии изумляла даже искушенных современников. В критической рецензии на его «Историю русской этнографии» К.Н. Бестужев-Рюмин замечал: «Масса прочитанных им книг поражает» (*Бестужев-Рюмин К.Н.* Рецензия на: *Пыпин А.Н.* История Русской этнографии. Т. I–IV. СПб., 1892. С. 3).

Работа над изданием велась под руководством А.Н. Пыпина при активном участии Е.А. Ляцкого и состояла в библиографической классификации, дополнениях различных отделов и привлечении

нового материала по изданиям и каталогам крупнейших библиотек Петербурга. Первая часть работы, «обнимающая собою общие вопросы этнографии и развитие этнографических изучений в России» была закончена в 1903 г. и готовилась к отправке в типографию в 1904 г. (Отчет о деятельности Русского музея императора Александра III за 1903 год. СПб., 1904. С. 20). Во втором томе предполагалось сосредоточить «местные описания».

Все переменялось в 1904 г. – А.Н. Пыпин скончался. Е.А. Ляцкий, устроенный в Этнографический отдел Русского музея по его настоянию и ставший позднее мужем В.А. Пыпиной, дочери историка, остался без поддержки. В 1907 г. Е.А. Ляцкий в чине статского советника покинул Русский музей, а материалы собранной библиотеки путешествий были перемещены в его личный архив.

Том, объемом в 500, без малого, листов, имеет следы как подготовки к типографскому набору, так и активной аналитической переработки. Е.А. Ляцкий стремился значительно расширить раздел по истории путешествий и изменить систематизацию этой части. Официально книга называлась: «Обзор путешествий, древних и новых, иностранных и русских, в землях древней и позднейшей территории Русского государства».

Литература путешествий определялась как особый источник по этнографии, со своими характерными чертами и спецификой подачи информации (РО ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 5. Д. 37. Л. 1).

Путешествия в томе систематизированы по году выхода печатного издания: книга содержит последовательно разделы от XV до XIX вв., внутри которых издания расположены по дате выхода в свет, а для XV–XVII вв. и по дате «въезда» путешественника в Россию (поскольку многие травелоги неоднократно издавались и переиздавались на разных языках).

Первый раздел книги, посвященный путешествиям XV–XVI вв., уже успел побывать в наборе и представлен в томе в виде корректуры с правкой и значительными дополнениями. Были подготовлены для набора в типографии и материалы о путешествиях XVII в. Остальная, более объемная часть рукописи, охватывающая XVIII и XIX вв., представляет собой библиографию, еще не предназначенную к публикации, с пометами, аннотациями, дополнениями и карандашными вопросами на полях.

Для изданий XV–XVII вв. важно, что они приводились с максимальным указанием разных изданий, в том числе переводов на разные языки, в первую очередь, русский. Так, Самуил Коллинс был представлен в томе пятью лондонскими изданиями, одним прижиз-

ненным французским, и тремя русскими переводами XIX в., а также аннотацией. Французский путешественник Пьер-Мартин де Ламартиньер (ла Мартиньер), еще не издававшийся тогда в России, был представлен, кроме французского издания, немецким, латинским, голландским, английским и итальянским переводами.

Если путешественник и его тексты были отмечены упоминанием в отечественной историографии, ссылки на эти работы также давались в ряде случаев.

В точности выдержать хронологический принцип было непросто. Так, среди прочих изданий XIX в. оказалось: «Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам, в XIII, XIV и XV столетиях», вышедшее в переводах Д.И. Языкова в 1825 г. (Там же. Л. 287).

Кроме аннотаций, указания на издания содержат краткие пометы составителя, касающиеся содержания и необходимости включения в Обзорение. Так, возле книги американского журналиста Charles A. Dana «Eastern Journeys» (New York, 1898), помечено: «(Щи, борщ и т. п. р[усская] кухня) Лучше взять» (Там же. Л. 478), возле издания молодого французского автора Pierre Morane «Finlande et Caucase» (Paris, 1900) указано: «Армяне, грузины, русск[ие] сектанты на Кавказе» (Там же. Л. 482).

Последние травелоги в томе датируются 1900-м годом выхода, а сам том так и остался неизданным.

Являясь, по сути, первой частью большой библиографической работы, Указатель путешествий, насчитывающий более 500 персоналий, представляет, безусловно, самостоятельный интерес для истории отечественной исторической науки. Причем, и как научный труд вековой давности, и как актуальный до сих пор справочник по истории путешествий с большим хронологическим охватом. Подтверждением этому является вышедший совсем недавно фундаментальный аннотированный указатель «Русский травелог XVIII – начала XX веков» (Новосибирск, 2018), посвященный путешествиям россиян по своей стране и по миру, где на новом историографическом уровне решаются те же задачи, что стояли перед А.Н. Пыпиным и Е.А. Ляцким более столетия назад.

*А.Н. Медведь, к.и.н., доц., директор ЦЦГ УНР
РГГУ*

Китайгородская крепость на Петровом чертеже

Целью данной работы было рассмотреть информационные возможности «Петрова чертежа» при изучении памятника оборонного

зодчества первой половины XVI в. Китайгородской крепости.

Китайгородская крепость, сооруженная в 1530-е гг. под руководством итальянского инженера Пьетро Франческо Аннибале, являлась одним из самых передовых фортификационных комплексов Московского государства. В ее состав входило 14 башен различной конфигурации. Башни, равно как и стена, были приспособлены как для ведения боя с применением огнестрельного оружия, так и для обороны от противника, вооруженного таким оружием. Во второй половине XVII–XX вв. стена и часть башен подверглись значительной перестройке, а большая часть крепости была разрушена в 1930–1950-е гг., однако сохранилось довольно много изображений ее укреплений (*Медведь А.Н., Молошикова М.А.* Китайгородская крепость: история, археология, музеефикация // Московское наследие. 2019. № 5 (65). С. 63–73).

На «Петровом чертеже» (отражает ситуацию в Москве по состоянию не позже 1603 г.) Китайгородская крепость впервые изображена полностью, что делает этот источник важным для реконструкции облика крепости в конце XVI – начале XVII вв.

Москворецкий участок крепости состоял из Водяных ворот, Коломокринской башни, наугольной башни. Почти все башни этого участка изображены схематично, их форму невозможно реконструировать (за исключением Водяных ворот).

Далее Петров чертеж фиксирует Космодамианские ворота, которые изображены как простая башня, без воротного проема и даже без подъезда к ней. Имеется описание состояния Китайгородской крепости в 1645 г., где Космодамианские ворота описаны как уже недействующие (Дополнения к актам историческим. Т. III. СПб., 1848 С. 10). Если сравнить эти данные с данными описи 1645 г. и информацией Петрова чертежа, то можно предположить, что Космодамианские ворота, именно как ворота, перестали функционировать гораздо раньше 1640-х гг. – еще в конце XVI в.

За Космодамианской башней следовала Варварская башня. Башня показана квадратной, хотя в реальности она имела прямые стены, но округлую фронтальную часть. При этом вход в Варварскую башню показан в виде так называемых «косых ворот», т. е. воротный проем расположен перпендикулярно линии стены. Это любопытная деталь, так как в Варварской башне действительно имелся боковой вход, причем именно с той стороны, с которой он отмечен на Петровом чертеже.

Следующая за Варварскими воротами Многогранная башня на чертеже действительно имеет форму многогранника (хотя граней

всего 4 вместо 8), причем фрагмент крепостной стены между Варварской и Многогранной башнями на чертеже изображен как чуть сдвинутый в сторону города (как это и было в реальности).

Ильинские ворота, Богословская башня и Никольские (Владимирские ворота) изображены максимально упрощенно – прямоугольная форма, иногда дополненная арочкой, изображающей воротный проем.

Значительно отличается от реальности изображение наугольной башни рядом с Никольскими воротами. Эта башня была круглой, однако на Петровом чертеже она изображена как имеющая несколько вытянутую форму. Следующие за ней Троицкие (Пушечные) ворота изображены как квадратная башня без ворот. А вот прясло между наугольной башней и Троицкими воротами на Петровом чертеже изображено как имеющее небольшой угол со смещением к городу, что близко к реальной ситуации.

За Троицкими воротами располагалась так называемая «Птичья башня» (ныне располагается у Третьяковского проезда). Башня изображена как квадратная и вписанная в прясло почти до половины, что не соответствует реальности. Однако линия стены от Птичьей башни до Безымянной башни (на современной площади Революции) на Петровом чертеже в целом изображена верно.

Безымянная башня на Петровом чертеже изображена с некоей аркой в ее нижней фронтальной части. Форма этой башни на Петровом чертеже квадратная, тогда как в реальности башня была полукруглая и ворот не имела.

Петров чертеж отразил и гидрологическую ситуацию: на берегу Неглинки у прясла между Птичьей и Безымянной башнями, а также у Безымянной башни отмечены небольшие протоки, подходящие прямо к крепостной стене.

Воскресенские (Иверские) ворота на чертеже изображены как прямоугольное вытянутое сооружение, покрытое двускатной крышей. По своей форме они почти полностью повторяют Водяные ворота Китай-города. У нас нет точных данных, которые позволили бы реконструировать облик как Воскресенских, так и Водяных ворот XVI в. Изображения, имеющиеся на Петровом чертеже, являются наиболее ранними образами этих объектов (первоначальные Воскресенские ворота были снесены во второй половине XVII в., а Водяные ворота – в XVIII в.).

Почти все башни (кроме воротных) на Петровом чертеже имеют утолщение внизу. В реальности они не все имели такую форму. Прясла в целом изображены довольно схематично, однако прясло

между Космодамианскими и Варварскими воротами показано с деталями, характерными для Китайгородской крепости – длинные мерлоны, линия примерно на уровне двух третей от подошвы стены (вероятно, так обозначался верхний декоративный валик и линия машикулей) и бойницы нижнего боя. Одна из бойниц, изображенных на Петровом чертеже, была обнаружена в ходе археологических раскопок 2017 г., и на данный момент экспонируется в парке «Зарядье» (*Молошникова М.А., Медведь А.Н.* Исследование печуры Китайгородской крепости: особенности конструкции и аналогии // Археология русского города. Материалы научно-практического семинара 2018 г. М., 2019. С. 31–40). Так что чертеж в этом смысле следует признать достаточно точно отражающим ситуацию конца XVI в.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на некоторые неточности и спорные моменты, Петров чертеж можно использовать как исторический источник по истории Китайгородской крепости конца XVI – начала XVII вв. Ситуация, изображенная на нем, в целом, соответствует возможному положению дел с крепостью по состоянию на конец XVI в.

*А.Г. Мельник, к.и.н., зав. отделом
Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль»*

Разрядные книги как источник по истории религиозности московских государей XVI – начала XVII в.

Богомольные походы по святым местам являлись одним из характерных проявлений религиозности московских государей в XVI – начале XVII в. К сожалению, ни один вид источников, взятый в отдельности, не позволяет составить достаточно полное представление об истории таких богомолий. Для решения этой задачи необходимо прибегнуть к комплексному анализу различных источников. К их числу принадлежат разрядные книги. Они дополняют сведения по данному вопросу других документов и в некоторых случаях позволяют пересмотреть сложившиеся в науке представления.

В частности, существует мнение, что царь Иван Грозный после 1573 г. «перестал ездить в Троице-Сергиеву обитель», основанное на том, что он в этом году подверг критике ее общину. Однако, по свидетельству разрядной книги, государь посетил данный монастырь буквально в следующем 1574 г. Подобные посещения засвидетельствованы документами и в некоторые последующие годы. Значит, царь отделял упомянутое свое недовольство троицкими монахами от своего же почитания св. Сергия Радонежского. Культ по-

следнего остался в его глазах незабываемым. Об этом, например, говорит то, что, по данным тех же разрядных книг, в 1577 г. он повелел построить в завоеванной Ливонии два храма, посвященные преп. Сергию.

Разрядные книги характеризуют Ивана Грозного как активного проводника православия и культов русских святых. Особенно явно это проявилось в 1577 г., когда в только что покоренных городах Ливонии он приказывал строить церкви, посвященные Иисусу Христу, Богородице, общехристианским и русским святым. Приведу несколько примеров.

В городе «Трекате» государь повелел построить храм Воскресения Христова с приделом Феодора Стратилата. В городе «Луже» «указал государь поставить храм святых страстотерпец Бориса и Глеба да в пределе Успение святыя Анна, матери святыя Богородицы». В городе «Чествине» царь приказал поставить «храм Стречение Пресвятые Богородицы Владимирские Одигитрия, а предел чудотворца Сергия, а другой предел Всеволод». Очевидно, в последнем случае имелся в виду святой князь Всеволод-Гавриил Псковский. В городе «Борзуне» царь повелел построить церковь Петра митрополита. В «Ерли» «указал государь в городе строению быть: поставить храм Положение честнаго пояса Пречистые Богородицы да в пределе Александра Свирского чудотворца». В городе «Володимирце» указал государь построить храм Успения Богородицы с приделом Сергия Радонежского.

Как правило, но не каждый раз царь при выборе посвящений церковей ориентировался на месяцеслов или церковный календарь. Только в одном случае праздник, которому посвящался храм, пришелся на день покорения соответствующего города. Бытует мнение, что церкви, строившиеся по заказу Ивана Грозного в память его побед, получали посвящения в честь тех праздников, которые приходились на дни этих побед. Как видим, так было далеко не всегда. Праздник, которому посвящался определенный храм, обычно отстоял от дня захвата соответствующего города на некоторое количество дней. На эти дни приходились разные праздники, и государь выбирал из них тот, который его устраивал. Причем данный праздник мог совершаться как до, так и после упомянутого победного дня. Посвящения нескольких храмов никак не соотносились с ближайшими ко дню покорения соответствующих городов праздниками церковного календаря. Таким образом, царь в своей практике посвящений церковей позволял себе большую свободу выбора.

Русские святые, в честь которых царь приказывал создавать на-

званные храмы, принадлежали, в основном, к числу самых популярных в то время отечественных подвижников благочестия. Таковы Борис и Глеб, Сергей Радонежский, Петр митрополит, Александр Свирский. Ясно, что их особо почитал и сам государь. Только Всеволода-Гавриила нельзя причислить к особо популярным тогда святым. Но известно, что перед военным походом 1577 г. Иван Грозный молился в Пскове у гробницы этого подвижника благочестия. Значит, царь считал его своим небесным покровителем в Ливонской войне.

Разрядные книги донесли до нас сведения о богомольях царей Федора Ивановича и Бориса Годунова, отсутствующие в других документах. Те же книги существенно дополняют наше представление о личности Бориса Годунова, в частности, о его религиозности. Если в особом благочестии царя Федора Ивановича большинство историков не сомневается, что подтверждается и разрядными книгами, то о набожности царя Бориса исследователи писали явно недостаточно.

С момента воцарения в 1598 г. и до своей кончины в 1605 г. Борис Федорович ежегодно отправлялся на богомолья, которые носили регулярный характер. Обычно царь бывал в монастырях два или несколько раз в год. Например, по данным разрядной книги, в 1601 г. он совершил следующие походы по святым местам. 24 мая 1601 г. «ходил государь царь и великий князь Борис Федорович» с сыном Федором Борисовичем в Троице-Сергиев монастырь «молитца». В июле 1601 г. «ходил государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси к Николе в Можаяск». 19 июля 1601 г. «в Звенигороде у Пречистой Богородице у Савы на Сторожех был у государя стол», то есть царь Борис посетил Саввино-Сторожевский монастырь. Около 25 сентября 1601 г. «ходил государь» молиться в Троице-Сергиев монастырь. «И был у Троицы стол тово же месяца 25 день». Значит, царь посетил эту обитель в праздник св. Сергия (25 сентября). 7 декабря 1601 г. «ходил государь в Новый Девичей монастырь».

Как видим, Борис Годунов на протяжении всего своего царствования придавал ничуть не меньшее значение богомольям, чем его предшественники на московском троне Василий III, Иван Грозный и Федор Иванович. Становится ясным, что царь Борис был очень религиозен и это, надо полагать, прямо или опосредованно влияло на его поступки не только в личной, но и в государственной сферах.

*А.М. Мельник, студентка
ИИ СПбГУ*

*И.А. Поляков, н.с.
ОР РНБ*

*Т.Г. Таирова, д.и.н., проф.
ИИ СПбГУ*

*Д.О. Цыпкин, к.и.н., доц.,
зав. кафедрой ИИ СПбГУ*

**«Малороссийская летопись» С.В. Величко:
кодицилогические наблюдения**

«Малороссийская летопись» С.В. Величко – уникальный рукописный памятник, созданный в первой половине XVIII в. бывшим генеральным писарем Самуилом Величко и содержащий ценные летописные сведения об истории Левобережной и Правобережной Украины с середины XVII в. до 1700 г. Памятнику как историческому источнику по казацкой истории, а также различным вопросам его создания посвящена значительная по объёму научная литература. Однако, начиная с середины XIX в. общей тенденцией всех исследователей стала работа с изданным Киевской археографической комиссией текстом, а не оригинальной рукописью, хранящейся на сегодняшний момент в Отделе рукописей РНБ в собрании М.П. Погодина (ОР РНБ. Погодинское собр. № 2020/1–3). В настоящее время коллективом русских и украинских ученых проводится комплексное исследование рукописи, а также её подготовка к изданию, которое включит в себя как текст, так и факсимильное воспроизведение. В связи с этим важным направлением в изучении стало кодическое исследование подлинника, призванное ответить на ряд вопросов, связанных с его датировкой, структурными частями и авторским замыслом С.В. Величко.

Помимо оригинальной рукописи, сохранившейся до нашего времени без начальной и заключительной частей, в Киеве хранится её список, сделанный, в 60–70-е гг. XVIII в. и использованный для подготовки первого издания «Летописи» в 1848–1864 гг. (НБУВ. Ф. 8. № 154; Летопись событий в юго-западной России в 17 в. Т. 1–4. Киев, 1848–1864). В современном виде подлинная рукопись представляет собой три тома-конволюта формата in folio суммарным объёмом в 754 листа. По-видимому, рукопись была переплетена только в середине или конце XVIII в., а до этого хранилась в тетрадах. Таким образом, современная разбивка на три тома не соответствует текстовой. Исследователи сходятся во мнении, что в составе памятника сохранилось три части: «Начальная часть» (Т. 1. Л. 1–69) без начала, «Сказание» (Т. 1. Л. 70–252), «Повествование» (Т. 2, 3) без конца.

В рамках работы над рукописью авторским коллективом было проведено кодикологическое исследование памятника. В результате этой работы была выявлена 21 филигрань конца XVII – первой половины XVIII вв. Их анализ позволил по-другому взглянуть на историю формирования сочинения и определить целые блоки текста, составленные одновременно. В первую очередь это ряд оригиналов и списков грамот и договоров и семь рисунков, выполненных на бумаге с различными водяными знаками конца XVII – начала XVIII вв. Эти документы встречаются в составе «Сказания» и «Повествования». По нашему предположению, С.В. Величко удалось взять из архива Генеральной канцелярии Запорожского войска подлинники и копии материалов, принципиально важных для истории Малороссии, ещё в конце XVII – начале XVIII вв. в бытность его генеральным писарем.

Основной текст памятника – часть «Сказания» (Т. 1. Л. 104–252) и «Повествование» (Т. 2, 3) – написаны на бумаге «Герб города Базеля» разных сеток («ГБ») (1): *Дианова Т.В.* Водяные знаки рукописей России XVII в. М., 1980. С. 118. № 1022 (1695 г.), 1023 (1697 г.); «ГБ» (2): *Дианова Т.В.* Филигранные XVII века по старопечатным книгам Украины и Литвы. М., 1993. С. 76. № 515 (1697, 1700 гг.); «ГБ» (3): *Каманін І.* Водяні знаки на папері українських документів XVI і XVII вв. (1566–1651). К., 1923. С. 79. № 695 (1666, 1670, 1671, 1669 гг.) и «Гербе города Амстердама» с контрамаркой «AUIG» (*Дианова Т.В.* Филигранные XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998. С. 100. № 320 (1719 г.)). В этой части рукописи практически отсутствуют целые тетради, значительная часть листов приклеена. Таким образом, заключительная часть «Сказания» и все «Повествование» представляют собой конволют из блока бумаги с водяным знаком «Герб города Базеля» (в трех вариантах) конца XVII в. и «Герба города Амстердама» конца 10-х – начала 20-х гг. XVIII в.

Интересно отметить, что начальная часть «Сказания» (Т. 1. Л. 70–112) имеет палеографические отличия (уменьшенное расстояние между строками, наличие рамок по всем полям рукописи, отсутствие ряда колонтитулов и, в целом, более «неопрятное» оформление) и была написана на бумаге двух водяных знаков, более в рукописи не встречающихся (филигрань «тевтонский крест», ближайший аналог: *Ляуцявичюс Э.* Бумага в Литве XV–XVIII веках. Вильнюс, 1967. С. 238. № 1762, 1763, 1767 (1730–1731, 1741 гг.); филигрань «Герб города Базеля» (двуглавый орел на щите), по альбомам не определяется). На сегодняшний момент сведения альбомов филиграней не позволяют точнее датировать этот комплекс тек-

ста, однако, вероятнее всего, он был создан С.В. Величко ранее второй части «Сказания» и «Повествования».

Наконец, анализ водяных знаков «Начальной части» (Т. 1. Л. 1–69) и сохранность тетрадей подтверждает выводы исследователей текста об утере её первых листов. Более того, датировка филиграней позволила предположить, что «Начальная часть» была выполнена С.В. Величко в последнюю очередь, так как в ней фигурируют более поздняя бумага, не встречающаяся в других частях рукописи.

Таким образом, результаты проведенного кодикологического исследования позволили высказать ряд новых выводов об истории создания памятника. По-видимому, С.В. Величко задумал создать историческое произведение об истории Малороссии, основанное на документальных материалах, ещё в конце XVII – начале XVIII вв., поэтому специально подготовил документы, договоры, изображения, а также целый блок чистых листов дорогой бумаги (три варианта «Герба города Базеля») для написания «Летописи». Однако события начала XVIII в. и предполагаемый арест не позволили ему осуществить замысел (*Таирова Т.Г.* К биографии автора казачьей летописи Самойла Величко // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2016. № 2. С. 76–88). Возможно, в этот период или позднее им была составлена начальная часть «Сказания». Около 1720-го года, как отмечает сам автор на титульном листе «Сказания» и подтверждают данные бумаги, С.В. Величко вернулся к идее создания летописного памятника и вновь обратился к архивным материалам, подготовленным ещё в начале века. Это предположение объясняет чересполосицу из бумаги конца XVII в. и 20-х гг. XVIII в., присутствующую в части «Сказания» и «Повествовании». Наконец, «Начальная часть» летописи была создана автором в последнюю очередь, так как написана на бумаге с наиболее поздними водяными знаками и не содержится «архивных» материалов автора.

*А.А. Митрофанов, к.и.н.
н.с. ИВИ РАН, с.н.с. ГАУГН*

Знаки «Инсорженцы». Эмблематика антифранцузского сопротивления в Италии в 1796–1799 гг.

В современной историографии «Инсорженцы» (*Le Insorgenze*), как традиционно именуется вооруженное антифранцузское сопротивление в Италии 1796–1814 гг., одним из наиболее актуальных является вопрос о визуальных образах этого вооружённого конфликта, о его эмблематическом выражении. Антифранцузское со-

противление в Италии принимало разные формы: партизанского движения, вооруженных крестьянских и городских восстаний, сопротивления захватчикам регулярных частей и квазие военных формирований (народного ополчения). В итальянской историографии все эти явления рассматриваются отдельно по регионам. Рассмотрим вопросы эмблематики вооруженного сопротивления на примерах Тосканы, Генуи, Пьемонта, Неаполя и Вероны.

В отличие от Франции 1789–1799 гг., демонтаж институтов Старого порядка и его эмблематической системы в Италии происходил иначе, под влиянием иностранного военного вторжения, имел региональные особенности, а в хронологическом отношении растянулся почти на два десятилетия. Период 1789–1796 гг. отмечен гипертрофированным интересом итальянских элит к Франции. Приход французов ознаменовался уничтожением отдельных геральдических эмблем, установкой «деревьев свободы», попыткой создания собственного триколора, формированием новых изобразительных и словесных девизов с призывами к свободе, равенству и братству. В Савойе и Пьемонте уничтожались гербы савойской династии, в Тоскане поруганию подвергались флорентийские лилии и цвета дома Габсбургов, в венецианских землях ниспровергались с вековых колонн золотые коронованные львы Св. Марка, в Риме уничтожались гербы пап, а в Неаполе – геральдические эмблемы дома Бурбонов. В ментальности активистов этих событий ликвидация знаков Старого порядка не была бессмысленным действием: поругание и уничтожение знаков владетельных светских и церковных сеньоров, олигархических республик символизировали ликвидацию и самого этого порядка вещей. В значительной степени эти порывы вандализма совершались руками самих итальянцев, но так же часто и силами французских завоевателей. О реальном отношении современников-итальянцев к эмблемам свидетельствует трагический «казус» Н.Ж.Ю. де Басвиля – политического представителя революционного Парижа при папском дворе, который был растерзан римской толпой в январе 1793 г. за «неуважение» к французскому королевскому гербу (он был снят и заменен на аллегорическую республику) и ношение трехцветной кокарды.

Вооруженные отряды сопротивления французам (народное ополчение) начали создаваться в Пьемонте уже в 1793–1794 гг., где военные действия за возвращение Савойи и Ниццы велись постоянно королевскими властями. Здесь не стоял вопрос о новой эмблематике: савойский патриотизм визуализировался с помощью традиционных геральдических эмблем, знамени и синих кокард. Даль-

нейшее развитие событий в других регионах показывает приверженность светских и церковных элит, а также населения городских коммун и крестьянства к геральдике Старого порядка с определенными инновациями. (Вопрос о визуализации протеста партизанского типа (*banditi, barbetti*) оставим в стороне). В Тоскане антифранцузские силы использовали цвета знамен Габсбургов в качестве лент, кокард и основы знамен (красно-белые и желто-черные). В Неаполе и провинциях Неаполитанского королевства, где действовала армия под командованием кардинала Руффо (*Armata della Santa Fede in nostro Signore Gesù Cristo*), геральдические эмблемы (например, чрезвычайно пышный королевский герб дома Бурбонов) располагались на совершенно белом полотнище стяга. Двустороннее знамя «санфедистов» (с одной стороны красный косой крест с лилиями, с другой – герб Неаполитанского королевства, дополненный сверху «всевидящим оком») сопровождалось девизом: «*Viva Dio, viva il re. Exultat in rege suo*». Белое полотнище использовалось в Генуе, Модене, Папской области.

Чрезвычайно часто итальянские национально-освободительные формирования использовали белый стяг с красным крестом (в генуэзских землях это могло иметь и смысловое значение креста св. Георгия), в окружении золотых лилий или без таковых. С той же частотой на белых знаменах таких отрядов располагался образ Девы Марии с соответствующим словесным девизом («*Viva Maria!*») или без него. В отдельных областях образ Девы Марии являлся центральной частью другой эмблемы повстанческой армии – черного двуглавого гасбургского орла с инсигниями (образ располагался на груди у существа, такой образец штандарта сохранился в Ареццо).

Важным символическим действием, которое имело место во всех коммунах после изгнания французов и вступления освободительных частей, являлось низвержение «деревьев свободы» и водружение на их месте искупительного католического креста. Возвращение легитимных властей сопровождалось и восстановлением ряда геральдических элементов в их прежних функциях. Ярким примером выступлений (восстаний) против оккупантов при участии или по инициативе регулярных частей местных армий является «Веронская Пасха» (апрель 1797 г.); соответственно использовались имевшиеся в наличии знамена регулярных частей. Так, в венецианских далматских частях, восставших в Вероне, это были знамена со львом Св. Марка.

Важнейшими особенностями эмблематики «Инсорженцы» были: стихийная унификация изображений (Дева Мария, красный

крест на белом полотнище), рецепция геральдических эмблем королевских династий (о стихийности этого явления говорить преждевременно), создание новых простых и ясных эмблем в противовес узнаваемым французским (синие кокарды в Пьемонте, габсбургские цвета в Тоскане, белые в Неаполе). Вместе с тем унификации эмблематического корпуса повстанческих движений и антиреволюционных армий в масштабах всей Италии не наблюдалось, конфессиональная католическая тематика оставалась единственным, что в конце XVIII в. объединяло народы, населявшие итальянские государства.

*Е.А. Михайлова, к.искусств., н.с.
ОР РНБ*

**«Восточное путешествие» И.Ф. Тюменева (1874 г.):
фрагмент неопубликованной автобиографии**

«Моя автобиография» Ильи Федоровича Тюменева (1855–1927) – уникальный исторический документ. Будучи музыкантом, художником, литератором, переводчиком, путешественником, и человеком, стремящимся зафиксировать свои впечатления в слове и в живописных зарисовках, он оставил удивительный труд в 10 рукописных томах (ОР РНБ. Ф. 796 И.Ф. Тюменев. Оп. 1. Ед. хр. 7, 8, 12, 15–21), охвативший большую часть его жизни (заканчивается жизнеописание 1904 годом). Автобиография преподнесена живым литературным языком, основана как на воспоминаниях Ильи Федоровича, так и на сохранившихся документах – дневниках, которые он прилежно вел из года в год, письмах, подписях к рисункам и проч.

Особое значение приобретают фрагменты автобиографии, описывающие его путешествия по России и зарубежным странам. Много воспоминаний о неоднократном посещении Валаамского монастыря и других духовных обителей. Но «кульминацией» его «паломническо-туристических» странствий становится «Восточное путешествие» с посещением стран Ближнего Востока, Египта и, конечно, Палестины.

Путешествия в Иерусалим и на Святую землю совершались русскими паломниками с давних времен (одно из древнейших известных описаний паломнических посещений Палестины – «Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли», XII в.). Особенно много желающих оказаться в Иерусалиме и прикоснуться к Святым местам наблюдалось в XIX в., причем их количество заметно увеличилось к концу столетия (здесь, конечно, сказалось образование

Императорского Православного Палестинского Общества в 1882 г.). Некоторые паломники оставляли описания своих путешествий на Святую Землю.

«Восточное путешествие» И.Ф. Тюменева (ОР РНБ. Ф. 796. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 20–95), совершенное им совместно с художником Павлом Алексеевичем Черкасовым летом 1874 г., в своем полном виде до сих пор в исторической и мемуарной литературе не фигурировало (фрагмент «Восточного путешествия» с посещением Палестины опубликован: *Михайлова Е.А.* Воспоминания И.Ф. Тюменева о путешествии в Палестину (исследование и публикация текста) // Иерусалимский семинар. Вып. 9. М., 2019). А между тем, описание этого путешествия, основанное по большей части на дневниках И.Ф. Тюменева, представляет большой интерес для исследователей самых разных областей знаний.

Здесь можно найти любопытные, точно подмеченные наблюдения над местностью, архитектурой, атмосферой городов, в которых останавливались Тюменев и Черкасов (помимо Иерусалима и Святой Земли, они посетили Константинополь, Порт Саид, Измаилию, Суэц, Каир, Мемфис, Александрию, Бейрут и другие города), рассказы о специфике транспортного сообщения между определенными населенными пунктами, о важных для туристов моментах – сложностью с обменом денег, поиском гостиниц и проводников и других ситуаций.

Зоркий глаз литератора и путешественника отмечал некоторые местные традиции. Так, в Египте, по дороге на осмотр гробниц вице-королей, приятели встретили две арабские свадьбы – богатую и бедную.

Интересуют автора «Восточного путешествия» обряды иноверцев. Запомнилась поездка из Каира к «вертящимся дервишам, которые молятся только по пятницам» (ОР РНБ. Ф. 796. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 68). Но путешественники даже не выходили из экипажа: им объявили, что по случаю жары в этот день дервиши вертеться не будут. Пришлось ехать в монастырь к «дервишам рычащим», которые являют собой «самое строгое братство в исламизме». Тюменев оставляет удивительное описание их молитвы со «страшным, действующим на нервы рычанием» (ОР РНБ. Ф. 796. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 68 об.).

Крайне интересны музыкальные впечатления, полученные за время «Восточного путешествия». Илья Федорович – страстный музыкант, и вскоре после приезда из этого вояжа он станет первым частным учеником одного из виднейших петербургских композиторов – Николая Андреевича Римского-Корсакова. Павел Алексеевич

также был неотделим от музыки: он поступил в Академию художеств как певец хора музыкального класса, и в течение ряда лет «платил» за обучение пением – сначала в хоровом классе, а после его закрытия – в церковном академическом хоре. Поэтому Тюменев с Черкасовым не только сами музицируют в салонах пароходов и гостиниц, но и стараются услышать местную музыку и посещать театры. Описание «Восточного путешествия» дает возможность получить представление о некоторых драматических пьесах и операх, составляющих репертуар местных театральных трупп.

Во время всего путешествия судьба сводила путников с интересными людьми. По дороге в Одессу их попутчиками оказались художник Павел Александрович Брюллов (племянник знаменитого отечественного живописца Карла Брюллова), бывший директор Санкт-Петербургской консерватории Николай Иванович Заремба. В Москве в ожидании киевского поезда состоялась встреча с художником Павлом Семеновичем Сорокиным. В поезде при переезде из Киева в Одессу путешественники пересеклись с художником Григорием Григорьевичем Мясоедовым.

На Святой Земле и в городах Востока Тюменев и Черкасов встречались с такими историческими фигурами, как арх. Макарий (Сушкин), русский посол в Константинополе Н.П. Игнатьев, начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме о. Антонин (Капустин), русский консул в Иерусалиме В.Ф. Кожевников и другими.

«Восточное путешествие», записанное И.Ф. Тюменевым, является важным комплексным историческим источником. Оно дает незаменимые сведения к биографии И.Ф. Тюменева и П.А. Черкасова, а также добавляет штрихи к биографии лиц, с которыми они контактировали в пути; дает сведения о ряде географических объектов, о местных нравах, традициях, обрядах, музыкальной культуре и проч. Рассмотренное в контексте паломнической литературы, «Восточное путешествие» – яркий пример купеческой поездки в Палестину и окружающие ее страны.

*М.В. Моисеев, к.и.н., зав. сектором
«Музейное объединение «Музей Москвы», с.н.с. НГУ*

Типы печатей, которыми заверяли послания царя Ивана IV Васильевича татарским владетелям

Очевидной сложностью при изучении дипломатических связей Московского государства со странами Востока является полное отсутствие оригиналов посланий как исходящих, так и входящих.

В такой ситуации исследователи попадают в зависимость от полноты отражения этого типа документации в посольских книгах и столбцах. Составление этих документов было способом сохранения (архивации) разнообразных документов и осуществлялось путем копирования отобранных материалов. Именно поэтому посольские книги и столбцы имеют пометки копиистов. Чаще всего эти пометки отражают название документа, данные адресата или отправителя, указание на перевод, а также краткие сведения о том, кто это послание доставил. Такие описания-заголовки, разграничивали документальный поток и помогали ориентироваться в этом массиве. Однако, что интересно, время от времени мы сталкиваемся с практикой описания грамот. Чаще всего при описании указывалось наличие приписок, их расположение, приводился их текст и другая информация (*Мусеев М. В.* Переписка России с Ногайской Ордой в правление Ивана Грозного: документооборот и архивация посланий // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2018. № 10. С. 80–81).

К практике фиксации внешнего вида грамот могут также принадлежать описания тугр, которые даже иногда зарисовывались, и, конечно, факты заверения посланий печатями. Впрочем, стоит отметить, что это делалось не всегда. Чаще всего это характерно для крымских и ногайских посланий, так как упоминание запечатывания грамоты входило в конечный протокол. Как правило это передавалось следующей клаузулой: «молвя, жиковиною запечатав, грамоту послал есми» или «молвя, с печатью грамоту послал есми». Эти упоминания свидетельствуют, что татарские ханы, бии и мирзы заверяли чаще всего послания жиковиной-перстневой печатью (*Самойлович А.Н.* О «пайцза» – «байса» в Джучиевом улусе (К вопросу о басме хана Ахмата) // Тюркское языкознание. Филология. Руника. М., 2005. С. 218). Однако упоминания о факте опечатывания русских грамот не были необходимыми, и в составе посольских книг, как правило, находили место только в исключительных случаях.

Так, например, после сожжения Москвы крымцами 24 мая 1571 г. грамоты к хану и калге были запечатаны «меншою печатью, которою печатают подорожные и грамоты на черном воску» (Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. М., 2016. С. 334, 336). Все это может служить фактом неприкрытого оскорбления адресата и дипломатическим демаршем и несомненно призывает пересмотреть или скорректировать представление о панике и упадническом настроении охватившем царя и его окружение после этого оглушительного поражения. Однако от-

сутствие других сведений о том какими печатями заверяли русские послания татарам не позволяет нам считать этот случай релевантным. Поэтому необходим поиск других источников, которые расширили бы наши представления по этому вопросу.

Таким источником оказалась книга, составленная в конце XVI в. и озаглавленная составителями «Начало как пишетца к великим господарем, [...] как начала писаны от великих государей от русских к римским цесарем и в ыные разные государства и из государств». Архивисты XVIII в. это произведение называли Титулярник, и под таким названием он был известен Н.М. Карамзину, определявшему его как Титулярник № 3. Позднее этот источник считался утерянным (*Моисеев М.В.* Новые данные по истории взаимоотношений Московского государства и кавказских политических образований во времена Ивана Грозного // *Комплексный подход в изучении Древней Руси.* М., 2019. С. 136–137).

Именно в этом произведении мы встречаем инструктивные сведения, какими печатями, каким правителям послания должны быть заверены. Интересно, но эти правила связаны с грамотами, направленными в Священную Римскую империю, Крымское ханство, Сибирское ханство, Ногайскую Орду, Великое княжество Литовское. Приведем данные, которые касаются тюрко-татарских государств.

Крымское ханство. 1550 г., послание к хану: «печать рядовая, на красном воску под кустодею», к крымским мирзам: «походною печатью на черном воску»; июнь 1571 г., к хану и калге: «за меншою за обычною печатью на чорном воску»; декабрь 1571 г., к хану: «кормленная, на красном воску под кустодею», к калге, султанам и женам хана: «печать у грамоты меньшая, походная, на красном воску без кустодии», а бекам, мирзам и огланам «печать меньшая на черном воску» (РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14. Л. 59, 59 об., 66 об., 69).

Сибирское ханство. Жалованная грамота Кучум-хану от октября 1572 г. была заверена золотой печатью (РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14. Л. 82–82 об.).

Ногайская Орда. Бию Орды: «рядовая печать на красном воску без кустодеи», а всем мирзам: «печати у грамот рядовые, на чорном воску, без кустодеи» (РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14. Л. 92 об., 93).

Эти лапидарные сведения отражают определенную иерархию печатей. На вершине находилась золотая печать, которая использовалась для исключительных документов. В нашем случае это была жалованная грамота, сама по себе выбивающаяся из привычных для дипломатического обмена документов, соответственно, ее можно исключить из последующих рассуждений. Более привычными были

грамоты-послания и здесь иерархия была следующей. Для хана: красная рядовая/кормленная под кустодеей, члены ханской семьи: красная меньшая походная без кустодии, беки, мирзы и огланы: малая черновосковская печать, ногайскому бию: красновосковская без кустодии, а мирзам: черновосковская без кустодии. Эта схема позволяет нам лучше понять иерархию татарских правителей. На вершине иерархии был хан-Чингизид, ниже располагались представители ханской семьи, а также ногайский бий, еще ниже располагались представители не чингизидских семей и огланы. Приравнивание огланов к не-Чингизидам довольно любопытно и свидетельствует о том, что русские интеллектуалы конструировали татарскую властную иерархию, исходя из своих представлений о власти.

*Л.Е.Морозова, д.и.н., в.н.с.
ИРИ РАН*

Смоленские князья на службе у первых князей московских

Смоленские князья, считавшие себя потомками Владимира Мономаха, несколько раз занимали киевский великокняжеский престол и достаточно долго пытались сохранять независимость после распада Древнерусского государства в конце XII в. Великими князьями Киевскими были: Мстислав Великий, Вячеслав Владимирович, Ростислав Мстиславич, Роман Ростиславич, Рюрик Ростиславич, Ростислав Рюрикович, Владимир Рюрикович. Последним известным смоленским князем был Ростислав Мстиславич, севший в 1239 г. на киевский престол. Он, правда, вскоре был свернут и убит Даниилом Романовичем Галицким. В Смоленске остались три его сына: Глеб, Михаил и Федор. Глеб правил до 1277 г., затем до 1280 г. – Михаил и до 1293 г. – Федор. К этому времени он считался еще и ярославским князем, поскольку женился на ярославской княжне-сироте.

Порядок престолонаследия в Смоленске и ссоры между князьями привели к тому, что реально получить престол могли лишь старшие сыновья великих князей. Младшие княжичи не хотели им служить и переезжали к правителям соседних княжеств. В XIV в. такими княжествами являлись Великое княжество Московское, Великое княжество Тверское и Великое княжество Литовское.

Рассмотрим наличие смоленских князей при великокняжеских дворах первых московских князей: Ивана Даниловича Калиты (1325–1340 гг.), Семена Ивановича Гордого (1340–1353 гг.), Дмитрия Ивановича Донского (1359–1389 гг.) и Василия Дмитриевича I

(1389–1425 гг.) Данные об этих дворах собрал А.Л. Корзинин в монографии «Государев двор Русского государства в доопричный период. 1550–1565 гг.» (М.; СПб., 2016. С. 349–352).

Двор Ивана Калиты состоял всего из 12 человек. Из них только один князь был из Смоленска – Федор Константинович Красный Фоминский. Он значился воеводой в 1338/39 г. (ПСРЛ. Т. 18. С. 363). Данный факт говорит о том, что массового выезда смоленских князей в Москву в это время не было. Федор Константинович Красный сохранил титул, поскольку вел род от второго сына великого князя Смоленского Святослава Ивановича – Юрия. От его первого сына Глеба вели свой род князья Жижемские, перешедшие на службу в Литву и там сохранившие титул (Редкие источники по истории России. Кн. 2. М. 1977. С. 26, 40, 76–77).

Двор великого князя Семена Ивановича Гордого состоял из 15 человек. Среди них не было ни одного смоленского князя. Но сам Семен Иванович в 1345 г. вторым браком женился на смоленской княжне Евпраксии, дочери князя Федора Святославича. Ее отец был пятым сыном смоленского князя Святослава Ивановича и вряд ли имел большие земельные владения. Поэтому великий князь Московский вскоре понял невыгодность брака с Евпраксией и развелся с ней. Чтобы не возник конфликт с ее родителями, он выдал замуж бывшую супругу за ее более состоятельного родственника князя Ф.К. Фоминского, находящегося при московском дворе. В их семье родилось четыре мальчика, трое из которых некоторое время сохраняли княжеские титулы, но потом их утратили и стали рядовыми представителями русской знати: Собакиными, Скрябиными, Шарповыми, Карповыми, Козловскими, Толбугиными, Ржевскими и т. д. (Редкие источники по истории России... С. 40–41).

При дворе Дмитрия Ивановича Донского появилось сразу семь смоленских князей (весь двор 63 человека). Трое из них сохранили княжеский титул: В.И. Березуйский – воевода, И.Ф. Фоминский Собака – боярин и И.Ф. Фоминский Уда – боярин; четверо его потеряли: Карп Александров – сторож, В.А. Всеволож – воевода, Д.А. Всеволож – боярин и воевода, И.Ф. Толбуга – киличей (посол) (Редкие источники по истории России. С. 350–352).

Из «Сказания о Мамаевом побоище» известно, что братья Всеволожи, Владимир и Дмитрий, были видными воеводами и возглавляли Передовой полк на Куликовом поле. Значит, при дворе Дмитрия Донского они занимали высокое положение, хотя и не сохранили титулы, поскольку не имели родовых земель («За землю Русскую!»). М., 1981. С. 313).

Много выходцев из рода смоленских князей было при дворе Василия I (1389–425 гг.). Из общего количества (65 человек) – их было 11. Из них 7 человек (все князья Фоминские в чине бояр) сохранили титулы, 4 – окончательно утратили (Д.А. Всеволож, И.Д. Всеволож, А.Б. Поле, И.И. Толбугин). Именно в это время самостоятельное Смоленское княжество перестало существовать и было захвачено великим князем Литовским Витовтом. В итоге все перешедшие на службу в Москву смоленские князья постепенно потеряли титулы и влились в состав рядового русского дворянства.

*Л.В. Мошкова, гл. специалист
РГАДА*

Проблемы изучения княжеских канцелярий второй половины XV – начала XVI в.

Работа выполнена по гранту РФФИ № 20-09-00360

Выбор для комплексного изучения канцелярий детей Василия Васильевича Темного, помимо чисто исследовательского любопытства, продиктован следующими причинами. 1. Вторая половина XV – начало XVI в. – время в достаточной степени обеспеченное источниками, анализ которых может дать объективную картину развития и функционирования канцелярий. Для более раннего времени совокупный объем документов меньше, следовательно, априори можно предположить, что выводы будут менее валидны. 2. Происходящие процессы, а именно формирование государственного аппарата, уже достаточно выражены, их можно проследить и обосновать. Исследовав этот период, будет легче не только рассматривать предшествующий, но и перейти к более позднему времени. 3. Именно на выбранный для исследования период приходится значительные изменения территории Русского государства, т. е. потребность в стабильно функционирующем аппарате управления становится (и, вероятно, ощущается) как насущная. 4. В начале этапа мы видим лишь разрозненные акты, в его окончании – делопроизводственные источники в форме книг. Следовательно, произошедшие за полстолетия изменения можно считать революционными. 5. Хронологический срез даст возможность провести сравнение великокняжеской канцелярии с аналогичными учреждениями удельных князей.

Канцелярия для участников проекта (А.Л. Грязнов и Л.В. Мошкова) – это постоянно действующий орган, состоящий из

людей, занимающихся оформлением, хранением и упорядочиванием документации, как изданной тем или иным князем, так и поступившей ему. Обязанности, входящие в компетенцию канцелярии, в ходе исследования могут в той или иной мере уточниться (подтверждаться или опровергаться).

Исследование должно базироваться на всей совокупности актов, относящихся к выбранным персонам (сохранившимся как в подлинниках, так и в копиях; помимо этого следует учитывать и включенные акты). Грамоты, известные только по упоминаниям в источниках, можно только учитывать, как существовавшие (это нужно в том случае, если исследование будет сопровождаться соответствующими перечнями).

Главные задачи исследования следующие.

1. Проанализировать форму документа, т. е. сам бумажный носитель. Формат, текстовое поле, почерки, принципы оформления и другие внешние характеристики. Совершенно очевидно, что для данной работы подходят только подлинники. Хотя в каких-то случаях будет необходимо привлекать и копийные документы (например, для поиска конкретного человека, написавшего или заверившего грамоту).

2. На основе сравнения и отождествления почерков, способов заверения и/или удостоверения актов определить примерный состав (штат) канцелярии: дьяки, подьячие и пр. Необходимо отметить, что методика палеографического анализа базируется на основных принципах, выработанных отечественной палеографией, с учетом опыта работы участников проекта с активным материалом XV – первой трети XVI в. Как правило, работа по отождествлению почерков начинается с анализа общего облика письма (преимущественно размера и наклона букв, а также оценочных характеристик, например: резкое и графичное письмо, округлое и т. д.). Скорость письма в данном случае не является показателем, так как она может меняться от документа к документу. После установления сходства (или тождественности) общего облика письма выявляются характерные для данного почерка начертания букв (и варианты ее написания), форма титла, использование надстрочных знаков и знаков интерпункции и др. Известно, что делопроизводственные почерки, которыми написаны почти все без исключения акты, более вариативны и склонны к изменениям в процессе жизни человека, чем книжное письмо, для которого стабильность является немаловажной качественной характеристикой. Указанные особенности канцелярского полуустава создают определенные сложности при отожде-

ствлении, однако не являются непреодолимыми. Большую трудность, пожалуй, представляет анализ «княжеской подписи» на обороте грамоты: эта часть листа сильнее загрязнена, более потерта, может быть подклеена полосками бумаги, закрывающими написанное. Помимо этого небольшой объем текста (только имя) создает дополнительные трудности для отождествления почерка. Показательнее находящиеся на обороте актов монограммы, содержащие «зашифрованное» имя дьяка, поскольку двух одинаковых нет (хотя есть схожие или однотипные).

3. Исследовать формуляр документов (по типам грамот). Для решения данной задачи привлекается вся совокупность актов.

4. На основе анализа содержания документов пытаться реконструировать процедуру их составления, а также обстоятельства и причины создания. Очевидно, не каждый акт подходит для решения этой задачи: в тексте должны быть определенные «подсказки».

5. Провести сравнительный анализ канцелярий наследников Василия Темного для выявления «региональных» и иных особенностей.

Проделанная работа позволит сформулировать выводы и получить как можно больше информации из полученных результатов. Заранее можно сказать, что степень обоснованности выводов не будет одинаковой, и следует смириться с тем, что часть из них так и останутся предположениями, в разной степени подкрепленными данными источников.

*В.В. Мурзин-Гундоров, н.с.
МГУ им. М.В. Ломоносова*

Ново-Иерусалимский некрополь дворян Нащокиных: уточнения к родословной росписи

В настоящей публикации представлен фрагмент исследования, связанного с изучением дворянского некрополя Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. Известные на настоящий момент времени лица из числа погребённых в монастыре членов семьи Нащокиных представлены тремя поколениями персон, объединяющими фамилии дворян Нащокиных, князей Кольцовых-Масальских и дворян Желябужских (13.03.1718–22.05.1793 гг.) хоронившихся в обители на протяжении 75 лет (МВК МО «Новый Иерусалим». Ф.1. Оп. 1. Д. 378). Эти 6 погребений одной семьи и представляет дворянский некрополь I-2. Он – второй после дворянского некрополя I-1 Шушериных. Оба они – части большого дворянского некрополя

№ I, просуществовавшего в обители 205 лет (ок. 08.1689–30.01.1894 гг.). К нему следует отнести 19 семейных небольших дворянских некрополей, в которых документально зафиксировано 61 погребение. Начало дворянского некрополя № I было положено захоронениями тех, кто лично знал основателя монастыря патриарха Никона, а также их потомков и лиц близкого родственного круга.

В истории с Нащокиными определяющую роль возникновения семейных захоронений предопределила не столько близость их подмосковной усадьбы Покровское-Рубцово, расположенной на юго-западе в пяти километрах от монастыря, сколько личность никоновского воеводы и стольника Никифора Никитича Нащокина (*Лобанов-Ростовский А.Б. [кн.]. Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. II. С. 26).*

Нет данных позволяющих допустить, что сам Н.Н. Нащокин, как и его два сына – Яков Никифорович и Иван Никифорович, были погребены в обители. Число реальных погребений Нащокиных могло быть намного больше, учитывая массовые утраты монастырских документальных источников и самих памятников.

Некрополь Нащокиных в подмосковном Новом Иерусалиме представлен шестью надгробиями. Именно по ним и принято судить о численном составе членов семьи, погребённых в обители. Наиболее ранние – четыре захоронения супруги Ивана Никифоровича Нащокина Дарьи Михайловны и её трёх сыновей – отмечены настенными вставками-таблицами на юго-восточной стороне притвора Воскресенского собора: капитана Московского драгунского полка Андрея Ивановича Нащокина (? – 13.03.1718 г.); Дарьи Михайловны Нащокиной (? – 13.11.1718 г.); капитана кавалерии Георгия Ивановича Нащокина (? – 29.12.1721 г.), и полковника Ростовского полка Михаила Ивановича Нащокина (? – 03.05.1722 г.).

Мать погребённых, ранее известная только по имени и отчеству – Дарья Михайловна, оказалась происходящей из весьма знатного рода князей Кольцовых-Масальских (*Власьев Г.А. Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий. Т. I. Князь Черниговские. Ч. 1. СПб., 1906. С. 210, 213).*

В процессе работы нам стали известны имена ещё трёх представительниц дворянского рода Нащокиных, чьи имена ранее не были зафиксированы в родословной росписи этой фамилии. Это абсолютно новые имена, впервые введённые в научный оборот. Первая персона – дочь Дарьи Михайловны, Авдотья Ивановна, в замужестве Чиркова (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 878. Л. 594 об.). Вторая – сноха Д.М. Нащокиной, вдова А.И. Нащокина, Пелагея Петровна,

урождённая Измайлова, в первом браке Ивашкина (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 944. Л. 210–213.). Третья женщина – Екатерина Петровна, урождённая Власова, сноха Д.М. Нащокиной, жена Никиты Ивановича Нащокина и тётка Николая Михайловича Нащокина (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 877. Л. 757).

Помимо упомянутых выше сыновей Д.М. Нащокиной, родословная роспись сообщает имена трёх других: капитана Сергея Ивановича (? – 1740 г.), капитана Петра Ивановича (? – после 1731 г.) и Никиты Ивановича (? – после 1735 г.) Нащокиных, места захоронения которых неизвестны. Погребение последнего, как и его жены Екатерины Петровны, было бы логично в семейном некрополе, поскольку именно Н.И. Нащокин оделил наследством детей своего брата Михаила – единственного оставившего потомство. Нет никаких данных о погребении двух лиц из третьего поколения этой семьи в монастыре после 1735 г. – Бориса Михайловича Нащокина и его сестры Анны Михайловны Сабуровой. Свидетельством захоронения их брата и его супруги являются два чугунных геральдических надгробия на юго-восточной стороне монастырского кладбища – Николая Михайловича Нащокина (1719–1779) и его вдовы Натальи Никитичны Нащокиной, урождённой Желябужской (? – 22.05.1793 г.). Посредством родства с семьёй Нащокиных и родителями Натальи Никитичны Желябужскими в монастырских стенах подмосковного Нового Иерусалима возникают другие родовые захоронения. В частности, дворянский некрополь I-4 объединяет внутрисемейные захоронения князей Щербатовых – Бестужевых-Рюминых – князей Оболенских – Карповых (1755–07.01.1821 г.), 11 погребений (МВК МО «Новый Иерусалим». Ф.1. Оп. 1. Д. 360, Д. 378, 419, 1050, 1075; *Мурзин-Гундоров В.В.* Герб дворянской ветви рода Бестужевых-Рюминых в некрополе Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 84: Геральдика: исследование и практика. СПб., 2017. С. 27–31).

Логическим продолжением некрополя Нащокиных можно назвать также семейные захоронения: I-9 – дворян Текутьевых (11.09.1800 г.), 1 погребением; I-16 – Муратовых – Татищевых – Сафоновых (02.01.1818–11.09.1887 г.), 8 погребений; I-19 – семьи Обуховых (36.11.1857–28.09.1887 г.), 2 погребения. Последующая работа с монастырским некрополем даст возможность более полно представить родственные отношения и ктиторство погребённых в обители.

Публикации источников о заседании Всероссийского Учредительного собрания

Единственному заседанию Всероссийского Учредительного собрания посвящено немало публикаций, однако до сих пор не сделан анализ всей совокупности источников о нем. В брошюре «Вокруг Учредительного собрания» (Сб. ст. и док. Пг., 1918), выпущенной в конце января 1918 г. в издательстве «Революционный социализм» при ЦК партии левых эсеров, была опубликована частично стенограмма заседания ВУС 5–6 января 1918 г.: изложение выступлений Я.М. Свердлова, В.М. Чернова, Н.И. Бухарина, И.Г. Церетели, В.А. Карелина, И.З. Штейнберга, Н.А. Скворцова; декларации фракций левых эсеров и большевиков.

Издательство ЦК партии меньшевиков напечатало в 1918 г. речь И.Г. Церетели на заседании ВУС с авторской правкой (Пг., 1917 (на обложке брошюры год издания указан ошибочно). В том же году речь была еще раз издана (*Церетели И.Г. Речи И.Г. Церетели в России и на Кавказе*. Тифлис: Б.и., 1918).

Наиболее активную работу в области публикации источников о заседании ВУС проводили на протяжении 1918 г. правые эсеры. Уже 19 января 1918 г. ЦК партии эсеров постановил «одобрить предложение В.М. Зензинова об издании особою книгой всех материалов, касающихся Учредительного собрания (Партийные известия. 1918. № 6. Стб. 27–28; Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы: в 3 томах. Т. 3. Ч. 2: Октябрь 1917–1925 г. / Сост. Н.Д. Ерофеев. М., 2000. С. 556).

М.В. Вишняк, входивший от партии эсеров в состав Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание и Всевыборов и ставший секретарем заседания ВУС, по распоряжению В.М. Чернова, используя личные связи со стенографистками и машинистками канцелярии Таврического дворца, сумел достать у них один из машинописных экземпляров расшифрованной стенограммы заседания ВУС, которую подготовил и напечатал с незначительными стилистическими правками под названием «Учредительное собрание. Стенографический отчет. Печатается по распоряжению председателя Учредительного собрания» (Пг., 1918). Экземпляр М.В. Вишняка хранится среди материалов эсеровской фракции Учредительного собрания в РГАСПИ (Ф. 274. Оп. 1. Д. 50. Л. 2–130). Одна из

правленных копий стенограммы оказалась в фонде Всевыборов, находящемся в ГАРФ (Ф. 13. Оп. 1. Д. 35). В опубликованный стенографический отчет М.В. Вишняк почему-то включил лишь две фразы из постановления ВУС о государственном устройстве. К счастью, сохранился архивный экземпляр полного текста постановления (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 46. Л. 15).

В 1930 г. на основе двух машинописных архивных копий вышло новое издание стенограммы заседания ВУС, снабженное в приложении списками членов ВУС (Всероссийское Учредительное собрание / Подгот. к печати И.С. Малчевский. М., 1930). Сравнив печатные издания с тремя архивными оригиналами, О.Н. Знаменский пришел к выводу, что публикация стенограммы заседания ВУС 1930 г. более адекватно отражает архивный подлинник, поскольку, в отличие от издания М.В. Вишняка, не содержит стилистической и авторской правки корректуры (*Знаменский О.Н. О стенограмме заседания Всероссийского Учредительного собрания 5–6 января 1918 г. // ВИД. Л., 1969. Т. II. С. 70–90*).

Изданием 1930 г. до сих пор пользуется большинство исследователей. Правда, Л.Г. Протасов для контент-анализа текста стенограммы взял за основу без пояснений отчет, изданный М.В. Вишняком (*Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 312–315*).

Заседание ВУС также освещалось в центральных и местных газетах разной политической направленности. Среди них следует выделить такие центральные органы прессы, как: эсеровские газеты «Воля народа» и «Дело народа»; «Газета Временного рабочего и крестьянского правительства», московская «Газета для всех»; петроградская еженедельная газета «Единство»; «Петроградский земский вестник»; «Известия»; «Правда»; «Рабочая газета»; «Труд». Газетные репортажи отличались по своей тональности. Далеко не все детали заседания в освещении газет соответствуют его стенограмме. Так, согласно стенограмме, при выборах председателя ВУС за кандидатуру В.М. Чернова было подано 244 голоса, а в информации, полученной по прямому проводу редакцией газеты «Вольный Дон» и опубликованной 9 января 1918 г., указана иная цифра – 260 голосов (Вольный Дон. 1918. 9 января).

В 1918 г. были опубликованы первые материалы мемуарного характера: воспоминания О.С. Минора «Один день Учредительного собрания» (Пережитое. Кн. 1. М., 1918. С. 122–134) и «Дневник члена Учредительного собрания» Н.П. Огановского». (Голос миновавшего. 1918. № 4–6. С. 143–172). Член ВУС от партии эсеров

П.Д. Климушкин, вошедший в состав руководства КОМУЧа, выпустил летом 1918 г. брошюру «Правда об Учредительном собрании», в которой поделился своими впечатлениями от заседания ВУС (Самара, 1918). По свидетельству П.Е. Дыбенко, чьи воспоминания были впервые обнародованы в 1923 г., Ленин не давал ему указания выдворить из зала небольшевистское большинство членов ВУС, но, вопреки воле вождя, начальник караула матрос А.Г. Железняков поступил по-своему, по-анархистски (*Дыбенко П.Е.* Из недр царского флота к Великому Октябрю. Воспоминания о революции 1917– 7. XI–1927. М., 1928). Представляют интерес краткие воспоминания о поведении Ленина во время заседания 5 января 1918 г. члена ВУС от большевиков Н.Л. Мецержакова (*Мецержаков Н.Л.* Из воспоминаний о Ленине // Печать и революция. М., 1924. № 2. С. 1–14).

В 1928 г. вышли воспоминания бывшего эсера Н.В. Святицкого, посвященные заседанию ВУС (*Святицкий Н.В.* 5–6 января 1918 г. // Новый мир. 1928. № 2. С. 220–228). В журнале «Каторга и ссылка» в 1932 г. появились воспоминания В.А. Деготя «Разгон Учредительного собрания и III съезд Советов» (1932. № 11–12. С. 126–140) и А. Цветкова-Просвещенского «В историческую ночь (Разгон учредилки)». (Там же. С. 69–76).

Ф.Ф. Раскольников писал в своих воспоминаниях, появившихся в 1933 г., что Свердлов опоздал на открытие заседания ВУС и о «бешеной обструкции» (с криками «долой», свистом, топаньем, прорывом к председательской трибуне и даже рукоприкладством) со стороны большевиков по отношению к старейшему по возрасту члену ВУС, эсеру С.П. Швецову, собиравшемуся открыть заседание (*Раскольников Ф.* Рассказ о потерянном дне // Новый мир. 1933. Кн. 12. С. 96–98).

Из последних изданий мемуаров наибольший интерес представляет сборник «Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в документах и воспоминаниях современников» (Под общ. ред. Ю.А. Веденеева и И.Б. Борисова. М., 2009), который содержит неизвестные ранее материалы и о самом заседании.

*О.В. Муромцева, к.и.н., доц.
МГХПА им. С.Г.Строганова*

Неопубликованные альбомы Марка Шагала и Ивана Пуни как источник по истории культуры

Сохранившиеся до наших дней в архивах и частных коллекциях альбомы с эскизами художников являются уникальными источни-

ками, изучение которых требует соединения различных методических подходов и комплексного анализа. Их факсимильная публикация с научными пояснениями и комментариями представляется сложной, но первостепенной задачей, позволяющей пролить свет на неизвестные факты биографии самих художников, круг их общения, обстоятельства создания и, конечно, эволюцию авторского стиля. В качестве примеров приведем два неопубликованных полностью альбома Марка Шагала, получивших условные наименования «Большой» и «Малый альбомы» (частное собрание) и альбом Ивана Пуни из собрания Отдела рукописей Государственного Русского музея.

Альбомы М. Шагала, созданные частично во время пребывания художника за границей в 1911–1914 гг., долгое время оставались неизвестными российским исследователям. Документы хранились в архиве парижского друга Шагала поэта Блеза Сандрара, которым после смерти отца занималась Мириам Сандрар. Именно благодаря ей начиная с 1988 г. в каталогах выставок и в монографиях европейских авторов стали появляться фотоизображения отдельных страниц альбомов с наиболее эффектными рисунками.

Первые публикации, посвященные изучению альбомов вышли в России в 2010-е гг. Их автор – И.Р. Манашерова – анализирует рисунки и надписи, сделанные рукой художника, сопоставляя их с известными биографическими фактами и сохранившейся корреспонденцией этого периода, например, опубликованными письмами М. Шагала к А. Ромму (*Брук Я.* Марк Шагал и Александр Ромм. К публикации писем М. Шагала к А. Ромму и воспоминаний Ромма «М. Ш.» (1944) // Искусствознание. 2003. № 2. С. 584–60). Основным выводом, к которому приходит исследователь – работа над «Большим альбомом» (акварель, гуашь, чернила, карандаш; 14,5х19,5 см), традиционно считавшимся принадлежавшим к первому французскому периоду творчества Шагала, была начата в Витебске, продолжена, вероятно, в Санкт-Петербурге и завершена в Париже (*Манашерова И.Р.* Неизвестный Шагал // Русское искусство. 2012. № 1. С. 80–89; *Она же.* Три неизвестных ранних альбома Марка Шагала // Сборник научных статей II. Актуальные проблемы теории и истории искусства. СПб., 2012. С. 460–465).

Детские рисунки, выполненные рукой младшей сестры художника Марьяси на первых страницах альбома, портреты родственников и зарисовки провинциального еврейского быта являются яркими свидетельствами его жизни в родном городе. Карикатура на Льва Бакста, обладающая большим портретным сходством, расположенная в первой трети тетради, стала своеобразным предвестником

поездки Шагала в Париж, о которой художник мечтал и которую обсуждал в переписке со Львом Самойловичем. На последних страницах альбома выполнен рисунок с подписью «Угол двора в Париже», свидетельствующий о том, что Шагал привез с собой свою тетрадь во Францию и намеревался продолжать ее там.

По окончании листов в «Большом альбоме» художник начинает делать зарисовки и записи в следующую тетрадь, вошедшую в научный оборот как «Малый альбом» (карандаш, тушь, перо; 14x9 см). Однако можно предположить, что между этими двумя тетрадями была и другая/другие, так как одна из записей позволяет датировать «Малый альбом» маем 1913 г.: «Сижу в кафе. 9 час вечера. Дурно немного тошнит и я два года в Париже». К этому времени художник уже вполне освоился в Париже, обзавелся контактами натурщиц, о чем свидетельствует имя и адрес одной из них, скандально известной Ольги Горней (Olga Gorney. 14 Rue de la Sorbone), видимо, составлял список своих картин для одной из выставок, пробовал рисовать в кубистическом стиле.

В альбомах есть несколько автопортретов (опубликованных в: *Warnod J. Les Artistes de Montparnasse. La Ruche. Paris, Mayer-Van Wilder, 1988, ill. P. 71; Marc Chagall. Les anneés russes. 1907-1922. Exh. cat. Paris, 1995, ill. 213, P. 234; cat. 213, P.279; Chagall and his contemporaries in Russia. Exh. cat. SPb., Palace Editions, 2015, ill. 19, P. 42 и др.*), множество эскизов картин, списки произведений и черновики писем. Из 56 страниц «Большого альбома» в разных изданиях опубликовано 13, из 58 страниц «Малого альбома» – 11. Данный материал готовится к публикации.

Альбом И. Пуни был создан несколькими годами позднее, чем «Малый» и «Большой альбомы». С наибольшей вероятностью время работы над ним можно ограничить началом – серединой 1917 г., т. е. периодом между Февральской и Октябрьской революциями. Шесть рисунков из этого альбома были опубликованы в монографии Д. Сарабьянова «И. Пуни», однако в распоряжении автора находились, видимо, лишь фотографии отдельных страниц. В примечании он указывает, что альбом происходит из коллекции знаменитого собирателя русского авангарда С.А. Шустера, однако его местонахождение неизвестно. На момент издания монографии (2007 г.) альбом Ивана Пуни уже входил в собрание Отдела рукописей Государственного Русского музея. Большую часть этого относительно небольшого документа составляют эскизы к одной картине – натюрморту «Цилиндр и игральные карты» (частное собрание), датированному 1917 г. Кроме скрупулезной работы над композицией

автора занимали ряд других важных для него идей, которые он записал в достаточно схематичной манере. Видимо, И. Пуни планировал организацию собственной ретроспективной выставки. На одной странице альбома мы находим следующую запись: «Ретроспектив. 150. 150 старых вещей. Кроме новых текущих. импрессионизм (пейзажи), лубки... первонач. кубизм». Для исследователей творчества художника данная заметка представляет огромный интерес, так как, согласно каталогу-резоне, сохранилось всего тридцать две картины Ивана Пуни, созданные до его отъезда за границу в 1920 г.; еще тридцать три числятся утерянными (*Berninger H., Cartier J.-A. Pougny: Catalogue de l'oeuvre. Vol. 1: Les années d'avant-garde, Russie-Berlin, 1910–1923. Tübingen: Ernst Wasmuth, 1972*). Однако в связи с ростом подделок произведений авангардистов необходимо соблюдать осторожность в трактовке этой и последующих записей И. Пуни и рассматривать данный им в альбоме список собственных произведений и их зарисовки с учетом различных гипотез.

*В.Д. Назаров, с.н.с.
ИВИ РАН*

Завещание галичского удельного князя Юрия Дмитриевича: Место и время составления, политический контекст

Текст духовной кн. Юрий Дмитриевича впервые был опубликован в конце XVIII в. и позднее неоднократно переиздавался. В классической публикации Л.В. Черепнина (как и в его монографии) документ датирован «ок. февраля 1433 г.» (ДДГ. № 29. С. 73, 75). Позднее А.А. Зимин (Проблемы источниковедения. [Вып.] VI. С. 297) отнес грамоту к концу июня 1432 г. до 25 апреля 1433 г. В.А. Кучкин сузил эти хронологические рамки до июля – августа 1432 г. (Исторический вестник. № 4(151). С. 13, 43). Аргументация исследователей базировалась на последовательности событий с июля 1432 г. по апрель 1433 г. по летописям и лишь в малой степени на содержательном анализе завещания.

Грамота дошла до нас в списке конца XV в. В принципе, такие документы должны были составляться в количестве экземпляров, соответствующем участникам правового акта. В нашем случае – в четырех или трех экземплярах (если у завещателя и его младшего сына был один экземпляр на двоих). По ряду дополнительных свидетельств полагаем, что в великокняжеской казне завещание оказалось в мае 1436 г. после окончательного поражения кн. Василия Юрьевича в сражении с великим князем Василием Васильевичем.

Напомним ход событий. Кн. Юрий отправился к хану в Орду 8 сентября 1431 г. из Звенигорода (Василий II – 15 августа из Москвы). Окончательные решения были приняты ханом где-то в конце мая – начале июня 1432 г.: 29 июня великий князь вернулся в Москву, кн. Юрий тогда же – в Звенигород. С великим князем прибыл посол хана, который 5 октября посадил его на великокняжеский стол во Владимире. У кн. Юрия была своя партия поддержки в элите Золотой Орды. Вот почему своеобразной компенсацией ему за проигрыш в спорах о великом княжении стал ханский ярлык на Дмитров со всеми волостями, в том числе частью московских. По летописи, кн. Юрий после Звенигорода отправился в Дмитров, а затем «бояся великого князя иде из Дмитрова в Галич». В другой версии он не упомянут прямо, но говорится о сведении его дмитровских наместников Василием II. Ростовский свод под неверной датой сохранил важную деталь: Василий II потребовал (не знаем письменно или устно) от кн. Юрия Дмитров «мой выморок», удел кн. Петра (ПСРЛ. Т. XVIII. С. 172; Т. XXIV. С. 250; Т. XXVII. С. 269). В итоге Василий II «Дмитров взял за себе». В другой работе мы датировали это событие временем не позднее 11 августа 1432 г. Противодействия со стороны ханского посла не последовало (Комплексный подход в изучении Древней Руси. М., 2019. С. 139–140).

Теперь о завещании. Раздел владений и движимости кн. Юрий произвел между кн. Василием, кн. Дмитрием Большим и кн. Дмитрием Меньшим. Как доказал Г.В. Семенченко, у кн. Юрия был еще старший сын Иван, он умер в Галиче между 3 марта и 19 апреля, когда отец был в Орде (ВИД. Л., 1991. Вып. 22. С. 188–193). Судя по завещанию митрополита Фотия (июнь 1431 г.), он был фактическим правителем в Галиче в это время, его следы в духовной предположительно нащупываются.

Налицо два принципа деления недвижимости и движимого имущества – коллективный и индивидуальный, причем в двух вариантах (по способу реализации и объекту), а второй различался в мере детальности описания. Проще всего с движимостью: каждый сын получал по иконе, «окованной золотом», по золотому поясу с драгоценными камнями. Остаток казны кн. Юрия и его жены (умерла в 1422 г.) достался кн. Дмитрию Меньшому (признак того, что старшие его братья получили свои доли раньше).

Доходы кн. Юрия с Москвы (судебно-административные, таможенные) передавались «трема сыном моим натрое», но способ и процедура реализации (по годам или по долям) не указывались. В отличие от этого, тщательно перечислялись подмосковные села,

луга, путные поселения у каждого сына, они завершали перечни волостей их «московских» городов: Звенигорода Василия (6 волостей), Рузы Дмитрия Большого (7 волостей и слободки), Вышгорода Дмитрия Меньшого (4 волости и слободки). И в данном случае младшему сыну досталось больше, чем двум его старшим братьям вместе взятым (косвенный признак присутствия кн. Ивана в раннем документе). Доходы же с этих городов идут каждому владельцу. Вотчина кн. Юрия с 1389 г., Галич, отдавался целиком Дмитрию Меньшому, но без списка его административных единиц и с разделом княжеского двора в нем и двух садов на его посаде тремя сыновьями «без обиды ровно». Такому же разделу «ровно» без перечислений городов и волостей подлежала Вятка. В случае с Дмитрием снова комбинация фиксированного «подела» дмитровских и московских волостей, но с коллективной передачей Дмитрова с будущим разделом «ровно».

Удивляет полное отсутствие в завещании духовных лиц в качестве свидетелей и/или душеприказчиков, душеприказчиков нет вообще, как и поименно названных свидетелей. Формула «а писал есми грамоту сю перед бояры» не имеет ясной расшифровки, нет указаний на печать, писца и на подписи каких-либо лиц. И при этом, судя по последующим событиям, ее распоряжения выполнялись, за вычетом Вятки и Дмитрова.

Перед нами документ, составленный в особых условиях, наспех (не сумели привлечь соборных священников из Звенигорода и монахов Савво-Сторожевской обители) и при неполном комплекте исходных материалов (в разделе о платеже дани отсутствуют сведения о Вятке и Дмитрове). Наш вывод: завещание писалось в Дмитрове в конце июля – первые дни августа 1432 г. на основе духовной кн. Юрия от августа 1431 г., ханского ярлыка на Дмитров, завещания Дмитрия Донского.

Политический контекст документа таков. Смерть Витовта, вокняжение в ВКЛ Свидригайло (октябрь – ноябрь 1430 г.), его близкие связи с Улуг-Мухаммедом побудили Юрия (он был в свойстве со Свидригайло по браку) к отказу от договора 1428 г. с Василием II и переносу спора о великом княжении в Орду. Полагаем, что незадолго до отъезда он составил завещание, где Звенигород и Руза отдавались Василию и Дмитрию Большому, а Галич (видимо, с Вяткой) – Ивану с Дмитрием Меньшим. По возвращении кн. Юрий получил двух новых владетельных князей с годичным стажем правления (Василий и Дмитрий старший), неясную ситуацию с Галичем и Вяткой и проблему с реализацией ханского пожалования Дмитро-

ва на фоне консолидации всех московских Рюриковичей вокруг Василия II (середина июля 1432 г.). Требование великого князя вернуть «выморок», фактически поддержанное послом хана, вынудило Юрия с Дмитрием Меньшим уйти из Дмитрова в Галич, но старшие сыновья за ним не последовали.

Отсюда разница в поведении отца и старших его сыновей. Кн. Юрий занял враждебно-выжидательную позицию в отношении Василия II, одновременно подтвердив и несколько расширив в завещании 1432 г. права Василия и Дмитрия Большого. Они же с середины августа 1432 г. и по начало февраля 1433 г. были настроены нейтрально или даже позитивно к великому князю, иначе их не было бы на его свадьбе. Если обручение кн. Василия с внучкой боярина И.Д. Всеволожа и было, то случилось оно в августе – сентябре 1432 г. Такой благоприятный для Василия II расклад сил перевернул скандал на свадебных торжествах. И еще. События августа 1432 г. по поводу Дмитрова дали начало новому тренду: войны за великокняжеский стол становились сугубо внутренним делом московских Рюриковичей.

*В.В. Незговорова, с.н.с., хранитель
ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург)*

**Документ эпохи:
окопный журнал «Красный сапёр». 1942–1944 гг.**

В собрании документов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) хранится рукописный «Окопный журнал «Красный сапёр». 12 школьных тетрадок «в клетку» содержат 20 номеров журнала, с декабря 1942 г. по июль 1944 г.

Редколлегия состояла из трёх офицеров 150 отдельного сапёрного батальона 157 стрелковой дивизии. Ответственным редактором являлся политрук Завриев Виктор Григорьевич.

В первом же номере главная задача журнала была определена как «помощь в изучении в совершенстве сапёрного дела... На примерах передовых, знатных людей нашей части, умело применяющих технику и средства, приданные сапёрам, в сочетании с личным мужеством и храбростью, журнал будет стараться привить эти качества всем бойцам и командирам сапёрного батальона» (ВИМАИВиВС. Инв. № ИДФ 22/109. Л. 1 об.). На страницах журнала офицеры подробно описывали особенности немецких и румынских мин, свойства взрывчатых веществ, объясняли, как пользоваться азиму-

том, как рассчитать расстояние по биноклю, разбирали итоги дивизионных сборов и батальонных учений по сапёрному искусству.

Журнал получился ярким и красочным: почти на каждой странице – рисунки цветными карандашами. Иногда это просто заглавные буквы или виньетки в конце текста, чаще – иллюстрации к изложенному материалу.

Структура журнала заимствована из печатных изданий. В каждом номере – оглавление с указанием страниц, передовая статья, постоянные рубрики: «Наши будни», «Наш боевой счёт», «Важные даты», «Лучшие люди нашей части», «Смехомёт». Передовая, как правило, составлена на основе публикаций центральных газет и посвящена советским праздникам и вождям.

Основную часть содержания составляют небольшие статьи – рассказы бойцов батальона о повседневной работе сапёров на войне: установка мин на переднем крае, разведка с целью определения минных полей противника, разминирование проходов и проводка пехоты и танков, строительство мостов, обеспечение переправ личного состава дивизии и техники через Оку и Днепр. Все статьи переписаны одним почерком и, скорее всего, редактированы. Несмотря на краткое изложение, в рассказах присутствуют ценные детали. Так, в начале 1943 г. батальон должен был в ночь перед наступлением подготовить проходы в минных полях и проволочных заграждениях. Три взвода сапёров «сняли свыше 500 противотанковых и противопехотных мин в наших минных полях и 538 противотанковых и 417 противопехотных мин противника». (Там же. Инв. № ИДФ 22/117. Л. 4 об.). В ходе этой операции были обнаружены 7 немецких мин, которые не удавалось обезвредить, так как невозможно было задвинуть примёрзшие предохранительные чеки. «Тогда сапёр Денисов нашёл выход. Он предложил дыханием отогревать чеки, и таким образом были обезврежены все мины. Приказ был выполнен. Наши войска наутро прошли вперёд» (Там же. Инв. № ИДФ 22/111. Л. 9).

Под рубрикой «Наш боевой счёт» роты батальона отчитывались «на предмет обнаружения вражеских минных полей, на количество снятия вражеских мин, на количество их уничтожения путём подрыва и на количество использованных вражеских мин против него же» (Там же. Инв. № ИДФ 22/109. Л. 9 об.). Приводился и общий батальонный «боевой счёт». Так, в ходе наступления под Сталинградом, с 10 по 20 января 1943 г. сапёрами батальона обезврежено 1863 мины (Там же. Инв. № ИДФ 22/110, Л. 5 об.).

В номерах журнала последовательно излагался боевой путь ба-

тальяна с рисованными подробными картами, от обороны Одессы в 1941 г. до достижения советско-польской границы в июле 1944 г. Регулярно публиковались списки офицеров и рядовых бойцов, награждённых орденами и медалями.

В апреле 1943 г. «Красный сапёр» вышел с новым названием части и изображением знака «Гвардия» на первой странице: приказом Народного Комиссара Обороны № 104 от 1 марта 1943 г. 157 стрелковая дивизия была преобразована в 76 гвардейскую стрелковую дивизию. Батальон отныне носил название «83 отдельный гвардейский сапёрный батальон» (Там же. Инв. № ИДФ 22/117. Л. 3 об.).

Ни один номер не обходился без стихотворной лирики. Характерно, что авторами стихов были и рядовые бойцы и офицеры. Наибольшее количество стихотворных сочинений принадлежит перу В.Г. Завриева, бессменного редактора журнала.

Как и в «больших» печатных изданиях, в окопном журнале нашлось место для викторин и ребусов. Рубрика «А знаешь ли ты?» предлагала проверить свои знания сапёрного искусства и военной истории, например: «Какая сила тока допускается при проверке электродетонаторов, в течение какого срока?» (Там же. Инв. № ИДФ 22/118. Л. 7), «Кто и когда изобрёл взрывчатые вещества?» (Там же. Инв. № ИДФ 22/117. Л. 12 об.). Ответы содержались тут же или в следующем номере.

Стоит отметить двоякий образ врага: в репортажах о переднем крае он представлен хорошо подготовленным и коварным противником, победить которого можно только умением и мужеством; в сатирической рубрике «Смехомёт» – смешным и жалким «фрицем», презренным и ничтожным. Авторы рисунков, безусловно, были знакомы с карикатурами известных художников центральных газет. Так, сюжет рисунка «Панский дуэт. Муз. Геббельса» (Там же. Инв. № ИДФ 22/112. Л. 8 об.) «подсказан» карикатурой Бориса Ефимова «Мазурка под берлинскую дудку» (Красная Звезда. № 93 (5464). 21 апреля 1943 г.). Важной частью «Смехомёта» являлись сатирические «Фронтовые частушки», иногда указывались их авторы – бойцы-сапёры (Там же. Инв. № ИДФ 22/111. Л. 9 об.).

Рукописный окопный журнал «Красный сапёр» – уникальный документ для исследования повседневной жизни и боевой деятельности сапёров на войне, источник по истории 83 отдельного гвардейского сапёрного батальона.

Организация «соборного» чтения в Кирилло-Белозерском монастыре в XVI – начале XVII столетия

Обиходник Кирилло-Белозерского монастыря, введенный в научный оборот Н.К. Никольским, имеет особые главы, посвященные чтению Слов и Житий святых согласно месяцеслову и неделям поста – в том числе статью «Подобает ведати, в которых книгах чтутся слова святым» (*Никольский Н.К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. Т. 2. СПб., 2006. С. 285–296). Ученый обратил внимание на то, что в этом тексте даются указания не только на произведения, которые, согласно монастырскому Уставу, следовало читать (на утренях, во время трапезы и т. д.) применительно к тому или иному празднику, но и названия книг, откуда должны были быть заимствованы необходимые чтения с указанием количества занимаемых ими листов. Последнее наблюдение позволило ему заключить, что «некоторые из этих рукописей в Кирилловской библиотеке сохранились и до настоящего времени» и привел в пример три сборника Гурия Тушина и ряд других (Там же. С. 266; *Он же.* Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века. СПб., 1897. С. XVIII–XXV). Публикация текста этой редакции Обиходника, подготовленная Н.К. Никольским по двум спискам, но увидевшая свет лишь недавно, благодаря стараниям З.В. Дмитриевой, Н.В. Кропошиной, Е.К. Крушельницкой и Т.И. Шабловой, открыла новые возможности для изучения кирилло-белозерской книжности XVI века.

1. Анализ названий книг, перечисленных составителем статьи «Подобает ведати..», соотнесение их с рукописями, отождествленными А.П. Балаченковой при комментировании публикации Описи монастырского имущества 1601 г. (Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года. СПб., 1998. С. 121–136) и монастырского перечня книг конца XV в. (*Шибачев М.А.* Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века. М.; СПб., 2013), а также с рукописями собраний РНБ и других хранилищ, позволяет практически полностью представить комплекс манускриптов, которые использовались в монастыре для чтения «на соборе». Согласно первой редакции Обиходника, составленной (по Никольскому) в 1560-х гг., в «соборном чтении» использовалось около сорока кодексов, большая часть которых дошла до нас в том самом виде, в каком их держали перед собой чтецы середины XVI в. Среди них

рукописи первой половины XV в. – начала 1560-х годов: «Большая минея» (РНБ. Соф. 1376), «Одинцовский патерик» (Соф. 1389), «Похвала» (Соф. 1307), «Козин сборник» (РГБ. Муз. 6456), «Постный сборник» (Соф. 1284), Синаксарь (РНБ. Кир.-Бел. 54/1293), Маргарит (Кир.-Бел. 111/236), «Ефрем Сирий» (Кир.-Бел. 70/195), «Новая минея» (Соф. 1358) и др. Лишь единицы из обозначенных в Обиходнике книг можно считать утраченными безвозвратно (например, не сохранились Минея, вложенная в монастырь Василием Тучковым, и Минейный торжественник), некоторые остаются не выявленными. Характерно, что значительная часть упомянутых в Обиходнике книг, особенно из относящихся к XVI в., дошла до нас в идеальном состоянии, это объясняется не только бережным отношением к таким кодексам: они предназначались лишь для чтения в праздники, их не давали на руки монахам – «по кельям» (на большом штинстве из них остались указания: «Соборник», «Книга соборная», «Чтется на сборе»), но и весьма ограниченным временем, на протяжении которого они были в употреблении.

2. Период активного использования в монастыре части из них выясняется при изучении текста следующей редакции статьи «Подобает ведати...», относящейся к самым последним годам XVI в., о существовании которой Н.К. Никольским упомянуто лишь вскользь (Кир.-Бел. 731/988; 819/1076). Изучение ее текста позволяет понять, почему и когда вышли из употребления те или иные соборные книги, такие как «ветшанные минеи», «Одинцовский патерик», «Петровский сборник», «толстый» и «дестный» сборники писца Феодора Логинова, «Похвала», «Минея Тучкова». Содержавшиеся в них жития и слова были объединены по календарному принципу, дополнены житиями «новых чудотворцев», канонизированных на прошедших в середине XVI в. соборах, и переписаны в специально созданные на основании текста Обиходника «большие соборники» (Соф. 1354, Соф. 1355. 1597 г.). Это был, по всей видимости, обширный «агиографический проект» по организации более удобного для служителей соборного чтения, начатый кирилловским старцем Леонидом Ширшовым во второй половине 1590-х годов. Благодаря статье «Подобает ведати...» кирилловского Обиходника становится очевидным, что деятельность старца Леонида была продиктована исключительно общемонастырскими нуждами, а не личными книжными пристрастиями, что подтверждается и включением их в Описание 1601 г. (Описание строений и имущества... С. 123; Ср.: *Грицевская И.М.* Старец Кирилло-Белозерского монастыря Леонид Ширшов и его книжное собрание // Книжные центры Древней Руси: Книжники и

рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 2014. С. 201–224). Приостановленное в связи со сменой игумена создание «больших соборников» было возобновлено уже через год (Соф. 1356, 1357. 1598 г.), в связи с чем появились уточнения и в списках Обиходника, придавшие одному из них весьма черновой вид.

3. Исследование выявленного круга рукописей позволяет говорить о целенаправленной работе книжников Кирилло-Белозерского монастыря по организации «соборного» чтения уже с первой четверти XVI в., задолго до появления статьи «Подобает ведати...» в составе Обиходника. Эта деятельность включала приведение необходимых книг в нужный для такого чтения порядок, начало которому положил создатель первых четых миней старец Киприан в 1520-х гг., разбор библиотеки и составление оглавлений к книгам, в чем явно проявил себя книгохранитель Вассиан Строй в 1530–1540-е гг., а также специальное привлечение к переписке «соборных книг» лучших и наиболее грамотных книжников – Гурия Тушина и его учеников, а позднее – в 1540–1560-х гг. – уже профессиональных писцов, таких как Иона Коза, Феодор Логинов и др.

Е.Ю. Нуйкина

зам. гл. ред. журнала «Вестник архивиста»

К вопросу об универсальности научных приемов изучения судебно-следственных материалов как исторических источников (к 100-летию И.А. Мироновой)

В 2020 г. исполняется 100 лет со дня рождения известного историковеда Ирины Александровны Мироновой (1920–2001), работы которой до настоящего времени не теряют своей актуальности. Разработанное ею учебное пособие (*Миронова И.А. Судебно-следственные материалы первой половины XIX века*. М.: МГИАИ, 1958. 28 с.), где предлагаются научные приемы анализа следственных документов, является исключительно востребованным в условиях нехватки специальных работ, освещающих принципы историковедческого анализа судебно-следственных дел советского периода, ставших предметом изучения после открытия доступа к документам советских органов государственной безопасности (О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека: Указ Президента РФ от 23 июня 1992 г. № 658 // Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ. 1992. № 26. Ст. 1510).

В современной историографии развернулась заочная дискуссия

вокруг вопросов о возможности использования данных источников в исторических исследованиях и выработки подходов для выявления в них достоверной информации (*Головкова Л.А.* Особенности прочтения следственных дел в свете канонизации новомучеников и исповедников Российских // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований: Материалы межрег. науч. конф., Вологда, 20–21 июня 2000 г. Историческое краеведение и архивы. Вып. 7. Вологда, 2001. С. 69–77; *Елматьевский А.В.* Следует ли публиковать документы фальсифицированных дел? // Отечественные архивы. 2000. № 5. С. 120–122; *Иноземцева З.П.* Совместимы ли эмоциональные идеологемы с научной критикой исторического источника? // Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее / Под ред. А.Б. Безбородова и др. М., 2005. С. 170–178 и др.).

Методические подходы к источниковедческому анализу судебно-следственных материалов, изложенные в работе И.А. Мироновой, были использованы, в частности, при изучении нами документов судебно-следственных дел советских органов государственной безопасности по обвинению духовенства. Как показало исследование следственных документов XX в., для них характерны те же специфические особенности, что и выделенные И.А. Мироновой для следственных материалов по делу декабристов, в частности, целевая установка органов следствия, однотипность видовой структуры документов, вопросы обвиняемым, которые условно можно разделить на две группы: общего характера и касающиеся интересующих следствие предметов.

Как показала И.А. Миронова, наибольшие трудности использования следственных документов в исторических исследованиях связаны с наличием в документах недостоверной информации. Она обосновывает необходимость дополнительных проверок и комплексного изучения всей совокупности материалов, как в рамках всех документов дела, так и посредством привлечения дополнительных источников. Как один из приемов источниковедческого анализа судебно-следственных материалов, позволяющий учитывать данную особенность, в пособии указывается необходимость учета обстановки и приемов ведения следствия, тактики поведения самих обвиняемых. На примере дела декабриста И.Д. Якушкина И.А. Миронова наглядно демонстрирует, что привлечение дополнительных источников (в данном случае воспоминаний, документов семейного архива и делопроизводственных материалов фонда Следственного комитета) позволило прийти к выводу об ожидании

им ареста и, соответственно, выбранной заранее тактике поведения на следствии, связанной с умалчиванием некоторой информации.

Применение данного подхода при анализе следственных документов XX в. по обвинению духовенства позволило установить, что и для данных источников характерна та же специфика, когда все участники могли быть источниками недостоверной информации. Сам следователь зачастую был заинтересован в конкретном исходе дела, что придавало следственному процессу однобокий характер в части доказательства вины арестованного в соответствии с поставленными перед следствием задачами. Обвиняемый не всегда желал сообщать полные данные о себе. Так, дополнительного уточнения в некоторых случаях требует возраст арестованного, состав семьи. Могли быть искажены сведения о прежней судимости, как намеренно, так и нет, поскольку некоторые обвиняемые не считали определенные виды административных наказаний за судимость, а также полагали, что судимость за давностью времени снята. Что касается тактики обвиняемых, то современные исследователи отмечают низкую информативность следственных документов для установления мотивации при ответах следователю из-за «неполноты предоставляемых комплексов документов, касающихся репрессий в XX в.» (Дамаскин (Орловский В.А.), *изум.* Сложности изучения судебно-следственных дел, имеющего целью – включение имени пострадавшего священнослужителя или мирянина в Собор новомучеников и исповедников Российских // XX Международные Рождественские образовательные чтения. Прославление и почитание святых (Москва, 24 янв. 2012 г.): Материалы конф. М., 2012. С. 8–36 и др.).

Таким образом, обращение к работе И.А. Мироновой в рамках анализа судебно-следственных дел XX в. по обвинению духовенства показало универсальность научных приемов анализа следственных документов разных исторических периодов и их актуальность для усовершенствования методик изучения документов новейшего времени.

*З.Е. Оборнева, к.и.н., н.с.
ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН*

**Рекомендации переводчикам Посольского приказа
со стороны греческого духовенства: Анастас Селунский,
Иван Боярчиков, Борис Богомольцев**

Греческие иерархи не обходили своим вниманием переводчиков и толмачей с греческого языка, понимая, насколько важны эти лица.

От их успешной или неуспешной работы зависели результаты греческих прошений, адресованных русским властям. В своих письмах Кирилл Лукарис, сообщая о деятельности русских послов, упоминал и о переводчиках, помогавших посольству. В письме, отправленном с возвращающимся посольством Афанасия Прончищева и Тихона Бормосова, он дал следующую рекомендацию Анастасу Селунскому: «А послы великого твоего царствия Офонасей да Тихон исправили добрые дела, да с ними ж труды полагал толмач Анастас и много тружалося о делех великого твоего царствия» (Ф. 52. Оп. 1. 1634 г. № 1. Л. 7). Эта рекомендация не сыграла какой-либо роли, потому что Анастас Селунский скончался вскоре после возвращения в Москву.

В марте 1635 г. с Иваном Петровым было доставлено письмо от Кирилла Лукариса «о греческом переводчике о Иване Дмитриеве», в котором патриарх рекомендовал и дальше жаловать известного ему в Константинополе знатока нескольких языков: «...если проведали, и царствие твое показал еси свое царское жалованье к сему Ивану переводчику и почтили есте его своим царским жалованьем, то есть надобен переводить наши грамоты в царствии твоем верою и правдою, и по сем подобает царствию твоему его жаловать, потому что еси знали, здесь жил он честию разумом и потом хвалил твою царскую велию милость» (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1635 г. № 7. Л. 39–41).

Иван Дмитриев (Боярчиков) в плену работал у патриаршего управляющего, поэтому был знаком с патриархом (*Оборнева З.Е.* Греческий переводчик Посольского приказа первой половины XVII в. Иван Боярчиков. Начальный период деятельности // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании.* М., 2019. С. 303). Вскоре после получения рекомендации переводчик был послан в Кахетию, где ему дал рекомендацию царь Теймураз: «А переводчик вашего великого царствия Иванъ велми подруждался (так в ркп.) и порадълъ о нашемъ царскомъ величестве да пожалуешь его, великий государь» (РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. 1640 г. № 1. Л. 78), причем черновик перевода был сделан рукой самого переводчика. В результате переводчику существенно повысили жалование.

Кирилл Лукарис давал не только положительные характеристики. О татарском толмаче Петре Красникове, приехавшем в Стамбул с посольством Прончищева – Бормосова в 1632 г., патриарх сообщил следующее: «Такожде некоторой толмач тутошной, говоря много с послом с Ахмет-агою, которой посол пришел с послами великого твоего царствия и преблаженства твоего с Офонасьем

Осиповичем да с Тихоном Васильевичем, и сказал тот толмач ему Ахмет-аге, что цареградцкой патриарх посылает к Москве таино человека своего именем Андрея да пишет о всем что во Цареграде ни деетца, а именем тот толмач Петр Красников, и таких слов и речей тому толмачу не надобно было говорить» (Ф. 52. Оп. 1. 1634 г. № 1. Л. 15). Вероятно, толмач повел себя не должным образом во время посольства.

Константинопольский патриарх упоминал также о толмаче Афанасии Буколове, отправленном к Константинополь в качестве гонца в 1636 г. Об этом же толмаче критически высказался доверенный Кирилла Лукариса Иван Петров в 1641 г., когда А. Буколов приехал в столицу Османской империи вместе с гонцом, польским переводчиком Богданом Лыковым. В своем сообщении Иван Петров отметил, что Буколов был не в состоянии «ростолмачить», то есть перевести с турецкого на русский (*Оборнева З.Е.* Толмач Посольского приказа Афанасий Буколов (1633/34–1672). Материалы к биографии // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. М., 2018 г. С. 286–288).

Мануил Матвеев, еще будучи толмачом, был приставлен к архимандриту Никифору, переселившемуся в Россию. Летом 1631 г. архимандрит написал челобитную с просьбой прибавить Мануилу жалование, и его просьба была исполнена, а вскоре толмач был переведен в переводчики. Летом 1632 г. Никифор написал следующую челобитную, в которой просил повысить переводчику жалование и утвердить его княжеский титул, потому что он знал его отца (*Опарина Т.А.* Мануил Филаденский в Нижегородском Печерском монастыре (К вопросу о социальном статусе иммигрантов в России) // Вестник церковной истории. Выпуск 1–2 (29–30). 2013. С. 193–194). Прощение снова было удовлетворено, и переводчику было повышено жалование, но княжеский титул не был утвержден. Для этого Мануилу потребовалось побывать в столице Османской империи в составе дипломатической миссии и получить рекомендательные грамоты от константинопольского и иерусалимского патриархов, а также от архимандрита Амфилохия.

Весьма необычная рекомендация была дана переводчику Борису Богомольцеву. Сосланный в Свяязск ганский митрополит Никифор писал в Константинополь к патриаршему протосингелу Лаврентию и священнику Анфиму, обвиняя в частности переводчика Бориса Богомольцева («толмача Бориса») в клевете на него и вымогании взятки (РГАДА. Ф. 52. Оп.1. 1628 г. № 11. Л. 300, 304). Весьма вероятно, что перехваченные у митрополита письма переводил сам Бо-

рис Богомольцев (их греческих подлинников не сохранилось). Повлияло ли это на судьбу митрополита неизвестно, но переводчик в 1633 г. по приказу патриарха Филарета был сослан в «Казанский пригород» (*Оборнева З.Е.* Переводчик Посольского приказа Борис Богомольцев (1624–1673 гг.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 1 (71). С. 57). Снова получить место переводчика Борис Богомольцев смог только через 13 лет.

Таким образом, мнения греческих духовных лиц о тех или иных служащих Посольского приказа подчас играли важную роль в их карьере.

*О.В. Окунева, к.и.н., д-р университета Париж-Сорбонна, с.н.с.
ИВИ РАН*

«Красное золото» Бразилии на европейских географических картах XVI века

В докладе будут представлены изобразительные приёмы и риторические техники, использовавшиеся при создании географических карт Нового Света в Европе XVI в. и последовательно утвердившие за протяжённым регионом португальской Америки (Бразилией) такое наименование, которое восходит к названию основного природного богатства региона, а не к благочестивому названию «Земля Святого (или Истинного) Креста», данному португальцами при открытии. Замещение одного названия другим происходило в первые десятилетия XVI в., так что в 1570-е гг. португальский автор первой «Истории Бразилии» Перо Магальяэнш де Гандаво (демонстративно озаглавивший свой труд «Историей Земли Святого Креста, которую в просторечии мы называем Бразилией») уже сокрушался о вытеснении благочестивого названия приземлённо-бытовым.

Теория, согласно которой название «Бразилия» произошло от наименования ценного красного дерева *paу бразил* (*paу* – «древесина», *бразил* – однокоренное со словом «раскалённые угли»), в изобилии произраставшего на атлантическом побережье страны и оказавшегося весьма востребованным в Европе для извлечения красного и пурпурного красителя, является не единственным объяснением происхождения рассматриваемого топонима. Однако именно эта «древесная» версия нашла наибольшее отражение в источниках XVI в. – как нарративных, где возможны были пространственные объяснения, так и иконографических, где идею нужно было донести без слов.

Географические карты XVI в. соединили в себе как нарративные, так и иконографические приёмы. К нарративным относятся не

только обширные текстовые врезки непосредственно в контуре континента, как на карте Пьера Деселье «Америка» 1547 г., или текстовые комментарии к картам из рукописного атласа Гийома Ле Тестю 1556 г., но и обозначение топонимов. В этой последней области переход к тому, чтобы «страна красного дерева» стала Бразилией, происходит, как представляется, благодаря определённой словообразовательной модели (она возможна в ряде европейских языков и не характерна для русского языка): «страна + наименование в родительном падеже». В отличие от русского языка, где оборот «страна Франции, город Москвы» выглядит странно, во французском или английском языках и сейчас вполне возможны словосочетания *le pays de France, la ville de Paris, the City of London*. Применительно же к XVI в. и к рассматриваемой нами теме название Бразилии могло фигурировать как *la costa de brasil, la terre du bresil, the land of brazil*. Подобные обозначения присутствуют на картах 1540–1560-х гг. (Ротц 1542, Лафрери 1560, Дельен 1566 и др.). Однозначно отделить в этой конструкции «красное дерево» от названия страны невозможно. Привычный для современного человека маркер в виде прописных букв (топоним, подобно имени собственному, пишется с большой буквы) далеко не всегда использовался на картах XVI в., а в нарративных источниках (в частности, французских) не редкостью было встретить прописную букву именно в обозначении дерева, а не страны.

Среди иконографических приёмов на географических картах XVI в. отметим несколько способов показать без слов связь «красного дерева» и «Бразилии». Наиболее лаконичным и выразительным является простое изображение дерева или купы деревьев именно на месте Бразилии; расчёт при этом делается на то, что в сознании зрителя сработает ассоциация (Диогу Омен 1558, Луис Ласаро 1563, Баттиста Аньезе 1546, Франческо Гизольди 1567). Вторым, более прозрачным способом является изображение человека / людей, рубящих дерево (отсылка к способу добычи этого природного ресурса). Такое занятие авторы XVI в. рассматривали как традиционный промысел бразильских индейцев, хотя, строго говоря, те в нём не нуждались, а заготавливали его для меновой торговли с европейцами. Красочные изображения рубки дерева и/или переноса брёвен индейцами на плечах или даже в руках помещались внутри контура континента, на место неизвестных ещё районов (так называемый атлас Миллера (1515–1519), карта Дж. Гастальди из третьего тома собрания Дж.-Б. Рамузио (1556, 1565, 1606) и многие другие).

Помимо двух описанных способов на географических картах XVI в. встречаются и более изощрённые приёмы, связанные с использованием цвета. Так, в частности, чтобы не оставлять места сомнению, условные деревца вдоль атлантического побережья Бразилии можно было сразу изображать красными чернилами (*Islario general*, 1560-е гг.). Кроме того, картографы могли использовать цвет, чтобы показать зрительную разницу между деревом *пау бразил* и обычными деревьями, а также разницу между растущим живым деревом *пау бразил* и срубленным ошкуренным бревном того же *пау бразил* (в природе ствол той разновидности, которую вывозили из Бразилии, не отличается по цвету от других деревьев; яркий красный оттенок виден только на спиле или при глубоком повреждении коры). На картах Себастьяна Лопеша, Джона Ротца, Лопе Омена, Пьера Деселье, Николя Вайяра и Гийома Ле Тестю в полном соответствии с фактами красный цвет *пау бразил* появляется только у уже срубленных и ошкуренных деревьев (как вариант – на поперечных срезах брёвен) при вполне реалистичных изображениях живых деревьев этого вида.

Интенсивная добыча «красного золота» в XVI в. привела к значительному истощению данного природного ресурса. С конца XVI в. наряду с красным деревом из Бразилии начинают вывозить продукты переработки сахарного тростника, а в дальнейшем «цикл сахара» (период экономической истории страны, связанный с массированным экспортом одного ресурса) окончательно придёт на смену «циклу красного дерева». *Пау бразил* как визуальный атрибут страны станет значительно реже появляться на географических картах и перейдёт в разряд своеобразной аллегии. Таким его и представит Йохан ван Кёйлен на своей карте 1683 г. Весьма вольное смещение в одном изображении того, как пау бразил заготавливали индейцы, и того, как из него извлекали краситель европейцы, сохраняет параллель между «Бразилией» и «страной красного дерева», параллель, которую уже никому не нужно было специально обосновывать и о которой оставалось лишь время от времени напоминать.

Славянская рецепция библейского сюжета о реках, текущих из рая

В составе славянского рукописного Часослова с дополнительными статьями первой четверти XVI в. молдавского происхождения (РГБ. Ф. 209. № 201) на л. 197 об.–198 находится короткий текст, посвященный библейскому сюжету книги Бытия (2:10–14) о четырех реках, текущих из рая.

Этот текст входит в состав оригинальной компиляции из 50-ти вопросов и ответов преимущественно апокрифического характера с толкованиями и загадками на тему Святого писания (л. 194 об.–198) и представляет собой единственный известный нам пример славянской рецепции имен рек, текущих из рая: **Въпро(с) колико рѣкъ исходатъ изъ раа ѿвѣ(т) ѿ а рѣка Дунавь в Савва г Вологахъ ѿ Донъ**

Очевидно, неизвестный славянский редактор заменил название первой библейской реки Фисон – на Дунай, название второй Геон – на Саву (правый приток Дуная), название третьей Тигр – на Волгу, название четвертой Ефрат – на Дон.

Пример для средневековой кириллической книжной традиции достаточно уникален, так как даже в сходных по составу сборниках вопросов-ответов, которые чаще принято называть «Беседой трех святителей» (*Бучилина Е.А.* Апокриф «Беседа трех святителей») как памятник средневековой русской литературы. Автореф. канд. филолог. наук. М., 1994. С. 3–4, 14; *Бабалык М.Г.* Апокриф «Беседа трех святителей» в русской рукописной книжности XV–XX веков. Автореф. канд. филолог. наук. Петрозаводск., 2011. С. 8), указанные библейские стихи обычно сохраняют традиционные названия рек.

Например: Рукопись второй четверти XIII в. (вопрос № 94), Австрийская национальная библиотека. Cod. slav. 12 и Сборник попа Драгола третьей четверти XIII в. (вопрос № 57): **Въпро(с). колико рѣкъ исходитъ ѿ раа. ѿ ѿ. ѿ. ѿ. Гевнь. Фисонь. Тигрь. Юфрат** (Анисава Милтенова. *Egotapokriseis*. Съчинениата от кратки въпроси и отговори в старобългарската литература. София., 204, С. 212).

Географическая локализация места создания этого произведения представляется затруднительной. Если гидроним **Дунавь** (Дунай) отмечен еще в Супрасльской рукописи (Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994, С. 199), то гидроним **Вологахъ** (Волга) в такой форме в словарях не найден – можно лишь отметить, что эта необычная форма характеризуется полногласием, характерным для восточнославянских текстов.

Знание же реки **Гавва** (Сава), одной из главных транспортных артерий Юго-Восточной Европы, сравнимой по значимости с такими реками, как Рейн или Эльба, могло бы быть указанием, как кажется, на балканское происхождение текста. Однако, с другой стороны, маловероятно такое же знание составителем этого текста в то же время и гидронима **Донъ** (Дон), так это скорее говорит в пользу восточнославянского происхождения произведения. Как известно, например, в той же Повести временных лет, также как и в Слове о полку Игореве, наименования рек Дунай, Волга и Дон встречаются неоднократно.

Проведенный предварительный анализ состава подобных средневековых болгарских, сербских и древнерусских сборников в форме вопросов-ответов не выявил полного соответствия содержания указанной компиляции из 50-ти вопросов-ответов, за исключением некоторых отдельных статей (Первый вопрос компиляции на л. 194 об.: **Въпро(с) Кто два стои҃та а два теч҃та. а два шврѣ҃тоа҃х҃жа Ѡвѣ҃тъ нѡво и з҃емл҃а стои҃та а сл҃нце и м(с)ц҃я теч҃та.** Последний вопрос компиляции: **Впро(с) А҃дамы за с҃ъз҃данне. Авраам҃ь за позн҃анне. Но҃е за х҃раненне. а которыи Ѡ ни(х) Бо҃у о҃г҃оди. Ѡвѣ҃(т) Но҃е прав҃е(д)н҃ъ бы(с). Аврам҃ъ блажен҃ъ мж҃ж).**

Кроме того, эта компиляция из 50-ти вопросов и ответов, в составе которой сохранился текст о реках, текущих из рая, является лишь частью обширных дополнительных статей указанного выше Часослова, содержащих большое количество апокрифических и астрономо-астрологических сочинений (*Паскаль А.Д.* Неизвестное апокрифическое сочинение «Сказание Соломона како ясти во вся дни» в славяно-молдавской книжности XV–XVI вв. // Русин. 2018. Том. 54. Вып. 4. С. 16–17), которые требуют дополнительного текстологического изучения.

Несомненно, однако, что сам кодекс был переписан в Молдавском княжестве с какого-то более древнего, не дошедшего до нас славянского оригинала, возможным временным маркером протографа которого может быть датировка одного из произведений в составе этих дополнительных статей, а именно – краткого летописца XIII в., составленного также в форме вопросов и ответов (текст летописца в настоящее время готовится к отдельной публикации).

Возвращаясь же к найденному новому варианту сюжета рек, текущих из рая, следует заметить, что еще в экзегезе на шестой день творения Севериана Габальского, эти реки есть «объекты, которые соединяют сакральную зону земного пространства с реальной географической средой обитания.... Введение мотива райских рек в его построениях (Севериана Гевальского – *наше прим.*) является одним из аргументов, обосновывающих земную топографию рая»

(Мильков В.В. Концепт земного рая в памятниках древнерусской письменности // Христианское чтение. 2016. № 6. С. 253).

Сохранившийся в кодексе сюжет о реках, таким образом, может быть отнесен к уникальному примеру осмысления «рая на земле», отразившего идею соотнесения славянским редактором земель бассейнов реки Дуная с его притоком реки Савва и рек Волги, Дона как благословенного места – «рая чувственного».

Такая оригинальная географическая локализация райских рек и соответственно трактовка Эдема принципиально отличается от широко распространенных в древнерусской письменности различных сюжетов о райских реках, репертуар которых достаточно обширен и включен в такие произведения, как Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского, Христианская топография Козьмы Индикоплова, Палея Толковая, Летописец еллинский и римский, Хронограф, Александрия, Хроника Георгия Амартола, Сказание об Индийском царстве, Физиолог, Житие Макария Римского, Откровение Мефодия Патарского и другие различные по жанру сочинения, указывающие более или менее точные географические ориентиры подходов к земному раю.

*М.М. Пашков
эксперт антикварно-
букинистического салона
(Челябинск)*

*И.М. Афонасенко, учитель
Православная гимназия (Брянск)*

Неутвержденный герб дворян Афонасенко (Афанасенков)

Герб малороссийских дворян Афонасенко (Афанасенков) представляет собой один из многочисленных примеров гербов русского провинциального дворянства, апробированных Герольдией, но высочайше не утвержденных.

Афонасенки использовали герб Прус I, один из наиболее распространенных польских клановых гербов. Герб может быть бланжирован таким образом: «В червленом поле серебряный длинный пятиконечный крест (без одного конца у нижней перекладины). В нашлаемнике согнутая в локте рука в серебряных латах, держащая меч острием вверх. Намет червленый, подложенный серебром».

Первая попытка утвердить Прус I в качестве официального герба рода относится к марту 1806 г., когда И.С. Афонасенко подал прошение на высочайшее имя «о внесении герба рода моего в гербовник учинить милостивое рассмотрение» (РГИА. Ф. 1343. Оп. 16. Д. 3100. Л. 2–3). К прошению была приложена родословная с рисунком герба «в красках». Герб был заключен в двойную овальную рамку и был выполнен в стилистике украинского барокко. Элементы барокко

проявились в рисунке в виде неклассической формы щита с наличием двух округлых выступов с каждой стороны, тонких линий, которыми были прорисованы все элементы композиции и наличия узкой желтой каймы, носившей явно декоративный характер. В родословной не объясняются мотивы использования Афонасенками герба Прус I, только констатируется, что «герб, выше на родословной написанный, употребляется в роде их, Афанасенков...».

В журнале Герольдии от 28 апреля 1813 г. под № 4 записано: «Малороссийской Черниговской губ. Глуховского повета помещик Войсковой Товарищ Иван Симонов сын Афанасенков, приложу копии с доказательств и определения Новгородско-Северского ДДС о дворянстве его, родословную и герб, просил о внесении одного в Гербовник... Определили: дворянского рода Афанасенковых герб внести в Гербовник в 1-е отделение и поднести его на Высочайшее е.и.в. утверждение, о чем в Черниговское ДДС послать указ за подписанием Герольдии» (РГИА. Ф. 1343. Оп. 16. Д. 3100. Л. 55).

В сентябре 1823 г. по доверенности И.С. Афонасенко З.И. Свяцкий обратился на Высочайшее имя с прошением «о дворянстве надлежащее свидетельство с копией герба ему выдать». По указу Александра I «копия Указа Герольдии от 28.05.1813 г. свидетельствована и ... ему выдана 17.01.1824 г.». Каких-либо данных о дальнейшей судьбе герба Афонасенко в Сенате нет. Последнее официальное упоминание относится к 29 июля 1847 г., когда в Герольдии рассматривался запрос губернского ДДС о предоставлении копии герба: «По справке оказалось, что герб вышеозначенного рода находится в Высочайше утвержденном гербовнике» (РГИА. Ф. 1343. Оп. 16. Д. 3100. Л. 28). Этот ответ вызывает удивление, так как на тот момент было издано 10 частей Общего гербовника и ни в одной из них герба дворян Афонасенко нет, как не будет его и в следующей части, утвержденной в 1863 г. По какой причине герб рода Афонасенко так и не был внесен в гербовник, нам остается только гадать, как и об источниках появления такой информации в 1847 г.

Герб Афонасенко пригодился Герольдии, когда в 1885–1890 гг. по распоряжению герольдмейстера Е.Е. Рейтерна секретарем Гербового отделения В. Горном составлялся так называемый «Эмблематический сборник дворянских гербов» (РГИА. Ф. 1411. Оп. 2. Д. 606). Он предназначался как для атрибуции российских и польских дворянских гербов во исполнение запросов различных ведомств, так и для недопущения одинаковых сочетаний фигур, делений и цветов при составлении новых гербов. Материалы для сборника собирались намного раньше. Поэтому лист с родословной и гербом был изъят из дела о дворянстве Афонасенко для перерисовки на карточку для сборника В. Горна. Эти же карточки далее копирова-

лись еще раз для так называемого Дела № 8 по составлению «Сборника неутвержденных гербов российских дворянских гербов» (РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 394–395).

Тем не менее, в деле о дворянстве Афонасенко на отдельном листе под заголовком «Герб рода Афонасенко» осталось еще одно изображение герба. Здесь герб изображен в более классическом стиле, он немного отличается в деталях от герба на изъятом листе тем, что в нем нет каймы, и коричневый, подложенный золотом, цвет намета заменен на оригинальный намет Пруса I.

Так как при перерисовке использовалось изображение на изъятом листе, новый рисунок вобрал в себя все ошибки этого изображения, в том числе и то, что декоративная кайма превратилась в почетную фигуру. Также были изменены цвета намета: появился черный намет, подложенный золотом, так как темно-коричневый намет был принят за выцветший черный. Помимо изображения в Деле № 8, существует описание герба в редакции И.В. Борисова: «В червленом щите с золотою каймою длинный серебряный крест. Слева у креста отсутствует нижняя перекладина. Нашлемник – согнутая рука в латах держит серебряный меч с золотой рукоятью вправо. Намет черный с золотом. (Польский герб Прус)».

Таким образом, мы видим, что перерисованный в сборник Горна и Дело № 8 герб Афонасенко из-за ошибок при перерисовке не мог служить целям атрибуции. Узкая кайма, игравшая в барочном рисунке декоративную роль, превратилась в почетную фигуру. Замена цветов намета играет гораздо меньшую роль при атрибуции, но и она может быть значимой в случае, если одинаковые гербы имеют разные наметы. Напомним, что Прус I – это польский клановый герб, который использовали более 400 родов, поэтому любое отклонение от эталонного образца может сыграть существенную роль при его определении (*Пашков М.М., Афонасенко И.М.* Генеалогия и геральдика дворянского рода Афонасенко. М., 2020. С. 39).

Данная ошибка вполне могла быть умышленной, сделанной для визуального отличия от других гербов Прус I, помещенных в Дело № 8. Это гербы Корговдов и Пирецких. Если у Корговдов приведен Прус I без отличий от эталона, то у Пирецких поле щита лазуревое, а не червленое. Таким образом, все три герба Прус I визуально отличаются друг от друга, что необходимо для их атрибуции.

О семейно-родственных связях средневекового московского купечества

Реконструкция генеалогии относится к числу наименее изученных проблем истории русского купечества XV– XVII вв., что связано, прежде всего, с ограниченной источниковой базой (*Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1; Перхавко В.Б. Средневековое русское купечество. М., 2012*). Сохранившиеся источники позволяют установить связи купеческих родов, главным образом, по мужской линии. Женщин обычно именовали по фамилиям (прозвищам) мужей. Кроме того, представители одного рода порой имели разные прозвища, которые могли со временем изменяться. Все это сильно осложняет выявление родственных связей и потомков купеческих династий средневековой Москвы. Отрывочные свидетельства о них можно извлечь из ряда источников второй половины XV – XVII вв. (летописей, агиографических сочинений, статейных списков русских посольств в Крым и Турцию, поминальных записей купеческих родов в синодиках, завещаний, рядных грамот, челобитных, судебных дел и др.).

Чаще всего браки заключались внутри родной купеческой среды Москвы. Торговля являлась, как правило, семейным занятием на протяжении жизни многих поколений. Поэтому дочери купцов с детства, задолго до замужества приобщались к традиционному хозяйственно-бытовому укладу, характерному для зажиточных горожан. Сохранились свидетельства о злключениях в 1613 г. сестры изменника Федора Андропова – Афимьи (Евфимии) Ивановны Болотниковой, супруги купца Василия Болотникова (племянника гостя Ю.Ф. Болотникова), пытавшейся бежать подальше из Москвы и утаить от властей драгоценности, часть из которых была изъята ее братом из государственной казны (Акты времени междуцарствия (1610 г. 17 июля – 1613 г.) / Под ред. С.К. Богоявленского, И.С. Рябинина. М., 1915. С. 65–80; *Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России... С. 80–83*).

Невесткой гостя Григория Никитникова, переселившегося из Ярославля в Москву, согласно духовной грамоте от 23 сентября 1651 г., являлась Марфа Михайловна, дочь члена Гостиной сотни Михаила Прокофьевича Кошелева (Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1873. Кн. 4. С. 58–59).

Двор с каменным жилым строением от гостя Андрея Афанасьевича Юдина перешел к его сыну Ивану, предъявившему в 1642 г.

претензии на недвижимость и прочие ценности своего умершего двоюродного брата – члена Гостиной сотни Григория Ивановича Юдина, у которого была еще жива мать Аксинья, происходившая из дворянского рода. На часть этого имущества претендовали их более дальние родственники – член Гостиной сотни Василий Григорьевич Юдин и его сестра Марфа. Обосновывая свои права, обе стороны представили властям собственные генеалогические росписи (пожалуй, самые ранние в России реконструкции в области купеческой генеалогии). Аксинья Юдина, потерявшая и мужа, и сына, также не жаждала остаться на старости без средств существования и обращалась с челобитными к царю Михаилу Федоровичу (Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Киев, 1872. Т. 1. № 110. С. 388, 398).

Матрена, вдова члена Гостиной сотни Никифора Ревякина, вторично вышла замуж за одного из самых богатых и именитых московских гостей Василия Григорьевича Шорина, получившего в качестве приданого жены не только капитал, но и по жалованному указу 1674 г. вотчины ее первого мужа в Усольском уезде (Привилегированное купечество России во второй половине XVI – первой четверти XVIII в.: Сборник документов / Сост. Т.Б. Соловьева, Т.А. Лаптева. М., 2004. Т. 1. № 88.4. С. 347).

Зажиточное московское купечество XVII в. проявляло заинтересованность и в установлении тесных связей с приказной средой. Женой государева дьяка Андрея Галкина, согласно документу от 28 ноября 1671 г., стала Прасковья Твердикова, находившаяся в родстве с Домной Елизарьевной, вдовой московского гостя Максима Твердикова (Привилегированное купечество России... № 44.5. С. 194–195). Согласно приговору патриарха Иоакима от 8 апреля 1684 г., после смерти гостя Никифора Третьякова три доли его московского купленного двора достались «по родству и по близости» племяннице Анне (супруге дьяка Льва Ермолова) и лишь одна четверть – «жене его Никифоровой вдове Настасье» (ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 2. № 1071. С. 586).

Заключению брака в средневековой Руси предшествовали сговор и составление рядной грамоты. Августом 1529 г. датируется рядная запись о женитьбе дворянина Михаила Васильевича Приклонского на купеческой дочери Ирине Алексеевне Лукиной, происходившей из московской семьи гостей-сурожан Лукиных. (Памятники русского права. М., 1956. Вып. 4. С. 66–67). Дочь самого известного московского купца-строительного подрядчика XV в. В.Д. Ермолина стала женой Дмитрия Васильевича Бобра, происходившего из старинного боярского рода Сорокоумовых-Глебовых (*Перхавко В.Б.* Зодчий и книжник Василий Ермолин. М., 1997. С. 86).

Кое-кому из богатых гостей (к примеру, Хозниковым и Ковыриным) удавалось выдать замуж своих дочерей даже за князей, и рядом с этими женскими именами в поминальных записях купеческих родов синодииков XVI–XVII вв. (Успенского собора Московского Кремля, Иоаннозлатоустовского монастыря Москвы) указывается слово «княгиня». Монашеское имя Евпраксия носила княгиня из рода Алексея Хозникова; несколько мужских и женских княжеских имен из числа Ковыриных поминались с XVI в. в Успенском соборе Московского Кремля (ГИМ. Усп. 66. Л. 269; ГИМ. Син. 1172. Л. 27 об.). Княгиня Евдокия перечислена среди членов рода гостя Юрия Бобынина в синодике Троице-Сергиева монастыря 1575 г. Анна, дочь гостя Кирилла Алексеевича Босова, стала женой князя Ивана Даниловича Мышецкого (Привилегированное купечество России... № 88.4. С. 347). Власти регламентировали социально-фискальный статус тех лиц, кто устанавливал брачные узы с представителями иной чиновной группы. 1 апреля 1655 г. из Земского приказа последовало указание: стольников, стряпчих и дворян московских, женившихся на вдовах и дочерях членов Гостиной, Суконной и черных сотен, «по женам имати в сотни в тягло и дав их на поруки с записми, что им жить и тягло тянуть в тех сотнях, кто которой сотни возьмет» (*Маньков А.Г.* Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. С. 116). Такое предписание, естественно, стало серьезным препятствием для заключения браков дворян с теми женщинами из более низкой по статусу торговой среды, на которых было возложено государево тягло.

Сопоставление мужских и женских имен, отчеств, фамилий и прозвищ в разноплановых источниках второй половины XV–XVII вв. позволит уточнить представления о семейно-родственных узах купечества Москвы. Но уже сейчас можно утверждать, что брачные связи носили не только преимущественный горизонтальный характер, но порой охватывали и более высокие социально-чиновные структуры.

*Т.П. Петерс, ст. преподаватель
МГИМО МИД РФ (Одинцовский филиал)*

Палеография, лингвистика и текстология при атрибуции (время создания и авторство) рукописи на французском языке первой трети XIX в. (по архивным источникам РГАДА)

Необходимость обратиться к палеографии, лингвистике, текстологии – трем разным научным областям – была вызвана особенностями рукописи, обнаруженной в Российском государственном архиве древних актов. В архивном деле имеются записи архивистов:

«Записка неизвестного автора с описанием событий русско-турецкой войны 1811–1812. Из бумаг генерала от инфантерии И.В. Сабанеева» и «б/д (не ранее 1812 г.)» (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 181. Л. 1–16). Рукопись написана на французском языке и до настоящего времени не переводилась на русский язык. Недостаточность сведений о русско-турецкой войне 1806–1812 гг., малое количество первоисточников, например, письменных свидетельств участников и очевидцев стали поводом заняться переводом рукописи. По завершении перевода возникла потребность атрибуции рукописи, а именно, ее датировка и определение авторства.

От датировки манускрипта иногда зависит оценка достоверности содержащихся в его тексте известий, а также определение его авторства и места создания, поэтому проблема датировки остается наиболее актуальной до настоящего времени. Обращение к палеографии дало полезные сведения. Листы, на которых написана рукопись, представляют собой бумагу (по ряду внешних признаков: линии вержеров и понтюзо, проколы от сетки) ручной отливки цвета сливочного масла, форматом в половину большого листа, прошиты толстой ниткой в два сложения. Верхний наружный и задний листы оборваны более чем на половину и отличаются от остальных. На просвет на обеих половинах листа четко в центре просматриваются основной маркировочный знак (эмблема) и контр-марка, а литеры, которые обозначают год и место или фамилию изготовителя, имеются только на контр-марке. Бумага имеет датировку: «IPING 1813» высотой букв и цифр 1–1,5 см. Английское слово на контр-марке означает название английской бумажной мельницы в местечке Айпинг, расположенном к юго-востоку от Лондона. Эмблема представляет собой овальную филигрань, форма и изображения на которой соответствуют филигрاني «Britannia» (Клепиков С.А. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959), без девизов, размером 9 см высоты и 7,3 см ширины. По этим признакам можно говорить о времени и месте изготовления бумаги: Англия, 1813 г. Но датировка бумаги и датировка написанной на ней рукописи могут, и чаще всего, не совпадают по причине срока залежности бумаги, который обычно принимается равным 15-и годам. Иными словами, рукопись из РГАДА могла быть написана в течение 1813–1828 гг.

Однако можно сильно ошибиться, если датировать документ только по бумаге. Поэтому подлежали наблюдению почерки, записи и история бытования рукописи. В рукописи прослеживается две руки: собственно автора рукописи и редактора. Из записи редактора в конце рукописи удалось установить его имя, им был участник войны генерал от инфантерии И.В. Сабанеев, который умер в 1829 г.

Безымянный автор описания войны не оставил в тексте четкую дату ее написания. По некоторым семантико-грамматическим особенностям текста на французском языке (маркеры временного плана действий) были выявлены косвенные указания на эту дату. Например, «...обратился к Юсуф-Паше, в ту пору состоявшего главнокомандующим Турецкой Дунайской армией, а ныне являющегося Капудан-Пашей в Константинополе» и «...держал в неведении теперешнего господаря Молдавии Карла Калимаки...» (Там же. Л. 3), «...турки 44 года назад, как и французы до 1812 года почитались во всем мире Непобедимыми» и «...мы видим, как в настоящее время эти же русские...совершают чудеса отваги и венчают себя лаврами в Священной войне...против тирана и узурпатора всех прав людей разных наций» (Там же. Л. 13). В результате подсчетов выявляется предполагаемый год написания рукописи – 1818 г.

Что касается авторства, то окончательного вывода пока нет. На данном этапе можно утверждать, что автор рукописи является иностранцем, вероятно, французом; он ярый противник Наполеона I, человек образованный, относится с почтением к турецкой и русской армиям. Он не военный, но знаком с историей русско-турецких отношений, с подробностями военных действий, отношений между военачальниками турецкой армии и мельчайшими событиями в расположении турок.

Текстологический анализ, выявление двух временных пластов дают возможность отнести рукопись к памятнику мемуарного жанра, но это не дневник с характерными для него поденными записями, не воспоминания участника событий. Это скорее очерк, написанный умным наблюдателем событий войны и знатоком истории.

Д.А. Петров
ген. директор ООО «Архитектурные мастерские – Классика»

Гипотетическое истолкование изображений льва и виверны на каменном гербе 1490 г. на фасаде Боровицкой башни

На Боровицкой башне Московского кремля, одновременно с её возведением в 1490 г. (*Петров Д.А.* О датировке гербовых щитов 1490 г. на Боровицкой башне Московского Кремля // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXV междунар. науч. конф.* М., 2013. С. 471–476; *Петров Д.А.* Об итальянских гербовых щитах 1490 г. на Боровицкой башне // *Russica Romana. Anno XIX*, 2012. Р. 9–32; *Петров Д.А., Яковлев Д.Е.* Белокаменные гербы на Боровицкой башне Московского Кремля. Результаты предварительного осмотра // *Российская археология.* 2014. № 3. С. 147–155) были установлены три белока-

менных щита, оформленных в традициях итальянской геральдики второй половины XV в. (шестиугольный щит «testo di cavallo», ленты с бубенчиками и «бантом») с изображением: 1) скачущего всадника с мечом в руке; 2) двуглавого орла с короной на головах; 3) композиции из двух фигур – льва с мечом в лапе и виверны (обе фигуры под полусферическими коронами имперского типа) (*Петров Д.А.* Скульптура на гербах Боровицких ворот Московского Кремля // *Лазаревские чтения.* № 6 (XXXVII). М., 2013. С. 155–171; *Он же.* Композиция лев – виверна в памятниках западноевропейского искусства XV в. // *Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка.* Материалы XXVI Междунар. науч. конф. М., 2014. С. 277–280).

Все эти гербы, находящиеся в центре Москвы на самом видном месте («in situ»), никогда не привлекали внимания историков. Если первые два изображения находят прямые аналогии в современной им геральдике (герб Палеологов и литовская «Погоня»), то третье представляется несколько загадочным. Тем не менее, ниже мы попытаемся изложить наши предположения по истолкованию фигур в этом гербе.

Герб выполнен итальянским скульптором на башне, возведённой только что приехавшим в Россию итальянским архитектором. Устройство гербов на такой проездной башне, ведущей на великокняжеский двор, обычно для итальянской традиции, но совершенно не характерно для традиции русской, как, впрочем, и установка двух досок с русской и латинской надписью (с упоминанием имени архитектора!) над проездом Спасской башни – главных городских (Кремлёвских) ворот. Создается впечатление, что мастер, возможно, даже без предварительной санкции Великого князя, устанавливал на башнях те элементы оформления, которые привык делать у себя дома. Нам неизвестна реакция Ивана III на появление этих надписей и гербов на вновь возведённых башнях Кремля.

Иконографически и стилистически фигуры не имеют аналогий в русском искусстве. Поэтому представляется бессмысленными поиски аналогий в этой области. Мы можем лишь предположить, что в двух сюжетах русской геральдики чувствуется связь с кремлёвскими фигурами.

Первый – это многочисленные изображения «лютого зверя» на новгородских печатях (по мнению В.Л. Янина, Людина конца Великого Новгорода) – «Печать Новгородская» и «Печать Великого Новгорода» (*Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати Древней Руси X–XII вв. Т. III, М., 1998, С. 104–105, 301–304, № 699г, 719, 719а, 719б, 732–746), идущего по земле, но имеющего высоко поднятую перед-

ною лапу. В отличие от традиционных «владими́ро-сузда́льских» львов, с круглой мордой, развернутой анфас, новгородские «звери» имеют мордочку, развернутую «в профиль», так же, как и на кремлёвском рельефе. Характерны также и отчетливо артикулированная грива, острые ушки и «распушенный» вертикально стоящий хвост. Изображения «лютого зверя» доминируют (36 экз. в 25 вариантах) среди других «Печатей Великого Новгорода» – птица, всадник, воин (14 экз.). Мы видим непосредственную связь этого символа с Великим Новгородом.

Второе изображение – вертикально стоящая виверна, по нашему мнению, находит ближайшую аналогию в фигуре крылатого коронованного змия на печати Ивана Грозного 1577 г., размещённого в верхней части печати, симметрично новгородскому гербу, т. е. с равным статусом (*Пчелов Е.В.* Российский государственный герб: композиция, стилистика и семантика в историческом контексте. М., 2005. С. 32–33).

Достоверно установлено, что «крылатый коронованный змий» к середине 1560 г. прочно ассоциировался с Казанским ханством и был включён в официальный набор символов земель на печати 1577 г. (*Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 157–158) и всех последующих изображениях российского государственного герба. Отметим, что если перепончатые крылья на некоторых изображениях «змия» заменялись крыльями с перьями, то характерный «вздёрнутый» нос повторяется почти всегда.

Нам кажется, что многочисленные изображения неустойчивых «земельных» эмблем в «геральдических» русских источниках XVI–XVII вв. отличаются от гербов Боровицкой башни, выполненных в строгом соответствии с современным им правилами геральдики. Очевидно, что перед нами – видение западноевропейским мастером, исполнившим скульптурные гербы, конкретных земельных гербов – Новгорода и Казани. Исторические обстоятельства не препятствуют такому предположению. Новгородское государство было присоединено фактически в предшествующие 10 лет, а Казанское ханство с 1490 г. находилось под полным контролем великого князя Московского.

Заметим также, что известны изображения герба Московского княжества в «Собрании гербовников» (ок. 1530 г.) из Баварской государственной библиотеки (BSB. Cod. icon. 391. Bl. 1r–1v, 2r–2v), содержащие весь набор изображений на гербах Боровицкой башни: двуглавого орла под большей короной, скачущего всадника, замахивающегося саблей над головой, виверны и льва, стоящих напротив друг друга.

Таким образом, подводя итог этой краткой и гипотетической попытке истолкования рассматриваемого герба, отметим необходимость дальнейших развёрнутых исследований на эту тему.

*М.С. Петрова, д.и.н., доц., г.н.с.
ИВИ РАН*

**История развития Quellenforschung (теории источников)
в зарубежной историографии конца XIX–XX вв. в ракурсе
изучения текстов позднеримских энциклопедистов**

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ №19–09–00125А
«Унификация нарратива в советской историографии всеобщей истории:
трансформация взглядов и научное творчество» (2019–2021)*

Цель доклада – рассмотреть на примере изучения Макробиевого «Комментария на Сон Сципиона» (V в.) историю развития выдвинутой и разрабатываемой в конце XIX–XX вв. теории источников (Quellenforschung), предполагавшей выявление зависимости латинского энциклопедиста (как прямого, так и опосредованного) от греческих авторов – Плотина и Порфирия; обсудить основные положения Quellenforschung, выявить этапы ее развития применительно к тексту Макробия, показать, в чем состояла ошибочность полученных ранними исследователями выводов и обозначить, почему эта теория оказалась «тупиковой». Этапы развития Quellenforschung таковы.

I этап. L. von Jan в издании сочинений Макробия (1848) в примечаниях к его текстам привел указанные ранними исследователями несколько параллелей с Порфирием. Однако сам он проблему зависимости Макробия от Плотина и Порфирия не рассматривал. Спустя почти 20 лет (1866) L. Petit показал, что Макробиевы цитаты из Порфирия ненадежны и то, что Макробий позаимствовал у Порфирия, в отдельных случаях может быть приписано Плотину (De Macrobio Ciceronis interprete philosopho. Paris, 1866. P. 67, 75, 79). Все последующие ученые, обращавшиеся к проблеме Макробиевых источников, начинали подробно изучать сохранившиеся работы именно Порфирия, а также зависящих от него авторов с целью поиска дополнительных параллелей в тексте Макробия. Их усилия оказались ненепродуманными, поскольку было обнаружено достаточно много новых текстуальных соответствий.

II этап. В 1888 г. Н. Linke выдвинул теорию о том, что одним из источников Макробия мог быть сохранившийся во фрагментах Порфириев «Комментарий на диалог Платона ‘Тимей’», и что прямым его источником послужил некий латинский комментарий на

«Сон Сципиона» Цицерона (который, возможно, был составлен Марием Викторином). По его предположению Макробиев «Комментарий», в свою очередь, не только мог зависеть от упомянутого «Комментария на Тимей» Порфирия, но и от его же комментария на Вергилия (*Über Macrobius' Kommentar zu Ciceros 'Somnium Scipionis' // Philologische Abhandlungen: Martin Hertz zum siebzigsten Geburtstag. Berlin, 1888. P. 240–256*).

III этап. В 1904 г. G. Borghorst высказал предположение о том, что Макробиевым источником мог быть утраченный «Комментарий на Тимей» Ямвлиха (*De Anatolii fontibus / Inaug.-Diss. Berlin, 1904. P. 43–44*). Еще одна концепция (отчасти схожая с теорией Н. Linke) была предложена F. Bitsch (1911), также предположившим, что Макробиевым источником был латинский комментарий на «Сон Сципиона», зависящий от Порфириевого «Комментария на Тимей». Помимо этого, он допустил существование *Quaestiones Virgilianae* (Разъяснений к Вергилию), которые могли быть составлены Марием Викторином, также зависящим от Порфирия (*De Platonicorum quaestionibus quibusdam Virgilianis. Berlin, 1911. P. 71–73*).

IV этап. В 1916 г. Ph.M. Schedler предпринял тщательное исследование, посвященное Макробию, которое, однако, не внесло существенного вклада в решение вопроса о его источниках. Он принял предположение Н. Linke, усилив его теорию открытием новых Порфириевых параллелей в «Комментарии» Макробия, и сделал вывод, что хотя Макробий и цитирует Плотина, его истинным источником является Порфирий (*Die Philosophie des Macrobius und ihr Einfluss auf die Wissenschaft des Christlichen Mittelalters // Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters. Bd. 13.1. Münster i.W., 1916. P. 4*).

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. преобладала тенденция рассматривать обнаруженные параллели между Макробием и предшествующими авторами как доказательство его прямой зависимости от них, что в итоге привело представителей *Quellenforschung* к утрате перспективы исследований. Кроме того, к этому времени стало очевидно, что 1) сам титул Макробиева «Комментария на Сон Сципиона» обманчив (так как латинский автор использовал текст Цицерона как ширму, за которой скрывалось изложение собранных им греческих философских учений), и что 2) вдохновителем Макробия являлся Порфирий.

V этап. В 1919 г. F. Cumont подтвердил полученный вывод о зависимости Макробия от Порфирия, выполнив детальное исследование главы «Комментария» (I,13, Willis – о недопустимости самоубийства). Исследователь также показал, что сам Макробий, обратившись к указанной теме, не принял во внимание основополагаю-

щие тексты Плотина и Платона («Федон»), на которые он указывает в начале главы, но заимствовал идеи из «De regressu animae» Порфирия. F. Cumont также отметил, что подход Макробия характерен для поздних латинских компиляторов, поскольку им было свойственно, с одной стороны, упоминать о работах, в которых эти темы рассматривались и указывать авторитетные имена их авторов, а с другой стороны, фактически заимствовать материал из более поздних работ (Comment Plotin détourné Porphyre du suicide // *Revue des Études Grecques*. 1919. Vol. 32. No. 146/150. P. 113–120). В 1923 г. Т. Whittaker в посвященной Макробию монографии (*Macrobius, or Philosophy Science and Letters in the Year 400*. Cambridge, 1923) почти не затронул проблему его источников, отметив, что вряд ли их поиски могут увенчаться успехом (*Ibid.* P. 18). Несмотря на появление (1923 г.) рецензии на эту работу Р. Shorey, обвинившего автора в том, что тот практически не уделил внимания ранним дискуссиям в отношении Макробиевых источников (*Revue // Classical Philology*. Vol. 18. P. 190), первая четверть XX в. была ознаменована снижением интереса к этой важной для понимания текста Макробия проблеме. Лишь дальнейшие исследования прошлого столетия (1933–1977) кардинально изменили ситуацию: К. Mras (*Macrobius' Kommentar zu Ciceros Somnium Scipionis ... // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*. Bd. 6. Berlin, 1933. S. 232–286, *passim*), Р. Henry (*Plotin et l'Occident. Firmicus Maternus, Marius Victorinus, Saint Augustin et Macrobe // Spicilegium sacrum Lovaniense. Etudes et documents*. Fasc. 15. Louvain, 1934. P. 146–192); Р. Courcelle (*Les lettres grecques en Occident de Macrobe à Cassiodore*. Paris, 1943. *Passim*), W.G. Stahl (*Introduction // Macrobius. Commentary on the 'Dream of Scipio'*. Ann Arbor, 1952 (NY, 2¹⁹⁹⁰). P. ix, 24–32), J. Flamant (*Macrobe et le Néoplatonisme Latin à la fin du IVe siècle*. Leiden, 1977. P. 2–8). Мнения исследователей и их аргументы изложены в заключение доклада.

*С.А. Пешехонов, студент
РГГУ*

Монархическая топонимия в Арктике и Антарктике

Под монархической топонимией подразумевается комплекс географических названий в честь августейших особ и династий монархов, традиция которой уходит, по меньшей мере, во времена Античности. Начиная с эпохи Великих географических открытий мореплаватели и путешественники нередко называли новооткрытые земли в честь монархов или представителей династий (Филиппины, Маврикий и др.), что, помимо других целей, должно было показать

колонизаторам из других стран, под чьей властью находится данная территория.

Удалённость и почти неприспособленный для жизни климат Арктики и Антарктики ограничивали возможность колонизации и присоединения данных территорий к тем или иным государствам. Поэтому с началом активного освоения этих регионов при наименовании географических объектов в честь монархов на первое место выходит другой фактор – выражение верноподданнических чувств и патриотизма (как и обозначение национального исследовательского приоритета).

Первые названия арктических территорий в честь коронованных особ появились ещё в 1594 г. Тогда Виллем Баренц назвал открытый им мыс в честь дома графов Нассауских, к которому принадлежали Вильгельм I Оранский и его сын принц Мориц Оранский, наместник Голландии. В честь них Баренцом была названа и группа островов – острова Оранские.

Великобритания начала активно исследовать Канадский Арктический архипелаг в 1830-х гг., и в 1830 г. на карте Арктики появился первый топоним, названный по имени британского монарха: остров Кинг-Вильям, в честь правившего тогда Вильгельма IV. В 1839 г. другой остров в этом архипелаге был назван в честь недавно взошедшей на трон королевы Виктории. В 1850-х гг. появляется топоним Остров Принца Уэльского, в честь наследника престола, будущего короля Эдуарда VII.

В 1881–1882 гг. британский исследователь Б.Л. Смит назвал крупнейший остров в архипелаге Земля Франца-Иосифа в честь Георга, будущего короля Георга V, а другой остров – в честь его матери, урождённой датской принцессы Александры. В 1895 г. мыс на Земле Георга получил название в честь принца Генриха Баттенберга, женатого на дочери королевы Виктории и жившего в Британии.

В 1873 г. австро-венгерской экспедицией под руководством К. Вейпрехта и Ю. Пайера в Арктике был открыт архипелаг, который назвали в честь императора Франца-Иосифа. Один из островов этого архипелага получил имя в честь наследника престола – кронпринца Рудольфа, другой – остров Кобург – в честь династии Саксен-Кобург-Гота, к которой принадлежала жена кронпринца.

Два арктических названия обязаны своим появлением шведскому королю Оскару II (во владения которого входила и Норвегия). В его честь в 1878 г. шведская экспедиция А.-Э. Норденшёльда назвала бухту, а в конце XIX в. норвежская экспедиция Ф. Нансена – полуостров в районе Таймыра.

Российская экспедиция К.Н. Посьета в район Новой Земли в 1870 г. увековечила на её карте два мыса, названных именами вели-

ких князей Константина Николаевича (тогдашний генерал-адмирал флота) и Алексея Александровича (будущего генерал-адмирала, принимавшего участие в этом плавании).

Наконец, в год 300-летия Дома Романовых, Гидрографическая экспедиция Б.А. Вилькицкого сделала последнее значительное географическое открытие на земном шаре. Обнаруженную землю называли в честь императора Николая II, а один из островов – в честь цесаревича Алексея (архипелаг Северная Земля).

Итак, основная часть монархических названий в Арктике была сосредоточена в восточном полушарии, где велись исследования экспедициями разных стран. Топонимы давались преимущественно в честь правящих монархов и наследников престола, а иногда также и жён наследников. При этом иностранные монархические названия на российской территории утверждались императором.

В Антарктике ситуация развивалась схожим образом, но здесь топонимия оказалась более насыщенной и разнообразной.

Открывшая в 1820 г. Антарктиду экспедиция Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева назвала обнаруженную ими землю в честь императора Александра I. Только в 1840 г. оказалось, что это остров. Один из открытых островов называли в честь Петра I, что очень показательно и вписывается в круг других топонимов русских экспедиций того времени, имевших историческую семантику. Кроме того, тем самым отдавалась дань Петру I как создателю российского флота.

Британские экспедиции с 1841 г. оставили на карте Антарктиды имена королевы Виктории, короля Эдуарда VII, короля Георга V, королевы Мэри, принцессы Елизаветы (будущей Елизаветы II) и принца Чарльза. Таким образом были увековечены имена почти всех монархов (и даже королевской четы), а в 2012 г. в ознаменование 60-летия правления Елизаветы II появилась ещё одна Земля, названная в её честь.

Германское монархическое название в Антарктиде (Земли) появилось в 1902 г. Оно было дано экспедицией Э. фон Дригальского в честь Вильгельма II. А в 1912 г. Берег Луитпольда был назван в честь баварского принца-регента.

Поскольку с конца XIX в. в исследование Антарктиды активно включились норвежские экспедиции, на её карте также появилось имя Оскара II, а затем, в 1910-х – 1930-х гг., уже после обретения независимости, и **всех** представителей норвежского королевского дома (семь названий). Это, конечно, было свидетельством большого национального подъёма в Норвегии в начале XX в.

Если рассматривать монархическую топонимию Арктики и Антарктики в целом, то можно отметить, что большинство таких то-

понимов (13) принадлежит британской королевской фамилии. На втором месте находится Норвегия, и здесь значительная часть названий возникла, во многом, благодаря деятельности норвежских китобоев, а не официальным государственным экспедициям. Российской Империи «принадлежит» 6 топонимов. Это связано с тем, что после открытия Антарктиды её исследование Россией долгое время не проводилось, а достаточно крупные новые территории в Арктике были открыты только в 1913 г. и не были полностью исследованы из-за начавшейся войны и революции. Тем не менее, российская традиция в этом отношении не отличается от общемировой, а по количеству наименований уступает только британской и норвежской.

*Д.Г. Полонский, к.и.н., н.с.
ИСл РАН*

Титулатура сербского патриарха и проблема датировки рукописных архиерейских служебников начала XVIII в.

Среди сербских литургических рукописей XVII–XVIII вв., известных в настоящее время, две сохранили особую неординарную формулу возгласения многолетствования высшим иерархам православной Церкви. Оба кодекса, первый из которых происходит из библиотеки монастыря Высокие Дечаны (Деч. № 135), а второй хранится в рукописном собрании М.П. Погодина Российской национальной библиотеки (Погод. № 302), представляют собой служебники (архиерейские чиновники), писанные, судя по оформлению, в традиции книжной школы сербского монастыря Рача. Интересующая нас формула в обоих случаях помещена не в основном тексте, а в записях на последних листах, выполненных скорописью, причем почерками, схожими друг с другом, но отличными от почерков основных писцов кодексов. В печатных описаниях датировка Деч. № 135 отнесена к 1710/1720-м гг. (*Богдановић Д. [et al.] Опис ћирилских рукописних књига манастира Високи Дечани. Књ. 1. Београд, 2011. С. 541–544*), а Погод. № 302 – к 1715 г. (*Иванова К. Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи в сбирката на М.П. Погодин. София, 1981. С. 204–208*) либо к «концу XVII – началу XVIII в.» (Рукописные книги собрания М.П. Погодина. Каталог / ред. О.В. Творогов, В.М. Загребин. Вып. 1. Л., 1988. С. 212–213). Анализ филиграней обеих рукописей не дает оснований для уверенных суждений о точном времени их создания. Однако кодекс Погод. 302 не мог быть написан ранее двух последних лет XVII в., поскольку в этой рукописи помещено изображение Христа, погруженного по пояс в чашу-потир (л. 86): источником миниатю-

ры, как нам удалось установить, послужила гравюра Никодима Зубрицкого из сборника акафистов, стихир и канонов, изданного во Львове в 1699 г.

В кодексах Деч. № 135 и Погод. № 302 содержатся три формулы возгласения (без указаний, кем именно и когда) многолетствования: первая относится к верховному предстоятелю сербской Церкви, вторая – к «святейшим четверопрестольным патриархом» (Константинопольскому, Антиохийскому, Александрийскому и Иерусалимскому), третья – к «преос(вя)щенейшим» митрополитам, архиепископам, епископам, игуменам и «всему с(вя)щен(н)ическому чину». Примечательна первая формула, содержащая в обоих списках как имя иерарха, так и редкий объектный титул: «Арсению, всех бл(а)женнейшему и словеснейшему отцу и г(о)с(поди)ну архиеп(и)ск(о)пу с(вя)теишие архиеп(и)ск(о)пии Пекские, патриарху же васем сръблем и блгаром, Помории, Далматии, Травунии, вретанским островом и об[ои] поль Дунаву, и Северним странам, и васего Иллирика многа лета». Ключевой вопрос, тесно связанный с датировкой кодексов Деч. № 135 и Погод. № 302, состоит в том, какой именно из Печских патриархов подразумевался в формуле многолетствования: Арсений III (Чернович, 1633–1706; патриарх с 1675 г.) либо Арсений IV (Йованович-Шакабенда; 1698–1748; патриарх с 1725/26 г.). Около столетия тому назад Л. Стоянович, которому была известна вышеуказанная запись в Деч. № 135, отнес ее ко времени «после 1725 г.», т. е. к периоду патриаршества Арсения IV (*Стојановић Љ*. Стари српски записи и натписи. Књ. 5. Сремски Карловци, 1925. № 7583); того же мнения придерживались составители описания собрания (*Богдановић Д. [et al.]* Op. cit. С. 544). Вместе с тем, еще в XIX в. опубликовано письмо Арсения III от 25 мая 1689 г., где использован тот же титул, что и в записи (*Витковић Г*. Споменици из Будимског и Пештанског архива // Гласник српског ученог друштва. II. Књ. 6. 1875. № 61. С. 185), и это могло бы служить доводом в пользу отнесения формулы многолетствования к иерарху более раннего времени. Однако мнения сербских историков о подлинности письма разошлись, а его оригинал ныне утрачен, что не позволяет отнестись к источнику с доверием (ср.: *Југовић М*. Титуле и потписи архиепископа и патријараха српских // Богословље. IX/3. Београд, 1934. С. 264, 268–269; *Радонић Ј*. Римска курија и јужнославенске земље од XVI до XIX века. Београд, 2017. С. 281–282).

Казалось бы, упоминание в формуле многолетствования подходит обоим иерархам: хотя Арсений III в грамотах, адресованных разным лицам, нередко варьировал собственную титулатуру, чаще всего он назывался «архиепископ Пекски и всем сръблем и блгаром, и всего Иллирика патриарх»; тот же титул позже употреблял в сво-

их посланиях и Арсений IV (*Југовић М.* Op. cit. С. 263–270). Однако можно полагать, что идентифицировать патриарха Арсения по титулатуре в Деч. № 135 и Погод. № 302 позволяет упоминание «вретаниского острова». Под этим «островом» подразумевалась, конечно, не английская Британия и тем более не французская Бретань, а северо-западная епископия Печской патриархии, расположенная у Военной границы империи Габсбургов – Вретания (в латинских источниках «Vrattania»; см.: *Витковић Д.* Шта је некад била Вретанија // Гласник историског друштва у Новом Саду. VII. 1934. С. 79–94). Она представляла собой конфессиональный анклав, населенный сербами, жившими в католическом и униатском окружении. Сербские патриархи считали эту епископию своей канонической территорией, но на протяжении XVII в. она (под названием Марчанской епархии) в основном управлялась униатами. В 1690-е гг. статус Вретании стал поводом для острого конфликта между государственным министром Священной Римской империи, католическим кардиналом Леопольдом фон Коллоничем (1631–1707) и патриархом Арсением III. Последний был наделен императором Леопольдом номинальной властью не только над сербами, но и над всеми православными, проживавшими в монархии Габсбургов. Благодаря этому, а также поддержке сербского населения, Арсению III de facto удалось на время вывести Вретанию из-под управления греко-католиков (*Кавуић Д.* Отпор марчанској унији. Аранђеловац, 1986. С. 17–30; *Kudelić Z.* Marčansko-svidnička biskupija tijekom Bečkog rata // *Croatia Christiana periodica.* 2002. Vol. 26. No. 50. P. 51–74). Во времена же Арсения IV уже не происходило подобных событий, которые могли бы дать основания сербским литургистам отнести Вретанию к канонической юрисдикции православного иерарха.

Поэтому можно полагать, что датировку кодексов Деч. № 135 и Погод. № 302 благодаря присутствию в них записей о желании долгих лет жизни патриарху Арсению, распространившему свою власть над «вретаниским островом», следует относить ко времени до 27 октября 1706 г., когда скончался православный сербский иерарх из рода Черноевичей.

Великокняжеский дьяк Василий Иванович Беда

Обобщение известных и новых сведений о Василии Ивановиче Беде позволило в общих чертах воссоздать биографию выдающегося дьяка, а также пополнить сведения о дьячестве как штатной части аппарата управления и прояснить некоторые аспекты источниковедческой проблематики.

Имя Василий в XV в. – одно из самых распространенных, к тому же в источниках дьяк не всегда упоминается с прозвищем, что затрудняет идентификацию. Ю.Г. Алексеев отличал Василия Беду и дьяка Василия Ивановича, известного по актам второй половины 1460–1470-х гг. (*Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства*. СПб., 1998. С. 184–185; АСЭИ. Т. I. № 397; Т. II. № 383; Т. III. № 67, 404), что едва ли верно. При заверении актов имя дьяка *Василия* и дьяка *Василия Беды* писалось одинаково – *Василеи* (а не скажем, *Васюк* или *Вас(ь)ка*). Но главное нет ни одного акта, подписанного дьяком *Василием Ивановичем*, он встречается только в упоминаниях (беглые наблюдения ведут к выводу, что в великокняжеской канцелярии было принято указывать только имя и прозвище дьяка-заверителя). Думается, что речь может идти об одном великокняжеском дьяке – Василии Ивановиче Беде.

Достоверно о деятельности Василия Беды известно с 1453 г. Правда, Ю.Г. Алексеев предположил, что «Васько, подiachей князя великого», писавший в 50-х гг. докладную суздальскому наместнику старца Троице-Сергиева монастыря Прокофия о покупке земли – Василий Беда (*Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 162; АСЭИ. Т. I. № 240*). Но скорее, писцом акта был другой подьячий – Василий Мамырев, использовавший эту форму своего имени.

Первое достоверное известие о Беде связано с отравлением мятежного Дмитрия Шемяки. 23 июля 1453 г. в Москву с вестью о смерти князя «пригонилъ... подьячей Беда, а оттоля бысть дьяк». «Прорекоша ему людие мнози, яко не на долго будетъ времени его, и по мале сбьсться ему» (ПСРЛ. Т. 23. С. 155; Т. 25. С. 273), но дьяк успешно прослужил еще четверть века у Василия II, Ивана III и Софьи Витовтовны. Профессионализм и принадлежность к ближайшему кругу великокняжеской семьи проявились в составлении им завещания Василия II.

Дьяк визировал жалованные грамоты (6 актов: АСЭИ. Т. III. № 101, 1460/61 гг.; № 311, 1462–1466 гг.) и их подтверждения (АСЭИ. Т. I. № 237; Т. II. № 349, 386; АФЗиХ. Ч. I. № 173, без дат), но среди поручений существенно преобладали относящиеся к по-

земельным делам – спорам и межеванию (11 актов). Он присутствовал на судах и докладах о них (*Капитанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1976. С. 354–360. № 9, б/д.; АСЭИ. Т. I. № 397, начало 70-х гг.; Т. II. № 383, вторая половина 60-х гг.); подписал докладной судный список и правые грамоты (АСЭИ. Т. II. № 374, 375, 463, 496, без дат; АФЗиХ. Ч. 1. № 103, 1462–1464 гг.); провел межевание, подписал разъезжую грамоту и запись о разделе частных родовых земель (АСЭИ. Т. I. № 330, 1462–1480 гг.; № 445, 1474–1480 гг.; Т. II. № 371, 1462 – начало 1470-х гг.). Передатировка нижней границы части представленных актов 1480 годом определена находкой надгробия Василия Беды – древнейшего датированного, из относящихся к Московской Руси.

По актам после 1472 г., Василий служил у вдовы Василия II. Как полагал Ю.Г. Алексеев, после ее пострижения 2 февраля 1479 г. он вернулся к Ивану III. Вывод основан на судебных актах по одному делу с поручением Ивана III Василию Беде их подписать. При издании они отнесены к *рубежу 80–90-х гг.* по игуменству Афанасия (АСЭИ. Т. I. № 537–539), но Беда умер 22 мая 1480 г. Подлинность надгробия несомненна. Допущение, что Афанасий управлял Троицким монастырем в период между 2 февраля 1479 и 22 мая 1480 г. невозможно: это – время игуменства Паисия Ярославова. Остается предположить, что акты фальсифицированы Троице-Сергиевым монастырем, выигравшим дело.

Устанавливается примерно время рождения Беды. В 1455–1457 гг. он был послухом покупки Троицким монастырем села Сукромного. Так как купчую писал «Сенка Васильевъ сынъ дьяковъ» (АСЭИ. Т. I. № 258), то, Василий вероятно родился около 1420 г.

Предпринимались попытки установить происхождение Беды, опираясь на определение Александром Федосеевичем Белеутовым дьяка Василия Ивановича братом (АСЭИ. Т. III. № 67). Так как отчества не совпадают, был сделан вывод о родстве по женской линии: племянник или двоюродный брат (*Савосичев А.Ю.* Дьяки второй четверти XV в.: происхождение и социальные связи // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 3 (1). С. 42–43). Но не рассмотрен самый очевидный и, думается, верный вариант. Василий – старший единоутробный брат А.Ф. Белеутова, сын Феодосии Васильевны Беклемишевой. Возможно прозвище связано с ранним сиротством или нежелательными обстоятельствами рождения (блуд, насилие). Родство с Беклемишевыми косвенно подтверждается. Дьяк Василий Иванович дважды был душеприказчиком (Федора Новокшенова и А.Ф. Белеутова) вместе с предполагаемым дядей – Никитой Васильевичем Беклемишевым (Т. III. № 404, 1472 г.). Вероятна их близость по службе. Н.В. Беклеми-

шев был дьяком, как Беда, замечен в специализации по земельным искам. Владения Беклемишевых примыкали к Троицкому монастырю (*Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 455–456), с которым прослеживается тесная связь Беды. Он свидетельствовал, похоже, как частное лицо, покупку монастырем села Сукромного, на которое тот получил жалованную грамоту (АСЭИ. Т. I. № 278). Может быть, по протекции дьяка? Видимо, в 1479 г. после пострижения Марии Ярославны Беда принял монашество в Троице-Сергиевом монастыре, где вскоре умер. Согласно надгробию, «в лет(а) 6988/1480 ме(ся)ца мая в 22 д(е)нь преставися рабъ б(о)жии инок Васиянь, бывши диякъ Василии Беда» (*Вишневский В.И.* Некрополь Троице-Сергиевой лавры. Открытия последних десятилетий XX в. // Русское средневековое надгробие, XIII–XVII вв.: Материалы к своду. Вып. 1. М., 2006. С. 152–153. № 56).

Г.В. Просвиров
независимый исследователь, Москва

Работы Ж.Г. Бройера по изготовлению штемпелей для чеканки монет и медалей в 1699–1704 гг.

К исследованию деятельности Жана Георга Бройера обращались многие исследователи. Однако история его деятельности до прибытия в Россию весьма противоречива, а его работа в Москве на Кадашевском монетном дворе недостаточно изучена.

Путаница основана на смешении жизненных путей двух иностранных мастеров, имеющих близкие по написанию фамилии и инициалы. Таким его «двойником» был саксонец по происхождению Иоганн Бартоломейюс Брейер или Блеер, подмастерье золотых и серебряных дел.

Наиболее полно информация обобщена в работе И.В. Ширякова «Золотая чеканка Кадашевского монетного двора. 1701–1711 гг.». Автор для более полного осмысления использования китайского золота для золотой чеканки на Кадашевском монетном дворе рассматривает некоторые особенности штемпелей червонцев применительно к стилю Ж.Г. Бройера. С учетом исторических документов и особенностей стиля мастера сделана попытка определить его работы по изготовлению штемпелей червонцев.

Выявление работ медальеров основывается на том, что штемпели для чеканки в этот период резались вручную, и каждый мастер имел свой стиль исполнения шрифтов, элементов рисунков (в том числе пунсонов), которые повторялись из года в год на различных работах.

Точно определенные работы Ж.Г. Бройера по изготовлению медалей и монет до его прибытия в Россию являются основой для выявления штемпелей, изготовленных им на Кадашевском дворе, и, возможно, других работ.

Прежде всего для определения работ мастера следует рассмотреть два типа червонцев 1701 г., чеканенных двумя парами штемпелей. Портреты царя на обоих лицевых штемпелях по стилю исполнения напоминают портрет короля Вильгельма Оранского на английских полупенсовых монетах 1695–1701 гг. (*Лепехина Е.В.* Две деньги 1700 года с латинской легендой из собрания Эрмитажа // Государственный Эрмитаж. Нумизматический сборник 1998. К 80-летию В.М. Потина. СПб., 1998. С. 179).

Одежда, изображаемая на портрете Петра I на червонцах, имеет непосредственное сходство с изображением одежды герцога Рудольфа Августа на монете 2/3 талера 1675 г. Брауншвейгского монетного двора, чеканенной в период работы на нем Ж.Г. Бройера. Для изображения одежды используются характерные прямые ломаные линии (*Ширяков И.В.* Золотая чеканка Кадашевского монетного двора. 1701–1711 гг. // Нумизматический сборник ГИМ. М., 2017. Т. XX. С. 75).

Сравнение портретов с червонцев с ранними работами Ж.Г. Бройера на штемпелях медалей дает возможность выявить присущие ему особенности исполнения портретов, и на основании этого подтвердить его авторство. Рассмотрение элементов рисунков на реверсах червонцев и сравнение их с его работами на медалях также подтверждает участие Бройера в изготовлении некоторых элементов, размещенных на этих штемпелях. Шрифт, используемый для аверсов и реверсов этих червонцев, имеет церковно-славянское начертание, характерное для эпохи до появления «гражданского» шрифта. Применение такого шрифта на червонцах с большой долей вероятности говорит о том, что его выполнил русский мастер.

Следует отметить совпадение начертаний букв на одном из типов денег 1700 г. Набережного монетного двора с буквами на червонцах 1701 г. Изображения короны, державы и скипетра также полностью идентичны.

Также в 1700 г. известно три пробных деньги, на штемпелях которых использованы латинские буквы. Применяемый на них русский шрифт по своему исполнению и почерку можно также отнести к руке резчика, вырезавшего литеры для червонца и деньги 1700 г. Орел на одном из штемпелей имеет тот же вид, что и на обычной деньге 1700 г., а большая корона – единая для денег и червонца. Портрет царя, приведенный на аверсе одной из монет, имеет такой

же вид, как и портрет короля Вильгельма Оранского с английских полупенсовых монет 1695–1701 гг.

В 1702 г. на монетном дворе продолжается чеканка серебряных и золотых монет, а также начинается чеканка наград и жалованных монет.

Для чеканки червонцев был задействован штемпель аверса, перешедший с червонцев 1701 г. с портретом царя, исполненным Ж.Г. Бройером. Для реверса же монеты использован другой штемпель, на котором изображен орел, подобный изображенному на жалованной монете 1702 г. без указания даты, принадлежащий работе другого резчика Кадашевского двора.

Рассмотрение медали «На взятие Шлиссельбурга» в 1702 г. (дм. 54 мм), с учетом выявленных особенностей стиля Бройера и повторяющихся признаков на изготавливаемых им штемпелях, дает возможность утверждать его авторство портрета царя.

В 1703 г. чеканили два типа червонцев. Один из них явно не принадлежит руке Бройера. На втором типе червонца портрет царя выполнен Ж.Г. Бройером и является аналогом портрета, изображенного на медали «На взятие Шлиссельбурга». Шрифт, используемый на аверсе и реверсе монеты, такой же, как и на предыдущих штемпелях золотых монет работы русского резчика.

Рассмотрение медали «В память взятия Азова в 1696 году» (с русским текстом) на предмет определения авторства по изготовлению штемпелей с учетом особенностей используемых элементов рисунков и шрифта показывает, что автором штемпелей также является Ж.Г. Бройер.

Полученные данные по особенностям его стиля позволяют ближе подойти к вопросу определения авторства одной из пробных полтин 1699 г., изготовление которой в нумизматической литературе относят к Юрию Фробосу. Это верно только отчасти, так как аверс монеты изготовил Ю. Фробос, а реверс – уже другой резчик. Сравнение реверса полтины с ранними работами Ж.Г. Бройера показывает совпадение некоторых элементов рисунка по стилю и форме их изображения, а также использование в шрифте букв, схожих в начертании с латинскими буквами, используемыми им на медалях.

Представленные результаты исследования стилистических особенностей штемпелей монет и медалей позволяют точно определить работы мастеров монетных дворов. Отличительные черты стилей резчиков с учетом активного использования ручной резки штемпелей просматриваются вплоть до середины XVIII в., что открывает возможность продолжения исследовательской работы в этом направлении.

Торговая отчетность Московского печатного двора о книжных покупках столичных стрельцов в 1662–1664 гг.

«Приходные книги» Московского печатного двора (МПД) за 1662–1664 гг. позволяют осветить малоисследованный вопрос о книжной культуре столичного стрелецкого войска (*Пушков В.П., Пушков Л.В.* Построение и возможности использования базы данных «Книжный рынок Москвы 1662–1664 гг.» // Фёдоровские чтения – 2007. М., 2007. С. 219–240; БД построена по: РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 61, 65).

В 1710–1712 (1662–1664) гг. в Москве располагалось до 20 стрелецких полков, представители 8 из которых (всего 14 человек) покупали книги в лавке МПД на Никольской улице, причем лишь 3 из них были «стрелецкими головами» (полковниками), тогда как остальные 11 являлись рядовыми стрельцами. Все 14 стрелецких покупателей за 20 посещений лавки в общей сложности приобрели 79 книг, из которых 74 пришлось на рядовых стрельцов при среднем размере одной покупки в 4 экз., а среднее количество книг, приобретенных одним человеком за эти годы, составило 5,6 экз. Из полковников в 1662–1664 гг. книги покупали Андрей Коптев, Михаил Ознобишев и Андрей Власов сын Астафьев (Остафьев). Рядовой же состав обеспечили стрельцы Назар Игнатьев, Данила Игольник, Герасим Никифоров (все трое из полка Якова Соловцова), Василий Матвеев (полк Артамонова), Митрофан Матвеев (полк Аладьина), Дементий Родионов (полк Зубова), Иван Степанов (полк Астафьева), Демид Тимофеев (полк Головленкова), а также не назвавшие своих командиров Матвей Васильев, Иван («Ивашка») Трофимов и просто «стрелец». В 1662/64 гг. 11 рядовых стрельцов купили 74 книги против 5 у трех своих полковников, что убедительно свидетельствует о высокой грамотности московского стрелецкого войска.

Стрельцы приобретали книги 6 изданий из 16, продававшихся в типографской лавке, львиная доля из которых пришлась на 60 Псалтырей учебных (три покупки по 20 экз.), что однозначно говорит о наличии школ в столичных стрелецких слободах. Показательно и второе место первого московского издания Библии – 9 экз., 5 из которых взяли полковники (книга стоила очень дорого – 5 руб. серебром). Два следующих по популярности издания также не были чисто церковными: 4 экз. Святцев и 3 Жития Николая чудотворца. Если Святцы (Месяцеслов) обязаны были быть в каждой грамотной семье для знания дней поминовения святых и выбора имен своим детям, то житие любимого русского святого могло читаться в любое

время. И лишь два издания из шести в основном использовались при богослужении: 2 Пролога и 1 Канонник.

Таким образом, судя по запросам стрельцов, их книжные интересы далеко выходили за рамки литургических изданий (их совершенно не интересовали продававшиеся в лавке такие богослужебные книги, как Евангелия напрестольные, Триоди цветные и постные, Псалтыри с воследованием, Шестодневны, Апостолы и др.).

В 1662/64 гг. в лавку на Никольской неоднократно приходили рядовые стрельцы – Ив. Степанов, Вас. Матвеев и Данила Игольник (соответственно 4, 3 и 2 раза). Так, Ив. Степанов из полка Андрея Астафьева купил в лавке 23 книги. По четвергам 23 июня и 3 июля 1662 г. он взял по одному экз. Жития Николая чудотворца, затем в пятницу 14 ноября того же года Степанов покупает Святцы и 20 Псалтырей учебных в субботу 24 октября 1663 г. В свою очередь, Вас. Матвеев во вторник 1 июля 1662 г. купил Житие Николая чудотворца, а в марте 1664 г. по одной Библии в среды 4 и 11 числа этого месяца. Данила Игольник купил две книги – Святцы в понедельник 17 ноября 1662 г. и Библию в пятницу 4 марта 1664 г. Остальные же стрелецкие книжные покупки в 1662/64 гг. были разовыми, из которых своим размером выделяются закупки по 20 Псалтырей учебных Дементия Родионова и не назвавшего своего имени и полка «стрельца» (соответственно в среду 30 сентября и в субботу 24 октября 1663 г.), а в среду 16 марта 1664 г. сразу три Библии взял стрелецкий полковник Андрей Астафьев.

За время с 7170 по 7172 (1662–1664) гг. по отдельным календарным годам книжные покупки столичных стрелецких полков распределялись следующим образом. Все 5 покупок 7170 года (он длился с 1 сентября 1661 по 31 августа 1662 г.) были летними: 3 в июне (17, 19, 26 числа) и 2 в июле – 1 и 3 числа. В 7171 году (с 1 сентября 1662 по 31 августа 1663 г.) все 4 покупки оказались осенними: одна 9 октября и три в ноябре (1, 14 и 17 числа). Половина всех покупок 1662–1664 гг. (10 посещений лавки) пришлась на 7172 г. (с 1 сентября 1663 по 31 августа 1664 г.), три из которых выпали на осень (30 сентября и две в октябре – 3 и 24 числа), шесть в марте (2, 3, 4, 11 и 16 числа) и одна 21 апреля. Показательно, что все семь весенних покупок 1664 г. оказались приобретениями Библии, причем со 2 по 4 марта эта книга покупалась три дня подряд (а 4 марта даже два раза), что говорит об огромном интересе к этому уникальному изданию Печатного двора. Если в 7170 и в 7171 г. стрельцами было куплено всего лишь по 5 книг, то в 7172 уже 64, и в том числе 60 Псалтырей учебных.

За 22 месяца с 17 июля 1662 г. по 21 апреля 1664 г. (примерно за 670 дней) книги в среднем покупались один раз в месяц, но чаще

осенью и весной (по семь раз), реже летом (пять покупок), но зимой не было сделано ни одной покупки. Сентябрьско-мартовские подъемы книжной активности были типичны не только для стрельцов, но и всех других сословий. Одной из причин такого явления могла быть традиционная для той поры выдача «государева денежного жалованья» вперед на каждое полугодие (в Семенов день 1 сентября и Евдокиин день 1 марта), а март месяц всегда приходился на Великий Пост – время духовного просветления. По дням же недели количество приобретенных стрельцами книг имеет следующее распределение. В первый день недели по воскресеньям книги не покупались вовсе, затем по понедельникам и вторникам соответственно были взяты 1 и 2 книги, в среды уже 20, в четверги – 6, в пятницы – 4 и в субботы – 42. Таким образом, наиболее активно стрельцы покупали книги в середине и во второй половине недели, но особенно много в ее последний день.

Среди розничных продаж крайне редки покупки книг клиром стрелецких церквей. Например, 28 февраля 1656 г. был продан «Служебник троицкому дьякону Ивану, что в Азарьеве приказе» (*Поздеева И.В., Дадыкин А.В., Пушков В.П.* Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры: 1652–1700 годы. Кн. 1. М., 2007. С. 300). Подобная ситуация объяснялась постоянной заботой правительства об обеспечении стрельцов новоисправленными церковными книгами. Так, 3 апреля 1671 г. 17 церквей стрелецких слобод по царскому указу получили каждая по одной новой Псалтыри с воследованием и цветной Триоди, причем все книги были «в переплете» (*Пушков В.П.* Распределение изданий Московского печатного двора Приказом Тайных дел в 17 веке (1669 – 1671) // Федоровские чтения — 2009. М., 2010. С. 32–47).

*Д.Н. Рамазанова, к.и.н.
доц. РГГУ, заведующая НИОРК (МК) РГБ*

Палеографические интересы в научно-педагогической деятельности Елены Ивановны Каменцевой

Елена Ивановна Каменцева хорошо известна своими трудами в области хронологии, метрологии, сфрагистики и геральдики. Может сложиться впечатление, что палеография находилась на периферии ее собственных научных интересов: действительно, листая библиографию ее работ, мы не найдем специальных исследований в этой области. Однако вспоминая Елену Ивановну и занятия с ней, увидим другое: очень трепетное и серьезное отношение к палеографии как научной и образовательной дисциплине; большую любовь к предмету, которую она старалась передать студентам. Мно-

гим памятны ее лекции и практические занятия по палеографии; вплоть до последних лет жизни она в рамках спецкурса с огромным интересом занималась с несколькими студентами чтением древнерусской вязи. Помнится и то, как мастерски она принимала экзамены по палеографии, внимательно слушала чтение текстов и быстро оценивала знания учеников.

Преподавание палеографии предполагало и издание методических и учебных пособий, которые Е.И. Каменцева успевала создавать не только по дисциплинам, относившимся к ее основным интересам. Как лично, так и в соавторстве Елена Ивановна подготовила следующие методические и учебные пособия по палеографии, полезные и до сих пор:

Транскрипции текстов XVI–XVIII вв. пособия М.Н. Тихомирова и А.В. Муравьевы «Русская палеография»: для студентов I курса заочного отделения МГИАИ / Сост. Е.И. Каменцева. М.: МГИАИ, 1967. 34 с.

Терминологический словарь: для студентов I курса вечернего отделения МГИАИ / Каменцева Е.И., Простоволосова Л.Н. М.: МГИАИ, 1978. 45 с.

Транскрипция текстов (XI–XVIII вв.): методические указания для студентов I курса МГИАИ / Каменцева Е.И., Простоволосова Л.Н. М., 1979. 14 с.

Терминология текстов по палеографии XI–XVIII вв.: методические указания для практических занятий студентов I курса ФАД МГИАИ / Сост. Е.И. Каменцева, А.Л. Станиславский, Л.Н. Простоволосова. М.: МГИАИ, 1986. 46 с.

Среди палеографических тем Елену Ивановну особо занимали вопросы изучения бумаги и филиграней, а также возможности их преподавания в курсе вспомогательных исторических дисциплин. Этому была посвящена проблемная статья Е.И. Каменцевой, опубликованная в сборнике «Филигранологические исследования. Теория, методика, практика», изданном Археографической комиссией АН СССР в 1990 г. Статья называлась «Бумажные водяные знаки в курсе палеографии в МГИАИ». Здесь Е.И. Каменцева сформулировала несколько положений о месте науки о водяных знаках (ВЗ) в системе источниковедческих знаний, соотношении палеографии и филигранологии в курсе вспомогательных исторических дисциплин, затронула также и в целом особенности строения читавшегося ею в МГИАИ курса палеографии. Она акцентировала внимание и на трудностях, с которыми сталкивается преподаватель, в том числе на скудной обеспеченности нужными пособиями: «помимо данных, включенных в лекции, ВЗ посвящаются практические занятия, на которых студенты изучают приемы работы с ними по справочным

пособиям для определения времени, подлинности источников. В практической части мы очень ограничены, так как в МГИАИ нет ни одного зарубежного альбома ВЗ, используются только дореволюционные русские и советские издания» (*Каменцева Е.И.* Бумажные водяные знаки в курсе палеографии в МГИАИ // *Филигранологические исследования. Теория. Методика. Практика.* Ленинград, 1990. С. 141).

Знание предмета, владение историографией вопроса позволяли Елене Ивановне не ограничиться только преподаванием, изданием методических пособий и статей по палеографии. Она обращала внимание и на актуальные научные труды по палеографии и смежным дисциплинам. На две из таких работ, представлявших для нее особенный интерес, она написала рецензии. Этими работами были опубликованная издательством АН СССР в 1961 г. монография книговеда Виктора Александровича Истрина (1906–1967) «Развитие письма» (рецензия: «Новое исследование о развитии письма // Исторический архив. М., 1962. № 1. С. 233–236) и вышедший в 1974 г. под редакцией видного историка и палеографа Александры Дмитриевны Люблинской (1902–1980) сборник «Проблемы палеографии и кодикологии в СССР» (рецензия Е.И. Каменцевой написана совместно с А.Т. Николаевой, см.: *Советские архивы. М., 1976. № 2. С. 106–109*). Что касается первой из рецензированных Еленой Ивановной работ, то, зная о ее интересах, можно полагать, что Е.И. не могла пройти мимо этого издания, поскольку во многом разделяла научные воззрения В.А. Истрина. Вопросы происхождения письма и, прежде всего, славянского алфавита, живо интересовали Елену Ивановну. По рецензии видно, что Е.И. Каменцева была очень высокого мнения о книге В.А. Истрина. Она подчеркивала, что «в советской историографии таких работ не было», указав, что единственным обобщающим исследованием была книга чешского лингвиста, историка и антрополога Честмира Лоукотки «Развитие письма» («*Vývoj písma*». Praha, 1946; русский перевод Н.Н. Соколова издан в 1950 г.; ныне эта работа значительно устарела). Сделав обзор работы Истрина и поддержав его мнение о происхождении письма у славян, Е.И. заключала: «Истрин предлагает стройную и убедительную гипотезу, опирающуюся на достижения науки как XIX и начала XX вв., так и на современные. С точки зрения этой гипотезы может быть разрешено большинство противоречий, существовавших в ранее предложенных гипотезах, считавшихся неразрешимыми. Положения Истрина близки к гипотезе Карского, по мнению которого древнейшей славянской азбукой была кириллица, но они учитывают достижения науки последних лет, изложенных в целом ряде работ, посвященных вопросам происхождения славяно-русского письма». Положительную рецензию на исследование

В.А. Истрина, согласившись с ним по многим пунктам, Елена Ивановна сопроводила лишь двумя небольшими замечаниями. Хотя современной наукой поддержанные Е.И. Каменцевой воззрения Истрина во многом воспринимаются скептически, это был опыт вдумчивого анализа, ценного для своего времени.

В целом работы Е.И. Каменцевой в этом направлении показывают ее свободное владение предметом и интерес к актуальной историографии вопроса; палеографию она рассматривала как неотъемлемую часть комплекса вспомогательных исторических дисциплин. Конечно, глубокие знания Е.И. не ограничивались только уровнем, необходимым для преподавания курса студентам. Она стала не формальным, как иногда бывает, а подлинным наставником в науке для некоторых палеографов и источниковедов: под ее руководством было написано и защищено несколько кандидатских диссертаций, связанных с палеографическими вопросами. Отмечу, что в целом под руководством Е.И. Каменцевой было защищено 14 диссертаций, четыре из которых (т. е. почти треть) посвящены палеографии и кодикологии. Приведу перечень этих работ:

Дианова Т.В. Водяные знаки бумаги в источниковедческом анализе: (По материалам XVII века отдела рукописей Государственного Исторического музея) / МГИАИ, каф. вспомогат. ист. дисциплин. М., 1981.

Белоконь Е.А. Развитие русского письма в конце XVIII – первой четверти XIX века / МГИАИ, каф. вспомогат. ист. дисциплин. М., 1988.

Кондрашкина Е.С. Кодикология лицевых литургических рукописей Москвы рубежа XVI–XVII вв. / РГГУ, ИАИ, каф. источниковедения и вспомогат. ист. дисциплин. М., 1996.

Шульгина Э.В. Русская книжная скоропись XV века / РГГУ, ИАИ, каф. источниковедения и вспомогат. ист. дисциплин. М., 1997.

В основном эти работы основывались на многолетнем опыте кодикологов и палеографов-профессионалов, видных специалистов в своих областях. Некоторые из диссертаций учеников Елены Ивановны впоследствии были переработаны в монографии.

Общеизвестна публицистическая сентенция о том, что учитель продолжается в своих учениках. Я была свидетелем тому, как Елена Ивановна не просто передавала набор фактов и знаний о палеографии тем, кто у нее по-настоящему учился, а незаметно и, как казалось, без особых усилий, прививала вкус и интерес к предмету. Несколько поколений специалистов, вышедших из стен Историко-архивного института, могут быть ей за это благодарны.

«Предисловие пасхалии» новгородского архиепископа Геннадия и компиляции на его основе

Для истории создания пасхалий и руководств к их использованию в России период конца XV в. является одним из важнейших. Созданные в предшествующие века таблицы и расчеты были систематизированы, на их основе были продолжены выкладки для лет, следующих после наступления 7000 г. от сотворения мира. Созданные в конце XV в. таблицы, трактаты и руководства по расчетам легли в основу дальнейших теоретических и практических построений в области расчетов церковного календаря и трактовки его основ.

Непосредственное отношение к работе по составлению новых расчетов, а также к объяснению уже существующих таблиц и расчетов имеет новгородский архиепископ Геннадий – инициатор перевода библейских книг и ряда трактатов, в том числе календарно-хронологического содержания. Инициированный Геннадием перевод раздела популярной книги Гийома Дюрана по вопросам календаря, сохранившийся в единственном списке, по существу не мог быть использован как практическое руководство по расчету церковного календаря. Та часть, которая касалась технической стороны расчетов, оказалась неудобочитаемой (текст издан параллельно с латинским оригиналом: «*Rationale Divinorum officiorum*» Wilgelmi Durandi в русском переводе конца XV в. / изд. подг. А.А. Романовой и В.А. Ромодановской. М.; СПб., 2012. 263 с.).

Новые расчеты Пасхи и зависимых праздников были осуществлены по аналогии со старыми, с учетом данных таблиц Великого индиктиона сразу несколькими иерархами: митрополитом Зосимой, архиепископом Геннадием и пермским владыкой Филофеем. Создание этих трех предисловий преследовало различные цели. Так, в «Изложении пасхалии» митрополита Зосимы расчеты имелись только на двадцать лет, зато в самом тексте была сформулирована идея о Москве как о третьем Риме. В тексте «Начала пасхалии», подписанном именем новгородского архиепископа Геннадия, также присутствуют несколько идей, не во всем связанных с календарем. Главная цель «Начала пасхалии» – доказательство ошибочности воззрений о том, что в 7000 г. возможно ожидать конца мира, сочинение также содержит подробное изложение устройства пасхального цикла (Романова А.А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв. СПб., 2002. С. 118–121).

Геннадиевское «Начало пасхалии» неоднократно переписывалось, при этом в большинстве списков текст произведения стаби-

лен. «Начало пасхалии» Геннадия встречается в богослужебных рукописях, прежде всего в Уставах: отдельно, вместе с расчетами на 70 первых лет восьмой тысячи лет от сотворения мира, с фрагментами этих расчетов, в сопровождении послания клиру новгородских церквей (таких списков около тридцати), и, наконец, в составе «Миротворного круга» священника Агафона – в последнем сочинение Геннадия помещено вплотную к «Изложению пасхалии» митрополита Зосимы, таким образом, оба эти произведения соединены в одно (по подсчетам Л.А. Новицкас, в настоящее время известно 48 списков «Миротворного круга» – *Новицкас Л.А. «Великий миротворный круг»* как литературно-энциклопедический памятник: по спискам XVI–XIX вв. Дис. ... к. ф. н. М., 2013).

Существенные смысловые изменения текста «Начала пасхалии» в рукописной традиции встречаются редко. Ярким примером редакторского вмешательства является известный сборник Ионы Соловецкого рубежа XVI и XVII вв. (РНБ. Q.XVII.67, л. 149 об.–150 об.), в нем произведено систематическое сокращение текста памятника, как и многих других произведений, вошедших в состав сборника. Входящее в состав «Начала пасхалии» толкование Символа веры в ряде сборников переписывалось отдельно, также в поздней рукописной традиции XVIII–XIX вв. известны выписки из основного текста «Начала пасхалии».

Переписка отдельных частей «Начала пасхалии» свидетельствует об использовании памятника. На достаточно раннем этапе фрагменты сочинения утрачивают имя автора. В рукописи РНБ. Q.I.184 (Стихирарь с дополнениями, вторая треть XVI в., л. 407 об.–411) фрагмент «Начала пасхалии» открывает подборку календарно-хронологических статей и озаглавлен соответственно: «Придисловие пасхальи аще хощещи учинити научитися пасхалии на осмую тысящу...». Сокращение текста выполнено не механически: из «Придисловия» исключена часть текста с толкованием Символа веры. После фразы «те еллинския кощуны в баснословие положиша» следует: «кождо по мящемуся ему изглаголаша и егда просиа благоверие хрестьянства, и святии отци те еллинския кощуны в баснословие положиша, и изложиша святии отци алфу по нашему хрестиянску закону круг солнцу и луне, рукам обшество, имиж високо обретається. Да сие учиниша коловратно, не имеюще скончания, дондеже и второе пришествие Христово будет, понеж алфа не всякому ведомо и крузи солнцу и луне, что от них исходит пасхалья». Далее следуют расчеты на 6999–7000 гг.: «А сии два лета пасхальи минувших...», подборка статей о високосте, о расчете неподвижных праздников, и традиционные таблицы Великого индиктиона нескольких типов, зрячей пасхалии и лунного течения. Таким

образом, в рукописи РНБ представлена анонимная редакция «Начала пасхалии», составителя которой интересовало прежде всего описание таблицы Великого Индиктиона, предваряющее календарные таблицы и тексты. Традиция составления предисловий к таблицам, святым и отдельным сборникам получит распространение в древнерусской книжности и в дальнейшем. Вероятно, случаи использования «Начала пасхалии» архиепископа Геннадия еще будут выявлены в обширных календарно-хронологических компиляциях XVII–XVIII вв.

*Е.В. Русина, к.и.н., с.н.с. (звание), в.н.с.
Институт истории Украины НАН Украины (Киев)*

К атрибуции Вольнской краткой летописи

Мы уже обращались к такому самобытному памятнику православной книжности как Вольнская краткая летопись; были рассмотрены вопросы ее структуры и датировки (см. материалы двух предыдущих конференций). Развивая данное направление исследований, хотим остановиться на возможности атрибуции этого летописного произведения, получившего известность благодаря его финальной части – написанному современником «Сказанию о победе Константина Острожского под Оршей». Нужно отметить, что образы последнего не проливают свет на обстоятельства его возникновения и окружавшую автора среду. Так, Ю. Тиховский видел в создателе «Сказания» духовное лицо (*Тиховский Ю.* Так называемая «Краткая Киевская летопись» // Киевская старина. 1893. № 9. С. 371), а М. Грушевский, напротив, светское; при этом ученый ссылаясь на особенности его языка и на то, что авторская позиция «полностью политическая, а не церковная» (*Грушевський М.* Історія української літератури. Т. 5. Кн. 1. Київ, 1995. С. 208). Что же касается самой летописи, содержащей «Сказание», то, проанализировав находящиеся в ней известия, М. Грушевский связал ее появление с книжником, совмещавшим интерес «к событиям вольнским, смоленским и митрополичьего клироса», – либо же «некий клирошанин, связанный больше со Смоленском, использовал записки, восходящие ко двору князей Острожских» (Там же. С. 198).

Таким «звеном», связавшим Смоленск, Вольнь и западнорусского митрополита, нам представляется не один, а группа исторических персонажей, о которых мы, к сожалению, располагаем весьма скудными данными. В первую очередь, это запись 1525–1526 гг. в помяннике Киево-Печерского монастыря, куда был внесен «род пана Данилия Василевича, писаря князя Костянтина Ивановича Острожского» (*Голубев С.Т.* Древний помянник Киево-Печерской Лав-

ры (конца XV и начала XVI ст.) // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. 1892. Кн. 6. Приложение. С. 78). Первыми в этом роду упомянуты преосвященный епископ Варсонофий и «Володимир, в святом крещении Василий», в котором угадывается отец Данилы Васильевича. Что же касается владыки Варсонофия, то современником Константина Острожского был лишь один епископ с таким именем – смоленский, занимавший кафедру в 1509–1514 гг. Его предшественником в Смоленской епархии был Иосиф Солтан, ставший в 1509 г. западнорусским митрополитом; этот архиерей известен своими новациями в церковной и культурной сферах и тем, что был соктитором Супрасльского монастыря, где в XVI–XIX вв. хранилась Волынская краткая летопись.

Епископу Варсонофию довелось стать свидетелем капитуляции Смоленска, которым 1 августа 1514 г. овладели московские войска. Василий III дал его жителям «волю», т. е. возможность самим определить свою судьбу, связав ее с Москвой или Литвой; затем, приняв их присягу, он отправился в Дорогобуж.

Однако лояльность новых подданных оказалась эфемерной: месяц спустя «владыка [со] смольняны изменил». По свидетельствам летописцев, после разгрома московского войска под Оршей (8 сентября 1514 г.), Варсонофий отправил к Сигизмунду «племянника своего Васка Ходыкина с писанием», призывая к походу на Смоленск. Речь шла о заговоре городской верхушки, к которой принадлежали бояре Ходыкины (*Кром М.М. Меж Русью и Литвой*. М., 1995. С. 193–194, 208–209). Замысел был раскрыт, и когда Острожский подошел к городу, «надеяся на владыку и на князеи смоленских и панов по их совету», то увидел заговорщиков повешенными на крепостных стенах. Варсонофию посчастливилось уцелеть: он был сослан в Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере.

Неизвестно, как сложилась судьба Василия Ходыкина, но вполне очевидно, что его сын Данила в конечном итоге попал на службу к Константину Острожскому. Писарский статус «пана Данилия Васильевича» говорит нам о том, что востребованными оказались не воинские качества смоленского боярина, а некий культурный потенциал, восходящий, несомненно, к его «кровным» связям с высшим духовенством. Что касается его отца, то он, по всей видимости, непосредственно контактировал с Константином Острожским, осуществлявшим оперативное руководство антимосковской кампанией. Князь, в свою очередь, известен нам не только своими военными заслугами, но и огромным личным влиянием на судьбы православной митрополии. Он «был во дни митрополита Иосифа Солтана самым могущественным покровителем и благотворителем западно-

русской церкви» (*Макарий*. История русской церкви. Кн. 5. М., 1996. С. 126), а после смерти Иосифа (1521 г.) – ее светским опекуном.

Нам не хотелось бы беллетризировать научную гипотезу, но, кажется, нет ничего невозможного в том, что Василий Ходыкин, являясь доверенным лицом владыки Варсонофия, был, по лексике тех времен, «книголюбом». После провала антимосковского заговора, уцелев (если, скажем, доставив «писание» дяди, он остался в стане литовцев), Василий вполне мог оказаться на службе у митрополита Иосифа – бывшего смоленского епископа, хорошо знавшего Варсонофия и других членов боярского клана Ходыкиных. Кто-то из них или же из ближайшего окружения Варсонофия мог вывезти из Смоленска летопись Авраамки (в Толстовском списке начала XVI в., который воссоздает Волынская краткая летопись). Ее копированием для нужд митрополии и мог заняться Василий; затем в общерусский контекст им был включен летописный памятник, полученный Иосифом Солтаном от Острожского – погодные заметки, сделанные в окружении владими́ро-во́лынского епископа Вассиана (1486–1497 гг.).

Василием они были дополнены и отредактированы; его же перу принадлежит финальная краткая запись о взятии Смоленска Василием III, который «владыку смоленского Варсонофия звел на Москву». В этом известии епископ Варсонофий полностью очищен от каких-либо негативных коннотаций, связанных с его присягой и дальнейшей изменой московскому властителю.

Таким образом, в свете изложенной нами гипотезы Волынская краткая летопись выступает как синтез смоленского и во́лынского летописаний. Опыт ее атрибуции свидетельствует о плодотворности изучения литературных памятников начала XVI в. в тогдашнем, довольно непростом, политическом контексте.

*А.И. Свиридонова, аспирантка
РГГУ*

Материалы фонда РГАДА 1475 «Канцелярия архиепископа Московского и Всея Руси» как источники по изучению печатей приходского духовенства Древлеправославной (Старообрядческой) Церкви Христовой начала XX века

Основой источниковой базы для изучения печатей приходского духовенства старообрядческой церкви начала XX в. являются материалы фонда № 1475 Российского государственного архива древних актов – «Канцелярия архиепископа Московского и Всея Руси». В фонде хранятся документы с 1887 по 1917 г. В предисловии к описи указывается, что дела данного фонда хранились на Рогожском клад-

бище, в Канцелярии архиепископа Московского и всея Руси до 1924 г., затем были переданы в историко-культурную секцию Единого Государственного Архивного Фонда, в 1930 г. вошли в состав ЦГАДА. К 1982 г. фонд насчитывал 659 единиц хранения.

Сохранившиеся в фонде РГАДА № 1475 материалы позволяют изучить печати старообрядческого духовенства. Печати – то, что может помочь определить подлинность, время и место создания документа, атрибутировать исторический источник. Особый интерес представляют церковные печати: в рамках церковной иерархии старообрядческой Церкви каждый, имеющий должность, от церковного старосты до высших архиереев, имел собственную печать с указанием этой должности.

Отдельные попытки изучения архиерейской сфрагистики были предприняты в рамках изучения преемственности епископов в Древлеправославной Старообрядческой Церкви (*Боченков В.В.* Старообрядчество советской эпохи. Епископы Русской Православной старообрядческой Церкви (1918–1991 гг.): библиографический словарь. М., 2019). Отгиски приходских печатей часто приводились в качестве иллюстраций краеведческих исследований по истории отдельных приходов (*Куприянова И.В.* Из истории храмостроительства Барнаульской белокрыницкой общины // *Избранные страницы: Клубу любителей алтайской старины – 25 лет.* Барнаул, 2015. С. 233–249.; *Мальцева Т.Г., Старухин Н.А., Дементьева Л.С.* 105 лет со времени регистрации старообрядческой общины церковного прихода во Имя Честного и Животворящего Креста Господня в Барнауле // *Барнаульский хронограф, 2013 г.: календарь знаменат. и памя. дат.* Барнаул, 2012. С. 24–27.; *Во время оно...: история старообрядчества в свидетельствах и документах: приложение к журналу Церкви.* М., 2005–2009). Печати же белого приходского духовенства изучены крайне скудно.

Столь частое использование печатей приходского духовенства старообрядческой Церкви начала XX в. связано не с резким ростом понимания важности своей роли в обществе, а с юридическими изменениями в правах и обязанностях старообрядческого клира и общин.

Император Николай II подписал 17 апреля 1905 г. «Указ о началах веротерпимости», повлекший за собой ряд изменений в жизни старообрядческой Церкви. Согласно пункту 9 вышеозначенного указа, все священнослужители, теперь именуемые «настоятелями и наставниками», должны были быть учтены государством и, соответственно, иметь документы, подтверждающие право заниматься духовным окормлением (ПСЗРИ: Собр. 3-е. Т. XXV: 1905. Спб., 1908. С. 237–238.). А 17 октября 1906 г. в силу вступил еще не

одобренный Государственной Думой законопроект «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов» (Именной высочайший Указ. О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов: Правительствующему Сенату. М., 1906). Все это способствовало массовому появлению личных и приходских печатей.

Печати белого духовенства, в отличие от приходских, не отличались сложностью, были менее искусными. На оттисках приходских печатей мы обязательно видим образный символ храма конкретного прихода, а иногда даже более изысканные изображения (например, благословляющий жест внутри схематического изображения храма). На приходских печатях также изображались кресты с контрактурами, аббревиатуры общины (например, Санкт-Петербургской общины). На некоторых оттисках указано, что изображение является печатью храма (например на печати Сретенского храма дер. Песьяное Пермской губ.).

Печати приходского духовенства отличаются строгостью и информативностью. Они, в отличие от печатей приходов, не обязательно круглой формы: квадратные, овальные, прямоугольные со скошенными углами, без рамок при оттиске. На оттисках содержится информация о владельце: имя и фамилия, а иногда, и отчество, а также звания (реже – степени) священства: священник, иерей, протоиерей, диакон, протодиакон. Еще реже указывалось место постоянного служения – наименование деревни или прихода.

Печатами скреплялись прошения или извещения к архиепископу от всего прихода или активной его части, а также отдельных священников. Личные священнические печати обнаруживаются также на сведениях для регистрации, посылаемых как в светскую администрацию, так и своим епископам. В личной переписке, например, между двумя священнослужителями, вместо подписи могли поставить печать (например, письма, и соответственно, печать старообрядческого священника церкви Рождества Пресвятыя Богородицы Иоанна Родина к неустановленному лицу, именуемому в письмах «иерей о. Феодор»).

Примечательна печать священноиерея Амурской области Николая Глинкова, обнаруженная в благодарственном письме к известному старообрядческому благодетелю Арсению Ивановичу Морозову. На оттиске можно видеть крест с орудиями страстей Христовых (трость и копие), отходящие по углам основания креста, Голго-

фа изображена в виде одноступенчатого подножия с исходящими из него ветвями оливы, снизу надпись «священник Никола Глинков», а крест обрамляется надписью «Господь мне помощник».

Изучение печатей приходских старообрядческих священников очень важно для генеалогических исследований священнических династий, атрибутирования окормления храмов, уточнения биографических данных отдельных священнослужителей, исследования истории их поставлений и перемещений.

*А.А. Севастьянова, д.и.н., проф. (звание), проф.
Рязанский ГУ им. С.А. Есенина*

«Ландкарты» первой половины XVIII в. в истории первых описаний России

В XVIII в., в петровскую эпоху, когда огосударствление породило самые разные направления деятельности, одно из них, география, вылилось в изучение природных и хозяйственных ресурсов страны, составление географических характеристик земель и границ государства (*Александровская О.А. Становление географической науки в России в XVIII в. М., 1989*). Оно стало течением научной мысли, которое можно считать *государствоведческим* и даже государственным. Цель доклада – проследить, как в первой половине XVIII в. начальный этап описаний российских земель с составлением первых географических «ландкарт» и атласов переходит в практику экспедиций, составления «лексиконов» и первых анкет, появления ранних текстовых исторических и «топографических» описаний отдельных российских земель.

Главным методом в изучении страны в первой половине XVIII в. было картографирование – составление карт, их исправление и сведение в общие планы и атласы. Каждый, кто называл себя ученым, должен был иметь навык составления карты. Публикация карт считалась приоритетной в издательском деле со времен Петра, а с появлением в 1739 г. Географического департамента Академии наук, – государственным делом.

В 1724 г. Петр I пытается учредить «собрание нужных сведений» для географического описания России. Как показывают исследования (*Новлянская М.Г. И.К. Кирилов и его Атлас Всероссийской империи / Под ред. А.И. Андреева, С.В. Шухардина. М.; Л., 1958; Она же. Иван Кириллович Кирилов, географ XVIII века / Отв. ред. А.В. Предтеченский. Л., 1964; Атлас Всероссийской империи: Собрание карт И.К. Кирилова / Вступ. ст. О.А. Красниковой. Репринтное издание 1722–1737 гг. СПб., 2008*), оно так или иначе состоялось и было выполнено И.К. Кирилловым в его «Ат-

ласе некоторых провинций Российской империи, составленном Кириловым в 1722–1731...» и названном «Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий» (Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977).

Кроме съемки, проводимой геодезистами, для составления грамотной карты требовалось описание земель, указание источников составления карты, написание легенды карты («обстоятельств, при которых сей план сочинен»). Работы в области картографии способствовали и появлению исторических трудов (см.: *Андреев А.И.* Труды В.Н. Татищева по географии России // *Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л., 1979. С. 420–422; *Постников А.В.* Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М., 1985; *Фель С.Е.* Картография России XVIII в. М., 1960).

В.Н. Татищев интересен в рассматриваемом вопросе своими проектами о ландкартах, землемерии, «планиметрии» – это, с перерывами, период петровских поручений ему с 1719 по 1724 г. Поручения по составлению географических карт Петр I давал то Татищеву, то Якову Брюсу, «командиру и благодетелю», как его называет Татищев. В 1720 г. во главе всех геодезистов, разосланных по губерниям для составления ландкарт, – мечты и проекта Татищева, – был поставлен И.К. Кириллов. К 1727 г. он собрал упомянутый труд «Цветущее состояние Российского государства...», где впервые использовал «вопросник» Татищева, то есть первый опыт анкетного описания, татищевское «Предложение о сочинении истории и географии России».

Сама тенденция картографирования не могла исчезнуть в послепетровское время. Если составление «ландкарт» помогло определить форму исторического описания, его, так сказать, жанр, то другой вид землеописательных работ – анкетные обследования – подсказали способ организации материала. Подчеркнем, вслед за А.И. Андреевым, что Татищев считал необходимым производство анкеты не от лица «партикулярного», а от Академии наук, т. е. от структуры государственной. Поэтому он отправил свой вопросник-«Предложение...» в Академию наук.

Лишь спустя десятилетия, в конце 70-х гг. XVIII в. в академических «Начертаниях общего и топографического описания Российской империи» получит продолжение татищевская идея государственного анкетного обследования (*Севастьянова А.А.* Русская провинциальная историография XVIII века. М., 1998. С. 35–59).

В 1761 г. Г.-Ф. Миллер опубликовал свою работу «Известие о ландкартах, касающихся до Российского государства», где дал перечень изданных карт, в том числе и за рубежом, с указанием их оши-

бок начиная с XV–XVI вв. Почему он обратился к этой теме? Годом раньше, в 1760-м г., появились две анкеты. Поводом была диссертация Миллера «Происхождение имени и народа российского». Одним из следствий исторических споров для двух главных участников – М.В. Ломоносова и Г.-Ф. Миллера – были поиски новых приемов и методов в профессиональной оснащённости занятий историей. Полагаю, именно к ним и можно отнести разработку (самостоятельную для каждого) вопросника со многими историческими пунктами, разосланного в 1760 г. М.В. Ломоносовым из Академии наук, а Г.-Ф. Миллером из Шляхетного корпуса.

Две анкеты 1760 г. обозначили новый этап исследований – превращение географических и исторических работ в непрерывно развивающиеся разыскания, постепенно охватившие всю территорию государства. Анкеты Ломоносова – Миллера видятся как рубеж, отделивший первоначальный, накопительный период в истории внутренних государствоведческих исследований.

*Д.В. Сень, д.и.н., проф.
Южный федеральный университет*

Кубанский султан Бахты-Гирей: историческое пространство индивидуальной биографии и его реконструкция

Заявленная тема имеет непосредственное отношение к изучению центральной проблемы в истории политической системы Крымского ханства – порядку наследования ханского престола. Указанный порядок не оставался неизменным на протяжении столетий; на него влияла не только Османская империя, но также *внутри-династичная/семейная* борьба Гиреев разных линий и поколений, их лавирование между местными крымскими элитами (а также между другими региональными элитами Крымского юрта) и Османами.

Обратимся к мнению А.М. Некрасова о том, что «последовательность правления ханов давно известна, однако иначе обстоит дело с другими членами гирейской фамилии» (*Некрасов А.М. Возникновение и эволюция Крымского государства в XV–XVI веках // Отечественная история. 1999. № 2. С. 50*). Должны продолжиться перспективные работы по систематизации и уточнению сведений об истории генеалогического «древа» Гиреев, включая персональные истории правящих крымских ханов и анализ их внешности (*Виноградов А.В. Крымские ханы в XVI веке // Отечественная история. 1999. № 2; Гайворонский О. Повелители двух материков. Киев; Бахчисарай, 2009–2010. 2 Т.; Зайцев И.В. Крымские ханы: портреты и сюжеты // Восточная коллекция. Весна 2003. С. 86–93; Он же. Записи генеалогий и правлений крымских ханов и крымские средне-*

вековые исторические хроники // Восток (Orient). 2008. № 4), по уточнению и сравнению имеющихся в науке данных о правящих ханах и (в связи с их правлениями) их калгами, нурадынами, орбеями. Подобный вопрос органично вписывается в такую крупную научно-следовательскую проблему, как история крымских элит и эволюция управленческих структур в Крымском ханстве, а также реконструкция индивидуальных биографий представителей династии Гиреев так называемого «второго плана» – в том числе крымских царевичей (прежде всего тех, кто, имея права на престол, так и не вкусил «халвы властительства»).

Вышесказанное напрямую относится к биографии кубанского султана (крымского царевича) Бахты-Гирея (Дели-султана), старшего сына крымского хана Девлет-Гирея II. Бахты-Гирей сыграл заметную роль в истории народов Северного Кавказа и Поволжья, создав оригинальную систему неформальной и, вместе с тем, фактической власти. Некоторые вопросы его биографии (1680-е гг. – 1729 г.) поставлены и частично изучены ранее, будучи вписаны в пространство других крупных вопросов его жизненного пути (*Грибовский В.В., Сень Д.В.* Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымском ханстве первой трети XVIII в. // Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М., 2013. С. 92–137; *Сень Д.В.* Биографические данные об элитах Крымского ханства: проблемы источниковедческого изучения (случай султана Бахты-Гирея) // Источниковедение и историография истории Крыма XV–XX вв.: проблемы и перспективы. Симферополь, 2016. С. 457–473). Получены новые многочисленные данные о биографии Бахты-Гирея, позволившие восполнить существенные лакуны научного знания о нескольких десятилетиях его жизни, начиная со времени появления на Кубани в конце XVII в. и до второй половины 1720-х гг.

Среди других вопросов биографии Бахты-Гирея окончательно решена проблема – каким по счету сыном Девлет-Гирея II он являлся (старшим), о его «настоящем», при хане Девлет-Гирее II, и последующем, так называемом «разовом» (при хане Саадет-Гирее IV) калгайстве (*Desaive Dilek. Le Khanat de Crimée dans les Archives ottomans. Correspondance entre khans de Crimée et padichahs ottomans dans les registres des nâme-i hümâyûn // Cahiers du monde russe et soviétique. 1972. Vol. 13. № 4 (Octobre-décembre). P. 566; Сень Д.В.* Взаимоотношения калмыков и кубанского султана Бахты-Гирея: тактика и стратегия пограничного сотрудничества (середина – вторая половина 1720-х гг. // *Magna adsurgit: historia studiorum.* Элиста, 2019. № 1. С. 136). Последовательно прослежена история его менявшихся, в силу ряда причин, «управленческих статусов»: от хан-

ского наместника на Кубани и «самовластного» султана в кубанском же регионе до нурадына и калги. Кроме того, нами обнаружены новые данные о притязаниях Бахты-Гирея на ханский престол в 1720-е гг. В ходе уточнения подобного биографического «среза» деятельности Бахты-Гирея также разрешился важный вопрос – являлся ли Дели-султан кубанским сераскером? (ответ отрицательный).

Другой крупный тематический блок – состав семьи Бахты-Гирея и отношение (управленческие и иные) других его родственников к пребыванию на Кубани. Заслуживает внимания мнение В.В. Грибовского о том, что «потомки Бахты-Гирея в Прикубанье создали местную династию, из представителей которой крымские ханы часто назначали кубанских сераскеров» (*Грибовский В.В. Ногайські орди Північного Причорномор'я у XVIII – на початку XIX століття: Дис. ... к.і.н. Запоріжжя, 2006. С. 93*). Сложно не заметить закономерность в том, что с ханского согласия сыновья Бахты-Гирея (Селим-Гирей, Саадет-Гирей, Гази-Гирей – и другие?) действительно занимали должность кубанского сераскера. Впрочем, посмотрим на проблему шире: часть семьи (сыновья) Девлет-Гирея II, помимо Бахты-Гирея, тоже имела на Кубани свои интересы и, возможно, аталыческие связи. В 1724 г. едисанцы и джембуйлуковцы «восприяли себе в команду командиром» родного брата Бахты-Гирея (Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 331 об.). Другой его брат (младший?) несколько раньше был убит на Кубани хатаи-кипчаками. Кубанским сераскером после смерти Дели-султана являлся еще один его брат – Арслан-Гирей, впоследствии ставший крымским ханом. Нам ничего неизвестно о происхождении матери и очень мало – о жене (женах?) Дели-султана, что необходимо соотносить с самостоятельной научной проблемой в изучении династии Гиреев.

У Бахты-Гирея было несколько детей – *сыновья* и, как минимум, одна *дочь*. Найдены новые данные еще об одном, помимо вышеназванных, сыне Дели-султана – Харган-Гирее. Сегодня нам доступны новые данные о «брачной политике» султана Бахты-Гирея. Из показаний казака Я. Коржихина за 1737 г. известно о зяте султана Бахты-Гирея – Енгис-Гирее, сыне султана Мамат-Гирея, пребывавшем на Кубани. Тестем (единственным ли?) Бахты-Гирея являлся Азамат-мурза – скорее всего, один из лидеров какой-то ногайской группы на Кубани, улус/территория влияния которого примыкали к Копылу. Тогда объяснимо, почему Копыл интересовал Бахты-Гирея на протяжении многих лет его пребывания на Кубани (*Сень Д.В. Взаимоотношения калмыков и кубанского султана Бахты-Гирея: тактика и стратегия пограничного сотрудничества (середина – вторая половина 1720-х гг. // Magna adurgit: historia studiorum... С. 125–161. Там*

же см. данные об Азамате-мурзе). Согласно другим данным за 1725 г., тестем Бахты-Гирея являлся влиятельный в Кабарде А. Кайтукин, отдавший в жены Бахты-Гирею свою дочь, который, в свою очередь, отдал А. Кайтукину «сына своего», вероятно, в качестве воспитанника. В результате дальнейшего изучения вопроса могут появиться другие аргументы в пользу версии о *многоженстве* Бахты-Гирея. Если дело обстояло таким образом (возможна иная трактовка сюжета – в середине 1720-х гг. Бахты-Гирей мог быть вдовцом), то подобный факт можно будет рассмотреть во взаимосвязи с дальновидными действиями Бахты-Гирея по созданию на Северном Кавказе выгодных ему долговременных военно-политических комбинаций и альянсов.

Изучение биографии султана Бахты-Гирея расширяет наши представления об истории династии Гиреев, об отношениях между правящими ханами и их многочисленными родственниками. Перспективно исследовать истоки жизненного и военно-политического опыта царевичей (султанов), неформальные связи султанов-Гиреев с этническими общностями в ханстве и за его пределами.

*А.В. Сергеев, к.и.н., зав. кафедрой
Институт промышленной безопасности, охраны труда и социального партнерства (Санкт-Петербург)*

Княжеская аристократия Московского государства во второй трети XVI века: князья Оболенские

В историко-генеалогическом отношении ветвь князей Оболенских, в сравнении с другими Рюриковичами, изучена неплохо. Состав фамилий, биографическая информация об отдельных лицах, другие важные сведения содержатся в работах Г.А. Власьева, В.Б. Кобрин, О.И. Хоруженко (*Власьев Г.А. Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий. СПб., 1906. Т. 1. Ч. 2. С. 251–506; Кобрин В.Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995. С. 95–137; Хоруженко О.И. Историческая география Оболенского уезда XVII–XVIII веков. М., 2019. С. 172–338*). Накопленный материал дает возможность сделать некоторые обобщения, оценить эволюцию общественного статуса, характер землевладения, места в структуре Государева двора, которые занимали Оболенские, значение «Тысячной реформы» 1550 г. для князей этой ветви, состав территориального княжеского объединения (ТКО) Оболенских, представленного в «Княжеских списках» Тысячной книги (ТК) и Дворовой тетради (ДТ) (Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 55, 57, 61, 118–119). Указанные вопросы рассматриваются ниже.

В роду Рюрика ветвь Оболенских, возводивших родословную к святому благоверному князю Михаилу Черниговскому, по числу составлявших ее фамилий (23) занимала второе место после Ярославских Рюриковичей (*Сергеев А.В.* Княжеские фамилии Московского государства XVI–XVII вв.: количество, время существования, социальный статус // *Клио.* 2018. № 2. С. 45). На московскую службу они стали переходить раньше многих других князей – со второй половины XIV в.

Сопоставление с родословными показывает высокую вовлеченность Оболенских в службу, поскольку в Тысячной книге и Дворовой тетради нет только лиц, умерших или погибших до 1550–53 гг., либо непригодных по возрасту или болезни.

Во второй трети XVI в. князья большинства фамилий Оболенской ветви служили при Дворе московских государей. Некоторые из служивших прежде удельным князьям Старицким Пенинские, Лыковы, вероятно, после ареста князя А.И. Старицкого и ликвидации его удельного двора в 1537 г. перешли в Москву (*Шумков А.В.* Мятезный князь Андрей Иванович Старицкий. Старица, 2010. С. 51–53).

Положение в структуре Государева двора представителей разных фамилий было неодинаковым. Одни достигли высших чинов бояр, другие были стольниками, а большинство несло службу по «Княжеским спискам», но об их дворовых чинах данных нет. Процент Оболенских в Боярской думе 1550-х гг. был высоким. Если другие ветви Рюриковичей (Суздальская, Ростовская, Ярославская, Стародубская) имели от двух до пяти бояр и окольных, то в Оболенской ветви боярами были семь человек, представлявших шесть фамилий. Выше процент представительства был только у Гедиминовичей (8 чел.). Лидирующее положение в ветви Оболенских занимали князья Телепневы, Курлятевы, Серебряные, Горенские, Кашины, Репнины, представленные в Боярской думе (Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь... С. 111–113).

Сравнительно мало Оболенских (7 чел.) служили по городам (Калуге, Дорогобужу, Рузе, Старице, Дмитрову) и не входили в территориальное княжеское объединение. Представители линии князя Константина Семеновича находились на поместьях в Деревской пятине. Его чрезвычайная многодетность обусловила переход сыновей и внуков, которым было тесно в Оболенском уезде, на поместья в новгородские пятины, к дворам удельных князей, а также отъезд некоторых в Литву. Из информации писцовых книг следует, что шесть из 11 сыновей К.С. Оболенского были наделены поместьями в Деревской пятине в конце XV в., оставшимися за их потомками до конца XVI в. Из этой же линии происходили Тюфякины, но как особая фамилия они сформировались только в середине XVI в.

Из потомков К.С. Оболенского наибольших успехов во второй трети XVI в. добились Горенские – один из них получил боярство в середине 1550-х гг. Другие князья этой линии вследствие их удаленности от столицы и «закоснения» источниками упоминались нечасто. Для отличия от других Оболенских их иногда именовали Оболенские-Константиновы.

В «избранную тысячу» были включены представители 13 фамилий Оболенских. По возрасту «тысячников» можно условно подразделить на два поколения: 40-летние и 20-летние. Это были специально отобранные лица, имевшие опыт военной службы, либо представители молодого поколения, способные к ней. Попытка проведения «Тысячной реформы» в 1550-х гг. способствовала установлению более тесных отношений между князьями, занявшими видное положение при царском дворе, и их родственниками, служившими в отдаленной провинции, а также позволяла приблизить к московскому двору представителей некоторых «захудавших» линий. Так, трое внуков князя К.С. Оболенского были записаны в 1-ю и 2-ю статьи Тысячной книги. «Тысячная реформа» проводилась не только в интересах провинциального дворянства и усиления самодержавной власти царя (*Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в. М.; Л., 1958. С. 422*), но и в интересах московской аристократии, позиции которой также укреплялись. «Тысячники» отличались наибольшей служебной активностью. Об этом свидетельствует частота упоминаний их разрядных назначений в сравнении с другими лицами той или иной фамилии.

Территориальное княжеское объединение Оболенских составили представители фамилий, владевшие вотчинами на территории «родового гнезда» и несшие с них службу. О наличии вотчин в Оболенском уезде почти у всех, записанных в «Княжеском списке» Оболенских, имеются данные в источниках. Оболенский уезд представлял собой анклав вотчин князей Оболенских (*Хоруженко О.И. Указ. соч. С. 85–86*). Косвенное подтверждение этому – отсутствие записей «по Оболенску» лиц других родов или княжеских ветвей, как было в случаях Ростовского, Ярославского и других уездов. В Дворовую тетрадь были включены представители почти всех фамилий ветви Оболенских (более 60 человек), кроме «новгородских» и угасших к 1552 г. Нагих и Щетининых.

Сплоченность, концентрация земельных владений в одном районе, многочисленность, большой политический вес – отличительные черты ветви Оболенских во второй трети XVI в. от других Рюриковичей.

**К вопросу о происхождении рукописи XVI в.
Слов постнических Исаака Сирина (ГИМ, Увар. 611):
кодикологические наблюдения**

В процессе подготовки к продолжению издания Великих Миней Четых митрополита Макария (далее ВМЧ) в 1995 г. в Уваровском собрании ГИМ был «обретен» считавшийся утраченным мартовский том Софийского комплекта ВМЧ (Ув. 201) (*Серебрякова Е.И.* О новонайденном мартовском томе Софийского комплекта Великих Миней Четых митрополита Макария (предварительные наблюдения) // *Anzeiger für Slavische Philologie*. Bd. XXIII. Graz, 1995. S. 131–158; *Дианова Т.В.* Исследование бумаги и бумажных водяных знаков мартовского тома Софийского комплекта Великих Миней Четых митрополита Макария // *Abhandlungen zu den Grossen Lesemenäen des Metropolitens Makarij*. Kodikologische, miszellenologische und textologische Untersuchungen. Bd. 1. Freiburg i. Br., 2000. S. 1–20). Недавно при составлении каталога рукописной орнаментики XVI в. в том же Уваровском собрании нами была обнаружена еще одна рукопись с явными признаками «кодикологического родства» с Софийскими томами ВМЧ. Это «Слова постнические» Исаака Сирина (далее СпИС) Ув. 611; их краткое описание опубликовано арх. Леонидом (*Леонид, арх.* Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А.С. Уварова. Ч. 1. М., 1893. С. 176).

Рукопись форматом в «большой лист» заключена в переплет XVIII в. (доски, кожа с тиснением, переплетные листы с литерами ЯМСЯ (*Участкина*, № 34 – 1787 г.). Бумага СпИС (л. 1–123) имеет филигрانی «кувшин одноручный под короной с цветком», «кувшин двуручный под короной с цветком», «литера Р готическая», герб «Одровонж»; л. 124–125 занимает Стишной Пролог на 30 апреля, филигрань – «перчатка под пятилепестковым цветком с цифрой 4 на ладони». Все знаки обнаруживают высокую степень тождества с Софийским мартом Ув. 201 (*Дианова Т.В.* Исследование... S. 1–20), и в некоторых случаях совпадают с соответствующими знаками ноябрьского и августовского томов Софийских Миней из альбома Н.П. Лихачева (*Лихачев Н.П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. I. С. 155–157; Ч. III. № 1650, 1651, 1652, 1655, 1663).

Все тексты переписаны в два столбца по 55 строк, как в большинстве томов Софийских Миней. На л. 1 над киноварной вязью заглавия СпИС помещена неовизантийская заставка с включением графических «старопечатных» элементов, бесспорно принадлежа-

шая художнику, украшавшему тома Софийского комплекта (*Серебрякова Е.И.* Орнамент в Великих Минеях Четых митрополита Макария // *Abhandlungen...* 2006. S. 381–449). Почерк писца Стишного пролога на 30 апреля встречается в текстах обычного и Стишного Прологов Софийских томов, хранящихся в РНБ и РГАДА (*Ляховицкий Е.А., Шибаев М.А.* Писцы Макарьевский Миней Четых // *История и культура. Статьи. Исследования. Сообщения.* Вып. 13. СПб., 2015. С. 301–323). Почерк СпИС как вставной «большой» книги святого автора отличается большей каллиграфичностью, изысканной высокопрофессиональной киноварной вязью заглавий. Кроме показаний бумаги, почерков, орнамента заставки и помещения Стишного Пролога в соответствии с выработанной в ВМЧ структурой формирования чтений календарного дня после СпИС, крупного вставного сочинения (*Шибаев М.А.* Как был «сделан» Софийский комплект Великих Миней Четых // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* № 3 (61). М., 2015. С. 146), важны пометы на начальном пустом листе бумаги XVI в. На лицевой стороне есть поздняя чернильная надпись «Минея», а на обороте внизу читается запись полууставом XVI в.: «Апри(л) Иса(к) Сири(н)».

Не является ли кодекс Ув. 611 неким фрагментом утраченного апрельского тома Софийского комплекта ВМЧ, и какова связь преп. Исаака Сирина, автора, чьи творения издавна входили в круг «святых четых книг, которые в Русской земле обретаются», с апрелем?

В Успенском комплекте ВМЧ в апреле памяти Исаака Сирина нет, но СпИС вставлены в конце майского тома (Син. 994, л. 791–959) после памяти преп. Исаакия Далматского 30 мая, причем в оглавлении тома другим почерком добавлено: «В той же менеи книга Иса(к) Сирьянин». Арх. Сергей (Спаский) дату памяти Исаака Сирина, епископа Ниневи, 28 января, приводит по рукописному Уставу 1548 г. (Син. 336) (*Сергий, арх.* Полный Месяцеслов Востока. Т. II. Часть первая. М., 1997 (переизд.). С. 27). В этой рукописи после памяти преп. Ефрема Сирина, издавна чтимого 28 января, читаем: «В той же день преподобнаго отца нашего Исаакия Сирьянина, епископа бывшего великия Ниневи града», с кондаком. При анализе месяцесловной части Син. 336 А.В. Горский и К.И. Невоструев особо отметили: «...к имени Ефрема Сирина достойно присовокуплено и имя Исаака Сирина...» (*Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел третий. Книги богослужебные. М., 1869. С. 316). В январских томах Успенского и Царского комплектов ВМЧ 28 января помещено только Житие преп. Ефрема Сирина и его «Паренесис», но никаких следов памяти Исаака Сирина нет, январский же том Софийского

комплекта утрачен.

Как известно, в предисловии СпИС отсутствует дата успения преподобного. Но в календарях западной Церкви известна 11 апреля память преп. Исаака Сирина Сполетского (VI в.), с повествованием о нем из 3-й книги «Диалогов» св. Григория папы Римского (Православная энциклопедия. Т. 27. С. 8–9). В Четвх Минеях св. Димитрия Ростовского есть 12 апреля Исаак Сирина «иже в Сполете Италийском» с рассказом о нем из «Римского Патерика», с добавлением в конце: «Дозде святыи Григорий Двоеслов о святом Исааке Сирина. Обретается же сего преподобнаго книга Постнических словес, преисполненных полезнаго инокам поучения...» (Жития святых св. Димитрия Ростовского. М., 1880. Месяц апрель, 12 день. Л. 42–43 об.), т. е. писатель идентифицировал инока Исаака из Римского Патерика с автором СпИС, следуя западной традиции. Судя по помете «Апри(л) Иса(к) Сири(н)» в Ув. 611, помещение СпИС в апрельский том Софийского комплекта могло быть также связано с знанием книжниками новгородского архиепископа Макария апрельской памяти Исаака Сирина из какого-либо западного календарного издания. К сожалению, о судьбе не дошедшего до нас апрельского тома Софийских Миней более ничего не известно, но в настоящее время рукопись Ув. 611 – единственный гипотетический его фрагмент.

*Р.А. Симонов, д.и.н., проф., г.н.с.
РГГУ, НЦ ИИМК РАН*

Хронологико-математический «бум» на Руси XI–XII вв.

Общей особенностью древнерусских математических источников является хронологическое содержание, а также базовые арифметико-геометрические представления. В этой связи заслуживают внимания слова Е.И. Каменцевой: «В связи с работами по летописанию в Древней Руси появился интерес к вопросам хронологии... Появились и первые работы, специально посвященные вопросам хронологии: например, «хронологические статьи» Кирика (XII в.)» (Каменцева Е.И. Хронология. 2-е изд. М., 2003. С. 5–6). Этот подход определяет необходимость исследования проблемы становления и развития древнерусской математической культуры.

В ходе археологических раскопок в Новгороде в культурном слое первой трети XI в. был обнаружен древнейший деревянно-восковой русский кодекс. Книга получила название Новгородской псалтыри и датируется началом XI в. Состоит она из трех соединенных вместе дощечек (цер) для писания по воску – двух

«обложек» и внутреннего двустороннего воскового «листа». Восковой текст представляет запись 75 и 76 псалмов Асафа и 67 псалма Давида. Кроме того, согласно выводам акад. А.А. Зализняка, на деревянной основе под воском и на бортиках цер имеются невидимые без специального оборудования записи, процарапанные острым предметом. Среди них – тексты арифметического и хронологико-математического характера: так называемые «цифровые алфавиты» и сообщение о поставлении некоего Исаакия (писца Новгородской псалтыри?) попом в Суздале в СФЗ=6507, т. е. 999 г., причем эта дата выписана (процарапана) во многих местах на дереве цер (Янин В.Л., Зализняк А.А., Поветкин В.И., Рыбина Е.А., Гимон Т.В. Новгородская псалтырь (нач. XI в.) // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия. М., 2014. С. 555–556; Зализняк А.А., Янин В.Л. Новгородская псалтырь начала XI в. – древнейшая книга Руси // Вестник РГНФ. М., 2001. № 1. С. 128–159).

Древнерусская «буквенная» цифровая система восходит к греко-византийской традиции и, возможно, на Руси получила распространение до глаголицы и кириллицы (Жуковская Л.П. К истории буквенной цифири и алфавитов у славян // Источниковедение и история русского языка. М., 1964. С. 37–43). А.А. Зализняк указывает, что на деревянной подложке Новгородской псалтыри, «Помимо азбуки, писец Новгородского кодекса выполнил также числовой ряд. Как и азбука, числовой ряд выписан большое число раз – на страницах, на полях и на обеих обложках. Самый длинный из обнаруженных до настоящего момента в кодексе числовых рядов доходит до 10000» (Зализняк А.А. Древнейшая кириллическая азбука // Вопросы языкознания. М., 2003. № 2. С. 31). С учетом этого можно заключить, что арифметике на Руси уделялось отдельное внимание в процессе обучения грамоте (как особому виду знания).

Упомянутая автобиографическая запись Исаакия в переводе на современный русский такова: «В году 6507-м [6507–5508=999 <г.>] я, монах Исаакий, поставлен попом в Суздале, в церкви святого Александра армянина» (Зализняк А.А. Проблемы изучения Новгородского кодекса XI века, найденного в 2000 году // Вестник РГНФ. М., 2004. № 3 (36). С. 176). По данным А.А. Зализняка, упоминание «святого Александра армянина» может свидетельствовать о «некоей особой ветви христианства, далекой от канонической». Из написанного на церах молитвенного текста вытекает, что «эта единственная обнаруженная в кодексе молитва – абсолютно неканоническая и очевидным образом еретическая с точки зрения господствующей Церкви. В ней Александру в сущности приписываются prerogative Бога» (Там же. С. 172).

А.А. Зализняк отметил, что «Александр назван археопагитом фракийским», а большое число армян жило во Фракии, куда их переселили византийские императоры в VIII–IX вв.; «их центром был Филиппополь (Пловдив). В религиозном отношении это были в большинстве своем последователи павликианства». Вывод А.А. Зализняка таков: «Установив еретический характер Новгородского кодекса, мы сразу получаем объяснение того странного на первый взгляд обстоятельства, что ни один из неканонических текстов этого кодекса не обнаруживается больше нигде. Мы не должны более этому удивляться, поскольку, как известно, богомильские, павликианские и прочие еретические сочинения активно преследовались официальной Церковью и систематически уничтожались» (Там же. С. 174–175).

Среди процарапанных текстов кодекса, по мнению А.А. Зализняка, чрезвычайное значение имеет указание Суздаля как места «рождения» первой русской книги: «... оно ... исключает версию, по которой кодекс был списан в Болгарии находившимся там восточнославянским книжником и просто привезен на Русь» (Там же. С. 178). А.А. Зализняк считал, что мнение об авторстве Исаакия более вероятно (Там же. С. 177; *Симонов Р.А.* Откуда есть пошла арифметика на Руси: о предшественнике Кирика Новгородца – иеромонахе Исаакии // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. № 1. С. 52–60). Вопрос, почему Исаакий вместе со своим кодексом в первой трети XI в. оказался в Новгороде, может быть поставлен в связь с летописным свидетельством о расправе в 1024 г. в Суздале с волхвами (*Зализняк А.А.* 2004. С. 178).

Во всяком случае, история деревянно-восковой псалтыри имеет два периода – суздальский и новгородский, т. е. первая русская книга может называться и Суздальским кодексом (по месту создания), и Новгородской псалтырью (по месту находки). Возможно, ее использование в разные периоды было различным. В суздальский период она могла применяться в качестве своего рода записной книжки, в которой надписи (в основе своей еретические) выцарапывались на дереве страниц и бортиков, а писание по воску имело иное назначение чем то, каким оно стало в новгородский период. В новгородский период кодекс использовался в обучении канонической церковной книжности. В суздальский период он мог использоваться как-то иначе, например, в качестве аксессуара счета.

Есть веские основания считать, что восковая поверхность Новгородской церы начала XI в. в суздальский период ее бытования могла использоваться для записи исходных чисел с целью последующего обсчета на абаке типа «счета костыми» (*Симонов Р.А.* Математическая мысль Древней Руси. 2-е изд. М., 2018. С. 65,

Рис. 16; *Он же*. Археологическое подтверждение использования на Руси в XI в. архаического абак («счета костыми») // Истоки русской культуры (археология и лингвистика): Материалы по археологии России. М., 1997. Вып. 3. С. 178–196).

Поскольку вычислительное устройство античного типа (на Руси «счет костыми») имело разнообразное применение, то на Руси в целом, а не только в Суздале его использование могло быть многофункциональным. Например, абак служил эффективным средством в случае пересчета крупных массивов многозначных чисел. О таком типе расчетов, оперирующих числами величиной до десятков миллионов, свидетельствует хорошо изученное к настоящему времени календарно-математическое «Учение о числах» (1136 г.) Кирика Новгородца (*Симонов П.А.* Кирик Новгородец – ученый XII века. М., 1980; *Мильков В.В., Симонов П.А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М., 2011; *Симонов П.А.* Кирик Новгородец – русский ученый XII века в отечественной книжной культуре. М., 2013; *Симонов П.А., Симонова Е.Р.* Кирик Новгородец: жизнь в творчестве. Великий Новгород, 2017). Выдающиеся расчеты Кирика появились не спонтанно, а были обусловлены рядом обстоятельств, в том числе распространением таинственных календарно-математических «семитысячников». В них приводились результаты подсчетов в семи тысячах лет календарных единиц: по годам, месяцам, дням, неделям и часам (иногда с рядом хронологических дополнений). Их таинственность обуславливалась тем обстоятельством, что, несмотря на многочисленные погрешности в числах, они пользовались популярностью на Руси, насчитывая необъяснимо большое число списков, т. е. свидетельствуя о существовании определенного хронологического-математического «бума».

Практическое объяснение этому феномену было дано А.А. Туриловым, который путем палеографических и расчетных сопоставлений установил, что в «семитысячниках» ошибки в числах приобретают систематический характер из-за того, что они первоначально были рассчитаны в глаголической цифровой системе, а затем «переведены» (без необходимых поправок) в греко-византийскую цифровую систему, которая использовалась на Руси в кириллице. По мнению А.А. Турилова, «семитысячники», написанные глаголицей, возникли в Великой Моравии или Болгарии в IX–XI вв. Уже в XI в. они из Болгарии попали на Русь, где получили достаточное распространение (*Турилов А.А.* О датировке и месте создания календарно-математических текстов – «семитысячников» // Естественнаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 27–38). Сейчас известно примерно полтора их десятка, списки не

древнее XV в., все кириллические, язык русский, за исключением одного сербского (XVI в., возможен русский посредник). Феномен «семитысячников» может свидетельствовать о том, что распространение календарно-математических знаний на Руси XI в. обуславливалось также процессами, происходящими в общеславянском Кирилло-Мефодиевском культурном континууме (Симонов Р.А. О Кирилло-Мефодиевской (глаголической) основе расчетной пасхалистики на Руси // Современные проблемы книжной культуры: Основные тенденции и перспективы развития. Минск; Москва, 2019. С. 159–167).

*Е.С. Симонова, библиотекарь I категории, аспирантка
ОР РНБ, СПбГУ*

К исследованию традиции закрепления имен за книгами в Кирилло-Белозерском монастыре

В отечественной исторической науке давно сложились традиции изучения описей строений и имущества монастырей. Хотя изучение описей продолжается уже более двухсот лет, их потенциал все еще не раскрыт в полной мере. Особое значение имеет привлечение этого источника для исследования культуры, в частности истории иконописного дела и книжных собраний.

Книжное собрание Кирилло-Белозерского монастыря описывалось не единожды. Особенно интенсивно – в XVII в. Самым ранним принято считать описание конца XV в., которое впервые исследовал и опубликовал Н.К. Никольский. Данная опись представляет собой составленный келарем перечень рукописей не для монастырского учета, а для практических задач книгохранения. Анализируя систему описания и состав библиотеки, Н.К. Никольский пришел к выводу, что старцы-книгохранители четко понимали ценность тех или иных рукописей. Последующие описи строений и имущества обители преследовали несколько иные цели, но принцип описания библиотеки в них сохранился. Это связано с тем, что книгохранители принимали непосредственное участие в составлении описей.

При описании книг основными были следующие характеристики: содержание, формат, указание на писчий материал (бумага или «харатья»), является ли она письменной или печатной, а также особенности переплета. В ряде случаев описывалось наличие декоративных элементов.

Особый интерес для нас представляет указание в описи имени лица, так или иначе связанного с рукописью («Селиверстовская», «Варламовская», «Яковлевской» и т. п.). В историографической традиции его принято связывать с наличием в книге вкладной запи-

си. М.В. Кукушкина полагала, что упоминание имени владельца было необходимо для идентификации рукописи и, наряду с описанием формата, представлялось «одним из существенных элементов, определявших с внешней стороны книгу» (*Кукушкина М.В.* Описи книг XVI–XVII вв. библиотеки Антониево-Сийского монастыря // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1966. С.125). Это положение вызывает сомнение. Однако она справедливо подметила, что нередко «имя дарителя становится нарицательным для книги, которую он вложил на помин души» (Там же). Вопрос о том, как происходило «закрепление» за книгой имени владельца, М.В. Кукушкина оставила открытым.

Есть все основания полагать, что функция закрепления имени за рукописью к персоналии могла иметь более глубокий смысл, чем просто опознавательная маркировка. Непосредственный просмотр рукописей, атрибутированных по описи 1601 г., показал, что наличие вкладной записи далеко не всегда гарантировало указание в описи имени владельца, писца или старца-составителя.

Согласно описи Кирилло-Белозерского монастыря, основная часть книжного собрания (богослужebные и четьи книги) находилась в книгохранильнице, остальные же располагались по церквям (в основном, на престольные Евангелия), в ризнице и в казне.

Сама книгохранильница располагалась в двух «палатках» в колокольне, между церквями Архангела Гавриила и Введенской. Показательно распределение книг, имеющих имена, между двумя «палатками»: «нижней» и «верхней». Система хранения (тематический принцип, внутри которого происходило деление по форматам) и более подробное описание рукописей в «нижней палатке», и то обстоятельство, что именно в ней хранились рукописи св. Кирилла Белозерского, позволяет говорить, что здесь располагались наиболее ценные книги, которым уделялось особое внимание. Оставляя за скобками библиотеку основателя монастыря, следует заметить, что большинство книг с именами находилось именно в «нижней палатке».

Наличие имени у книги в описи, наряду с более подробным описанием ценных элементов переплета или миниатюр, может свидетельствовать о том, что рукопись представляла с точки зрения книгохранителя особую ценность. Так, из 19 Евангелий, которые, по всей вероятности, не выдавались братьям по кельям, 13 имеют «имена» («Аркадьевское», «Германовское», «Софоновское», «Васьяновское владычня» и т. д.). Кроме того, Евангелия подробно описывались, поскольку включали в себя ценные элементы, например,

имели серебряные «жуки» и т. п., или были написаны на пергаменте («харатье»).

Стоит отметить, что далеко не все рукописи, за которыми закрепились имена, имели богатое убранство. Например, такого нельзя сказать о сборниках. Всего в «нижней палатке» в описи 1601 г. перечисляются 44 сборника, более 70% (34) из которых с именами. За редкими исключениями, все эти рукописи имеют ярко выраженные следы бытования (высокая интенсивность пальцевых загрязнений, восковых следов и т. д.).

Таким образом, закрепление за рукописью имени, может свидетельствовать о желании подчеркнуть ее особую значимость. С другой стороны, сама связь книги с той или иной личностью уже могла представлять для составителя описи высокую ценность.

Одним из перспективных путей выяснения мотивов закрепления за рукописью имени владельца является следоведческий анализ, позволяющий проследить интенсивность использования книги (сюда входят и исследование моделей удержания книг различных форматов, наличие следов воска и иных загрязнений). Просмотр атрибутированных по описи 1601 г. книг позволил сделать выводы о том, что рукописи, поступившие от высоких сановников или государя, в отличие от сборников, имеют значительно меньшую интенсивность следов бытования. Более того, в некоторых из них, следы навыка удержания лишь одного лица, что дает возможность говорить о том, что рукопись использовалась только одним владельцем. В результате, можно говорить о том, что имена сборников указывали на «истинность» («проверенность») их содержания, а имена в других рукописях – на значимость их владельцев или вкладчиков.

И.И. Синчук, науч. консультант

Издательство «Белорусская энциклопедия» (Минск)

Линия в Российской империи

Линия. В Российской империи с начала XVIII в. употреблялся английский дюйм, царский указ 1835 г. сделал его официальной российской линейной мерой (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. X. Отд. 2. 1836. С. 1010–1011. № 8459). В Московском царстве деление дюйма, в отличие от континентальной Европы, изначально десятичное, что заставляет задуматься о его происхождении.

Официальных сведений о системе деления дюйма на фракции в Российской империи и о сферах применения относительно сфер деятельности не имеется до принятия в 1899 г. «Положения о мерах и весах» (ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XIX. Отд. 1. 1902. С. 622. № 17056). С этой поры российский дюйм законодательно делится на 10 линий,

линия на 10 точек. Если фут в Российской империи и английский фут изначально не отличались, а с 1835 г. отличались незначительно, то линия могла отличаться существенно: она могла принимать значения $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{10}$ и $\frac{1}{12}$ дюйма.

Одна десятая. Из руководства по механике 1748 г. академика Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге Г.В. Крафта следует, что английский дюйм разделяется в Российской империи на 10 линий (*Крафт Г.В.* Краткое руководство к познанию простых и сложных машин. СПб., 1738. С. 29, 94).

Российские артиллеристы в 1816 г. называют дюйм английским (русский и английский дюймы еще имеют общий эталон) и делят его на 1000 частей и оперируют значениями с тысячными, относя их к разряду линий и иногда выражая линии с дробными числами кратными $\frac{1}{4}$ обыкновенными дробями вида m/n (*Гогель И.Г., Фицтум И.И., Гебгардт К.К.* Основания артиллерийской и понтонной науки. Ч. 1. [СПб.], 1816. С. 121).

В переводной 1830 г. работе английского генерал-майора Г. Дугласа имеется «Таблица показывающая пушечные и карронадные зазоры во десятичных дробях дюйма», она же присутствует и в оригинальном английском издании, прямо указывая на принцип деления дюйма на фракции: «in decimals of an inch» (*Дуглас Г.* Теория и практика морской артиллерии. СПб., 1830. С. 72; *Douglas H.* Treatise on Naval Gunnery / 2nd ed. London, 1829. P. 69).

Российский дюйм делился на 10 линий в последней четверти XIX в. в нумизматических изданиях (например: Иверсен Ю.Б. Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц. Т. 1–3. СПб., 1880, 1883, 1896). «Проект монетного устава» и «Правила о монетной системе» 1885 г. (*Георгий Михайлович, Великий князь.* Русские монеты 1881–1890. СПб., 1891. С. 34, 41, 54) однозначно говорят о делении дюйма на 10 линий.

Судя по отдельным фактам, английский дюйм в Великобритании во второй половине XIX в. в некоторых невоенных сферах также делился на 10 линий (например: *Lane-Poole S.* Catalogue of Oriental Coins in the British Museum. Vol. 1. London, 1875. P. 261).

Одна двенадцатая. «Собранная из разных авторов» 1764 г. московская «Арифметика» магистра Д.С. Аничкова сообщает, что «Дюйм [Аглинский] – 12 линейей» (*Аничков Д.С.* Теоретическая и практическая арифметика в пользу и употребление юношества собранная из разных авторов. М., 1764. С. 69). В своем «Числовнике» 1791 г. Н.Г. Курганов также пишет об английском дюйме в 12 линий (*Курганов Н.Г.* Арифметика или числовник. Ч. 1. СПб., 1791. С. 72). Неожиданно и «Словарь Академии Российской» в 1792 г. сообщает, что линия это – «Мера составляющая двенадцатую часть дюйма»

(Словарь Академии Российской. Ч. III. 3–М. СПб., 1792. Стб. 1216). Эту традицию продолжает академик Императорской академии наук Н.И. Фусс в «Начальных основаниях геометрии» 1823 г. (Фусс Н.И. Начальные основания чистой математики Ч. II. Начальные основания геометрии. СПб., 1823. С. 116, 221). В явно адаптированном издании переводного «Курса математики» члена Парижской академии наук Э. Безу 1806 г. говорится, что употребляемый в России дюйм состоит из 10 линий, но повсеместно употребляемый в фортификации французский дюйм – из 12 (Безу Э. Курс математики. Геометрия. М., 1806. С. 80–82, 134).

Одна восьмая. В случае $\frac{1}{8}$ наблюдается изначальное бинарное деление на две части: $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$ и т. д. Оно применялось в ряде исторически известных мер длины.

Об употреблении в индустрии Великобритании в середине XIX в. деления дюйма на фракции в $\frac{1}{8}$ свидетельствуют доклад английского инженера Д. Витворта 1841 г. о единой системе винтовых резьб и его предложение 1857 г. о переходе на измерительный стандарт в тысячных долях дюйма.

Современная «Энциклопедия исторической метрологии, весов, и мер» информирует, что в Англии дюйм до 1826 г. делился на 3 (barleycorn), 8 (part) и 10 (line) частей (Gyllenbok J. Encyclopaedia of Historical Metrology, Weights, and Measures. Vol. 3. Cham: Birkhäuser, [2018]. P. 2352).

Прайс-лист на изготовление медалей в каталоге В.П. Смирнова в начале XX в. оперирует дробными частями дюйма в $\frac{1}{8}$ во всем диапазоне типоразмеров – от 1 дюйма до $3\frac{3}{4}$ с шагом в $\frac{1}{8}$ дюйма (Смирнов В.П. Описание русских медалей. СПб., 1908. С. 713).

Вывод. Можно заключить, что волею судеб в российскую метрологическую практику вошел не просто английский дюйм, но артиллерийский английский дюйм с «децимальными» значениями дюйма в качестве фракций с точностью до трех знаков после запятой. Иногда десятичные назывались линиями, а сотые – точками, иногда использовались просто значения в сотых.

Национальный Конвент Французской республики в 1795 г. принял закон о введении десятичной метрической системы на базе предварительного метра, в 1799 г. была утверждена окончательная длина метра, а в 1875 г. была подписана международная «Метрическая конвенция». *Однако преимуществами децимальной системы на базе дюйма к тому времени уже почти два столетия пользовались Великобритания, США и Российская империя.*

В Российской империи дюйм и дольные единицы последнего представляют группу единиц измерений длины специализированного применения, аналогичную по своему месту аптекарскому весу в

системе мер веса Российской империи. Точное машиностроение, приборостроение, оружейная промышленность, естественные науки, механика, ювелирное дело, медальное и монетное производство – это сферы применения десятично организованного дюйма. Возможное деление дюйма, кроме ожидаемых 10, на 12 или 8 линий обязывает российского исследователя внимательно относиться к выраженным в линиях линейным мерам.

*Е.А. Скворцова, к. искусств., доц.
СПбГУ*

**«Портрет великих князей Александра Павловича
и Константина Павловича» Р. Бромптона (1781):
символика и европейские аналоги**

*Тезисы подготовлены по гранту президента РФ для молодых кандидатов наук
МК-1510.2019.6 по теме «Женские и детские образы в дискурсе имперской
власти: на примере искусства России XVIII века»*

На портрете старших внуков Екатерины II работы Р. Бромптона великий князь Александр Павлович представлен в образе Александра Великого (Македонского), на что указывает изображенный на первом плане шлем, в европейском искусстве традиционно служивший атрибутом этого исторического персонажа, и Гордиев узел, который мальчик готовится разрубить мечом. Использование последнего мотива, здесь ставшего смысловым центром, в портретах, в которых модель отождествляется с этим героем, является редкостью. Константин Павлович предстает как император Константин Великий, о чем свидетельствует лабарум.

Портрет воплотил политические планы Екатерины, видевшей Александра своим наследником на престоле Российской империи, а Константина – во главе Греческой империи на Балканах, создание которой предполагалось в рамках «Греческого проекта». Наречение именами соответствующих героев с тем, чтобы сравняться с ними в доблестях, было в Европе распространенной практикой. О том, насколько удачной сочла портрет Р. Бромптона императрица, свидетельствует отсылка его авторской копии за границу, создание копий с него другими мастерами, изображение великих князей в тех же ампулах в аллегорической композиции на плафоне Храма Розы Без Шипов на Александровой даче, известное по поэтическому описанию С. Джунковского. Вариантом изобразительной репрезентации близких идей является миниатюрный портрет Александра и Константина на табакерке работы Л. Кузена (ГЭ, 1781-82), на котором они представлены с лабарумом.

Обзоры портретов в образе Александра Македонского и портретов в образе Константина Великого, имевших широкое распространение в европейском искусстве, представлены в трудах Ф. Полеросса. Как Александр Македонский были запечатлены герцог Пармский Алессандро Фарнезе (гравюра, О. и Г. ван Веен, ок. 1587, Альбертина, Вена), Людовик XIV (гравюра, Ж. Ганьер, ок. 1648–1650, Архив изображений Австрийской Национальной библиотеки, Вена) и др. Основой инвенций было лестное сопоставление военной силы и учености современных правителей и македонского царя. Иногда образ использовали как отражение больших надежд, которые подает юный принц.

В случае с Константином Великим «*exempla virtutis*» подразумевали содействие Церкви и борьбу с врагами христианства. Особенно важным такое отождествление стало в связи с концепцией императора для дома Габсбургов, в котором традиция «*imitatio Constantini*» возникает в XIV в. Первым портретом представителя этой фамилии в образе Константина стал портрет императора Максимилиана I («Чудо у гробницы святого Антония», ок. 1510, Себастьян Шеель?, Музей диоцеза, Бриксен), считавшего крестовые походы одним из значимых направлений своей политики. Последующие многочисленные примеры также связаны преимущественно с войнами с турками.

В России образы Александра Великого как выдающегося полководца и Константина Великого как первого христианского императора обрели актуальность в петровское время ввиду развития абсолютистской имперской идеологии. Сравнения с ними Петра проводились в текстах. В станковой живописи портрет Петра в соответствующем образе не появился. Изображения Александра и Константина нередко присутствовали в декоре триумфальных врат. Соотнесение здесь осуществлялось на уровне описаний или ассоциативного сопоставления событий, но в некоторых случаях и через придание портретного сходства.

«Портрет великих князей Александра и Константина» Р. Бромптона отличается оригинальностью и сложностью замысла. В двойных костюмированных портретах модели обычно предстают как мифологические или библейские персонажи, причем сосуществование последних в композиции обосновано сюжетно (Юдифь и Олоферн, Авраам и Мельхиседек и т. д.). Двойные портреты в исторических амплуа встречаются гораздо реже. В данном случае избраны образы исторических личностей, относящиеся к разным эпохам. Их объединение оправдано на иносказательном уровне. Константин Великий воплощает идею христианской империи, присутствие Александра Великого

указывает не только на овладение Востоком, но и на возрождение античного греческого наследия.

Ближние идеи были воплощены столетием раньше в портретах сыновей польского короля Яна III Собесского Александра и Константина (оба – ок. 1690, Дворец короля Яна III в Вилиануве) кисти Е.Э. Шимоновича-Семигиновского. Первый изображен как Александр Македонский, о чем можно судить по щиту и шлему особой формы. Второй – как Константин Великий, «роль» можно определить по надписи по краю щита «In hoc signo [vinces]». Как и в случае с внуками Екатерины, моделями являются братья, еще не достигшие юношеского возраста (хотя здесь это не дети, но отроки), особую эффектность программе придает совпадение имен типа и антитипа. Портреты позиционируют детей Яна III как будущих продолжателей его дела: в 1683 г. он одержал победу над турками под Веной и обрел громкую славу полководца и защитника христианского мира. Однако эти портреты не были созданы как парные. Объединение героев в портрете Р. Бромптона обогащает концепцию.

Среди произведений второй половины XVIII в. его можно сопоставить с «Портретом королевы (Великобритании) Шарлотты с двумя старшими сыновьями» (ок. 1765, Королевская коллекция) кисти И. Цоффани, в котором тоже сведены античная и восточная темы: малолетние принцы Георг и Фредерик представлены в сшитых для них костюмах Телемаха и турка. Мусульманский наряд служит не уподоблению, а, как доказал М. Постл, действует от обратного, напоминая, что дядя королевы Йозеф Фридрих Саксен-Гильдбурггаузенский был имперским фельдмаршалом, реорганизовавшим военный фронт с турками.

*М.А. Смирнова, к.и.н., н.с.
ОР РНБ*

Биография купца Василия Алексеевича Попова в рукописном сборнике его сочинений

Исследование выполнено по гранту РФФИ № 20-39-70005

Автобиографический жанр возник в русской рукописной светской книжности в XVII в. Его дальнейшее развитие характеризуется не только увеличением количества мемуарных произведений и дневников, но и значительным расширением круга авторов рукописных записей и памятников. В последней четверти XVIII – первой половине XIX вв. наблюдается активное обращение представителей городских сословий – купцов и мещан – к составлению се-

мейных летописцев, ведению личных дневников и внесению автобиографических записей в рукописные и печатные книги различного содержания.

Одним из примеров такого рода памятника может быть жизнеописание купца Василия Алексеевича Попова (1767 – после 1846).

Сочинение, озаглавленное как «Биография коммерции советника Василия Алексеевича Попова», было составлено им самим. Работа над текстом памятника была завершена не ранее 1846 г. – незадолго до смерти автора. Произведение сохранилось в списке в составе рукописного сборника сочинений и прошений В.А. Попова в Отделе рукописей РНБ (ОР РНБ. Ф. XVII. 27. Л. 122–126). Рукопись представляет собой сброшюрованные тетради форматом в лист на бумаге машинного производства. Листы последней тетради содержат штампы Невской фабрики и датируются 1852–1859 гг. Таким образом, дошедший до нас список памятника был написан уже спустя какое-то время после кончины В.А. Попова – предположительно, в 1850-е гг. Ни автографа, ни прижизненных списков произведения не сохранилось.

Василий Алексеевич Попов родился в 1767 г. в архангельской купеческой семье. Его отец, Алексей Иванович Попов (1743–1805), был крестьянином Архангельской губернии, служил приказчиком, позже записался в купечество. В 1785–1790 гг. он занимал должность Архангельского городского головы (*Овсянкин Е.И.* Архангельск купеческий. Архангельск, 2000. С. 479). Сферой коммерческого дела Поповых была заграничная хлебная торговля с Англией, Голландией и Гамбургом, причем А.И. Попов был владельцем собственных судов (Ксенофонт Алексеевич Анфилов: Очерк его жизни и деятельности / Сост. Г.А. Замятин. СПб., 1910. С. 44–45).

Отец с юности приобщил сына к семейному делу: сначала поручил ведение бухгалтерии, затем, организовав фирму в форме товарищества, отдал ему в управление судостроительную верфь. С его смертью в 1805 г. В.А. Попов начал самостоятельно вести дело, держал собственные корабли, торговал хлебом с заграничными компаниями. Будучи одним из самых состоятельных архангельских купцов, он занимал должность городского головы Архангельска (1805–1808), занимался благоустройством и развитием портов, был комиссионером Адмиралтейства по постройке судов и норвежским консулом в Архангельске (*Блюмин И.Г.* Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века. М.; Л., 1940. С. 169).

После введения фритредерского таможенного тарифа 1816 г. дела Попова расстроились, и двумя годами позже в результате невыполнения казенного заказа по поставке хлеба он был вынужден ликвидировать свою фирму и переехал в Петербург, где до конца жиз-

ни состоял биржевым маклером (*Овсянкин Е.И.* Архангельск купеческий. С. 319). С конца 1810-х гг. Попов активно выступал как автор публицистических сочинений и прошений с инициативными предложениями, за что в 1836 г. был пожалован в звание коммерции-советника.

В рукописном сборнике вместе с «Биографией» В.А. Попова помещены его бумаги, среди которых поданные на имя Николая I «Рассуждение о внутренней торговле» 1829 г., «Рассуждение о лаже» 1839 г., «Проект о расширении внешней торговли» 1841 г., а также иносказательная сценка «Разговор в Царстве мертвых» 1821 г., посвященная критике современной таможенной политики (частично опубликовано: *Смирнова М.А.* Страсти по курсу на том свете: рассуждения купца о заграничной торговле России // Родина. 2011. № 7. С. 62–64). Часть его сочинений была издана при жизни (*Попов В.А.* Рассуждение о вывозе золота и серебра. СПб., 1830; *Он же.* Рассуждение о балансе торговом, о внешней торговле и о вексельном курсе. СПб., 1831; *Он же.* Ответ В. Попова, дворянину, сочинителю письма, на рассуждение его о вывозе звонкой монеты, и о прочем, напечатанного в Москве сего 1833 года. СПб., 1833).

По всей видимости, сборник был создан потомками почившего В.А. Попова, чтобы таким образом увековечить его память. Не известный нам составитель собрал вместе все оставшиеся сочинения и проекты купца, расположил их в хронологическом порядке и переписал в отдельную тетрадь. «Биография», как наиболее позднее по времени создания произведение, было помещено в самый конец рукописи. Жизнеописание В.А. Попова завершает сборник его сочинений и в определенном смысле подводит итоги его жизни. С одной стороны, он описал свои многочисленные заслуги и достижения, а с другой – на примере собственной биографии показал путь к успеху и проанализировал причины неудач. Непосредственным поводом, подтолкнувшим автора к работе над сочинением, стала его болезнь и невозможность продолжать коммерческую деятельность: «В 1839 году лишился я зрения и вместе с тем лишился обыкновенных моих занятий и трудов, но вместо этого увеличились исполненные мои занятия <...>. И чтоб это подробно видеть, то я изложу здесь, каким образом приобретены мною навыки и опыты, которые мне содействовали в производстве внутренней и внешней торговли» (ОР РНБ. Ф. XVII. 27. Л. 122). Скорее всего, текст был продиктован автором и записан с его слов.

Жизнеописание начинается с первых шагов В.А. Попова в семейном деле. Описаны лишь аспекты, связанные с коммерческими занятиями автора и его вкладом в общественную жизнь Архангель-

ска. Эти сведения распределены по 28 пунктам и охватывают события за 1779–1821 гг.

«Биография» В.А. Попова не является мемуарами в традиционном понимании этого жанра. В то же время данный памятник, безусловно, можно отнести к одной из разновидностей автобиографических сочинений. Его изучение должно проводиться в контексте комплексного анализа всего выявленного в архивохранилищах массива автобиографических и дневниковых записей и памятников мемуарной литературы в рукописной книге Нового времени.

*Я.Г. Солодкин, д.и.н., проф.
Нижевартовский ГУ*

К истории создания одной из ранних редакций Соловецкого летописца: решена ли задача атрибуции?

Исследователи не раз пытались определить автора самой ранней среди дошедших до нас (хотя ее нельзя признать первоначальной) редакций Соловецкого летописца (далее – СЛ), открывающейся сообщением о прибытии Рюрика «из Немець в Русь» и доведенной до 1585 г. Создателем этой редакции, по заключению С.Н. Кистерева, должен считаться не старец Петр Ловушка или какой-то ученик игумена Иакова, наконец, сам этот настоятель, а, если принять во внимание грамоту митрополита Филиппа соловецкому старцу Исааку от 11 августа 1566 г. с распоряжением о дворе новгородца Т. Цветного, находившийся в то время в Москве старец Исая (*Кистерев С.Н.* Об авторах первой и второй редакций Соловецкого летописца XVI в. // *Летописи и хроники: Новые исследования: 2013–2014. М.; СПб., 2015. С. 406–410; Он же.* К вопросу об авторе первой редакции Соловецкого летописца // *Вестник «Альянс-Архео».* М.; СПб., 2015. Вып. 9. С. 76–77). Такое заключение представляется, однако, не вполне убедительным.

Интересующая нас редакция СЛ («Перечень вкратце из летописца») содержит пять известий о ее «слогателе». (Думать, что о нем идет речь и в заметке под 7077 г., когда монастырская «братья ... послали бити челом ко государю к Москве о игумене» (*Кистерев С.Н.* Об авторах ... С. 404. Ср.: *Корецкий В.И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // *Летописи и хроники: 1980 г. М., 1981. С. 225*), едва ли стоит, недаром, как сообщил соловецкий книжник, в 7089 г. «братья послали бити челом ко государю, а просити игумена Иякова на игуменство»). В 7069 г. – в пору описания Шелонской пятины – «был [летописец. – *Я.С.*] ... в Великом Новгороде». В остальных записях такого рода употребляется множественное число: «ездили ко государю», «зимовали на Москве», «а мы приеха-

ли», «со игуменом мы с Варлаамом у государя были в Новгороде». Впрочем, при копировании предыдущей заметки писец мог допустить неточность. Последнее из свидетельств СЛ об его авторе относится к зиме 1571–1572 гг., тогда как рассматриваемая редакция памятника сохранила десятки известий за последующий период, до июля 1585 г. включительно. (Возможно, автор был в Москве и в 1567/68 г., так как в СЛ отмечено, что тогда, в пору «глада великого» «на Руси», в столице покупали «четверть ржи в полтора рубля». Спустя два года, во время страшного голода и хлебной дороговизны в Москве, летописец зимовал там «с Горонтеем»).

Назвая игуменов Филиппа (хотя повышенное внимание к его жизни, вопреки мнению А.И. Филюшкина, в СЛ явно не ощущается), Паисия, Варлаама и Иакова (последнего, и, думается, неспроста, гораздо чаще, чем других (9 раз), начиная с принятия им стрига и игуменства «в Палье-острове»; т. е. наблюдается, по словам Р.П. Дмитриевой, «исключительное внимание к личности» этого соловецкого настоятеля), строителя Меркурия, старцев Спиридона, Паисия, Геронтия, «списатель», если им был Исая (в середине XVI в. находившийся в Новгороде, о чем в «Перечне вкратце ...» умалчивается), себя ни разу не упоминает. С.Н. Кистерев пришел к выводу о том, что опубликованная В.И. Корецким редакция СЛ, восходящая к более раннему летописному сочинению, «не рассматривалась ее создателем как окончательный вариант его труда», в нем «списатель» «видел ... лишь заготовку для будущей работы» (Кистерев С.Н. Об авторах ... С. 392–394, 405. Ср.: С. 409). Как можно думать, данная редакция СЛ предназначалась Исасей для самого себя. Недаром в следующей редакции памятника все сведения об авторе, исключая сообщение за 7080 г., были опущены. К тому же известия о создателе произведения сопутствуют «общерусским» либо тем, которые посвящены судьбам Соловецкой обители. Таким образом, насколько можно судить, старец Исая (данные о нем как владельце книг или хотя бы одной книги отсутствуют) не создал одну из ранних редакций СЛ, а лишь дополнил ее сообщениями о своем пребывании в Новгороде и Москве, поездке в столицу в 7074 г. «с мощми чудотворцовыми и з святыми водами», появлении на Соловках вместе с игуменом Варлаамом и строителем Меркурием пять лет спустя.

Список СЛ, имевшийся у Исаси, вскоре попал в руки редактора, оставившего многочисленные пометы, главным образом «писати (писат)», с целью внести дополнения в «Перечень вкратце ...» или устранить допущенные там ошибки (к примеру, «Опись», т. е. описка, ибо «Донское побоище» датировалось не 6888, как позднее, а 6880 г.). Необходимые для этих дополнений материалы, заключав-

шиеся в «тетрадах», вероятно, представляли собой не разрядные записи, как полагал А.И. Филюшкин, а нарративные сочинения, в первую очередь, летопись московского происхождения, быть может, сложившуюся в кругах Разрядного приказа. С точки зрения В.И. Корецкого, источником СЛ послужил близкий к своду из собрания И.Е. Забелина летописец, где говорится о сдаче Полоцка Стефану Баторию воеводой П.И. Вольнским «со стрельцами», да и падении Сокола (*Корецкий В.И.* Соловецкий летописец ... С. 229; см. также: *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. М., 1989. Кн. III. Т. IX. Примеч. 526, 527, и др.). Скорее СЛ, зависимость от особой разновидности которого налицо еще в одном своде (*Яковлев В.В.* Новгородско-Псковская летопись 1630 г. // *Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность.* СПб., 2001. Вып. 4. С. 387, 390; *Кустерев С.Н.* Об авторах ... С. 401–402, и др.), был использован при создании в окружении тобольского митрополита Игнатия Римского-Корсакова упомянутой Забелинской летописи, где, как отмечено А.П. Богдановым, сообщается об избрании Батория королем Речи Посполитой и походе русских войск до Вильны (о чем идет речь и в СЛ), если не Вильяна (Феллина). Можно думать, что интересующее нас сочинение и патриарший летописный свод середины XVII в. не восходят, видимо, к общему источнику (*Филюшкин А.И.* Ливонская война или Балтийские войны? // *Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв.: Сб. науч. ст.* М., 2010. С. 86), а второй из этих памятников опять-таки зависит от летописца, появившегося в конце предыдущего века на Соловках.

*А.В. Спичак, к.и.н., н.с.
Нижегородский ГУ*

**К оценке дел Тобольской духовной консистории,
инициированных прошениями женщин о защите их от насилия
со стороны мужчин (конец XVIII – начало XIX вв.)**

*Исследование осуществлено по гранту Президента РФ
для государственной поддержки молодых российских ученых –
кандидатов наук (Конкурс – МК-2020) (МК-514.2020.6)*

Тобольская духовная консистория (далее – ТДК) решала не только сугубо конфессиональные вопросы. Институт семьи и брака с XVIII в. принадлежал к компетенции Церкви, и именно в духовную консисторию могли обратиться женщины, добивавшиеся развода либо искавшие спасения от своих и чужих мужей, надеясь на возмездие. Отложившиеся в государственном архиве г. Тобольска дела ТДК хранят многочисленные истории женских судебных и отражают

общие тенденции эволюции статуса и роли женщин в российском обществе до начала прошлого века.

В «Государственном архиве в г. Тобольске» нами было выявлено 9 дел о побоях, нанесенных женщинам мужчинами-светскими лицами, и вдвое больше – со стороны членов причта (Ф. 156. Оп. 4. Д. 1536. Л. 11–11 об.; Ф. 156. Оп. 8. Д. 754. Л. 1а–2 об.; Д. 1257. Л. 2–2 об., и др.). Эти дела свидетельствуют о том, что духовным лицам, как и мужчинам из светских сословий, ничего не стоило поднять руку на женщину, не только на свою, но и на чужую жену, оставаясь при этом практически безнаказанными.

Обычно прошения о расторжении брака подавали архипастырю в ТДК, однако при нахождении в полевом батальоне женщины обращались к непосредственному начальству их мужей, а оно уже составляло отношение владыке.

Просительные документы содержат описания нанесенных побоев. Например, 14 апреля 1819 г. вдова крестьянина села Шишкинского Тобольской округи Фекла Щукина подала прошение на имя преосвященного Амвросия Келембета с жалобой на священника своего прихода: «Сего апреля 7-го числа означенного села священник Петр Попов, пришедши ко мне в дом требовал себе подать и пить тут же вина (так как содержу при себе винную выставку), но жена его священника просила меня, чтобы ему нисколько не давать одного до обедни; для того, чтобы он, отслужив оную, уехал в деревню СС крестом. Я, желая удовлетворить просьбу ее, говорила ему Попову, что вина нет, на что он говорил: «Так нет вина?». Я говорила: «Нет». Почему он, более не говоря, ничего схватил меня за волосы и таскал по дому, и две же дочери мои Марина и Ирина видя таковую мне наносимую обиду, стали за меня приставать, он же, священник, схватив первую ударив ее в правую щеку и прошиб ошуюю, и таскал за волосы, потом малую так же схватил за волосы многократно из переднего угла и к порогу двери таскал, потом подняв ногу, ударил в оконницу и вышиб оную, в это время случились быть тут десятник Яков Шишкин и трапезник Мироншин, кои все это могут подтвердить, ... придя поздно вечером просил под окошком вина, но я, опасаясь уже сего, голосу ему не подала, почему он, не слыша ответа, и другую оконницу вышиб. На что я, терпя не первый раз уже наносимые мне тем священником обиды, покорнейше прошу Вашего Высокопреосвященства милостивого архипастыря произвести о сем его священника неблагопристойном поступке следствие и мне по законам удовольствоваться» (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 8. Д. 1257. Л. 2–2 об.).

Помимо подробных описаний того, что пришлось пережить той или иной пострадавшей, обращения к архипастырю обязательно

содержат оговорку, что супруга всеми силами старалась предотвратить такое поведение мужа, ведя с ним беседы, но ответ часто был еще более агрессивным.

Важно было указать также, что побои совершались «безвинно», т. е. жена была ни в чем не виновата, ее поведение никак не провоцировало такие поступки. Для того, чтобы увеличить шансы на положительный исход дела и добиться развода или хотя бы наказания мужа (причем второе не являлось для просительниц обязательным, об этом даже не писали в прошениях), желательно было приложить к подаваемым просительным документам доказательную документацию, например, медицинские свидетельства, фиксирующие последствия побоев. Значимым фактором было ведение женщиной благочестивого образа жизни, что в ходе рассмотрения дела в ТДК склоняло в пользу просительницы.

Среди архивных документов нам не встретилось ни одного дела, согласно которому женщина после совершенного в ее адрес мужем правонарушения сразу же подавала жалобу владыке. Наоборот, следуя традициям послушания, выработанным в православной культуре целыми поколениями, русская женщина до последнего терпела негативное отношение к себе со стороны мужа. И только когда становилось ясно, что дальнейшее проживание с супругом приведет ее к гибели, женщина решалась на развод (*Спичак А.В.* Делопроизводство Тобольской духовной консистории по вопросам о причинении мужчинами телесного вреда женщинам (конец XVIII – начало XIX вв.) // *Православие. Наука. Образование.* 2019. № 1(7). С. 12–16).

В дальнейшем предстоит выяснить, что влияло на изменение положения женщин в конце XVIII – начале XIX вв., каким образом и с каким успехом они вели борьбу за свои права, как она отражалась в епархиальной документации, какие делопроизводственные этапы сопровождали решение «женских» вопросов, наконец, как гендерное различие отражалось на содержании просительных документов.

Ю.В. Степанова,
к.и.н., с.н.с.
ИВИ РАН

А.А. Фролов,
к.и.н., с.н.с.
ИВИ РАН

П.В. Гаврилов,
студент
Тверской ГУ

А.И. Савинова,
аспирантка
Тверской ГУ

С.С. Кутаков,
аспирант
ГАУГН

Погосты Тверской половины Бежецкой пятины по данным писцовой книги 1545 г.

*Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ,
проект № 20-09-00278*

Территория Бежецкой пятины Новгородской земли в XV–XVII вв. – одна из наименее изученных в историко-географическом отношении территорий Новгородской земли. Пятина занимает восточную и юго-восточную часть региона и граничит на юге с Новоторжским и Тверским уездами, на востоке – с Бежецким Верхом, на севере – с Обонежской пятиной, на западе – с Деревской пятиной.

Впервые локализация центров погостов Бежецкой пятины была произведена К.А. Неволиным (*Неволин К.А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты / Записки Императорского русского географического общества. Книжка VIII. СПб., 1853*). Основными источниками его исследования стали писцовые описания конца XV–XVI в. Современные представления о территориально-административной системе Новгородской земли, в том числе о происхождении пятинного деления, границах пятин и о развитии системы приходов в Бежецкой пятине рассмотрены в отдельной работе (*Фролов А.А. Административная система центральных районов Новгородской земли в X – начале XVII века в контексте истории территориальных юрисдикций // Историческая география. М., 2012. Том 1. С. 110–154*). Карты с центрами приходов Тверской половины Бежецкой пятины опубликованы в издании приходной книги Новгородского Дома Святой Софии 1576/77 г. (Приходная книга новгородского Дома Святой Софии 1576/77 г. («Книга записи софийской пошрины») / Сост. И.Ю. Анкудинов, А.А. Фролов. М.; СПб., 2011). Конфигурация территорий погостов-округов и география землевладения до недавнего времени оставались почти не изученными.

Основными источниками по истории расселения, землевладения и исторической географии Бежецкой пятины являются писцовые описания. В настоящем исследовании локализация территорий погостов Тверской половины Бежецкой пятины произведена на осно-

вании данных писцовой книги письма И.Д. Вельяминова и А.Г. Соловцова (Писцовая книга 1545 г. // Новгородские писцовые книги, изданные Императорской археографической комиссией. СПб., 1910. Т. 6: Книги Бежецкой пятины. Стб. 35–564). Это наиболее полный из ранних источников. Книга включает результаты описания поместных земель пятины в конце 1530-х гг., ее составление датируется 1545 г. (основные результаты источниковедческого изучения источника опубликованы: *Фролов А.А.* Писцовая книга Бежецкой пятины письма И.Д. Вельяминова 1538/39 г.: к истории рукописи // Комплексный подход в изучении Древней Руси: Материалы X междунар. конф. / Отв. ред. Е.Л. Коняевская. М., 2019. С. 210–211).

Локализация средневековых топонимов, производившаяся с применением ГИС-технологий, позволила уточнить расположение границ Тверской половины Бежецкой пятины, центров и территорий 47 погостов и отдельных волостей в составе погостов. Предварительные результаты картографирования территории погостов представлены в публикации 2019 г. (*Степанова Ю.В., Гаврилов П.В.* Локализация погостов Тверской половины Бежецкой пятины по данным писцовой книги 1545 г. // Новгородский архивный вестник. 2019. Вып. 15. С. 79–85).

Наиболее полно локализованы селения с территории западных погостов, а также северная часть Богородицкого Павского и Покровского в Слезкине погостов (в среднем от 60 до 90%). Меньше процент локализации топонимов восточной части рассматриваемой Тверской половины, в среднем от 45 до 60%. Хуже всего локализованы пункты компактно расположенных Покровского Полянского, Петровского Тихвинского, Михайловского Трестенского, Богородицкого в Замутье, Богородицкого Плавского, Никольского в Забрусье, Спасского в Клину погостов (до 45% топонимов). Выделяются также отдельные наиболее полно локализованные по количеству топонимов волости, например, волость Матвеевская в Егорьевском Чудинском погосте, Мушино и Еваново в Богородицком и Никольском в Поддубье Удомельских погостах, Боярщина в Никольском Удомельском погосте, Малинец, Коства и Лощемля в Михайловском Костовском погосте, Леганец, Перхово, Поляна в Никольском Молдинском погосте. Определяется местонахождение около 85% землевладельцев, относящихся к землевладельцам московского периода.

В целом в писцовой книге насчитывается 4 села, 35 селец, 3223 деревни, 1542 починка, 5 рядков, в общей сложности 4809 пунктов. Местоположение всех сел, селец и рядков уверенно определяется, тогда как из 4765 деревень и починков на настоящий момент локализовано около 50%. В писцовую книгу 1545 г. не входит описание территории волости Удомля к юго-западу от оз. Песьво и Удомля.

В писцовой книге Бежецкой пятины 1498/99 г. упоминается погост на Дорье с церковью Рождества Богородицы, центр которого соотносится с погостом Маги. Однако, волостка Маги по данным 1545 г. включалась в территорию Егорьевского Млевского погоста. Следует также отметить, что описания Воскресенского Осеченского, Богородицкого Плавского, Михайловского Трестенского, Покровского Полянского, Егорьевского Млевского, Никольского и Воскресенского в Слезкине погостов в тексте книги 1545 г. имеют утраты.

Структура писцового описания позволяет выделить землевладения представителей новгородского боярства и духовенства, лишившихся земель после вхождения Новгородского государства в состав Московского великого княжества. Этим землевладениям соответствуют территории волостей. Крупнейшими были владения новгородских бояр Юрьевых, Грузовых и Посохновых, расположенные в Никольском Удомельском, Михайловском Костовском, Никольском Молдинском, Егорьевском Млевском погостах. После присоединения Новгородской земли к Московскому государству территории волостей были разделены между служилыми землевладельцами Московского государства первой половины XVI в. ГИС позволяет проследить динамику землевладения от конца XV в. до начала 1540-х гг. Например, волость Боярщина в Никольском Удомельском погосте, принадлежавшая Федору Юрьеву, была разделена между служилыми людьми Юреневыми, Посоховыми, Колачевыми; земли волости Лощемля в Михайловском Костовском погосте Андрея Посохнова перешли князю Даниилу Дмитриевичу Холмскому и его детям, а также Семенским и Черкасским.

Полученные результаты позволяют в дальнейшем более детально изучить сельское расселение и динамику землевладения на территории Тверской половины Бежецкой пятины в XVI в.

*И.Е. Суриков, д.и.н., г.н.с., проф.
ИВИ РАН, РГГУ*

К вопросу о происхождении фрагмента древнеперсидской надписи, найденного в Фанагории

Неожиданное обнаружение в ходе фанагорийских раскопок 2016 г. уникального артефакта, о котором идет речь (*editio princeps*: Кузнецов В.Д., Никитин А.Б. Древнеперсидская надпись из Фанагории // Фанагория. 2018. Вып. 6. С. 154–159), пришлось как нельзя более «ко времени» – в том смысле, что к этому моменту всё большую популярность в историографии стал приобретать тезис об ахеменидском присутствии на Боспоре Киммерийском в период поздней архаики и ранней классики. В подобной обстановке появле-

ние фрагмента древнеперсидской клинописной надписи, естественно, было воспринято сторонниками идеи ахеменидского контроля над боспорским регионом как мощный довод в их пользу. Именно так памятник трактуется его первооткрывателем В.Д. Кузнецовым.

Но, разумеется, в возникшей дискуссии вскоре появилась и противоположная сторона, основа позиции которой заключается в том, что первоначально надпись находилась не в Фанагории и вообще не на Боспоре, а попал туда именно найденный в 2016 г. фрагмент, привезенный в боспорский регион позже, на корабле – либо в качестве балласта, либо целенаправленно.

Данный тезис наиболее интенсивно выдвигают Э.В. Рунг и О.Л. Габелко (*Рунг Э.В., Габелко О.Л.* Скифский поход Дария I и древнеперсидская надпись из Фанагории // ВДИ. 2018. Т. 78. № 4. С. 847–869), связывающие установку надписи со скифским походом Дария I и считающие, что ее первоначальным местонахождением был Боспор Фракийский. Они справедливо указали, что, хотя во фрагменте надписи имя Дария читается в родительном падеже, из этого еще вовсе не вытекает со всей неизбежностью, что он фигурировал здесь только как отец Ксеркса, и в равной степени допустимо относить установку памятника к царствованию самого Дария. Далее, предлагая возможный контекст события, они привлекают внимание к важному месту из Геродота (Herod. IV. 87): «...Обозрев и Боспор, царь повелел воздвигнуть на берегу два столпа из белого мрамора и на одном высечь ассирийскими письменами, а на другой эллинскими имена всех народов, которых он вел с собой... Впоследствии же византийцы привезли столпы в свой город и употребили их на постройку алтаря Артемиды Орфосии. Только одна каменная глыба осталась у храма Диониса в Византии, на ней были ассирийские письмена».

Это действительно замечательное свидетельство, и у нас практически нет сомнений, что оно должно иметь непосредственное отношение к фрагменту персидской надписи, о котором идет речь. Иными словами, следует говорить о том, что в Фанагорию попал какой-то кусок одной из этих двух надписей. А именно, само собой, той надписи, которая была сделана «ассирийскими письменами» (т. е. клинописью).

Таким образом, надпись была разбита, и крайне важен вопрос, когда и при каких обстоятельствах она была разбита. По мнению Э.В. Рунга и О.Л. Габелко, уничтожение стел жителями Византия и Калхедона произошло буквально вскоре же, когда Дарий I был еще в Скифии. Здесь-то, на наш взгляд, и коренится самое слабое место предложенной концепции, которая в целом нам глубоко импонирует. Геродотовское «впоследствии же» (ὕστερον τοῦτων) можно

трактовать в каком угодно контексте. И вот в данном случае из всех возможных контекстов предложен наименее удачный. Разрушение стел Дария (это означало бы прямой мятеж!) в преддверии его возвращения из Скифии – в данном случае не важно, с победой или без оной, – могло быть для византийцев и калхедонян только абсолютно самоубийственным шагом.

Итак, приходится искать более подходящий контекст для уничтожения Дариевых надписей, стоявших на Боспоре. Это могло произойти, например, после того, как регион в 478 г. до н.э. был освобожден от персидского контроля и его население могло больше не бояться гнева царя. Такой вариант вполне приемлем; однако, на наш взгляд, имеется и еще более подходящий, связанный с Ионийским восстанием в первом десятилетии V в. до н.э. При его подавлении персами византийцы и калхедоняне в 493 г. до н.э., опасаясь мести персов, бежали в понтийскую Месембрию (Herod. VI. 33). Подчеркнем, у Геродота отнюдь не оговорено, что родину покинула лишь какая-то часть византийцев и калхедонян. Из его слов следует, что снялись с насиженных мест гражданские коллективы этих городов полностью. Таким образом, полисы Византий и Калхедон временно прекратили свое существование.

Заметим, что в период Ионийского восстания, когда его конечное поражение стало для всех очевидным, всё же из десятков полисов, участвовавших в нем, только два города – Византий и Калхедон – прибегли к столь радикальному решению проблемы – «тотальному исходу». Они и только они. Создается впечатление, что их граждане в тот момент ожидали от персов чрезвычайно суровой кары, ощущая себя, видимо, в чем-то особенно провинившимися перед «Великим царем».

В чем именно? Всё встает на свои места, если предположить, что как раз в период восстания инсургентами были разрушены Дариевы надписи. И за это, конечно, пришлось бы расплачиваться. Думаем, не ошибемся, если выскажем мысль, что инициатором уничтожения стел стал, скорее всего, не кто иной, как известный авантюрист Гистией, бывший милетский тиран, по ходу Ионийского восстания одно время контролировавший Боспор Фракийский (Herod. VI. 5; VI. 26) и имевший резиденцию в Византии. Толкая граждан Византия и Калхедона на дерзостный, провокационный поступок, он планировал теснее привязать эти два боспорских города к делу восстания. Но вскоре пришла весть о падении Милета – главного центра восставших, – и дальнейшее сопротивление уже теряло смысл; Гистией удалился из региона, а вскоре обратились в бегство византийцы с калхедонянами.

Итак, предложенная нами небольшая корректива к концепции О.Л. Габелко и Э.В. Рунга, повторим снова и снова, не наносит ни малейшего ущерба ее принципиальному содержанию. Напротив, их концепция с помощью данной поправки избавляется от своего едва ли не единственного слабого, уязвимого звена, становясь более логичной и стройной.

*С.Н. Таценко, зав. сектором
ГБУК «Музейное объединение “Музей Москвы”»*

Портрет германского императора на монетах Василия II?

В одной из нумизматических коллекций Музея Москвы, среди монет великого князя Василия II более сорока экземпляров представлены лишь двумя типами, отличия между которыми сравнительно невелики (*Орешников А.В.* Русские монеты до 1547 года и материалы к русской нумизматике доцарского периода. М., 2006. С. 141. № 614, № 616. Табл. 10. Рис. 461, 463; *Мец Н.Д.* Монеты великого княжества Московского (1425–1462) // Нумизматический сборник. Ч. 3. М., 1974. № 132, 134). Общим для них является необыкновенный портрет на оборотной стороне. В ряду монетных портретов времени Василия II его отличают высокий профессионализм, реалистичность художественных деталей: тонкие черты лица, прямой нос, заостренные подбородок или острым кольшком борода, на голове венки, на первый взгляд, напоминающий головной убор с полусферической тульей и широкими овальными жгутами полями.

Все видимые сходства и различия портретов говорят о том, что им присущ единый прототип. Подтверждением тому является и общая для всех монет надпись, классифицированная А.В. Орешниковым как «непонятная» (*Орешников А.В.* Указ. соч. С. 141).

Надпись оборотной стороны и характер портрета указывают на одного из иноземных мастеров, связанных с денежным производством в Москве в годы правления Василия II.

Двое из них известны. Первый – Джан Баттиста деля Волпе, «московский денежник», уроженец города Виченцы, или Иван Фрязин по русским летописям, один из организаторов женитьбы Ивана III на византийской принцессе Софье Палеолог. Второй – Яков (Якопо, Якоб) Фрязин, также появившийся в Москве в конце 1450-х гг. (Никаноровская летопись // ПСРЛ. М., 1962. Т. 27. С. 126; Московский летописный свод конца XV в. // Русские летописи. Рязань, 2000. Т. 8. С. 382, 397, 406; *Спасский И.Г.* Русское золото. СПб., 2013. С. 253, 256; *Потин В.М.* Венгерский золотой Ивана III // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.

С. 284–286; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 177).

В 1455 г. Джан Баттиста покинул Италию, перебрался в причерноморские итальянские колонии, жил какое-то время в Золотой Орде, а в 1459 г. он уже находился в Москве. При Василии II он стал денежным мастером, а при Иване III достиг звания «московского денежника». О Якове Фрязине ничего не известно, кроме того, что он мог одалживать крупные денежные суммы (*Скржинская Е.Ч.* Московская Русь и Венеция времени Ивана III // Русь, Италия и Византия в Средневековье. СПб., 2000. С. 186–188; *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 177).

В конце правления Василия II художественный уровень некоторых типов монет становится выше, а их обильные выпуски свидетельствуют о концентрации монетного производства на Денежном дворе (*Мец Н.Д.* Монеты великого княжества Московского середины XV в. М., 1955. С. 13; *Мец Н.Д.* Указ. соч. 1974. С. 35–36).

Художественным новшеством в этот период на монетах становится портрет правителя, образцами для которого, по всей видимости, послужили западноевропейские денарии с профильными изображениями императора или короля начиная с эпохи Каролингов (*Потин В.М.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Л., 1968. С. 102–103. Рис. 10. № 9–13, Рис. 20. № 14; *Беляков А.С.* Нумизматика // Введение в специальные исторические дисциплины. М., 1990. С. 104–105, 108–109 и др. Рис. 26–28, 32–34). Об этом говорит и утвердившаяся в это время на великокняжеских монетах легенда с титулом «Осподарь», то есть хозяин или властелин русской земли, и изображения на голове правителя венка в качестве атрибута верховной власти.

Случаи заимствования сюжетов европейских монет в русском денежном деле хорошо известны. Так, двухфигурная композиция новгородских денег, как полагают исследователи, была заимствована у венецианских монет, а образцом для отдельного сюжета денги Петра Дмитриевича Дмитровского послужил денарий Кельнского архиепископства с изображением готического собора (*Янин В.Л.* Новгород и Венеция (об изображении на новгородских монетах) // *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2006. С. 293–296; *Зайцев В.В., Мамонтова О.П.* Изображение «готического собора» на русской монете конца XIV – начала XV в. // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. М., 2004. С. 144–146).

Выбору в качестве образца европейского денария соответствовали организационный и технический уровни денежного дела Великого княжества Московского, стоявшие ближе к монетным дво-

рам времени Карла Великого и его преемников, чем к уровню европейской монетной чеканки XV в.

Вопрос об участии итальянцев в организации денежного дела в Москве при Дмитрии Донском и Василии I не ставился, так как на начальный период русской монетной чеканки, согласно новейшим исследованиям, приходится сильное влияние Золотой Орды (*Колызин А.М.* Торговля Москвы (XII – середина XV). М., 2001. С. 147–148).

Присутствие итальянских мастеров на Денежном дворе Василии II уже очевидно. Подтверждение тому – та «непонятная» надпись вокруг портрета. По всей видимости, мастер пытался воспроизвести ее с использованием элементов латинской графики, особо не следуя оригиналу.

Надпись выполнена прилежно и уверено. Для нее характерны округлость, овальные формы, закругленность в верхней части, и в тоже время резкие загибы или надломы в нижней части букв. Подобные признаки свойственны ряду латинских надписей, выполненных в разных стилях и на разном материале, в том числе и в стиле итальянской готики XV в. (*Люблинская А.Д.* Латинская палеография. М., 1969. С. 118. Табл. 39).

Оригиналом или образцом для непонятной латинской надписи послужила легенды оборотной стороны ряда монет Василии II: «Осподари всея русския з[емли]» или «Осподарь всея руси(к) з[емли]» (*Орешиников А.В.* Указ. соч. С. 141. № 615. Обр., 143. № 628. Обр.; *Мец Н.Д.* Указ. соч. 1974. № 144, 146). В сокращенном слове «З[ЕМЛИ]» в этих легендах буква «З» изображена как латинская «m». Ее в таком виде и скопировал иностранный мастер, воспринимая русскую букву «З» как латинскую букву «M». Остальные же буквы он изобразил с сильным искажением с применением близкой ему латинской графики.

Кроме надписи, в качестве образца были использованы и портретные изображения на этих монетах, однако выполненные в более грубой манере. Мастер прилежно перенес на портрет некоторые детали, сопровождающие русские образцы других монетных типов: «узловая» или жгутовая черта, три точки впереди и одна сзади, и императорский венок (*Орешиников А.В.* Указ соч. № 586; *Мец Н.Д.* Указ соч. 1974. № 139).

Трудно сказать с полной уверенностью, кто из названных денежных мастеров, был автором этого портрета. Возможно, это был еще один иностранный мастер. Важно, что уже при Василии II денежное дело в области изображений и легенд, а, возможно, и в организации производства испытывает влияние иностранных мастеров, скорее всего, итальянских, что уже в это время в русские земли

начинают проникать элементы эпохи Возрождения. И одним из путей и источников этого проникновения стали монеты.

*Т.Н. Таценко, к.и.н., с.н.с.
СПбИИ РАН*

**Формуляр и употребительные языковые обороты
служебных распоряжений Габсбургов в XVI в.
(по материалам Научно-исторического архива
Санкт-Петербургского Института истории РАН)**

Среди хранящихся в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН подлинных документов XVI в. императоров Священной Римской империи из династии Габсбургов выделяется группа служебных писем, адресованных органам местной власти в Австрии. В них императоры Максимилиан I (1486–1519), Фердинанд I (1556–1564), Максимилиан II (1564–1576) и Рудольф II (1576–1612) выступают как, прежде всего, территориальные государи – эрцгерцоги своих наследственных земель.

Как большинство рукописей из коллекции Н.П. Лихачева, приобретенных по случаю, рассматриваемые письма разрознены по конкретному содержанию и хронологии. Тем не менее, их объединяет общее происхождение из императорской канцелярии и то, что они являются выражением административно-политической воли монарха. Письма отражают разнообразные стороны управленческой повседневности: совершенствование финансового управления, вызовы подданных в суд для разбирательства по хозяйственным или наследственным делам, передачу церковных ленов, пожалование пенсий и т. д. Отдельная группа распоряжений посвящена противостоянию турецкой угрозе: финансовому обеспечению найма войск и их снабжению.

Письма-распоряжения имели одноразовое действие и не предназначались для длительного хранения, как, например, грамоты, поэтому они всегда писались на бумаге. Использовались бумажные листы формата in folio. В первые десятилетия XVI в. был распространен обычай располагать строки в односторонних письмах по горизонтали страницы (Querformat). Затем повсеместно перешли к расположению строк по вертикали страницы. В употреблении неизменно был немецкий готический (неоготический) курсив разной степени беглости и тщательности, только отдельные латинские слова или выражения выписывали округлым гуманистическим курсивом.

Служебные письма Габсбургов написаны от первого лица множественного числа (Wir-Stil) и составлены по строго определенным правилам, восходившим еще к позднеантичной эпистолярной тра-

диции. К началу Нового времени формуляр служебного письма состоял из следующих позиций: 1. Имя и титул отправителя (*intitulatio*), 2. Приветствие (*salutatio*), 3. Вступление (*exordium*), 4. Изложение дела (*narratio*), 5. Выражение воли пишущего (*Dispositio*), 6. Ободрение к исполнению распоряжения, 7. Место и дата написания послания, 8. Подпись отправителя письма. Общей особенностью писем-распоряжений является их сравнительная краткость: в среднем от половины до полутора страниц. Речь идет о рабочих, непарадных письмах к подчиненным, экземплярах рутинной переписки, в которых отсутствуют пространные периоды церемониальной любезности и благосклонности, так характерные для посланий к князьям и представителям титулованного дворянства.

Intitulatio с девотивной формулой «Божией милостью», например: «*Maximilian der Annder / von Gotes gnaden Erwelter Römischer Kaiser / zu allen Zeitten merer des Reichts etc.*» (6/404), всегда стоит в начале письма и отделена от него отступом. Титул очень сильно сокращен и в большинстве случаев не укрупнен.

Приветствие (*salutatio*) в служебных посланиях отсутствует. Здесь остается лишь обращение к адресатам без упоминания их имен. Оно всегда точно выражает сословный характер получателей письма. Если письмо начинается словами «Почтенные, любезные, благочестивые (*Ersame liebe Andechtigen*)», то его получатели - духовные лица (19/456, 5/460), а когда употребляются слова «Верные / верноподданные, любезные (*Getrewen lieben*)», то письмо направлено к чиновникам бюргерского происхождения (14/448). Некоторые распоряжения адресованы в амты, в руководстве которых представлены разные сословия, тогда обращение удлиняется: «Благородный (мелкое дворянство), почтенный (городской патрициат), ученый (дипломированный юрист) и (относящееся ко всем -) любезные верные / верноподданные (*Edel / Ersam / Gelert / vnnd liebe getrewen*)» (18/460). Сословная определенность обращений помогает установить адресатов, когда адрес документа утрачен.

Вступление (*exordium*) почти всегда сливается с изложением предмета письма (*narratio*). Повествование во многих случаях начинается указанием на прилагаемый к посылаемому письму документ, ссылку на один из прежних приказов или на полученное письмо адресатов: «*Wir haben Ewr schreiben ... mit seiner Innhalt verstanden ...*» (18/456). Для введения главной темы письма используются языковые конструкции, начинающиеся словами *welchergestalt*, *welchermaßen*, *nachdem*, *als* (как, поскольку): «Поскольку между вами с одной стороны и ... солеварами Гмюнда с другой стороны продолжаютя тяжбы и раздоры (*Als sich zwischen Ewr an ainem vnnd ... den Salzfertigern zu Gmunden annderstails des Salz halben Jrrung vnd*

spenn[en] halten) ...» (9/448).

В *Dispositio* формулируется распоряжение императора. Обычно оно начинается одним из выразительных оборотов: «Посему таково наше милостивое повеление... (*So ist demnach vnnsrer gnediger beuelch...*)» 6/404; «Посему поручаем мы вам со всей строгостью... (*Demnach Emphelhen wir Euch mit Ernst...*)» (19/456).

Усиление мотивации к исполнению приказа обычно выражено фразой: «Сим исполните нашу волю и намерение (*An dem volziecht Jr vnnsern willen vnd mainung*)» (18/460). В редких случаях встречается несколько церемонное для письма к служащим выражение: «Сим [исполнением] доставите вы нам особое удовольствие проявить к вам иным способом нашу милость (*Daran tuet Jr vnns sonnder guet geuallen . In annder weg gnediglich gegen Ewch zuerkennen*)» (14/448).

Текст письма заканчивается обозначением места написания (*Geben in / auf / zu ...*) и выраженной словесно календарной датой (день, месяц, год). В большинстве документов добавлено, кроме того, какой это год правления отдельно империей, богемским и венгерским королевствами.

Императорские подписи в служебных письмах представлены крупным начертанием имени. При Максимилиане I практиковалась и так называемая «малая подпись»: «*per regem / caesarem per se*» ([подписано] самим королем / императором). При этом часто употребляли факсимиле („Katsched“, „trugkerl“). Подпись канцлера ставилась в более значимых по содержанию распоряжениях. Затем, после обычной формулы «*Ad mandatum Sacrae Caesareae Maiestatis prorgium*» шли подписи секретарей канцелярии и, если распоряжение касалось финансов, Казначейской палаты.

*В.В. Тихонов, д.и.н., доц., в.н.с.
РГГУ, ИРИ РАН*

Переписка М.Н. Тихомирова и А.П. Пронштейна (1948–1965 гг.)

*Исследование подготовлено по гранту РФФИ № 20-09-00089 А
«Академик М.Н. Тихомиров: дневники, воспоминания, переписка»*

Академик Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965) является одним из самых известных и авторитетных советских историков XX в. Будучи специалистом широкого профиля, он внес значительный вклад в изучение средневековой истории России, источниковедение, археографию и москвоведение. По его инициативе в 1956 г. была воссоздана Археографическая комиссия.

Вокруг историка сложилась научная школа, представителями которой стали А.А. Зимин, В.И. Буганов, С.О. Шмидт, Л.В. Милов, Б.Н. Флоря, В.А. Александров, Е.В. Чистякова, Н.Н. Покровский др. Среди первых учеников был и Александр Павлович Пронштейн (1919–1998). В 1941 г. он блестяще окончил Московский государственный университет, но начало Великой Отечественной войны отсрочило полноценное начало его научной карьеры. Вернувшись с фронта, Пронштейн стал аспирантом М.Н. Тихомирова, под руководством которого подготовил кандидатскую диссертацию «Великий Новгород в XVI в.», успешно защищенную в МГУ в 1949 г. Казалось, перед молодым историком открываются самые радужные перспективы. Но идеологическая кампания по борьбе с «безродным космополитизмом», имевшая явный антисемитский вектор, сыграла роковую роль в судьбе А.П. Пронштейна. В сложившихся условиях ему не позволили остаться работать в МГУ или другом московском вузе. Но он сумел найти работу в Ростовском государственном университете, с которым оказалась связана вся его дальнейшая жизнь.

Именно с этого времени началась активная переписка М.Н. Тихомирова и А.П. Пронштейна. В фонде М.Н. Тихомирова сохранилось 112 писем от А.П. Пронштейна (Архив РАН. Ф. 693 (М.Н. Тихомиров). Оп. 4. Ед. хр. 507). Первое датировано 31 мая 1948 г., последнее – 29 мая 1965 г. Писем М.Н. Тихомирова А.П. Пронштейну значительно меньше – всего 22. Первое датировано 6 ноября 1949 г., последнее – 25 марта 1964 г. (Архив РАН. Ф. 693 (М.Н. Тихомиров). Оп. 4. Ед. хр. 41). Оригиналы писем были переданы в фонд М.Н. Тихомирова в Архиве РАН самим А.П. Пронштейном.

В первую очередь предлагаемые письма интересны для реконструкции жизни и научной деятельности М.Н. Тихомирова и его ученика А.П. Пронштейна. Переписка приходится на насыщенный для обоих период жизни – становление молодого историка и пору наивысшего признания его учителя. После тревожных последних лет сталинского правления М.Н. Тихомиров избирается академиком АН СССР (1953) и занимает должность академика-секретаря Отделения исторических наук АН СССР (1953–1957). Высокая занятость мешала, но не прерывает общение учителя и ученика.

Тексты писем несут на себе отпечаток личности М.Н. Тихомирова. Они ироничны, а где-то даже язвительны. В то же время они интеллектуально насыщены и требуют от своего адресата высокого культурного уровня. Письма А.П. Пронштейна написаны более сухим стилем. В них он постоянно подчеркивает свой статус ученика.

Переписка двух историков выстраивается вокруг нескольких основных тем: повседневная жизнь (семья, отдых, быт), преподавание, среда профессиональных историков и, конечно, научные ис-

следования. Бросается в глаза ее абсолютная аполитичность. При этом можно говорить о высоком уровне доверительности между корреспондентами. И Тихомиров, и Пронштейн касались в своих письмах очень личных тем здоровья и семьи. Содержание писем представляет интерес для изучения среды историков 1940–60-х гг. и включает уникальную информацию, проливающую свет на неформальные практики внутри научного сообщества. Причем иногда использовался ироничный иносказательный язык. Например, в связи с дискуссией о концепции А.А. Зимина, доказывавшего подложность «Слова о полку Игореве», Тихомиров написал: «Главный инквизитор Рыбакейра, говорят, собирается устроить торжественное аутодафе по случаю ереси Искандера Зиминоса». Очевидно, что речь идет о Б.А. Рыбакове и А.А. Зимине. Заметно, что М.Н. Тихомиров с иронией относился к академическим нравам и приоткрывал в письмах некоторые эпизоды закулисных интриг.

Переписка Тихомирова и Пронштейна интересна и с точки зрения изучения взаимодействия между столичной научной средой и «провинциальной». Долгое время Пронштейн стремился вернуться из Ростова-на-Дону в Москву. Эти устремления поддерживал и Тихомиров, считая: «Вообще москвичам трудножато жить в провинции. Больно уж привыкли к своим очагам». Оказавшись в Ростове-на-Дону, Пронштейн воспринимал свое положение как «провинциальное». Показателен случай, описанный им (8 июня 1963 г.): «...Возвращался [из Москвы – В.Т.] не в очень хорошем настроении, завидуя москвичам. Такое состояние усиливается от одного случайного обстоятельства. В одном купе я оказался с доцентом Ленинского пединститута. Он назвал фамилию. Она мне была неизвестна, и я ее забыл, хотя он историк, работает на кафедре истории СССР по XX веку. Но разговаривал он со мной так важно, явно подчеркивая, что он – из Москвы, что я, обозлившись, спросил, какие книги он написал. Увы! Таковых не оказалось, ибо, как он сказал, издать книгу в наше время дело не легкое».

Заметно, что в самом начале карьеры Пронштейна в Ростовском университете большую роль играл символический капитал Тихомирова и его связи, пользуясь которыми (но, в первую очередь, конечно, благодаря собственному труду) Пронштейн сумел утвердиться в университете, издать свою монографию и завоевать необходимый авторитет. Ряд косвенных фактов, отразившихся в переписке, свидетельствует о небольшом конфликте в 1960 г. между Пронштейном и Тихомировым из-за издания «Практикума по истории СССР» в Ростове-на-Дону. В этой связи конфликт Пронштейна с Тихомировым стоит рассматривать как ступень для первого в формировании его самостоятельной карьерной траектории. Об этом же свидетельству-

ет и снижение «зависимости» Пронштейна от учителя с начала 60-х гг., выразившееся в целом ряде самостоятельных шагов (публикация монографии под редакцией Б.Б. Кафенгауза, защита докторской и т. д.). При этом Пронштейн делал все от него зависящее, чтобы сохранить хорошие отношения со своим учителем.

Переписка прервалась со смертью Тихомирова. Изучение фонда выдающего историка позволяет смело утверждать, что его эпистолярное наследие требует скорейшей (хотя бы частичной) публикации.

*И.Д. Травин, м.н.с.
СПБНИИ РАН*

Три дожеских поручения XV в. в собраниях Санкт-Петербурга: кодикологическое описание

Среди многочисленных рукописей, хранящихся в собраниях таких учреждений как Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории РАН и Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки, отдельного внимания заслуживают так называемые *commissioni ducali* – указания, инструкции, а также свидетельства о правах и обязанностях, которые выдавались венецианскими дожами чиновникам, назначаемым на ту или иную административную должность в Республике.

Во всём мире эти документы издавна привлекали внимание исследователей и коллекционеров, поскольку они традиционно украшались миниатюрами (часто с портретами самих чиновников). Из последних публикаций по этой теме можно назвать монографию американского искусствоведа Хелены Жепе (*Szépe Helena. Venice Illuminated: Power and Painting in Renaissance Manuscripts. Yale University Press, 2018. P. 77–193*). В 2012 г. во Дворце дождей в Венеции была организована выставка «Дожеские обещания и поручения», в аннотации к которой этим документам дана следующая характеристика: «они имеют огромное не только эстетическое, но и историческое значение, и иллюстрируют эволюцию института дождей Венецианской республики». В 2013 г. был выпущен специальной сборник, в котором половина работ была посвящена этим рукописным памятникам (*Le Commissioni ducali nelle collezioni dei Musei civici veneziani. Venezia, 2013*). Из российских учёных международное признание своими исследованиями миниатюр, в том числе и из дожеских поручений, заслужила Екатерина Юрьевна Золотова (см., например: *Zolotova E. Il Maestro delle “Commissioni” del doge Girolamo Priuli. Cenni della personalità artistica // Bollettino dei musei civici veneziani. Ser. III, n. 8. Venezia, 2013. P. 87–92*).

Тем не менее, *commissioni ducali* также заслуживают пристального внимания со стороны историков и источниковедов по причине их потенциальной значимости для исследования как венецианской канцелярии, так и административной и экономической политики Республики. Однако даже среди специалистов, занимающихся дожеской канцелярией, является общепризнанным, что эти документы остаются слабо изученными (Venice and the Veneto during the Renaissance: The Legacy of Benjamin Kohl / Ed. by Michael Knapton, John E. Law, Alison A. Smith. Firenze, 2014. P. 51). Традиция публикаций самих дожеских поручений берёт начало в XIX в., однако они представляют собой лишь публикацию текста посланий с кратким комментарием об упоминаемых в документе персонах, иными словами, скорее – хобби аристократии и коллекционеров, нежели серьёзное научное исследование (см., например: Commissione data dal doge Alvise Mocenigo Luigi Giorgio eletto provveditore a Marano nel MDLXXIII. Venezia, 1855; La commissione del doge Michele Steno al podesta e capitano di Belluno. Venezia, 1875). Единственным современным примером полнотекстовой публикации является издание формуляриев дожеских поручений правителям Истрии и Далмации XIII–XVI вв. из собрания Государственного архива Венеции (Le commissioni ducali ai rettori d'Istria e Dalmazia (1289–1361) / A cura di A. Rizzi. Roma, 2015; Le commissioni ducali ai rettori d'Istria (1382–1547) / A cura di A. Rizzi. Roma, 2017); Le commissioni ducali ai rettori della Dalmazia (1409–1514) / A cura di A. Rizzi. Roma, 2018).

В Санкт-Петербурге на данный момент хранится как минимум три дожеских поручения XV века. Ниже документы перечислены в соответствии с хронологией и в сопровождении самого краткого описания.

Во-первых, в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки – поручение 1401 г. от Большого совета и дожа Микеле Стено (1400–1413 гг.) к прокураторам святого Марка (ОР РНБ. ОЛДП. F.440). Документ, находившийся некогда в ведении Общества любителей древней письменности, представляет собой небольшой кодекс из 32 листов. Текст написан готическим письмом на латыни с вкраплениями вольгаре. Основной текст предваряют подшитые к нему позднейшие записи других нотариев. Начальные буквы абзацев выполнены красными и синими чернилами, также присутствуют узоры.

Во-вторых, в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН – поручение дожа Джованни Мочениго (1478–1485 гг.) к Доменико Контарини, подеста города Кастельфранко-Венето (НИИ СПбИИ РАН. Колл. 6. Карг. 187. Ед. хр. 10). Приобретший его в 1913 г. Николай Петрович Лихачёв так на-

писал о документе: «Наказ этого времени большая редкость и ценность». Рукопись представляет собой кодекс из 35 листов. Текст написан минускулом на латыни. На первой странице есть небольшие миниатюры.

В-третьих, также в Отделе рукописей РНБ – инструкции дожа Агостино Барбариго (1486–1501 гг.) к Анджело Градениго, капитану галер в Бейрут, датируемые 1492 г. (ОР РНБ. Lat. Q.v.II № 12). Документ из коллекции Петра Петровича Дубровского представляет собой кодекс из 62 листов. Текст написан минускулом на латыни и вольгаре. Заглавные буквы абзачев выполнены красными и синими чернилами. На первой странице присутствует красочная миниатюра.

Н.Л. Трегубов, член Правления Союза бонистов

Эмблема «молот и наковальня» в тульской символике 1960-1980-х гг. по данным нумизматики и фалеристики

1960-е годы стали в СССР временем возрождения городской геральдики. В регионах активно шли процессы поиска актуальной символики для локальной идентификации и репрезентации. Процесс (вос)создания городских гербов проходил стихийно, с нарушением геральдических норм. В некоторых городах отмечены случаи одновременного бытования нескольких гербов (*Румянцева В.В. История, карбована в гербах. К., 1987. С. 45*).

Эти годы были насыщены для Тулы событиями, которые требовали нового символического наполнения, отличного от знаков предыдущей эпохи. В 1962 г. состоялось празднование 250-летия Тульского оружейного завода (ТОЗ). Основной символикой торжества стал исторический тульский герб. В последующие годы герб использовался в качестве главного тульского символа, но не был законодательно утвержден (*Трегубов Н.Л. Тульская символика на региональных медалях 60–80-х гг. XX в. // Тульский краеведческий альманах. 2016. Вып. 13. С. 102*).

В тоже время, распространение получила символика, содержащая в различных комбинациях молот и наковальню. Фигура кузнеца и его атрибуты (молот, наковальня, клещи) прочно ассоциируются с образом Тульского региона как края оружейников и мастеров по металлу. Кроме того, с середины XIX в. эти атрибуты были вписаны в систему символов, связанных с рабочим движением. Таким образом, эмблема «молот и наковальня» совместила в себе основные темы советского городского символотворчества: историческую, промышленную и социалистическую (*Манжурич Е.А. Воображаемая преемственность: дореволюционное геральдическое наследие в советской городской символике (1953–1991) // Вестник Пермского*

университета. Серия: История. 2015. № 3. С. 119). Благодаря такой полисемичности этот символический комплекс стал популярен в тульской эмблематике.

Наибольшее распространение эмблема «молот и наковальня» получила на медалях, знаках отличия и сувенирных значках. Молот мог изображаться стоящим на наковальне рукоятью вниз (медаль, посвященная первому упоминанию Тулы в 1382 г., алюминий, дм. 45 мм) или положенным на наковальню бойком (медаль «60 лет Конструкторскому бюро приборостроения», 1987 г., медь, дм. 71 мм). Такой вариант эмблемы, дополненный шестеренкой, стал неофициальной символикой Пролетарского района Тулы. Ее изображение находится на значках районных партийных конференций (алюминий, Тульский завод «Зенит» (ТЗЗ) и медали «В память пребывания в Пролетарском районе г. Тулы» (алюминий, дм. 62 мм).

Самым распространенным вариантом эмблемы стала композиция с молотом, поставленным на наковальню рукоятью вверх, которая воспринималась как новый герб Тулы. Мнения современников по поводу этого геральдического изображения разошлись. В 1968 г. журналист И.С. Мордашов писал: «У Тулы выразительный герб: наковальня с тяжелым молотом. Туляки гордятся, что их родной молот стал символом его величества рабочего класса, что деталь эмблемы их города вошла ... в герб первого в мире социалистического государства.» (*Мордашев И.* Потомки легендарного Левши: Очерки о тульских умельцах. Тула, 1968. С. 8). Иную точку зрения высказал тульский историк Д. Богомазов: «Наковальня, которую видят все въезжающие в Тулу у ее ворот, ... не настоящий герб...» (*Богомазов Д.* Современной Туле – новый герб // Коммунар. 07.01.1969. С. 3).

В 1966 г. был проведен конкурс на лучшие плакаты, открытки, значки и сувениры, посвященные 25-летию обороны Тулы. В конкурсе на лучший значок приняли участие художник ЦКИБ М.И. Глаголев, художник Тульского художественного фонда Н.М. Антипов и житель Тулы А.А. Кожемяко (ГАТО Ф. Р-252. Оп. 7. Д. 452. Л. 381, 382). С большой долей вероятности авторству Н.М. Антипова принадлежат значки «25 лет победы под Тулой» (алюминий, завод «Победа» Мосгорисполкома), на которых изображена наковальня со стоящим на ней перевернутым молотом, которые сопровождаются пятиконечной звездой.

Возможно, конкурс 1966 г. стал местом рождения сувенирного значка «Тула» (алюминий, ТЗЗ). Этот гербовидный знак выполнен в виде французского щита, верхняя часть которого изображена в виде зубчатой стены тульского кремля, в красном поле расположены золотые наковальня с молотом рукоятью вверх, пятиконечная звезда в левом верхнем углу и надпись ТУЛА в оконечности.

Такая же гербовидная эмблема, но без зубчатого верха, расположена на медалях «Лучшему (специалисту) ТМЗ» (красный прозрачный пластик, дм. 57 мм, Тульский машзавод). В конце 1960-х гг. на Тульском машзаводе была внедрена система поощрения лучших специалистов. По итогам социалистического соревнования передовикам вручались почетная грамота, денежная премия и памятный знак в виде медали (Звание – лучшим // Коммунист. 13.02.1970).

В качестве регионального символа эмблема «молот и наковальня» присутствует на значках конференций («Функциональная взаимозаменяемость в САУ», 1971), смотров (Всесоюзный смотр любительских фильмов, 1969), учебных заведений (Профтехучилище № 2). Изменение приоритетов в региональной символике можно проследить на примере значков студенческих строительных отрядов Тульского политехнического института. На значках присутствуют следующие изображения: в 1968–1975 гг. – эмблема «молот и наковальня», в 1977–1985 гг. – медаль «Золотая звезда» (после присвоения Туле звания «Город-герой»), в 1987 г. – герб Тулы.

Появление альтернативных гербовидных изображений было следствием поисков «актуальной» символики Тулы. Тульский исторический герб воспринимался как наследие прошлого. Не стоит сбрасывать со счетов и попытку демилитаризовать символику, несмотря на то, что основной продукцией тульских предприятий была «оборонка». Ю. Петухов писал о новом предназначении Тулы: «Раньше ковали оружие, теперь куют счастье человеческое» (*Петухов Ю.* Есть такой город... // Молодой коммунар. 10.04.1962. С. 4). Ему вторит участница юбилейных торжеств, посвященных 250-летию ТОЗ, актриса Зоя Федорова: «Тогда оружейники ковали оружие. Теперь ... они куют самое дорогое для человечества – мир» (*Федорова З.* Они куют мир // Коммунар. 08.06.1962. С. 2).

*А.С. Усачев, д.и.н., проф.
РГГУ, МГИМО(У) МИД РФ*

Заказчик списка Пандектов Никона Черногорца 1542 г. и особенности епархиального управления Русской Церковью

На первый взгляд, рукопись 1542 г. из Рогожского собрания РГБ № 347, содержащая список Пандектов Никона Черногорца, и ее колофон мало чем примечательны. Однако, обратившись к дате, которая представлена в записи, мы обнаруживаем удивительную вещь. Книга «написана бысть» в Ростове дьяком Некраской Тельниковым по поручению ростовского владыки Алексия 23 октября 1542 г. Но он был поставлен на Ростовскую кафедру из троицких игуменов

лишь 25 февраля 1543 г. С чем могло быть связано появление этой даты в тексте записи?

Конечно, нельзя полностью исключить того, что писец допустил ошибку при воспроизведении года и написал «7051» вместо, например, «7052» или «7053».

С известной долей гипотетичности можно было бы предполагать, что указанная в записи дата могла относиться к началу работы над кодексом, которая была завершена после 25 февраля 1543 г. В этом случае, заканчивая работу уже после хиротонии Алексия, писец мог бы счесть необходимым указать на его статус на момент окончания работ. Переписка книг в течение нескольких месяцев для России эпохи Средневековья была вполне обычным делом. Однако запись сообщает: «лета 7051[-го] октября 23 день... **написана бысть** книга сия». Как видим, переписчик отнес окончание работ именно к этой дате. С чем же может быть связано упоминание Алексия в качестве архиепископа за 4 месяца до его хиротонии?

Предшественник Алексия на Ростовской кафедре Досифей скончался в августе 1542 г. (согласно П.М. Строеву, это произошло 14 августа). Кафедра могла быть замещена только в ходе заседания Освященного собора. Хотя он и собирался достаточно регулярно, постоянно действующим органом управления он не являлся. Это обуславливалось его составом: Освященный собор состоял из десятков архиереев, настоятелей обителей и прочих лиц, проживавших в различных регионах страны. В 1542 г. его участников источники фиксируют в столице не позднее середины июня – начала июля. 18 июня хутынский настоятель Феодосий был поставлен на Новгородскую кафедру, 2 июля его тезка архимандрит Новоспасского монастыря – на Коломенскую. Вероятно, вскоре участники Собора разъехались по своим епархиям. Судя по тому, что Ростовская кафедра не была сразу замещена, это произошло до середины августа. До нового Собора – т. е. до февраля 1543 г. – кафедра не могла быть замещена. Иными словами, между августом 1542 г. и 25 февраля 1543 г. Ростовская кафедра должна была вдовствовать. Как это соотносится с упоминанием Алексия под 23 октября 1542 г. в роли «архиепископа»?

На наш взгляд, возможно лишь одно объяснение данного казуса (помимо, конечно, гипотетической описки писца при написании года в дате): Алексей действительно являлся архиепископом, но не поставленным, а лишь избранным и нареченным. Процедура наречения, которая должна была состояться за более или менее значительное время до хиротонии, не требовала присутствия всех участников Освященного собора в столице. На то, что избрание Алексия состоялось существенно ранее 25 февраля, прямо указывает грамо-

та новгородского владыки Феодосия от 22 февраля 1543 г. Отправитель, отказываясь от поездки в Москву на заседание Освященного собора, написал повольную грамоту на поставление уже избранного и нареченного Алексия. Скорее всего, избрание и наречение ростовского владыки могло состояться через какое-то время после смерти Досифея и за какое-то время до 25 февраля 1543 г. Речь могла идти как о начале 1543 г., так и об осени 1542 г. Если это состоялось не позднее 23 октября 1542 г., то на момент окончания работы над рукописью Алексей действительно являлся ростовским архиепископом, только не поставленным, а избранным и нареченным. Вероятно, терминологическая некорректность писца была обусловлена неофициальным характером выходных записей, отличающим их, например, от значительной части актов и разрядных книг. От переписчиков манускриптов не требовалась абсолютная точность в передаче титула того или иного светского или духовного лица.

Неизбежен вопрос: были ли другие случаи управления кафедрами нареченными, но еще не поставленными архиереями в истории Русской Церкви периода Средневековья?

На широкое распространение практики исполнения соответствующих обязанностей (за исключением поставлений священников) нареченным, но еще не поставленным владыкой указывает пример Новгорода XI–XIV вв., находившегося на значительном удалении от центра митрополии – Киева. Целый ряд его избранных и нареченных архиепископов (Ефрем, Аркадий, Митрофан, Арсений и др.) выполнял соответствующие функции до поставления в течение достаточно длительного времени (до нескольких лет).

Источники содержат сведения о нареченных архиереях и в XVI в. Например, полоцкий архиепископ Арсений Шишка с осени 1562 г. (со времени не позднее 20 октября) до февраля 1563 г. несколько месяцев являлся нареченным, но не поставленным владыкой. Его хиротония так и не состоялась: после взятия Полоцка русскими войсками 15 февраля Арсений был сослан в Спасо-Каменный монастырь, где спустя несколько лет и скончался. Очевидно, что в условиях начавшейся очередной военной кампании созвать архиереев Западнорусской митрополии для поставления Арсения было крайне затруднительно.

«История» князя А.М. Курбского содержит любопытный рассказ об избрании и возведении на митрополичий двор в 1566 г. казанского архиепископа Германа (Садырева-Полева). Согласно этому источнику, в результате разногласий с царем по поводу опричнины Герман так и не был поставлен на Всероссийскую кафедру.

Итоги анализа записи 1542 г. и некоторых других источников побуждают по-новому взглянуть на известные перечни русских ар-

хиереев эпохи Средневековья. Основные сведения о них собрал П.М. Строев в своем фундаментальном справочнике, который, правда, содержит целый ряд лакун. Несмотря на то, что введенный в XX–XXI вв. новый источниковый материал (прежде всего, актовый) позволил закрыть часть из них, их остается еще немало. Перерывы между известными архиереями порой достигают периодов от нескольких месяцев до нескольких лет.

Приводимые выше случаи управления епархиями избранными и нареченными, но еще не поставленными владыками дают основания полагать, что периодов вдовствования кафедр могло быть существенно меньше или они могли быть значительно короче. Церковные власти старались не тянуть с избранием преемников умерших или ушедших за немощью с кафедр архиереев. Длительное отсутствие владыки дестабилизировало церковное управление на местах, хозяйственную жизнь архиерейских домов и вызывало недовольство паствы. Очевидно, что поручение управления кафедрами избранным, но еще не поставленным владыкам сообщало системе епархиального управления более высокую степень устойчивости, снижая риски, связанные с временным отсутствием архиерея.

*И.А. Устинова, к.и.н., с.н.с.
ИРИ РАН*

Текстологические изменения в архиерейских настояльных грамотах конца XVII века

Исследование выполнено по гранту РФФИ № 20-09-42013

Деятельность высших церковных иерархов в России удостоверялась и регламентировалась особым документом, выдаваемым при поставлении на кафедру – настояльной грамотой. Настояльные грамоты получали патриархи, митрополиты, архиепископы и епископы, а также архимандриты и игумены монастырей. Настояльная грамота, с одной стороны, удостоверяла факт интронизации, поставления на руководящую церковную должность, а с другой – содержала обязательный минимум прав и обязанностей церковного пастыря и его паствы. Тексты настояльных грамот эволюционировали на протяжении XVII в., но наиболее интенсивным изменениям они подверглись во второй половине столетия под влиянием динамичной церковно-политической ситуации.

Настояльные грамоты русских патриархов до настоящего времени не введены в научный оборот: из одиннадцати существовавших патриарших настояльных грамот XVII в. в настоящее время известно семь, а опубликованы только четыре из них (*Устинова И.А.* Подходы к публикации настояльных грамот русских патриархов XVII в. //

Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к межд. науч. конф. Москва, 21–22 ноября 2019 г. М., 2019. С. 152–155). Еще меньше исследовательского внимания было уделено архиерейским настольным грамотам. Только за вторую половину XVII в. (с 1649 по 1700 гг.) на архиерейские кафедры Московского патриархата (за исключением территории Киевской митрополии) было возведено 64 архиерея. Между тем в настоящее время известны тексты лишь около трети из них (включая патриаршие настольные грамоты).

Некоторые грамоты известны только по упоминаниям (*Черкасова М.С.* Архивы Вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: Исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012. С. 254, 365–366, 368).

Настольные архиерейские грамоты фиксируют акт заседания собора епископов, который и совершал избрание и поставление кандидата на вакантную архиерейскую кафедру. Общая структура архиерейских настольных грамот проста: они открываются богословской преамбулой, за которой следует констатация факта «вдовения» одной из епархий и необходимости поставления нового архиерея. В грамотах отмечается, что это событие осуществляется по царскому «совету», а на вакантную кафедру избирается «благочестивейший муж». Завершающую часть текста грамоты составляет перечень требований к образу жизни, деятельности, обязанностям новопоставленного архиерея, и, с другой стороны, требование послушания со стороны его паствы. Грамоты завершаются сведениями о времени выдачи (год, месяц, день от сотворения мира, индикт, год, месяц и день от сотворения мира и от Рождества Христова). Грамота удостоверялась патриаршей печатью.

Сравнительно-текстологическое исследование архиерейских настольных грамот конца XVII в. позволяет говорить о серьезном изменении их содержания в этот период, усилению в тексте формально-бюрократического компонента. Эту тенденцию можно продемонстрировать на примере настольных грамот Казанского митрополита Адриана 1686 г. и Крутицкого митрополита Тихона 1696 г. (ОР ГИМ. Син. грам. 1352, 1491). Грамота митрополита Адриана написана в традиционном стиле (ее текст аналогичен текстам более ранних архиерейских настольных грамот), акцент в грамоте сделан, прежде всего, на духовные добродетели нового владыки. По сравнению с ней текст настольной грамоты митрополита Тихона претерпел серьезные изменения. Во-первых, грамота митрополита Тихона на треть длиннее грамоты митрополита Адриана. Во-вторых, она содержит объемные текстовые новации. Они касаются власти патриарха: грамота предписывает митрополиту Тихону строго под-

чиняться патриарху, «а не самочинну, ниже безглавну были», быть покорным, послушным патриарху, «ничтоже дерзати ... в чинех церковных», обращаться по всем сложным вопросам за советом к главе Церкви, действовать только по решениям церковных соборов и проч. С другой стороны, в грамоте появились и более подробные разъяснения относительно обязанностей самого архиерея, которые отсутствуют в грамоте митрополита Адриана: поставлять церковно- и священнослужителей («четцы и певцы знаменати, и иподьяконы, диаконы хиротонисати, и в пресвитера производити достоинство»), освящать храмы, вершить церковный суд и проч. В завершающей части грамоты митрополита Тихона приводится перечень духовных добродетелей, необходимых архиерею, а также описаны его действия в отношении паствы, которые должны привести к укреплению веры и благочестия в епархии. В этой части грамоты не имеют существенных различий.

Представляется, что изменение текста настоящих грамот в конце XVII в. стало следствием церковного строительства, в ходе которого шел процесс более четкого оформления церковных институтов, складывания духовного сословия, структурирования церковной иерархии. Помимо таких более наглядных, публичных мер, как устранение светских чиновников из церковного суда и управления, проведение епархиальной реформы, упорядочение деятельности поповских старост и проч., происходили и менее очевидные процессы осмысления и фиксации прав и обязанностей высших церковных иерархов, выработки правовых формул, фиксирующих взаимоотношения внутри епископата в новых условиях, сложившихся после проведения церковной реформы середины XVII в.

*Е.В. Уханова*¹,
к.и.н., с.н.с.

*А.В. Андреев*²,
гл. специалист

М.Н. Жижин^{2,3},
к.ф.-м.н., гл. специалист

¹ Государственный исторический музей, Москва

² Институт космических исследований РАН, Москва

³ Cooperative Institute for Research in Environmental Sciences (CIRES),
NOAA National Centers for Environmental Information, Boulder, USA

Новые естественнонаучные методы в визуализации утрат средневековых рукописей: миниатюры Хлудовской Псалтири середины IX в. (ГИМ. Хлуд. 129д)

*Работа выполнена по гранту РФФИ № 17-29-04476 оф-м
«Методы визуализации угасших текстов и другой графической информации в средневековых письменных памятниках (рукописях) с использованием электромагнитного излучения различных спектральных диапазонов и цифровых технологий обработки изображений»*

Сотрудничество специалистов Отдела рукописей Исторического музея (ГИМ) и Института космических исследований (ИКИ) РАН в работе над визуализацией угасших фрагментов в древних рукописях методом мультиспектральной фотосъемки с последующей программной обработкой принесло хорошие результаты. Был визуализирован единственный прижизненный портрет Ивана Грозного, выполненный в технике тиснения по коже на подножном экземпляре Апостола 1564 г. Ивана Федорова (*Уханова Е.В., Жижин М.Н., Андреев А.В., Пойда А.А., Ильин В.А.* Прижизненный портрет Ивана Грозного: визуализация угасшего памятника естественнонаучными методами // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 2 (76). С. 13–29. (http://www.drevnyaya.ru/vyp/2019_2/part_2.pdf)). Завершается работа над визуализацией и прочтением уникального глаголического палимпсеста, представляющего собой отрывок из 8 листов древнейшей болгарской минеи XI в. (*Уханова Е.В., Жижин М.Н., Андреев А.В., Пойда А.А.* Естественнонаучные и традиционные методы в исследовании Хлудовского глаголического палимпсеста XI в. (ГИМ. Хлуд. 117): предварительные результаты // *Studi Slavistici*. 2018. XV, 2. С. 5–38. (<http://www.fupress.net/index.php/ss/article/view/23781/22138>)). Нами была сформулирована задача выявить потенциал этого метода в визуализации миниатюр средневековых рукописей, число которых невелико, а сохранность плоха. Восстановление облика угасших миниатюр, являющихся к тому же историческими источниками, – чрезвычайно актуальная задача.

Объектом работ в этой области стала Хлудовская Псалтирь (ГИМ. Хлуд. 129д). Выполненная в Константинополе в середине IX в. она является одним из первых памятников постиконоборческого искусства, обильно украшенных маргинальными миниатюрами (209) – буквальными, историческими и типологическими. Исследователи отмечают высокое мастерство их художников, которым свойственны античные традиции в лепке фигур, легкость и виртуозность линий подготовительного рисунка, динамичное изображение действия, неожиданные ракурсы в позах персонажей, наделенных подчас бурной жестикуляцией, близкую к гротеску и карикатурности изображений негативных героев. Первоначальные миниатюры были сильно поновлены в конце XII – начале XIII в. плотными пигментами. Однако на основе отдельных фрагментов старой живописи и обнажившегося после осыпи позднего красочного слоя чернильного контура рисунка части миниатюр можно получить представление об их первоначальном стиле. Как отмечал В.Н. Лазарев, они были выполнены в легкой живописной манере. Фигуры не были обведены грубыми контурными линиями, выделяясь на фоне пергамента в виде мягких пятен, не утративших еще связи с тради-

циями античного импрессионизма. Колорит строился на нежных, деликатных красках, среди которых преобладали бледно-лиловые, синие, розовато-красные, зеленые и песочно-желтые тона (*Лазарев В.Н.* История византийской живописи. М., 1986. С. 59).

Задача выявления поновлений и ранней живописи крайне сложная. К тому же она может быть решена только с привлечением циклов миниатюр еще двух родственных списков, созданных в то же время в Константинополе – Псалтири Пантократора (Athos. Pantokr. gr. 61) и Парижской Псалтири (Paris. BNF. gr. 20). В области же визуализации угасшего контура чернильных рисунков и осыпавшихся миниатюр примененный нами мультиспектральный метод дал хорошие предварительные результаты. Особенно это касается железогалловых чернил, которыми выполнены перьевые рисунки контура миниатюр. Их можно было бы считать подготовительными, однако в ряде случаев они не покрывались полностью живописью, а раскрашивались лишь частично и несли самостоятельную нагрузку.

При мультиспектральной съемке рисунков был использован ультрафиолетовый диапазон (365 нм), 6 светодиодов по 100Вт и чувствительная, специально модифицированная для подобных целей цифровая фотокамера Canon с фильтрами. В результате съемки нам удалось существенно уточнить композицию и детали ряда миниатюр. Так, на нижнем поле л. 76 находится почти полностью осыпавшаяся иллюстрация к 24 стиху 77 псалма, изображающая людей, собирающих падающую с неба манну. Тем не менее, сохранился угасший рисунок, который нам удалось визуализировать. Были выявлены не только новые фигуры и детали композиции, но и выражения лиц действующих персонажей. В такой же плохой сохранности находится нижняя часть знаковой миниатюры на л. 82 (Пс 81:8) с новой трактовкой изображения Воскресения Христова. В нижней части миниатюры – угасший рисунок, о котором издатель миниатюр рукописи М.В. Щепкина, а за ней ряд исследователей писали: «миниатюра стерлась, различается только нога стремительно убегающего демона» (*Щепкина М.В.* Миниатюры Хлудовской Псалтыри. М., 1977). При мультиспектральной съемке была выявлена огромная фигура неподвижно сидящего, грустного Селена, олицетворяющего поверженный ад, с опущенной головой раскинутыми на земле ногами. Его голову попирает воскресший Христос.

Используемый нами метод позволил уточнить композицию и детали целого ряда миниатюр, однако настоящим открытием стали полностью стертые рисунки на полях, о которых до сих пор никто не знал. Так, на л. 5 об. был выявлен мастерски выполненный рисунок льва, терзающего свою жертву. Он почти полностью повторяет находящуюся слева от него на том же поле миниатюру. Велика ве-

роятность, что оба изображения принадлежат одному художнику, который по каким-то причинам стер первоначальный рисунок и выполнил миниатюру рядом. На нижнем поле л. 70, считавшегося до сегодняшнего времени пустым, рядом с заглавием 72 псалма нами обнаружен стертый рисунок скачущего всадника. Фигура самого наездника прочитывается пока плохо, однако очень динамичное изображение коня и особенности его изображения роднят его со знаменитой миниатюрой скачущего Константина Великого на л. 58 об. Еще один стертый рисунок на нижнем поле л. 55 идентифицировать полностью пока не удалось, поскольку он не просто угас или смыт, а был соскоблен. Тем не менее здесь просматриваются ноги и согнутые спины группы людей, которые в дальнейшем мы планируем визуализировать программными методами. Работа над миниатюрами Хлудовской Псалтири находится лишь в самом начале, поэтому мы планируем развивать применяемые здесь естественнонаучные методы и добиваться новых результатов.

*Е.М. Ушанков, с.н.с.
ОН ГИМ*

**Средневековые клады западноевропейских монет
в собрании Отдела нумизматики ГИМ.
К вопросу о реконструкции и источниках поступления**

Коллекция западноевропейских монет Отдела нумизматики Государственного исторического музея насчитывает почти 200 тыс. единиц хранения, а история её формирования уходит своими корнями в XIX в. До середины прошлого столетия клады западноевропейских монет, хранившиеся в Историческом музее, привлекали к себе мало внимания исследователей. Только с 50-х гг. XX в. началась систематическая фиксация и публикация кладов сотрудниками ГИМ, прекрасными специалистами по русской нумизматике, Н.Д. Мец и А.С. Мельниковой.

После возвращения фондов музея из эвакуации старые номера, выданные предметам до Великой Отечественной войны, были списаны, коллекции по большей части депаспортизированы и смешаны с репарационными поступлениями. Поэтому вплоть до недавнего времени были опубликованы сведения лишь о трёх средневековых кладах из собрания ОН ГИМ.

Первый – клад эпохи позднего Средневековья, начала XVI в., включал 32 целых монеты и 2 обломка. Клад был найден в 1945 г. на территории Эстонской ССР. На момент публикации этого клада Н.А. Соболевой в 1962 г. (*Соболева Н.А.* Клады западноевропейских монет в собрании музея // Ежегодник Государственного Историче-

ского музея 1960 год. М., 1962, С. 63, № 1) паспорт сохранили лишь 10 монет из клада. Все они представляют собой шиллинги, отчеканенные от имени магистров Ливонского ордена.

Ещё один комплекс, включавший 88 литовских и польских монет начала XVI в., был найден в 1961 г. на территории современной Беларуси, в Минской области, и опубликован в 1998 г. (*Беляков А.С.* Клад польских и литовских биллоновых монет конца XV–XVI веков из Минской области // Нумизматический сборник 1998. К 80-летию В.М. Потины. СПб., 1998. С. 77–84).

Третий – Колодезский клад средневековых восточных и западноевропейских монет. Он был найден в д. Колодези Калужской обл. в 1964 г. Часть монет (575 экз.) поступила в ГИМ и позднее была опубликована (*Беляков А.С., Янина С.А.* Колодезский клад куфических и западноевропейских серебряных монет 60-х годов XI в. // Нумизматический сборник. Часть пятая. Вып. 2. М., 1977, С. 10–99). Судьба остальных монет до начала 1980-х гг. была неизвестна, но в 1985 г. ещё 529 монет и их обломков из клада были получены Государственным Эрмитажем (*Добровольский И.Г., Потин В.М.* Колодезский клад монет XI в. // Нумизматика в Эрмитаже. Л., 1987, С. 136).

Работа с собранием западноевропейских монет на протяжении последних нескольких лет позволила уточнить или восстановить происхождение нескольких групп монет. В частности, было установлено, что в собрании имеются монеты, относящиеся не менее чем к трёмкладам.

В коллекции были выявлены средневековые европейские денарии, которые по музейной документации числятся «купленными на торгу», попавшие в музей в 1891 г.. Запись в ГИК ГИМ № 22993 от 11 февраля 1891 г. сообщает о 12 европейских и восточных монетах, которые, судя по всему, составляли небольшой клад и были найдены на поле близ дер. Конопельчицы в Оршанском уезде Могилёвской губернии. На сегодняшний день выявлено пять западноевропейских монет, которые относятся к данному поступлению. Из них два экз. – англосаксонские пенни Этельреда II (978–1016), один относится к типу «длинный крест» (Long Cross type), монетный двор – Линкольн, монетарий – Кольгрим (Colgrimr), второй пенни – тип «последний малый крест» (Last Small Cross), монетный двор Лондон, монетарий – Эльфнот (Ælfnoth). Ещё три экз. – германские денарии Оттона и Адельгейды (Otto-Adelheid-Pfennige) конца X – начала XI в. Все три немецкие монеты по классификации Хатцев относятся к четвёртому типу (Hatz, Typ IV).

Удалось установить принадлежность 63 западноевропейских монет XI в. к кладу из местечка Лисовек (Lisówek, Leisow), опубликованному в 1896 г. (*Bahrfeld E.* Numismatischer Theil, betreffend den

Silberfund von Leissow // Hervorragende Kunst- und Alterthums-Gegenstände des märkischen Provinzial-Museums in Berlin. Heft I. Die Nacksilberfunde. Berlin, 1896, S. 15–41, Taf. VI–VIII). Из них 60 – англосаксонские денарии, королей Эдгара (959–975) (1 экз.) и Этельреда II (978–1016) (59 экз.). Есть два чешских денария второй половины X в. Весьма вероятно, что к этому же кладу относятся и один датский денарий Свена Эстридсена (1047–1074).

Большой интерес вызывают обнаруженные в ходе сверки монеты, а также фрагменты монет и серебряных украшений. Они находились в коробке без учётных обозначений, к которой была приложена небольшая бумажка с карандашной записью следующего содержания: «Серебро / Лом / 500 гр / из 9-й немецкой посылки». В ГИК ГИМ (№ 81845) обнаружилась одна запись от 29 августа 1945 г., в которой указано собрание предметов (6093 экз.), поступивших в музей от Политуправления РККА через Музей Красной армии в девяти посылках. Возможно, что именно среди этих предметов и находились эти 500 грамм «серебряного лома». Есть все основания полагать, что эти фрагменты украшений и монет представляют собой часть одного или нескольких кладов, обнаруженных на территории Германии или соседних с ней стран.

Всего в этот комплекс входит 1177 монет и их фрагментов, а также 422 фрагментов ювелирных украшений, проволоки, слитков и пластин.

На сегодняшний день определены не все монеты этого комплекса и работа по их атрибуции продолжается. Предварительно можно говорить о следующих результатах. Среди определённых монет комплекса присутствуют германские денарии конца X – XI в. (около 41%), чешские денарии (около 4,5%), англосаксонские пенни (около 3%), кроме того, присутствуют польские и датские денарии, обломки восточных монет. Значительное количество фрагментов украшений, присутствующих в комплексе, точной атрибуции не поддаётся, однако можно уверенно говорить о славянском происхождении этих предметов.

Не представляется возможным установить, к какому или какимкладам относятся эти предметы. Можно предположить, что этот клад (или клады) был сокрыт на территории северной Польши. Состояние и сохранность части монет и украшений наводит на мысль о том, что в данный комплекс могли попасть предметы из разных кладов.

Работа по выяснению происхождения западноевропейских монет в собрании ОН ГИМ продолжается и можно надеяться, что ещё большое количество предметов собрания обретут свою историю.

К вопросу об истории Судных приказов в царствование Фёдора Алексеевича

Изучение Судных приказов в отечественной историографии имеет весьма скудную историю. Несмотря на то, что уже Г.Ф. Миллер в незавершённом труде о Фёдоре Алексеевиче задавался вопросом о времени существования этих учреждений, до настоящего момента рассматривался лишь небольшой период конца XVI – первой половины XVII вв. (*Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 346; Князьков С.Е. Судные приказы в конце XVI – первой половине XVII века // Исторические записки. М., 1987. Вып. 115. С. 268-285; Лисейцев Д.В. Судные приказы Московского царства в конце XVI – начале XVII века // Российская история. 2010. № 6. С. 106–115*). В результате это привело к тому, что в исторической и справочной литературе возникло необоснованное мнение об объединении Судных приказов в 1685 г. (*Вернер И.И. О времени и причинах образования Московских приказов. М., 1907. С. 174, 176; Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 192*), хотя многочисленные опубликованные документы свидетельствуют о том, что это произошло гораздо раньше, в 1680–1682 гг., и было связано напрямую с действиями Фёдора Алексеевича.

До 1680 г. взаимодействие Московского и Владимирского Судного приказов сохраняло тот порядок, который кратко описывался в историографии и научно-справочной литературе о приказной системе: в Московском Судном разбирались дела преимущественно московских чинов (и некоторых южных территорий), тогда как во Владимирском судились городовые чины старинных городов и, что принципиально важно, думные чины. Именно этим фактом С.Е. Князьков, проанализировав дела первой половины XVII в., объяснял более «честное» положение второго приказа (в том числе в местнических спорах) (*Князьков С.Е. Указ. соч. С. 276–278*). Однако к моменту восшествия на престол Фёдора Алексеевича во взаимодействии Московского и Владимирского Судных приказов сложилась непростая ситуация. Во-первых, участились местнические споры между судьями, в результате чего для их пресечения приходилось назначать в эти учреждения родственников (*Богоявленский С.К. Приказные дьяки XVII века // Исторические записки. М., 1937. Т. 1. С. 232*). Во-вторых, серьёзным образом возросло количество московских чинов (по некоторым оценкам, в 1667–1681 гг.

с 740 до 2422 человек одних только московских дворян), что превращало Московский Судный приказ в более крупную судебную структуру, чем Владимирский Судный, и приводило к закономерному возрастанию приказного аппарата. Так, к 1686–1687 гг., по оценке Н.Ф. Демидовой, в первом служило 76 подьячих, тогда как во втором – всего 25 (Правительственная элита русского государства. СПб., 2006. С. 427–430; *Демидова Н.Ф.* Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // *Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.)*. М., 1964. С. 216). Вместе с перераспределением дел между центральными и местными органами во второй половине XVII в. становилось заметным то, что у Владимирского Судного приказа в качестве основной группы подсудных лиц сохранялись лишь думные чины, поскольку к этому же времени, кроме всего остального, относят ещё и распад местных дворянских корпораций (*Князьков С.Е.* Указ. соч. С. 281). В этой связи неудивительно, что в рамках перегруппировки и объединения ряда приказов в начале 1680-х гг. на совместном заседании царя, патриарха и Боярской думы 30 апреля 1680 г. Московский и Владимирский Судный приказ были объединены (*Седов П.В.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в. СПб., 2006. С. 417).

Необходимо отметить, что косвенные данные об этом прослеживались ещё со времён издания Полного собрания законов, хотя исследователи зачастую игнорировали чёткую терминологию указов. К примеру, при цитировании указа от 5 ноября 1681 г., где к Судному приказу присоединялся Холопий, учёные пытались угадать, относится ли он к Московскому или Владимирскому, хотя территориальное обозначение в документе отсутствовало (*Вернер И.И.* Указ. соч. С. 174; *Маньков А.Г.* Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. С. 87). Это также справедливо по отношению к справочным изданиям, где имеются отдельные вкрапления о наличии дьяков или судей в приказах с конкретным названием (*Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 289), хотя непосредственные данные о систематическом существовании Судного приказа без какого-либо территориального обозначения в 1680–1682 гг. указал С.К. Богоявленский в своём известном справочнике, что было, в свою очередь, полностью проигнорировано в обновлённой версии (*Богоявленский С.К.* Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI–XVII вв. М., 2006. С. 166–167; *Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Указ. соч. С. 181–199). Остались незамеченными сведения об истории стрелецкого восстания 1682 г., в которых, между прочим, был опубликован указ о восстановлении Московского и Владимирского Судного приказов 10 октября 1682 г. (Восстание в Москве 1682 г. Сб. документов. М., 1976. С. 201).

Почти трёхлетнее объединение Судных приказов привело к существенному изменению их статуса в приказной системе после 1682 г., так что Московский Судный не только стал гораздо чаще упоминаться в указах на фоне всё менее значимого Владимирского, но и, видимо, приобрёл от последнего судебные функции по отношению к думным чинам. Об этом, в частности, свидетельствуют росписи переданных в 1683 г. дел от бывшего Тайного приказа, где дела были распределены в соответствии с новым оформившимся порядком (Дела Тайного приказа // РИБ. Т. 21. СПб., 1907. Стб. 664–673). Кроме того, по количеству подьячих Московский Судный приказ в три раза превосходил восстановленный Владимирский, так что неудивительно, что именно первому в 1694 г. Пётр I поручит надзирать над судебными пошлинами и делами воевод, тогда как второй за ненадобностью будет окончательно расформирован в 1699 г. (ПСЗРИ. 1649–1825. Т. 3. № 1494, 1713).

*Д.З. Фельдман, к.и.н., глав. специалист
РГАДА*

Архивные источники информации о местах проживания евреев в Санкт-Петербурге на рубеже XVIII–XIX вв.

Как известно, 23 декабря 1791 г. вышел именной указ Екатерины II Сенату о том, что право «гражданства и мещанства», ранее предоставленное евреям в Белоруссии (Витебской и Могилевской губерниях, присоединенных к России по первому польскому разделу 1772 г.), распространяется также на Екатеринославское наместничество и Таврическую область (позднее – Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую губернии). Тем самым на законодательной основе было положено начало формирования так называемой «черты еврейской оседлости», т. е. установлено правило, запрещающее евреям водворяться за пределами объявленной территории и записываться вне ее в городские сословия. Те евреи, которые к этому времени уже записались в купеческий оклад городов Великороссии, в том числе столичных, были вынужены покинуть их и возвратиться в свои родные места. Сенатским докладом, представленным Александру I 7 апреля 1802 г., по вопросу о коммерции еврейских купцов из Белоруссии в Москве и Санкт-Петербурге, данный запрет был подтвержден (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 40 доп. Л. 1–7); они могли находиться в столицах лишь ограниченное время, без права постоянного жительства.

Следует отметить, что специалистам по истории российского еврейства достаточно хорошо известно о том, где останавливались евреи в Москве, когда приезжали сюда в начале XIX в. по своим

нуждам. Истории так называемого «московского гетто» в Китай-городе посвящено несколько научных работ, как дореволюционных авторов (*Гессен Ю.И.* Московское гетто // Москва еврейская: Сб. статей и материалов / Ред.-сост. К.Ю. Бурмистров. М., 2003. С. 348–363; *Марек П.С.* Московское гетто // Там же. С. 364–384), так и современных (*Улицкий Е.Н.* Евреи в Москве: Зарядье. Конец XVIII – начало XX в. Документы и материалы. М., 2019). В то же время почти ничего неизвестно о местах проживания евреев в то время в Санкт-Петербурге. Между тем подобная информация иногда содержится в таком документальном источнике, как прошения, которые евреи подавали российским властям в надежде разрешить различные наболевшие проблемы их жизни. Конкретное место их проживания в столице (городская часть, квартал, улица, номер дома и домовладелец), как правило, указывалось в конце прошения. Рассмотрим в хронологическом порядке сведения некоторых архивных источников, отложившихся в РГАДА и РГИА:

— слуцкий мещанин Хилка Ицкович (сентябрь 1797 г.) – 1-я часть, Средняя Мещанская ул., дом купца Медникова (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 38339. Л. 2);

— поверенный белорусских купцов 1-й гильдии, могилевский мещанин Шолом Юдович (январь 1800 г.) – 2-я Адмиралтейская часть, 3-й квартал, дом доктора Цуберта № 124 (Там же. Д. 61015. Л. 2);

— пинский раввин Авигдор Хаймович (сентябрь 1800 г.) – Малая Мещанская ул., дом купца Медникова № 106 (Там же. Д. 56037. Л. 4 об.);

— поверенный евреев г. Хмельника Подольской губ. Лейба Невахович (март 1802 г.) – 2-я Адмиралтейская часть, дом № 109 (РГИА. Ф. 1486. Оп. 23. Д. 49. Л. 2);

— белицкий купец Гамшей Хаймович Ноткин (август 1806 г., декабрь 1808 – июнь 1809 г.) – 3-я Адмиралтейская часть, Большая Подъяческая ул., 4-й квартал, дом г-жи Грейсариш (коллежского ассессора Грейсера) № 201 (РГИА. Ф. 1486. Оп. 13. Д. 193. Л. 3 об., 25; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1889. Л. 19, 51);

— курляндский комиссионер Бер-Зелиг Клейн (март 1816 г.) – 3-я Адмиралтейская часть, 2-й квартал, дом советника Петрова № 100 (РГИА. Ф. 535. Оп. 1. Д. 5. Л. 338 об., 416 об.).

В ноябре 1800 г. Тайная экспедиция Сената проводила следствие по делу лидера литовско-белорусских хасидов, рабби Шнеура Залмана бен Баруха из Лиозно (по русским источникам Залмана Боруховича) обвиненного в государственной измене противниками хасидов – ортодоксами-раввинистами. После рассмотрения всех обстоятельств он был освобожден, а донос был признан следствием

междоусобной борьбы в еврейских общинах. В сохранившемся архивном деле имеется прямое указание на место проживания рабби («начальника каролинской секты») и вызванных в Петербург для допроса свидетелей-евреев – копысского мещанина Юды Файбишовича, витебского купца Давида Шлиомовича и белорусского купца Файбиша Юделевича: «...пребывание еврей Борухович должен будет иметь в доме Цуберта, где и прочие евреи жительствоуют» (РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 3140. Л. 330). Точный и полный адрес этого домовладения – 2-я Адмиралтейская часть, 3-й квартал, Малая Мещанская улица, дом доктора Цуберта (Чоборта) № 124.

Кроме того, надо отметить, что адреса временного жительства евреев, посещавших столицу, фиксировались в газете «Санкт-Петербургские ведомости». В качестве примера приведем ряд лиц, посетивших Петербург в 1801 г.: полоцкий мещанин Герц Израелевич – Малая Мещанская ул., дом доктора Цуберта № 124; Вулф Исакович со служителем – Офицерская ул., трактир, дом № 207; мозырский купец 1-й гильдии и казенный поставщик Меер Файбишович – 2-я Мещанская ул., дом купца Медникова; копыцкий купец Юда Файбишович – Малая Мещанская ул., дом доктора Цуберта № 124; витебский мещанин Абрам Янкелевич – Малая Мещанская ул., дом доктора Цуберта № 124.

Нетрудно заметить, что чаще всего в архивных документах рубежа XVIII и XIX вв. фигурируют два петербургских адреса временного проживания евреев: домовладения купца Медникова и доктора Цуберта, находившиеся на Мещанских улицах. Этот факт может свидетельствовать либо о том, что сами евреи предпочитали уже «проверенные» места для проживания и рекомендовали их друг другу, либо о том, что городские власти обзывали евреев останавливаться в определенных домах, как это произошло позже в Москве.

Несмотря на то, что выявленная информация является на первый взгляд побочным продуктом изучения прошений евреев российским властям и других рукописных или печатных источников, она, тем не менее, содержит важные сведения о локализации их временного проживания в Санкт-Петербурге в конце XVIII – начале XIX в., а также о персоналиях владельцев домов, в которых евреи останавливались. В конечном итоге благодаря уже проведенному и возможному дальнейшему исследованию можно шире и детальнее представить себе повседневную жизнь евреев в Российской империи за чертой оседлости.

Археографическая деятельность краеведческих организаций России в 1917–1929 гг.

В 1917–1929 гг. в России развернулось мощное краеведческое движение, направленное в первую очередь на спасение, сохранение и многоцелевое использование всех разнообразных памятников истории и культуры, в том числе документальных. Энергичной была деятельность краеведческих организаций и в области археографии, которая, согласно вышедшему в 1920-е гг. первому изданию Большой Советской Энциклопедии, определялась как «отрасль исторической науки, имеющая своей задачей собирание, описание и издание исторических памятников».

В активизации археографической деятельности краеведческих организаций в первые послереволюционные годы важная роль принадлежала издававшемуся в Казани в 1920–1924 гг. «Казанскому музейному вестнику», на страницах которого были опубликованы статьи А.И. Никифорова «Музей и рукопись» и А.Я. Тугаринова «Музей Приенисейского края и его организация (Задачи и принципы устройства местного музея)». Примечательно, что в вышеназванной статье красноярского краеведа А.Я. Тугаринова, напечатанной в 1922 г., предсказывалось грядущее «археографическое открытие» Сибири, состоявшееся, как известно, в конце 1950-х – начале 1960-х гг.

Активизации археографической деятельности краеведов способствовали и разномасштабные краеведческие съезды и конференции, во множестве созывавшиеся в центре и на местах в 1920-е гг.

Целенаправленная археографическая деятельность краеведческих организаций приводила к образованию в составе некоторых из них (в частности, в Вологде, Иваново-Вознесенске, Нижнем Новгороде, Северо-Двинске) специальных археографических секций или комиссий.

Важным направлением археографической деятельности краеведов являлось выявление и собирание документальных памятников. При этом широко использовались специально разрабатывавшиеся анкеты, программы и инструкции.

В деле выявления и собирания документальных памятников важная роль принадлежала и организуемым краеведческими обществами и музеями археографическим экспедициям. Особой интенсивностью отличалась экспедиционная деятельность Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания, членом которого был и знаменитый источниковед и археограф будущий

академик М.Н. Тихомиров. Труды М.Н. Тихомирова в 1920–1921 гг. были вывезены в Самару такие ценные собрания документальных памятников, как семейный архив Аксаковых, рукописи и старопечатные книги старообрядческих Иргизских монастырей.

Собрания книг и рукописей при краеведческих организациях пополнялись и путем пожертвований или покупок.

Заметным направлением археографической деятельности краеведческих организаций являлось выявление документов по истории края в центральных архивохранилищах страны.

Описанием собранных документальных памятников успешно занимались краеведы Вологды, Казани, Пскова, Рязани и особенно Самары. Необходимо подчеркнуть, что именно в Самарском обществе археологии, истории, этнографии и естествознания прошел школу описания рукописей и книг М.Н. Тихомиров. Будучи в 1920–1923 гг. заведующим библиотекой Общества, заведующим Аксаковской комнатой архива-музея Общества, председателем библиографической комиссии Общества, заведующим кабинетом старопечатных книг и рукописей Самарского университета, М.Н. Тихомиров подготовил к печати описание архива семьи Аксаковых, описание рукописей Иргизских монастырей, принимал участие в работах по составлению алфавитного и систематического каталогов библиотеки Общества, которая насчитывала десятки рукописных и старопечатных книг.

Важным направлением археографической деятельности краеведческих организаций являлось издание документов. На страницах печатных органов краеведческих обществ и музеев было опубликовано множество ценных источников по отечественной истории: и отдельных документов, и обширных их комплексов, объединенных принадлежностью к одному фонду, одной тематике, одной разновидности или одному лицу.

Применявшаяся в краеведческих изданиях методика публикации документов зачастую продолжала оставаться на уровне достижений дореволюционной археографии. Но разрабатывались и новые методы издания документов. Об этом свидетельствуют материалы докладов известного археографа А.И. Андреева «Методы и приемы издания архивных документов» на 2-й Всесоюзной конференции по краеведению (Москва, декабрь 1924 г.) и костромского краеведа Ф.А. Рязановского «Приемы издания древнерусских актов» на 1-м Костромском губернском краеведческом съезде (Кострома, июнь 1924 г.), а также готовившаяся саратовским историком С.Н. Черновым статья «К методологии печатания черновиков».

В 1929–1931 гг. краеведческое движение было разгромлено. Добровольные краеведческие общества были ликвидированы и за-

менены бюрократическими бюро краеведения, а ведущие краеведы (в том числе вышеупомянутые А.И. Андреев, Ф.А. Рязановский и С.Н. Чернов) по печально известной статье 58-10 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда») были репрессированы и посланы в отдалённые регионы страны. Многочисленные краеведческие издания 1920-х гг. на долгие годы были основательно забыты, о чем свидетельствуют следующие факты: на их страницах автором настоящих строк были обнаружены публикации видных и выдающихся отечественных ученых (в том числе и таких крупных специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин, как А.И. Андреев, Н.Г. Бережков, А.И. Соболевский), не значащиеся в изданных библиографических справочниках; крупнейшему российскому археографу В.И. Малышеву в 1960-е гг. удалось с помощью краеведческих изданий 1920-х гг. обнаружить ценное собрание рукописей XVII–XIX вв. (см.: *Филимонов С.Б.* Краеведческие организации европейской России и документальные памятники (1917–1929 гг.) / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1991. С. 7–28, 66–79).

*В.Г. Фоменко, к.г.н., доц., зам. декана
Приднестровский ГУ им. Т.Г. Шевченко (Тирасполь, Молдова)*

Обоснование целесообразности создания Историко-этнографического атласа Приднестровья

Основная цель создания Атласа – дать комплексную картографическую характеристику этнической истории, этнического многообразия, религиозной и культурной самобытности развития отдельных регионов и местностей Приднестровья.

Атлас может служить информационно-справочным картографическим пособием для специалистов различных областей науки, культуры, применяться в профессиональной деятельности преподавателями средних и высших учебных заведений, а также использоваться в государственных учреждениях и органах государственной власти ПМР.

Он призван стать составной частью информационной системы ПМР, обеспечив научную, методическую и информационную поддержку: в государственном строительстве – государственной идеологической доктрине; самоидентификации и межнациональному диалогу народов, населяющих Приднестровье; как фактор интеграции местных сообществ, укрепления межпоколенческих связей, актуализации исторической памяти о населенном пункте или регионе, формирования устойчивого локально-регионального уровня идентичности; в сфере экономики – государственным программам социально-экономического, культурно-образовательного и туристического

ческого развития на государственном, региональном и муниципальном уровнях; в сфере науки – развитию широкого спектра наук, в первую очередь, географии, этнографии, культурологии, туризмологии; перспективным научным исследованиям и прикладным разработкам; развитию тематического картографирования, формированию отраслевых и универсальных баз данных и географических информационных систем прикладной направленности; в сфере образования, просвещения, пропаганды знаний и культуры – развитию этнокультурного строительства, культурной инфраструктуры, выявлению объектов наследия; подготовке кадров различных уровней квалификации, пропаганде знаний среди населения, развитию самообразования; в сфере международных отношений – ознакомлению с территорией, этническим разнообразием, культурой народов ПМР и изучению заинтересованными деловыми кругами, государственными и общественными организациями, гражданами; развитию сотрудничества ПМР в сфере научных, культурных, деловых и прочих контактов.

Среди основных направлений использования Атласа могут быть:

- разработка прогнозов и программ социально-экономического развития; управление развитием отраслей социокультурной сферы территорий;

- брендинг территорий и населенных пунктов («места этнокультурной памяти») местным сообществом, муниципалитетами и помогающим им в методическом плане исследователями и специалистами;

- представление материалов Атласа в глобальном информационном пространстве для международного позиционирования ПМР;

- выработка исторической политики органами государственной власти и местного самоуправления;

- источником информации для исследований научного сообщества, работы и проектов СМИ, различных общественных институтов и коммерческих организаций в разных областях – культурно-просветительские, образовательные и общественно-политические мероприятия, социальные проекты, реклама и пр.;

- участие в процессах «глокализации», в развитии маркетинга мест (населенных пунктов, микрорайонов, улиц и кварталов), их туристической и инвестиционной привлекательности.

Предполагается, что потребителями Атласа будут: государственные, районные и муниципальные органы власти и учреждения, общественные организации, чья деятельность непосредственно связана с наукой, историей, культурой, образованием, и которые будут использовать Атлас практически постоянно в повседневной деятельности; эпизодические потребители, которые будут использовать

в качестве справочного источника; потенциальные потребители – граждане и юридические лица, не имеющие опыта работы с картографической информацией и привлечение которых к кругу потребителей требует проведения специальных мероприятий – рекламы, разработки учебно-методических пособий, организации совещаний и семинаров пользователей и т. п. Мотивация разработки и создания Атласа также обусловлена конкуренцией территорий в привлечении инвестиций, стремлением увеличить туристическую привлекательность, обеспечить тем самым их устойчивое развитие, т. е. обеспечивает эффективность функционирования маркетинга мест.

Разработчики рассчитывают, что создание картографического печатного издания и интернет-сервиса будет иметь значение для актуализации и репрезентации национальной, региональной и локальной исторической и этнокультурной памяти приднестровцев. Данный ресурс предоставит местным сообществам, муниципалитетам и помогающим им в методическом плане исследователям и специалистам удобный методический и программно-технологический инструмент для обеспечения процесса брендинга территорий (с опорой на историко-культурное наследие, «места памяти»), представления их в глобальном информационном пространстве, их туристической и инвестиционной аттракции.

Б.Л. Фонкич, д.и.н., г.н.с.
ИВИ РАН

«Иерусалимский» кодекс «Илиады»: к палеографической оценке синайского фрагмента

Одним из самых замечательных открытий среди греческих рукописей на Синае в 1975 г. явился большой фрагмент «Илиады» с прозаическим переводом ее стихотворного текста. Выдающийся греческий палеограф Линос Политис, посетивший в 1978 г. по поручению Министерства культуры и науки Греции монастырь св. Екатерины для первоначального ознакомления с открытыми там манускриптами, обнаружил четыре листа «Илиады» и представил свои соображения относительно датировки и локализации этой рукописи. Он отнес ее письмо к почеркам стиля *наклонного маюскула*, особенностью которых является специфический рисунок *йоты*, *каппы* и *лямбды*, но главное – постоянное использование двух букв, *альфы* и *мю*, в минускульной форме. Понимая, что такие почерки принадлежат переходному периоду от унциала к минускулу и должны датироваться концом VIII – первой половиной IX в., Л. Политис предположил, что письмо фрагмента «Илиады», судя по его особенностям, по-видимому, принадлежит к наиболее позднему

отрезку указанного периода в истории почерков данной группы. Принимая во внимание содержание этого манускрипта, оно должно относиться уже к началу второй половины IX в., к эпохе Первого византийского гуманизма и периоду деятельности патриарха Фотия. Что касается локализации, то, сомневаясь в синайском происхождении этой рукописи, ученый делает предположение относительно ее создания, скорее, в Константинополе.

Следующий этап в изучении синайского фрагмента «Илиады» связан с исследованиями П. Николопулоса. Взяв на себя задачу описания греческой части рукописей синайской находки 1975 г., исследователь в вышедшем в 1998 г. обзоре и описании этих манускриптов представил следующие результаты анализа кодекса «Илиады: 1) В дополнение к четырем листам у Л. Политиса П. Николопулос обнаружил еще девять листов манускрипта, а также на л. 1 – имя игумена Софрония, по мнению исследователя – будущего александрийского патриарха (841–860 гг.), которому и нужно отнести труд по прозаическому переводу стихотворного текста «Илиады». 2) Рукопись входит в большую, состоящую из 15 единиц, группу рукописей, тексты которых написаны одинаковым типом почерков. С точки зрения содержания все эти рукописи образуют единую группу текстов, предназначенных для их литургического использования. Исключением является лишь «Илиада» (МГ 26), которая изготовлена, несомненно, в целях ее школьного изучения. 3) Все рукописи данной группы в издании 1998 г. были датированы П. Николопулосом IX–X в., но уже в работе 2003 г. относятся к началу IX в., когда начинают рассматриваться исследователем в сопоставлении с Vat. gr. 2200. Теперь им открыты всего 15 листов синайской «Илиады».

Не будем затрагивать здесь вопрос об авторстве прозаического перевода «Илиады» в МГ 26, которого касается П. Николопулос в своих работах. На данном этапе изучения материала мы предпочитаем не столько филологические гипотезы, сколько более надежные, по нашему мнению, соображения палеографического характера.

До синайской находки 1975 г. изучать письмо, которым писан текст МГ 26, было, по сути дела, невозможно: такие образцы почерков, какими писаны РНБ. Греч. 87 (собрание К. Тишендорфа) или исследованные совсем недавно F. D' Aiuto фрагменты европейских собраний, не были известны специалистам по истории греческого книжного письма VIII–IX вв. Оставалась в полном одиночестве и выдающаяся по своим палеографическим и кодикологическим особенностям и рукопись Vat. gr. 2200. Палеографом, соединившим почерки представленной П. Николопулосом группы, в составе которой находится «Илиада» МГ 26, с маюскулом и протоминускулом

Vat. gr. 2200, явилась Л. Перриа. Теперь мы имеем возможность сделать следующие выводы.

На сегодняшний день группа рукописей, объединяемая указанными унциальными почерками, включает в себя следующие манускрипты: Vat. gr. 2200; Sin. gr. *NE* МГ 15, 24, 26, 29, 37, 48, 52, 81, 82, 83, 84, 88, 91, 99, 109, а также пять фрагментов европейских собраний, исследованных F. D' Aiuto, и, наконец, РНБ. Греч. 87. Всего – 22 манускрипта.

Используя имеющиеся теперь представления о датировании унциальных и минускульных рукописей VIII–IX вв. с отсутствием или в той или иной мере наличием надстрочных знаков при копировании текстов, а также (естественно!) принимая во внимание палеографические особенности манускриптов, мы можем теперь расположить большинство известных рукописей в следующем порядке их появления на свет: **а)** (Отсутствие надстрочных знаков: середина – третья четверть VIII в.) Politis L. 1980. P. 13. Pl. 7с. **б)** (Минимальное количество надстрочных знаков: третья четверть – конец VIII в.) РНБ. Греч. 87, МГ 82, МГ 83, МГ 88. **с)** (Значительно большее количество знаков диакритики по сравнению с предыдущей группой: вторая половина VIII – начало IX в.) Vat. gr. 2200, МГ 15, МГ 24, МГ 26, МГ 29, МГ 37, МГ 48, МГ 52, МГ 84, МГ 91, МГ 99. **д)** (Более развитая система диакритики по сравнению с предыдущими группами рукописей: первая половина IX в.) МГ 81. **е)** (Полностью развитая система надстрочных знаков: середина – вторая половина IX в.) МГ 109.

Судя по почеркам перечисленных 17 рукописей, а также пяти фрагментов, исследованных F. D' Aiuto, перед нами – организованная в скрипторий *школа письма* переходного периода, т. е. времени активного употребления в книгописании одного из вариантов маюскула палестинского дукта с регулярным введением в унциал элементов минускула. При этом при создании книг не литургического использования, но книг для чтения стали применять значительные объемы изобретенного, как можно предполагать, *писцами данного центра* нового, быстрого и экономного, книжного письма – трансформированного курсива, т. е. минускула. Важной особенностью «четых» книг оказалось использование для их создания не только пергамена – обычного в то время материала для письма, но и нового для греческого мира тех областей, где создавались такие рукописи, по-видимому, более доступного материала – арабской бумаги.

Письмо интересующих нас здесь манускриптов в сочетании со знаками диакритики позволяет датировать эти рукописи от середины VIII до середины – второй половины IX столетия. Подавляющее большинство фрагментарно сохранившихся образцов *scrittura mista*

– церковного предназначения (сюда естественным образом присоединяется и кодекс Vat. gr. 2200). Исключением является значительный отрывок «Илиады» с прозаическим переводом ее текста. Эта редчайшая по своей древности учебная книга никак не нарушает общей картины деятельности скриптория, но, напротив, дополняет представление о разнообразии репертуара крупного (во всяком случае – значительного) центра книгописания, имеющего большие (по крайней мере, нескольких десятилетий, а, быть может, и целого столетия) традиции, штат профессиональных переписчиков, доступ к древним книгам для их копирования.

В одном из своих исследований мы пришли к выводу о теснейшей связи кодекса Vat. gr. 2200 с порфирьевским фрагментом РНБ. Греч. 216. Л. 349, локализация которого Иерусалимом несомненна. Такое наблюдение позволяет определить *иерусалимское происхождение* не только двух данных рукописей, но и всей группы манускриптов *scriptura mista*. Этот скрипторий существовал в центре Св. Земли, действовал на протяжении, во всяком случае, столетия и был одним из важных культурных явлений Восточного Средиземноморья изучаемого здесь времени.

Д.А. Хотимский, PhD
независимый исследователь, Уолтем, Массачусетс

К этимологии Лобного места в Москве

Первое достоверное упоминание о Лобном месте в Москве содержится в Пискаревском летописце под 7107 г. (сентябрь 1598 – август 1599): «Того же году зделано Лобное место каменное, резана, двери – решетки железные» (ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 202). Происхождение этого названия по сей день остается невыясненным. Основные версии таковы.

1) Эшафот публичных казней. Его название объясняется либо выражением «рубить лбы», либо параллелью с евангельской Голгофой – холмом у стен Иерусалима, где был распят Иисус Христос: *ἢ ἐγὰρ πρὶνδοῦσα на мѣсто нарицаемое лѣбное, тѣ распѣша ἐγὼ* (Лк 23:33). Однако реальной основы под собой эта версия не имеет – казни на московском Лобном месте не совершались. Своим же нарицательным значением эшафота и плахи выражение «лобное место» обязано историческому воображению Н.М. Карамзина и поэтическому таланту М.Ю. Лермонтова.

2) Уподобление Москвы Иерусалиму. Историк Иван Михайлович Снегирев (1793–1868) полагал, что название свое Лобное место ведет от Голгофы, «где также валялись лбы (головы) преступников», а значение заимствует у еврейской Гаввафы, или Лифостротона –

вымощенного камнем возвышения, которое служило «судейским трибуналом, царским тронem и кафедрою» (*Снегиревъ И.М.* Лобное мѣсто въ Москвѣ. // Чтенія въ Имп. Обществѣ Ист. и Древн. Россійскихъ. М., 1861. Кн. 1. С. 1–16).

Именно это значение подчеркивают документы эпохи: экспликации старопечатных планов Москвы и сообщения западных дипломатов. Речь в них идет о построенном из кирпича возвышении (*caenaculum ex latere exstructum*), палате (*conclave*), огражденном подобии театральных подмостков (*une balustrade dressée en forme de théâtre*), зрелищном месте (*schawplatz*), амфитеатре или подиуме, на котором предстает перед народом великий князь, совершает публичные богослужения патриарх, и с которого объявляются народу важнейшие указы. Гессель Герритц на плане Москвы 1613 г. фиксирует разговорную форму его русского названия: «*Nalobnemeest*».

3) Расположение «на лбу» крутого спуска к Москве-реке. О «взлобье горы в Китай-город» вскользь упоминал еще И.М. Снегирев, на щит же эта версия была поднята в годы официального атеизма (*Сытин П.В.* Из истории московских улиц. М., 1958. С. 72). Ее слабость связана с диалектностью значения «лоб = крутой берег» в русском языке вообще и с отсутствием слова «лоб» в московской исторической топонимии в частности. Вместе с тем она удачно сочетается с фонетической трактовкой Герритца: «налобное место».

Предлагаемая альтернативная этимология урбанонима Лобное место связана со ст.-слав. *чело* – «лоб», «передняя выступающая часть предмета», «видное место» (*Трубачев О.Н.* ЭССЯ. Вып. 4. М., 1977. С. 45–46), – и более конкретно с выражением «на челе» в метафорическом значении «впереди», «во главе», которое проявляется, например, в сочетаниях «на челе города», «на челе войска», «на челе посольства». В русском языке прилагательное от выражения «на челе» в метафорическом смысле слилось со словом «начальный»: «А начальной городъ въ Сибири зовется Тоболескъ» (Котошихин Г., 1667), а в устаревшей форме «начельный» употреблялось лишь в прямом значении, связанном с женским украшением, элементом шлема или конской сбруи, и было вытеснено словом «налобный». Иную картину можно наблюдать в других славянских языках; например, в польском:

naczelny с XVI в. «находящийся во главе, главный, важный». От предложной фразы *na czele* (см. *czolo* – лоб). — Отсюда *naczelnik* «начальник, руководитель, вышестоящий» (*Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005. S. 346).

Можно предположить, что в случае с Лобным местом общеславянское прилагательное «начельный», попав в великорусскую языковую среду, было замещено калькой «налобный» (что и зафиксиро-

ровал в 1613 г. Герритц), а та в конечном итоге уступила место бесприставочному прилагательному «лобный».

Место (в значении «возвышение, помост») может быть временным и предназначаться для определенного лица: «И какъ прїѣхали къ Фроловскимъ воротамъ, и вставъ Патріархъ и взошелъ на уготованное ему мѣсто, которое для того передъ нимъ несли» (Древняя Россійская Вивлюэика. Часть VI. М., 1788. С. 249). Воздвигнутое же из камня, место теряет свою индивидуальную принадлежность – его могут использовать как патриарх или царь, так и другие чиновники или архиереи. «Лобное место каменное», или иначе место переднее, начальное, главное, – это находящееся на видном месте городское сооружение, постоянная верховная трибуна, предназначенная для высших лиц государства и Церкви.

Как др.-евр. имя новозаветной Голгофы (от араб. *gūlgaltā*, др.-евр. *gulgoleth*), так и его греческий эквивалент «κρανίον τοπος», от слова «κρανίον», имеют значение «череп». Из нескольких возможных толкований церк.-сл. и рус. перевод «лобное мѣсто», сменивший в Геннадиевской библии 1499 г. греческую кальку «κρανίεво мѣсто» (Мк 15:22, Лк 23:33, Ин 19:17), основан на предании о погребенной на Голгофе главе Адама, первого человека, и по смыслу связан не столько с черепом, как с главой. Игумен Даниил так описывает мозаику в Храме Гроба Господня в Иерусалиме: «на стѣнѣ написанъ есть мусією Христось на крестѣ распяты, хитро и дивно, яко живѣ, и възвыше и вболѣ якоже былъ тогда,» – и резюмирует: «исподъ же подъ распятіемъ, идѣже есть глава Адамля, ... да то зовется Краніево мѣсто, еже есть лобное; а горѣ, идѣже есть распятіе Господне, и то зовется Голгофа» (Путешествіе игумена Даниїла по Святой Землѣ въ началѣ XII-го вѣка (1113–1115). СПб, 1864. С. 28). Другое подтверждение тому находим в Успенском сборнике: *приде оубо на мѣсто нарицаемо главнок мѣсто нося крестъ себѣ* (Успенский Сборник XII–XIII вв. / Под ред. С.И. Коткова. М., 1971. С. 351).

Таким образом, между двумя никак не связанными между собой топонимическими понятиями: иерусалимской Голгофой – главное (относящееся к главе) место (часть пространства, лат. *locus*), – и московским Лобным местом – главное (верховное) место (трибуна, лат. *podium*), – возникает двойная омонимия, которая приводит в конечном итоге к полному смешению смыслов.

**Сравнительный анализ передачи текста
в публикациях документов Аптекарского приказа:
о важности обращения к подлиннику**

Документы из архива Аптекарского приказа (далее – АП), государственного учреждения, отвечавшего за медицинскую сферу в XVI–XVII вв., публиковались с XIX в. В настоящий момент в нескольких хранилищах и фондах нами выявлено свыше 3000 документов. Основная часть этого корпуса отложилась в Российском государственном архиве древних актов (Ф. 143. Аптекарский приказ). Впервые 27 документов АП было опубликовано в 1841 г. (Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. III. СПб., 1841. № 161, 169, 173, 176, 225, 226, 228, 230, 231, 233, 235–237, 239–244, 246, 291–294, 298, 304, 305 (далее – АИ)). В 1881–1885 г. увидел свет масштабный труд «Матерьялы для истории медицины в России» под редакцией Н.Е. Мамонова (СПб., 1881–1884 (далее – Мат.)), где содержалось около 1,5 тысяч документов АП, при том, что публикация носила выборочный характер.

Некоторые документов представлены сразу в обоих изданиях, но по совокупности фактов очевидно, что публикация 1880-х гг. создавалась независимо от предшествующей, так как ошибки в изданиях разнятся: там, где один публикатор искажил текст источника, другой передал его верно, и наоборот.

Не беремся оценить, какое из изданий точнее: каждое имеет недостатки, и необходимо обращение к подлиннику. Наглядно сравнение текстов челобитной И.М. Катырева-Ростовского о выдаче ему масел для лечения (1630 г.). Из десяти названий масел, лишь пять (три в одной публикации и два – в другой) корректно передают написание источника, в половине случаев текст искажен сразу в двух изданиях.

Разделим все искажения на два типа: 1) искажения, не изменяющие смысл текста (например, замены букв, обозначающих один и тот же звук); и 2) смысловые искажения (создание слов или их форм, которых не существовало, а также изменение значения слова). Оговоримся, что такое разделение зависит от цели конкретного исследования.

Искажения первого типа могут быть связаны с небрежностью наборщиков или низким уровнем разработанности правил археографии в XIX в., но также нельзя исключать того, что текст изменялся намеренно, чтобы адаптировать его для читателя. Историк XIX в. В.М. Рихтер при публикации документов отмечал в сноске,

что он «удержал старинное *ошибочное* [курсив наш – К.Х.] правописание оригинала без всякой перемены» (*Рихтер В.М.* История медицины в России. СПб., 1814. Т. 1. С. 432).

Для некоторых исследований принципиальна передача текста источника вплоть до знака. Нам не удалось проследить какой-либо системы в смене букв «е» и «ѣ» (замены могли происходить в обе стороны): кверцине /кверцинѣ /кверцине (Ф. 143. Оп. 1. Д. 206. Л. 2; АИ. № 246; Мат. № 235) и обтѣкарской / оптекарской/ обтѣкарской/ (Там же. Д. 7. Л. 1; АИ. № 291; Мат. № 7). В последнем примере мы видим также исправление формы слова.

В ряде случаев важна точная передача термина. В тексте челобитной, о которой речь шла выше, обнаруживаются следующие искажения в названиях масел: инперикова / инберикова / инперикова; коришново / коричново / коришного; коринново / коринного / коричново, кардаикконова / кардамконова / кардамонова; крондобондикова / крондобендикова / кронвобендикова и др. (Там же. Д. 22. Л. 1–1 об.; АИ. № 161; Мат. № 22).

В последних двух примерах видны исправления в самом тексте подлинника («кардаикконова»: поверх букв «ик» написана буква «м»; «крондобондикова»: поверх третьей буквы «о» (при некотором допущении может быть прочитана как «а») написана буква «е»). Вероятно, это связано с особенностями хранения документа в XIX в. Эти исправления сделаны чернилами другого цвета (серо-черными), нежели основной текст (коричневые). Есть определенная схожесть этих чернил с надписями на обложках дел, сделанных, очевидно, во время разборки дел в 1870–80-е гг. (*Ретлингер А.Р.* Исследования по истории медицины XVII века в России // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1906. № 6. С. 829–860). Рискнем предположить, что правка была внесена архивными сотрудниками в период между 1841 и 1881 гг. (между двумя публикациями). Приведенное выше высказывание Рихтера это прекрасно иллюстрирует.

Исправления в тексте, тем не менее, носят единичный характер. Приведем примеры, с этим не связанные. В результате ошибки появился термин «будвишная водка» (Мат. № 22), который восходит к названию растения «буквица» (*Betonica officinalis*). Сходным образом возник термин «дворное вино» (АИ. № 291. Ч. III): в источнике написано «двойное вино» (Там же. Д. 136. Л. 1), т. е. спирт («хлебное вино»), полученный перегонкой так называемого «простого» вина. По всей видимости, именно из публикации 1881 г. этот термин попал в «Материалы» к трудам И.Е. Забелина, которые были собраны из его бумаг и изданы посмертно (*Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Часть II. М., 1915. С. XX, 735).

Зачастую искажения принципиально меняют смысл текста: в одной из памятей слово «анис» было неверно передано как «опись». (Там же. Д. 40. Л. 1.; АИ. № 291. Ч. V).

Вместе с тем, обращение к дореволюционным публикациям может оказаться плодотворным для реконструкции корпуса источников.

1) Выявление особенностей хранения документа и исправлений в нем (о чем шла речь выше).

2) Обнаружение утрат источников и восстановление их текста: при проведении данного исследования, нам не удалось обнаружить в архиве АП ряда приказных записей, опубликованных в АИ (АИ. № 291. Ч. III).

3) Фиксация порядка листов, который мог быть нарушен позднее (см., например: Д. 193. Л. 2, 1; АИ. № 291. Ч. VI, VII).

4) Уточнение датировок: ряд приказных записей (АИ. № 291. Ч. III), упомянутых в АИ среди документов 1630 г., ныне выделены в отдельное дело, и их связь с остальным корпусом источников АП утрачена. Датировка по филиграням, к сожалению, невозможна, а по почерку – трудоемка и ненадежна.

Таким образом, мы приходим к выводу о необходимости обращаться к подлиннику, особенно в случаях, которые касаются написания терминов, а также сопоставлять тексты публикаций и дошедших до нас документов для реконструкции утрат.

*О.И. Чекрыжова, к.и.н., доц.
Алтайский ГУ, г. Барнаул*

*Е.А. Брюханова, к.и.н., доц.
Алтайский ГУ, г. Барнаул*

Идентификация объектов городской застройки: учреждений и жилых домов на исторических и современных картах

Исследование подготовлено при поддержке РФФ, проект № 19-78-10020

Проблема подбора картографического материала для создания исторических ГИС актуальна в разрезе сразу нескольких вопросов, одним из которых является проблема анализа содержания исторических планов и карт. Выявление максимально точных и детальных картографических материалов всегда являлось первоочередной задачей для обеспечения высокого уровня достоверности реконструируемого исторического пространства (*Чекрыжова О.И., Брюханова Е.А.* Картографический метод пространственного анализа данных о занятости транспортной сферы в Сибири (по материалам переписи 1897 г.) // *Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. научных трудов XV Международ. науч.-практ. конф. Усть-Каменогорск, 2015. С. 438–446.*

Как показывает опыт, качественные характеристики имеющихся в распоряжении исследователей исторических планов городов далеко не всегда соответствуют их запросам. К примеру, для построения ГИС в качестве основы использовался план губернского города Тобольска 1860 г. Часть объектов застройки, построенных после даты создания плана, не была на нем представлена, однако отображенные на плане городские постройки и кварталы с высокой точностью передают планиметрию и в большинстве своем соблюдают пропорции, формы и размеры объектов. Для идентификации объектов, построенных после 1860 г., использовались дополнительные планы города, в том числе и датируемые началом XIX в. Гораздо сложнее обстоят дела с уездными городами, планы которых составлялись значительно реже, чем губернских. План, используемый для реконструкции пространства города Ишим, датируется 1866 г. и не содержит названий улиц города, что очень существенно затруднило процесс идентификации объектов. Поскольку альтернативного плана найти не удалось, пришлось использовать различные дополнительные источники: рассказы и воспоминания современников, фотодокументы и др. Кроме того, население города за время с 1866 по 1897 гг. значительно увеличилось, а значит, увеличился и сам город, появились новые постройки, изменилось городское пространство.

Для составления списка объектов и их локализации на плане предпринимались следующие шаги.

1. Изучение легенд карт разных временных периодов. Это позволяет отслеживать появление новых объектов городской застройки и учитывать их отражение на создаваемой интерактивной карте конца XIX в. Например, на взятой в качестве основы карте Тобольска 1860 г. отсутствует здание губернского музея, которое было построено и открыто в 1888–1889 гг.

2. Выявление объектов по обложкам и титульным страницам переписных листов городов Сибири. Данный источник содержал сведения о владельце двора, количестве домов и квартир в них, материалах постройки зданий, численности жильцов. Но стоит отметить, что представленные в переписных листах сведения не всегда являются достаточно полными для точной локализации зданий на исторических картах, поэтому необходимо привлекать дополнительные источники.

3. Сопоставление списков дворовых мест и сведений из переписных листов с планами счетных участков и исторических и современных карт города. Этот этап позволил наиболее точно осуществить локализацию как учреждений, так и жилых построек на интерактивной карте Тобольска конца XIX в.

4. Верификация размещения исторических объектов на интерактивной карте с помощью списка историко-культурного наследия Тюменской области, в котором представлены сведения о сохранившихся исторических зданиях и их адресах. При этом необходимо было также учитывать даты постройки объектов. Например, известный в городе Тобольске исторический объект – дом купца Сыромятникова, расположенный на улице С. Ремезова (в конце XIX в. – улица Ильинская), дом 20, был построен в 1906–1908 гг., тогда как в конце XIX в. Сыромятникову принадлежали два дома по улице Петропавловской (в настоящее время – улица Октябрьская), в одном из которых проживала семья купца, а в другом – семья мещанина Михаила Петрякова.

5. Сравнение исторических фотодокументов с современным городским ландшафтом и картографическими материалами. Соотнесение геопривязанных фото размещенных на ресурсе Yandex Maps с данными исторических карт и фотодокументами конца XIX – начала XX в. также позволяет выявить многие архитектурные объекты или уточнить их расположение в исторической застройке. Большое количество городских фотопейзажей, появившихся после отмены государственной монополии на издание почтовых открыток, представляют довольно обширный материал для анализа городского пространства (*Чекрыжова О.И.* Фотодокументы как источники для визуализации городского пространства исторических ГИС // *Естественнонаучные методы в цифровой гуманитарной среде: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием.* Пермь, 2018. С. 214–216). Сохранившиеся до наших дней здания исторической застройки выступают в качестве контрольных точек для правильной локализации остальных объектов.

Таким образом, процесс идентификации объектов на исторических планах представляет собой кропотливый процесс анализа сразу нескольких источников, а результатом является оригинальный информационный ресурс, позволяющий на основе междисциплинарного подхода анализировать различные аспекты жизни городского населения сибирских городов в конце XIX в.

*Н.В. Чекунина, зав. сектором
Тверской государственной объединенный музей*

**Преосвященный Арсений (Верещагин) – «Ордена Святого
Александра Невского кавалер»: к вопросу о личной
символике высшего духовенства в России в конце XVIII в.**

В 1796 г. по утвержденному Павлом I «Императорскому установлению для орденов кавалерских российских» духовенство было

принято в состав Российского Кавалерского Общества и возымело право на получение светских наград Российской империи. Но поначалу далеко не все его представители были в восторге от этой возможности. «Желаю умереть архиереем, а не кавалером» – возмущался митрополит Московский Платон (*Левин С.С.* Награды Русской Православной Церкви // Нумизматический альманах. № 1(12). М., 2000. С. 42).

Архиепископ Ростовский и Ярославский Арсений (Верещагин) (1731–1799), пожалованный во время коронации Павла I 5 апреля 1797 г. в числе первых архиереев орденом Св. Александра Невского, «не принадлежал к духовным лицам старого закала, усвоил светскую культуру русского общества второй половины XVIII столетия» (*Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб, 1889. Т. 1. С. 753–754).

Получение «от императорских рук» ордена он воспринял восторженно. Вслед за этим последовал целый ряд событий в биографии архипастыря, непосредственно связанных с награждением, которые он подробно зафиксировал в своем дневнике (ЯЕВ. Ярославль, 1894–1895; ГАЯО. Коллекция рукописей. Оп. 1. Д. 298 (171–175)).

Арсений Верещагин был незаурядной личностью своего времени, и среди мер, призванных демонстрировать его новый статус, были и традиционные, и весьма оригинальные.

Так, сразу после награждения живописец архиерейского дома Н.М. Горячий написал два новых портрета преосвященного «в кавалерии со звездой и клеймом» и переделал 14 старых, на которых «переправлял лицо», а «кавалерию, звезду и клеймо вновь писал». Арсений часто дарил свои портреты, что объясняет масштаб проданных работ. В это же время в дарственных надписях к портретам архипастыря появляется комментарий о том, что портретируемый, в том числе и «Ордена Святого Александра Невского кавалер» (ГАЯО. Коллекция рукописей. Оп. 1. Д. 298 (173). Л. 40); *Колбасова Т.В.* Иконография архиепископа Ростовского и Ярославского Арсения (Верещагина) // История и культура Ростовской земли, 2002. Ростов, 2003. С. 252–269).

«Клеймо» на портретах владыки (называвшееся им также «печатью») появилось только после его награждения орденом Св. Александра Невского. Исследователь иконографии преосвященного Арсения Т.В. Колбасова, исходя из особенностей внешнего оформления, называет этот личный символ гербом, хотя по сути он таковым не являлся.

Такой знак помещен в левом верхнем углу на портрете Арсения (Верещагина) из фондов ТОКГ (инв. № Ж-60) и имеет в основе

звезду ордена Св. Александра Невского. На ее зеркале изображен «голубок» с оливковой ветвью в клюве (в христианстве – знак примирения Бога с человеком), сидящий на дереве на пейзажном фоне, и девиз: «omnia rase bona»; вокруг знака – атрибуты архиерейского сана: митра, посох, омофор, наперсный крест и панагия и крест ордена на ленте; по сторонам – дата награждения – «1797 апр. 5.». Голубь с ветвью как элемент оформления вензеля архиепископа Арсения в разных вариантах известен еще на портретах преосвященного 1785 г. (*Колбасова Т.В.* Указ. соч.), но только в 1797 г. символ приобрел такую смелую трактовку. Арсений Верещагин – выходец из духовного сословия – права на герб, конечно, не имел.

О необходимости в России унификации печатей высшего духовенства писал в послесловии к своему гербовнику 1785 г. А.Т. Князев, предлагая, впрочем, снабдить гербовыми печатями не самих архиереев, а епархии (Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года: Издание С.Н. Троицкого 1912 г. М., 2008. С. 218–219). В этом свете еще более интересен упомянутый в дневниках Арсения Верещагина «гербовник... представляющий собой оленя и медведя», на котором живописец Николай Горячий в 1797 г. тоже «написал кавалерию и звезду» (ГАЯО. Коллекция рукописей. Оп. 1. Д. 298 (173). Л. 40).

Это изображение – самобытный геральдический символ архиепископа Ростовского и Ярославского, в основу которого положены городские гербы Ростова Великого и Ярославля. Именно при архиепископе Арсении в 1786 г. кафедра была перенесена в Ярославль, и появление этой новой символики, очевидно, связано с его именем. Прибавление к ней орденских знаков делало «гербовник» личным символом архипастыря.

Отдельного внимания также достойна запись из дневника архиепископа Арсения от 23 августа 1797 г.: владыка описывает, как при освещении им «новопостроенного храм во имя чудотворца Николая» «прекрасно иллюминирована была вся церковь вокруг площадками и горели две прозрачные картины: 1я в честь Святителя Николая Чудотворца, а 2я изображала вензель Арсения Архиепископа Ростовского с приличными орнаментами и особливо горела кавалерийская звезда» (ГАЯО. Коллекция рукописей. Оп. 1. Д. 298 (173). Л. 48).

«Пуз» и «пузо» в метрической системе русского севера XVI–XVII вв.

Разнообразие метрических единиц в разных регионах средневековой Руси – неоспоримый факт науки. Тезис этот вполне приложим к таким мерам сыпучих тел, как «пуз». Более ранняя и устойчивая форма употребления этого термина известна в мужском роде применительно к соли и зерну. В жалованной уставной грамоте вел. кн. Василия I Двинской земле 1397 г. говорится, что гость двинский должен был давать наместникам на Устюге и в Вологде «с лодьи два пуза соли» (АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 7. С. 22). В XVI в. пуз как мера сыпучих тел для жита составлял 1,5 пуда, а для соли – 2,5–3,0 пуда (Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. 2-е изд. М., 1975. С. 52–53; Шостын А.И. Метрология. М., 1975. С. 44–45; Куратов А.А. Метрология России и русского севера. Архангельск, 1991. С. 29; Дмитриева З.В. Метрология // Специальные исторические дисциплины. СПб., 2003. С. 491, 493). В предметно-терминологическом указателе к III-му тому АСЭИ «пуз» объясняется как рогожный мешок соли, но объем его не указан (АСЭИ. Т. III. С. 644). По приходо-расходным и таможенным книгам XVI–XVII вв. рогожа соли вмещала обычно 25–28–33–35 пудов. По весу различались большая соляная, четвертная и подстилочная рогожа. Слово пуз можно объяснить названием мерного сосуда, вмещавшим 1,5 пуда зерна и 3 пуда соли, а пузо – это его выпуклая, округлая часть (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1995. С. 42–43; Словарь русских народных говоров. Вып. 33. СПб., 1999. С. 112).

«Пуз» фигурирует как посевная мера в хозяйственной документации важского Богословского и вологодского Спасо-Прилуцкого монастырей первой половины XVII в. По вотчинной переписной книге села Глубокого 1618 г., отразившей измерение пашни паханой «пузами», Ю.С. Васильев установил равенство пуза полуосьмине 8-пудовой четверти (пуз=четвертка, =четверик). Таким же было это соотношение в Важском уезде в середине XVII в. (Васильев Ю.С. Четверть и мера сыпучих тел на севере России XVI–XVII вв. // Избранные труды по истории Европейского Севера России XII–XVII вв. Вологда, 2013. С. 73, 75). Труднее установить соответствие пуза и его функционирование как меры/единицы: 1) хлебной; 2) посевной; 3) земельной; 4) окладной.

Вотчинный комплекс, названный по озеру Глубокому, находился на значительном удалении от Прилуцкого монастыря, в Троицкой трети Заозерской половины Вологодского уезда, включал 25 дере-

вень, образующих два прихода – Спасский и Ильинский (Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: Исследование и тексты. Вологда, 2011. С. 42, 83–84, 101; Крестьянские челобитные XVII в. Из собраний ГИМ. М., 1994. С. 100, 111–114). В рамках вотчинного управления он являлся административно-хозяйственным «Глубоковским ключом». Эта локальная территория была близка на северо-восток к Важскому уезду (*Семушин Д.* Русский Север: Пространство и время. Архангельск, 2010. С. 77), а дальше на северо-запад – к Каргопольскому у., где разрабатывались соляные источники. Это, возможно, обусловило терминологическое сближение *пуза* (как некой тары/рогожи/мерного сосуда?) в солеваренной и земледельческой практике. Из этих мест происходил автор духовной грамоты Максим Коняшев (скорее всего, крестьянин) 1656 г., завещавший разным лицам запасы ржи и овса в «пузах». Здесь пуз как хлебная мера в рамках трехпольного севооборота фиксируется вполне уверенно, поскольку рожь – озимая культура, а овес – яровая (Акты юридические, или собрание старинных форм делопроизводства. СПб., 1838. № 426. С. 460–461).

Земледельческая основа «пуза» как посевной меры обусловила перенос этого термина в сферу вотчинного и мирского обложения. В записной тетради старосты и верхушки общины упомянутого села Глубокого по разубу расходов на доставку муки и сухарей в Петербург и Нарву от февраля 1710 г. используется «*пузо*» (в среднем роде). В начале тетради зафиксировано взятие платежей с пуза в семь «розубов»: в первый (7 февраля) и второй (7 марта) – по 1 руб., в третий (28 марта) – по 20 алт., в четвертый (10 апреля) – по 1,5 руб., в пятый (15 мая) – по 20 алт., в шестой (28 июля) – по 1 руб., в седьмой (25 октября) – по 2 руб. Далее показана разверстка тех же самых расходов по деревням вотчинного комплекса на уровне каждого двора. Наблюдаются выплаты по 3–5 алт. в каждый из семи сборов. В записной книге отражены доли, составлявшие «пузо» – половина, третник, шестерик, «вешний осмерик», «двенацетина», и речь должна идти об общинной разверстке податей по пузам. При подведении общего итога по селу Глубокому указано «всего пузов 11». (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 2. № 3865). Е.Н. Швейковская (Бакланова) опубликовала мирской приговор крестьян села Глубокое 1717 г., в котором жилая и пустая пахотная земля, запольная пашня, сенные покосы были положены «вытным окладом по четверику на *пуз*», а каждая деревня расписана на определенной его доле – пол-3, пол-4, 4–5–6 «осьмух» (*Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на русском севере. Конец XVII – начало XVIII в. М., 1976. С. 219).

В рамках вотчинного обложения Прилуцкого монастыря глубоковский «пуз» мог соотноситься с вытью как наиболее употребимой

в нем окладной единицей. Не случайно в приходе-расходной книге вотчинного старосты 1687/88 г. по Глубоковскому ключу указано столько же, сколько и в мирской записной книге, – как раз 11 вытей (Там же. С. 199). Помимо вытей, в ряде прилуцких вотчин использовались «плуги», т. е. «пузы» не имели исключительного значения. Бытование же их в мирской раскладке тягла в отдаленном вотчинном комплексе составляло его несомненную особенность и отражало метрологию северодвинского региона (Двина, Вага).

*А.П. Черных, к.и.н., в.н.с.
ИВИ РАН*

Несостоявшееся геральдическое законодательство 1760 года

Французский Эдикт 1696 г. наделял гербами всех, независимо от социального положения. Спустя век законодательство Французской революции объявило гербы признаком принадлежности к привилегированным сословиям. Любопытный документ – Ордонанс Людовика XV от 29 июля 1760 г. – в 25 статьях излагает видение геральдической практики королевской властью.

Ордонанс состоит из преамбулы с декларацией его целей: «убрать нестроение и возратить знатности её древнее сияние, оставляя в её полном владении самые прекрасные знаки чести, которые она сохранила с незапамятных времён» и учредить Трибунал Маршалов Франции, ведающий вопросами знатности и гербов (*Ordonnance concernant les Armoiries. Du 29 Juillet 1760. De par le Roi. P. 1–4*).

Помимо создания общего регистра гербов (Ст. I–II), корона желает иметь точное исчисление всей французской знати, для чего в течение шести месяцев надо представить сведения с указанием, обретаена знатность до или после 1700 г. (Ст. IV). Однако за право обладания гербом следует заплатить (Ст. V). Разделение знати на категории (Ст. VI–VIII) не могло вызвать одобрения должностной и наградной знати, поскольку перерегистрация превращалась в явное новое доказательство прав. За уклонение грозил штраф 1000 ливров (Ст. XIII) и ограничения на принятие в ордены, капитулы и на придворную службу (Ст. XV). Отдельные санкции предусматривались в отношении гербов незнатных: запрет иметь гербы со шлемом, наметом и шлемовыми эмблемами, штрафы от 3 до 6 тыс. ливров (Ст. XVI–XVII).

Неблагородным, не связанным с военной, придворной или государственной службой, по сути, запрещалось иметь гербы (Ст. XIX–XX). Список исключал мелких буржуа, торговцев, ремесленников, кто до сего времени могли носить гербы, и оставлял геральдическую правоспособность только за привилегированными. Горожане

Парижа, несмотря на привилегию, под угрозой штрафа в 2 тыс. ливров всё равно должны были платить (Ст. XVIII). Нарушители, а в их число попадали все, кто не перерегистрировал и не оплатил, рассматривались по старинной норме узурпации гербов (Ст. XXIII).

Далее следует презабавнейший с точки зрения геральдики запрет всей знати менять что-либо в эмалях, делениях и фигурах гербов (Ст. XXIV), как будто гербы принадлежат не родам, а королю. Исключения допускались для бракосочетаний и частных обстоятельств – и то по разрешению гербового судьи.

Завершается ордонанс списком цен за регистрацию гербов, как и Эдикт 1696 г. (Ordonnance... Op. cit. P. 15–16).

Реакция общества не заставила себя ждать. Парламент Парижа постановлением от 22 августа 1760 г. запретил исполнение Ордонанса. Члены Высшего податного Суда 7 сентября подали королю Представление за подписью Ламуаньона, в котором они расценили Ордонанс как желание подвергнуть новой плате «знатных, и всех, кто имеют право носить гербы». Старая знать увидела, что её хотят заставить платить за её права по рождению; аноблированные за службу и по должности возмутились тем, что их приравняли к тем, «кто обрели знатность за деньги»; буржуа Парижа усмотрели покушение на их право носить гербы (Ст. XVIII) (*Remontrances de 1760 au sujet de l'Ordonnance concernant les Armoiries // Mémoires pour servir à l'histoire du droit public de la France en matière d'impôts, ou Recueil de ce qui s'est passé de plus intéressant à la Cour des Aides depuis 1756 jusqu'au mois de juin 1775... Par Auger. Bruxelles [i.e. Paris], 1779. Ch. VIII. P. 78*).

«Прейскурант» на право ношения гербов (Ст. XIV) был справедливо истолкован как «повышение сумм, уже истребованных под различными наименованиями», а весь Ордонанс – как «необлечённый печатью легитимности». Представители Высшего податного Суда нашли путаницу в юрисдикциях, усмотрели в попытке учредить новый Трибунал покушение на прерогативы существующих Судов, обнаружили противоречия в статьях Ордонанса (*Remontrances... Op. cit. P. 79–80*).

Ордонанс гласил, что регистрация гербов ни в коем случае не может быть принимаема доказательством знатности (Ст. XVI), а Представление напомнило короне, что такого никогда и не было, и знатность доказывается другими вещами; «знатность даёт право носить гербы, а не право гербов даёт знатность» (*Remontrances... Op. cit. P. 81, 83*).

Р. Матьё полагал, что Ордонанс не имел фискальных притязаний (*Mathieu R. Le système héraldique. Paris, 1946. P. 89*), но ещё Представление в отношении Ст. XIV, XV, XVIII пронизательно замечало,

что «под вуалью реформирования гербов это настоящее обложение», что «всякая насильная контрибуция есть налогообложение» (Remontrances... Op. cit. P. 84). Представление охарактеризовало документ как «проектируемый химерическим воображением финансов» и потребовало «уничтожения Ордонанса сколь обременительного по своим положениям, столь же неправильного по своей форме» (Remontrances... Op. cit. P. 85–86).

Искушённый в юридических аспектах геральдики Р. Матъё искренне недоумевал по поводу этого оставшегося на бумаге проекта закона. Действительно, Ордонанс требовал сдать заверенные подтверждения имён, титулов и гербов, что создавало ситуацию очередной поверки. Собственно, в переучёте знати нет ничего нового – практика контрольных визитаций известна с XV в. (*Mathieu R.* Op. cit. P. 87–88), но предполагаемое разделение знати нивелировало социальные усилия многих. Это выглядело тем более неприятно, что тут же выделялись привилегированные небогатые, избавленные от проблем и имеющие право носить герб.

Статьи Ордонанса, пронизанного сословным духом, лишь формально перекликались со статьями Эдикта 1696 г. Ордонанс признавал право иметь гербы только за благородными и малым количеством привилегированных ротюрье, что было слишком радикальной переменной в геральдическом праве, явно несправедливой и невозможной в применении. Потомки тех, кто зарегистрировали гербы в 1696 г., должны были вновь платить за те же самые гербы, а многим и 60 лет назад они были не нужны. Примечательно, что Парижский парламент, отвергая Ордонанс, ссылаясь на старинное геральдическое равенство и, запретив исполнение одного, сохранил таким образом *status quo* (*Mathieu R.* Op. cit. P. 89).

Предлагаемый королём геральдический порядок был эфемерным – это не более чем проект, королевская грёза о том, какой должна быть геральдика, и как она должна быть регулируема. Но возможное влияние Ордонанса на революционный радикализм в отношении гербов можно допустить, поскольку похоже на то, что репрессивное законодательство Французской революции оказалось своего рода зеркальным отражением Ордонанса, с тою лишь разницей, что тем и где (здания, строения, могилы, часовни, витражи и литры церквей, повозки, печати, посуда и прочее) это разрешалось Ордонансом – стало запрещено. Удивительным образом за тридцать лет сознание общества поменялось на диаметрально противоположное (*Митрофанов А.А.* Уничтожение геральдики в период Французской революции (1789-1794) // *Signum* / Центр гербоведческих и генеалогических исследований ИВИ РАН. Отв. ред. А.П. Черных. Вып. 9. М.: ИВИ РАН, 2016. С. 177-196).

Источники изучения вопроса об автокефалии в отечественной мысли XIX – начала XX вв.

Публикация подготовлена по гранту РНФ № 16-18-10083

*«Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения
и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX в.»*

Вопрос о церковной автокефалии, несмотря на долгую историю христианства, и юридическую фиксацию поместного / автокефального статуса древнейших Церквей еще на Вселенских соборах, лишь сравнительно недавно, в XIX столетии, стал обсуждаться богословами и светскими исследователями и публицистами. Интерес был связан не только с внешними проблемами церковной жизни, приведшими к возникновению новых автокефальных Церквей, но и с внутренними. Среди не слишком очевидных причин усиления интереса к этой теме можно указать развитие библеистики, работы по истории христианства, патристике, исследования в области церковно-государственных отношений (как на Западе, например, среди представителей оксфордского движения, так и в России, среди интеллектуалов, близких к церковным кругам в первой трети столетия крепнет мысль о том, что Церковь не должна заниматься обслуживанием государственных нужд) и отчасти спровоцированные этими интеллектуальными интересами изменения во внутренней церковной жизни: литургическое возрождение, повлиявшее на церковную жизнь и православных и католиков, усиление социального дискурса и проч.

В российской религиозно-философской мысли, которая не была изолирована от мировых интеллектуальных течений, после статьи А.С. Хомякова «*Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales à l'occasion d'une brochure de M. Laurentie*» (1853) усилился интерес к соборности, особенно в среде неославнофилов, склонных к его узким, едва ли не националистическим трактовкам (сам этот термин появился благодаря переводу на славянский язык Никео-Константинопольского Символа веры).

Весь этот обширный список вопросов тесно связан с учением о Церкви, которое в это время перестает быть областью интереса только богословов, и приобретает светское измерение как философское, так и историческое. Таким образом, источников историографических исследований проблемы автокефалии чрезвычайно много и они разнообразны: это богословские труды, исторические исследования (которые также неоднородны, это и исследования, выпол-

ненные по заданию канцелярий государственных институций и работы историков) и публицистика.

Как известно, православных Церквей много, но среди них выделяются четыре Церкви, иногда называемые «пентархийными», они входили в древности в число пяти древнейших автокефалий: Константинопольская, Александрийская, Антиохийская и Иерусалимская (до Великой схизмы в это число входила и Римская церковь). Возникшие позже автокефалии появлялись и исчезали и вновь обретали автокефалию (как Болгарская и Грузинская Церкви). Эти Церкви мы можем условно обозначить как «национальные», поскольку они возникали в национальных государствах, где православие было государственной религией. Третья современная группа Церквей, это – автокефалии, возникшие в XX в. в странах, где православие не является государственной религией. Единого, принятого всеми автокефальными церквями списка не существует: так РПЦ (МП) не признает автокефалию Украинской церкви, а Константинополь не признает автокефалию Американской.

В XIX в. эта проблема, сейчас вновь ставшая важной и с точки зрения геополитики, впервые привлекает всеобщее внимание. В 1811 г. с карты христианских Церквей исчезает одна из древнейших – Грузинская, и возникает Грузинский экзархат Российской Церкви. Со второй половины столетия вопрос о возвращении грузинской автокефалии становится важнейшей частью не только грузинского национально-политического дискурса, но и в целом важной составляющей российского либерального дискурса, поскольку национальное и культурное возрождение Грузии (в составе Российской империи, а в 1917 г. до октябрьских событий – в составе России) воспринимается частью ученых и политиков как неотъемлемая часть культурного развития государства, и вклад в изучение грузинской автокефалии вносят востоковеды, историки Церкви и специалисты по каноническому праву (последним вопросом о грузинской автокефалии по заданию Временного правительства занимался В.Н. Бенешевич в 1917 г.).

Но в русской литературе XIX столетия наибольшее внимание все же уделялось не Грузинской автокефалии, что понятно, поскольку критика государственной политики и церковного законодательства империи была невозможна из-за цензурных ограничений. Исследование же, посвященное новым автокефальным Церквям, возникшим в результате начавшегося распада Османской империи, было возможно. Более того, в русском обществе не было единого мнения относительно получения автокефалии Болгарской православной Церковью, и находились те, кто не поддерживал и идею независимости Греческой Церкви. Ведь мнения исследователей и

публицистов зависели от множества составляющих: не только от их политических консервативных / либеральных / националистических взглядов, но и от их отношения к Константинопольской Церкви, которые были сложными не только у клириков и мирян новых государственных институций (Греции, Сербии, Болгарии и Румынии), но и у российских авторов.

Все вышеперечисленное делает источниковедческую работу по данной проблеме интересной и актуальной, поскольку помогает взглянуть на то, как видели проблему церковной автокефалии в XIX – начале XX столетия с разных точек зрения, и увидеть всю сложность и неоднозначность подходов и исследовательских стратегий.

*Е.К. Шадунц, к.и.н., с.н.с.
Переславский гос. историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник*

Вензели Высочайших особ в церковных интересах Переславля-Залесского

Целью сообщения является введение в научный оборот сведений о трех императорских вензелях XVIII в. в архитектурном декоре, не привлекавших внимания исследователей и практически не упомянутых в литературе.

В Успенском соборе Горицкого монастыря, на западной грани свода четверика расположен лепной литер Е, переплетенный с римской буквой I, в обрамлении из цветов и листьев с императорской короной. Внизу композиции сидящие на карнизе ангелы указывают на вензель. Барельефная композиция западной грани свода находится напротив такой же по масштабу композиции восточной грани, состоящей из орудий страстей Христовых: копия, трости с губкой, тернового венца и пучка розог. Орудия страстей венчают великолепный барочный иконостас, в котором императорская корона поставлена под образом «Царь Царем», у ног Христа. По сторонам лепных композиций на восточной и западной гранях свода расположены медальоны с образами Евангелистов и их символами. Северная и южная грани свода украшены овальными живописными медальонами с избранными Святыми и Священномучениками. Штукатурные тяги в форме лучей, идущие от центрального светового проема, собирают разбросанные по своду цветочные пятна в символическую картину света Христова.

Вензель повторяет тип, изображенный на коронационном альбоме императрицы Елизаветы Петровны, но без латинского литеры «Р». Картуш с позолоченным вензелем Императрицы здесь является

частью общего замысла храмовой декорации, раскрывающей соотношение царства и священства.

Автором программы украшения интерьера Успенского собора был епископ Переславский и Дмитровский, настоятель Воскресенского Новоиерусалимского монастыря Амвросий Зертис-Каменский. Развивая идею символической образности монастырской архитектуры, епископ Амвросий осуществляет преобразование ансамбля церковных зданий Успенского Горицкого монастыря в место памяти главных событий, связанных с земной жизнью Пресвятой Богородицы, с престолами Зачатия, Рождества, Введения во Храм, Благовещения, Успения. Собор и трапезную монастырскую церковь должна была объединить постройка между ними так называемой Гефсимании. В 1753–1761 гг. был перестроен Успенский собор, но Гефсиманию довели лишь до верха опорных конструкций сводов. Интерьер собора был полностью завершён к освящению в 1760 г., а в 1761 г. Амвросий был переведен в Москву на Крутицкую кафедру. Необычность его замысла раскрывает письмо к Государыне от 3 марта 1761 г.: «Точию едино сие ко прискорбности меня приводит, что начатой мною церкви, в которой Гепсиманский Богородичный Гроб, и Трофей заведенного в Переславле Российского Флота имели быть поставлены, неподобился докончать...» (РГАДА Ф. 18. Оп. 1. Д. 160. Л. 10.)

На западной стене Успенского собора, в пышном лепном картуше над высокой арочной нишей, виден ещё один вензель. В поле щита расположены литер «Е», переплетенный с литером «I» и римской цифрой «II», увенчанные императорской короной, поддерживаемой двумя крылатыми фигурами. Тип изображения напоминает описанные М.И. Пыляевым щиты триумфальных ворот Москвы в дни коронационных торжеств Екатерины II (*Пыляев М.И.* Старая Москва. М., 2007. С. 67). Стиль завитков литера Е несколько отличается от известных по монетам и знакам отличия, что может объясняться как теснотой поля картуша, так и ранним временем создания изображения. Появление в уже законченном интерьере нового императорского вензеля связано с путешествием императрицы из Москвы в Ярославль в мае 1763 г. В Переславле Екатерина II останавливалась дважды, 21–23 и 30–31 мая (*Бессарабова Н.В.* Путешествия Екатерины Великой по России: от Ярославля до Крыма. М., 2014). 22 мая Императрица «соизволила иметь выход в монастырь Успения Пресвятыя Богородицы, который называется Горицкий... и у Святых ворот встретил Переславской епархии Преосвященный Сильвестр с святым крестом и с братиею, и в церковь следовала с духовной церемониею» (КФЗ 1763. С. 94–95). В Успенском соборе состоялись Литургия и молебен с участием Императрицы, затем она

посетила Его Преосвященство в кельях. Таким образом, расположение картуша с вензелем Екатерины II над арочной нишей западного входа в Успенский собор, действительно, соответствует образу триумфальной арки.

Ещё один вензель Екатерины II сохранился в интерьере приходской церкви Сретения Господня, построенной на средства жителей Подгорной, Даниловской и Федоровской слободок. Над аркой в западной стене четверика находится круглый выпуклый щит с переплетенными литерами «Е», «I» и латинской цифрой «II», расположенными в середине даты «1785». Короны над литерами в настоящее время нет, однако неровность в поле щита над вензелем может быть следом от неё.

История этого храма необычна и связана с тем же епископом Амвросием Зертис-Каменским. В 1755 г. его указом приходская церковь подмонастырной слободки, расположенная вплотную к стене Горницкого монастыря, «дабы катедральному зданию красоты не отнимала», была перенесена на новое место вблизи Большой Московской дороги. Церковь Подгорной слободы до этого времени называлась Сергиевской, однако по резолюции Амвросия перенесённый храм освятили во имя святого благоверного князя Александра Невского, «по тому резону, что он (как из истории явствует) из князей Переславских» (*Малицкий Н.В.* Сретенская церковь в гор. Переславлe/ Владимирские епархиальные ведомости (часть неофициальная). 1912. 2 июня (№ 22). С. 465–470.)

Деревянная Александроневская церковь сменилась каменной, посвященной Сретению Господню с приделом Александра Невского, уже при епископе Феофилакте Горском в 1785 г.

Причина появления императорского вензеля в приходском храме – предмет дальнейшего исследования. При этом качество исполнения фигуры весьма высокое: литеры искусно вырезаны в стукко, точно соответствуя в линиях и пропорциях монетному екатерининскому вензелю того же времени.

*М.Е. Шалак, к.и.н., доц.
Южный федеральный университет*

Список татарских городов в османской хронике XVII в.

Абдулла ибн Ризван – известный османский автор эпохи позднего средневековья. Его перу принадлежит хроника «Теварих-и Дешт-и Кипчак» (Летописи Кипчакской степи), посвященная истории Крымского ханства. Интерес автора к Крыму не случаен. Его отец, Ризван-паша, был наместником Кафы в 1610 г. Известны две рукописи «Теварих». Одна хранится в Национальной Библиотеке в Па-

риже. Рукопись представляет собой краткую историю правления первых четырнадцати Крымских ханов, снабженную французским переводом, выполненным в 1737 г. Пьером Делонэ, воспитанником Школы восточных языков для драгоманов в Константинополе (*Зайончковский А.* «Летопись Кипчакской степи» (Теварих-и Дешт-и Кипчак) как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. II. М., 1969. С. 11). Вторая рукопись хроники находится в собрании рукописей дворца Топкапы в Стамбуле.

Что касается названия хроники – «Теварих-и Дешт-и Кипчак», то оно дано ей ее издателем А. Зайончковским (*Zajaczkowski A.* *La Chronique des steppes kiptchak Tевārīh-i Dešt-i Qırçaq du XVIII siècle.* Warszawa, 1966. S. 13). Парижская рукопись не имеет титульного листа. Французский перевод озаглавлен «Abrégé de l'histoire des quatorze premiers khans» («Сокращенное изложение истории первых четырнадцати ханов») (*Ibid.* S. 75). Турецкая копия рукописи на титульном листе имеет заглавие «Летопись Кипчакской Степи от округи Крыма во время царствования султана Мурад-хана, сына султана Ахмед-хана – да сбудется милосердие и всепрощение над ним!» (*Зайончковский А.* «Летопись». С. 13).

«Теварих» состоит из пяти смысловых частей: вступления, описания Дешт-и Кипчак, генеалогии Кипчаков (Чингизидов), краткой истории Крыма и заключения (Там же. С. 15–21). Во вступлении Абдула б. Ризван замечает, что из всех известных ему историков ни один ещё не взялся написать историю татарских ханов с тех пор, как они подчинились османским султанам. Поэтому он берет на себя эту миссию: «Я, Абдулла, сын Ризвана Паши, пройдя всю Тартарию, написал её краткую историю» (*Zajaczkowski A.* *La Chronique.* S. 78).

Описание Дешт-и Кипчак Абдулла б. Ризван начинает с перечисления его городов. Это Манкиуб, Алма-Сарай, Сарайчик, Орду-бат, Гёзлеве, Баликлоги, Акмесджид, Кара Су, Герч, Темрюк, Кызылташ, Архун, Азов, Тамань, Хаджи-Тархан, Аждырхан, Газан, Крым, Кафа и Багче-Сарай (*Ibid.* S. 79). Последние три города из списка являются местопребыванием (столицами) ханов. Затем следует описание города Кырым (Солхат, позднее Эски-Кырым). Абдулла б. Ризван замечает, что Крым был таким большим городом, что конный татарин не смог бы объехать его и за полтора дня. Однако, из-за жадности горожан, город поразила чума и только семь городских кварталов уцелели. Остальная же часть города была полностью заброшена жителями (*Ibid.* S. 80). Ещё одну легенду рассказывает Абдулла б. Ризван о гибели двух других больших татарских городов – Газана (Казани) и Аждырхана (Астрахани). Это были два густонаселенных города, построенные в степи. Но и на них обру-

шилась природная катастрофа в виде дождя и снега, не прекращавшихся в течение семи лет. Тогда люди покинули эти города и переселились в Московию.

Кафу и Манкиуб (Мангуп) татары потеряли во время нашествия Тимура. Спасаясь от завоевателя, жители покинули эти города и рассеялись. По окончании войны, подытоживает Абдулла б. Ризван, татары сумели сохранить за собой только Акмесджид, Кара Су, Козлов, Ордубат и Бактче Сарай, являющийся столицей ханства (Ibid. S. 81).

Акмесджид («Белая мечеть», совр. Симферополь) – резиденция крымского калги, впервые упоминается в связи с пожалованием Менгли Гиреем этого города своему сыну и наследнику Мехмеду. Кара Су («Черная вода», Карасу-Базар, совр. Белогорск) – город, также находившийся в управлении калги. Благодаря выгодному расположению на караванных путях, ведущих в Гёзлев и Кафу, к концу XVI в. Карасу-Базар становится одним из наиболее крупных городских центров полуострова. «Coslovv»-Козлов (Гёзлев, Кезлев, совр. Евпатория) – единственный портовый город Крымского ханства, ставший таковым при Сахиб Гирее. Ордубат (Ор, Ор-Капу, Ор Агзы, Перекоп) – крепость, строительство которой было начато при Менгли Гирее, а завершено его сыном Сахиб Гиреем в 1538 г. (Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 322, 338–339, 353, 415). Последним татарским городом в списке Абдуллы б. Ризвана значится столица Крымского ханства – город Бахчисарай, построенный всё тем же Сахиб Гиреем около 1532 г.

Можно заключить, что автор «Теварих» был хорошо осведомлен о том, какие города принадлежали крымским ханам в начале XVII в., а какие города принадлежали татарам во времена Золотой Орды. Стоит отметить, что в первоначальном списке городов «Тартарии» Абдулла б. Ризван назвал, но не описал такие города как Алма-Сарай, Сарайчик, Баликлоги, Герч (Керчь), Темрюк, Кызылташ, Архун, Азов, Тамань и Хаджи-Тархан. Хаджи-Тархан – это всё та же Астрахань. Керчь, Темрюк, Азов и Тамань – крепости, принадлежавшие на тот момент османам. Ещё одна османская крепость Кызыл-Таш располагалась на Таманском полуострове («острове»), на берегу моря, в месте, «где озеро Адахун (Кизилташский лиман. – М.Ш.) сливается с Черным морем» (Челеби Э. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2. С. 49). Сарайчик – золотоордынский город на Яике, разоренный волжскими казаками в 1581 г. Алма-Сарай – одна из резиденций крымских ханов, располагавшаяся на берегу р. Альма, в урочище Хан-Эли. Однако на сегодняшний день местонахождение её не локализовано. Можно предположить, что под названием «Баликлоги» Абдулла б. Ризван имел в виду город Балаклаву. Татарское

название этой крепости «Балыкайя» зафиксировал в своем труде Афанасий Никитин. После захвата города турками в 1475 г. Балаклава была передана ими во владения крымскому хану (*Смирнов В.Д.* Крымское ханство. С. 335).

Сложнее обстоит дело с идентификацией Архуна. В трактате Реммаля Ходжи упоминается некое черкесское селение Оргун, до которого так и не смог добраться Сахиб Гирей во время своего первого черкесского похода в 1539 г. (*Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, khan de Crimée de 1532 à 1551) / Ed. par Ö. Gökbilgin. Ankara, 1973. S. 181–182*). Локализация Оргуна весьма затруднительна. Исходя из показаний Реммаля Ходжи, что своё укрепление черкесы соорудили на берегу Кубани, ясно, что оно находилось где-то в глубине адыгских земель. Но имел ли этот черкесский Оргун что-то общее с татарским Архуном Абдуллы б. Ризвана? Вопрос остается открытым.

С.М. Шамин, к.и.н., с.н.с.
ИРИ РАН

Маркелл, архиепископ Суздальский и Юрьевский, митрополит Псковский и Изборский, митрополит Казанский и Свяжский: к вопросу о ранних страницах биографии

Имя митрополита Маркелла часто упоминается в работах исследователей, обращающихся к истории первых лет правления Петра Великого. Уверенно биография иерарха реконструируется с 1679 г., когда он стал архимандритом брянского Свенского Успенского монастыря. Находясь на этой должности, Маркелл был хиротонисан в епископы Суздальские (*Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Стб. 907).

Ключевой документ, позволяющий говорить о более ранних годах жизни иерарха, выявил архимандрит Леонид. В примечании к описанию рукописи из собрания А.С. Уварова исследователь отметил, что в одном из сборников современник пишет о Маркелле следующее: «Был сей человек ученый по гречески и по латыне, по немецки, и польскому, и татарскому языку. Он прежде был Посольскаго приказу переводчиком, потом учинился монахом, и был судьей в дому Патриарха в тиунской палате, потом в Брянске в Свенском монастыре строитель, а потом первым архимандритом сего монастыря» (*Леонид, архим.* Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания гр. А.С. Уварова. М., 1894. Ч. 3. С. 286; *Леонид, архим.* Казанский митрополит Маркелл (1698) // Русский архив. 1889. Год 27. № 6. С. 304).

Опираясь на эту запись и опубликованные в ДИА документы, И.А. Шляпкин отождествил митрополита со старцем Маркеллом, сотрудничавшим с Посольским приказом в 1672 г. (*Шляпкин И.А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 гг.)*. СПб., 1891. С. 167; ДАИ. СПб., 1857. Т. 6. С. 190–191). Данная идентификация перешла в научную литературу и словарные издания, в том числе самые последние (*Устинова И.А. Маркелл, митр. Казанский и Свяжский // ПЭ. М., 2016. Т. 39. С. 730–732; Устинова И.А. Церковная карьера в XVII веке: митрополит Маркелл // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. М., 2018. С. 32–38*).

Опубликованные архимандритом Леонидом данные о митрополите Маркелле во многом расходятся с тем, что известно о старце Маркелле из документов ДАИ. У Леонида перечислены языки, которыми владел митрополит: греческий, лагын, немецкий, польский и татарский. В ДАИ упомянуты лишь латинский и польский. Далее в документе Леонида утверждается, что митрополит работал переводчиком Посольского приказа. Между тем из документов ДАИ очевидно, что старец Маркелл получал деньги как писец, а не переводчик. На это несоответствие обратил внимание Д.М. Буланин (*Буланин Д.М. Маркелл // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.) Ч. 4. Т–Я. Дополнения. СПб., 2004. С. 745*).

О митрополите знаем, что его работа в Посольском приказе закончилась постригом: «прежде был Посольскаго приказу переводчиком, потом учинился монахом». Материалы ДАИ однозначно показывают, что в 1672 г. подавая челобитье о приеме в Посольский приказ, Маркелл был старцем, т. е. уже принял постриг. Соответственно, постричься позднее повторно он не мог. На это несоответствие обратила внимание И.А. Устинова (см. примеч. выше). В данном контексте видим еще одно несоответствие: если митрополит Маркелл принял постриг после окончания работы в Посольском приказе, то в 1672 г., когда подавалась опубликованная в ДАИ челобитная о приеме в приказ, будущего митрополита ни как не могли звать тем же именем, поскольку при постриге оно менялось.

Таким образом, утверждение о том, что митрополит Маркелл и известный по документам ДАИ старец Маркелл – оно и то же лицо, можно сделать, лишь предположив, что опубликованный Леонидом документ по всем пунктам описывает прошлое владыки с большими искажениями. Вероятнее всего, И.А. Шляпкин идентифицировал двух Маркелов в качестве одного лица лишь из-за того, что введенные в научный оборот в его время материалы о переводчиках Посольского приказа просто не позволяли подобрать иную кандидатуру среди работавших в Посольском приказе людей.

В ходе ведущейся в ИРИ РАН работы над словарем переводчиков Посольского приказа XVII в. собраны предварительные данные о персональном составе корпуса переводчиков рассматриваемого периода (*Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: персональный состав (предварительные данные) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетий. М., 2019. С. 187–209). Среди них упомянут лишь один человек, сменивший перо переводчика на монашеское одеяние: переводчик греческого языка Богомольцев (Богомоллов) Борис Демидов сын, принявший постриг в кремлевском Чудовом монастыре 8 октября 1674 г.

Биография Богомольцева подробно изучена (*Оборнева З.Е.* Переводчик Посольского приказа Борис Богомольцев // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (71). 2018. С. 50–61 и др.). Наиболее слабым местом при отождествлении Богомольцева и митрополита Маркела является возраст переводчика. Богомольцев приехал в Москву с возвращавшимся из Константинополя русским посольством в конце 1623 г. и рассказал, что был взят в плен татарами за Угрой и продан в Азове. В плену он находился 14 лет. Между тем, митрополит Маркел умер в 1698 г. Получается, что иерарх прожил около ста лет. Возраст исключительный, но вовсе невероятным его назвать нельзя. Кроме того, не исключено, что Богомольцев подал о себе ложные сведения, чтобы скрыть старые связи и начать жизнь в России «с чистого листа». Второе неполное соответствие – перечень языков. Однако для переводчиков в Посольском приказе обычно фиксировали тот язык, с которым он работал (*Гуськов А.Г., Майер И.* Языки и переводчики: о жизни и деятельности крупнейшего полиглота Посольского приказа Ивана Тяжкогорского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4. С. 62–81). В нашем же случае основной язык (греческий) совпадает.

Таким образом, на данной стадии исследования отождествление митрополита Маркелла с Борисом Богомольцевым представляется более вероятным, чем со старцем Маркеллом.

И.Н. Шамина, к.и.н., н.с.
ИРИ РАН

С.М. Шамин, к.и.н., с.н.с.
ИРИ РАН

**Печатные книги в библиотеке тульского
Иоанно-Предтеченского монастыря в 1701 г.:
к вопросу о вытеснении из обихода рукописных книг**

Среди источников, позволяющих изучать монастырские библиотеки Российского государства XVI–XVIII вв., значительное место занимают переписные книги. Для большинства обитателей они явля-

ются едва ли не единственным источником, позволяющим скольконибудь полно реконструировать их книжные собрания.

В настоящем сообщении мы обратимся к переписной книге тульского Иоанно-Предтеченского монастыря 1701 г. (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 58. л. 479–577 об.). Описание монастырей Российской империи начала XVIII в. составлялось в связи с передачей управления духовными корпорациями в 1701 г. из приказов Большого Дворца и Патриаршего разряда воссозданному Монастырскому приказу. Ревизия монастырского имущества и земельных владений была первым шагом петровского правительства к проведению частичной секуляризации церковного имущества.

В начале XVIII в. основная часть книжного собрания обители располагалась в соборной церкви во имя иконы Пресвятой Богородицы «Одигитрия» в «книгохранительнице». Описание рукописных и печатных книг в монастырских описях имущества являлось обязательным. В переписной книге 1701 г. информация о том, что книги подлежат обязательному учету, вынесена в преамбулу. В тексте источника книги переписаны в разделе, посвященном описанию соборной церкви, с подзаголовком: «Да в книгохранительнице книг...». К началу XVIII в. в монастыре преобладали печатные книги (94 экз.), рукописных было лишь 12 (11%). Последние описаны весьма кратко: «Жития разных святых» и «Хронограф писменной же», а также «писменных книг разных десять в полдесть». Более подробное описание имеют печатные книги. Оно включает в себя следующие элементы: наименование, разновидность, формат, место издания («московской печати», «киевской печати», «острожской печати») и дату выхода. Однако в ряде случаев такая информация отсутствует (или же листы с выходными данными оказались утрачены). В таких случаях составитель переписной книги отмечал: «без летописания» или «разных годов», если речь шла о нескольких книгах с одинаковым названием, как, например, Минеи. В ряде случаев составитель источника допустил опiski при датировке изданий. Так, например, для «Библии острожской печати» указана дата «по Рождестве Христове 1501-го году», хотя очевидно, что речь здесь идет об «Острожской Библии» Ивана Федорова, изданной в 1581 г.

Место издания некоторых книг, не указанное в описании, можно установить из названия. Например, «Требник Петра Магилы» был составлен Киевским митрополитом Петром (1596–1647) и им же издан в Киеве в 1646 г. Для части книг с точностью установить место издания невозможно. Так минеи, хранящиеся в библиотеке, описаны очень обобщенно: «Минеи месичные во весь год, дватцать четыре книги разных годов».

По нашим подсчетам, большинство печатных книг Иоанно-Предтеченского монастыря вышли из Московских типографий – 63 издания (67%), а также из типографий Украины и Литвы – 7 изданий (7%). Место издания 24 книг (26%) осталось неизвестным. Удалось установить время выхода 55 книг монастырской библиотеки (59% всех печатных экземпляров). Самой старой книгой являлась «Острожская Библия» (1581).

На протяжении XVII в. книжное собрание пополнялось неравномерно. Мы проследили динамику поступления в монастырь книг московской печати (48 экземпляров) и, используя каталог А.С. Зерновой, выявили долю книг, оказавшихся в монастыре, по отношению к изданным в Москве. Оказалось, что в среднем в Иоанно-Предтеченский монастырь поступило не менее 10% изданных здесь книг, а с учетом не датированных и не определенных их доля могла доходить до 20 %.

Можно выделить периоды, для которых книг оказывалось значительно больше среднего уровня: 1640-е (14 экз.), 1670-е (6 экз.) и 1680-е (12 экз.). За некоторые же десятилетия, напротив, изданий нет вовсе: 1600-е, 1660-е и 1690-е гг. Безусловно, следует учитывать, что в каталоге А.С. Зерновой есть пропуски, а многие книги, некогда бытовавшие в монастыре, к моменту описания не сохранились. Отдельные издания могли попадать в библиотеку значительно позже даты издания. Однако вряд ли будет ошибкой предположить, что чаще всего книги попадали в обитель в течение нескольких лет после выхода. Данное предположение подтверждается вкладными записями на двух хранившихся в обители томах. На обложке Евангелия 1681 г. написано: «Сие святое Евангелие устроено в лето 7191 году месяца иуля в Предтеченский монастырь иже в граде Туле того монастыря при игумене Корнилии монастырскими казенными деньгами». На первых листах Типикона 1682 г. внизу сделана подпись: «7190 года сия книга Типикон... Устав Тулы Предтечева монастыря казенная куплена на Москве на Печатном дворе на казенная деньги. Подписал казначей Предтечева монастыря старец Карп своею рукою лета 7194-го месяца октоврия в 8 день» (Материалы для историко-статистического описания Тульской губернии. Вып. 1. Святые храмы города Тулы / Сост. Н.И. Троицкий, Ю.В. Арсеньев. Тула, 1888. С. 99–103).

Как видим, в 1701 г. основу библиотеки Иоанно-Предтеченского монастыря составляли печатные издания, вышедшие до 1690 г. На рубеже XVII и XVIII вв. печатная книга уже преобладала над рукописной во многих обителях. Так, в коломенском Спасо-Преображенском монастыре рукописные книги составляли лишь 12%, в коломенском Голутвине – только 16%. В Макариевом Желтоводском

монастыре, по подсчетам А.В. Сиренова, находились 480 книг, из них рукописных – 120 (примерно 25%, см.: *Сиренов А.В. О библиотеке Макарьевского Желтоводского монастыря в XVII в. // Вестник ЛГУ. 2013. Т. 4. № 1. С. 11*). Рукописные книги преобладали лишь в обителях с древними библиотеками и мощной рукописной традицией, таких, как Павлов Обнорский монастырь, где по переписной книге 1701 г. в насчитывалось 304 книги, 193 (64%) из них – рукописные (*Шамина И.Н. Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря 1701–1702 гг. // Вестник церковной истории. 2010. № 1/2 (17/18). С. 17–107*).

*М.М. Шахнович, д. филос. н., проф., зав. кафедрой
СПбГУ*

Дневники И.А. Боричевского (1892–1941) как исторический источник

*Тезисы подготовлены по гранту РФФ № 16–18–10083 «Изучение религии
в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения
и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX вв.»*

Доклад подготовлен на основе неопубликованных дневников одного из последних русских позитивистов И.А. Боричевского. Он посвятил многие годы исследованию и переводам сочинений античных атомистов и искренне пытался в сталинскую эпоху вести себя в соответствии с нормами этики Эпикура, стремясь «жить незаметно», но достойно, занимаясь научным и философским творчеством.

В течение двадцати пяти лет своей жизни, с 1916 по 1941 г., И.А. Боричевский вел дневники. Они содержат откровенные размышления философа о времени, науке, культуре, дают острую оценку литературным и философским дискуссиям, политическим событиям, описывают разные стороны жизни Петрограда / Ленинграда и Царского (Детского) села. Особенно интересны дневники конца 1920-х – середины 1930-х гг., которые рассказывают о встречах с В.В. Кандинским, А.А. Ахматовой, Н.Н. Пуниным, Ю.А. Тыняновым, Т.Г. Гнедич, А.М. Дебориным, И.К. Лупполом, С.Я. Лурье, С.А. Черновым и др.

Иван Адамович Боричевский родился 28 декабря (по новому стилю) 1892 г. в местечке Плуны, Ковенской губернии. Закончив в 1911 г. Шавельскую мужскую гимназию, поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Боричевский в своей автобиографии отмечал, что научной работой он начал заниматься в 1913 г., а свою первую статью – о Г.В. Плеханове – написал в 1916 г. В годы учебы Боричевский вхо-

дил в объединенную фракцию РСДРП, созданную студентами университета, в начале 1917 г. примкнул к группе так называемых интернационалистов. Однако после 1917 г. Боричевский перестал заниматься какой-либо партийной деятельностью.

С 1918 по 1920 г. он находился за границей, а в 1921 г. был назначен профессором философского факультета Петроградского университета (вплоть до закрытия факультета в 1930 г.), где в 1922–1925 гг. заведовал кафедрой истории философии. В 1926–1928 гг. преподавал на Высших курсах библиоковедения при Публичной библиотеке. В 1937 г. были арестованы его брат Василий, входивший в объединение пролетарских художников (в 1938 г. он был расстрелян) и жена, о судьбе которой Боричевскому так и не удалось ничего узнать. Боричевский один воспитывал маленького сына, при этом постоянно находился в очень стесненных материальных обстоятельствах, так как с 1930 г. не имел постоянной работы. Он брался за любую работу по профессии: читал лекции в разных учреждениях: историю атеизма в Ленинградском историко-лингвистическом институте и историю философии в Коммунистической Академии им. Г.Е. Зиновьева; преподавал в педагогическом институте им. А.И. Герцена и параллельно – на учительских курсах, а также читал лекции от Союза воинствующих безбожников, работал нештатным научным сотрудником первого разряда в Комиссии по истории знания (позже ИИЕиТ).

Только весной 1941 г. партийные органы поддержали ходатайство М.В. Серебрякова, декана философского факультета Ленинградского университета, о зачислении Боричевского как преподавателя истории философии на постоянной основе. Уже началась война, когда 16 июля 1941 г. Иван Адамович наконец получил штатную должность – доцента философского факультета ЛГУ. Но вскоре факультет был эвакуирован, а Боричевский остался в блокадном городе, где умер от истощения в декабре 1941 года.

Опубликованное наследие Боричевского не так велико: около 30 статей и брошюр. Публикации 1920-х гг. свидетельствуют о том, что он отрицал значение философии для науки, считая, что «наука сама себе философия». В так называемом споре «механистов» и «диалектиков» Боричевский был одним из активных «механистов». Критикуя представителей русской религиозной философии, Боричевский писал, что «рядом с этой мнимой наукой» существовала «философия положительной науки» – «философия Сеченовых, Мечниковых и Тимирязевых». Именно Боричевский, вдохновленный достижениями естествознания, в 1926 г. придумал новое направление науки – «науковедение», цель которого, по его мнению, – исследование внутренней природы научного знания, создание теории науч-

ного познания, а также изучение социальной роли науки. При этом он отделял науковедение как точную науку от философии науки.

Свои дневниковые записи И.А. Боричевский вел в небольших блокнотах, которых накопилось шестьдесят девять. Если записи первых блокнотов весьма хаотичны и без определенной системы, то тексты, написанные в тридцатые годы и в 1940–1941 гг., имеют четкую структуру. Сначала идет описание природы, задающее настроение дня, затем бытовые зарисовки, слухи, запись разговоров с коллегами, друзьями, случайными спутниками, планы исследований и оценка написанных трудов. Совершенно очевидно, что Боричевский вел дневник не только для себя, но и для будущих читателей. Он писал: «Как литературоведу, мне хорошо известно: дневники “незнаменитостей” часто оказываются любопытны для потомков. Здесь иногда можно найти данные, которые трудно или даже невозможно – почерпнуть из других источников. ...Автор – философ, живущий мыслью, но он внимательно наблюдал современность, и старался беспристрастно учесть и свет и тени окружающего быта, пересоздававшегося большою историческою эпохою. Автор много работал в труднейших областях знания, и старался учитывать их международные достижения и чаяния. Правда, личные искания автора оказались малозначительны. Но возможно, что в них окажутся некоторые предвосхищения будущего» (ОР РНБ. Ф. 93. № 13. Л 1).

*Г.В. Шебалдина, к.и.н., доц.
РГГУ*

География плена Северной войны: социальные, экономические и культурные аспекты

Северная война, а в шведской историографии – Великая Северная война, представляет собой переплетение старого и нового не только в организации воинских подразделений, в порядке ведения боевых действий и системе функционирования тыла, но и в таком неперменном ее атрибуте, как плен. Одним из устойчивых атавизмов его структурного каркаса является деление плена на частный и государственный. Мы остановимся на пленении и содержании государствами, в частности Россией и Швецией, захваченных противников.

Важнейшим структурным элементом плена является размещение пленных в соответствии с целым рядом запросов, поступающих как от самих властей, так и от населения: социальных, экономических, культурных. Самым очевидным фактором при выборе такого места является необходимость удаления военнопленных от границ и обеспечение безопасной обстановки для своих граждан. Тем не менее, наследием войн средневековья является то, что группы

пленных разной численности нередко сопровождали действующую армию, что было вызвано практикой размена пленнх в ходе боевых действий. Но Карл XII и Петр I, за исключением редких случаев, довольно скоро отказались от нее. Шведский король уже в 1701 г. распорядился выслать нарвских пленнх подальше от границы, а Петр после того как в армии Шереметева в Ингерманландии стало расти количество пленнх каролинов, сделал аналогичное распоряжение в 1703 г.

Военнопленные размещались преимущественно в городах, что отвечало интересам властей и самих пленнх, для которых столичный или торговый город давал возможность получить помощь, отправить или получить корреспонденцию, общаться с соотечественниками и товарищами по несчастью. Вместе с тем, основной принцип – ограниченное и контролируемое размещение, всегда соблюдался; были ли это замки в Швеции или монастыри в России с толстыми стенами, рвами и подвалами, или же частные дома горожан или крестьян, вокруг которых, а периодически и внутри находилась вооруженная охрана.

Богатая на сражения война безостановочно поставляла пленнх, и со временем местные власти и горожане неминуемо начинали испытывать неудобства разного рода: от возложенных на них обязанностей по охране пленнх до физического отсутствия подходящих свободных помещений. Осенью 1704 г. с этой проблемой столкнулись власти шведской столицы, и решением Королевского совета русских посадских и служивых людей выслали в другие города. Это событие стало началом последующей регулярной практики, которую чуть позже активно использовали русские власти, распределяя небольшие группы пленнх каролинов по городам европейской и юго-восточной России.

Очень многое в русских и шведских практиках содержания пленнх стало меняться после Полтавы и Переволочны, когда в руках царя оказалась целая армия пленнх, а шведское общество потеряло поколение высокорожденных каролинов. Попытка разместить пленнх в уже известных местах столкнулась с действительностью. Объявленная Османской империей 20 ноября 1710 г. война, раскрытый офицерский заговор о побеге в Казани и Свияжске в феврале 1711 г. привели к важным переменам в жизни каролинов: весной из разных мест центральной и юго-восточной России двинулись на восток колонны шведских пленнх. Наиболее полный список мест, где размещались пленные, включает в себя практически все мало-мальски крупные населенные пункты Урала и Сибири.

Стоит особо отметить следующий элемент повседневности как русского, так и шведского плена в годы Северной войны – исполь-

зование положение пленных, прежде всего офицеров и статских служителей в качестве инструмента политико-идеологического давления на власти и общество противника, а также общественное мнение «христианских народов». Библейский принцип «око за око», как и в предыдущие времена, оставался невероятно устойчивым. Например, после того, как в 1705 г. в Стокгольм пришли известия о высылке резидента Книперкроны с семьей и части офицеров из Москвы, русских генералов поспешили отправить в далекие от Стокгольма города. Русские власти не отставали от противника: коменданту Измайлову в середине декабря 1714 г. царь приказал выслать из Москвы пленных шведских генералов, так как «шведы наших пленных держат врозь и за караулом».

Экономический аспект географии плена обусловлен в большей степени использованием труда пленных. И в этом смысле Петр I был первым из русских правителей, который с подлинно преобразовательным размахом использовал все возможности, которые дала ему Северная война. Начав со скромных и известных практик отправки пленных «на пашню» и «в службу» в начале войны, к ее середине он «пристроил» тысячи рядовых невольников на строительство флота и крепости в Воронеже и Азове, на рудники и заводы в Алапаевске и Невьянске, и даже на создание «Парадиза» – Санкт-Петербурга. Очевидно, что шведские военнопленные, занятые на «великих стройках», стали одним из важных факторов происходивших в русском государстве изменений. Стоит признать тот факт, что среди повседневных практик отечественного плена массовое использование труда каролинов в годы Северной войны было несомненным новшеством – знаком Нового времени.

В годы Северной войны происходили некоторые изменения и в культурном аспекте географии плена. Настороженное отношение как со стороны местного населения, так и со стороны самих пленных и в России, и в Швеции, в первую очередь, связаны с противостоянием «свой-чужой». Пленный – враг, пусть даже и поверженный. Тем не менее, повседневные практики, связанные с соприкосновением и взаимодействием каролинов с местным населением, были гораздо более разнообразными и дали интересные результаты, некоторые из которых, в частности изучение и описание Сибири, можно смело отнести к новым элементам повседневности плена.

Очевидно, что в ходе Северной войны вырабатывались новые практики, которые стали частью такого малоподвижного конструкта как «институт плена» (*Суржикова Н.В.* Военный плен в Российской провинции (1914–1922). М., 2014. С. 14).

Платежные средства для коммерческих банков 1917 г.

К концу 1916 г., когда шла Первая мировая война, денежное обращение в России стало бумажным. Пытаясь покрыть возрастающие расходы, правительство увеличивало объем бумажных эмиссий. К февралю 1917 г., когда к власти пришло Временное правительство, покупательная способность рубля упала до 27 коп. К началу октября разрешенная эмиссия достигла уже 16,5 млрд. руб.

Несмотря на это, денежный голод ощущался повсеместно. Для устранения его требовались незамедлительные дополнительные денежные выпуски. Правительство рассматривало все варианты для решения этой проблемы. Так, был помещен заказ на печать русских кредитных билетов в США (*Шиканова И.С. Русские денежные знаки, отпечатанные в 1917–1920 гг. в США // Страницы отечественной истории в бумажных денежных знаках. М. 2016. С. 47–77*).

Октябрьская революция 1917 г. свергла Временное правительство и установила рабоче-крестьянскую диктатуру. Новая власть последовательно проводила политику по подчинению Госбанка, несмотря на саботаж его руководства. Такое развитие событий стало реальной угрозой самого существования института коммерческих банков, неизбежно привело бы к банкротству и полному краху банков. Уже 30 ноября 1917 г. произошло совещание частных коммерческих банков, которое вынесло решение об образовании Союза российских банков. В «Торгово-промышленной газете» 11 декабря 1917 г. сообщалось: «В целях частичного облегчения денежного обращения, в виду отсутствия денежных знаков, среди частных кредитных учреждений возник вопрос об образовании союза российских банков, при помощи которого можно будет выпустить под обеспечение депонированных банками ценностей особые чеки на предъявителя в круглых суммах...». Предполагаемая эмиссия должна была составить 1 млрд. руб.

Изготовление чеков было поручено типографии товарищества на паях Р. Голике и А. Вильборг в Петрограде. Боны были отпечатаны на хорошей глянцево-бумаге (а не на денежной). Художественное оформление осуществил С.В. Чехонин. Сохранился пробный вариант чека достоинством в 100 руб. – лицевая и оборотные стороны (отдельно).

Л.с. Прямоугольные рамки (простые и со сложным растительно-фруктовым орнаментом) по периметру знака; в центре сверху изображены фигуры: женщины (подобная женская фигура изображена на купюре в 100 руб., отпечатанной в США в 1918 г. для России) с

венком на голове и с серпом в руке, символизирующей богиню плодородия, и мужчины в шлеме и сандалиях с крыльшками, с кадуцеем в руке – символом бога торговли, каждая из фигур держит рог изобилия с пышными цветами, колосьями и разнообразными плодами. Фигуры опираются на картуш в виде овала, в котором помещена цифра «100», увитая растительным орнаментом. Над композицией – лента с текстом: «Союз российских Акционерных Коммерческих банков». По углам знака между рамками отпечатаны цифры: «25» и «100» (вверху) и «500» и «50» (внизу).

В нижней части чека оставлено чистое поле, предназначенное для текста и подписей. Рисунок выполнен в темно-серой гамме (в такой же, как и романовский государственный билет в 100 руб.).

Размер: 165×110 мм.

Об. с. В четырехугольных рамках (в виде одноцветных сеток), идущих по периметру знака, отпечатан текст:

«Чек выпущен под обеспечение ценностями, депонирован/ными союзу членами союза, и за солидарную ответственностью/ всех нижеперечисленных участников соглашения. Начиная со/ 2 января 1919 года банк-акцептант чека – обязуется немедленно/ по предъявлении, а всякий другой член Союза – не позднее двух/ недель по предъявлении, уплатить предъявителю настоящего чека/ вышеуказанную сумму в сто рублей/.

Петроградские банки:

Азовско-Донской, Волжско-Камский, Восточный, Золотопромышленный, ПГР. Международный, Нидерландский для русск. торг., Петроградский, ПГР. Торговый, ПГР. Учет/ный и Ссудный, ПГР. Частный, Русско-Азиатский, Русско-Английский, Русско-Голландский, Русский Коммерческий, Русский для внешн. торг., Русский Торгово-Промышлен./ Русско-Французский, Сибирский Торговый, Союзный, Русский Торговый и Транспортный, Петроградско-Рижский./

Московские банки:

Московский, Московский Купеческий, Московский Народный, Московский Промышлен/ный, Московский торговый, Московский Учетный, Московский частный, Соединенный/».

В центре поля знака – картуш из сложной одноцветной сетки, в котором помещена цифра «100».

Анализируя этот редкий памятник денежного обращения 1917 г., можно прийти к следующим выводам:

1. Эмитентом денежных знаков выступал Союз Российских акционерных коммерческих банков.

2. Члены Союза публично поименно обозначили себя на чеке (Петроградских банков – 21, Московских – 8).

3. Чеки полностью обеспечивались ценностями банков-эмитентов, хранившимися в сейфах (как в свое время депозитные билеты 1840 г. при проведении денежной реформы Е.Ф. Канкрин).

4. Чеки выпускались достоинством 500, 100, 50, 25 руб. (в каталогах Н. Кардакова и А. Пика даны номиналы чеков в 100 и 500 рублей. По-видимому, печатать чеки начали с крупных номиналов).

5. Установление срока уплаты суммы по чеку 2 января 1919 г. свидетельствует о том, что буржуазия, в данном случае, в лице руководства банков, не могла тогда оценить всю глубину социально-экономических процессов, происходивших в России.

Следует отметить, что бонисты относят чеки акционерных коммерческих банков к разделу Временного правительства. Это справедливо, так как крупные банкиры столичных банков полностью разделяли политическую и экономическую платформы буржуазно-демократического правительства, а некоторые непосредственно входили в его состав. С другой стороны, события в последние месяцы 1917 г. развивались с такой необыкновенной скоростью, что к моменту создания Союза российских банков произошла Октябрьская революция и была установлена советская власть.

ВЦИК РСФСР принял 14 (27) декабря 1917 г. декрет о национализации всех акционерных коммерческих банков и прочих кредитно-финансовых учреждений. Всем частным коммерческим банкам было предписано объединиться с Государственным банком, банковские акции аннулировались, а собственники акций под угрозой конфискации имущества должны были сдать акции в отделения Госбанка.

Одновременно был принят Декрет о ревизии банковских сейфов. Все бумажные деньги, которые хранились в сейфах, подлежали занесению на текущий счет клиента в Государственном банке, а золотые монеты и слитки – конфискации и передаче в общегосударственный золотой фонд.

Выпуск Союзом российских банков ничем не обеспеченных платежных чеков, превратившихся в пустые бумажки, сделался абсолютно бессмысленным. Но поскольку Советское правительство, как и прежде, остро нуждалось в денежных знаках, решено было использовать заготовки-бланки чеков для кредитных билетов. Естественно, что эмитентом выступал Государственный Банк.

Стремился ли Иван Грозный лишить своих жертв христианского погребения и спасения души?

Занимаясь синодиком опальных Ивана Грозного, академик С.Б. Веселовский пришел к выводу, что царь стремился лишить опальных «тех выгод, которые, по тогдашним понятиям, давали христианская смерть и погребение» (*Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины*. М., 1963. С. 324). Эту мысль развил А.А. Булычев, посвятивший исследование казням-погребениям, которыми Иван Грозный превращал своих противников в «заложных» мертвецов, обреченных на посмертные мучения (*Булычев А.А. Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных Ивана Грозного*. М., 2005. С. 17, 43–151). Он отмечает, что эти казни «были идеально приспособлены к отечественным традициям квазипохорон нечистых усопших». В отзыве на книгу А.А. Булычева К.Ю. Ерусалимский предložил изучать посмертные судьбы опальных «на уровне личностей» (*Ерусалимский К.Ю. Между канонизированными и демонизированными: Казни Ивана Грозного в культурно-символической интерпретации // Одиссей: Человек в истории*. 2009. М., 2010. С. 385). Попробуем реализовать это на практике.

Обращает на себя внимание сохранность останков святых жертв Ивана Грозного епископа Германа Казанского († 1567), митрополита Филиппа († 1569), игумена Корнилия Псковского († 1570). Правда, из них был казнен только Корнилий, а остальные – тайно убиты. Тем не менее, тело Корнилия упокоилось в пещерах Псково-Печерского монастыря (*Плешанова И.И. Керамические плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика*. Вып. VI. М., 1966. С. 162). Другой казненный инок келарь Дорофей (Курцев) похоронен в Троице-Сергиевом монастыре (Список погребенных в Троицкой Сергиевой Лавре. М., 1880. С. 35).

По-христиански были похоронены не только духовные, но и светские лица из числа опальных Ивана Грозного. Тело первой жертвы монаршего гнева – князя А.М. Шуйского († 1543) – отвезли «в Суздаль, где их родители кладутца» (ПСРЛ. Т. 34. С. 27). Рассказывая о казни бояр князя И.И. Кубенского, Ф.С. и В.М. Воронцовых в 1546 г., Постниковский летописец отмечает, что «отцов духовных у них перед их концом не было». Однако после казни «по велению по великого князя» их похоронили в родовых усыпальницах (ПСРЛ. Т. 34. С. 27). Могильная плита князя И.И. Кубенского сохранилась в соборе Новодевичьего монастыря (*Гириберг В.Б. Материалы для*

свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья. XIV–XVII вв. Ч. 1 // Нумизматика и эпиграфика. Вып. 1. М., 1960. С. 28).

Рассмотрим случаи погребений опальных на примере казенных бояр и окольных. Во-первых, о них сохранилось более всего документов, а, во-вторых, есть основания полагать, что над их погребениями были установлены подписные надгробия. Известно о 43 членах Боярской думы, казенных Иваном Грозным с 1543 г. по 1575 г. (*Зимин А.А.* Состав Боярской думы в XV–XVI веках // Археографический ежегодник за 1957 г. С. 57–79). Удалось установить место (или факт) погребения 11 человек. Князь А.М. Шуйский был погребен в Суздальском Рождественском соборе, князь И.И. Кубенский в Новодевичьем монастыре, Ф.С. и В.М. Воронцовы где-то на родовом кладбище, князь Ю.И. Кашин († 1564), князь А.Б. Горбатый († 1565), Л.А. Салтыков († 1571), И.А. и Д.А. Бутурлины (оба – † 1575) – в Троице-Сергиевом монастыре (Список погребенных... С. 3, 12, 18, 27), Н.В. Шереметев († 1564) и князь М.И. Воротынский († 1573) – в Кирилло-Белозерском монастыре (последний первоначально был похоронен на церковном кладбище в Кашине) (*Серебрякова М.С.* О топографии двух фералонтовских захоронений конца XVI – начала XVII века в Кирилло-Белозерском монастыре // Кириллов. Вып. 4. Вологда, 2001. С. 78; *Патин И.В.* Некрополь Кирилло-Белозерского монастыря // Русское средневековое надгробие. XIII–XVII вв. Материалы к своду. Вып. 1. М., 2000. С. 205–206).

Пискаревской летописец сообщает, что в 1575 г. после казни князя П.А. Куракина, И.А. Бутурлина, Н.В. Бороздина и других «главы их меташа по дворам к Мстиславскому ко князю Ивану, к митропалиту, Ивану Шереметеву, к Андрею Щелкалову и иным» (ПСРЛ. Т. 34. С. 192). Это не помешало собрать тело И.А. Бутурлина в анатомическом порядке и похоронить его у Троицы. Антропологическое исследование этого захоронения зафиксировало рассеченные шейные позвонки (*Энговатова А.В., Вишневский В.И.* Новые памятники средневекового некрополя Троице-Сергиевого монастыря (материалы археологических наблюдений 2007 г.) // Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев Посад, 2010. С. 158).

Царь не препятствовал поминовению опальных (известны вклады по их душам, сделанные родственниками в правление Ивана IV), и сам давал по ним вклады задолго до составления синодиков. Так, вскоре после казни князя А.Б. Горбатого 12 февраля 1565 г. царь дал по нему 200 рублей (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 102).

Можно ли, опираясь на данные факты, говорить о том, что Иван Грозный не собирался лишать своих жертв христианского погребения

ния и загробной жизни? Однозначно сделать такой вывод нельзя. При всей понятной скудости источников настораживает отсутствие некоторых погребений казненных бояр на родовых кладбищах. Хорошо исследован археологически некрополь Плещеевых и Басмановых в Троице-Сергиевом монастыре (*Вишневский В.И.* Некрополь бояр Плещеевых в Троице-Сергиевом монастыре // Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара. М., 2004. Вып. 1. С. 375–386). Однако надгробий казненных А.Д. Басманова и З.И. Очина-Плещеева не обнаружено. Из рода Яковлевых казнены три человека. При изучении их родового некрополя в Новоспасском монастыре захоронений или надгробий этих опальных не найдено (*Станюкович А.К., Звягин В.Н., Черноsvитов П.Ю., Елкина И.И., Авдеев А.Г.* Усыпальница Дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2005). Эти случаи можно умножить.

Практика погребения опальных Ивана Грозного должна быть соотнесена с практикой погребения других казненных (останки Лжедмитрия I и С. Разина ждала одна посмертная судьба, тело М.Б. Шенина – другая). Дальнейшее рассмотрение случаев казней, погребений и поминовений «на уровне личностей» даст ответ на вопрос о том, стремился ли Грозный лишить опальных христианского погребения и спасения души.

*А.Д. Щеглов, д.и.н., в.н.с.
ИВИ РАН*

«Шведская хроника» Олауса Петри: рукописи в Российской национальной библиотеке

Олаус Петри, шведский реформатор и историк, родился около 1493 г. После учебы в Виттенберге вернулся в Швецию, публиковал богословские труды и работал над «Шведской хроникой» (*En Swensk Cröneka*). Король Густав Ваза остался недоволен хроникой и приказал конфисковать рукописи. Возможно, поэтому не сохранился автограф произведения.

Хроника была опубликована в 1818 г. Следующее издание (1860) осуществил Г. Клемминг по списку D 407 (Королевская библиотека, Стокгольм). Л. Шёдин указал: хроника существует в двух редакциях – краткой и пространной. Э. Лундмарк предложил классификацию, согласно которой редакций пять. К редакции I относятся списки, оканчивающиеся 1512 г. Редакция II возникла вследствие правки (изменен отрывок о священных рощах, отредактирован рассказ о короле Магнусе Биргерссоне). Редакция III доведена до 1520 г.; в рассказ о второй половине XV в. внесены изменения. Когда король высказал недовольство, ответом стало дополнение к предисловию:

тот, кто хочет, чтобы о нем писали «добрую хронику», должен творить добро. Так возникла редакция IV. Она включала в себя новые сообщения – например, о «языческом законе» – древнем установлении о поединках. Позднее были внесены изменения; списки, в которых они присутствуют, Э. Лундмарк обозначил как «редакцию V».

В связи с дискуссией о хронике представляют ценность списки произведения – в том числе четыре, хранящиеся в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург). Знакомство с рукописями позволяет подтвердить выводы Э. Лундмарка. Так, по древнейшему варианту, хронист желает читателям «знания истины» – *sanhetenes kundskap*. В результате исправления появилось пожелание «знания о спасении» (*salighetenes kundskap*). В основном подтверждаются выводы о делении на группы. Основываясь на этих наблюдениях, уместно дать характеристику петербургских списков. Рукопись Швед. F.IV.1 содержит краткую исправленную версию «Шведской хроники» (по Лундмарку, редакция II), дополненную с использованием пространного списка (редакция IV). Указана дата начала и окончания работы: 20 марта 1576 г. и 28 января 1580 г. Отсутствуют полемическая концовка предисловия и «языческий закон». О том, что это редакция II, свидетельствует рассказ о Магнусе Амбарном Замке, приведенный в характерном для указанной редакции виде.

В манускрипте Швед. F.IV.4. приветствие дано в поздней версии: *salighetennes kundskap*. Налицо признаки редакции IV: добавление к предисловию, «языческий закон»; но предисловие является кратким. К иному типу относятся Швед. F.IV.2 и Швед. F.IV.3. Читателю желают «знания истины». Признаки редакции IV – «языческий закон», добавления к предисловию. Отдельные варианты восходят к ранним версиям.

В двух рукописях присутствуют уникальные записи. Одна содержится в F.IV.2: *Medh min egen Hånd skreffven och til tryckit förfärdigat. O.P.P.S.* (Мною собственноручно написано и подготовлено к печати. О.П.П.С.). Другая – перед текстом «Шведской хроники» в Швед. F.IV.3: *Mag. Olai Petri Phases, fardom Kyrkjoherde wed Stockholms stads stora Kyrckja Swenska Chrönica, sammanskrifwen ähr efter Christi Börd 1534* (Шведская хроника магистра Олауса Петри Фасе, в прошлом – настоятеля Большой церкви города Стокгольма, написанная в год от Рождества Христова 1534).

В начале XVIII в. Й.Г. Халльман утверждал, что «Шведская хроника» завершена в 1534 г., но не привел аргументов. В Швед. F.IV.2 указан именно 1534 год. Долгое время петербургские списки российскими учеными не исследовались. Шведы заинтересовались ими в XIX в., направив в Петербург запрос. Ответ гласит: Импера-

торская публичная библиотека располагает четырьмя списками хроники Олауса Петри, перешедшими из собрания П.К. Сухтелена. Древнейший – IV.F.3 – создан около середины XVI в. Далее процитирована запись *Mag. Olai Petri* <...> 1534. Автор справки указал, что IV.F.3 не автограф: рукопись создана несколькими писцами; их почерк не соответствует почерку Олауса Петри. Во втором списке (IV.F.1) указано время создания (20.03.1576 – 28.01.1580); третий (IV.F.4) выполнен около 1600 г. Четвертый (IV.F.2) относится к концу XVI – началу XVII в. Он, по-видимому, подготовлен к печати, о чем свидетельствует запись *Medh min egen* <...> O.P.P.S.

Вновь вопрос о петербургских рукописях был поднят в 30-е – 40-е гг. XX в. Э. Лундмарк и Х. Ульссон не имели доступа к рукописям и основывались на справке. Э. Лундмарк констатировал: формулировка и орфография надписи на титульном листе Швед. F.IV.3 характерны для более поздней эпохи. Также, возможно, произошла ошибка: переписчик принял дату MDXXXIX за MDXXXIV. Х. Ульссона данные рукописей интересовали в связи с трудом *Scondia illustrata* ученого XVI–XVII вв. Ю. Мессениуса. Там приводятся разные даты создания хроники Олауса Петри: 1533 и 1534 гг. Подобная дата, отметил Х. Ульссон, присутствует в петербургском манускрипте.

Ознакомившись с записями, мы можем констатировать: они имеют спорный характер. Запись в Швед. F.IV.2, судя по письму, создана в середине XVII в., а не в XVIII в. Аббревиатура O.P.P.S. скорее всего означает: Olaus Petri, predikant i Stockholm – «Олаус Петри, стокгольмский проповедник». Олаус Петри вряд ли подготовил к печати «Шведскую хронику» в редакции, представленной списком Швед. F.IV.2. В то же время хронист, очевидно, надеялся опубликовать труд. Бросается в глаза сходство лексики, употребленной Халльманом, Мессениусом и автором записи в Швед. F.IV.2. У Халльмана и в петербургской рукописи сказано: Олаус подготовил (швед. *förfärdigade*) хронику. У Мессениуса – тоже «подготовил» (лат. *concinnavit*). На титульном листе Швед. F.IV.3 часть букв выглядят как более поздние (конец XVII – середина XVIII в.).

Уместно обратить внимание на деталь, не отмеченную предшественниками. В стокгольмской рукописи D 407 присутствует зашифрованная дата: стихотворение, где прописные буквы одновременно являются римскими цифрами, которые (в зависимости от способа прочтения) в сумме дают число 1533 или 1535. Итак, указания на даты «1534» и «1535» не бессмысленны. В тоже время, они могли являться ошибкой. Возможно, дата в D 407 (или в другом манускрипте) была принята за дату завершения работы: затем ошибка была воспроизведена – в том числе в петербургской рукописи.

Из истории коллекций греческих рукописей в России в XIX в.: Архиепископ Никандр Молчанов

В собрании Московской духовной академии РГБ находится большая коллекция греческих рукописей, подаренных МДА епископом Никандром (Молчановым). Никандр (Николай Дмитриевич Молчанов, 1852–1910) – выпускник Московской духовной семинарии (1874) и академии (1878), преподаватель греческого языка и ректор Тамбовской духовной семинарии (1878–1891), ректор Санкт-Петербургской духовной академии (1893–1895), епископ Симбирский и Сызранский (1895–1904), архиепископ Литовский и Виленский (1904–1910). После окончания Академии написал научную статью (*Молчанов Н. [Д.]*. Писатель четвертого Евангелия по самому Евангелию // Христианское чтение. 1880. № 11–12. С. 419–434) и магистерскую диссертацию (Подлинность четвертого Евангелия и отношение его к трем первым Евангелиям / Николая Молчанова. Тамбов, 1883), в которых большое место уделяется филологическому анализу греческих слов, но не стал продолжать научную карьеру. Судя по материалам «Симбирских епархиальных ведомостей», одним из основных направлений деятельности епископа Никандра в соответствующий период было народное образование и просвещение. На архиепископской кафедре в Вильно он разрабатывал проект преобразования церковного устройства (*Табунов В.В.* Архиепископ Литовский и Виленский Никандр (Н.Д. Молчанов) о реформе православной церкви в начале XX столетия // Итоги научных исследований ученых МГУ им. А.А. Кулешова: сб. ст. / Под ред. А.В. Иванова, Е.К. Сычовой. Могилев, 2012. С. 190–194).

В 1900 г. епископ Никандр передал в дар МДА коллекцию рукописных и печатных книг на греческом языке. В сопроводительном письме он писал: «Как бывший питомец Московской духовной академии честь имею препроводить в дар Академии для фундаментальной библиотеки в двух особых посылках коллекцию греческих аколуфий (τῶν ἀκολουθιῶν) или чинопоследований служб святым Православной Церкви... печатных и рукописных, изданных в XIX и XVIII столетиях. <...> Сверх сего имею честь препроводить также в особой (3-й) посылке три древних греческих рукописи... из которых одна ... представляет замечательную и драгоценную в научном и других отношениях редкость. <...> При сем прилагается домашний каталог 170 аколуфий» (Журналы заседаний Совета МДА за 1900 год. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1901. С. 207–208). Руко-

писи были зарегистрированы библиотекарем К.М. Поповым в «дополнительном» собрании библиотеки МДА в том же порядке, в каком они следуют в Каталоге епископа Никандра (РГБ. Ф. 173/II, № 147), где они расположены вперемешку с печатными книгами (№ 4, 6, 10, 19, 27, 66, 102, 104, 120, 143, 146, 154, 156, 160, 171, 173). В настоящее время в коллекции 24 манускрипта (РГБ. Ф. 173/II. № 148–164, 201–204; № 152 содержит 4 един. хр.). Три рукописи (№ 148, 203 и 202) в Каталоге Никандра отсутствуют, к ним прикреплены листочки с записью: «Приношение Академии от Никандра епископа Симбирского, 1900 г., мая, 1-го дня». В собрании РГБ нет еще 27 рукописей, перечисленных в Каталоге Никандра (№ 174–193, 199–205; номера 194–198 пропущены). Две из них (№ 174 и 179) удалось обнаружить в Российской национальной библиотеке (РНБ. Греч. 628 и 629) в числе 15 греческих рукописей, приобретенных Императорской публичной библиотекой покупкой в том же 1900 г. (РНБ. Греч. 617–631).

Кроме древнейшего пергаменного манускрипта XIII в. (№ 148), все остальные рукописи написаны на бумаге в XVIII–XIX вв. Рукопись № 148 содержит Иерусалимский устав; сборник-конволют из двух частей – XVIII и XIX в. (№ 203) включает Катехизис, Эпистолярный и ряд материалов учебного характера (трагедию «Страждущий Христос» с новогреческим переводом, Послание патриарха Фотия Михаилу, правителю Болгарии, «О том, что является обязанностью правителя», также с переводом, двустигии Псевдо-Катона в переводе Максима Плануда, Послание Евгения Булгариса к спросившим, где находятся души умерших, и др.); Эпистолярный второй половины XVIII в. (№ 204) содержит образцы писем и другие статьи, в частности, Похвалу господарю Валахии Николаю Карадже (1782–1783), на новогреческом языке.

Остальные рукописи представляют собой замечательную подборку церковно-литературных произведений XVIII–XIX вв., созданных и переписанных в разных уголках греческого мира – в Эрмиони (№ 149, 159, 162), в Арте (№ 151, 163, 201), на Афоне (№ 152, 155–157, 160, 161), на о. Закинф (№ 158), в Афинах (№ 154), в Константинополе (№ 164, 202). Наряду с сочинениями таких известных писателей, как митрополит Арты (1703–1722) Неофит Мавроматис (1662–1740) — основатель греческой школы на о. Скопелос и составитель каталога рукописей афонского монастыря Ивирон (№ 151) или выдающийся греческий просветитель Евгений Булгарис (№ 203), представлены произведения менее известных авторов, таких как школьные учителя из Константинополя Феодор Аристоклис, Христодул Коккинакис, Георгий Хрисовергос, Онуфрий Иоаннидис или же не оставившие своих имен книжники с

о. Закинф (№ 158) и из монастыря св. бессребреников Козмы и Дамиана в Эрмиони (№ 149, 159, 162). Пять рукописей (№ 152.1, 3, 163, 201, 202) являются автографами крупного церковного историка, гимнографа и агиографа митрополита Арты (1864–1894) Серафима Ксенопулоса (*Щеголева Л.И. Сочинения Серафима Византийского в фондах Российской государственной библиотеки // Румянцевские чтения – 2013. М., 2013. Ч. 2. С. 365–371*). Еще семь автографов этого автора, очевидно, происходящие из той же коллекции, находятся в РНБ (Греч. 624–629, 631). В рукописях № 151 и 203 имеются записи Неофита Мавроматиса и Евгения Булгариса. Рукописи № 151, 152.2 и 156 содержат владельческие записи и штампы нотариуса Григория Бурниаса (1833–1905) – известного афинского нумизмата, собирателя античных древностей (*Das Athener Nationalmuseum, phototypische Wiedergabe seiner Schätze mit erläuterndem Text / Von J.N. Svoronos. Deutsche Ausgabe besorgt von W. Barth. Textbd. 1. Athens, 1908. S. 101*) и рукописных книг (*Kurzgefaßte Liste der griechischen Handschriften des Neuen Testaments. 2. neubearb. and ergänzte Aufl. / Bearb. v. K. Aland u.a. Berlin; New York, 1994. S. 168*), владельца коллекции патриарших, монастырских и церковных документов и грамот (*Καμπουρόγλου Δ.Γρ. Ἱστορία τῶν Ἀθηναίων Τουρκοκρατία. Περίοδος πρώτη 1458–1687. Τόμος πρώτος. Ἐν Ἀθήναις, 1889. Ρ. 170*). Эпистолярный № 204, как указывает епископ Никандр в сопроводительном письме (Журналы заседаний 1901. С. 209), происходит из библиотеки митрополита Касторийского – очевидно, Филарета Вафидиса (1850–1933), занимавшего Касторийскую кафедру в 1889–1899 гг.

Коллекция епископа Никандра – малоизвестная и интереснейшая страница истории собирательства греческих рукописей в XIX в. Многие связанные с ней вопросы еще ждут своего решения.

В.Г. Щекотилов
к.т.н., член РГО

С.Н. Щекотилова, н.с.
ВА ВКО им. Г.К. Жукова

М.В. Шалаева
секр. Москов. районного
суда г. Твери

Использование ГИС и геокодируемых данных из архивных документов при установлении места гибели и захоронения пропавших без вести воинов

По прошествии 75 лет после окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по оценкам редакций Книг памяти около 40% не вернувшихся с войны числятся пропавшими без вести (Книга памяти Нижегородской области. Нижний Новгород, 1995. Т. 13). Данная ситуация позволяет предполагать, что по многим считающимся пропавшими без вести воинам, документы об их гибели су-

ществуют, но до настоящего времени не использованы для принятия решения о гибели бойцов (*Перепеченко В.* Из пропавших в павшие // *Огонек.* 2019. № 23).

Ранее была показана возможность использования технологий ГИС и БД для аргументирования гипотез об обстоятельствах гибели воинов. В частности, была выявлена большая группа пропавших без вести бойцов, которые стали таковыми после задокументированного в приказах полков ранения и исключения их из списка личного состава (*Лазарева О.С., Шалаева М.В., Щекотилова С.Н., Щекотилов В.Г.* Базы данных, ГИС и Интернет-технологии при установлении без вести пропавших бойцов Великой Отечественной войны // *Геодезия и картография.* 2017. Т. 78. № 8. С. 49-58). Попытки использовать данную информацию для принятия решений, что воины погибли, пока безуспешны на всех уровнях от районного до федерального.

Продолжение исследований по документам в Центральном архиве Министерства обороны (ЦА МО) по воинам с судьбой «ранен – пропал без вести» позволило выйти на группу пропавших без вести бойцов с судьбой «погребен – пропал без вести», т. е. по воинам есть документы, что они были захоронены, указаны данные о части, месте призыва, дате захоронения и месте захоронения, о родственнике. Данные о бойцах, которые считаются пропавшими без вести, выявлены в книгах погребения 46 гв. сп 16 гв. сд, 49 гв. сд, 243 сд.

Например, по Теткину Павлу Васильевичу с установленной судьбой «ранен – пропал без вести» сначала удалось найти документ 46 гв. сп о его зачислении в полк и ранении, а затем о его захоронении. На основании представленных данных 05.08.2019 г. военный комиссариат г. Ржева принял решение, констатирующее его гибель, и о захоронении в д. Полунино.

Процедура принятия решения длилась около года. Из-за того, что в процессе не участвовал областной комиссариат, а в районном комиссариате отсутствует Интернет, пакет копий документов и текстовое пояснение к ним формировались в электронном виде и затем отправлялись в районный комиссариат почтой.

С использованием ГИС, а также программ комплексирования картографических данных, в частности, САС.Планета авторами производится аккумулирование картографических материалов XIX–XXI вв. Использование крупномасштабных карт XIX в. существенно упрощает геокодирование данных из военных донесений по ориентирам населенных пунктов, а также позволяет локализовать ошибки при оцифровке в БД систем «Мемориал» и «Память народа».

Например, по П.В. Теткину место гибели было занесено как Смоленская обл., г. Велиж, а воин погиб у д. Полунино Ржевского р-

на Калининской обл. Исправить ситуацию удалось после представления обобщающей справки из ЦА МО.

Формируемые гипотезы подтверждаются и поисковиками. Так, останки Крылова Василия Ивановича с судьбой «ранен – пропал без вести» найдены 09.06.2019 г. поисковиками из отряда «Пионер» на окраине д. Полунино.

Решение Ржевского комиссариата по П.В. Теткину фактически открыло возможность принятия решений уже по более 170 воинам с судьбой «погребен – пропал без вести».

По данным из книги погребения 46 гв. сп 16 гв. сд комиссариатами приняты решения по 125 воинам, из них 77 в Ржевском районе Тверской области. В данном документе также выявлены данные по 19 воинам, которые захоронены в Витебской области Республики Беларусь, материалы по ним рассмотрены Управлением МО РФ и Зароновским сельском исполнительным комитетом Витебского района и находятся на рассмотрении по линии Министерств иностранных дел государств.

По данным из книги погребения 49 гв. сд приняты решения по 18 воинам, все в Ржевском районе Тверской области.

По данным из книги погребения 243 сд приняты решения по 27 воинам, из них 16 в г. Твери, 11 в Ржевском районе Тверской области.

В процессе настоящих исследований при Тверском государственном техническом университете был создан поисковый отряд «Возвращение» (руководитель О.Е. Лазарев).

Практика обращений в ЦА МО, Управление МО, комиссариаты, а также представления результатов исследований на трех конференциях «Судьба солдата» позволяет считать, что дату гибели, место первичного и текущего захоронения большого числа считающихся пропавшими без вести воинов могут быть установлены по имеющимся архивным материалам (Имена из солдатского медальона (погребены – пропали без вести). Ч. 4. По материалам книги погребений 46 гв. сп 16 гв. сд. Сборник материалов поиска / Щекотилов В.Г., Щекотилова С.Н., Назоева Е.Г., Шалаева М.В. Тверь, 2019).

В связи с длительной временной задержкой при размещении решений комиссариатов в системах «Мемориал» и «Память народа» сканы решений размещаются в ОБД «Мемориал» через механизм «Дополнительная информация», на интернет-ресурсах отряда (<https://vk.com/club187562181>), исследователей, поисковых форумах.

Таким образом, использование технологий БД и ГИС позволило при анализе документов Центрального архива Министерства обороны сформировать гипотезы о судьбе воинов, считающихся более 75 лет пропавшими без вести. Представление в военные комиссариаты (Ржевский, Осташковский, Тверской Тверской обл., Велиж-

ский, Вяземский Смоленской обл., Хвастовичский Калужской обл.) результатов исследований, в том числе с приложением картографических материалов, позволило в 2019 г. признать погибшими (с указанием даты, мест первичного и текущего захоронения) 170 воинов.

*А.Л. Юрганов, д.и.н., проф., зав. кафедрой
РГГУ*

Журнал «Крокодил» и политическая борьба в партии большевиков (1925–1927 гг.)

Созданный в 1922 г. журнал «Крокодил» выходил еженедельно как приложение к «Рабочей газете». Перед коллективом редакции журнала ставилась задача – живо откликаться как на события в мире, так и на события внутри страны. Для исследователя, который изучает политическую борьбу внутри партии большевиков, борьбу Зиновьева, Каменева и Сталина против Троцкого, а затем и борьбу Сталина в союзе с Бухариным против объединенной оппозиции, существенно то, как эти события воспринимались в массовом сознании – или, точнее сказать, как их транслировали в советское общество, объясняя сущность весьма непростых конфликтных ситуаций в партии. Эта трансляция была целенаправленной, идеологически проверенной, выражающей мнение партийного аппарата.

Весьма непросто было выстроить сагирическую пропаганду, касающуюся внутренней жизни партии. Требовалась и большая осторожность, и одновременно точность в определении ситуации – разумеется, с точки зрения партийной бюрократии.

Например, как изобразить ситуацию с выходом книги Льва Троцкого «Уроки Октября», которая вызвала волну партийной критики в средствах массовой информации? «Крокодил» не мог оставаться в стороне. Но как показать в рисунке эту ситуацию? Ведь словесное опровержение идей Троцкого не заключает в себе образной картины, – ее надо придумать! Авторитет Троцкого в начале 1925 г. был еще велик – это заметно по композиции и смыслу рисунка, названного так: «В партийной школе». Изображено: Троцкий читает лекцию, показана аудитория тех, записывает его слова, справа от него – школьная доска, на которой написано «1917». Перед ним на столе развернута его книга. Казалось бы, что здесь определяет позицию сталинского аппарата власти, недовольного тем, что Троцкий демонстрировал себя руководителем Октябрьской революции? Среди присутствующих изображен один молодой человек, который не записывает, а ухмыляется! Картина нуждается в пояснении? Ну разумеется, – пояснение дается под картинкой: «Тов. Троц-

кий задумал давать «Уроки Октября». Придется ему сначала получить уроки ленинизма».

Однако в дальнейшем, по мере разворачивания политической борьбы, нарастала и острота в сатирической пропаганде, направленной сначала против Троцкого лично, а потом – и против объединенной оппозиции. В восьмом номере журнала «Крокодил» за 1925 г. изображена была ситуация, когда Троцкий направлял в ЦК партии свои письма с опровержением тезисов правящей тройки (Зиновьев, Каменев, Сталин). Изображено: Троцкий бросает запечатанное письмо в почтовый ящик с названием «Почтовый ящик ЦК РКП (б)». Около ящика показано окно, в котором можно разглядеть смеющихся Сталина, Зиновьева и Каменева. Надпись под рисунком такая: «Накануне пленума ЦК т. Троцкий написал письмо (я вам пишу, чего же боле, что я могу еще сказать!)». Ответ не заставил себя ожидать долго».

В декабре 1925 г. выходит сорок седьмой номер журнала, на первой же странице которого показано удивительное единство всей партии. Изображено: стройка, все работают «на равных» как рабочие. Сталин, напрягаясь, поднимает лопату, Дзержинский месит бетон, Калинин сверху кричит, что еще нужно поднять, Зиновьев прибавляет что-то, Троцкий вкручивает лампочку и т. д. Словом, сатира не острая, но полемически заострена на идее: «хватит драться, надо работать!». Таково было желание партийного аппарата – утвердить свою правоту на XIV съезде партии, передав право зачитывать политический доклад не Зиновьеву, как было на предыдущем съезде, а Сталину. Понимая, что Зиновьев будет сопротивляться, партийный аппарат всячески требовал подчеркивать значимость резолюции партийного съезда 1921 г. «О единстве в партии». Эти слова произносили многие большевики на XIV съезде партии (декабрь 1925 г.).

Но единства не вышло – возникла «объединенная оппозиция». Критика этой оппозиции в 1926–1927 гг. в журнале «Крокодил» была представлена злыми карикатурами на трех деятелей партии: Троцкого, Зиновьева и Каменева.

В сорок третьем номере журнала «Крокодил» за 1926 г. была изображена больничная палата, названная так: «Оппозиционная палата № 1». Надпись внизу: «Хронические больные». Изображено: на койках Каменев, Зиновьев, Троцкий. У изголовья Каменева и Зиновьева надпись одна и та же: «История болезни. Оппозиционная лихорадка. Осложнение припадка 1917 года». У изголовья Троцкого надпись несколько иная: «История болезни. Оппозиционная лихорадка. Перманентные приступы с 1923 г.»

Интересно, что эту «тройку» в 1927 г. стали изображать в определенных ролях и даже с «гендерными» характеристиками. Чаще всего, Троцкий изображается «злым мужем», Зиновьева рисуют «злой женой», грудастой, полнотелой, а Каменева демонстрируют ничтожным «членом семьи», едва заметным.

Еще один повторяющийся сюжет в изображении объединенной оппозиции – это путь и дорога: оппозиционеры или едут не той дорогой, или не туда едут куда надо. Образ «не той» дороги – ключевой момент в демонстрации, что партии большевиков «не по пути» с теми, кто становится «оппортунистом».

Журнал «Крокодил» – важнейший источник по истории сталинской пропаганды, нашедшей свое воплощение в сатирических образах. Именно эта связь идеологии и массовой аудитории давала партийному аппарату возможность зомбировать людей, внушая им идеи о правильности избранного пути при построении социализма в СССР.

*В.О. Яковлев, аспирант
СПБНИИ РАН, СПбДА*

Русские географические чертежи XVII в. в собраниях Санкт-Петербурга

В последнее время намечается возрождение интереса отечественных историков к картографическому наследию Московского государства, в частности к основным картографическим произведениям той эпохи – русским географическим чертежам. Например, исследователями предлагаются оригинальные методики установления авторства чертежей XVII в. (*Топычканов А.В.* К вопросу о методике установления авторства русских чертежей XVII в. (на примере чертежей из собрания Приказа тайных дел РГАДА) // *Россия и проблемы европейской истории: Средневековье, новое и новейшее время: Сб. ст. в честь чл.-корр. РАН С.М. Каштанова.* Ростов, 2003), создается и совершенствуется электронная геоинформационная система «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.» (*Фролов А.А., Голубинский А.А., Кутаков С.С.* Веб-ГИС «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.» // *Историческая информатика.* 2017. № 1), открываются неизвестные ранее чертежи (*Голубинский А.А., Фролов А.А.* Новые чертежи XVII в., выявленные в фондах РГАДА // *Российская история.* 2019. № 2).

Напомним, что русский географический чертеж (далее – РГЧ) – уникальное историческое явление Московского государства и самобытное произведение его культуры. Отечественные чертежи отличались от произведений европейских картографов отсутствием

строгой математической основы, жесткой ориентации по сторонам света, единого масштаба, координатной сетки и т. д. Тем не менее, РГЧ не были «неполноценными» картографическими произведениями, поскольку их главным назначением было передача качественных (семантических) характеристик территорий: отображение населенных пунктов, растительности, сельскохозяйственных объектов, их принадлежности, указание новых и прежних топонимов и т. п. (*Кусов В.С.* Московское государство XVI – начала XVIII века: сводный каталог русских географических чертежей. М., 2007. С. 4). Более того, по ряду параметров РГЧ не имели аналогов в мировой картографической практике того времени, к примеру, так называемые иконописные чертежи, или возможность картографического отображения прогноза хозяйственной деятельности (Там же. С. 3). Поэтому под термином «русский географический чертеж» мы понимаем графическое изображение части земной поверхности, выполненное без строгой математической основы, однако с высокой качественной детализацией отображаемых объектов и территорий, и созданное в XVI – начале XVIII вв.

На сегодняшний день известно, т. е. выявлено, описано и частью опубликовано, порядка 1300 РГЧ. Большая их часть датируется второй половиной XVII в., и лишь один чертеж относится к XVI в. (*Кусов В.С.* Московское государство. С. 4–5; *Голубинский А.А., Фролов А.А.* Новые чертежи. С. 71–77).

Несмотря на то, что основная часть корпуса РГЧ (более тысячи) сосредоточена в РГАДА (Ф. 1209. Оп. 77), собрания Санкт-Петербурга также хранят определенное количество подобных картографических произведений. Так, выявленные в Санкт-Петербурге РГЧ хранятся в следующих собраниях: СПбФ АРАН, НИОР БАН, Архив СПбИИ РАН, ОР РНБ, РГА ВМФ, СПбГО РГО).

Всего к 2020 г. в различных коллекциях Северной столицы выявлено 62 РГЧ. Из них 53 датируются началом XVIII в., а 9 – второй половиной XVII в. и, как более ранние, могут представлять особый интерес для исследователей. Наиболее ранний из них датируется 1678 г., а позднейший – сентябрем 1699 г.

Итак, в собраниях Санкт-Петербурга находятся следующие РГЧ XVII в.: План города Кашина (1680-е гг.), Чертеж всему городу Олонцу (первая половина 1690-х гг.), Чертеж всей Сибири (ок. 1696 г.), План архиепископских и помещичьих земель, прилегающих к г. Вологде (1690-е гг.), Чертеж Моржегорского Двинского монастыря (1694 г.), Чертеж Тихвинского посада, земель Успенского и Введенского монастырей (1678 г.), План части Лодомской волости (1689 г.), План улицы Легощи в Новгороде (1690-е гг.), Чертеж спорным землям по рекам Уйме и Елоуше между крестьянами Уем-

ской волости и Антониевым Сийским монастырем (1699 г.). Из них только три являются опубликованными (*Рикман Э.А.* Топография Кашина XIV–XV вв. // КСИИМК. 1949. Т. 30; Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии Наук. Карты, планы, чертежи, рисунки и гравюры собрания Петра I. М.–Л., 1961; *Мильчик М.И., Ушаков Ю.С.* Деревянная архитектура Русского Севера: страницы истории. Л., 1980; *Алферова Г.В.* Русские города XVI–XVII веков. М., 1989).

Как мы видим, петербургские собрания предлагают РГЧ следующих видов: городские чертежи (включая чертеж отдельной улицы), монастырские чертежи, чертежи монастырских и архиерейских землевладений, чертеж целой части государства (Сибири), чертеж спорных земель. Именно последний чертеж из собрания СПбИИ РАН представляет особую ценность, поскольку находится в деле о земельных тяжбах в качестве приложения к челобитным. Как правило, остальные известные ныне РГЧ хранятся отдельно – связанные с ним документы утрачены. Таким образом, на примере данного РГЧ можно исследовать «пакет документов» целиком и проследить историю бытования как отдельного чертежа, так и связанного с ним документов.

Также уникальным образцом РГЧ является Чертеж всей Сибири, составленный С.У. Ремезовым. Впечатляют его размеры – 213×177 см, географический охват отображаемой территории – от Волги до Амура и от Архангельска до Китая (изображена даже Великая Китайская стена), а также материал – китайская ткань. Во второй половине XX в. данный РГЧ находился на экспозиции в Государственном Эрмитаже, затем был убран в запасники, а в 2018 г. передан на хранение в Санкт-Петербургское городское отделение РГО. К сожалению, в настоящее время его состояние более чем плачевное, поэтому для исследователей он пока не доступен.

Остальные РГЧ из собраний Санкт-Петербурга имеют средний размер 40×30 см, выполнены на бумаге западного производства в цвете или тушью и не имеют в делах связанных с ними документов.

В целом, даже незначительное количество РГЧ XVII в. в собраниях Санкт-Петербурга может представлять интерес для исследователей. Безусловно, они являются ценными историческими источниками, из которых возможно извлечь новые данные по истории зодчества, государственного и церковного имущества и землевладения, административно-территориального деления, судопроизводства, документооборота, а также данные, отражающие взаимоотношения государства и церковных структур. Кроме того, они могут служить дополнительными источниками для уточнения данных топонимики и физической географии.

Как свидетельствуют сами специалисты и исследовательская практика, в будущем вполне вероятно открытие ранее неизвестных и неучтенных РГЧ в собраниях Санкт-Петербурга.

*М.Ю. Борисов, студент
РГГУ*

Маргиналии московских и французских изданий XVI–XVII вв.: опыт компаративного анализа

В России книгопечатание появилось примерно на 83 года позже, чем во Франции, разными были условия существования книгопечатного дела, репертуар издаваемых книг, категории читателей. Поэтому сложно говорить о параллельном изучении особенностей работы читателей с книгами в этих странах. Для данного исследования были выбраны издания Библии целиком и Евангелий. По сравнению с французскими изданиями, массив московских Евангелий XVI в., дошедших до нас, невелик, поэтому были рассмотрены только издания начального периода книгопечатания: это – XVI в. для Франции и XVII в. для России.

Во Франции в условиях формировавшихся рыночных отношений и конкуренции типографы учитывали конъюнктуру на потребительском рынке читателей. Множество французских типографов, преимущественно в Париже (например, Robert Estienne, François Regnault, Simon de Colines, Martin le Jeune, Sébastien Nivelle, Abel L'Angelier), Лионе (Jean de Tournes, Thibaud Payen, Sébastien Gryphius, Guillaume Rouillé, Antoine Gryphius, Claude Senneton, Laurens Clemensin, Sébastien Honorati), Руане (Richard Auzoult) и др. городах, на протяжении XVI в. активно печатали Библии, а также иногда отдельно Евангелия с Апокалипсисом.

В России на протяжении XVII в. существовала всего одна типография, работавшая на правах центрального государственного учреждения, которая обеспечивала книгами всю страну. Евангелие являлось важнейшей богослужебной книгой, а также четъей как главная часть Св. Писания. Более того, после Смутного времени пострадавшие монастыри нуждались в новых книгах для совершения церковных служб. Этим объясняется большое количество изданий (на данный момент известно 21), выпущенных Московским печатным двором в XVII в. На этом фоне имеется первое и единственное за всё столетие издание московской Библии, вышедшее в 1663 г.

Следами активного обращения и использования данных видов книг являются записи и пометы, оставленные в них читателями и владельцами. А поскольку на примере Франции и России мы имеем

дело с двумя разными культурами общения читателей с книгой, то весьма интересно изучить их общие и различные черты.

Для данной работы были привлечены издания, хранящиеся в собрании НИОРК (Музея книги) РГБ, библиотеки РГАДА, а также издания, хранящиеся в Национальной библиотеке Франции.

Всего было изучено 38 изданий в 48 экземплярах Библии и Евангелий, изданных в Москве на протяжении XVII в. и во Франции на протяжении XVI в. Была выявлена 221 запись: 122 в московских экземплярах и 99 во французских. Книги включают пометы на протяжении нескольких периодов их бытования, однако большинство записей не содержат указание на время создания, поэтому датировать их можно зачастую только по палеографическим признакам.

Различаются традиции размещения помет в книгах. В московских изданиях, в отличие от французских, достаточно редко использовалось корешковое и внешнее поле. В московских книгах записи постранично разбивались на фразы или буквы (таких записей не выявлено ни в одной французской книге). Сходство состоит в активном использовании форзацных листов.

Все пометы было решено классифицировать по содержательному признаку:

1. *Владельческие пометы*: московские издания – 23, французские – 20. Примерно половина всех записей в московских изданиях указывает на коллективных владельцев, чаще всего – храмы и монастыри (например, Троице-Сергиева лавра и Свято-Николо-Тихонов монастырь), остальная часть – это личные владельцы, среди которых, например, русский литературовед и библиограф В.М. Ундольский. В французских изданиях представлены пометы личных владельцев, за исключением одной, которая принадлежит приходу Сен-Тибо (L'église Saint-Thibault).

2. *Библиотечные пометы*. Московские издания – 3 записи, французские – 11. Можно сказать, что отечественная традиция частично совпадает с французской, так как на практике нередко встречаются записи библиотекарей, которые вместе с шифром указывали происхождение книги, особенно если отсутствовал титульный лист.

3. *Читательские пометы*. а) Записи, связанные с самой книгой и её сюжетом: 68 и 48 соответственно, в том числе 6 записей-ссылок во французских изданиях. Это – самая большая группа помет в обеих категориях изданий. Пометы связаны с разъяснениями сюжета, с выносом наиболее значимой информации на поля или на форзацные листы, а также с общими заметками относительно конкретного экземпляра. Для обеих читательских культур характерна оценочная содержимая в записях, которая позволяет исследовать отношение к книге тех или иных читателей.

б) Пометы, не связанные с книгой: 6 и 13 соответственно. Данная группа записей характеризуется разнообразным набором сведений, оставленных читателями на полях. Как московская, так и французская книга могли выступать в роли писчего материала для каких-либо пометок, отражающих национальную специфику.

в) Записи-реконструкции: 2 и 1 соответственно, восстанавливающие утраченный текст книги. Часто французские и русские читатели старались имитировать шрифт книги.

Также следует выделить группы маргиналий, которые оказались характерны только для московских изданий: 1) Вкладные записи – 9, характерные для кирилловской книги, но не для французской. 2) Записи с дополнительной информацией о переплетах и переплетчиках – 4, указывающие на несохранившиеся переплеты и оклады книг. Позволяют составить представление о стоимости, виде оклада и переплета, о заказчике и переплетчике. 3) Жалованные записи – 3, указывающие на пожалование государем книг церковным структурам и служивым людям. 4) Записи купли-продажи – 4, фиксировавшие факт покупки или продажи книги, часто с указанием цены, встречаются на протяжении всех периодов бытования книги.

Маргиналии в московских и французских экземплярах позволяют не только изучить историю бытования книг в рамках отдельной культуры, но и сравнить особенности оформления этих записей, места расположения, содержание, восприятие Св. Писания западноевропейскими и отечественными читателями, а также определенные социально-бытовые традиции работы с книгой конкретной культуры.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Палеография

Алексеева А.Н., Ляховицкий Е.А., Симонова Е.С., Сирро С.В., Цыпкин Д.О., Шибавев М.А.

Ауров О.В.

Бокарева О.Б.

Круглова Т.А.

Кулева Н.А.

Курьшева М.А.

Мажуга В.И.

Мошкова Л.В.

Новикова О.Л.

Рамазанова Д.Н.

Таценко Т.Н.

Травин И.Д.

Уханова Е.В., Жижин М.Н.,

Андреев А.В.

Фонкич Б.Л.

Цыпкин Д.О. (пленар.)

Неография

Илизаров С.С.

Кодикология

Алексеев А.И.

Алексеева А.Н., Ляховицкий Е.А., Симонова Е.С., Сирро С.В., Цыпкин Д.О., Шибавев М.А.

Ауров О.В.

Базарова Т.А.

Белова А.Б.

Бокарева О.Б.

Борисов М.Ю.

Вознесенская И.А.

Володихин Д.М.

Жуков А.Е.

Казбекова Е.В.

Каиштанов С.М., Столярова Л.В.

Кобяк Н.А.

Крылова Ю.П.

Кулева Н.А.

Курьшева М.А.

Лифшиц А.Л.

Мажуга В.И.

Мельник М.М., Поляков И.А.,

Таирова Т.Г., Цыпкин Д.О.

Михайлова Е.А.

Мошкова Л.В.

Новикова О.Л.

Петерс Т.П.

Полонский Д.Г.

Серебрякова Е.И.

Симонова Е.С.

Смирнова М.А.

Травин И.Д.

Уханова Е.В., Жижин М.Н.,

Андреев А.В.

Фонкич Б.Л.

Шамина И.Н., Шамин С.М.

Щеглов А.Д.

Щеголева Л.И.

Дипломатика

Агшиев С.Ю.

Бокарева О.Б.

Грязнов А.Л.

Калашиникова А.А.

Каиштанов С.М., Столярова Л.В.

Комочев Н.А.

Лифшиц А.Л.

Мальгина А.А.

Моисеев М.В.

Мошкова Л.В.

Нуйкина Е.Ю.

Свиридонова А.И.

Таценко Т.Н.
Травин И.Д.
Устинова И.А.
Худин К.С.
Черкасова М.С.

**Писцовые, разрядные и иные
книги и описи**

Абеленцева О.А.
Баинин Н.В.
Бокарева О.Б.
Гусак А.Д.
Гусынкин К.И.
Дадыкина М.М.
Мельник А.Г.
Степанова Ю.В., Фролов А.А.,
Гаврилов П.В., Савинова А.И.,
Кутаков С.С.

Эпиграфика

Авдеев А.Г.
Булычева Е.В.
Евдокимова А.А.
Суриков И.Е.

**История книжной культуры
V–XX вв.**

Алексеев А.И.
Алексеева А.Н., Ляховиц-
кий Е.А., Симонова Е.С., Сир-
ро С.В., Цыпкин Д.О., Шиб-
аев М.А.
Ауров О.В.
Базарова Т.А.
Батишев М.В.
Бондарева-Кутаренкова Т.С.
Борисов М.Ю.
Булатов А.М.
Вознесенская И.А.
Гальцов В.И.
Джисоева А.Р.
Жуков А.Е.
Ерусалимский К.Ю.

Иванова Е.Е., Казакова Е.Н.
Илизаров С.С.
Илларионова Л.И.
Казбекова Е.В.
Кобяк Н.А.
Козлова А.Ю.
Круглова Т.А.
Крылова Ю.П.
Кулева Н.А.
Курьшиева М.А.
Лифишиц А.Л.
Мажуга В.И.
Медведева Т.В.
Паскаль А.Д.
Петрова М.С.
Медведева Т.В.
Мельник М.М., Поляков И.А.,
Таирова Т.Г., Цыпкин Д.О.
Михайлова Е.А.
Незговорова В.В.
Новикова О.Л.
Петерс Т.П.
Петрова М.С.
Полонский Д.Г.
Пушков В.П.
Романова А.А.
Русина Е.В.
Смирнова М.А.
Солодкин Я.Г.
Травин И.Д.
Усачев А.С.
Уханова Е.В., Жижин М.Н.,
Андреев А.В.
Фонкич Б.Л.
Худин К.С.
Шустова Ю.Э. (пленар.)
Цыпкин Д.О. (пленар.)
Шамина И.Н., Шамин С.М.
Щеглов А.Д.
Щеголева Л.И.

Текстология

Батишев М.В.
Булатов А.М.
Вознесенская И.А.
Ерусалимский К.Ю.
Кобяк Н.А.
Козлова А.Ю.
Кулева Н.А.
Мельник М.М., Поляков И.А.,
Таирова Т.Г., Цыпкин Д.О.
Михайлова Е.А.
Паскаль А.Д.
Петрова М.С.
Полонский Д.Г.
Романова А.А.
Русина Е.В.
Серебрякова Е.И.
Симонова Е.С.
Смирнова М.А.
Солодкин Я.Г.
Фонкич Б.Л.
Худин К.С.
Щеголева Л.И.
Юрганов А.Л.

Археография

Жуков А.Е.
Козлова А.Ю.
Филимонов С.Б.

Лингвистика

Буденная Е.В.

Ономастика

Богатырев А.В.
Буденная Е.В.
Иванов В.И.
Калинина Т.М.
Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.
(пленар.)
Локтева А.А.
Пешехонов С.А.
Хотимский Д.А.

Искусствоведение

Акимова Л.И.
Звездина Ю.Н.
Зотова Е.Я.
Илларионова Л.И.
Казбекова Е.В.
Курьшева М.А.
Муромцева О.В.
Скворцова Е.А.
Травин И.Д.
Уханова Е.В., Жижин М.Н.,
Андреев А.В.
Шадунц Е.К.
Юрганов А.Л.

Хронология

Аверьянов К.А.
Кайгородова Т.В., Цыб С.В.
Полонский Д.Г.
Симонов Р.А.
Синчук И.И.
Усачев А.С.

Метрология

Кистерев С.Н.
Синчук И.И.
Черкасова М.С.

Естественно-научное знание

Кузьмин А.В. (к. физ.-мат. н.)

**Историческая география
и картография**

Булатов А.М.
Герцен А.А.
Глазьев В.Н.
Гришин Е.С.
Грязнов А.Л.
Гуслистова А.Н.
Джаксон Т.Н.
Ермолова И.Е.
Зарапин Р.В.
Истомина Э.Г.

*Каретников А.Л.
Коновалова И.Г.
Максимова Т.В.
Медведь А.Н.
Медведева Т.В.
Окунева О.В.
Пешихонов С.А.
Севастьянова А.А.
Степанова Ю.В., Фролов А.А.,
Гаврилов П.В., Савинова А.И.,
Кутаков С.С.
Фоменко В.Г.
Чекрыжова О.И., Брюханова
Е.А.
Шалак М.Е.
Щекотилов В.Г., Щекотилова
С.Н., Шалаева М.В.
Яковлев В.О.*

Генеалогия

*Акинъшин А.Н.
Алексеев А.И.
Брюханова Е.А., Иванова Н.П.,
Неженцева Н.В.
Джисоева А.Р.
Дюкарев А.В.
Ильина Т.Н.
Краско А.В.
Кулаковская О.Ю.
Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.
(пленар.)
Лобанов Д.В.
Максимова Т.В.
Матисон А.В.
Морозова Л.Е.
Мурзин-Гундоров В.В.
Пономарева И.Г.
Пчелов Е.В., Пашков А.М. (пле-
нар.)
Сахаров И.В. (пленар.)
Сергеев А.В.*

Просопография

*Авдеев А.Г.
Алексеев А.И.
Батиев М.В.
Белов Н.В.
Белоусов М.Р.
Богатырев А.В.
Бондарева-Кутаренкова Т.С.
Брюханова Е.А., Иванова Н.П.,
Неженцева Н.В.
Горбатов Е.Н.
Грязнов А.Л.
Гуслистова А.Н.
Гуськов А.Г.
Дудина О.В.
Дюкарев А.В.
Иванов В.И.
Ильина Т.Н.
Краско А.В.
Леонов М.В.
Матисон А.В.
Мельник А.Г.
Митрофанов А.А.
Морозова Л.Е.
Незговорова В.В.
Нуйкина Е.Ю.
Оборнева З.Е.
Перхавко В.Б.
Пушков В.П.
Сень Д.В.
Сергеев А.В.
Стичак А.В.
Таценко Т.Н.
Фадеев А.А.
Фельдман Д.З.
Шебалдина Г.В.
Шокарев С.Ю.*

Биографика

*Акинъшин А.Н.
Базарова Т.А.
Батиев М.В.
Вознесенская И.А.*

Гальцов В.И.
Глазьев В.Н.
Гуськов А.Г.
Джиоева А.Р.
Ерусалимский К.Ю.
Илизаров С.С.
Крылова Ю.П.
Лифшиц А.Л.
Малыгина А.А.
Михайлова Е.А.
Мурзин-Гундоров В.В.
Назаров В.Д.
Оборнева З.Е.
Петерс Т.П.
Полонский Д.Г.
Пономарева И.Г.
Сень Д.В.
Смирнова М.А.
Чекунина Н.В.
Шахнович М.М.
Шамин С.М.
Шокарев С.Ю.
Щеголева Л.И.

Геральдика

Афонасенко И.М.
Байдуж Д.В.
Елохин К.А.
Емелин И.Б.
Кубышкин И.В.
Митрофанов А.А.
Пашков М.М., Афонасен-
ко И.М.
Петров Д.А.
Пчелов Е.В., Пашков А.М. (пле-
нар.)
Сахаров И.В. (пленар.)
Черных А.П.

Вексиллология

Кручинин А.С.

Эмблематика

Агишев С.Ю.
Акимова Л.И.
Звездина Ю.Н.
Кириллова Д.А.
Корзинин А.И.
Кручинин А.С.
Матусевич И.С.
Митрофанов А.А.
Петров Д.А.
Скворцова Е.А.
Трегубов Н.Л.
Чекунина Н.В.
Шадунц Е.К.

Нумизматика

Алексеев Н.А.
Зверев С.В.
Зверев С.В., Колызин А.М.
Просвиоров Г.В.
Таценко С.Н.
Трегубов Н.Л.
Ушанков Е.М.

Сфрагистика

Агишев С.Ю.
Корзинин А.И.
Моисеев М.В.
Свиридонова А.И.

Фалеристика, медальерное искусство

Добровольская Л.И.
Матусевич И.С.
Просвиоров Г.В.
Трегубов Н.Л.
Чекунина Н.В.

Бонистика

Богданов А.А.
Шиканова И.С.

Историография и история

ВИД

Илизаров С.С.
Илларионова Л.И.
Исаев Д.П.
Киселев М.Ю.
Медведева Т.В.
Муромцева О.В.
*Пчелов Е.В., Пашков А.М. (пле-
нар.)*
Рамазанова Д.Н.
Сахаров И.В. (пленар.)
Тихонов В.В.
Филимонов С.Б.
Шустова Ю.Э. (пленар.)

Источникведение

Алексеев А.И.
Ауров О.В.
Базарова Т.А.
Баранова С.И.
Батиев М.В.
Баинин Н.В.
Белоусов М.Р.
Бокарева О.Б.
Бондарева-Кутаренкова Т.С.
Брюханова Е.А., Иванова Н.П.,
Неженцева Н.В.
Булычева Е.В.
Гальцов В.И.
Глазьев В.Н.
Грязнов А.Л.
Гуслистова А.Н.
Дудина О.В.
Жуков А.Е.
Ерусалимский К.Ю.
Ильина Т.Н.
Кобяк Н.А.
Малыгина А.А.
Медведева Т.В.
Мельник А.Г.
Морозова Л.Е.
Муромцева Л.П.

Незговорова В.В.
Нуйкина Е.Ю.
Перхавко В.Б.
Петерс Т.П.
Петрова М.С.
Русина Е.В.
Севастьянова А.А.
Симонова Е.С.
Смирнова М.А.
Солодкин Я.Г.
Спичак А.В.
Степанова Ю.В., Фролов А.А.,
Гаврилов П.В., Савинова А.И.,
Кутаков С.С.
Таценко Т.Н.
Усачев А.С.
Устинова И.А.
Худин К.С.
Чумакова Т.В.
Шахнович М.М.
Шалак М.Е.
Щеглов А.Д.

Краеведение

Лобанов Д.В.
Мурзин-Гундоров В.В.

Цифровые технологии в ВИД

Афиани В.Ю. (пленар.)
Леонов М.В.
Пушков В.П.
Уханова Е.В., Жижин М.Н.,
Андреев А.В.
*Чекрыжова О.И., Брюхано-
ва Е.А.*
*Щекотилов В.Г., Щекотило-
ва С.Н., Шалаева М.В.*

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
----------------------	---

Пленарные доклады

<i>Афиани В.Ю. (Москва)</i> Цифровая археография – новые возможности и новые проблемы	7
<i>Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. (Москва)</i> Как звали царя Василия Шуйского?	9
<i>Пчелов Е.В. (Москва), Пашков А.М. (Петрозаводск)</i> Елена Ивановна Каменцева и её роль в развитии вспомогательных исторических дисциплин (к 100-летию со дня рождения)	14
<i>Сахаров И.В. (Санкт-Петербург)</i> Типольт или Лукомский?	18
<i>Цыпкин Д.О. (Санкт-Петербург)</i> К вопросу о начале Нового Времени в истории русского письма	24

Тезисы докладов

<i>Абеленцева О.А. (Санкт-Петербург)</i> Приходные и расходные денежные книги Успенского Тихвинского монастыря 1623–1633 гг.: основные принципы оформления	29
<i>Авдеев А.Г. (Москва)</i> Древнейшее ядро некрополя Троицкого Макарьева Калязина монастыря: структура и судьба	31
<i>Аверьянов К.А. (Москва)</i> О датировке первой духовной грамоты Ивана Калиты	34
<i>Агишев С.Ю. (Москва)</i> Текст литеральный и текст фигуративный на предполагаемой печати норвежского короля Сверрира	37
<i>Акимова Л.И. (Москва)</i> Символика цветка в искусстве Южной Италии IV в. до н.э.	40
<i>Акинъшин А.Н. (Воронеж), Катин-Ярцев М.Ю. (Москва)</i> Князь Иван Алексеевич Гагарин и его ближайшее потомство от первого брака	42
<i>Алексеев А.И. (Санкт-Петербург)</i> Представители элиты Петровского времени в синодике Московского Богоявленского монастыря	44

<i>Алексеева А.Н., Ляховицкий Е.А., Симонова Е.С., Сирро С.В., Цыпкин Д.О., Шibaев М.А. (Санкт-Петербург)</i> Проект комплексного исследования древнерусских чернил: первые результаты	47
<i>Алексеева А.Н., Ляховицкий Е.А., Симонова Е.С., Шibaев М.А., Цыпкин Д.О. (Санкт-Петербург)</i> К исторической типологии древнерусского пергамена XI–XV веков	49
<i>Алексеевко Н.А. (Симферополь)</i> Иностранцы деньги в средневековой Таврике: два новых интересных артефакта	51
<i>Ауров О.В. (Москва)</i> Рукописные источники по истории библиотеки капитула Толедского собора середины XV века	53
<i>Афонасенко И.М. (Брянск)</i> Родовой герб Крузенштернов в гербовнике датского королевского ордена Даннеброг	56
<i>Базарова Т.А. (Санкт-Петербург)</i> Петровская эпоха в рукописном собрании Воронцовых: По материалам Научно-исторического архива СПб ИИ РАН	58
<i>Байдуж Д.В. (Тюмень)</i> Гласные эмблемы в саморепрезентации Тевтонского ордена в Пруссии	60
<i>Баранова С.И. (Москва)</i> Описи Коломенского дворца	63
<i>Батшев М.В. (Москва)</i> Опубликованные эго-документы русских офицеров эпохи заграничных походов 1813–1815 гг. как источники по истории Германии	65
<i>Бащинин Н.В. (Санкт-Петербург)</i> Опись строений и имущества Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1701 г. как исторический источник	67
<i>Белов Н.В. (Санкт-Петербург)</i> Коммеморативные практики московской княжеской аристократии XVI в. (на примере князей Щенятевых)	70
<i>Белова А.Б. (Санкт-Петербург)</i> К вопросу о бытовании очков в Московской Руси	72
<i>Белуосов М.Р. (Казань)</i> «Сказки» иноземцев, служащих с дворянами московскими, 7172 г. и боярские списки 7172–7176 гг.	74
<i>Богатырев А.В. (Тольятти)</i> Кто такие «францымерны» из статейного списка В.М. Тяпкина	77
<i>Богданов А.А. (Санкт-Петербург)</i> Проектирование советских банкнот образца 1947 г. Основные этапы	79
<i>Бокарева О.Б. (Москва)</i> «Персидская» посольская книга № 23 (1691–1692 гг.) как исторический источник	82

<i>Бондарева-Кутаренкова Т.С. (Москва)</i> Парижская типография «Наварр» и её вклад в развитие русского издательского дела в эмиграции	85
<i>Борисов М.Ю. (Москва)</i> Маргиналии московских и французских изданий XVI–XVII вв.: опыт компаративного анализа	472
<i>Брюханова Е.А., Иванова Н.П., Неженцева Н.В. (Барнаул)</i> Первичные материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. как источник по генеалогии населения Сибири: обзор архивных фондов	87
<i>Буденная Е.В. (Москва)</i> Гипокористики как средство адаптации греческих имен в истории русского языка	90
<i>Булатов А.М. (Москва)</i> Картографическая ROSSICA: Каталог планов Москвы Клепикова	92
<i>Булычева Е.В. (Москва)</i> Сведения эпиграфики об экономической деятельности оргеонов в Афинах IV в. до н.э.	95
<i>Вознесенская И.А. (Санкт-Петербург)</i> «Книга об учреждении флота» в рукописи БАН	97
<i>Володихин Д.М. (Москва)</i> Вкладные и владельческие записи на невежинских печатных Октоихах 1594 года из собрания Издательского Совета Русской Православной Церкви	100
<i>Гальцов В.И. (Калининград)</i> К вопросу о владельцах Радзивилловской летописи	102
<i>Герцен А.А. (Москва)</i> Васильков на Днестре. Историко-географическая загадка старинной карты	105
<i>Глазьев В.Н. (Воронеж)</i> Чертеж города Воронежа 1690 г.: история создания и значение как исторического источника	107
<i>Горбатов Е.Н. (Москва)</i> Титулованное дворянство в жилецких списках 1616–1636 годов	109
<i>Гришин Е.С. (Москва)</i> Историческая топография каролингских королевских резиденций как фактор роста	112
<i>Грязнов А.Л. (Вологда)</i> Политические и административные границы XIV–XVI вв. в Белозерско-Вологодском регионе по данным церковных источников XVII в.	115
<i>Грязнов А.Л. (Вологда)</i> Расшифровка монограмм дьяков великой княгини Марии Ярославны	117
<i>Гусак А.Д. (Санкт-Петербург)</i> Сравнительный анализ формуляров устройных книг 1573 и 1586 годов	121

<i>Гуслистова А.Н. (Вологда)</i> Просопография посадских людей Вологды XVII в.: демографические последствия Смуты	123
<i>Гусынкин К.И. (Москва)</i> К вопросу о возможности восстановления текста подлинников писцовых книг	126
<i>Гуськов А.Г. (Москва)</i> Переводчики Посольского приказа в 1718 г.	128
<i>Дадыкина М.М. (Санкт-Петербург)</i> Приходо-расходные книги старца Арсения: кодикологический детектив в декорациях Смутного времени	131
<i>Джаксон Т.Н. (Москва)</i> Где произошла «битва при Свельде»? ...	133
<i>Джиоева А.Р. (Санкт-Петербург)</i> Идентификация Шварца (по материалам 1730–1740-х гг. рукописного отдела БАН)	136
<i>Добровольская Л.И. (Санкт-Петербург)</i> Пробные медали «За храбрость» из собрания Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа	138
<i>Дудина О.В. (Воронеж)</i> Воеводы Белгородского разряда во второй половине XVII в.: коллективный портрет	141
<i>Дюкарев А.В. (Краснодар)</i> Особенности историографического отображения генеалогии кубанского казачества	143
<i>Евдокимова А.А. (Москва)</i> Основные формулы византийских погребальных надписей Египта	146
<i>Елохин К.А. (Москва)</i> Изобразительные девизы торжественного въезда Филиппа V в Мадрид	148
<i>Емелин И.Б. (Сочи)</i> Генезис герба Апраксиных	151
<i>Ермолова И.Е. (Москва)</i> Острова и города Тамани по Аммиану Марцеллину	153
<i>Ерусалимский К.Ю. (Москва)</i> Переписка Ивана Грозного и Стефана Батория (1576–1584 гг.): проблемы сохранности посланий и текстологии списков	156
<i>Жуков А.Е. (Санкт-Петербург)</i> Рукописи исторического содержания БАН: перспективы описания	158
<i>Заратин Р.В. (Москва)</i> Южные пределы Ойкумены в представлениях эллинистических и римских географов	161
<i>Звездина Ю.Н. (Москва)</i> Слон на стене Георгиевского собора Юрьева-Польского и в романской скульптуре Апулии	163
<i>Зверев С.В., Колызин А.М. (Москва)</i> Имя Токтамыш в русской монетной чеканке конца XIV – начала XV в., после свержения хана в Золотой Орде	166

<i>Зверев С.В. (Москва)</i> Серебряные копейки 1713, 1714 и 1718 гг. машинной чеканки.....	168
<i>Зотова Е.Я. (Москва)</i> К вопросу атрибуции старообрядческой меднолитой пластики конца XVIII – начала XIX века	171
<i>Иванов В.И. (Краснодар)</i> Иноческие имена и прозвания XVI–XVII веков (по материалам Соловецкого монастыря)	174
<i>Иванова Е.Е., Казакова Е.Н. (Москва)</i> Библиотека Донского монастыря. История и реконструкция состава. Предварительные результаты	177
<i>Илизаров С.С. (Москва)</i> К вопросу о неографии: бумажное вторсырье в работе историков науки первой половины XX века	179
<i>Илларионова Л.И. (Москва)</i> Фотофиксация духовных текстов (по материалам экспедиции на Святую Землю Н.П. Кондакова)	182
<i>Ильина Т.Н. (Санкт-Петербург)</i> «Исторический альбом Русской Армии»	184
<i>Исаев Д.П. (Ростов-на-Дону)</i> Из истории кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин РГУ	186
<i>Истомина Э.Г. (Москва)</i> Арктика в транспортной системе России в XIX – начале XX в.	188
<i>Казбекова Е.В. (Москва)</i> Сигнатуры и фолиация в изучении переплета экземпляра Библии Гутенберга в РГБ	190
<i>Кайгородова Т.В., Цыб С.В. (Барнаул)</i> О дате послания Владимира Мономаха	193
<i>Калашиникова А.А. (Санкт-Петербург)</i> Подписи как инструменты заверения русских судебных документов XV – первой половины XVI веков	195
<i>Калинина Т.М. (Москва)</i> Роль ветхозаветных персонажей в «Истории» ал-Йа'куби (IX в.)	197
<i>Каретников А.Л. (Ростов)</i> О возможности точного соотнесения планов Генерального межевания с современными топографическими картами	200
<i>Капитанов С.М., Столярова Л.В. (Москва)</i> К вопросу о целостности Угличского следственного дела	202
<i>Кириллова Д.А. (Москва)</i> Символы русской эмиграции в экспозиции Музея Русского Зарубежья	206

<i>Киселев М.Ю. (Москва)</i> Из научного наследия А.Л. Станиславского: отчет «Разработка актуальных проблем теории и методики источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин»	208
<i>Кистерев С.Н. (Санкт-Петербург)</i> Зимний транспортный хлебный стандарт 1630 г. как метрологическая величина	211
<i>Кобяк Н.А. (Москва)</i> К истории рукописной традиции сборника сказаний о богородичных иконах постоянного состава «Солнце пресветлое»: О малоизвестном списке из собрания Ново-Нямецкого монастыря	213
<i>Козлова А.Ю. (Коломна)</i> Критическое издание Толковой Палеи 1892–1896 гг.: списки, использованные для подведения различий	216
<i>Комочев Н.А. (Москва)</i> О неотправленной грамоте царей Ивана и Петра Людовики XIV	218
<i>Коновалова И.Г. (Москва)</i> Сведения о Гибралтарском проливе в структуре рассказа Абу-л-Фиды о Средиземном море	221
<i>Корзинин А.И. (Санкт-Петербург)</i> Печати московских великих княгинь второй половины XV века	223
<i>Краско А.В. (Санкт-Петербург)</i> Использование печатных источников в генеалогическом поиске (на примере исследования родословной купцов Растеряевых)	226
<i>Круглова Т.А. (Москва)</i> Об одном термине, характеризующем рукописную графику XVIII века	228
<i>Кручинин А.С. (Москва)</i> Небывалый флаг выдуманного пирата	231
<i>Крылова Ю.П. (Москва)</i> Несчастный граф Ангулемский и его книги	233
<i>Кубышкин И.В. (Москва)</i> Геральдическое обеспечение Вооруженных Сил Российской Федерации как предмет исторического исследования	236
<i>Кузьмин А.В. (Москва)</i> «Антикитерский механизм»: верификация античной механической модели Космоса	238
<i>Кулаковская О.Ю. (Петрозаводск)</i> Становление и развитие Генеалогического общества Карелии	240
<i>Кулева Н.А. (Москва)</i> Палеографические и кодикологические особенности миней четьи за февраль месяц первой четверти XV в. (РГБ. ф.173.1 [МДА]. № 92)	243

<i>Курьшева М.А. (Москва)</i> Рукопись «Христианской Топографии» Козьмы Индикоплова (Vat. gr. 699) последней четверти VIII – начала IX века: к обоснованию датировки	245
<i>Леонов М.В. (Москва)</i> Опыт создания информационной системы по участникам Первой мировой войны из Ельца и Елецкого уезда	248
<i>Лифшиц А.Л. (Москва)</i> Пропавшие грамоты Константина Васильевича Базилевича	250
<i>Лобанов Д.В. (Москва)</i> К вопросу родственного окружения В.А. Жуковского в некрополе Донского монастыря	252
<i>Локтева А.А. (Москва)</i> «Вспоминаю моего милого, верного Камчатку». Национальные особенности упоминаний домашних питомцев в России второй половины XIX – начала XX вв.	255
<i>Мажуга В.И. (Санкт-Петербург)</i> К вопросу о происхождении глоссированного списка конца XII в. Digestum Novum La Seu d'Urgell 2029	256
<i>Максимова Т.В. (Москва)</i> Определение границ Звенигородского уезда Московской губернии в 1796–1802 гг.	259
<i>Малыгина А.А. (Москва)</i> К вопросу о тайных посланиях в дипломатической переписке Ивана IV Грозного и Елизаветы I Тюдор	261
<i>Матисон А.В. (Москва)</i> Наследственная служба дворян при архиерейских домах в XVI–XVIII вв. (тверской род Малечкиных)	264
<i>Матусевич И.С. (Москва)</i> Автомобильный спорт в жетонах и знаках Российской империи (из собрания Исторического музея)	266
<i>Медведева Т.В. (Москва)</i> Обзор путешествий по России – неизвестное начинание А.Н. Пыпина	269
<i>Медведь А.Н. (Москва)</i> Китайгородская крепость на Петровом чертеже	271
<i>Мельник А.Г. (Ростов)</i> Разрядные книги как источник по истории религиозности московских государей XVI – начала XVII в.	274
<i>Мельник М.М., Поляков И.А., Таирова Т.Г., Цыпкин Д.О. (Санкт-Петербург)</i> «Малороссийская летопись» С.В. Величко: кодикологические наблюдения	277

<i>Митрофанов А.А. (Москва)</i> Знаки «Инсорженцы». Эмблематика антифранцузского сопротивления в Италии 1796–1799 гг.	279
<i>Михайлова Е.А. (Санкт-Петербург)</i> «Восточное путешествие» И.Ф. Тюменева (1874 г.): фрагмент неопубликованной автобиографии	282
<i>Моисеев М.В. (Москва)</i> Типы печатей, которыми заверяли послания царя Ивана IV Васильевича татарским владетелям	284
<i>Морозова Л.Е. (Москва)</i> Смоленские князья на службе у первых великих князей Московских	287
<i>Мошкова Л.В. (Москва)</i> Проблемы изучения княжеских канцелярий второй половины XV – начала XVI в.	289
<i>Мурзин-Гундоров В.В. (Москва)</i> Ново-Иерусалимский некрополь дворян Нащокиных: уточнения к родословной росписи	291
<i>Муромцева Л.П. (Москва)</i> Публикации источников о заседании Всероссийского Учредительного собрания	294
<i>Муромцева О.В. (Москва)</i> Неопубликованные альбомы Марка Шагала и Ивана Пуни как источник по истории культуры	296
<i>Назаров В.Д. (Москва)</i> Завещание галичского удельного князя Юрия Дмитриевича: Место и время составления, политический контекст	299
<i>Незговорова В.В. (Санкт-Петербург)</i> Документ эпохи: окопный журнал «Красный сапёр». 1942–1944 гг.	302
<i>Новикова О.Л. (Санкт-Петербург)</i> Организация «соборного» чтения в Кирилло-Белозерском монастыре в XVI – начале XVII столетия	305
<i>Нуйкина Е.Ю. (Москва)</i> К вопросу об универсальности научных приемов изучения судебно-следственных материалов как исторических источников (К 100-летию И.А. Мироновой) ...	307
<i>Оборнева З.Е. (Москва)</i> Рекомендации переводчикам Посольского приказа со стороны греческого духовенства: Анастас Селунский, Иван Боярчиков, Борис Богомольцев	309
<i>Окунева О.В. (Москва)</i> «Красное золото» Бразилии на европейских географических картах XVI века	312
<i>Паскаль А.Д. (Москва)</i> Славянская рецепция библейского сюжета о реках, текущих из рая	315
<i>Пашков М.М. (Челябинск), Афонасенко И.М. (Брянск)</i> Неутвержденный герб дворян Афонасенко (Афонасенков)	317

<i>Перхавко В.Б. (Москва)</i> О семейно-родственных связях средневекового московского купечества	320
<i>Петерс Т.П. (Москва)</i> Палеография, лингвистика и текстология при атрибуции (время создания и авторство) рукописи на французском языке первой трети XIX в. (по архивным источникам РГАДА)	322
<i>Петров Д.А. (Москва)</i> Гипотетическое истолкование изображений льва и виверны на каменном гербе 1490 г. на фасаде Боровицкой башни	324
<i>Петрова М.С. (Москва)</i> История развития Quellenforschung (теории источников) в зарубежной историографии конца XIX–XX вв. в ракурсе изучения текстов позднеримских энциклопедистов	327
<i>Пешихонов С.А. (Москва)</i> Монархическая топонимия в Арктике и Антарктике	329
<i>Полонский Д.Г. (Москва)</i> Титулатура сербского патриарха и проблема датировки рукописных архиерейских служебников начала XVIII в.	332
<i>Пономарева И.Г. (Москва)</i> Великокняжеский дьяк Василий Иванович Беда	335
<i>Просвилов Г.В. (Москва)</i> Работы Ж.Г. Бройера по изготовлению штемпелей для чеканки монет и медалей в 1699–1704 гг.	337
<i>Пушков В.П. (Москва)</i> Торговая отчетность Московского печатного двора о книжных покупках столичных стрельцов в 1662–1664 гг.	340
<i>Рамазанова Д.Н. (Москва)</i> Палеографические интересы в научно-педагогической деятельности Елены Ивановны Каменцевой	342
<i>Романова А.А. (Санкт-Петербург)</i> «Предисловие пасхалии» новгородского архиепископа Геннадия и компиляции на его основе	346
<i>Русина Е.В. (Киев)</i> К атрибуции Волынской краткой летописи ...	348
<i>Свиридонова А.И. (Москва)</i> Материалы фонда РГАДА 1475 «Канцелярия архиепископа Московского и Всея Руси» как источники по изучению печатей приходского духовенства Древлеправославной (Старообрядческой) Церкви Христовой начала XX века	350

<i>Севастьянова А.А. (Рязань)</i> «Ландкарты» первой половины XVIII в. в истории первых государствоведческих описаний России	353
<i>Сень Д.В. (Ростов-на-Дону)</i> Кубанский султан Бахты-Гирей: историческое пространство индивидуальной биографии и его реконструкция	355
<i>Сергеев А.В. (Санкт-Петербург)</i> Княжеская аристократия Московского государства во второй трети XVI века: князья Оболенские	358
<i>Серебрякова Е.И. (Москва)</i> К вопросу о происхождении рукописи XVI в. Слов постнических Исаака Сирина (ГИМ. Увар. 611): кодикологические наблюдения	361
<i>Симонов Р.А. (Москва)</i> Хронологико-математический «бум» на Руси XI–XII вв.	363
<i>Симонова Е.С. (Санкт-Петербург)</i> К исследованию традиции закрепления имен за книгами в Кирилло-Белозерском монастыре	367
<i>Синчук И.И. (Минск)</i> Линия в Российской империи	369
<i>Скворцова Е.А. (Санкт-Петербург)</i> «Портрет великих князей Александра Павловича и Константина Павловича» Р. Бромптона (1781): символика и европейские аналоги	372
<i>Смирнова М.А. (Санкт-Петербург)</i> Биография купца Василия Алексеевича Попова в рукописном сборнике его сочинений	374
<i>Солодкин Я.Г. (Нижневартовск)</i> К истории создания одной из ранних редакций Соловецкого летописца: решена ли задача атрибуции?	377
<i>Спичак А.В. (Нижневартовск)</i> К оценке дел Тобольской духовной консистории, инициированных прошениями женщин о защите их от насилия со стороны мужчин (конец XVIII – начало XIX вв.)	379
<i>Степанова Ю.В. (Москва), Фролов А.А. (Москва), Гаврилов П.В. (Тверь), Савинова А.И. (Тверь), Кутаков С.С. (Москва)</i> Погосты Тверской половины Бежецкой пятины по данным писцовой книги 1545 г.	382
<i>Суриков И.Е. (Москва)</i> К вопросу о происхождении фрагмента древнеперсидской надписи, найденного в Фанагории	384
<i>Таценко С.Н. (Москва)</i> Портрет германского императора на монетах Василия II?	387

<i>Таценко Т.Н. (Санкт-Петербург)</i> Формуляр и употребительные языковые обороты служебных распоряжений Габсбургов в XVI в. (по материалам Научно-исторического архива Санкт-Петербургского Института истории РАН)	390
<i>Тихонов В.В. (Москва)</i> Переписка М.Н. Тихомирова и А.П. Пронштейна (1948–1965 гг.)	392
<i>Травин И.Д. (Санкт-Петербург)</i> Три дожеских поручения XV в. в собраниях Санкт-Петербурга: кодикологическое описание	395
<i>Трегубов Н.Л. (Тула)</i> Эмблема «молот и наковальня» в тульской символике 1960–1980-х гг. по данным нумизматики и фалеристики	397
<i>Усачев А.С. (Москва)</i> Заказчик списка Пандектов Никона Черногорца 1542 г. и особенности епархиального управления Русской Церковью	399
<i>Устинова И.А. (Москва)</i> Текстологические изменения в архиерейских настольных грамотах конца XVII века	402
<i>Уханова Е.В., Андреев А.В., Жижин М.Н. (Москва)</i> Новые естественнонаучные методы в визуализации утрат средневековых рукописей: миниатюры Хлудовской Псалтири середины IX в. (ГИМ. Хлуд. 129д)	404
<i>Ушанков Е.М. (Москва)</i> Средневековые клады западноевропейских монет в собрании Отдела нумизматики ГИМ. К вопросу о реконструкции и источниках поступления	407
<i>Фадеев А.А. (Москва)</i> К вопросу об истории Судных приказов в царствование Фёдора Алексеевича	410
<i>Фельдман Д.З. (Москва)</i> Архивные источники информации о местах проживания евреев в Санкт-Петербурге на рубеже XVIII–XIX вв.	412
<i>Филимонов С.Б. (Симферополь)</i> Археографическая деятельность краеведческих организаций России в 1917–1929 гг.	415
<i>Фоменко В.Г. (Тирасполь)</i> Обоснование целесообразности создания Историко-этнографического атласа Приднестровья	417
<i>Фонкич Б.Л. (Москва)</i> Иерусалимский кодекс «Илиады»: к палеографической оценке синайского фрагмента	419
<i>Хотимский Д.А. (Волтем, Массачусетс)</i> К этимологии Лобного места в Москве	422

Худин К.С. (Москва) Сравнительный анализ передачи текста в публикациях документов Аптекарского приказа: о важности обращения к подлиннику	425
Чекрыжова О.И., Брюханова Е.А. (Барнаул) Идентификация объектов городской застройки: учреждений и жилых домов на исторических и современных картах	427
Чекунина Н.В. (Тверь) Преосвященный Арсений (Верещагин) – «Ордена Святого Александра Невского кавалер»: к вопросу о личной символике высшего духовенства в России в конце XVIII в.	429
Черкасова М.С. (Вологда) «Пуз» и «пузо» в метрической системе русского севера XVI–XVII вв.	432
Черных А.П. (Москва) Несостоявшееся геральдическое законодательство 1760 года	434
Чумакова Т.В. (Санкт-Петербург) Источники изучения вопроса об автокефалии в отечественной мысли XIX – начала XX вв.	437
Шадунц Е.К. (Переславль-Залесский) Вензеля Высочайших особ в церковных интерьерах Переславля-Залесского	439
Шалак М.Е. (Ростов-на-Дону) Список татарских городов в османской хронике XVII в.	441
Шамин С.М. (Москва) Маркелл, архиепископ Суздальский и Юрьевский, митрополит Псковский и Изборский, митрополит казанский Казанский и Свяжский: к вопросу о ранних страницах биографии	444
Шамина И.Н., Шамин С.М. (Москва) Печатные книги в библиотеке тульского Иоанно-Предтеченского монастыря в 1701 г.: к вопросу о вытеснении из обихода рукописных книг	446
Шахнович М.М. (Санкт-Петербург) Дневники И.А. Боричевского (1892–1941) как исторический источник	449
Шебалдина Г.В. (Москва) География плена Северной войны: социальные, экономические и культурные аспекты	451
Шиканова И.С. (Москва) Платежные средства для коммерческих банков 1917 г.	454
Шокарев С.Ю. (Москва) Стремился ли Иван Грозный лишить своих жертв христианского погребения и спасения души?	457
Щеглов А.Д. (Москва) «Шведская хроника» Олауса Петри: рукописи в Российской национальной библиотеке	459

<i>Щеголева Л.И. (Москва)</i> Из истории коллекций греческих рукописей в России в XIX в.: Архиепископ Никандр Молчанов	462
<i>Щекотилов В.Г., Щекотилова С.Н., Шалаева М.В. (Тверь)</i> Использование ГИС и геокодируемых данных из архивных документов при установлении места гибели и захоронения пропавших без вести воинов	464
<i>Юрганов А.Л. (Москва)</i> Журнал «Крокодил» и политическая борьба в партии большевиков (1925–1927 гг.)	467
<i>Яковлев В.О. (Санкт-Петербург)</i> Русские географические чертежи XVII в. в собраниях Санкт-Петербурга	469
Тематический указатель	475
Содержание	481

Научное издание

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ**

Материалы
XXXIII Международной научной конференции
Москва, 2020

Отв. редакторы:
И.Г. Коновалова
Е.В. Пчелов

Оригинал-макет
Е.В. Казбекова

Подписано к печати 28.02.2020

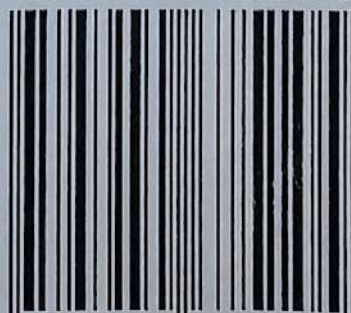
Формат 60x84^{1/16}

Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 30 Тираж 500 экз.

Тип зак. № 173

ИВИ РАН, Ленинский пр-т, 32а

ISBN 978-5-94067-510-5

9 785940 675105